

**БИБЛИОТЕКА
«ЛЮБИТЕЛЯМ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ»**

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

**П. Е.
ЩЕГОЛЕВ**

**ПЕРВЕНЦЫ
РУССКОЙ
СВОБОДЫ**

Москва
«Современник»
1987

Общественная редколлегия:

доктор филол. наук *Ф. Ф. Кузнецов*,
доктор филол. наук *Н. Н. Скотов*,
доктор ист. наук *А. Ф. Смирнов*,
доктор филол. наук *Г. М. Фридендер*.

Составление, вступительная статья
и комментарии *Ю. Н. Емельянова*

Рецензенты *В. И. Коровин*, *А. Ф. Смирнов*

Щеголев П. Е.

Щ34 Первенцы русской свободы/Вступит. статья и коммент. Ю. Н. Емельянова.— М.: Современник, 1987.— 494 с., портр.— (Б-ка «Любителям российской словесности. Из литературного наследия»).

Произведения П. Е. Щеголева, известного историка, литературоведа-пушкиниста, давно стали библиографической редкостью: последнее издание основного труда П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина» относится к 1936 году. В сборнике, предлагаемом широкой читательской аудитории, помещены лучшие образцы его богатого творческого наследия.

Щ 4603010000—183
М106(03)—87 296—87

83.3Р1

П. Е. ЩЕГОЛЕВ — ИСТОРИК И ЛИТЕРАТУРОВЕД

Павел Елисеевич Щеголев занимает достойное место в ряду выдающихся отечественных литературоведов-пушкинистов, историков-декабристоведов, историков русского освободительного движения. Ему принадлежит честь новаторского толкования ряда фактов биографии и творчества великого русского поэта, его декабристские интересы отмечены широким диапазоном. Велики заслуги П. Е. Щеголева в собирании и введении в научный оборот документального материала, в его тонком толковании. Им было сделано чрезвычайно много для изучения движения декабристов в целом и высказаны при этом в высшей степени важные выводы и наблюдения. Именно ему, еще в период первой русской революции 1905—1907 годов, принадлежит заслуга в постановке и разрешении таких актуальных проблем, как «А. С. Пушкин и декабристы», «А. С. Грибоедов и декабристы». Щеголевым по существу впервые была сформулирована грандиозная исследовательская проблема: «Русская литература и освободительное движение в России конца XVIII — начала XX вв.» и начата плодотворная ее разработка. Его мысль, высказанная им еще в 1904 г. о необходимости изучать биографии писателей и общественных деятелей, ибо в них «разыгрывается яркая картина *общественных условий* (подчеркнуто мною.— Ю. Е.), в которых живет русская литература»¹, получила свое блестящее выражение. Эта тема рассматривается автором во взаимодействии, в развитии, под углом зрения выяснения их значимости в судьбах народных, в исследовании места и роли их в истории страны и, следовательно, в развитии всей нашей духовной культуры. Щеголев обладал всеми данными как исследователь — в его лице удачно сочетались талантливый мастер художественного слова и пытливый историк. Собранные им воедино исследовательские статьи, по сути дела, представляют разносторонний труд о декабристах, а его пушкиноведческие изыскания, тесно связанные с декабристской тематикой, дают

¹ См. его рец. на «Био-библиографический словарь русских писателей и ученых» С. А. Венгерова (СПб., 1897—1904, т. 1—4). — Мир божий, 1904, № 10, с. 1022—1024.

чрезвычайно много ценного об отдельных сторонах движения, и особенно о ранних его этапах.

Щеголев принадлежал к числу тех деятелей национальной культуры переломного этапа, которые, начав свой творческий путь задолго до Великой Октябрьской социалистической революции, успешно продолжали его в условиях советской действительности. Проблемы создания социалистической культуры и образования, формирования социалистической интеллигенции, перехода старых буржуазных специалистов на марксистские позиции — проблемы, которым В. И. Ленин придавал столь важное значение в первые годы Советской власти, нашли свое полное и яркое воплощение в творческой деятельности многих представителей этой эпохи, в том числе и П. Е. Щеголева.

Литературное наследие Щеголева, известного историка русского революционного движения, историка русской культуры и литературы, пушкиниста, издателя и публициста, чрезвычайно велико. Лишь простое цифровое исчисление библиографии работ Щеголева содержит более 600 наименований: в их числе монографии и статьи, рецензии, редактирование ряда ценных научных публикаций, пьесы, киносценарии и даже одно оперное либретто. Все это является свидетельством чрезвычайно широкой амплитуды творческих интересов П. Е. Щеголева. Велика его известность и как одного из редакторов и издателей первых в России легальных журналов, посвященных истории революционного движения: «Былое» (1906—1907, 1917—1926) и «Минувшие годы» (1908).

Павел Елисеевич Щеголев родился 5(17) апреля 1877 года в селе Верхняя Катуровка Воронежской губернии (того же уезда) в семье государственных крестьян. Его дед, кантонист, отбывал военную службу в военных поселениях на Кавказе. Отец, Елисей Никифорович Щеголев, будучи солдатским сыном, со дня рождения был зачислен в военное ведомство, учился в школе солдатских детей, позже служил полковым писарем. После выхода закона 1856 года, освобождавшего солдатских детей от военной службы, был снова приписан к крестьянскому сословию и в 1862 году вместе с семьей вернулся на родину в Воронежскую губернию, где и начал работать при мировом посреднике. Мать — Щеголева Параскева Филимоновна.

Когда семья переехала в Воронеж, мальчику шел седьмой год. Несмотря на то что семья жила бедно, отец, «знавший цену просвещения на медные деньги», в 1886 году отдал сына в приготовительный класс Воронежской классической гимназии. Но уже в 1887 году тот едва не был исключен из гимназии, согласно циркуляру министра народного просвещения Д. А. Толстого, запрещавшему принимать в гимназию детей низших классов. Данный циркуляр явился ответным шагом царского правительства на недавнее покушение на Александра III в 1887 году. Щеголева, как отличника, пощадили и оставили в гимназии. Позднее он вспоминал: «Я оставался единственным крестьянским сыном в своем классе за весь гимназический период».

Еще с детских лет Щеголев пристрастился к чтению, и особенно русской классической литературы — В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого — «читал,— по его признанию,— запойно, целиком, полные собрания». В это время Щеголев увлекается и театром, результатом чего явился его первый литературный опыт — рецензия о театральном сезоне в Воронеже, напечатанная в 1893 году в журнале «Артист».

К гимназическим годам относятся и первые встречи Щеголева с так называемой «поднадзорной средой и революционными кружками», и в частности с В. П. Акимовым-Махновцем, деятелем социал-демократического движения, в то время немало поработавшим среди воронежских рабочих, впоследствии выступившим лидером «экономистов».

Не избежал он в эти годы и влияния толстовства. Встреча с Л. Н. Толстым в 1894 году в семье Г. А. Русанова, где он был репетитором его сына, произвела на гимназиста Щеголева, по его собственным словам, «поражающее впечатление, обеспечившее еще на несколько лет простор влияния толстовства». О двух встречах с великим русским писателем Щеголев расскажет позже в своих кратких, но очень интересных воспоминаниях, уточнив при этом и дату первого знакомства — 1 апреля 1894 года¹.

В 1895 году Щеголев заканчивает гимназию с серебряной медалью, которая предоставляла ему право на поступление в высшее учебное заведение. Он поступает на санскрито-персидско-армянский разряд факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Факультет в это время располагал великолепными научными кадрами, в числе которых были С. Ф. Ольденбург, Н. Я. Марр, К. Г. Залеман, но, как отмечал впоследствии Щеголев, «ни ориенталиста, ни языковеда из меня не вышло». Любовь к литературе привела к параллельным занятиям на историко-филологическом факультете. На лекциях А. Н. Веселовского по поэтике и истории сюжетов, на семинарах И. Н. Жданова он начал постигать филологические приемы и уже со второго курса стал работать по сравнительной истории апокрифа. Итогом этой работы явилось исследование об Афродитиане Персианине, за которое автор был удостоен золотой медали. Большое влияние на формирование научных интересов Щеголева оказывали в это время академики А. А. Шахматов и А. Н. Пыпин².

К этому времени имя Щеголева было уже достаточно известным в научных кругах как автора большого числа рецензий по самым разнообразным вопросам, появлявшихся главным образом на страницах журнала «Исторический вестник». Он много читает, изучает марксистскую литературу. Об этом, в частности, говорит следующий факт. Рецензируя вышедший «Энциклопедический словарь» Ф. Ф. Павленкова (СПб., 1899) и говоря о

¹ См.: Щеголев П. Е. Встречи с Толстым. — Новый мир, 1928, № 9, с. 207—213.

² Так, напр., А. А. Шахматов рекомендовал А. Н. Веселовскому занять Щеголева комментированием сатир М. Е. Салтыкова-Щедрина. Об этом см.: Изв. АН СССР, отд. лит. и яз., 1974, № 2, с. 104.

его достоинствах и недостатках, Щеголев отмечал в последнем случае субъективный характер не только подбора лексического материала, но и его толкования. В первом случае он имеет в виду явную неполноту списка биографий, высказывает недоумение, почему отсутствует то или иное лицо. «Так, благодаря благосклонному вниманию гг. сотрудников и «субъективизму» редактора, в словарь попали гг. экономисты Исаев и Сазонов и отсутствуют гг. Туган-Барановский и Ильин»¹ (то есть В. И. Ленин). Этот факт свидетельствует о том, что Щеголев был знаком с такими работами В. И. Ленина, как «Экономические этюды» (1898), «Развитие капитализма в России» (1899) и др.

Увлеченность и работоспособность Щеголева были замечены, и предполагалось оставить его при университете. Однако дальнейшая учеба была прервана. Общественные события 90-х годов XIX века захватили Щеголева, и он полностью отдается революционной деятельности. В стране нарастал революционный подъем, знаменовавший начало нового этапа борьбы — пролетарского и приближение буржуазно-демократической революции. В 1899 году Щеголев принимает участие в организации крупнейшего студенческого выступления. Ко времени этих событий относится и вторая встреча Щеголева с Л. Н. Толстым. Депутация студентов университета, во главе с П. Е. Щеголевым, явилась к писателю с целью разъяснить смысл требований студенчества и заручиться поддержкой широкой общественности. Толстой выслушал их со вниманием и большой заинтересованностью и обещал свою помощь.

За организацию и участие в забастовке Щеголев был исключен из университета и 13 марта арестован. Отбыв двухмесячное заключение, он был «освобожден и оставлен в Петербурге впредь до разрешения студенческого дела в административном порядке».

Но не успело закончиться это дело, как началось новое. Летом и осенью 1899 года Щеголев принимает участие в агитации и организации кружка рабочих Путиловского завода. Кружок, в который входит Щеголев, вел свое происхождение от «Группы рабочих для борьбы с капиталом» В. Гутовского (Маевского). Пропагандистская деятельность кружка была раскрыта, и вскоре Щеголев вновь был арестован и привлечен к жандармскому дознанию. Восьмимесячное заключение в Доме предварительного заключения сменилось на этот раз высылкой в Полтаву «впредь до решения дела».

В Полтаве Щеголев пробыл два года (1900—1901) и вновь оказался в гуще революционных событий. В этом городе была сформирована группа содействия «Искре», к деятельности которой с самого начала и примкнул Щеголев, что также не прошло мимо внимания царской охранки и сказалось при разрешении дела Щеголева по истечении срока высылки в Полтаву. Так, приговор по студенческому делу (два года полицейского надзора) был погашен приговором по рабочему вопросу (три года ссылки в

¹ Исторический вестник, 1899, № 9, с. 994. Подп.: *Пещ.*

Вологодскую губернию). Но как только Щеголев был доставлен в Вологду, он тут же был привлечен Полтавским жандармским управлением к третьему дознанию за распространение «Искры» и «Южного рабочего», за что и был препровожден в местный вологодский острог, где просидел с 23 апреля по 5 августа 1902 года.

Находясь в Полтаве, Щеголев получил возможность познакомиться с семейным архивом Н. В. Гоголя, итогом чего явился ряд публикаций и большое число рецензий на издания сочинений писателя.

В Вологде Щеголев пробыл до 1903 года. По его собственному свидетельству, «вологодская ссылка в эти годы представляла любопытнейший и красочный конгломерат». Здесь находились А. А. Богданов, которому принадлежал одобренный В. И. Лениным «Краткий курс экономической науки», философ Н. А. Бердяев, Борис Савинков, «артист авантюры» — по определению Луначарского, и сам А. В. Луначарский. Состав довольно пестрый: здесь и социал-демократическая интеллигенция, и эсеры-террористы, и кадетствующие либералы, и ученые-историки, и философы-писатели с явным уклоном в сторону декадентства и т. п. Ожесточенные дискуссии не мешали ссыльным сохранять добрососедские отношения и поддерживать друг друга в трудные минуты. По свидетельству другого ссыльного, писателя А. М. Ремизова, они не чувствовали себя оторванными от общественной и культурной жизни страны. «Все книги, выходявшие в России, в первую голову посылались в Вологду, и не в книжный магазин Тарутина, а к тому же Щеголеву. И было известно все, что творится на белом свете: из Арзамаса писал Горький, из Полтавы Короленко, из Петербурга Д. В. Философов, он высылал «Мир искусства», А. А. Шахматов, Д. Е. Жуковский и из Москвы — В. Я. Брюсов, Ю. К. Балтрушайтис и Леонид Андреев. Между Парижем, Цюрихом, Женевой и Вологдой был годлинно «прямой провод»¹. Бесспорно, подобная обстановка не могла не повлиять на окончательное оформление демократической позиции П. Е. Щеголева, расширение его кругозора.

В Вологде Щеголев женился на актрисе местного драматического театра Валентине Андреевне Богуславской. Щеголева не была лишена литературного таланта, о чем свидетельствуют ее неопубликованные воспоминания «Год страданий и бедствий», написанные в 1916 году, в которых она сообщила ценные факты из жизни и деятельности ее мужа и описала быт петербургской художественной интеллигенции предреволюционных лет. А. А. Блок посвятил ей три стихотворения. Скончалась она, как и П. Е. Щеголев, в 1931 году.

Весной 1903 года Щеголев получил разрешение вернуться в столицу для сдачи университетских экзаменов и после успешной их сдачи был «признан имеющим право на диплом первой степени». Но «академической карьере» не суждено было осуществиться, «былое» абитуриента препятствовало этому. И. А. Шляпкин, профессор кафедры русской литературы,

¹ Ремизов А. М. Избранное. М., 1978, с. 12.

не решился предложить Щеголеву остаться при университете, для него он оставался «миросозерцательным супротивником». Несмотря на это, в октябре 1903 года Щеголев избирается членом Общества любителей российской словесности и, как вспоминал позже В. А. Гиляровский, «всеми... что бывало редко»¹.

Необходимо было заботиться о заработке. В 1903—1904 годах Щеголев сотрудничает в журнале «Исторический вестник», в котором наряду с выполнением хлопотных обязанностей заместителя редактора (редактором журнала со дня его основания (1880) бессменно был С. Н. Шубинский) он поместил большое число рецензий и публикаций. С 1905 года Щеголев начинает работать в радикальной газете Л. Ходского «Наша жизнь» (позже «Товарищ»).

Первую русскую революцию 1905—1907 годов П. Е. Щеголев встретил с открытым сердцем. Он был потрясен кровавыми сценами 9 января, когда вместе с товарищем, известным историком Н. П. Павловым-Сильванским, видел и «кавалерийские атаки, и стрельбу залпами», и как «потянулись окровавленные люди»². Он находится в гуще событий. Революция, по его собственному признанию, отвечала его идейным устремлениям и заставила пересмотреть многое в собственных взглядах³. С революцией были связаны и его определившиеся научные интересы, лежащие в сфере проблем русского освободительного движения. Революционные события пробудили русское общество, усилили интерес к революционной истории, что объяснялось естественной необходимостью осмысления происходящих событий. В. И. Ленин писал: «Миллионы дешевых изданий на политические темы читались народом, массой, толпой, «низами» так жадно, как никогда еще дотоле не читали в России»⁴.

Революция, открыв архивохранилища, сделала легальными имена русских революционеров: декабристов, «шестидесятников» и героев «Народной Воли».

Революция расширила творческий диапазон исследовательских интересов П. Е. Щеголева. Еще в предреволюционные годы он обращается к декабристской тематике, опубликовав в энциклопедическом словаре Брокгауз — Ефрон очерк о декабристе Владимире Федосеевиче Раевском. Эта работа вскоре переросла в исследование о «первом декабристе»⁵. Книга была встречена благожелательной прессой. В данном случае интересно сослаться на свидетельство Д. П. Маковицкого, который отмечал, что Л. Н. Тол-

¹ ИМЛИ, ф. 28, оп. 3, д. 124, л. 1. См. также свидетельство В. В. Калаша (ИРЛИ, ф. 627, оп. 4, д. 918, л. 1).

² Щеголев П. Е. Памяти Н. П. Павлова-Сильванского. — Минувшие годы, 1908, № 10, с. 311.

³ Там же, с. 316.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 83.

⁵ В 1903 г. работа была опубликована в журнале «Вестник Европы» (№ 6), а затем отдельно, двумя изданиями. См.: Щеголев П. Е. Первый декабрист Владимир Раевский. Из истории общественных движений в России в первой четверти XIX века. Спб., 1905; 2-е изд. — Спб., 1906.

стой с большим интересом читал эту книгу, «хвалил ее» и относил к числу «хороших книг»¹.

1905 год явился определяющей вехой в творческих изысканиях Щеголева. Борьба за демократические свободы, конституцию определила актуальность в постановке этих проблем в творчестве исследователя. Интерес Щеголева к изучению республиканских традиций в движении декабристов объясняет и дальнейшую перспективу его научных интересов. С этим связано появление работ Щеголева о П. Г. Каховском, С. И. Муравье-Апостоле, Ф. П. Шаховском, А. О. Корниловиче и других, а также многочисленные публикации о движении в целом.

Читательский интерес вызвала и его книга об А. С. Грибоедове, в которой впервые была сформулирована идея исследователя о несомненной принадлежности поэта к движению декабристов².

Большой общественный резонанс получил сборник материалов, посвященный декабристам, — «Общественные движения в России в первую половину XIX века» (Спб., 1905), — подготовленный В. И. Семецким, В. Я. Богучарским и П. Е. Щеголевым, куда вошли материалы о М. А. Фонвизине, Е. П. Оболенском и В. И. Штейнгеле. Изданием был введен в научный оборот совершенно новый материал, обогативший историческую науку и расширивший представление как о личной жизни декабристов, так и о деятельности тайных обществ.

Успех этого издания поставил на повестку дня необходимость создания «Истории декабристов» в очерках и монографиях. Щеголев, совместно с Н. П. Павловым-Сильванским, разрабатывает план трехтомного издания. С этой целью ими была проделана большая и кропотливая работа по выявлению всего имеющегося в их обозрении архивного материала. Предполагалось дать в приложениях материалы к истории движения как «Русскую Правду» П. И. Пестеля, «Государственный Завет», «Революционный Катехизис», а также некоторые показания и письма из подлинного следственного дела. К работе привлекались крупнейшие исследовательские силы того времени: В. Я. Богучарский, М. М. Ковалевский, Н. А. Котляревский, В. А. Мякотин, Н. П. Павлов-Сильванский, В. И. Семецкий, Е. В. Тарле, В. Е. Якушкин и др. Издание предполагалось осуществить в 1907—1908 годах, но возникшие осложнения с издательством Сытина, осуществлявшим это предприятие, а затем и последующая высылка Щеголева из Петербурга заставили отложить издание на неопределенное время, которое, к сожалению, так и осталось неосуществленным. Бесспорно, что не только эти

¹ «У Толстого». Яснополянские записки Д. П. Маковицкого. — Литературное наследство. М., 1979, т. 90, кн. 2. 1906—1907, с. 86; кн. 3. 1908—1909 (январь — июнь), с. 111. В Яснополянской библиотеке хранились два экземпляра этой книги. — Там же, кн. 2, с. 612; кн. 3, с. 471.

² Впервые работа была опубликована в 1904 г. в журнале «Литературный вестник» (т. VII, кн. 2). Отдельное издание см.: Щеголев П. Е. А. С. Грибоедов и декабристы. (По архивным материалам.) С приложением факсимиле дела о Грибоедове, хранящегося в Государственном Архиве. Спб., 1905.

причины явились определяющими в неуспехе этого грандиозного замысла. По-прежнему основные архивные фонды были все еще недоступны, а если к ним и прорывались исследователи, нужно было много времени для их изучения и осмысления. Идея издания полной истории декабристов свидетельствует о том, что в эти революционные годы историческая наука и передовая русская общественность испытывали настоятельную необходимость в подобном труде, хотели располагать полной, обобщенной историей движения декабристов. Щеголев и откликнулся на эту общественную потребность, но, как видим, одного желания было мало. Тем не менее на повестку дня эта проблема была поставлена.

Работа в архиве дала Щеголеву возможность в 1906 году опубликовать уникальный памятник движения декабристов — «Русскую Правду» П. И. Пестеля, которая находилась до этого под строжайшим запретом. В этом же году Щеголев совместно с Павловым-Сильванским опубликовал не менее знаменитую книгу, которая с 1789 года была под запретом, — «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.

Особое место в творчестве Щеголева занимает пушкинская тема, но она не является самодовлеющей. Впервые поставив эту проблему, исследователь раскрывает ее новаторски, утверждая, что без определения в движении декабристов роли Пушкина невозможно понять некоторые моменты в самой истории декабристов. Уже первые работы Щеголева на эту тему заставили по-новому взглянуть на, казалось бы, давно решенные вопросы.

Этой темы не мог касаться первый биограф А. С. Пушкина П. В. Анненков в изданных в начале 1855 года (то есть незадолго до смерти Николая I) «Материалах для биографии А. С. Пушкина», которые и составили первый том издания сочинений поэта. Но и в вышедшей в 1874 году, в целом блестящей работе того же автора «Пушкин в Александровскую эпоху», эта тема не получила своего достойного воплощения. Усиливавшийся политический консерватизм Анненкова в 70—80-е годы позволил ему объяснять декабристские связи и симпатии Пушкина как проявление в 20-е годы не столько стойких политических убеждений, сколько стремления выделиться из общей массы сверстников и тем самым заявить о себе¹.

Русское пушкиноведение конца XIX — начала XX вв. находилось в том состоянии, когда, занимаясь преимущественно собиранием и осмыслением новых материалов, еще не ставило перед собой задач обращения к кардинальным вопросам биографии или наследия поэта. Щеголев, выступавший со своими первыми пушкиноведческими работами, являлся, по существу, первооткрывателем новых исследовательских пластов, почувствовал необходимость обращения к Пушкину с новых позиций. Пушкинове́д, блестяще владеющий специальным материалом, соединился в его

¹ См.: Фридлиндер Г. М. Первая биография Пушкина. — В кн.: Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984, с. 26.

лице с историком революционного движения, что, в свою очередь, и определило творческий поиск историка в направлении наиболее острых политических тем биографии Пушкина — «поэт и тайные общества», «Пушкин и верховная власть». Тончайшая интуиция исследователя, историка и литературоведа, позволила Щеголеву высказать в это время весьма существенные выводы и сделать наблюдения, определив тем самым перспективу дальнейших научных поисков.

Начало было положено в исследовании, посвященном «первому декабристу» Владимиру Раевскому. Здесь Щеголевым впервые обоснованно вводится в научный оборот проблема взаимоотношения поэта с декабристами в период его южной ссылки, проблема идейной близости поэта и первых русских революционеров. В русской дореволюционной литературе нет поэта, который был бы более органично и неразрывно связан с историей освободительного движения в стране, чем Пушкин. Пушкин, по мнению исследователя, не был посвящен Раевским и его друзьями в дела тайного общества, но от него, жившего в Кишиневе в атмосфере политических разговоров, «не могло укрыться то идеалистическое возбуждение», которое и «привело Раевского к вступлению в тайное общество»¹. Пушкина тянуло к этим людям, и он, несомненно, догадывался о том, что его друзья принадлежат к тайному обществу. Анализируя степень влияния Раевского на Пушкина, Щеголев тонко подметил, что поэт по многим вопросам не соглашался со своим другом. Так, попытки Раевского «побудить Пушкина ввести русское содержание в поэзию» (понимая это в несколько узком смысле слова) встретили сопротивление поэта, ибо «в этой области Пушкин был мастером, понимавшим самобытное в литературе бесконечно глубже и проникновеннее»².

Велика роль Пушкина в судьбе Раевского, которого он предупредил 5 февраля 1822 года о готовящемся аресте, что дало последнему возможность уничтожить компрометирующие его документы, и особенно те, которые, попав в руки следственной комиссии, привели бы к раскрытию заговора, зреющего на юге. Был предотвращен разгром не только Кишиневской и Тульчинской управ, но и всей организации декабристов.

Существенные наблюдения были сделаны Щеголевым и в работе «Зеленая лампа», исследующей ранний этап творческой и общественной деятельности А. С. Пушкина³. Тонкий анализ, проведенный исследователем, позволил ему вполне обоснованно отвергнуть пущенную в свое время Бартевым и Анненковым версию об «оргастическом» и «эпикурейском» направлении данного кружка. Анализируя творчество Пушкина периода

¹ Щеголев П. Е. Декабристы. М.—Л., 1926, с. 34.

² Щеголев П. Е. Первый декабрист Владимир Раевский. Спб., 1905, с. 62.

³ Щеголев П. Е. «Зеленая лампа». — В кн.: Пушкин и его современники. Спб., 1908, вып. VII, с. 19—50; *перепеч.*: Щеголев П. Е. Пушкин. Очерки. Спб., 1912, с. 1—34 (цитируется нами по данному изданию).

1818—1820 годов, Щеголев приходит к выводу, что произведения поэта данного момента «с совершенной достоверностью... открывают, что политический характер, по меньшей мере, был далеко не чужд общению членов кружка»¹. Приведя слова поэта о том, что «ум высокий можно скрыть безумной шалости под легким покрывалом», Щеголев вполне справедливо замечает, что «это-то легкое покрывало безумной шалости до сих пор не сдернуто с разумного и вольнолюбивого кружка»².

Вполне обоснованный вывод Щеголева о том, что «Зеленая лампа» была не только литературным кружком, но, прежде всего, обществом с явной политической окраской, «местом пропаганды их идей»³, был принят и развит последующими исследователями. Щеголев справедливо заметил, что «Зеленая лампа» являлась одним из тех «вольных обществ, создание которых было предусмотрено уставом Союза благоденствия, «Зеленой книгой». Позднейшие исследования помогли окончательно определить характер общества «Зеленая лампа» — оно было «побочной управой» Союза благоденствия»⁴. Щеголев был близок к этому выводу, когда писал, что «кружок как бы являлся отображением Союза благоденствия» и «неведомо для Пушкина, для большинства членов, Союз давал тон, сообщал окраску собраниям «Зеленой лампы». И, несмотря на то, что Пушкин не был членом Союза благоденствия, не принадлежал ни к одному тайному обществу, он испытал на себе организующее влияние тайного общества»⁵.

Этот вывод Щеголева важен сам по себе, а также для понимания периода 1818—1820 годов в истории жизни и творчества Пушкина. «Вопрос о «Зеленой лампе», — писал Щеголев, — особенно важен для биографии поэта. Он даже имеет кардинальное значение. То или иное решение вопроса дает угол зрения, под которым нужно смотреть на творчество Пушкина

¹ Щеголев П. Е. Пушкин, с. 3.

² Там же, с. 4. Убедительным свидетельством является послание поэта В. В. Энгельгардту (июль 1819 г.):

Приеду я
В начале мрачном октября:
С тобою пить мы будем снова,
Открытым сердцем говоря
Насчет глупца, вельможи злого,
Насчет холопа записного,
Насчет небесного царя,
А иногда насчет земного.

Признание более чем очевидное. Об этом говорят и следующие строки: «...надежды лампа зажжена» — прямое указание на цели вновь созданного общества.

³ Там же, с. 18.

⁴ См.: Модзалевский Б. Л. К истории «Зеленой лампы». В кн.: Декабристы и их время. М., 1928, т. 1, с. 11—61; Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955, т. 1, с. 240.

⁵ Щеголев П. Е. «Зеленая лампа», с. 20.

1818—1820 гг., на развитие его мировоззрения»¹. Заключение Щеголева о решающем влиянии на Пушкина деятельности тайного кружка явилось существенным вкладом в пушкиноведение и историю революционного движения начала XIX века.

Несомненный интерес представляет и небольшая заметка Щеголева о масонской ложе «Овидий» в Кишиневе, в которую входил и А. С. Пушкин². Об этом эпизоде мы знаем из письма поэта от 20-х чисел января 1826 года к В. А. Жуковскому, в котором он писал: «Я был масоном в Кишиневской ложе, т. е. в той, за которую уничтожили в России все ложи» (XIII, 257). Щеголев останавливается как будто бы на одном частном вопросе — о существовании в Кишиневе этой ложи. Сопоставляя разноречивые данные об этом (мнение А. С. Пушкина о наличии ложи, сомнения по этому поводу генерала П. И. Пущина, отрицание ее существования П. Д. Киселевым и И. Н. Инзовым), Щеголев пришел к выводу в правильности свидетельства А. С. Пушкина.

Есть и еще один момент в выводах Щеголева, который заслуживает самого пристального внимания. Пушкин, в упомянутом же письме к Жуковскому, сообщая о своем пребывании в этой ложе, перечисляет свои «вольнодумческие вины» и в этой связи считает, что «мудрено» требовать ему заслупничества Жуковского перед Александром I. Таким образом, поэт косвенно признает, что его пребывание в ложе и сам характер ложи «Овидий» не были уж такими безобидными. Щеголев, не имеющий на руках необходимых данных для того, чтобы раскрыть истинную роль ложи, высказывает тем не менее очень важное наблюдение — что же «в этой ложе казалось столь антиправительственным Пушкину?»³. Чутье исследователя позволило Щеголеву высказать предположение об определенной революционной направленности этой ложи. Вывод Щеголева был подтвержден исследованиями советских историков, установивших, что масонская ложа «Овидий» была связана с Кишиневской управой Союза благоденствия. Это был тот этап, когда Союз в своей деятельности нащупывал пути распространения своих идей, привлекая новых участников. В этой связи и находят такие мероприятия, как создание побочной управы «Зеленая лампа», завоевание Вольного общества любителей Российской словесности (отчасти с его «Журналом просвещения и благотворения»), а также Вольного общества по распространению ланкастерских училищ и масонских лож «Овидия» и «Избранного Михаила»⁴. Вывод Щеголева подтверждается и исследованиями, целью которых было установление состава участников этой ложи. Так, Семевским, в частности, было установлено, что В. Ф. Раевский также являлся членом ложи⁵, что еще бо-

¹ Щеголев П. Е. «Зеленая лампа», с. 3.

² Щеголев П. Е. К истории пушкинской масонской ложи. — Минувшие годы, 1908, № 5—6, с. 517—520.

³ Там же с. 520.

⁴ Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 1, с. 268.

⁵ Семевский В. И. Декабристы-масоны. — Минувшие годы, 1908, № 2, 3, 5—6.

лее усиливало позицию Щеголева в определении характера логи «Овидий».

С полной основательностью можно говорить о том, что в своих предположениях, будь то вопрос характера и роли «Зеленой лампы» или той же логи «Овидий», Щеголев существенно определил дальнейшее направление исследовательского поиска в этой области.

Пушкинская тема была развита Щеголевым и в его дальнейших работах, освещающих последующий этап жизни и творчества поэта, связанный с временем поражения декабристов и посвященных взаимоотношениям Пушкина с центральной властью. Щеголев делает верный вывод, что отношение императора Николая I к поэту было определено следствием по делу декабристов, ибо, несмотря на несомненный факт непричастности Пушкина к тайным обществам, имя поэта фигурировало первым в ряду тех, кто был повинен в распространении мятежного духа. И если в ходе следствия членам комиссии не удалось привлечь поэта, обвинив его в принадлежности к тайному обществу, то уж, конечно, они «составили себе определенное и прочное представление о политической неблагонадежности» и «зловредности политического таланта Пушкина», что сыграло «важную роль в развитии мятежнического настроения декабристов»¹. Этот момент политической биографии поэта отмечен и его современниками. Здесь уместно напомнить в высшей степени характерное свидетельство В. А. Жуковского, отмеченное им в письме к Пушкину от 12 апреля 1826 года, что «в бумагах каждого из действовавших (то есть декабристов. — Ю. Е.) находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством» (XIII, 257). Ценное наблюдение Щеголева усилило тем самым определяющее влияние свободолобивой поэзии Пушкина на формирование мировоззрения декабристов. Щеголев отмечает и понимание этой роли следственной комиссией и Николаем I, который «не мог не сознавать, что борьба с вредоносностью художественного слова Пушкина... не могла укладываться в рамки расправ следственной комиссии и требовала иных средств»². Николай I четко усвоил взгляд на Пушкина как на «честь и великое сокровище России» (по замечанию Жуковского и Карамзина), а отсюда и соответствующее отношение властей — «Пушкина нужно было поставить в такое положение, чтобы он сам искренне отказался писать против правительства»³.

В одной из своих более ранних рецензий Щеголев верно характеризует положение поэта как «историю рабства... — внешнего и внутреннего — в делах литературных и материальных». Щеголев пишет о «гнете», который давил поэта, ибо власти, инстинктивно боясь «скрытого в Пушкине оппозиционного настроения», установили с этой целью надзор над Пушкиным, чтобы не дать прорваться этому настроению. «Гнет был удушаю-

¹ Щеголев П. Е. Император Николай I и Пушкин в 1826 году. — Русская мысль, 1910, № 6, с. 8.

² Там же.

³ Там же, с. 12.

щий и унижительный, ибо не ограничивался только грубым полицейским надзором, но и унижал человеческое достоинство поэта, и раны, наносимые в этой войне, были не в пример острее и жгучее, чем все другие». Пушкину стоило неимоверных усилий обуздывать себя, но когда для этого не хватало никаких сил, гнет прорывался, и «поэт... получал выговоры»¹. Подобный взгляд на место Пушкина намного отличен от точки зрения официозного пушкиноведения, стремящегося доказать примирение поэта с императорской властью.

Правота позиции Щеголева подтверждается выводами исследования «Пушкин в политическом процессе 1826—1828 гг.»², связанного с выяснением обстоятельств написания и распространения элегии А. С. Пушкина «Андре Шенье».

В этой работе Щеголев показал, что читающая русская публика увидела в произведении поэта «фразы и слова, соответствующие современному положению», то есть «приурочила стихи к трагедии, разыгравшейся на Сенатской площади»³. В этой связи Щеголев приводит интересный факт: не пропущенный цензурой гимн свободы из этой элегии получил самое широкое распространение в рукописных списках, один из экземпляров которого был препровожден Бенкендорфу генерал-майором Скобелевым, ярким ненавистником Пушкина, под названием «На 14 декабря», с намеком на то, что революция еще зреет в стране. Пушкин, вызванный из Михайловского в Москву, сумел доказать, что инкриминируемые ему стихи никакого отношения к трагическим событиям на Сенатской площади не имеют, так как были написаны за полгода до восстания и в них шла речь о терроре якобинцев. Но тем не менее непосредственным итогом этой встречи царя и поэта явилось установление над Пушкиным контроля самого императора и вездесущего III Отделения.

К работе над этой темой Щеголев привлек большой фактический материал и, прежде всего, разнообразные документы различных стадий судопроизводства, что, бесспорно, способствовало уяснению дела. Большой заслугой историка явилось привлечение впервые подлинного производства дела, которое до Щеголева никто систематически не обследовал. Данное исследование представило поучительную картину своеобразного военного и гражданского «правосудия» николаевской эпохи и еще с большей четкостью охарактеризовало отношение властей и, прежде всего, Николая I к великому поэту.

К вопросу о взаимоотношениях поэта и самодержавной власти Щеголев возвращается не раз, справедливо полагая, что он «один из кардинальных в биографии» поэта, так как «то или иное его решение немало-

¹ См. рец. П. Е. Щеголева на кн.: Дела III Отделения с. е. и. в. канцелярии об Александре Сергеевиче Пушкине. Спб., издание И. Балашева, 1906. — Былое, 1906, № 2, с. 296.

² Щеголев П. Е. Пушкин в политическом процессе 1826—1828 гг. — В кн.: Пушкин и его современники. Спб., 1909, вып. XI, с. 1—51.

³ Там же, с. 3.

важно и для разрешения вопроса о политических взглядах» Пушкина¹. Приступая к разрешению этого в высшей степени важного вопроса, Щеголев правильно отмечал, что констатация его в прошлом определялась, прежде всего, общественными и политическими взглядами самих исследователей, а не анализом материала. Сейчас, пишет Щеголев, положение изменилось, и «мы стали свободными от всех «предрассуждений», которые висели над мыслью ученого и исследователя»².

Самый очевидный факт для исследователя заключался в том, что «легенду об исключительном отношении Николая к Пушкину можно теперь сдать в архив», ибо «убеждения Пушкина никогда не внушали Николаю полного доверия». Анализ творчества поэта, самого процесса развития взглядов Пушкина на царя и отношений к нему тесно связан в его творчестве с теоретическими представлениями о монархе и власти, с развитием пушкинского мировоззрения. Поэт не изменился в своем отношении к самодержавию, ведь иначе и быть не могло, ибо «в этом процессе мощной, меняющей силой была сама действительность, которая даже через самые розовые очки показывала себя в настоящем виде»³. Данный вывод историка был точен, ибо опирался на тщательный анализ наиболее достоверного источника — творчество великого русского поэта.

Подводя краткий итог, можно сказать, что Щеголев явился пионером в изучении этой важной исследовательской проблемы. Многие им было намечено, а затем и принято на вооружение последующим пушкиноведением и особенно советской исторической наукой, когда историки смогли ввести (да продолжают и сейчас вводить) в научный оборот большое количество ранее недоступных материалов. Заслугой Щеголева, по существу, являлось то, что эта проблема виделась ему намного шире, чем только «Пушкин и декабристы». Последующие работы исследователя дают основание считать, что данная тема вырисовывалась как «Пушкин и освободительное движение его времени». К сожалению, то, что в свое время было намечено, в силу ряда причин, не приведено до сих пор к оформлению целостной, исторически убедительной общей концепции, которая «равномерно и наиболее полным светом освещала бы различные аспекты этой, во всех отношениях весьма важной и вместе с тем очень сложной, проблемы»⁴.

Опубликованные исследования по этой теме составили зерно будущей книги Щеголева о Пушкине⁵, второе издание которой было удостоено

¹ Щеголев П. Е. Николай I в дневнике Пушкина (Из комментариев к дневнику Пушкина). — В кн.: Щеголев П. Е. Пушкин. Исследования, статьи и материалы. Т. 2. Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд., испр. и доп., М. — Л., 1931, с. 128.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Благой Д. Д. Проблемы построения научной биографии Пушкина. — Литературное наследство, т. 16—18, с. 231.

⁵ Щеголев П. Е. Пушкин: Очерки. Спб.: Шиповник, 1912.

Пушкинской премии Академии наук¹. На заседании Комитета по премиям 19 октября 1913 года под председательством академика А. А. Шахматова было рассмотрено 39 работ. Закрытая баллотировка принесла победу трудам П. Е. Щеголева и юриста П. Сергеевича (П. С. Пороховщикова). От Комитета рецензентом работы Щеголева выступил известный поэт и пушкинист В. Я. Брюсов, который в своем отзыве отмечал, что сочинение заслуживает премии «благодаря обилию новых материалов, впервые опубликованных в книге, длинному ряду поправок, внесенных автором в работы его предшественников и основанных на добросовестном изучении первоисточников и подлинных рукописей Пушкина, наконец, благодаря строго научному методу, который автор выставил как необходимое условие плодотворной работы и которого сам последовательно держался в лучших частях своего труда»².

Вскоре выходит и другая известная работа Щеголева, посвященная дуэли и смерти Пушкина³, явившаяся наиболее обстоятельным и цельным исследованием на эту тему, выводы которой стали отправными для всего последующего пушкиноведения. Щеголев был прав, утверждая, что Дантес был только кровавым эпилогом начавшейся драмы — конфликт поэта с петербургским высшим светом достиг своего апогея. Вот почему последовавшая трагедия 10 февраля 1837 года заставила более пристально взглянуть на события ее кануна, и в итоге то, что прежде не вызывало внимания или казалось не столь значительным, сейчас приобрело новый и необратимый смысл.

С этих позиций Щеголев и выстраивает свою концепцию. Его классической работой был по существу начат исторический анализ дуэльной истории. Собранный им колоссальный фактический материал дал возможность исследователю воссоздать яркую картину последних дней жизни Пушкина, продемонстрировать ряд четких и выразительных зарисовок-характеристик основных действующих лиц и осветить многие неясные обстоятельства истории дуэли. Материал, подвергнутый тонкому и умелому анализу, дает и сегодня все основания расценивать труд Щеголева непревзойденным, который раскрывает всю глубину трагедии поэта. Эрудиция и исключительно умелое владение методом воспроизведения прошлого позволили Щеголеву создать выдающийся труд, в котором обобщен и объективно научно освещен важный момент прошлого нашей национальной культуры.

В этой связи уместно отметить следующий момент. Изданное в 1928 году исследование Щеголева (переизданное М. А. Цявловским в 1936 году в серии «Жизнь замечательных людей» в совершенно при этом

¹ Щеголев П. Е. Пушкин: Очерки. Спб.: Прометей, 1913; 3-е изд., испр. и доп. М.—Л., 1931.

² Газ. «День», 1913, № 284, 20 окт.

³ Впервые в кн.: Пушкин и его современники, вып. XXV—XXVII. Пг., 1916; 2-е изд.—Пг., 1917; 3-е изд., испр. и доп. М.—Л., 1928.

неоправданно сокращенном варианте) и с тех пор не переиздававшееся, давно стало библиографической редкостью. А интерес к этой проблеме нарастает с каждым годом, появляются новые данные (которые не могли быть известны Щеголеву), позволяющие уточнить или подтвердить, но отнюдь не опровергнуть высказанных в свое время Щеголевым положений. Труд Щеголева выдержал проверку временем, поэтому своевременным и необходимым является положительное разрешение вопроса о переиздании исследования Щеголева, в его последнем авторском оформлении.

Занимаясь пушкинской тематикой, Щеголев придавал важное значение исследованию вопроса об окружении Пушкина. Первым очерком на эту тему явилась публикация статьи о «негоцианке молодой» — Амалии Ризнич¹, изыскания о М. Н. Волконской-Раевской и ее месте в жизни и поэзии поэта². В последнем случае очень важно отметить, что исследовательский анализ чернового текста «Посвящения» к «Полтаве» и прочтение строфы «Сибири хладная пустыня» решили вопрос о посвящении поэмы М. Н. Волконской, что также было принято и пушкиноведением, в своей основной части. Но этот вывод исследователя не ограничивается частным вопросом об адресате произведения, а связан у Щеголева с темой декабризма пушкинской поэзии, а также темой его любви. В этом плане следует также отметить работы Щеголева, посвященные А. М. Горчакову, лицейскому другу Пушкина, графу М. С. Воронцову, и другие.

Специальной темой исследования являлась тема «Пушкин и искусство». Публикуя в 1928 году найденную лицейскую поэму «Монах», Щеголев отмечал, что «особое место в ряду источников поэмы занимают картины. Ни в каком другом произведении Пушкин не упоминает сразу столько имен художников», что все картины этих художников «были перед глазами молодого Пушкина» и что специалистам следовало бы остановиться на изучении этого источника творчества Пушкина (не только в «Монахе»)³. Памятники русского и мирового изобразительного искусства, на которые отозвался в своих сочинениях Пушкин, почти не привлекали внимания позднейших исследователей и возникали лишь как эпизод в том или ином буклете-путеводителе.

Таким образом, поставленная Щеголевым тема обогащения внутреннего мира поэта произведениями искусства, способствующего развитию зоркости и конкретности его художественного восприятия, не получила своего дальнейшего развития.

Да, пушкинская тема была магистральной в творчестве Щеголева,

¹ См.: Вестник Европы, 1904, № 1, с. 305—327.

² См.: Щеголев П. Е. Из разысканий в области биографии и текста Пушкина. I—XIV.— В кн.: Пушкин и его современники. Спб., 1911, вып. XIV. В 1912 г. эта работа была переиздана под заглавием «Утаенная любовь» (Щеголев П. Е. Пушкин. Очерки. Спб., 1912).

³ Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. М.—Л., 1931, с. 36—37.

но наряду с этим в поле зрения его литературных «штудий» были и другие интересы. Уже отмечалось, что П. Е. Щеголев начинал свой творческий путь как словесник. Еще к студенческим годам относится его работа по истории апокрифа, отмеченная золотой медалью. Но это был лишь эпизод в его творческой биографии. В дальнейшем Щеголев уделял основное внимание вопросам истории русской литературы XIX века. Так, на первых порах, тщательно изучив в Полтаве, во время ссылки, семейный архив Гоголя, он выступил в печати с интересными публикациями, представив на суд читателей любопытные соображения об изучении домашней среды, детства и юности писателя, сопровождая все это привычными для него рассуждениями о психологических особенностях Гоголя. К сожалению, эта работа не была продолжена.

В 1903 году в энциклопедическом словаре Брокгауз — Ефрон Щеголев поместил ряд биографических очерков, посвященных писателям П. И. Шаликову, С. С. Шашкову, Н. В. Шелгунову, В. И. Шенроку, А. С. Хомякову, М. Д. Чулкову, Е. Н. Чирилову. В других журналах он публикует статьи о А. Н. Пыпине, Н. А. Некрасове, А. П. Чехове. Кроме того, он издал сатирический роман И. П. Мятлева «Сенсация и замечания госпожи Курдюмовой за границей» (Т. I—II. Спб., 1907), редактировал Собрание сочинений С. Т. Аксакова (т. I—IV. Спб., 1912—1913), издал дневник его дочери, В. С. Аксаковой¹. В 1929 году П. Е. Щеголев опубликовал книгу о М. Ю. Лермонтове², результат научного исследования биографических материалов о другом великом русском поэте.

Книга о Лермонтове³ явилась примером того, как на том этапе складывались и отработывались методы молодого советского источниковедения. Уже в то время отмечалось, что книга составлена «рукою опытного исследователя» и это «чувствуется во всем»⁴. С уверенностью можно сказать, что в данном случае П. Е. Щеголевым, В. В. Вересаевым, Б. М. Эйхенбаумом было заложено основание документального монтажа как биографического жанра, когда биографическая монография научно-го типа ограничивается документом.

1905 год явился тем толчком, который дал новое направление научной деятельности П. Е. Щеголева — широкому и массовому распространению знаний и сведений по истории революционного движения. Исследователь входит в число постоянного авторского состава сатирического журнала «Жупел»⁵, возникшего как «протест и солидарность с угнетенными».

¹ «1854—1855. Дневник Веры Сергеевны Аксаковой». /Ред. и примеч. П. Е. Щеголева (совм. с Н. В. Голицыным). Спб., 1913.

² Щеголев П. Е. Книга о Лермонтове. Л., 1929, вып. 1—2 (при участии В. А. Мануйлова).

³ Нельзя не выразить недоумения, что в вышедшей в 1981 г. «Лермонтовской энциклопедии» этот факт не нашел своего отражения.

⁴ Новый мир, 1929, № 12, с. 263.

⁵ Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические заметки. М., 1974, т. 1, с. 344.

Но на третьем номере журнал был прикрыт властями, которые не в состоянии были больше терпеть его бичующей направленности.

Славной страницей биографии и творческой деятельности Щеголева является участие в организации и редактировании первого в России легального журнала, посвященного революционному движению — «Былое» (1906—1907, 1917—1926), а после его закрытия — «Минувшие годы» (1908). Появление подобного журнала объясняется тем живейшим интересом, которое передовое русское общество проявляло к своему революционному прошлому. Наряду со Щеголевым редакторами журнала выступили В. Я. Богучарский и В. Л. Бурцев. Издание посвящалось истории революционного движения, ибо «познание настоящего немислимо без познания прошлого — «былого». И несмотря на то что «самодержавно-полицейский строй» прилагал все усилия, «чтобы лишить общество этого познания» — оно все же было возможно и необходимо. «Коллективными усилиями можно и должно победить препятствия, и к этой-то совместной работе и зовет «Былое» всех участников движения, всех владельцев ценных документов, все посвященные этому движению научные силы, всех, кому есть о чем поведать родной странс»¹.

Материалы журнала явились своего рода откровением для массового читателя. Успех превзошел ожидаемое. Первая книжка, вышедшая тиражом в 10 тысяч экземпляров, разошлась молниеносно, в результате чего потребовалось еще два издания, тем же тиражом. Это был один из наиболее читаемых журналов того времени. Щеголев позже констатировал, что книги журнала «зачитывались до дыр в библиотеках, становились необходимым пособием в руках пропагандистов всех партий», что «давало материал для практических выступлений»². По свидетельству Д. П. Маковицкого, Л. Н. Толстой как только получал почту, «оставлял у себя и читал каждую книгу «Былое» и сызнова перечитывал». Он считал, что журнал — «совсем революционного направления», «самый революционный журнал», и «если бы я был молод, то после чтения «Былого» я взял бы в обе руки по револьверу»³.

Щеголев верно оценивал положение, когда позже писал, что «журнал мог выполнять четко и настойчиво свое дело и вести историко-революционную пропаганду только опираясь на могучие революционные волны 1905—1906 годов»⁴. Вот почему в первые полгода существования журнала, когда подъем революционного движения был еще достаточно высок, «Былое» не подвергалось правительственным преследованиям. Центральная власть не могла не считаться с репутацией журнала, которую он снискал в самых широких читательских кругах. Но отступление революции сопровождалось наступлением реакции по всему фронту, и прежде всего в области печати. Журнал «Былое» оказался в центре внимания властей

¹ Былое, 1906, № 1, с. VII.

² ИМЛИ, ф. 28, оп. 1, д. 2, л. 6.

³ Литературное наследство, т. 90, кн. 2, с. 33, 73, 154.

⁴ ИМЛИ, ф. 28, оп. 1, д. 2, л. 6.

и после многих мытарств на десятой книге в 1907 году был закрыт, а приговором от 13 января 1909 года Судебная палата определила: «...само издание названного журнала запретить навсегда»¹.

Итак, журнал был закрыт. Одной из причин правительственной акции была, бесспорно, революционная направленность журнала, которая не могла быть более терпима. Но существовало и еще обстоятельство, самым непосредственным образом касавшееся одной из самых сокровенных тайн царской охранки — системы ее полицейского сыска. Редакция журнала, как было известно полиции, располагала довольно большим количеством тех материалов, которые полицейское управление считало недоступными ни для кого из непосвященных. Важнейшими данными в этой связи являлись фактические сообщения, которые направляли партию эсеров на след величайшего предателя в ее центре, то есть Евно Азефа. Эти данные сообщил в редакцию журнала «Былое» Бурцеву М. О. Бакай (Михайловский), известный деятель политического сыска. Об этом же сообщил Богучарскому бывший директор департамента полиции А. А. Лопухин. Азеф, догадывавшийся о своем разоблачении, требовал от полиции немедленных действий, в результате чего 31 марта был арестован Бакай и произведен обыск в редакции «Былого» и в типографии.

Щеголев, еще не подозревавший, что охранке уже очевидна связь редакции журнала с разоблачением Азефа, осенью 1907 года, с целью доведения дела до конца, едет в Гельсингфорс, где и ставит в известность Савинкова о наличии предателя в партии эсеров и что таковым является некто Раскин. Дело в том, что Бакаю не была известна фамилия предателя, он лишь знал, что таковым является Раскин. Савинков, после свидания со Щеголевым, немедленно поставил об этом в известность «Ивана Ивановича», то есть Азефа, он же Раскин. Таким образом, круг замкнулся, и не только на Азефе, но, прежде всего, и на самом Щеголеве и «Былом». Азеф потребовал не только ликвидации журнала, но также и немедленного ареста Бурцева и Щеголева. В итоге журнал был закрыт, а Щеголев в конце ноября вынужден был экстренно покинуть столицу вследствие предписания о его аресте и высылке в Сестрорецк. Вскоре он был выслан в Юрьев, а затем в Любань Новгородской губернии. Венцом этой эпопеи явился его арест и последовавшее двухлетнее заключение в одиночной камере.

Факты гонения на журнал и на одного из его редакторов стали достоянием общественного внимания. Первым, кто откликнулся на эти события с выражением участия к пострадавшему, был внук декабриста В. Ф. Раевского — Владимир Вадимович Раевский. В письме к Щеголеву от 1 ноября 1907 года он выражает свое «искреннее, глубокое сочувствие в постигшем... испытании» и желал, чтобы оно «удвоило... силы на служение правде», что «я, как и многие в России, — писал он, — хорошо

¹ ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 6, д. 91, л. 26.

знаю Вашу честную, светлую деятельность — и прошу разрешения, хотя бы заочно, крепко пожать Вашу руку»¹.

Осенью 1907 года, до своего вынужденного отъезда в Сестрорецк, Щеголев пытается спасти журнал. В это время из состава редакции он был в столице один, так как Бурцев эмигрировал, а Богучарский находился в Париже. В полиции Щеголеву предъявили обвинение в том, что он «имеет сношения с революционерами, которые группируются вокруг него», а он «скупает секретные материалы»². Полиция волей-неволей проговорилась.

Закрытие журнала поставило издателя и редакторов перед необходимостью выполнения обязательств перед подписчиками. Вместо невышедших 11 и 12-й книг журнала был выпущен исторический сборник «Наша страна» и указатель-ропись Д. П. Сильчевского к 22 книгам «Былого».

Решено было создать новый журнал. Было ясно, что органа, аналогичного «Былому», не возродить. Следовало организовать журнал, не делая упора на вопросах освободительного движения, основные публикации посвятив русской истории и культуре. Новый орган «Минувшие годы» оставался единственным изданием, который в какой-то степени напоминал прежние издания революционной поры, и прежде всего «Былое». Это определило круг авторов и проблематику предлагаемых материалов, которая, как правило, была обширной и выходила за рамки издания.

«Минувшие годы» начинали свою жизнь в условиях менее всего для этого благоприятствующих. Щеголев находился в ссылке, а Богучарский, по словам секретаря редакции Л. П. Куприяновой, по возвращении из-за границы работой в новом журнале «не горел», как это было во времена «Былого»³. Основная тяжесть работы по ведению журнала лежала на Щеголеве⁴, несмотря на особые обстоятельства, в которых он находился. Кроме загруженности по редакторской части, он активно проявил себя и как автор. В органе сосредоточивался богатый литературный материал, но многому не суждено было осуществиться. В условиях спада революции и этому журналу была уготовлена судьба предшественника — «Былого». Журнал просуществовал ровно год. Ни один из его двенадцати номеров не оставался без внимания цензуры⁵. К сожалению, гонения на журнал не ограничивались только подобными курьезами. Положение бы-

¹ ЦГАЛИ, ф. 2567, оп. 1, д. 1417, л. 12—12 об.

² ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 9, д. 186, л. 72—73.

³ ЦГИА СССР, ф. 1093, оп. 1, д. 115, л. 6 об.

⁴ Об этом см. письмо Н. О. Лернера П. Е. Щеголеву от 2 октября 1908 г., который пишет: «В. Я. Богучарский говорил мне, что весь материал «Минувших годов» у вас» (ИМЛИ, ф. 28, оп. 3, д. 254, л. 7).

⁵ Знаменателен один эпизод, который произошел в январе 1908 г. Распоряжением местной администрации из Борисоглебской библиотеки Тамбовской губ. должны были быть изъяты номера «Минувших годов», первая книга которых еще и не успела-то выйти в свет (ЦГАЛИ, ф. 1696, оп. 1, д. 39, л. 159).

ло более серьезным. Аресты и конфискации следовали одни за другими. Уже в июле 1908 года Богучарский был вынужден признать в письме к Щеголеву, что «дела журнала отвратительны»¹. В конце концов редакторы «Минувших годов» были вынуждены осознать тщету своих надежд и прекратить издание на двенадцатой книге. Вышедший в 1909 году исторический сборник «О минувшем» подвел окончательную черту под надеждами Щеголева и Богучарского воскресить в какой-либо форме собственное издательское дело, стало ясно, что в создавшихся условиях журнал, подобный «Былому», невозможен.

Годы тюрьмы и ссылки не сломили творческой энергии Щеголева. Его научная и общественная деятельность в предвоенные годы была столь же активна и разнообразна. Так, в 1912—1913 годах он сотрудничает в журналах «Голос минувшего» и «Современник». К 1913 году относится начало активного сотрудничества Щеголева в издательстве «Огни», где он редактирует завоевавшую широкую популярность серию «Библиотека мемуаров». Учитывая высокую компетентность Щеголева, издатели предложили ему полное право выбора публикации тех или иных воспоминаний. Под редакцией Щеголева издаются дневник В. С. Аксаковой, дочери С. Т. Аксакова, воспоминания Г. Винского, В. П. Колесникова, Е. Ф. Комаровского, В. М. Хижнякова, записки декабристов Н. В. Басаргина и братьев Бестужевых. Успешная предварительная работа над материалами семейного архива Аксаковых позволила Щеголеву приступить к выпуску сочинений С. Т. Аксакова в издательстве товарищества «Деятели», но издание было приостановлено разразившейся первой мировой войной.

Накануне войны Щеголев сотрудничал в газете «День», интересно организовав работу литературно-критического отдела и редактируя еженедельное прибавление «Отклики», где поместил ряд публикаций о жизни и деятельности декабристов.

Продолжая публикацию декабристских материалов, он издал записки жен декабристов — М. Н. Волконской и П. Е. Анненковой-Гельб, подготовил к печати мемуары декабриста И. И. Горбачевского.

С началом первой мировой войны Щеголев принимает участие во вновь организованном журнале «Отечество», бывшем, по определению А. А. Блока, «недурным» среди тучи журналов». Блок также свидетельствовал, что редакторами этого журнала были художник З. И. Гржебин и П. Е. Щеголев². С этого времени большая дружба со Щеголевым, начавшаяся еще в 1905—1906 годах, получает новый импульс, о чем свидетельствуют и письма самого поэта³.

Революционные события 1917 года не оставили П. Е. Щеголева в стороне. С марта 1917 года он становится членом учрежденной Временным правительством Чрезвычайной следственной комиссии по расследо-

¹ ИРЛИ, ф. 627, оп. 4, д. 2060, л. 1 (приписка).

² Литературное наследство, т. 89, с. 336.

³ ИМЛИ, ф. 12, оп. 1, д. 51, л. 1—4, а также: ЛН, т. 92, кн. 3, с. 141.

ванию преступлений бывшей царской администрации. Он был назначен председателем Особой комиссии для расследования деятельности департамента полиции, получив тем самым возможность проникнуть в тайны охранного отделения, «святая святых» российского самодержавия. Впервые стала достоянием деятельность охраны и правительственного аппарата. Перед комиссией прошли такие «известные» фигуры последнего царствования, как фрейлина Вырубова, премьер-министр Горемыкин, директор департамента полиции Белецкий, Золотарев, ведавший с 1911 по 1915 год министерством внутренних дел, и последний министр внутренних дел Протопопов. Сохранившиеся архивные документы говорят об активной работе в комиссии самого Щеголева. Об этом свидетельствуют, например, его письмо министру внутренних дел, в котором Щеголев предлагал усилить работу по разоблачению бывших агентов и провокаторов, а также переписка, содержащая любопытные оценки деятельности бывших правителей России и материалы, характеризующие работу Особой комиссии¹.

Как исследователь Щеголев получил богатый материал, что дало ему возможность впоследствии выпустить монументальное издание «Падение царского режима»², явившееся одним из первоисточников для изучения краха самодержавия. Кроме этого, в 1924 году им была опубликована статья «В. И. Ленин на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства»³, посвященная показаниям Ленина 26 мая (8 июня) 1917 года по делу о провокаторстве Р. В. Малиновского⁴.

Деятельность в составе Чрезвычайной следственной комиссии определила и новое направление в дальнейших исследованиях Щеголева. Видное место в его творчестве стала занимать тема функционирования органов политического сыска в конце XIX — начале XX веков, вернее, провокация как метод борьбы царизма с революционным движением. С 1917 года, когда стали доступны материалы бывших царских архивов и прежде всего архива департамента полиции, в печати стали появляться многочисленные публикации. По существу, все работы на эту тему с 1917 по 1930-е годы связаны с именем Щеголева. Большинство опубликованных

¹ ИМЛИ, ф. 28, оп. 2, д. 194—198; ИРЛИ, ф. 627, оп. 3, д. 117—123.

² Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. М. — Л., 1924—1927, т. 1—7; 2-е изд., испр. — М. — Л., 1926, т. 1. Данная публикация была оценена позднее как «ценнейший и своеобразный» источник, являющийся «единственным... для истории самодержавия периода первой мировой войны» (см.: Сидоров А. Л. Материалы о свержении царизма в фонде Чрезвычайной Следственной комиссии Временного Правительства. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей. М. — Л., 1964, с. 141).

³ Газ. «Труд», 1924, № 22, 7 ноября.

⁴ Об этом см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 354; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. Март — октябрь, 1917. М., 1973, с. 196.

документов впервые появилось на страницах журнала «Былое» и в целом ряде отдельных изданий. Современниками отмечался тот факт, что публикация этих материалов не только раскрывает дела царской тюрьмы и охранки, но и является историей русского самодержавия.

Работы Щеголева заложили основы в изучении деятельности органов политического сыска в дореволюционной России. Дальнейшая разработка этой темы получила свое развитие лишь в 60-е годы.

Колоссальный опыт исследователя, эрудиция и великолепное знание архивных материалов давали возможность советским государственным органам привлекать Щеголева в качестве эксперта по целому ряду политических процессов, разоблачавших бывших «деятели» царской охранки. Так, в 1925 году во время процесса по делу провокатора Окладского прокурор Н. В. Крыленко возбудил ходатайство перед судом «о расширении прав эксперта Щеголева, являющегося почти единственным в своем роде специалистом по истории революционного движения в России и знатоком архива департамента полиции», и поэтому предлагает «предоставить Щеголеву право на всем протяжении процесса, наравне со сторонами, задавать вопросы обвиняемому и свидетелям»¹. Эрудиция Щеголева в этих вопросах, по существу, определила и поведение того же Окладского на суде, который только одному участнику на своем процессе не возражал. И им был Щеголев, знаток «тех самых секретных архивов департамента полиции, где нашлось и дело о потомственном почетном гражданине Петровском». «Да и что можно ему возразить? — писал корреспондент «Красной газеты», освещавший ход процесса. — Оказывается, Щеголев знает все. Он знает, например, что некий Миллер, с которым свел Окладского сам Дурново, не кто иной, как знаменитый провокатор Гогельман-Ландензан-Гартинг, который и работал вместе с Окладским по выяснению террористических групп среди интеллигентов Петербурга в начале 90-х годов (кружок Истомина — Фойницкого)»².

Вполне естественно, что с этой темой была связана и другая — история царской тюрьмы. Щеголев выступил пионером в разработке этой темы еще в годы первой русской революции³, рассматривая ее как часть общей проблемы — борьбы самодержавия с революционным движением.

В весенние дни 1917 года Щеголев находится в гуще событий. Он выступает инициатором создания Общества Дома-музея памяти борцов за свободу. Его инициатива была поддержана А. М. Горьким, В. Н. Фигнер и многими другими общественными деятелями.

¹ Процесс предателя-провокатора Окладского-Петровского в Верховном Суде. Л., 1925 (в этом же году вышло и 2-е изд. процесса). Под ред. П. Е. Щеголева вышла также книга В. Д. Новицкого «Из воспоминаний жандарма». Л., 1929.

² Красная газета, веч. выпуск, 1925, № 10, 12 янв.

³ Щеголев П. Е. Из летописей Шлиссельбургской крепости (1835 г.). — Былое, 1906, № 12, с. 101—104; *перепеч.* с существенными доп.: Былое, 1921, № 6, с. 187—200.

Великую Октябрьскую социалистическую революцию Щеголев встретил с энтузиазмом. С самых первых шагов молодой советской науки Щеголев откликается на все ее нужды. 8 декабря 1917 года Совет Юрьевского университета по представлению историко-филологического факультета утвердил Щеголева в степени почетного доктора русской словесности, и 26 января 1918 года ему был вручен соответствующий диплом¹.

Деятельность П. Е. Щеголева как ученого в эти первые послереволюционные годы многообразна и масштабна. Так, совершенно неотраженным в исторической и специальной литературах является факт участия Щеголева в реализации ленинского плана «монументальной пропаганды». Известный скульптор Л. В. Шервуд, которому было поручено общее руководство, свидетельствует, что Щеголевым была оказана квалифицированная помощь «по подысканию литературы, характеризующей того или иного деятеля революции». Участие Щеголева в этой работе не свелось только к подбору необходимых материалов: им был выработан перечень лиц, заслуживающих увековечивания, который и послужил ориентиром в работе петроградских скульпторов².

Щеголев принимает активное участие в становлении советского архивного дела. Много сил было вложено им в организацию будущего Петроградского историко-революционного архива, который был создан в середине 1918 года.

С момента создания системы истпартов вся работа беспартийного П. Е. Щеголева была тесным образом связана с деятельностью, прежде всего, петроградского бюро. Он принимал самое активное участие в решении организационных вопросов, выработке общих принципов работы исследовательских институтов, музеев, архивов, издании агитационной литературы социал-демократии и т. д. Важным этапом работы Щеголев считал составление и издание биографического словаря деятелей революционного движения.

Параллельно исследователь вел напряженную работу по организации советского музейного дела. Так, в мае 1919 года группа инициаторов, в которую входили А. В. Луначарский, А. М. Горький, В. Н. Фигнер, П. Е. Щеголев и др., выступила с инициативой создания Музея Революции, который стал бы первым музеем историко-революционного типа не только в нашей стране, но и за рубежом. В декабре музей уже начал свою работу. Первым мероприятием нового музея явилась организация торжественного заседания в январе 1920 года, посвященного памяти декабристов. Щеголевым была разработана в деталях и вся процедура юбилейных торжеств, посвященных 50-й годовщине памяти А. И. Герцена. Одновременно было проведено торжественное заседание, а затем организовано шествие по городу. В тот же день бывшая Морская была переименована в улицу Герцена. Была выпущена однодневная газета «Колокол».

¹ ИМЛИ, ф. 28, оп. 1, д. 3, л. 1—2.

² Шервуд Л. В. Путь скульптора. Л.—М., 1937, с. 51.

в которой были помещены статьи и материалы, посвященные Герцену, и отчет о торжественном заседании в Большом театре.

С июля 1917 года по инициативе же Щеголева возобновляется издание журнала «Былое». Журнал продолжал прежнюю издательскую практику, публикуя материалы, освещавшие основные этапы русского революционного движения, а также материалы о Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войне и иностранной интервенции. Но тем не менее публикуя в основном материалы о народниках, эсерах, анархистах, журнал «Былое» не мог уже тем самым отражать потребности времени, все больше отходя от требований текущей жизни и исторической науки, что и определило его вполне законный конец в 1926 году.

С этого времени Щеголев окончательно перенес свою редакционно-издательскую деятельность главным образом в Государственное издательство (Госиздат). Это сотрудничество началось еще в 1920 году. Госиздатом был начат выпуск книжек популярной «Историко-революционной библиотеки», включавшей биографические очерки русских революционеров — декабристов, шестидесятников, народников, социал-демократов. П. Е. Щеголев принял самое непосредственное участие в осуществлении этого предприятия. В 1920—1922 годах под его редакцией вышло в свет 14 выпусков, посвященных А. Н. Радищеву, Н. И. Рысакову, П. А. Кропоткину, революционной эмиграции 70—80-х годов, В. И. Засулич, Н. А. Морозову, Г. А. Лопатину, шлисельбургским узникам, П. Г. Каховскому, восстанию Семеновского полка в 1820 году и мн. др.

Здесь же им была проделана большая работа по изданию и комментированию материалов кружка М. В. Буташевича-Петрашевского (показания, письма, воспоминания, статьи и библиография)¹. В организованной им серии «Библиотека мемуаров», под его редакцией, были изданы воспоминания Н. В. Шелгунова, М. Н. Волконской, Л. А. Волкенштейн.

Будучи свидетелем и великолепным знатоком последних политических событий в стране, изучавший их по архивным материалам и по литературе, Щеголев осуществляет ряд публикаций в серии «Из белых мемуаров». Публикация белоэмигрантской литературы о гражданской войне предоставила советским исследователям возможность изучить те тенденции, которые продолжали действовать в среде белой эмиграции и в конечном счете привели к распаду эмигрантских политических течений, полному краху их антисоветской идеологии.

Особо следует остановиться на участии Щеголева в подготовке первого советского полного собрания сочинений А. С. Пушкина. Таковым должно было стать академическое 15-томное издание, основанное на всех рукописных и печатных первоисточниках, с включением всех черновых вариантов. Это предложение было горячо поддержано научной общественностью. С этой целью 23—24 марта 1928 года в Москве созывается сове-

¹ «Петрашевцы в воспоминаниях современников». Сб. материалов. /Ред. и составитель П. Е. Щеголев. М.—Л., 1926—1928, т. 1—3.

щание известных литературоведов, и прежде всего пушкинистов. В их числе были П. Н. Сакулин, В. В. Вересаев, Н. В. Измайлов, Л. П. Гросман, Н. К. Пиксанов, В. М. Жирмунский, Ю. Г. Оксман, Б. В. Томашевский, М. А. Цяловский, П. Е. Щеголев. Данное совещание пришло к заключению о преждевременности академического издания¹. Но одновременно было решено подготовить шеститомное предварительное издание, которое и было поручено издательству «Красная нива». Щеголев был включен в состав редколлегии и являлся редактором третьего и четвертого томов.

Возглавил редколлегию А. В. Луначарский. Высокая квалификация двух заместителей — П. Н. Сакулина и П. Е. Щеголева — была решенным для Луначарского вопросом в пользу участия в издании. Он высоко оценивал вклад и того, и другого ученого в организацию предпринятого издания. По его собственному признанию, «по существу мы втроем вели практическую работу: я, П. Н. Сакулин и П. Е. Щеголев»². Позже Луначарский еще раз вернется к анализу проделанной работы и вклада в нее Щеголева, «известнейшего пушкиниста». По его признанию, «дело издания собрания сочинений Пушкина как с академической, так и с нашей точки зрения представляет собою дело огромной важности. Само собой разумеется, что для меня может быть с культурной точки зрения только лестно возглавлять редакционный комитет с участием таких уважаемых людей, как Сакулин и Щеголев»³.

Щеголевым была проделана большая работа над текстами таких произведений поэта, как «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Цыганы», «Братья-разбойники», «Бахчисарайский фонтан», «Полтава», «Медный всадник», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы», «Каменный гость». Он редактирует «Историю Пугачевского бунта», составив подробные примечания, сноски. Им был также отредактирован раздел рассказов и анекдотов.

Активное участие принимал Щеголев в работе Пушкинского Дома, с момента организации которого и во все последующее время являясь одним из постоянных и наиболее деятельных сотрудников. Его деятельность была самой разнообразной: работа над пушкинскими текстами, их пополнение в фондах института, участие в научной жизни — выступление с научными докладами, лекциями и т. п.

Особое качество Щеголева как серьезного и тонкого ценителя исторического источника определило и его деятельность по сохранению пушкинских документов. Именно в первые годы Советской власти и началась его активная деятельность по собиранию и спасению многих уникальных памятников русской литературы. Достаточно в этой связи упомянуть лишь один факт. Осенью 1919 года им был спасен так называемый допасненский архив Пушкина и семьи Пушкиных. В числе материалов этого архи-

¹ Это было осуществлено лишь через десять лет.

² Литературное наследство, т. 82, с. 106.

³ Там же, с. 574, 510.

ва оказались записи А. С. Пушкина к «Истории Петра Великого», «20 тетрадей, написанных рукою Пушкина», тетрадь Камчатских дел, письма поэта, выписки из его рукописей, различные прозаические наброски¹. Эти материалы были доставлены им в Пушкинский Дом, и «История Петра Великого» была опубликована в десятом томе Большого академического собрания сочинений А. С. Пушкина². Щеголев также был приглашен для редактирования бумаг хозяйственного содержания (счета, более 60 писем к поэту и т. д.). Смерть помешала довести эту работу до конца, и она была завершена Ю. Г. Оксманом³.

Павел Елисеевич Щеголев щедро делился своими энциклопедическими знаниями и опытом. Под его руководством начал работать над декабристской тематикой И. С. Зильберштейн, ныне виднейший литературовед и искусствовед, удостоенный за исследование об Н. А. Бестужеве Государственной премии⁴. По его словам, он прошел у Щеголева «большую школу разысканий», который «научил меня тактике и стратегии поиска»⁵.

Лариса Михайловна Рейснер, задумав к 100-летней годовщине восстания декабристов серию биографических очерков, получила от Щеголева ценные консультации, итогом чего явилась публикация ею статей-очерков о С. П. Трубецком, П. Г. Каховском, В. И. Штейнгеле и самом восстании⁶.

По рекомендации Н. К. Пиксанова Щеголев консультирует работу Н. М. Ченцова — библиографию декабристов. Работа составителя, вскоре появившаяся в печати⁷, явилась первым и довольно удачным опытом, что и было отмечено критикой⁸, в чем, бесспорно, заслуга и самого Щеголева, великолепного знатока декабристских материалов. Кроме того, теперь можно с уверенностью говорить о том, что указание Ченцова на то, что «Щеглятьев» есть псевдоним Щеголева, имеет под собой реальную основу. По-видимому, это было сообщено составителю самим Щеголевым, так как больше, нигде нет ссылок на этот факт⁹.

¹ ИМЛИ, ф. 28, оп. 2, д. 194.

² Об обстоятельствах публикации см.: Фейнберг И. Л. История одной рукописи. М., 1967.

³ См.: Неизданные письма к Пушкину. Дополнит. комм. и вводные заметки Ю. Оксмана. — Литературное наследство, т. 16—18, с. 551—616.

⁴ Зильберштейн И. С. Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1977.

⁵ См.: Альманах библиофила. М., 1983, вып. XV, с. 98.

⁶ О насыщенной и квалифицированной помощи со стороны Щеголева говорит и шутивное признание Ларисы Рейснер к нему: «Если напугаю в декабристах — вина Ваша, нельзя топить человека в источниках» (ИМЛИ, ф. 28, оп. 3, д. 377, л. 1).

⁷ Ченцов Н. М. Восстание декабристов. Библиография./Ред. Н. К. Пиксанов. М. — Л., 1929.

⁸ См. рец. М. В. Нечкиной. — Историк-марксист, 1929, т. 12, с. 285—287.

⁹ Этим псевдонимом подписаны очерки о женах декабристов — Е. И. Трубецкой, К. П. Ивашевой, А. Г. Муравьевой, Е. П. Нарышкиной. См.: Жены декабристов. Сборник историко-бытовых статей. М., 1906.

Щеголев консультирует и работу писателей, разрабатывавших тему русского освободительного движения. Так, Мария Давыдовна Марич, работая над романом из эпохи декабристов «Северное сияние» (М.—Л., 1926), учла многие ценные рекомендации Щеголева.

Р. М. Кантор, опубликовавший в 1922 году работу о С. Г. Нечаеве, выразил признательность П. Е. Щеголеву, консультировавшему его работу «ценными советами и указаниями», которыми «он пользовался при своих работах неоднократно»¹.

Щеголев много лет стоял во главе Драмсоюза. Особое место в его творческой биографии занимает работа по созданию исторических пьес, киносценариев и даже одного оперного либретто. В большей своей части эта работа проходила в тесном содружестве с писателем Алексеем Николаевичем Толстым в середине 20-х годов.

В области художественной литературы в это время наблюдается повышенный интерес к исторической тематике. 20-е годы отмечены небывалым обилием исторических пьес, в которых в соответствии со старой традиционной схемой на передний план выдвигалась дворцовая хроника с ее интригами и похождениями. Подлинная история страны оставалась вне поля зрения авторов многих художественных произведений.

С иных позиций выступают со своим первым драматургическим опытом, пьесой «Заговор императрицы», А. Н. Толстой и П. Е. Щеголев². Прежде всего, выбор темы был не случайным и продиктован требованиями дня, ибо по-прежнему были сильны надежды белой эмиграции на реставрацию дома Романовых, о чем свидетельствовали многочисленные попытки их реабилитации, создания вокруг Николая II и его жены ореола святости и мученичества. Одновременно это преследовало и другие цели — возбудить ненависть к Советскому государству и его народу. Вот почему возникла очевидная необходимость разоблачения самодержавия, публичного суда над последними русскими самодержцами.

А. Н. Толстой сформулировал свой подход к освещению этой темы следующим образом: «Революцию одним «внутром» не понять и не охватить. Время начать изучать революцию — художнику стать историком и мыслителем. Задача огромная... на ней много народа сорвется, быть может, — но другой задачи у нас и быть не может, когда перед глазами, перед лицом — громада революции, застилающая небо»³.

С подобных же позиций выступал и Щеголев, видевший смысл разработки исторической пьесы в следующем: историческая пьеса, писал он, является исторической потому, что «исторической в полном смысле этого слова стала эпоха, отдаленная от нас несколькими годами, но какими го-

¹ Кантор Р. М. В погоне за Нечаевым. К характеристике провокационной деятельности III Отделения на рубеже 70-х годов. Пб., 1922, с. 4.

² В 1924 г. был опубликован лишь фрагмент будущей пьесы (Жизнь искусства, 1925, № 53, с. 11—13). Полностью она была издана впервые на будущий год в Берлине; 1-е изд. в СССР — Л., 1926.

³ Толстой А. Н. Полн. собр. соч.: В 15-ти т., М., 1949, т. 13, с. 296.

дами!», когда «произошло такое решительное крушение старого режима... что мы уже чувствуем возможность объективного беспристрастного подхода к той действительности». И далее: «Историческая обоснованность — вот что главным образом делает пьесу исторической»¹.

Блестящий знаток архивных материалов по русскому революционному движению, участник Чрезвычайной следственной комиссии и издатель материалов этой комиссии, Щеголев явился для Толстого именно тем человеком, который помог ему ориентироваться в теме. Несмотря на то что у Толстого был уже определенный опыт работы в сфере исторической тематики (пьесы «Дантон» и «Любовь — книга золотая», рассказ «День Петра»), он все же был недостаточно подготовлен к работе с подлинными историческими источниками. Щеголев, обладавший несомненным художественным чутьем, бесспорно, способствовал росту Толстого как исторического писателя. Исторические документы, на которых строилась пьеса, подобраны были Щеголевым. План произведения, его содержание были составлены совместно. Именно в процессе совместной работы над источниками авторам удалось достичь удивительного единства документальной и художественной правды.

Основу исторического материала, использованного Толстым и Щеголевым, составляла переписка последних Романовых, стенографические отчеты Чрезвычайной следственной комиссии. По словам Щеголева, «опубликованные и неопубликованные материалы дали так много для пьесы, что нам почти не пришлось прибегать к выдумке»². Этот материал рисовал страшную картину всеобщего разложения и моральной деградации, ...гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе...³ Современники оценили пьесу как «революционную хронику», «политическую сатиру», которую «можно только рекомендовать рабочему зрителю»⁴. Бесспорно, широкая популярность пьесы объяснялась не только четкой идейно-политической направленностью, но и основательной художественной обработкой исторического материала. Этим объясняется и обширная репертуарность пьесы в 1925—1926 годах. Только в Москве и Ленинграде она шла на шести сценах одновременно, причем в Большом Драматическом театре Ленинграда прошла 173 раза⁵. Пьеса была сыграна и в 14 других городах страны. Именно с постановкой

¹ Жизнь искусства, 1924, № 53, с. 11.

² Там же.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 12.

⁴ Жизнь искусства, 1925, № 12, с. 6.

⁵ По свидетельству артиста Н. Ф. Монахова, исполнителя роли Распутина в ленинградской постановке, пьеса обошла «чуть ли не все сцены Советского Союза». Оценивая спектакль, он писал, что «пьеса была прекрасно оформлена В. А. Шуко и очень талантливо разработана А. Н. Лаврентьевым, при постоянной помощи и консультации со стороны ее авторов». С 12 марта 1925 г., со дня премьеры, «и до конца сезона, ничего, кроме «Заговора», не играли» (Монахов Н. Ф. Повесть о моей жизни. Л., 1936, с. 211—212).

этой пьесы связан первый опыт освоения советской драматургии Большим Драматическим театром.

Пьеса была поставлена и за рубежом. Так, в 1927 году на сцене Берлинского театра Эрвина Пискатора она шла под названием «Распутин, Романовы, война и восставший против них народ». На генеральной репетиции пьесы присутствовал А. В. Луначарский, который отметил динамизм и революционность постановки¹. Показ пьесы за границей имел большое политическое значение, ибо она развенчивала идею реставрации монархии в момент острого противоборства монархической части белой эмиграции со сторонниками Советского государства.

Успех пьесы «Заговор императрицы» был столь очевидным, что авторам предложили написать на ее основе киносценарий².

Творческое содружество было продолжено, и в 1926 году ими была написана новая пьеса «Азеф»³, «интеллектуальным творцом», которой, по справедливому замечанию прессы, был именно П. Е. Щеголев⁴.

Совместная работа Щеголева и Толстого в области историко-революционной драматургии вылилась также в написание в конце 1925 года драматической поэмы «Полина Гельб» («Декабристы»), приуроченной к 100-летней годовщине восстания декабристов и посвященной перипетиям трагической любви декабриста Ивана Анненкова и француженки Полины Гельб⁵.

Этой дате был посвящен целый ряд произведений, свидетельствующих о стремлении авторов (литераторов и историков) осмыслить движение декабристов с позиций революционной эпохи. Именно в это время появляется повесть Ю. Тынянова «Кюхля» и работа Б. Л. Модзалевского «Роман декабриста Каховского», на сценах театров шли пьесы М. Яхонтова «Декабристы» и Н. Векстерн «В 1825 году». Этому событию была посвящена книга и самого Щеголева «Декабристы» (М.—Л., 1926).

В основу пьесы-поэмы был положен подлинный факт, связанный с поездкой в Сибирь к ссыльному декабристу И. А. Анненкову его невесты француженки Жанетты Поль, урожденной Гельб. Замысел пьесы сосредоточивался на перипетиях любви двух молодых людей. Вполне естественно, что при подобном подходе не могло быть и речи о глубоком проник-

¹ Луначарский А. В. Собр. соч.: В 8-ми т., М., 1965, т. 6, с. 479.

² Заговор императрицы. Содержание сценария П. Е. Щеголева и А. Н. Толстого (Госкино). — Жизнь искусства, 1925, № 38, с. 19—20. В ходе работы над сценарием авторы перенесли центр тяжести на личность Распутина, а отсюда и изменение названия сценария, как «Заговор Распутина». Был определен и постановочный состав будущего фильма, но работа над сценарием в силу ряда причин не была доведена до конца.

³ Толстой А. Н., Щеголев П. Е. Азеф (Орел или решка). Пьеса в пяти действиях, 12 картинах. Л., 1926.

⁴ См.: Каторга и ссылка, 1926, № 5, с. 24.

⁵ Щеголев П. Е., Толстой А. Н. Полина Гельб (Декабристы). Поэма. — Новая Россия, 1926, № 1, с. 35—58; *перепеч.*: Толстой А. Н. Полн. собр. соч. М., 1949, т. 11, с. 505—542.

новении в эпоху с ее противоречиями, обусловившими вступление гвардейского офицера в члены тайного общества.

Пьеса замышлялась как музыкальная драма, что нашло свое отражение и в ее стилистике: речь ритмическая, музыкальная, много хоровых и танцевальных сцен. И хотя специального сценического воплощения она не получила, на ее основе был написан киносценарий (на этот раз уже одним Щеголевым), но потом оба автора вернулись к совместной работе над данной темой, на этот раз над оперным либретто на музыку Ю. А. Шапорина. Эта работа не привела к положительному результату. В 1934 году композитор окончательно отказывается от работы по данному либретто и возвращается к работе над оперой значительно позже, когда уже не было в живых ни Толстого, ни Щеголева, и автором нового либретто выступил на этот раз известный поэт Всеволод Рождественский.

Творческое содружество известного писателя, обладавшего незаурядным художественным воображением, и крупного историка, специалиста в области истории общественной мысли и революционного движения, определило подход, тематику и художественный уровень создаваемых ими произведений. Для лучших из них характерны социальная направленность, демократизм, стремление отойти от традиционных штампов в освещении исторических событий. Вместе с тем, оценивая совместные работы Щеголева и Толстого, необходимо понять, что создание первых советских историко-драматургических художественных произведений отражало особенности того времени — процесс становления молодого социалистического государства и его культуры.

Плодотворной была деятельность Щеголева в кино, где он выступил в качестве автора целого ряда сценариев исторических фильмов. Несомненно, такой человек, как Щеголев, обладавший тонким художественным чутьем и даром исследователя-популяризатора, не мог пройти мимо тех возможностей, которыми располагал кинематограф. Осуществляя на экране свое понимание исторических событий, Щеголев писал, что для него исторический фильм не исключает занимательности, интриги и даже вымысла, но при этом исторический фильм должен «раскрывать исторически значительные моменты социальной борьбы», ибо «возможности кино в этом отношении необычайно велики, т. к. кино воспроизводит быт и борьбу масс в таком масштабе, который остается совершенно недоступным для театра». В отличие от основной тенденции кинематографа Запада, советский исторический фильм «из объекта обывательского любопытства преобразуется в мощное орудие просвещения и ознакомления с подлинным революционным прошлым нашего народа»¹.

Первая попытка сотрудничества Щеголева с кино относится к 1919 году, когда он ведет переговоры о написании сценария фильма «Декабристы». Первым завершённым замыслом в кино явилось написание им сов-

¹ Жизнь искусства, 1925, № 38, с. 19.

местно с писательницей Ольгой Форш сценария, который был выпущен на экраны страны 15 февраля 1924 года.

В основе сюжета кинофильма лежит трагическая история таинственного узника, проведшего в крепости более 20 лет без суда и следствия. На основе архивных данных в сценарии нашли свое отражение революционная деятельность поручика Михаила Бейдемана¹, его агитация среди однополчан, отъезд из России, связь с Герценом, работа в Лондонской типографии и, наконец, попытка нелегально вернуться на родину, арест, а также картины бесчеловечного обращения с арестантами в Петропавловской крепости. Подлинные исторические эпизоды, по признанию критики, были лучшими в фильме². Вот почему он был расценен как «первая ласточка» советского историко-революционного кинематографа. Фильм был продан за границу, где также имел большой успех.

Первый успех окрылил Щеголева, и в следующем году, по предложению А. В. Луначарского и студии Севзапкино, он пишет сценарий нового фильма «Степан Халтурин». Фильм, вышедший на экраны 7 апреля 1925 года, вскоре был показан в Берлине и положительно оценен европейской критикой. Авторам, правда, не удалось выполнить своего заветного намерения — показать фильм В. И. Ленину³.

В этом же году по заданию Ленинградского испарта Щеголев написал сценарий, посвященный 20-летней годовщине трагических событий 9 января 1905 года.

И наконец, в 1927 году Щеголев пишет сценарий «Декабристы». Как вспоминает режиссер фильма А. В. Ивановский, «лучшего автора для сценария и желать было нечего»⁴. Несмотря на очевидные просчеты, ибо невозможно было объять эту грандиозную тему, фильм имел большой успех у зрителей.

О масштабности работы Щеголева в кино говорят и его, к сожалению, оставшиеся незавершенными творческие замыслы. В их ряду стоят сценарии фильмов «Южная трагедия» (посвященного восстанию Черниговского полка), «Медный всадник», «Мирович», «Княжна Тараканова», «Жизнь и смерть Пушкина», «Александр Ульянов — брат Ленина» и многие другие.

Оценивая вклад Щеголева в развитие советского кинематографа, следует отметить, что Щеголев был первым, кто рискнул вплотную подойти к отражению на экране темы революции. Это был тот этап деятельности

¹ Впервые к этой теме Щеголев обратился в 1919 г., опубликовав в журнале «Былое» (№ 14) исследование «Таинственный узник. Глава из книги об Алексеевском равелине».

² Константин Федин в своей рецензии на фильм останавливается на данном обстоятельстве, отмечая убедительность исторической документальности, в результате чего «картина приобретает агитационное значение» (Жизнь искусства, 1924, № 7, с. 21).

³ Ивановский А. В. Воспоминания кинорежиссера. М., 1967, с. 177.

⁴ Там же, с. 199.

советского кино, который подготавливал будущий триумф «Броненосца Потемкина». Фильмы этого периода, несмотря на недостатки, сыграли свою положительную роль, ибо «были в основном правдивы, стремились к исторической точности, разоблачали царский режим и воспевали революционные подвиги»¹. В это время было положено начало развитию профессиональной кинодраматургии, у истоков которой стоял и Щеголев.

П. Е. Щеголев скоропостижно скончался 22 января 1931 года в Ленинграде, не завершив многого из задуманного. Сохранившиеся в его архиве материалы говорят о нереализованных замыслах по всем вопросам революционного движения в России XIX—XX веков, а также русской литературы и культуры. Особое место в его планах занимал сборник статей «От Радищева до Ленина». По истории декабристов Щеголев готовил статью «Арест братьев Раевских», которая осталась незавершенной. Не увидели читатели и объявленной книги о восстании Черниговского полка. Намереваясь в 1912 году издать «Русскую Правду» Пестеля, он вернулся к этому замыслу в 1925 году, предполагая опубликовать статью «Государственный завет Пестеля». В планах организованной им «Историко-революционной библиотеки» также значились его очерки о декабристе И. И. Сухинове и народовольцах Н. И. Кибальчиче и И. И. Гриневцеком.

Щеголева по-прежнему интересовала история общественного движения 30—50-х годов XIX века. В незаконченной статье «А. С. Хомяков» им была предпринята попытка проанализировать исторические, философские и религиозные взгляды лидера славянофилов. Одновременно он начал работать над биографическими очерками, посвященными петрашевцам А. И. Пальму, С. Ф. Дурову, Ф. Н. Львову.

Несомненный интерес представляет замысел издания сочинений Н. И. Сазонова, друга А. И. Герцена. Говоря о незаурядной личности Сазонова, Щеголев отмечал тот факт, что он был в постоянной переписке с К. Марксом. Литературное наследие его «никогда не было собрано и, по сути дела, ни одно из его произведений неизвестно». Этот пробел Щеголев предлагал восполнить изданием статей, опубликованных в «Колоколе» и «Полярной звезде». В первую очередь, считал Щеголев, необходимо опубликовать политический памфлет Сазонова, вышедший в 1854 году на французском языке в Париже — «Правда об императоре Николае. Интимная история его жизни и царствования» — под псевдонимом «Русский». Среди большого числа памфлетов, появившихся в то время во Франции, сочинение Сазонова, по определению Щеголева, «выделяется осведомленностью и страстностью..., разрушает стереотипную характеристику Николая I и выдвигает лицемерие, жестокость и деспотизм этого рыцаря монархии». Издание этой книги необходимо уже потому, что «в нашей литературе, кроме официальных и подобострастных, характеристик Николая нет»².

¹ Очерки истории советского кино. М., 1956, с. 126. Л Н, т. 41—42, кн. 2.

² ИМЛИ, ф. 28, оп. 2, д. 22, л. 14, 11 об.

Не оставляя Щеголев надежд на издание полного собрания сочинений Н. П. Огарева, которое не осуществлено до сих пор. Обращаясь в 1930 году в Госиздат, Щеголев предлагал издать собрание сочинений по темам: публицистика, финансово-экономические труды, исторические, историко-литературные, проза и поэзия¹.

Сохранившиеся материалы помогают наметить перспективу работы Щеголева по вопросам, касающимся истории революционного народничества. Из задуманной им серии монографий о Бакушине, Халтурине и Нечаеве, он сумел опубликовать лишь очерк, посвященный пребыванию Нечаева в Алексеевском равелине. Этой же теме была посвящена и готовящаяся им статья «М. А. Бакунин в Алексеевском равелине».

Щеголев успел написать две главы монографии о Степане Халтурине (о подготовке покушения на Александра II и казни Халтурина в Одессе). В 1922 году Щеголев подготовил, но не опубликовал статью «Военная организация «Народной Воли», в которой он впервые использовал найденные им новые архивные материалы.

Предполагал он вернуться и к теме своего многолетнего интереса «Владимир Соловьев и 1 марта 1881 года», но это намерение так и осталось лишь в двух фрагментах, опубликованных в «Былом» в 1906 и 1918 годах.

В 1926 году Щеголев начал работать над статьей «Заговор «второмартовцев», посвященной А. И. Ульянову (об этом свидетельствует и написание сценария на эту же тему).

Политической истории русского самодержавия Щеголев предполагал посвятить готовящийся им сборник «Конец императора Павла», а также замыслы книг о Николае II, Григории Распутине, великом князе Кирилле Владимировиче, как называл его иронически Щеголев, «императоре все-русском».

Им была подготовлена первая часть книги «Шлиссельбургского сборника» за 1835—1870 годы, в котором он намеревался опубликовать материалы к истории Алексеевского равелина, а также очерки о крепостном заключении С. И. Муравьева-Апостола, П. И. Пестеля, К. Ф. Рыльева, М. В. Петрашевского, Ф. М. Достоевского, Н. А. Серно-Соловьевича, Н. В. Шелгунова.

Подготовленная им книга записок князя П. В. Долгорукова увидела свет лишь через три года после смерти Щеголева².

¹ Этим планам отвечает в какой-то степени первое издание избранных сочинений Н. П. Огарева, осуществленное много позже. См.: Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения. /Под общ. ред. М. Т. Иовчука и Н. Г. Тараканова. Вступит. ст. Н. Г. Тараканова. Подбор, подготовка текста к печати и примечания Я. З. Черняка. М., 1952—1956, т. 1—2.

² Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860—1867. Собрал и приготовил к печати П. Е. Щеголев. Дополнил и снабдил введением и примечаниями С. В. Бахрушин. М., 1934. Серия: Записи прошлого. Воспоминания и письма/под ред. С. Бахрушина и М. Цявловского.

Большой интерес представляют его замыслы по истории русской культуры и литературы.

Так, он предполагал издать сборник литературоведческих работ, посвященных болдинскому периоду творчества А. С. Пушкина. В этом же ряду стоит и замысел следующей книги «Пушкин в семейных воспоминаниях и семейной переписке». Вся эта переписка была просмотрена Щеголевым по подлинникам. Намеревался Щеголев написать работы «Пушкин в оценке графа А. Х. Бенкендорфа», «Пушкин при дворе», а также готовил для первого советского полного собрания сочинений поэта статью «Пушкин в театре».

Не смог Щеголев вернуться к работе по редактированию полного собрания сочинений М. Ю. Лермонтова и С. Т. Аксакова.

Щеголев собирался также издать сборник «Былое литературы» (в двух выпусках), где были бы собраны материалы по истории жизни и творчества русских писателей XIX—XX веков, с публикацией неизданных текстов и писем.

* * *

По свидетельству современников, Павел Елисеевич Щеголев в жизни был открытым человеком, хотя «в общении был сдержан, в спорах не раздражался, о серьезном не говорил, больше отшучивался»¹. Известный советский литературовед, пушкинист Н. В. Измайлов, оставил довольно четкое представление о Щеголеве. Он писал: «Трудно найти человека более интересного, но и более противоречивого... Его знания, эрудированность и начитанность были огромны и разносторонни; его одаренность, можно даже точнее сказать, его талантливость, поражали с первой встречи. Я не знал и не знаю более блестящего, увлекательного и яркого собеседника, чем Щеголев... И эта его одаренность, талантливость искрились и «брызгали» из него в каждом его слове»².

Его общественно-политическая и научная деятельность — это путь представителя дореволюционной демократической интеллигенции³, ставшего убежденным сторонником Советской власти и активным участником строительства новой социалистической культуры. Исследования Щеголева занимают видное место в советской исторической науке и литературоведении.

Ю. Н. Емельянов

¹ ОРФ ГБЛ, ф. 371, 6. I, с. 255. Воспоминания писателя Г. И. Чулкова.

² Измайлов Н. В. Воспоминания о Пушкинском Доме (1918—1928). — Русская литература, 1981, № 1, с. 102.

³ Там же, с. 103.

I

ИЗ ИСТОРИИ ЖУРНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. Н. РАДИЩЕВА (1789 г.)

1

Вопрос о журнальной деятельности А. Н. Радищева имеет важное, существенное значение не только для освещения литературного развития этого великого писателя русского XVIII века, но и для истории нашей общественности и литературы вообще. Если и до сих пор не установилось истинно научного и строго исторического отношения к жизненному и литературному труду Радищева, то причины этого явления нужно искать, главным образом, в том изолированном положении, которое создано вековым преследованием сначала автора, а потом книги. Когда Радищев в 1790 году держал ответ в канцелярии Шешковского, он настойчиво отрицался от каких-либо сношений и знакомств и представлял себя «уединенным» литератором. Неслыханная кара, постигшая Радищева, и последовавшее за ней систематическое подавление общественной мысли наложили печать молчания на всех, кто действительно находился в общении с осужденным вольнодумцем, и скрыли от нас радищевские традиции. Со временем утратились и источники наших возможных сведений, и нам остались скуднейшие известия и неясные слухи. Правда, остается еще путь историко-литературного изучения знаменитого «Путешествия», но и до сих пор мы еще не имеем специального исследования, которое выяснило бы отношение книги Радищева к современной литературе и журналистике.

Вопрос о журнальной деятельности Радищева поставлен давно, еще в 1868 г. А. Н. Пыпиным*. Она имеет целую

* В заметке «Крылов и Радищев. Кто писал в «Почте духов»? Вопрос из истории русской литературы прошлого века». — Вестник Европы, 1868, № 5, с. 419—436.

литературу, но мы не имеем никакого определенного решения по той простой причине, что слишком скромны те данные, которыми мы располагаем. Имя Радищева связывается с именем И. А. Крылова и с журналом «Почта духов»¹, которому принадлежит видное место в истории общественной сатиры*. Пред историками литературы стоят два вопроса: 1) один ли Крылов был автором всех писем «Почты духов»,² изложенной в виде переписки между духами, или он имел сотрудииков и 2) был ли в числе его сотрудииков А. Н. Радищев. Для нашей цели не так важен первый вопрос. Не имея в виду оставаться на нем, укажем, что наиболее вероятным представляется нам мнение Я. К. Грота, по которому весь журнал принадлежит одному автору**. Сохранилось, правда, идущее от самого Крылова известие о том, что издатель и собственник журнала Рахманинов давал ему материал; но речь тут, очевидно, не о готовых статьях, а именно о материалах, сообщениях. И в современной периодической печати мы нередко наблюдаем эти явления: материалы доставляются со стороны одними лицами и обрабатываются в статью постоянными сотрудииками. Но, перечитывая теперь «Почту духов» — ряд писем, которыми обмениваются духи и которые рисуют картину общественных пороков, — трудно допустить, что они писаны разными авторами: если же допустить это, то все-таки надо представлять себе дело так, что все авторы действовали по указке одного, выработавшего форму изложения и наблюдавшего за применением правил и распределением тем. Но главным лицом в журнале был 20-летний Крылов. С трудом верится, что по его указанию действовал 40-летний Радищев. Но допустим даже, что в «Почте духов» работало несколько лиц. Какими доказательствами мы располагаем для зачисления в их число Радищева? Все фактические данные приведены А. Н. Пыпиным, и позднейшая литература их совершенно не увеличила. Они заключаются в двух указаниях.

Первое — на слова Крылова своему сослуживцу Быстрову о причинах закрытия журнала и типографии: «Знаешь, мой милый, — говорил Крылов, — тут много причин... полиция, и еще одно обстоятельство... кто не был молод и на веку своем не делал проказ». Эти слова Пыпин приводит по статье Кеневича, делающего к ним следующее дополнение со слов

* «Адская почта»³ [ошибка — следует — «Почта духов»] доступна для чтения: г-н Каллаш перепечатал ее в II и III томах «Полн. собр. соч. И. А. Крылова». Изд. т-ва «Просвещение» [Спб., 1904; стереотипное переиздание — Пг., 1918]. — *Ред.*

** Сатира Крылова и его «Почта духов». — Вестник Европы, 1868, № 3, с. 203—224 и в «Трудах» Я. К. Грота, т. III

Н. И. Греча: кажется, Крылова «подозревали в том, что он напечатал у себя книгу Радищева. По крайней мере, лет десять спустя после появления ее в свет, один полицейский чиновник сам рассказал ему, что являлся в его типографию с поручением разведать, не у него ли печатается эта книга, и прикрыл это поручение желанием узнать, как вообще печатаются книги»*. Пыпин сам признал, что из подобных сообщений трудно извлечь что-нибудь кроме темного представления о каких-то связях, существовавших между ним и Радищевым. Но это сообщение Быстрова — Греча — Кеневича не годится для утверждения даже темного представления. Пыпину не были еще в то время известны данные о начале преследования против Радищева и о том, что факты его авторства и печатания книг в его собственной типографии обнаружались, можно сказать, тотчас же по возбуждении расследования. Но, главное, мы знаем теперь, что у Крылова не было в то время собственной типографии, что «Почта духов» печаталась в типографии Рахманинова**, что издание прекратилось в 1789 году на августовской книжке скорее всего за отсутствием подписчиков и что во всяком случае прекращение не было ни в какой зависимости от появления книги в июне 1790 года.

Второе указание, приводимое Пыпиным, — свидетельство Масона⁴, автора известного сочинения о России в царствования Екатерины II и Павла I. Масон прибыл в Россию в 1786 году, сначала преподавал в артиллерийском корпусе, а с 1789 года состоял адъютантом при президенте военной коллегии Н. И. Салтыкове, был воспитателем его детей и жил во дворце; в 1796 году он был выслан за границу имп. Павлом I. В. А. Бильбасов дает высокую оценку его работе, вышедшей в 1800 году под заглавием «Memoires secrets sur la Russie et particulièrement sur la fin règne de Catherine II et le commencement de celui de Paul I» (Paris, An VIII)***. Во втором томе (р. 188—190) мы находим следующее известие о Радищеве.

«Среди многочисленных жертв политических преследований Радищев заслуживает в особенности сожалений друзей разума. Известно, что Екатерина II нередко отправляла на свой счет за границу русскую молодежь путешествовать и учиться; в большинстве случаев выбор был удачен, молодые

* Кеневич В. Иван Андреевич Крылов. Биографический очерк. — Вестник Европы, 1868, № 2, с. 712.

** Данные об издании «Почты духов» приведены В. В. Каллашом в предисловии к перепечатке журнала (Полное собрание сочинений И. А. Крылова. Изд. т-ва «Просвещение». Т. II. [СПб., 1905], с. 305—320).

*** См.: Бильбасов В. А. История Екатерины Второй. Т. XII, ч. 2 [Обзор иностранных сочинений о Екатерине II. (1797—1896). Берлин, [1891], с. 66—70. — *Ред.*⁵

люди становились достойными людьми и приносили в свое отечество знания философии и гуманные идеи. Самым выдающимся и самым несчастным из этих воспитанников Екатерины был Радищев. По своем возвращении он был определен директором таможни, и в этом положении сборщика податей (*dans cet emploi de publicain*), его честность, любезность в обращении, мягкость характера заставили ценить и дорожить им. Он занимался литературой и уже издавал «Почту духов» (*Potschta Doukow*), периодическое издание, самое философское и самое острое (*la plus piquante*), подобного которому никогда не осмелились издавать в России. Но его совсем не трогали; когда же во время революции он осмелился напечатать маленькую работу, он решился обнаружить свою ненависть к деспотизму, свое негодование против фаворитов и свое уважение к французам. Особенно замечательно тут то, что многие экземпляры его книг имели разрешение полиции. Рылеев (*Kléief*), начальник полиции, столь же известный в России своими непостыями, как д'Аржансон, Лемуар, Сартин во Франции своими хитростями, был потребован к ответу по поводу этого одобрения. Он не знал, как отвечать, потому что он не читал книги, да и ничего в ней не понял бы. Но почтенный Радищев, также спрошенный, сознался, что самые резкие отрывки его книги не были в рукописи, когда он представлял ее в цензуру, но что он сам напечатал их у себя. Он заслуживал бы того отношения, которое Екатерина высказала в других случаях — прощения, но Радищев был отправлен в Сибирь.

«Он попросил разрешить ему обнять последний раз жену и детей; когда его вывели из тюрьмы, чтобы отправить, ему разрешили остановиться на берегу Невы, чтобы подождать их: но была ночь; подняли мост, чтобы пропустить суда, и в этот момент его несчастная супруга прибыла на другой берег. Радищев умоляет задержать его отправление, пока не пройдет судно, или пока жена не найдет лодки. Напрасно, безжалостный конвой заставляет его сесть и запирает его в возок, на глазах его растерявшейся жены, простирающей с воплями к нему руки через реку. Ах! если он еще жив в далекой пустыне (*dans ces vastes desertes*), в которую он брошен, или если он еще дышит в Колыванских рудниках, пусть он найдет утешение в философии и добродетели! Его смелость не прошла без пользы для родины. Несмотря на конфискацию, его книга существует у многих его соотечественников, и память о нем дорога всем рассудительным и чувствительным людям».

К этому рассказу Масон делает следующее примечание: «Труд Р<адищева> озаглавлен «Путешествие в Москву». Русским книгопродавцам платили до 25 руб. за то, чтобы иметь

на час эту книгу и прочесть. Я читал только отрывки, и среди них тот, в котором он разоблачает надменность и глупое величие деспота, окруженного презренными льстецами. Вот фраза, которая особенно возмутила Екатерину: «*puisqu'elle était directe. J'entre à Tzarskoë Célo; je suis frappé du silence effrayant qui y regne: tout se taut, tout tremble; c'est ici la demeure du despotisme*»*. И эта фраза стоила Сибири для несчастного Радищева».

Вот единственное известие, называющее Радищева даже не сотрудником, а единственным автором «Почты духов». Сообщения Масона достоверны в общих чертах, но не в частности. И рассказ о Радищеве тоже только в общем соответствует действительности, но отступает от нее во многих частности. Пыпин не обратил на них должного внимания. Уже первое сообщение об его исключительно авторстве «Почты духов» должно бы внушить сомнение. Масон не держал в руках даже книги «Путешествия»; поэтому-то он и называет его небольшой работой, брошюрой. Рассказ о прощании тоже не верен: и жены⁶ у Радищева в это время уже не было, да притом такая разительная подробность о прощании (положим, не с женой, а с сестрой)⁷ — воспитательницей детей Р<адищева> сохранилась бы в семейных воспоминаниях детей⁸ Радищева. Сведения о процессе и каре, постигшей Радищева, получены, очевидно, не из первых рук и только подтверждают общее впечатление отрывка, что Масон был в довольно далеких отношениях к делу Радищева и к истории его книги. Известия Масона не шли, очевидно, из кругов, близких к Радищеву. С тем большей осторожностью нужно относиться к сообщению Масона о «Почте духов», ибо еще труднее было получить сведения о таком интимном факте, как авторство неподписанных статей. В большую публику, к которой принадлежал и Масон, проникали, конечно, лишь слухи, и эти слухи и положил в основу своей книги Масон. Действительно, тот, кто сообщил бы Масону совершенно достоверное известие об издании Радищевым «Почты духов», должен был близко знать жизнь Радищева и не мог сообщить данных, приводимых Масоном.

Вот этот-то слух, внесенный в французскую книгу, и положил начало литературе нашего вопроса. Считаюсь с ним и не имея, кроме него, решительно никаких фактических данных, исследователи, касавшиеся этого вопроса, считали долгом высказаться, какие именно письма в «Почте духов» могут быть

* «потому что она была прямолинейной» (т. е. фраза.— *Ред.*) и далее: «Я приезжаю в Царское Село; я поражен бивающей тишиной, которая там царит: все молчит, все трепещет; здесь живет деспотизм» (*франц.*). — *Ред.*

приписаны Радищеву. Пыпин приписывал ему все письма, занятые общими соображениями о недостатках общественной жизни и рассуждениями о предметах нравственности, в особенности письма Сильфа Дальновида и предположительно письма VIII, II, IV, XX, XXII, XXIV, XXV, XXIX, XXXIII, XXXVII. К мнению Пыпина склонялся и А. И. Лященко*. Л. Н. Майков склонен был приписать Радищеву письма Сильфа Дальновида и Выспрепара, особливо письма XX, XXII, XXIV, XXVII**. В. В. Каллаш утверждает, что письма Выспрепара, Дальновида и Астарота напоминают литературную манеру Радищева***. Н. П. Павлов-Сильванский, относясь скептически к предположениям Пыпина, признавал радищевскими письма XXII, V, XVIII****.

Основания подобных утверждений — чисто субъективного свойства, в полной зависимости от того впечатления, которое производит на исследователя содержание или стиль писем. Но и на этом пути можно было бы получить достоверные выводы, если бы был произведен анализ стиля «Почты духов» и стиля Радищева, но этой работы до сих пор не сделано. У нас после внимательного изучения сочинений Радищева сложилось представление, что у Радищева своеобразнейший стиль (по словарю, эпитетам и синтаксису), легко отличный, и что стиль «Почты духов» совсем не похож на радищевский. Заметим, что обычная характеристика слога Радищева — тяжелый, надутый, — бесконечно повторяемая, совершенно поверхностна и неприменима к Радищеву. Мы сказали бы, что слог его имеет даже своеобразную прелесть: ни в каких других произведениях XVIII века не чувствуется такого биения слова, такой жизни языка, как у Радищева.

2

Но относясь критически к сообщению Масона, мы должны поставить вопрос, какие действительно бывшие факты могли способствовать возникновению подобного слуха об отношении Радищева к журналистике. На поставленный таким образом вопрос мы можем теперь ответить: да, Радищев был прикосновенен к современной журналистике, но не к «Почте духов», а к выходившему одновременно с ней журналу «Беседующий

* [Лященко А. И. Иван Андреевич Крылов (Биографический очерк). — Исторический вестник, 1894, № 11, с. 498—499]. — *Ред.*

** Майков Л. Историко-литературные очерки. СПб., изд. Л. Ф. Пантелеева, 1895, с. 36.

*** [Крылов И. А. Полн. собр. соч. СПб., 1904, т. II, с. 312]. — *Ред.*

**** Путешествие из Петербурга в Москву А. Н. Радищева. Редакция Н. П. Павлова-Сильванского и П. Е. Щеголева. СПб., 1905, с. 287—288.

гражданин»⁹. Этот журнал ныне абсолютно забыт; можно сказать, что из исследователей никто и никогда им не интересовался, а между тем в истории русского общественного мнения ему принадлежит видное место. Достаточно сказать, что он посвящен был разработке вопроса о принципах политической деятельности гражданина и выяснению отношений гражданина к своим согражданам и государству. По своему идейному содержанию журнал очень близок к «Путешествию»: можно сказать, он подготавливал книгу Радищева. Сравнительный анализ «Беседующего гражданина» и «Путешествия» выясняет общность взглядов журнала и книги на многие политические и философские вопросы. Любопытна и история издания этого журнала. Он издавался целым кружком единомышленно настроенных лиц — «Обществом друзей словесных наук»¹⁰. Издатели неоднократно подчеркивали, что, выпуская журнал, они не преследуют целей коммерческих. Их задачей было развитие стройного мировоззрения, в котором необходимость гражданских добродетелей вытекала из посылок этических, философских и гносеологических. Поэтому мы находим в журнале целый ряд статей серьезного, научного содержания*. Членом этого общества и, следовательно, одним из издателей журнала был и А. Н. Радищев. Об участии его мы имеем на этот раз не одно глухое сообщение; мы можем внести в собрание его сочинений одну статью, достоверно ему принадлежащую. Это важное известие об отношении Радищева к «Беседующему гражданину» мы находим в вышедших недавно весьма любопытных «Записках Сергея Алексеевича Тучкова»**. Тучков тоже был членом «Общества друзей словесных наук», но в 1789 году он принимал участие в войне со шведами¹¹ и жил в Выборге***. Приехав в Петербург в 1790 году, он поспешил в собрание общества, но оно оказалось закрытым. Собрания были запрещены, а члены общества подверглись в разной мере преследованиям правительства. И эти преследования были вызваны деятельностью Радищева. Вот в высшей степени важный рассказ Тучкова.

«После столь трудного похода, прибыл я в дом отца мое-

* О деятельности «Общества друзей словесных наук», о членах его, об отношении его к Радищеву, о связи «Беседующего гражданина» с «Путешествием» я говорю на основании изданных и неизданных материалов в особом исследовании, которое в начале будущего года появится в печати. В нем я даю подробный анализ журнала и выясняю его историко-культурное значение¹².

** 1766—1808. Записки Сергея Алексеевича Тучкова./Под ред. К. А. Военского. СПб., 1908, с. 42—43.

*** На жительстве в Выборге он значится и в списке получавших «Беседующий гражданин», помещенном в журнале.

го¹³ и, отдохнув несколько дней в моем семействе, вдумал посетить собрание наше любителей словесности. Но приехав в дом, где собирались мои сочлены, нашел оный пуст, и дворник объявил мне, что он не знает почему, однако давно уже, как запрещено от полиции этим господам собираться.

«Во Франции началась уже тогда революция и дух вольности начал проникать в Россию, а потому не только все илюминатские, мартинистские и масонские собрания, но даже и собрания любителей словесности были строго запрещены, потому что некоторые члены первых находились членами и в последних, чего никак не можно было избежать».

«Некто г. Радищев, член общества нашего, написал одно небольшое сочинение под названием «Беседа о том, что есть сын отечества, или истинный патриот», и хотел поместить в нашем журнале. Члены, хотя одобрили оное, но не надеялись, чтобы цензура пропустила сочинение, писанное с такой вольностью духа. Г. Радищев взял на себя отвезти все издание того месяца к цензору и успел в том, что сочинение его вместе с другими было позволено для напечатания. В то же время издал он и напечатал без цензуры в собственной типографии небольшую книгу его сочинения под названием: «Езда из Петербурга в Москву», в которой с великою вольностью, в сильных выражениях писал он противу деспотизма. Книга сия написана была прозою, но заключала в себе оду на вольность, сочиненную им стихами. Она начиналась сими словами:

О вольность! Вольность дар бесценный!
Позволь, чтоб раб тебя воспел...

и далее:

Да Брут и Телль еще проснутся.
Сидя во славе, да смутятся
От гласа твоего цари¹⁴.

«Полиция скоро открыла и сочинителя оной. Он был взят и отвезен в тайную канцелярию, которая в царствование Екатерины II самыми жестокими пытками действовала во всей силе. Некто Шешковский, человек, облеченный в генеральское достоинство, самый хладнокровный мучитель, был начальником оной. Радищев, выдержав там многие пристрастные допросы, сослан был, наконец, в Сибирь».

«Императрица велела подать себе все списки членов, как тайных, так и вольных ученых собраний, в том числе представлен был список и нашего собрания. По разным видам и обстоятельствам, большая часть членов лишены были своих должностей, и велено было выехать им из Петербурга. Я не могу умолчать о том, что она, читая список собрания нашего

и найдя в нем мое имя, сказала: «на что трогать этого молодого человека, он и так уже на галерах».

Тучков ставит кару, постигшую членов общества, в связь с обнаружением в числе его членов Радищева; не совсем ясно, какое влияние на закрытие общества имела его статья и был ли введом Екатерине II факт участия Радищева в журнале. Известно, что со времени французской революции отношение Екатерины ко всякому проявлению независимой и свободной мысли становится нетерпимым, а ревность к отысканию заразы французской — безмерной. Этими особенностями ее психологии объясняется и неслыханное наказание, наложенное ею на Радищева. Во всяком случае в то время участие Радищева в журнале считалось одной из причин гибели общества; иначе Тучков, начиная в своих записках рассказ об обстоятельствах закрытия общества, не упомянул бы о статье Радищева, писанной с вольностью духа и помещенной по особым хлопотам автора. Для хронологии событий нужно отметить следующее. Статья Радищева появилась в декабрьской (последней) книге «Беседующего гражданина» в 1789 году. Но это не значит, что книжка вышла в декабре. С первой же январской книжки журнал начал выходить с опозданием. Это обстоятельство неоднократно заставляло издателей извиняться перед читателями. И декабрьская книжка 1789 года вышла уже в 1790 году. В ней помещены, между прочим, стихи на масленицу; поэтому можно думать, что книжка вышла уже после масленицы, значит, в феврале или даже в марте месяце. В это время Радищев заканчивал печатание своего «Путешествия». Очевидно, промежуток между выходом книги журнала и «Путешествия» был невелик.

3

Но обратимся к статье Радищева, отличавшейся необычной вольностью духа. Действительно, с первых же строк вас охватывает атмосфера радищевской мысли и радищевского стиля. Тема — коренной вопрос, волновавший передовую русскую интеллигенцию — кто же истинный гражданин, кто сын отечества. Отечество для них не было отвлеченным словом, не было абстракцией: это был лозунг действительности. Недаром немного позже имп. Павел I запретил употреблять слово отечество, как термин революционный. Приводим эту неизвестную до сих пор статью Радищева.

БЕСЕДА О ТОМ, ЧТО ЕСТЬ СЫН ОТЕЧЕСТВА*

Не все рожденные в Отечестве достойны величественного наименования сына Отечества (патриота).

— Под игом рабства находящиеся не достойны украшаться сим именем.— Поудержись, чувствительное сердце, не произноси суда твоего на таковые изречения, доколе стоиши при праге.— Вступи и виждь!

Кому неизвестно, что имя сына Отечества принадлежит человеку, а не зверю или скоту, или другому бессловесному животному? Известно, что человек существо свободное, поелику одарено умом, разумом и свободною волею; что свобода его состоит в избрании лучшего, что сие лучшее познает он и избирает посредством разума, постигает пособием ума, и стремится всегда к прекрасному, величественному, высокому.— Все сие обретает он в едином последовании естественным и откровенным законам, инако божественными называемым, и извлеченным от божественных и естественных гражданским или общежительным.— Но в ком заглушены сии способности, сии человеческие чувствования, может ли украшаться величественным именем сына отечества?— Он не человек, но что? он ниже скота; ибо и скот следует своим законам, и не примечено еще в нем удаления от оных. Но здесь не касается рассуждение о тех злосчастнейших, кои коварство или насилие лишило сего величественного преимущества человека, кои соделаны чрез то такими, что без принуждения и страха ничего уже из таких чувствований не производят, кои уподоблены тяглому скоту, не делают выше определенной работы, от которой им освободиться нельзя; кои уподоблены лошади, осужденной на всю жизнь возить телегу, и не имеющие надежды освободиться от своего ига, получая равные с лошадию воздаяния и претерпевая равные удары: не о тех, кои не видят конца своему игу, кроме смерти, где кончатся их труды и их мучения, хотя и случается иногда, что жестокая печаль, объев дух их размышлением, возжигает слабый свет их разума и заставляет их проклинать бедственное свое состояние и искать оному конца: не о тех здесь речь, кои не чувствуют другого, кроме своего унижения, кои ползают и движутся во смертном сне (летаргия), кои походят на человека одним только видом, в прочем обременены тяжестью своих оков, лишены всех благ,

* Помещена в «Беседующем гражданине» на 308—324 страницах III части; воспроизводится нами буквально.

исключены от всего наследия человеков, угнетены, унижены, презренны; кои не что иное, как мертвые тела, погребенные одно подле другого; работают необходимое для человека из страха; им ничего, кроме смерти, не желательно, и коим наималейшее желание заказано, и самые маловажные предприятия казнятся; им позволено только расти, потом умирать; о коих не спрашивается, что они достойного человечества сделали? какие похвальные дела, следы прошедшей их жизни, оставили? какое добро, какую пользу принесло государству сие великое число рук? — Не о сих здесь слово; они не суть члены государства, они не человеки, когда суть не что иное, как движимые мучителем машины, мертвые трупы, тяглый скот! — Человек, человек потребен для ношения имени сына Отечества! — Но где он? Где сей украшенный достойно сим величественным именем? — Не в объятиях ли неги и любострастия? — Не объятый ли пламенем гордости, любоначалия, насилия? — Не зарытый ли в скверноприбыточестве, зависти, зловождевании, вражде и раздоре со всеми, даже и теми, кои одинаково с ним чувствуют и к одному и тому же устремляются? — или не погрязший ли в тину лени, обжорства и пьянства? — Вертопрах, облетающий с полудня (ибо он тогда начинает день свой) весь город, все улицы, все дома, для бессмысленнейшего пустоглаголения, для обольщения целомудрия, для заражения благонравия, для уловления простоты и чистосердечия, соделавший голову свою мучным магазином, брови вместилищем сажи, щеки коробками белил и сурика, или лучше сказать живописною политрою, кожу тела своего вытянутою барабанною кожей, похож больше на чудовище в своем убранстве, нежели на человека, и его распутная жизнь, знаменуемая смрадом из уст и всего тела его происходящим, задушается целою аптекою благовонных опрыскиваний, словом, он модный человек, совершенно исполняющий все правила щегольской большего света науки; — он ест, спит, валяется в пьянстве и любострастии, несмотря на истощенные силы свои передевается, мелет всякий вздор, кричит, перебегает с места на место, кратко, он щеголь. — Не сей ли есть сын Отечества? — или тот, поднимающий величавым образом на твердь небесную свой взор, попирающий ногами своими всех, кои находятся пред ним, терзающий ближних своих насилем, гонением, притеснением, заточением, лишением звания, собственности, мучением, прельщением, обманом и самым убийством, словом, всеми, одному ему известными, средствами раздирающий тех, кои осмелятся произносить слова: человечество, свобода, покой, честность, святость, собственность и другие сим подобные? — потоки слез, реки крови не токмо не трогают, но ус-

лаждают его душу.— Тот не должен существовать, кто смеет противоборствовать его речам, мнению, делам и намерениям! сей ли есть сын Отечества? — Или тот простирающий объятия свои к захвачению богатства и владений целого Отечества своего, а ежели бы можно было, и целого света, и который с хладнокровием готов отъять у злосчастнейших соотечественников своих и последние крохи, поддерживающие унылую и томную их жизнь, ограбить, расхитить их пылинки собственности; который восхищается радостию, ежели открывається ему случай к новому приобретению; пусть то заплачено будет реками крови собратий его, пусть то лишит последнего убежища и пропитания подобных ему сочеловеков, пусть они умирают с голоду, стужи, зноя; пусть рыдают, пусть умерщвляют чад своих в отчаянии, пусть они отваживают жизнь свою на тысячу смертей; все сие не поколеблет его сердца; все сие для него не значит ничего; — он умножает свое имение, а сего и довольно.— И так не сему ли принадлежит имя сына Отечества? — Или не тот ли сидящий за исполненным произведением всех четырех стихий столом, коего услаждению вкуса и брюха жертвуют несколько человек, отъятых от служения Отечеству, дабы до пресыщения мог он быть перевален в постель, и там спокойно уже заниматься потреблением других произведений, какие он вздумает, пока сон отнимет у него силу двигать челюстями своими? И так конечно сей, или же который-нибудь из вышесказанных четырех? (ибо пятого сложения толь же отдельно редко найдем). Смесь сих четырех везде видна, но еще не виден сын Отечества, ежели он не в числе сих! — Глас разума, глас законов, начертанных в природе и сердце человека, несогласен наименовать вычисленных людей сынами Отечества! Самые те, кои подлинно таковы суть, произнесут суд (не на себя, ибо они себя не находят такими), но на подобных себе, и приговорят исключить таковых из числа сынов Отечества; поелику нет человека, сколько бы он ни был порочен и ослеплен собою, чтобы сколько-нибудь не чувствовал правоты и красоты вещей и дел.

Нет человека, который бы не чувствовал прискорбия, видя себя уничижаема, поносима, поработцаема насилием, лишаема всех средств и способов наслаждаться покоем и удовольствием, и не обретая нигде утешения своего.— Не доказывает ли сие, что он любит *честь*, без которой он как без души. Не нужно здесь изъяснять, что сие есть истинная честь; ибо ложная, вместо избавления, покоряет всему вышесказанному, и никогда не успокоит сердца человеческого.— Всякому врождено чувство истинной чести; но освещает оно дела и мысли человека по мере приближения его к оному, следуя светильни-

ку разума, проводящему его сквозь мглу страстей, пороков и предубеждений к тихому ее, чести то есть, свету.— Нет ни одного из смертных толико отверженного от Природы, который бы не имел той вложенной в сердце каждого человека пружины, устремляющей его к люблению *чести*. Всякий желает лучше быть уважаем, нежели поносим, всяк устремляется к дальнейшему своему совершенствованию, знаменитости и славе; как бы ни силился ласкатель Александра Македонского, Аристотель, доказывать сему противное, утверждая, что сама Природа расположила уже род смертных так, что одна и притом гораздо большая часть оных должна непременно быть в рабском состоянии, и следовательно не чувствовать, что есть *честь*? а другая в господственном, по тому, что не многие имеют благородные и величественные чувствования.— Не спорно, что гораздо знатнейшая часть рода смертных погружена во мрачность варварства, зверства и рабства; но сие ни мало не доказывает, что человек не рожден с чувствованием, устремляющим его к великому и к совершенствованию себя, и следовательно к люблению истинной славы и *чести*. Причиной тому или род провождаемой жизни, обстоятельства, или в коих быть принуждены, или мало-опытность, или насилие врагов праведного и законного возвышения природы человеческой, подвергающих оную силою и коварством слепоте и рабству, которое разум и сердце человеческое обессиливает, налагая тягчайшие оковы презрения и угнетения, подавляющего силы духа вечного.— Не оправдывайте себя здесь, притеснители, злодеи человечества, что сии ужасные узы суть порядок, требующий подчиненности. О ежели б вы проникли цепь всея Природы, сколько вы можете, а можете много! то другие бы мысли вы ощутили в себе; нашли бы, что любовь, а не насилие содержит толь прекрасный в мире порядок и подчиненность. Вся природа подлежит оному, и где оный, там нет ужасных позорищ, извлекающих у чувствительных сердец слезы сострадания, и при которых истинный Друг человечества содрогается.— Что бы такое представляла тогда Природа, кроме смеси не стройной (хаоса), ежели бы лишена была оной пружины? — По истине она лишилась бы величайшего способа, как к сохранению, так и к совершенствованию себя. Везде и со всяким человеком рождается оная пламенная любовь к снисканию *чести* и похвалы у других.— Сие происходит из врожденного человеку чувствования своей ограниченности и зависимости. Сие чувство толь сильно, что всегда побуждает людей к приобретению для себя тех способностей и преимуществ, посредством которых заслуживается любовь как от людей, так и от высочайшего Существа, свиде-

тельствуемая услаждением совести; а заслужив других благосклонность и уважение, человек учиняется благонадежным в средствах сохранения и совершенствования самого себя.— И есть ли сие так, то кто сомневается, что сильная она любовь к *чести* и желание приобрести услаждение совести своей с благосклонностию и похвалою от других, есть величайшее и надежнейшее средство, без которого человеческое благосостояние и совершенствование быть не может? — Ибо какое тогда останется для человека средство преодолеть те трудности, кои неизбежны на пути, ведущем к достижению блаженного покоя, и опровергнуть то малодушное чувствование, кое наводит трепет при воззрении на недостатки свои? — Какое есть средство к избавлению от страха, пасть на веки под ужаснейшим бременем оных? ежели отъять во-первых исполненное сладкой надежды прибежище к высочайшему Существо, не яко мстителю, но яко источнику и началу всех благ; а потом к подобным себе, с которыми соединила нас Природа, ради взаимной помощи, и которые внутренно преклоняются к готовности оказывать оную и, при всем заглушении сего внутреннего гласа, чувствуют, что они не должны быть теми святотатцами, кои препятствуют праведному человеческому стремлению к совершенствованию себя. Кто посеял в человеке чувствование сие искать прибежища? — Врожденное чувствование зависимости, ясно показывающее нам оное двойственное к спасению и удовольствию нашему средство.— И что, наконец, побуждает его ко вступлению на сии пути? что устремляет его к соединению с сими двумя человеческого блаженства средствами, и к заботе нравиться им? — По истине не что иное, как врожденное пламенное побуждение к приобретению для себя тех способностей и красоты, посредством которых заслуживается благоволение божие и любовь собратии своей, желание учиниться достойным их благосклонности и покровительства.— Рассматривающий деяния человеческие увидит, что се одна из главнейших пружин всех величайших в свете произведений! — И се начало того побуждения к люблению *чести*, которое посеяно в человеке, при начале сотворения его! се причина чувствования того услаждения, которое обыкновенно сопряжено всегда с сердцем человека, как скоро наливается на оное благоволение божие, которое состоит в сладкой тишине и услаждении совести, и как скоро приобретает он любовь подобных себе, которая обыкновенно изображается радостью при воззрении его, похвалами, восклицаниями.— Се предмет, к коему стремятся истинные люди, и где обретают истинное свое удовольствие! Доказано уже, что истинный человек и сын Отечества есть одно и то же; следовательно будет вер-

ный отличительный признак его, ежели он таким образом *честолюбив*.

Сим да начинает украшать он величественное наименование сына Отечества, Монархии. Он для сего должен почитать свою совесть, возлюбити ближних; ибо единою любовью приобретается любовь; должно исполнять звание свое так, как повелевает благоразумие и честность, не заботясь нимало о воздаянии, почести, превозношении и славе, которая есть сопутница, или паче, тень, всегда следующая за Добродетелию, освещаемою не вечерним солнцем Правды; ибо те, которые гоняются за славою и похвалою, не только не приобретают для себя оных от других, но паче лишаются.

Истинный человек есть истинный исполнитель всех предоставленных для блаженства его законов; он свято повинуется оным.— Благородная и чуждая пустосвятства и лицемерия скромность сопровождает все чувствования, слова и деяния его. С благоговением подчиняется он всему тому, чего порядок, благоустройство и спасение общее требуют; для него нет низкого состояния в служении Отечеству; служа оному, он знает, что он содействует здравоносному обращению, так сказать, крови Государственного тела.— Он скорее согласится погибнуть и исчезнуть, нежели подать собою другим пример неблагонравия и тем отнять у Отечества детей, кои бы могли быть украшением и подпорою оного; он страшится заразить соки благосостояния своих сограждан; он пламенует нежнейшею любовью к целостности и спокойствию своих соотчичей; ничего столько не жаждет зреть, как взаимной любви между ними; он возжигает сей благотворный пламень во всех сердцах;— не страшится трудностей, встречающихся ему при сем благородном его подвиге; преодолевает все препятствия, неутомимо бдит над сохранением честности, подает благие советы и наставления, помогает несчастным, избавляет от опасностей заблуждения и пороков, и ежели уверен в том, что смерть его принесет крепость и славу Отечеству, то не страшится пожертвовать жизнью; есть ли же она нужна для отечества, то сохраняет ее для всемерного соблюдения законов естественных и отечественных; по возможности своей открывает все, могущее запятнать чистоту, и ослабить благонамеренность оных, яко пагубу блаженства и совершенствование Соотечественников своих. Словом, он *благонравен!* Вот другой верный знак сына Отечества! Третий же, и, как кажется, последний отличительнейший знак сына Отечества, когда он *благороден*. Благороден же есть тот, кто учинил себя знаменитым мудрыми и человеколюбивыми качествами и поступками своими; кто сияет в Обществе разумом и Добродетелию, и будучи

воспламенен истинно мудрым любочестием, все силы и старания свои к тому единственно устремляет, чтобы, повинувшись законам и блюстителям оных, придерживающим властям, как всего себя, так и все, что он ни имеет, не почитать иначе, как принадлежащим Отечеству, употреблять оное так, как вверенный ему залог благоволения Соотчичей и Государя своего, который есть Отец Народа, ничего не щадя для блага Отечества. Тот есть прямо благороден, которого сердце не может не трепетать от нежной радости при едином имени Отечества, и который не иначе чувствует притом воспоминании (которое в нем непрестанно), как бы то говорено было с драгоценнейшей всего на свете его чести. Он не жертвует благом Отечества предрассудкам, кои мечутся, яко блистательные, в глаза его; всеми жертвует для блага оного; верховная его награда состоит в Добродетели, то есть, в той внутренней стройности всех наклонностей и хотений, которую премудрый Творец вливает в непорочное сердце, и которой в ее тишине и удовольствии ничто в свете уподобиться не может. Ибо истинное *благородство* есть добродетельные поступки, оживотворяемые истинною честью, которая не инде находится, как в непрерывном благотворении роду человеческому, а преимущественно своим Соотечественникам, воздавая каждому по достоинству и по предписуемым законам Естества и Народоправления. Украшенные сими единственно качествами как в просвещенной Древности, так и ныне почтены истинными хвалами. И вот третий отличительный знак сына Отечества.

Но сколь ни блистательны, сколь ни славны, ни восхитительны для всякого благомыслящего сердца сии качества сына Отечества, и хотя всяк сроден иметь оные: но не могут однако ж не быть не чисты, смешаны, темны, запутаны, без надлежащего воспитания и просвещения Науками и Знаниями, без коих наилучшая сия способность человека удобно, как всегда то было и есть, превращается в самые вреднейшие побуждения и стремления, и наводняет целые Государства злочестиями, беспокоействами, раздорами и неустойством. Ибо тогда понятия человеческие бывают темны, сбивчивы и совсем химерические.— Почему прежде, нежели пожелает кто иметь помянутые качества истинного человека, нужно, чтобы прежде приучил дух свой к трудолюбию, прилежанию, повиновению, скромности, умному состраданию, кто к охоте благотворить всем, к любви Отечества, к желанию подражать великим в том примерам тако ж к любви к Наукам и Художествам, сколько позволяет отправляемое к общежитию звание; применился бы к упражнению в Истории и Философии или Любоумудрии, не школьном, для словопрения единственно обращен-

ном, но в истинном, обучающем человека истинным его обязанностям; а для очищения вкуса, возлюбил бы рассматривание Живописи великих Художников, Музыки, Изваяния, Архитектуры или Зодчества.

Весьма те ошибутся, которые почтут сие рассуждение тою Платоническою системою общественного воспитания, которой события никогда не увидим, когда в наших глазах род такого точного воспитания, и на сих правилах основанного, введен Богомудрыми Монархами, и просвещенная Европа с изумлением видит успехи оного, восходящие к предположенной цели исполненными шагами!»

Исполненная радищевского пафоса, статья эта, появившись в последней книжке журнала, достойным образом завершила осуществление задач, поставленных издателями. Не входя здесь в подробные выяснения отношения этого манифеста Радищева к остальным статьям журнала, скажем, что в нем поистине конденсировано содержание журнала. Прекращая издание, редакторы напечатали «Заключение к просвещеннейшей публике»; как бы боясь, что не будут поняты их истинные намерения, они еще раз объясняют те цели и задачи, которые были поставлены их органу: «Желающим знать цель и связь сего издания, сверх объяснения о том, сделанного в предуведомлении к сему изданию, еще кратко повторяется здесь, что цель оного единственно заключалась в всевозможном показании, что главное дело Правительств есть и быть долженствует воспитание Народа в благочестии, кротости, трудолюбии, послушании, домостроительстве; тако ж в предохранении его от фанатизма или безверия, в утверждении на правилах закона; в показании, что есть сын Отечества и какие его обязанности; при том введение и покровительство Наук и Художеств, ободрение и поддержание торговли и рукоделий; научение людей быть мужественными и решенными в защищении своего Отечества, искусными «честными законниками» и т. д. Мы видим из этого «заключения», что участие Радищева не было случайным, что при только что указанной программе журнала подобная статья могла быть написана лицом, близким к журналу, и единомышленником. Но ведь кроме этих внутренних свидетельств о близости Радищева к «Беседующему гражданину» мы имеем и известие Тучкова о том, что Радищев был членом Общества, издававшего журнал*. Для нас пока достаточно этих данных.

* Исследователям журналистики XVIII века за издателя «Беседующего гражданина» известен писатель и переводчик Мих. Ив. Антоновский. Он и сам впоследствии объявлял себя издателем, но в действительности

Обратимся снова к сообщению Масона. Не легло ли в его основу известие об участии Радищева именно в «Беседующем гражданине»? До Масона дошли слухи вполне верные о журнальной деятельности Радищева и о том, что эта деятельность была запечатлена печатью свободной мысли, но он смешал заглавие журнала — не «Почта духов», а «Беседующий гражданин». Вспомним, как он характеризует периодическое издание Радищева: — «самое философское и самое острое (*la plus piquante*), подобного которому никогда не осмелились издавать в России». К какому журналу более приложима эта характеристика? Если еще вторая часть характеристики (*la plus piquante*) может быть отнесена с одинаковым правом и к журналу Крылова и к журналу «Общества друзей словесных наук», то первая часть (*la plus philosophique*) — указание на обилие философских статей — может быть отнесена только к «Беседующему гражданину». Как раз последний журнал и прослыл в тогдашней читающей публике за чересчур нравоучительный, наставнический, философский. Уже в 3-й книге редакция «Беседующего гражданина» помещает письмо Пустобаева с упреками по адресу редакции, зачем-де она наполняет журнал наставлениями и рассуждениями. Пустобаев, конечно, вымышленный самой редакцией представитель толков и разговоров в публике о журнале. Сейчас мы встретимся и еще с одной подобной же характеристикой журнала.

Не достаточно ли этих соображений и данных для того, чтобы признать, что Масон имел в виду именно «Беседующего гражданина», а не «Почту духов»? Но, может быть, нам возразят, что известие о сотрудничестве Радищева в «Беседующем гражданине» не противоречит сообщению Масона, и скажут, что Радищев при всем этом мог работать и в «Почте духов». По счастью, мы имеем одно объективное доказательство непричастности Радищева к журналу Крылова и Рахманинова, и это доказательство мы находим в самой же «Почте духов». Дело в том, что «Беседующий гражданин» попал на язычок Крылову и подвергся неоднократному осмеиванию на страницах «Почты духов». Крылов никогда не питал сочувствия к отвлеченностям теоретическим и философским; он был весь в мире лиц и событий. Политическое его мировоззрение не носит следов теоретической разработки. Немудрено, что

журнал издавало «Общество», в котором Антоновский играл видную роль. Во всей истории издания журнала и в истории самого Антоновского много неясного и намеренно таинственного. Подробнее обо всех этих вопросах мы говорим в особом исследовании.

серьезное, философское содержание «Беседующего гражданина», дидактический тон его поэзии сразу оттолкнули Крылова от журнала, который к тому же и был его конкурентом: почти одновременно появились объявления о подписке на тот и другой журнал. А с конкурентами Крылов обращался бесцеремонно: в той же «Почте духов» он травил, например, Княжнина. В майской книжке Крыловского журнала (в письме ХХХ гнома Зора к волшебному Маликульмульну) находим нелестное сравнение просвещения нынешнего со старым: «тогда не приносили стыда ученому свету бабушкины выдумки, Бродящий мещанин» и т. д. Бродящий мещанин — это, конечно, «Беседующий гражданин». Суждения, конечно, несправедливы и чрезмерно пристрастны. В июльской книге находим новую выходку против конкурента: «Можно ли распространить далее сего надменное о себе самом мнение? Может ли модный петиметр безумнее сего о себе мыслить, или полу-ученый более сего превозносить себя похвалами? После сего, кто будет удивляться, что Пустоврал поставяет себя в числе лучших писателей, что Любокрас прельщается своею красотою, и что сочинители Бродящего мещанина почитают прекраснейшими творениями глупые свои бредни, хотя многим довольно известно, что нет почти ни одного из их читателей, кто мог бы с удовольствием прочитать с начала до конца хотя одну их книжку. Все сии люди, рожденные с разумом, в тесных пределах заключенным, могут ли воспротивиться погрешностям, сродным вообще всем смертным, когда не мог оных избегать Лейбниц, будучи из числа величайших и славнейших философов в Европе? Ежели он по прежнему своему свойству принужден был впасть в столь смешное безумие, и если в то самое время, когда осуждал человеческое высокомерие, предавался сам до чрезвычайности сему гнусному пороку, то каким чудом люди простые могли бы возвыситься свыше пределов своего состояния и исправить свои несовершенства, присоединенные крепчайшими узами к существу их?»

При подробном анализе «Почты духов» и «Беседующего гражданина» найдется еще немало точек соприкосновения и расхождения, в данный момент нас не интересующих. Ограничимся только что приведенной полемической выходкой Крылова: она с достаточной яркостью вскрывает ту пропасть, которая лежала между ним и сотрудниками «Беседующего гражданина», между его задачами и задачами последних. Журнал Крылова сыграл свою роль в истории общественной сатиры, но хотя «Почта духов» и «Беседующий гражданин» били одного врага, преследовали одни и те же пороки, но Крылов никогда не возвышался ни до чистоты намерений, кото-

рые характеризовали издателей «Гражданина», ни до той глубокой принципиальности, которая управляла их общественной деятельностью. Мы мало знаем о Крылове именно этого времени, но он, несомненно, был человек темный и далеко отставший в своей образованности от редакторов «Беседующего гражданина». Любопытно то, что журнал Крылова не дотянул до конца года, кончился на августовской книге, имея около 80 подписчиков, а «Беседующий гражданин» выходил весь год и имел около 200 подписчиков.

После сказанного можно ли предполагать, что кто-либо из издателей «Беседующего гражданина» мог работать и в «Почте духов»? А ведь в числе издателей был и Радищев. Мы нарочно подчеркнули раньше не только внешнюю близость, но и внутреннюю — Радищева к журналу. Мог ли он, столь дороживший своей философией и своей мыслью, работать в том журнале, который обзывал плоды этой философии и мысли глупыми бреднями? Думаем, что ответ может быть только отрицательный. И на вопрос, поставленный в 1868 году Пыпиным: кто писал в «Почте духов» и не был ли сотрудником ее Радищев, мы можем теперь с достоверностью ответить: Радищев не принимал участия в журнале Крылова.

ВЛАДИМИР РАЕВСКИЙ

(ПЕРВЫЙ ДЕКАБРИСТ)*

I

В настоящем очерке мы имеем в виду восстановить память о замечательном в свое время человеке — о майоре Владимире Федосеевиче Раевском. Он забыт так основательно, что с его именем у современного читателя, вероятно, не связывается никаких представлений. Даже специалисты упоминают о нем вскользь. Между тем Раевский принадлежал к числу тех людей, которые имели бы некоторое право на память потомства, а биография его имеет значение как для истории наших общественных течений 1818—1822 гг., так и для истории нашей литературы. По складу своего характера Раевский является одним из типичнейших представителей конца Александровской эпохи. Будучи членом Союза благоденствия, а потом Южного тайного общества, он был арестован задолго до конечного взрыва движения, еще в 1822 году, и его процесс дает некоторые любопытные подробности для истории этого движения. Исследователь русской литературы со вниманием остановится также на его отношениях к Пушкину, завязав-

* Эта работа впервые была напечатана в журнале «Вестник Европы» (1903, № 6) и затем издавалась отдельно два раза (изд. т-ва «Общественная польза», 1-е — 1905, 2-е — 1907) и вошла в мою книгу «Исторические этюды» [СПб., 1913, с. 152—252].— *Ред.* Со времени первого появления работы литература о декабристах сильно разрослась: появилось много исследований и сырых, архивных материалов. В частности, о Раевском писано было очень мало: главное — в книге В. И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов». СПб., 1909. (См. по указателю). Огромный архивный материал по делу В. Ф. Раевского остается не опубликованным. При включении в книгу работа о В. Ф. Раевском дополнена и исправлена по архивным данным, хотя далеко не в той мере, в какой этого хотелось бы автору. В приложении напечатан всеподданнейший доклад начальника Главного штаба, излагающий сущность дела и ход процесса В. Ф. Раевского.

шихся во время кишиневской ссылки поэта, и отметит влияние политического агитатора и заговорщика на поэта-художника. Наконец, Раевский сам был поэтом; правда, его стихи не печатались при его жизни и не оказали влияние на развитие русской поэзии, но они заслуживают некоторого внимания, как безыскусственное и искреннее свидетельство о настроении, которое охватывало тогда не одного Раевского, но и других его современников*.

Над его головой пронесся бурный губительный вихрь, разбивший все надежды; человек оказался вне жизни... Заброшенный в Сибирь, спустя много лет, он с горечью в сердце писал:

Где мой кумир и где моя
Обетованная земля?
Где труд тяжелый и бесплодный?
Он для людей давно пропал,
Его никто не записал,
И человек к груди холодной
Тебя, как друга, не прижал!..¹

* Сведения о Раевском крайне отрывочны и разбросаны по историческим журналам. Главнейший материал для его жизни и деятельности — в письмах Раевского к его сестре Вере Федосеевне. (Русская старина, 1902, № 3, с. 599—600; 1903, № 4, [с. 183—188]; в его заметках по поводу приговора по его делу (там же, 1873, № 3, с. 376—379); Из воспоминаний майора В. Ф. Раевского о цесаревиче Константине Павловиче. Сообщ. В. М. Пущин. — В кн.: Сборник статей в честь Дмитрия Федоровича Кобеко. СПб., 1913, с. 239—246, и в воспоминаниях И. П. Липранди (Русский архив, 1886, стлб. 1213—1284, 1393—1491). Кроме этих указаний, приводим все, какие нам пришлось найти, упоминания о Раевском, хотя бы самые незначительные: Е. И. Раевский. — Русская старина, 1873, № 5, с. 720; 1882, № 10, с. 102; 1887, № 10, с. 132; Л. Заметка по поводу статьи П. В. Анненкова о Пушкине. — Вестник Европы, 1874, № 6, с. 857—858; Максимов С. В. Сибирь и каторга. СПб., 1871, т. III, с. 251, 263; Записки Николая Васильевича Басаргина. — Девятнадцатый век. Исторический сборник, изд. П. И. Бартевым. М., 1872, кн. I, с. 74, 100; Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. М., 1897, с. 57; Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). СПб., 1901, с. 318, 405, 409, 477; Записки И. Д. Якушкина. М., 1905, с. 51, 62; Сборник старинных бумаг П. И. Щукина. М., 1901, ч. VIII, с. 244; Воспоминания А. Ф. Вельтмана и И. И. Пущина в книге Л. Н. Майкова «Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки». СПб., 1899, с. 81, 86, 125. Кое-какие из этих сведений повторяются в книгах А. Н. Пыпина «Общественное движение в России при Александре I» (СПб., 1885), М. И. Богдановича «История царствования императора Александра I и России в его время» (т. VI, СПб., 1871) и в биографиях Пушкина. См. также статью «Из пушкинской эпохи» в книге В. А. Мякотина «Из истории русского общества. Этюды и очерки». СПб., 1902. Стихи Раевского напечатаны в «Русской старине», 1890, № 5, с. 365—380. Сравните также нашу заметку о Раевском в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, т. 51.

Об отце Раевского, майоре Федосее Михайловиче, мы знаем, что он был одним из богатейших помещиков Курской губернии. Вотчины Раевских находились главным образом в Старооскольском и Новооскольском уездах (с. Хворостянка). «Отец мой, — говорит Раевский, — был отставной майор екатерининской службы; человек живого ума, деятельный, враг насилия, он пользовался уважением всего дворянства»*². Старооскольские дворяне не раз выбирали майора Федосея Раевского своим предводителем. Майор, человек крутого нрава, был не чужд литературе: нам известна одна его заметка в «Отечественных записках»**. Жена Раевского происходила из рода князей Фениных. У Раевских была очень большая семья. Мы знаем имена шести дочерей и пяти сыновей: Надежда***, Наталия³, Александра⁴, Вера****, Любовь*****, Мария⁵, Александр⁶, Андрей*****, Владимир, Петр***** и Григорий⁷. Из всей этой многочисленной семьи право на нашу память заслуживает только Владимир Федосеевич да еще младший брат Григорий по своей беспримерно-несчастной судьбе.

Владимир Федосеевич родился 28 марта 1795 года. У нас нет определенных данных о его детстве; мы можем только заключить, что оно не было счастливо. Семейные отношения Раевского складывались неудачно и невесело. Отец и мать относились к нему иначе, чем к другим детям, и не скрывали разницы отношений. Когда другие учились вместе в пансионе, мать присылала им денег на конфеты, и Владимиру всегда меньше, чем другим сыновьям. Об отце сам Владимир Федосеевич, уже будучи стариком, писал: «Любил ли меня отец наравне с братьями Александром и Андреем — я не хотел знать, но что он верил мне более других братьев, надеялся

* Записки Раевского (рукопись).

** Федосей Раевский. Благотетельный помещик. (Письмо в редакцию из Хворостянки от 20 июля 1822 года.) — Отечественные записки, 1822, ч. 12, № 30, октябрь, с. 108—111.

*** Была замужем за Н. Н. Бердяевым, очень богатая, в свое время блистала в петербургском свете, но пережила тяжелую и печальную старость. Совершенно разорившись, она жила в имени своей сестры Веры, а после ее смерти, доживала свои дни в приюте для престарелых дворян в Курске и умерла, около ста лет от роду, в 90-х годах прошлого века⁸.

**** Жена Иоасафа Александровича Попова, новооскольского предводителя дворянства⁹.

***** По мужу Веригина¹⁰.

***** Служил в лейб-уланах и был главным деятелем по изданию военного журнала при г<енерал>-ад<ъютанте> Н. М. Сипягине. См.: Русский архив, 1886, стрлб. 1430¹¹.

***** Об этом Петре внук Владимира Федосеевича Раевского сообщает, что он был известен своими беспашашными выходками и скандалами. См.: Русская старина, 1902, № 3, с. 602¹².

на меня одного,— я это знал. Он хорошо понимал меня и в письмах своих, вместо эпиграфа, начинал: «Не будь горд, гордым бог противен»; в моих ответах я начинал: «Унижение паче гордости...»* По тому, как относились братья и сестры к Владимиру Федосеевичу, когда он был в ссылке в Сибири, можно думать, что и в детстве некоторые его братья и сестры были неприязненно настроены по отношению к нему. По неясным намекам, по обращению отца можно думать, что и в детстве Владимир Федосеевич обнаруживал необычайное упорство и силу воли, которые отмечают всю его жизнь. Гордый и одинокий, он редко открывал свою душу и жил неведомой для постороннего глаза жизнью.

Раевские заботились о воспитании своих детей. Мы знаем, что дочери их Наталья и Александра воспитывались в Смольном институте, а сыновья, Александр, Андрей и Владимир, учились в Московском университетском пансионе. О годах своего учения Владимир Федосеевич вспоминает в следующих стихах своего послания к дочери:

А я в твои младые годы
Людей и света не видал...
Я много лет не знал свободы,
Одних товарищей я знал
В моем учебном заключеньи,
Где время шло, как день один,
Без жизни, красок и картин,
В желаньях, скуке и ученьи.
Там в книгах я людей и свет
Узнал...¹³

В эти годы Раевский положил начало тем солидным познаниям, которые выделяли его из среды сослуживцев; быть может, в Московском университетском пансионе зародилась в нем любовь к литературе**. Впрочем, в старости Раевский резко отзывался о своей *alma mater*. «Кто были учителя первого в России учебного заведения? Самые посредственные люди в нижних классах. В высших классах большею частью (исключая двух или трех профессоров во все 8 лет моего пребывания) педанты, педагоги по ремеслу, профессора по летам, парадные шуты по образу и свойству. И этим-то людям было вверено образование лучшего юношества в России»***.

В 1811 году Раевский был определен в дворянский полк —

* Русская старина, 1902, № 3, с. 600¹⁴.

** Брат его, Андрей Федосеевич, в юные годы тоже занимался литературой. В «Вестнике» 1809 года есть его стихи. Отзыв об Андрее Федосеевиче см. в «Записках» Никитенко¹⁵.

*** Записки. Рукопись. [Не дошедшая до нас часть рукописи В. Ф. Раевского, бывшая в распоряжении П. Е. Щеголева. — *Ред.*]

воспитательное учреждение, состоявшее при 2-м кадетском корпусе¹⁶. Здесь у Раевского завязались короткие дружеские отношения с Г. С. Батеньковым, которому пришлось вынести безмерно тяжелую кару, после 14 декабря 1825 г., за свою прикосновенность к участникам восстания. Обычно возникновение духа свободо- и вольномыслия у русских юношей того времени относят ко времени после 12-го года, после заграничных походов. Тем любопытнее отметить, что уже в 1811 году двое мальчиков-кадетов — Батеньков и Раевский — делились своими мечтами о свободе и воле¹⁷. «По вступлению в кадетский корпус, — признавался Батеньков перед Следственным комитетом в 1826 году, — я подружился с Раевским (бывшим после адъютантом у <генерала> Орлова. — П. Ш.), с ним проводили мы целые вечера в патриотических мечтаниях, ибо приближалась страшная эпоха 1812 года. Мы развивали друг другу свободные идеи, и желания наши, так сказать, поощрялись ненавистью к фронтовой службе. С ним в первый раз осмелился я говорить о царе, яко о человеке, и осуждать поступки с нами цесаревича... В разговорах с ним бывали минуты восторга, но для меня всегда непродолжительного. Идя на войну, мы расстались друзьями и обещались сойтись, дабы в то время, когда возмужаем, стараться привести идеи наши в действие»¹⁸. И действительно, как только Раевскому пришлось стать близко к тайному обществу, он сейчас же вспомнил о своем товарище и письменно несколько раз приглашал его к активным выступлениям.

21 мая 1812 г. Раевский был выпущен прапорщиком в 23-ю артиллерийскую бригаду. «17-ти лет, — говорит он сам о себе, — я встретил беспощадную, кровавую войну. Это был 1812-й год — война, роковая в известном смысле для иностранцев, принимавших в ней участие, и для наших, уцелевших — для событий 14-го декабря». Раевский так описывает свое роковое вступление в жизнь:

Среди молений и проклятий,
Средь скопища пирующих рабов,
Под гулами убийственных громов
И стенами в крови лежащих братий
Я встретил жизнь, взошла заря моя...¹⁹

Раевский принял участие в войне. По словам формуляра, он был в походах против неприятеля «1812 года в Российских пределах при отражении вторгнувшегося неприятеля; против французских и союзных с ними войск: августа 7-го под селением Барыкиным, 26-го под селом Бородиным и за отличие в коем награжден золотою шпагою с надписью «за храбрость», 29-го под Татаркиным, сентября 17-го под Чириковым, 22-го

под Гремячем, за отличие в оном награжден орденом св. Анны 4-го класса, октября 6-го под Спасским при атаке и истреблении неприятельского авангарда, 22-го под городом Вязмою, в коем за отличие произведен в подпоручики. 29-го и 30-го под Саковым перевозом, 31-го под Цуриковым в действительных сражениях²⁰; 21 апреля 1813 года «за отличие и за разные дела» Раевский был произведен в поручики²¹. С 1-го сентября 1813 по 21 ноября 1814 года Раевский находился в походах в Варшавском герцогстве. Заграничные походы русских войск несли новые возбуждения участникам. Любопытное свидетельство о влиянии Запада оставил и Раевский. «В 1816 году мы возвратились из-за границы в свои пределы. В Париже я не был, следовательно, многого не видал; но только суждения, рассказы поселили во мне новые понятия; я начал искать книги, читать, учить то, что прежде не входило в голову мою, хотя бы *Esprit des Lois* Монтескье, *Contrat Social* Руссо я вытвердил, как азбуку»²².

Такое настроение предвещало, конечно, конфликт с окружающей обстановкой. Изменились и условия военной службы. «Железные кровавые когти Аракчеева сделались уже чувствительны повсюду. Служба стала тяжела и оскорбительна. Грубый тон новых начальников и унижительное лакейство молодым корпусным офицерам было отвратительно. Партикулярное платье генералам и офицерам строго было воспрещено, общее обращение генералов (я исключаю старых) сделалось невыносимо. Требовалось не службы благородной, а холопской подчиненности. Я вышел в отставку»*. Раевский при увольнении от службы получил 30 января 1817 года чин штабс-капитана²³. Но в отставке он пробыл недолго. По желанию отца он вновь 2 июля 1818 года поступил на службу, но уже не по артиллерии, а по пехоте, в 32-й егерский полк. 6-го декабря 1818 года он перевелся штабс-ротмистром в Малороссийский кирасирский полк, в апреле 1819 года получил чин ротмистра и 9 февраля 1820 года вернулся капитаном опять в 32-й егерский полк; 22 апреля 1821 года он был произведен в майоры²⁴. Таково прохождение службы Раевского. Служебная жизнь не имела цены в его глазах, она была только видимой. «Внутренняя настоящая моя жизнь разъяснялась для постороннего наблюдателя только моим крепостным заключением», — говорит о себе Раевский. — За повседневной, будничной жизнью офицера, состоящей в отправлении служебных обязанностей, скрывалась таинственная деятельность члена тай-

* Записка. Рукопись. [Не дошедшая до нас часть рукописи В. Ф. Раевского, бывшая в распоряжении П. Е. Щеголева.— *Ред.*]

ного общества; за мнимой надменностью и гордостью одиночества таилось глубоко-идеалистическое настроение, проникавшее все помышления и чувства. Жизнь в мыслях Раевского представлялась странствием к высокой цели и —

Но странника везде одушевлял
Высоких дум, страстей заветный пламень*.

Откуда эти идеалистические настроения? Сам Раевский, будучи уже в Сибири, искал источников своего юношеского идеализма в религиозных представлениях:

Когда я был младенцем в колыбели,
Кто жизни план моей чертил,
Тот волю, мысль, призыв к высокой цели
У юноши надменного развил**.

Здесь мы подходим к любопытной психологической черте людей Александровской эпохи, отличавшихся высоким идеализмом. Были эпохи, когда война рождала мечты о славе и являлась источником идеализма, но Раевский в своих стихах весьма определенно говорит о том, какое событие его жизни зажгло в нем «высоких дум, страстей заветных пламень»:

Печальный сон, но ясно вижу я,
Когда, людей еще облитый кровью,
Я сладко спал под буркой у огня, —
Тогда я не горел к высокому любовью,
Высоких тайн постигнуть не алкал,
Не жал руки гонимому украдкой
И шепотом надежды сладкой
Жильцу темницы не вливал...***

Но во время войны случилось духовное преобразование Раевского (оно было подготовлено войною), а после, по возвращении в Россию, по вступлении в тайное общество. Нам трудно теперь представить, какое значение и какой ореол имела деятельность по тайному обществу в глазах самих его членов: вступая в общество, думали, что найдена цель жизни, — и жизнь получала как бы освящение. «У многих из молодежи, — вспоминает И. Д. Якушкин²⁵, — было столько избытка жизни при тогдашней ее ничтожной обстановке, что увидеть перед собой прямую и высокую цель почиталось уже блаженством»****. Друг Пушкина, Иван Иванович Пущин, в следующих трогательных строках говорит о своем вступлении в общество: «Эта высокая цель жизни самую свою таинственностью

* Русская старина, 1890, № 5, с. 378.

** Ibid., с. 374²⁶.

*** Ibid., с. 378—379²⁷.

**** Записки И. Д. Якушкина. М., 1905, с. 11.

и начертанием новых обязанностей резко и глубоко проникла душу мою; я как будто получил особенное значение в собственных своих глазах: стал внимательно смотреть на жизнь во всех проявлениях буйной молодости, наблюдал за собою, как за частицей, хотя ничего не значащею, но входящею в состав того целого, которое рано или поздно должно иметь благотворное свое действие»*. К этим свидетельствам присоединим еще слова самого Раевского о своем вступлении в общество:

Но для слепца свет свыше просиял...
И все, что мне казалось загадкой,
Упрек людей болезненный сказал...
И бог простил мне прежние ошибки,
Не для себя я в этом мире жил,
И людям жизнь я щедро раздарил...**

Приведенные нами свидетельства участников движения ярко закрепляют в нашей памяти идеалистический момент в их деятельности. Их жизнь, полная трагизма, совершалась во имя самых отвлеченных истин. Они думали работать для блага людей, а это благо они понимали абстрактно, как высшую ценность, — работали для бога. В своей «Предсмертной думе» (1842 год) Раевский припоминает свою жизнь, и у него вырываются сильные и вдохновенные строфы:

Меня жалеть?.. О, люди, ваше ль дело?
Не вами мне назначено страдать!
Моя болезнь, разрушенное тело —
Есть жизни след, душевных сил печать!

.

И жизнь страстей прошла, как метеор,
Мой кончен путь, конец борьбы с судьбою;
Я выдержал с людьми опасный спор
И падаю пред силой неземною!

К чему же мне бесплодный толк людей?
Пред ним отчет мой кончен без ошибки;
Я жду не слез, не скорби от друзей,
Но одобрительной улыбки!***

Вспоминая в 1848 году о поворотном моменте своей жизни, определившем все ее течение и составившем ее трагедию, Раевский писал в послании к своей дочери:

Но с волею мятежной,
Как видит бой вдали атлет,

* Майков Л. Н. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899, с. 69.

** Русская старина, 1890, № 5, с. 379²⁸.

*** Там же, с. 374—375.

В себе самом самонадежный
Пустил чрез океан безбрежный
Челнок мой к цели роковой.
О друг мой, с бурей и грозой
И с разъяренными волнами
Отец боролся долго твой...
Он видел берег в отдаленьи,
Там свет зари ему блистал,
Он взором пристани искал
И смело верил в провиденье...*

Нельзя яснее выразить то настроение, которое одушевляло Раевского в течение всей жизни, тот идеалистический порыв, необыкновенно сильный, мощный, который охватил его и держал в своей власти от момента вступления в общество до момента катастрофы.

Внешние мотивы присоединения Раевского к тайному обществу — те же, что были у других декабристов, и одинаково излагаются во всех известных нам записках того времени. Вспоминая об обстоятельствах, вызвавших к жизни тайное общество, Раевский на первом месте отмечает, конечно, влияние заграничных походов, из которых он, как и все декабристы, «возвратился на родину уже с другими, новыми понятиями»**; заграничная жизнь открывала перед изумленными глазами новые, огромные горизонты и всю глубину наших внутренних неурядиц: гнет крепостного права, принижение личности, жестокость нравов, соединенную с невежеством. Наряду с этими первостепенной важности основаниями для возникновения тайного общества Раевский резче, чем все другие мемуаристы, подчеркивает специфические, частные обстоятельства, которые способствовали возбуждению оппозиционного настроения и придали всему движению декабристов особую, милитаристскую окраску. «Армия, избалованная победами и славой, вместо обещанных наград и льгот, подчинилась неслыханному угнетению. Военные поселения, начальники, такие, как Рот, Шварц, Желтухин²⁹ и десятки других, забивали солдат под палками..., боевых офицеров вытесняли из службы..., новые наборы рекрут и проч. и проч. производили глухой ропот... Власть Аракчеева, ссылка Сперанского³⁰, неуважение знаменитых генералов и таких сановников, как Мордвинов³¹, Трощинский, сильно встревожили, волновали людей, которые ожидали обновления, улучшений, благоденствия, исцеления тяжелых ран своего отечества...»***

* Русская старина, 1890, № 5, с. 376—377³².

** Русская старина, 1902, № 3, с. 601³³.

*** Там же, с. 601—602³⁴.

Раевский был одним из первых, примкнувших к тайному обществу. Получив назначение в 32-й егерский полк, квартировавший в Бессарабии, Раевский в 1818 году отправился к месту своего служения и по пути заехал в Тульчин. «В Тульчине,— пишет Раевский в записках,— находилась главная квартира 2-й армии, которою командовал граф Беннигсен, а потом кн. Витгенштейн. В главной квартире у меня было много близко знакомых, товарищей по университетскому благородному пансиону. В главной квартире было шумно, боевые офицеры еще служили... Аракчеев не успел еще придавить или задушить привычных гуманных и свободных митингов офицерских. Насмешки, толки, желания, надежды... не считались подозрительными и опасными. Беннигсен уже устарел и впадал в ребячество. Его сменил Витгенштейн, начальник кроткий, справедливый и свободомыслящий. Оба они были весьма популярны, и того и другого генералы, офицеры и солдаты любили и почитали»³⁵. В Тульчине решилась судьба Раевского. Он был принят в члены Союза благоденствия. Союз был основан в 1818 году и прекратил свою деятельность в 1821 году. Деятельность Раевского была прервана его арестом в феврале 1822 года. Следовательно, в момент катастрофы он был членом Южного тайного общества, начавшего самостоятельное, независимое от Северного, существование в 1822 году. В своих заметках, писанных уже в Сибири в 1844 году, Раевский, указывая на то, что следствие не открыло его принадлежности к декабристам, говорит, что он и не мог принадлежать к ним, потому что то общество, конечным эффектом которого было 14-е декабря, основалось лишь в 1823 году. Это утверждение, конечно, не соответствует действительности. Нетрудно объяснить, почему не соответствует: оно написано по поводу официальной бумаги, имеет в виду указать несоответствие понесенного Раевским наказания с материалом улики и является данью таинственности. В интимном письме к сестре Раевский прямо заявляет: «Тайна [ареста и заключения, длившегося годами] оставалась тайною, и только 14 декабря 1825 г. она объяснилась на Сенатской площади»³⁶. Сам Раевский хорошо понимал цели и значение своей деятельности и знал, к чему она должна была привести. Для того, чтобы выяснить роль Раевского в тайном обществе, сущность и значение его процесса в истории тайного общества, необходимы предварительные сведения из этой истории. Мы даем их здесь, ограничившись самыми общими и не подлежащими сомнению данными.

Известно, что первые тайные кружки и союзы с политическим направлением возникли тотчас же по возвращении наших войск из заграничного похода в 1815 году. Мы знаем о существовании Союза спасения, Военного общества и других кружков. Учредители их берут за образец известные в России ма-сонские союзы и заграничные тайные общества. На первых порах интересуются формой больше, чем содержанием: вполне в духе времени — отводят много места обрядности и таинственному элементу. С годами общества становятся серьезнее, объединяются; появляется крупная организация Союза благоденствия с двумя думами — петербургской и тульчинской; ее место занимают два самостоятельно действующих общества — Северное и Южное. Внутренняя история общества характеризуется тем, что постепенно разъясняются способы действия и определяются задачи. На одном конце стоит мирная культурная работа, на другом — крайний политический радикализм. Но наши сведения об устройстве, способах действия и идейной стороне общества крайне скудны. Источники наших сведений — официальные данные и записки участников движения. Первые сгруппированы в известном «Донесении Следственной комиссии для изысканий о злоумышленных обществах»³⁷. Это донесение преследовало определенную цель и, должно сказать, занималось гораздо больше выслеживанием преступных слов, когда-либо произнесенных обвиняемыми, чем выяснением реальной деятельности декабристов, условий их работы, средств, к которым они прибегали. А авторы мемуаров почти все свое внимание сосредоточивают на подробностях 14-го декабря или на событиях, вызванных этим днем, и совсем не останавливаются на том, что действительно интересно для нас — на истории своей повседневной деятельности, — и не касаются теории и практики пропаганды. Нельзя забывать следующей особенности сообщений декабристов: их воспоминания в значительной мере создавались под влиянием круга данных, обращавшихся во время следствия: усвоенные ими приемы сохранения тайны в период деятельности сохранили свое значение в известной степени и после официального расследования дела. Затем нужно принять во внимание, что как во всех тайных обществах, так и в организациях декабристов, лишь очень немногие члены, самые влиятельные, стоявшие во главе дела, понимали и знали все цели и все действия организации, а были и такие, которые, заявив свое сочувствие идейной стороне движения, исполняли поручения старших членов и были, так сказать, на посылках. Огромное большинство членов знало только свою специальность и имело сношение не со всеми, а с определенными лицами. Те члены общества,

которые, действительно, могли бы в деталях разъяснить историю движения, мемуаров не оставили; записки исходят в большинстве случаев от членов, игравших второстепенную роль и сравнительно мало осведомленных. Кстати отметить здесь значение конспирации в декабристском движении: декабристы были гораздо таинственнее, чем это принято думать. Самое важное доказательство тому — продолжительность существования общества и крайняя скудость фактических данных по истории движения в официальном исследовании. В стороне должен быть поставлен источник, игравший видную роль в создании обычного представления, пытающегося, в противовес суждениям «донесения», уменьшить значение движения, выставить на вид его несерьезность и стереть чересчур резкие штрихи «доклада комиссии». Мы говорим о свидетельстве Ник<олая> Ив<ановича> Тургенева в его известной французской книге о России³⁸. Опубликованные в 1901 и 1902 гг. данные позволяют утверждать, что Тургенев в своем рассказе об обществе допускал сознательное отклонение от истины, и заставляют нас отнестись с весьма большим недоверием к тем страницам его книги, которые посвящены декабристам и легли в основу суждений о них, обращающихся в большой публике*.

Союз благоденствия, членом которого был Владимир Федосеевич Раевский, в свое время был известен под названием общества «Зеленой книги», по цвету обертки устава этой организации. Он был учрежден в 1818 году: вернее в этом году было реформировано ранее существовавшее тайное общество, которое получило теперь новый устав и название «Союза». Устав Союза благоденствия заключал в себе две части. В первой части авторы устава предлагают вступающим в «Союз» заниматься различными отраслями культурной работы. Первый параграф первой книги устава о цели Союза благоденствия заключает в себе следующее: «Убедясь, что добрая нравственность есть твердый оплот благоденствия и доблести на-

* Н. И. Тургенев был одним из самых важных членов тайного общества. Изданные в 1901 году записки С. Г. Волконского еще раз авторитетно подтверждают важную роль Тургенева в обществе. В 1901 г. в «Русской старине» были напечатаны его оправдательные записки по делу и переписка его с братьями³⁹. Когда начался суд над декабристами, Тургенев был за границей и заочно был присужден к смерти. Рассчитывая на таинственность своих действий, он усиленно хлопотал через братьев и Жуковского⁴⁰ перед имп. Николаем I о смягчении его участи и позволении вернуться в Россию для оправдания. И братьев, и царя он уверял в ничтожности действий тайного общества и в том, что его роль в нем сводилась к нулю. Понятно, он не мог быть беспристрастным историком общества⁴¹.

родной и что при всех об оном заботах правительства едва ли достигнет оное своей цели, ежели управляемые с своей стороны ему в сих благотворных намерениях содействовать не станут. Союз благоденствия в святую себе вменяет обязанность, распространением между соотечественниками истинных правил нравственности и просвещения, споспешествовать правительству к возведению России на степень величия и благоденствия, к коей она самим творцом предназначена». Устав «Союза» намечал четыре специальности, каждый из членов должен был трудиться на одном из следующих поприщ: человеколюбие, т. е. дела частной и общей благотворительности; заботы об умственном и нравственном образовании, т. е. распространение истинных познаний; содействие правильному и справедливому отправлению судопроизводства и теоретические занятия политической экономией. До нас дошла только первая часть, предназначенная для прозелитов. Учредители, конечно, знали, что действия общества не могут ограничиться только содействием культурной работе правительства. «Настоящая же цель Союза благоденствия, по собственному сознанию его членов, заключалась в том, чтобы ввести в России представительное правление, причем они надеялись на содействие своим видам самого государя»*. И. Д. Якушкин так говорит об этом уставе: «В самом начале изложения его было сказано, что члены тайного общества соединились с целью противодействовать злонамеренным людям и вместе с тем споспешествовать благим намерениям правительства. В этих словах была уже наполовину ложь, потому что никто из нас не верил в благие намерения правительства»**.

Во всяком случае, на первых порах вожди Союза благоденствия, которым были известны отдаленные цели «Союза», заботились главным образом о распространении оппозиционных идей в русском обществе, создании общественного мнения, расположенного в пользу этих идей, и приуготовлении преданных членов общества. Они достигли своей цели: число членов «Союза» быстро увеличивалось, и сказывались следы деятельной пропаганды. Как вербовались члены тайного общества и что открывалось им при посвящении, — показывает разговор, бывший летом 1822 года у члена Южного общества князя Барятинского с Фаленбергом, тогда еще не знавшим об обществе. Барятинский открыл ему его существование.

— Какая же цель этого общества? — спросил Фаленберг.

* Богданович М. И. История царствования императора Александра I в России в его время. СПб., 1871, т. VI, с. 420.

** Записки И. Д. Якушкина, с. 17.

— Избавить отечество от порабощения,— отвечал Бяратинский,— и ввести правление конституционное.

— Но Россия далеко еще не готова к принятию такого правления,— заметил Фаленберг.

— Правда,— сказал Бяратинский,— и потому-то в плане общества принято правилом прежде всего распространять просвещение и свободомысле, а между тем, отыскивая повсюду людей с благородным духом и независимым характером, беспрестанно ими усиливаться; когда же общество будет так сильно, что голос его не может не быть не уважен, потребовать от государя настоятельно конституции такой же, как в Англии*.

1818—1819 годы были временем наивысшего развития деятельности «Союза»; 1820-й был годом перелома в его деятельности. События не оправдывали надежд будущих декабристов на то, что дело изменения существующего строя произойдет само собой; наиболее энергичные и нетерпеливые члены требовали перехода к более решительной деятельности. Начались разговоры о различных формах возможного будущего и о вернейших средствах к его достижению. Крайние взгляды нашли себе представителей в южном отделе «Союза» — тульчинской думе. Здесь была тоже правая, представленная Бурцовым, Комаровым⁴², вскоре прекратившими свою тайную деятельность, и левая, имевшая своим руководителем талантливую агитатора П. И. Пестеля.

В 1821 году, в феврале, депутаты петербургской и тульчинской дум собрались в Москве на съезд, чтобы обсудить вопрос о будущем тайного общества. Решено было объявить о закрытии Союза благоденствия и, удалив таким образом всех ненадежных и умеренных членов общества, приступить к коренной реформе «Союза». Этот съезд приступил к выработке устава, который должен был делиться на две части: в первой части, по-прежнему, вступающим в «Союз» предлагалось избрать род деятельности по прежним отделам. Члены высшего разряда знали и действовали по второй части устава; эту часть писал Н. И. Тургенев. «В этой второй части устава уже прямо было сказано, что цель общества состоит в том, чтобы ограничить казано, что цель общества состоит в том, чтобы ограничить управление в России, а чтобы приобрести для этого средства — признавалось необходимым действовать на войска и приготовить их на всяких случаях»**. Депутат туль-

* Die Ermordung Pauls und die Thronbesteigung Nicolaus I. Neue Materialien veröffentlicht und eingeleitet von Theodor Schiemann. [Убийство Павла и восхождение на престол Николая I. Новые материалы. Публикация и предисловие Теодора Шиманна (нем.).— *Ред.*] Berlin, 1902, S. 367—368.

** Записки И. Д. Якушкина, с. 54.

чинской думы Бурцов, представитель умеренных на юге России, должен был заявить о прекращении действий «Союза» всем членам, а затем избранным (из этих избранных исключалась неприятная Бурцову партия Пестеля и его приверженцев) предложить принять участие в реформированном обществе с новым уставом. После съезда произошло следующее. Петербургская дума, под руководством Никиты Муравьева, приняла выработанный на съезде устав, а тульчинской думе он остался неизвестным, так как Бурцов исполнил только первую часть своего поручения; он объявил о закрытии «Союза» и скрыл о его реформе. Члены тульчинской думы отнеслись отрицательно к постановлению съезда, полагая, что депутатам не принадлежало право распускать «Союз». Конечно, они решили продолжать свою деятельность, но уже в том крайнем направлении, которое обнаружилось в последний год (1820) и находило защитника в П. И. Пестеле. Таким образом, петербургская дума, ставшая теперь Северным тайным обществом, и тульчинская, превратившаяся в Южное, стали независимы в своей деятельности одна от другой, не прекращая, конечно, сношений между собой. Северное общество стояло на стороне монархически-конституционного переворота; южное — имело в виду республику. С. Г. Волконский оставил в своих записках следующее свидетельство, кратко резюмирующее деятельность обоих обществ: «Дела Южного общества, замышляющего радикальный переворот..., быстрыми шагами подвигались вперед; вербовка членов шла успешно, при чем самоотвержение от аристократических начал придавало какую-то восторженность частным убеждениям, а поэтому — и самому общему ходу дела.

Действия же Северного общества, как по существу своему, так и по принятым им началам, были не так живительны, и более относились к приготовлению разных проектов конституции, между которыми труд Никиты Муравьева более всех других был Северной думой одобряем, как мысль; но в затаенном перевороте ставить все в мысленную рамку... преждевременно.

Для успешного переворота надо простор, увлечение, а по перевороте — надо сильную волю, чтоб избежать анархии, и к этой цели клонилось постановление Южного общества, чтоб при удаче, вслед за переворотом, учредить временное правительство на три года, а впоследствии отобрать от народа или чрез назначенных от него доверителей, чего и что хочет Россия»*.

* Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). СПб., 1901, с. 420.

Таким образом, теперь были ясно намечены средства, которыми думали достигнуть переворота: известная планомерная система действий на войско. Необходимость прибегнуть к содействию войск сознавалась — правда, не совсем определенно, — и раньше, и некоторые опыты воздействия предпринимались. Прежде всего, конечно, нужно было расположить к себе солдат хорошим обращением и заботливостью об их нуждах, а затем укрепить в них чувство собственного достоинства, несколько ослабив чувство полной покорности авторитету дисциплины и начальства. Теперь устав возродившихся к новой жизни обществ прямо говорил об известном воспитании, известной подготовке с расчетом на определенный эффект. Но именно эта сторона деятельности декабристов нам известна очень мало: официальные данные скудны до чрезвычайности; быть может, их было больше, но не сочли удобным их хранить. Записки декабристов совсем почти не касаются этого вопроса, а между тем для правильной оценки конечного результата усилий декабристов были бы необходимы точнейшие сведения о всех средствах, с помощью которых декабристы действовали в войсках. Конечные эффекты — неудавшееся военное восстание, день 14-го декабря на Сенатской площади и междоусобное сражение под Белою Церковью⁴³. При этом необходимо принять во внимание, что чувство привязанности, которое так умели внушить к себе декабристы, могло заставить солдат пойти за людьми, ими уважаемыми и любимыми. Играло роль и то обстоятельство, что приказывали офицеры, а солдаты исполняли их приказание и шли в открытый бой со своими же товарищами. Но вряд ли все эти указанные причины могут объяснить размер бунта, так как не взводы выходили на площадь, а целые части войск! Очевидно, что декабристы вели систематическую пропаганду, и эта пропаганда находила удобную почву. «В войсках, — показывали на допросах Сергей и Матвей Муравьевы, — есть начала, коими смелый мятежник может всегда пользоваться для произведения неурядиц». «Главными они почитают, — продолжает автор «приложения» к докладу следственной комиссии, — пороки настоящего образа продовольствия; ибо эти нижние чины не только лишаются принадлежащих им по праву остатков и всех выгод бережливости, но иногда не имеют и достаточного пропитания; видя же, что начальники похищают их собственность, приучаются и ненавидеть и презирать их. Другое, столь же важное зло есть большое число *штрафованных* солдат и разжалованных офицеров и иных чиновников, людей, если не всегда очернивших себя злодеяниями, то, по крайней мере, оказавших худые склонности и сверх

того лишенных всякой надежды на улучшение судьбы своей в будущем, следственно, готовых на все»*. Только эти соображения и привел автор «приложения», задавшийся, между прочим, специальной целью ответить в этом конфиденциальном документе на вопрос: «какими средствами злоумышленники надеялись обольстить войско?» Подробностей он не сообщает. Князь Васильчиков, бывший командиром гвардейского корпуса во время известной истории в Семеновском полку, был убежден, что «все полки были более или менее подготовлены к восстанию и подготовлены к нему неудовольствием, возбужденным *излишнею взыскательностию фронтальной службы*»**. Таким образом, для пропаганды в войсках находились благоприятные условия. В известной семеновской истории (отказ подчиниться властям) размер и сущность агитации не выяснены, но она была несомненно. В переписке князя Васильчикова с императором и начальником его штаба Волконским находится немало любопытных указаний и намеков. Во время семеновских волнений был захвачен «пасквиль». В нем «проповедуют солдатам считать себя самих властителями; проповедуют, чтобы они удалили или оставили бы того, кто имел власть доньше, так же как всех офицеров или старших, и выбрали бы других между собою»***. Прокламация заканчивалась словами: «Спешите следовать сему плану, и я к вам явлюсь по зачатию сих действий. Любитель отечества и сострадатель несчастных. Единоземец». Автор прокламации остался неразысканным. Н. К. Шильдер делает предположение о том, что эту прокламацию сочинил один из будущих декабристов; что более предприимчивые из членов тайного общества намеревались воспользоваться смятением, возбужденным семеновской историей, чтобы вызвать вообще восстание среди войск****. Вот любопытный отрывок из письма Волконского⁴⁴ к Васильчикову: «Я очень удивлен, что вы мне ни слова не говорите об арестовании полициею унтер-офицера гвардейского егерского полка Степана Гушеварова, который препровожден в Шлиссельбургскую крепость за веденные им разговоры с одним из своих товарищей и музыкантом Преображенского полка насчет истории Семеновского полка и о том, что ежели

* Русский архив, 1875, № 12, с. 437.

** Там же, кн. 1, с. 349.

*** Там же, с. 353.

**** Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1898, т. IV, с. 184, 470.

не вернут арестованные батальоны, то они докажут, что революция в Испании ничто в сравнении с тем, что они сделают»*. В позднейшее время прокламационная литература была в большом ходу. У нас немного сведений о ней и еще менее исследований о ней. Самый яркий документ этого рода представляет «Православный катехизис», написанный С. И. Муравьевым-Апостолом и прочитанный перед войсками в день сражения под Белой Церковью. Вот некоторые отрывки из него:

«Вопрос: Для чего бог создал человека?»

Ответ: Для того, чтобы он в него веровал, был свободен и счастлив.

Вопрос: Что значит веровать в бога?»

Ответ: Бог наш Иисус Христос, сошедши на землю для спасения нас, оставил нам святое свое евангелие. Веровать в бога — значит следовать во всем истинному смыслу начертанных в нем законов.

Вопрос: Что значит быть свободным и счастливым?»

Ответ: Без свободы нет счастья. Св. апостол Павел говорит: «Ценою крови куплены есте, не будете рабы человекам» и т. д.

Дальше идут вопросы о том, должно ли повиноваться власти, она поступает вопреки воле божией; каким образом ополчаться всем чистым сердцем; какое правление сходно с законом божиим; противны ли богу присяга, и т. д.**

Пропаганда в войсках, помимо пасквилей или листовок, могла вестись систематическим путем в школах для солдат по ланкастерской системе, которые существовали в то время при многих частях войск. Раевский был преподавателем одной из таких школ, и ниже мы остановимся на этой сфере его деятельности.

Таким образом, быть может, приведенные выше слова С. Г. Волконского о «самоотвержении от аристократических начал, придававшем какую-то восторженность частным убеждениям», содержат свидетельство о том «хождении в войска», о котором осталось весьма мало сведений.

* Русский архив, 1875, кн. 2, с. 57. С этими данными любопытно сопоставить сообщение некоторых декабристов о том, что по дороге в Сибирь они чувствовали себя всегда хорошо там, где часовыми были разжалованные солдаты Семеновского полка. История волнений в Семеновском полку разработана ныне В. И. Семевским в журнале «Былое», 1907, № 1—3. См. также биографию декабриста И. И. Сухинова (Русский архив, 1870, т. 8, № 4—6, с. 908—926); в ней найдется несколько подробностей об агитации среди солдат.

** Об этом катехизисе см. дальше особую статью⁴⁵.

Ареной действий южного отдела Союза благоденствия, а с 1821 года Южного тайного общества, была вторая армия, состоявшая из двух корпусов, 6-го и 7-го, и расквартированная на юге России, в губерниях Киевской, Подольской, Херсонской, Екатеринославской, Таврической и Бессарабии. Духом дела и вождем движения на юге был П. И. Пестель, адъютант начальника штаба второй армии, П. Д. Киселева. Квартира штаба была в местечке Тульчине, ставшем центральным пунктом движения. Другой пункт, памятный в истории декабристов,— поместье Раевских (известного генерала 12-го года) в Киевской губернии, Каменка. Здесь ежегодно собирались члены тайного общества. В первый период движения (1818—1821), период пропаганды, важным центром был Кишинев. Здесь было управление наместника Бессарабии и штаб 16-й дивизии. Главным действующим лицом и руководителем был генерал Михаил Федорович Орлов, человек необыкновенной привлекательности и выдающихся способностей. Он был одним из влиятельнейших членов Союза благоденствия. Он деятельно пропагандировал идеи общества, занимаясь специально распространением просвещения в духе исповедуемых им истин, и был главным деятелем по устройству школ взаимного обучения*. Из других членов тайного общества, живших в Кишиневе, мы знаем Владимира Федосеевича Раевского, адъютанта Орлова, капитана Охотникова⁴⁶, подполковника Липранди**. Членами «Союза» был командир 32-го егер-

* О М. Ф. Орлове см.: Русская старина, 1872, т. V, с. 775—781; 1877, т. XIX; 1878, т. XX. Для характеристики его взглядов см. письма к нему П. Д. Киселева (Русская старина, 1887, кн. VI, с. 231—233). О ланкастерской школе, основанной в Киеве,— записка И. Р. Мартоса в «Киевской старине», июль—август, приложения, с. 65—69. Характеристику его см.: Герцен А. И. Полное собрание сочинений и писем. Под ред. М. К. Лемке. Пг., 1915, т. I—II и след. О нем в статье М. О. Гершензона «М. Ф. Орлов» в сборнике «История молодой России» (М., 1908, с. 1—74).

** Липранди оставил подробнейшие записки о Пушкине и кишиневской жизни и, как член тайного общества, мог бы сообщить интересные сведения о его деятельности в 1818—1823 гг., но, к удивлению, мы находим в его записках утверждение, что никакого движения не было, а в 6-м корпусе совсем не было участников «Союза благоденствия» (все перечисленные нами лица как раз служили в 6-м корпусе). Наше удивление исчезнет, если мы вспомним, что этот Липранди — тот самый Липранди, который впоследствии приобрел известность как тайный и ревностный агент по делу петрашевцев и по процессам скопцов и раскольников. С. Г. Волконский пишет о Липранди следующее: «В уважение его передовых мыслей и убеждений принят в члены открывшегося в 16-й дивизии отдела тайного общества, известного под названием «Зеленой книги». При

ского полка Непенин⁴⁷, майор того же полка Юмин⁴⁸, поручик Таушев⁴⁹, гевальтигер дивизии и, конечно, многие другие, фамилии коих нам неизвестны.

До нас дошли скудные известия о кишиневской жизни 1818—1825 гг. и ими мы обязаны только тому, что в Кишиневе жил Пушкин. Из отрывочных данных можно заключить, что кишиневские члены общества самым точным образом исполняли обязанности, налагаемые на них «Союзом». К ним можно было применить слова Якушкина, сказанные им о главных членах Союза благоденствия в 1818—1819 гг.: «В это время они [члены] вполне ценили предоставленный им способ действия посредством слова истины, они верили в его силу и орудовали им успешно»*. Они настойчиво распространяли идеи, легшие в основу общества; в своих беседах постоянно направляли мысль на критику существующего порядка вещей и строя всей государственной жизни, говорили о необходимости реформ частичных и общих. Одно обстоятельство особенно подогривало пыл кишиневских членов и придавало их речам резкое, боевое настроение. В порабощенной Греции шла в это время борьба за освобождение и подготовлялось восстание гетеристов, вспыхнувшее в 1820 году. В Кишиневе было очень много греческих патриотов: здесь именно и действовал их революционный комитет. Понятно, какой отзвук нашли

открытии, в двадцатых годах, восстания в Италии, он просил у начальства дозволения стать в ряды волонтеров народной итальянской армии, и по поводу неприятностей за это, принятое как дерзость, его ходатайство, он принужден был выйти в отставку и, выказывая себя верным своим убеждениям к прогрессу и званию члена тайного общества, был коренным другом сослуживца его по 32-му егерскому полку майора В. Ф. Раевского... И этот Липранди, при таких предшествующих данных, служа впоследствии в министерстве внутренних дел при Царовском и его преемниках по особым поручениям, был тайным и усердным сыщиком в царствование Николая, был орудием гонения раскольников, был орудием разыскания едва установившегося общества социалистов и, наконец, имел дерзость — уже при Александре II — подать проект об учреждении при университетах школы шпионов, вменяя в обязанность попечителям давать сведения министерству о тех студентах, которых употребляют они, чтобы иметь данные о мыслях и действиях их товарищей, а министерство этими данными руководствовалось бы, чтобы этих мерзавцев (но не так он их представлял) назначать к употреблению, как сыщиков и шпионов в обществе, и, основываясь на полученных от попечителей сведениях, давать им по службе ход» (Записки Сергея Григорьевича Волконского, с. 318). Быть может, загадка молчания или даже отрицания того, что было, объяснится, если примем во внимание последующую деятельность Липранди, а также неясные сообщения Н. С. Алексеева Пушкину от 30-го октября 1826 года: «Липранди тебе кланяется, живет по-прежнему здесь довольно открыто и, как другой Калиостро, бог знает, откуда берет деньги» (Бумаги Пушкина. М., 1887, вып. 1, с. 82). [XIII, 300—Ред.]

* Записки И. Д. Якушкина, с. 25.

в сердцах русских мечтателей призывные клики восстания, имевшие целью свержение турецкого ига. Раевский писал:

Простите, там для вас, друзья,
Горит денница на востоке,
И отразилась заря
В шумящем кровию потоке.
Под сень священную знамен
На поле славы боевое
Зовет нас долг, добро святое;
Спешите, там волкальный звон
Поколебал подземны своды,
Пробудит он народный сон
И гидру дремлющей свободы*.

В Кишиневе была масонская ложа; надо думать, что члены «Союза» придавали ее собраниям резкий политический характер. Когда Пушкин, в 1826 году, в своем письме к Жуковскому, припоминал все свои связи, могущие компрометировать его с точки зрения политической благонадежности, он писал: «Я был массон в Киш<иневской> ложе, т. е. в той, за которую уничтожены в России все ложи»⁵⁰. Основателем ложи был бригадный командир, генерал П. С. Пущин.

К нему обращено послание Пушкина, начало которого стало нам известно только в 1912 году**:

В дыму, в крови, сквозь тучи стрел
Теперь твоя дорога;
Но ты предвидишь свой удел,
Прядущий наш Квируга!
И скоро, скоро смокнет брань
Средь рабского народа,
Ты молоток возьмешь во длань
И воззовешь: свобода!
Хвалю тебя, о верный брат!
О каменщик почтенный!
О Кишинев, о темный град!
Ликуй, им просвещенный! (II, 204)⁵¹

Пропаганда оппозиционных идей шла всюду, где собирались члены общества, и когда они бывали друг у друга, и на обедах у генерала Орлова. Не ограничиваясь распространением идей в обществе, кишиневские члены старались проложить им путь в среду солдат. Действуя в духе свободомыслия, они старались вывести жестокое обращение с солдатами, но от этих забот, обязательных для всякого, они переходили к заботам о духовной личности солдата. Старались стать в более

* Русская старина, 1890, № 5, с. 368.

** Сочинения Пушкина. Изд. имп. Академии Наук. СПб., 1912, т. III, с. 38.

близкие и искренние отношения к своим подчиненным, и, пытаясь расшатать чувство слепого подчинения, они признавали в солдате независимую личность,— и это был факт глубоко революционный. Орлов ставил своей задачей ввести в своей дивизии человеческое отношение к «людям»; преследовал начальников, жестоко обращавшихся; с известной точки зрения он являлся нарушителем военной дисциплины, принимая и поощряя жалобы нижних чинов на жестокость обращения и этим самым вызывая пробуждение сознания человеческого достоинства. Внимание Орлова было обращено на распространение грамотности и просвещения среди солдат. Им была открыта при дивизии школа взаимного обучения по ланкастерской методе для солдат, и он ревностно заботился о ее процветании. В письмах П. Д. Киселева, начальника штаба второй армии, от 1818—1822 годов, сохранились различные сведения о брожении в войсках. 22-го января 1822 года он писал А. А. Закревскому в Петербург: «Удалите от военной службы всех тех, которые не действуют по смыслу правительства; все они в английском клубе безопасны, в полках чрезмерно вредны; дух времени распространяется повсюду, и некое волнение в умах заметно; радикальные способы к исторжению причин вольнодумства зависят не от нас; но дело наше — не позволять распространяться оному и укрощать, сколько можно, зло. Неуместная и непрерывная строгость возродит его, а потому остается зараженных удалять и поступать с ними, как с чумными; *лечить сколько возможно, но сообщение — воспрепятствовать*».

Распространение брожения побудило Киселева, в 1821 году, учредить при армии тайную полицию. 15-го марта 1822 г. он писал об этой полиции Закревскому следующее: «Секретная полиция, мною образованная в июле 1821 года, много оказала услуг полезных, ибо много обнаружила обстоятельств, чрез которые лица и дела представились в настоящем виде; дух времени заставляет усилить часть сию». Вот еще один отзыв из письма Киселева от 22-го января 1822 г.: «Касательно армии я должен тебе сказать, что в общем смысле она, конечно, нравственнее других; но в частном разборе, несомненно, найдутся лица неблагомыслящие, которые стремятся, но без успеха, к развращению других; мнения их и действия мне известны, а потому, следя за ними, я не страшусь какой-либо внезапности и довершу издавно начатое»*.

Секретные агенты доносили следующие характерные под-

* Заблочкий-Десятовский А. П. Гр. П. Д. Киселев и его время. СПб., 1882, т. I, с. 156—157.

робности о брожении в Кишиневе. «В ланкастерской школе, говорят, что, кроме грамоты, учат и толкуют о каком-то просвещении. Нижние чины говорят, дивизионный командир [М. Ф. Орлов] наш отец, он нас просвещает. 16-ю дивизию называют орловщиной...*Пушкин* ругает публично и даже в кофейных домах не только военное начальство, но даже и правительство... Липранди говорит часовым, у него стоящим: «Не утаивайте от меня, кто вас обидел, я тотчас доведу до дивизионного командира. Я ваш защитник. Молите бога за него и за меня. Мы вас в обиду не дадим, и, как часовые, так вестовые, наставление сие передайте один другому». Охотского полка 3-я гренадерская рота при выходе со двора корпусного командира, рассуждала, и, между прочим, вот разговор одного унтер-офицера с рядовым за квартою водки. *Рядовой*: — Ну как принял нас корпусной. Это значит, что он не хочет подражать дивизионному, который желает образовать дивизию по своему вкусу, а корпусному то неприятно, но, даст бог, найдем правду. *Унтер-офицер*: — Меньше говорить, да больше думать, вот наше дело. Что-то наш полковой мошенничает, только вряд ли удастся корпусному утешить»*.

Владимир Федосеевич Раевский был деятельным помощником Орлова и вполне оправдывал свое звание члена тайного общества. Он определенно и ясно заявлял свои взгляды, верный своему резкому характеру; между прочим, своими разговорами он влиял на Пушкина, жившего в это время в Кишиневе, и поддерживал в нем оппозиционное настроение; но об отношениях Раевского и Пушкина мы будем говорить особо. Конечно, в донесениях агентов имя Раевского попадалось нередко, и Киселев в течение долгого времени до ареста имел под надзором Раевского, который ему был известен «вольнодумством, совершенно необузданным»**. Но, помимо постоянной устной пропаганды в среде, окружавшей Раевского, Раевский находился в тех особых отношениях к солдатам, при которых, пользуясь их любовью и уважением за гуманное обращение, он мог рассчитывать, что его слова найдут путь в головы солдат. Когда Орлов открыл при своем дивизионном штабе ланкастерскую школу, он выбрал преподавателем В. Ф. Раевского. Здесь Раевский (употребим специальный термин) «занимался» с солдатами. В 1821 г. Союз благоденствия был закрыт, и тайное общество, действовавшее в двух его организациях — северной и южной, — вступило на путь

* Русская старина, 1883, № 12, с. 657—658.

** Заблоцкий-Десятовский А. П. Гр. П. Д. Киселев и его время, с. 158.

активной пропаганды с ясным сознанием тех целей, которых надо достигнуть. В это время уже ясно поняли, какой помощи в их деле нужно ждать от солдат, и что нужно делать, чтобы этой помощи добиться. Если прежде с солдатами толковали о просвещении, то теперь старались просветить их в духе исповедуемых обществом истин. Известно, что на съезде членов Союза благоденствия в феврале 1821 года в Москве М. Ф. Орлов, по личным соображениям, формально порвал связи с обществом и с этих пор уже не принимал участия в тайных обществах. Не следует думать, что он изменил всем своим убеждениям,— в своей основе его взгляды были убеждением человека гуманного и отрицательно относящегося к существующему порядку. Отдалившись от членов общества, он, понятно, знал об их работе, не препятствовал ей и оставил Раевского по-прежнему преподавателем школы. Раевский после закрытия «Союза» остался в числе членов общества и остался верен, по выражению князя С. Г. Волконского, «принятой им клятве»*. Он, очевидно, сочувствовал перевороту в направлении общества и понимал, какая работа предстояла теперь ему. Недаром он вспоминал впоследствии, что таинственность его дела объяснилась на Сенатской площади 14-го декабря 1825 г. Оставаясь учителем в дивизионной школе, Раевский рассчитывал на поддержку Орлова, но, по словам Якушкина, «в надежде на покровительство Орлова, слишком решительно действовал и впоследствии попал под суд»**. Когда Раевский был арестован, он ни словом не обмолвился об Орлове. Из тюрьмы он просил передать Орлову, что «он судьбу свою сурово с терпением мраморным сносил,— нигде себе не изменил».

Владимир Федосеевич Раевский был арестован 6-го февраля 1822 г. О возможности ареста он был предупрежден и успел почиститься. Кроме того, друзья его и сочлены постарались о скрывании вещественных доказательств. «В квартире моей,— сообщил Раевский в записках,— был шкаф с книгами более 200 экземпляров французских и русских. На верхней полке стояла *«Зеленая книга»* — Статут общества общ<ественного> Союз[а] благоденствия и в ней четыре расписки принятых Охотниковым членов и маленькая брошюра «Воззвание к сынам Севера». Радич [адъютант Сабанеева] спросил у Липранди: «Брать ли книги?» Липранди отвечал, «что не книги, а бумаги нужны». Как скоро они ушли, я обе *эти книги сжег* и тогда был совершенно покоен»⁵².

* Записки Сергея Григорьевича Волконского, с. 409.

** Записки И. Д. Якушкина, с. 62.

Началось продолжительное следствие. Главное внимание следственных властей привлекли действия Раевского в ланкастерской школе. «Необузданное вольнодумство» было известно и засвидетельствовано резкими заявлениями самого Раевского; искали преступных действий. Доказать, что Раевский принадлежит к тайному обществу, не удалось, хотя нити заговора были в руках судей.

На следствии назывался Союз благоденствия, упоминалась «Зеленая книга» — устав «Союза», были показания о вербовке в члены этого «союза». Но следователи не сделали из всего этого никаких выводов и не придали значения существованию того тайного общества, которое создало «14 декабря». Весьма любопытное известие сообщает Раевский в своих записках (рукопись). «Когда еще производилось надо мною следствие, ко мне приезжал начальник штаба 2-й армии генерал Киселев. Он объявил мне, что государь император приказал возратить мне шпагу, если я открою, какое тайное общество существует в России под названием «Союза благоденствия». Натурально я отвечал ему, что «ничего не знаю. Но если бы и знал, то самое предложение вашего превосходительства так оскорбительно, что я не решился бы открыть. Вы предлагаете мне шпагу за предательство?» Киселев несколько смешался. — «Так вы ничего не знаете?» — «Ничего»...⁵³

При обыске, в бумагах Раевского нашли список всех тульчинских членов. Якушкин рассказывает удивительную историю об этом списке. Генерал Сабанеев отправил при донесении этот список, и члены ожидали очень дурных последствий по этому делу. Киселев, который, без сомнения, знал о существовании тайного общества, призвал к себе Бурцева (Бурцев тоже был членом Союза благоденствия вплоть до его закрытия в 1821 году; потом он, подобно Орлову, не принимал никакого участия в делах Южного общества), «который был у него старшим адъютантом, подал ему бумагу и приказал тотчас же по ней исполнить. Пришедши домой, Бурцев был очень удивлен, нашедши между листами данной ему бумаги список тульчинских членов, писанный Раевским и присланный Сабанеевым отдельно; Бурцев сжег список, и тем кончилось дело»*.

Таким образом, следствие оставалось заниматься только делом о пропаганде Раевского среди солдат в ланкастерской школе. Тайные агенты в свое время доносили о том, что Раевский «в ланкастерской школе задобривает солдат... и что прописи включают в себе имена известных республиканцев:

* Записки И. Д. Якушкина, с. 43.

Брута, Кассия и т. п.»* Трудно было уловить следы преступной пропаганды, потому что она совершалась устно. Следственная комиссия хотела найти документальное подтверждение извещениям шпионов в тех прописях, которые употреблялись в школе Раевского. Раевский воспользовался весьма остроумным средством для распространения своих идей. Прописи заключали в себе, кроме имен революционеров, известные сентенции, те истины, которые декабристы желали распространить в войсках. Фразы прописей воспринимались памятью без участия сознания, прочно оседали в памяти, и нужно было ждать известного момента, который ярко осветил бы содержание этой фразы, чтобы вслед последовала активная реакция на это содержание. Комиссия, производившая дознание, кинулась искать таинственных прописей, но нашла только дозволенные и обращавшиеся во всех ланкастерских школах печатные таблицы Греча. Тогда привлекли к делу гевальтигера 16-й пехотной дивизии, поручика Таушева. Ему поставили в вину то, что он, «получа от начальства предписание о принятии в ведение свое, после ареста Раевского, всех находившихся в школе таблиц, книг и разных вещей, взял только одни печатные таблицы Греча, а книги и письменные прописи, под предлогом ненужных, отдал служителю капитана Охотникова, который жил на одной квартире с майором Раевским и находился с ним в тесной связи**». Нам известно, что Охотников был также членом Союза благоденствия, и только смерть спасла его от преследований. Как бы там ни было, но прописей, компрометирующих Раевского, не нашли. Остались только подозрения и доносы. Среди доносчиков были не только безыменные тайные агенты, — были и всем известные доносители. Об одном из них и мы знаем. Это был иркутский архиерей Иринея; его знали еще по «иркутскому бунту». Будучи уже иркутским архиепископом, он отказался признать за подлинные синодские указы о своей отставке и обвинил губернские власти в злоумышлении на его жизнь и государственной измене и т. д.***. Он был сослан в Вологду, в Прилуцкий монастырь; здесь ему учинили допросы, и на этих допросах он сообщил следующее о своем разговоре с городским головой. Между прочим, городской голова сказал Иринею, что «есть в Иркутске [собственные показания Иринея] Раевский**** и что, когда я был еще на пути из Пензы в Иркутск, распространилась молва, что я виною

* Русский архив, 1866, стлб. 1437.

** Русская старина, 1873, № 3, с. 378.

*** О нем статья г. Пфаффиуса в «Вестнике всемирной истории» за 1900 год⁵⁴.

**** Разрядка П. Е. Щеголева. — *Ред.*

ссылки его, Раевского, в Сибирь, что он проводит часто время у Муравьева...⁵⁵ При сем я вспомнил, что еще когда был ректором в Бессарабии, то мною первоначально было открыто зловерное для государства учение, которое преподавал бывший тогда майором сей Раевский юнкерам в военном бессарабском лицее. Тогда дивизионным генералом был Мих<аил> Фед<орович> Орлов, а корпусным — Сабанеев. Раевский найден виновным и сослан в Сибирь»*.

Для возбуждения дела против Раевского было достаточно причин на месте, но тут играли роль и другие обстоятельства. По характерному выражению Липранди, из главной квартиры настоятельно требовали открытия заговора. Почти с самого вступления в должность начальника штаба (в 1819 году) Киселев получал обильные предостережения от Закревского относительно Пестеля: «Возьми свои меры,— писал Закревский 2 июня 1819 года: — государь о нем мнения не переменял и не переменит. Он его хорошо, кажется, знает»**. В 1821 году была подана имп. Александру I графом Бенкендорфом известная записка о тайных обществах. С самого начала своего служения во 2-й армии Киселев был озабочен созданием правильно организованной секретной полиции. Ему ревностно помогал в этом деле корпусный командир Сабанеев. Полиция должна была выслеживать нити заговора. О необходимости открытия общества писали, по всей вероятности, из Петербурга. Поиски разрешились арестом Раевского, который не пользовался симпатиями ни корпусного командира Сабанеева, ни начальника его штаба Вахтена. Вахтен уже давно имел свои причины негодовать на Раевского. При инспектировании полка, когда Раевский был еще ротным командиром, Вахтен сообщал, — «что он много говорит за столом при старших и тогда, когда его не спрашивают; что он, на свой счет, сшил для роты двухшовные сапоги; что он часто стреляет из пистолета в цель»***. Начиная данное расследование о преступной деятельности Раевского, рассчитывали открыть самый заговор. Пушкин, подслушавший разговор Сабанеева с Инзовым о Раевском накануне его ареста, ясно уразумел из последних слов Сабанеева, настаивавшего на арестовании Раевского, что «ему приказано, что ничего открыть нельзя, пока ты не арестован****. Любопытно, что декабристы, знавшие Раевского и по его деятельности в тульчинском отделе, и по Сибири, очень

* Русская старина, 1882, т. XXXVI, с. 102.

** Заблоцкий-Десятовский А. П. Гр. П. Д. Киселев и его время, с. 89.

*** Русский архив, 1866, стлб. 1437.

**** Вестник Европы, 1874, № 6, с. 858⁵⁶.

глухо говорят о сущности его дела. Почему же глухо? Не по соображениям ли, внушенным осторожностью? Басаргин, сидевший в Петропавловской крепости рядом с Раевским и переговаривавшийся с ним, ограничивается только сообщением: «он мне рассказал подробности своего дела*». Деталей своего дела не сообщает в письмах и сам Раевский.

Уже после появления в печати нашей работы в «Вестнике Европы»⁵⁷, мы ознакомились с огромнейшим производством по делу В. Ф. Раевского. Не имея возможности входить здесь в подробности, мы даем в приложениях заключительный всеподданнейший доклад, в котором изложена сущность дела и производство по оному. К нему мы и отсылаем читателя.

IV

История бурных лет кишиневской жизни Владимира Федосевича была бы неполна, если бы мы прошли молчанием важный в истории нашей литературы эпизод сношений Раевского и Пушкина, жившего в это время в ссылке в Кишиневе. Подробности этих отношений обрисовывают личность Раевского с других, еще неизвестных нам сторон и помогут нам составить о нем более ясное представление.

Кажется, ни в одной истории провинциального русского города не разрабатывались с такими подробностями и таким вниманием события короткого, двух- или трехлетнего периода городской жизни, как в летописях города Кишинева 1820—1823 годов.

Объяснен интерес именно этих лет кишиневской летописи объясняется тем, что на это время падает пребывание в этом городе Пушкина. Эпизод его отношений к Владимиру Федосевичу Раевскому — одна из наиболее интересных и значительных страниц истории кишиневской жизни поэта. Среди массы кишиневских приятелей, собутыльников, приятных и веселых собеседников, знакомых просто — Раевский был одним из немногих людей, которых поэт дарил своей дружбой, и единственным человеком, который был достоин этой дружбы. К «друзьям» великих людей нужно относиться особенно осторожно: стоит только подумать о том, как много, например, было друзей у Пушкина, да таких, о дружбе которых с поэтом мы знаем не из их собственных рассказов только, а из свидетельства самого Пушкина. Истинных друзей, людей, которые вносили бы свое творчество, свою индивидуальность в отношения дружбы, у Пушкина было немного, а обилие друзей находит

* Деятнадцатый век, изд. П. И. Бартенева. М., 1872, кн. I, с. 74.

свое объяснение в богатстве и щедрости души поэта. Он не брал дружбы, а дарил ее. Различные воспоминания о кишиневских годах жизни Пушкина называют имена пяти лиц, с которыми он был дружески близок и общение с которыми доставляло ему искреннее удовольствие; это — Алексеев, Горчаков, Вельтман, Липранди и Раевский. Алексеев и Горчаков платили поэту за его отношение чувствами искренней преданности, но вряд ли дружеские чувства, связавшие их с Пушкиным, были глубоки. Одна характерная фраза из письма Алексеева (от 1826 года) к Пушкину освещает характер их отношений; вспоминая о названиях: «лукавый соперник и черный друг», данных ему Пушкиным, Алексеев пишет: «Я имел многих приятелей, но в обществе с тобою я себя лучше чувствовал, и мы, кажется, оба понимали друг друга; несмотря на названия: *лукавого соперника и черного друга*, я могу сказать, что мы были друзья-соперники,— и жили приятно»*. С Горчаковым и Вельтманом Пушкин мог беседовать о литературе; сохранился ответ Пушкина Горчакову на его критические замечания о «Кавказском пленнике», — ответ, по которому чувствуется, что Пушкин не очень ценил эстетические суждения своего приятеля. Липранди, в ту эпоху занимавшийся собиранием исторических данных о Бессарабии и выделявшийся своим радикализмом, тоже был дружен с Пушкиным. «Он мне добрый приятель,— писал о нем Пушкин Вяземскому,— и (верная порука за честь и ум) нелюбим нашим правительством и в свою очередь не любит его»**. В бумагах Пушкина сохранился еще отзыв о Липранди как о человеке, «соединяющим ученость истинную с отличными достоинствами военного человека»***. Но и Липранди, и Вельтман, и Горчаков, и Алексеев были мало оригинальные фигуры, средние личности и, можно с уверенностью утверждать, ничего не дали поэту, кроме, быть может, воспоминаний о *приятности* совместной с ними жизни. Если был в Кишиневе человек, общение с которым могло быть плодотворно и значительно для Пушкина, то таким человеком был Раевский. Пушкин не знал о том, что Раевский был членом тайного общества, и его нелегальная деятельность оставалась неизвестной Пушкину. Он и впоследствии, очень интересуясь судьбой Раевского, никак не мог уяснить себе сущности его процесса, тайного и преступного элемента его деятельности. Но, без сомнения, от Пушкина не могло укрыться то идеалистическое возбуждение, которое

* Бумаги А. С. Пушкина. М., 1881, вып. 1, с. 81⁵⁸.

** Бумаги А. С. Пушкина. т. VII, с. 27⁵⁹.

*** Там же, т. I, с. 279⁶⁰.

привело Раевского к вступлению к тайное общество, и не оставляло его во все время деятельности по делам общества; понятно, Раевский, как и все молодые заговорщики, не сознавал своих политических убеждений, своего образа мыслей. В эпоху 1820—1823 годов и в Кишиневе, и в Каменке, куда съезжались на свои собрания будущие декабристы, Пушкин жил в атмосфере политических разговоров: стоит только вспомнить, что в этот период в Кишиневе находились и Мих. Фед. Орлов, и Раевский, и Охотников, и Липранди, принадлежавшие к Союзу благоденствия. Пушкину суждено было только подозревать своих знакомых и друзей в принадлежности к тайному обществу, только догадываться, что где-то вне сферы его зрения эти люди занимаются чем-то тайным, недозволенным и страшным, таким, что может кончиться очень плохо. Быть может, помимо политических убеждений, Пушкина тянул к этим людям еще скрытый, но чувствуемый художником трагизм их жизни. Возможность трагического конца жизни освещала этих людей особым светом. В одной из черновых тетрадей Пушкина, хранящихся в Румянцевском музее (№ 2368, лист 38-й), мы встречаем следующий рисунок: вал и ворота крепости, на валу виселица и на ней пять повешенных, а сбоку страницы приписка: «я бы мог, как тут на...» Внизу опять тот же рисунок и начало фразы: «И я бы мог». В этой заметке, относящейся к 1826 г. и к казни пяти декабристов, набросанной невольной, не предназначенной для других, не нужно искать указаний на фактическую историю жизни Пушкина; рисунок и заметка свидетельствуют только о том волнении, которое возбуждал в нем трагизм деятельности декабристов. Дальше мы увидим, что Раевский был одним из немногих людей в Кишиневе, к которым поэт относился с полным уважением.

У Раевского была одна общая черта со многими декабристами, в особенности с декабристами-писателями,— своеобразный патриотизм. Возвысившись до идеального представления о высокой цели жизни и «благе родины», посвятив свою деятельность самоотверженной любви к своим соотечественникам,— и Раевский, и многие другие не могли освободиться от чувства национальной исключительности и нетерпимости. <...> Наряду с этой нетерпимостью необходимо отметить стремление к национальной самобытности,— борьбой за самобытное, национальное содержание определяется значение литературной деятельности декабристов. Раевский в своих разговорах с Пушкиным не раз утверждал, что в русской поэзии не должно приводить ни имен из мифологии, ни исторических лиц Греции и Рима,— что у нас то — и другое есть свое. К до-

стоинствам Раевского нужно отнести его образованность, его солидные и большие знания, в особенности в области исторических наук. Наконец, Раевский был поэтом и, следовательно, мог быть судьей поэтических произведений. Вот те данные, которые, во всей их совокупности, не были ни у одного из кишиневских приятелей Пушкина и которые вызвали дружбу Пушкина к Раевскому и выдвигают последнего на первое место в кишиневской толпе друзей поэта. В общении с Раевским на Пушкина мог еще действовать темперамент поэта и заговорщика. Человек громадной энергии, редкой силы воли, пылкий и горячий, он всегда находился, по выражению Липранди, «в весело-мрачном» расположении духа.

Соберем теперь разбросанные данные, освещающие картину отношений Пушкина и Раевского*. В своем письме к Жуковскому от 13 января 1826 года Пушкин, перебирая все свои связи, могущие компрометировать его в глазах правительства, на первом месте вспоминает о Раевском. «В Кишиневе я был дружен с майором Раевским», — пишет Пушкин. Вот его собственное показание о характере отношений к Раевскому. Пушкин бывал у Раевского и часто встречался с ним у Липранди. Эти встречи очень часто сопровождались спорами «всегда о чем-нибудь дельном»; из чтения «Воспоминаний» Липранди выносишь такое впечатление, будто споры — специфическая особенность отношений Раевского и Пушкина. Первый был очень резок в своих возражениях, но Пушкин, не переносивший резкостей со стороны собеседников, выслушивал их от Раевского и не обижался. Липранди подметил, что Пушкин иногда завязывал споры с видимым желанием удовлетворить своей любознательности; поэтому-то он не оскорблялся резкими выражениями своего оппонента, а, напротив, как казалось Липранди, «искал выслушивать бойкую речь Раевского». Пушкин, очевидно, находил пользу в этих спорах, так как не раз, через день, два после таких бесед, обращался к Липранди, обладавшему большой библиотекой, за книгами, которые имели отношение к предмету спора. Между прочим, Пушкин условился с Липранди на тот счет, что если у него, Липранди, не найдется нужных Пушкину книг, то Липранди будет доставать их у других лично для себя, скрывая, что они предназначаются поэту. Эти споры, по свидетельству Липранди, очень содействовали расширению умственного кругозора Пушкина и обогатили его знания, особенно в области исторических наук; очевидец приводит следующий любопытный факт:

* Приводя цитаты из воспоминаний Липранди (Русский архив, 1866), не указываем страниц. — П. Щ.

«Один раз как-то Пушкин ошибся и указал местность в одном из европейских государств не так. Раевский кликнул своего человека и приказал ему показать на висевшей на стене карте пункт, о котором шла речь; человек тотчас исполнил. Пушкин смеялся более других; но на другой день взял «Мальтебрюна»⁶¹. Сохранилась записочка Пушкина к Раевскому, как раз свидетельствующая об их книжных отношениях: «Пришли мне, Раевский, Histoire de Crimée⁶², книга не моя, и у меня ее требуют. Vale et mihi faveas»*. Едва ли эта «История Крыма» не занудилась во время работ над «Бахчисарайским фонтаном»⁶³.

В памяти Липранди осталось несколько споров Раевского с Пушкиным. Один раз Пушкин оспаривал приведенное выше мнение Раевского о том, что в русской поэзии не должно приводить не русские имена; не один раз в своих беседах они обращались к вопросу о месте ссылки Овидия (кстати, у Раевского было свое прозвище для Пушкина — «Овидиев племянник»). В спорах часто затрагивались, конечно, темы политические и исторические, но, кроме этих тем, Пушкин беседовал с Раевским о литературе. Липранди пишет об этих спорах: «Так как предмет этот меня вовсе не занимал, то я не обращал никакого внимания на эти диспуты, неоднократно возобновлявшиеся»⁶⁴. Только один спор, по теме своей тоже отчасти литературный, сохранился в памяти Липранди. «Помню очень хорошо, — пишет он, — между Пушкиным и В. Ф. Раевским горячий спор (как между ними другого и быть не могло) по поводу «режь меня, жги меня»; но не могу положительно сказать, кто из них утверждал, что «жги» принадлежит русской песне, и что вместо «режь» слово «говори» имеет в «пытке» то же значение, и что спор этот порешил отставной фейерверкер Ларин, который обыкновенно жил у меня. Не понимая, о чем дело, и уже довольно попробовавший за ужином полынокowego, потянул он эту песню — «Ой жги, говори, рукавички барановые». Эти последние слова превратили спор в хохот и обыкновенные с Лариным проказы»⁶⁵.

Пушкин и Раевский сыпали остроумием в своих беседах. В одну из них Раевскому пришла мысль приспособить известную песню о Мальбруге, отправившемуся в поход, к смерти известного фронтовика, подполковника Адамова. По почину Раевского и при усердном содействии Пушкина из переделки получилась сатира, затронувшая многих лиц по начальству.

Когда 6-го февраля 1822 года был арестован Раевский, — и совершенно внезапно порвались тогда и его личные сноше-

* прощай и люби меня (лат.). — *Ред.*

ния с Пушкиным, — Пушкину, жившему у Инзова, пришлось узнать о готовящемся аресте Раевского, и он за день до ареста, 5 февраля, предупредил своего друга. Вот как рассказывает сам Раевский об этом:

«1822 года, февраля 5-го в 9 часов пополудни, кто-то постучался у моих дверей. Арнаут, который стоял в безмолвии передо мною, вышел встретить или узнать, кто пришел. Я курил трубку, лежа на диване.

— Здравствуй, душа моя! — сказал мне, войдя весьма торопливо и изменившимся голосом Алекс<андр> Сергее<вич> Пушкин.

— Здравствуй, что нового?

— Новости есть, но дурные, вот почему я прибежал к тебе.

— Доброго я ничего ожидать не могу после бесчеловечных пыток С<абанеева>... но что такое?

— Вот что, — продолжал Пушкин. — С<абанеев> уехал от генерала [Инзова]. Дело шло о тебе. Я не охотник подслушивать, но, слыша твое имя, часто повторяемое, признаюсь, согрешил — приложил ухо. С<абанеев> утверждал, что тебя непременно надо арестовать; наш Инзушко, ты знаешь, как он тебя любит, отстаивал тебя горою. Долго еще продолжался разговор, я многого не дослышал, но из последних слов С<абанеев>ва ясно уразумел, что ему приказано, что ничего открыть нельзя, пока ты не арестован.

— Спасибо, — сказал я Пушкину, — я этого почти ожидал, но арестовать штаб-офицера по одним подозрениям, отзывается какой-[то] турецкой расправой. Впрочем, что будет, то будет. Пойдем к Липранди, — только ни слова о моем деле»*.

Раевский был отвезен в Тираспольскую крепость. Несмотря на строгие предписания, все-таки была возможность видаться и говорить с ним. Липранди, в середине 1822 года, нашел случай поговорить с Раевским во время его прогулки по глазису крепости. Раевский передал ему свое большое стихотворение «Певец в темнице» и поручил сказать Пушкину, что он пишет ему длинное послание⁶⁶. «Певец в темнице» произвел большое впечатление на Пушкина и, быть может, оказал непосредственное влияние на его произведения; мы не знаем, к сожалению, этого стихотворения в полном виде. Послание к Пушкину вовсе не дошло до нас; зато в сохранившемся «Послании к друзьям в Кишиневе», написанном в Тираспольской крепости 28 марта 1822 года, мы находим строки, относящиеся к Пушкину. В них дан как бы итог всех разговоров между

* Вестник Европы, 1874, № 6, с. 858; Русская старина, 1887, № 10, с. 132⁶⁷.

друзьями; в них «певец в темнице» шлет свое завещание поэту, оставшемуся на свободе. Раевскому приходят на мысль те страдания, которые готовит ему тюремное заключение, быть может, долготное, и он чувствует, что его сил не хватит на изображение этих страданий. Он вспоминает о Пушкине, и это обращение содержит в себе высокую оценку поэтического дарования поэта и выражает взгляд Раевского на задачи поэзии:

Но пусть, не я, другой певец,
Страстей высоких юный жрец,
Сии подземные картины,
Страдания, пытки Уголины⁶⁸,
Стихами Данта воспоем!
Сковала мысль мою, как лед,
Уже темничная зараза,
Жилец темницы отдаст
Тебе сей лавр, певец Кавказа.
Оставь другим певцам любовь:
Любовь ли петь, где льется кровь,
Где кат* с насмешкой и улыбкой
Терзает нас кровавой пыткой!**

Пушкин очень интересовался судьбой «спартанца», как они прозвали Раевского. Он очень много, с видимым участием, расспрашивал о Раевском Липранди после его свидания с заключенным; но он, очевидно, никак не мог добиться точных и определенных разъяснений, за что же собственно был взят «спартанец» в крепость. Дело Раевского представлялось ему таинственным, важным и страшным. Во время известного свидания Ив. Ив. Пущина с Пушкиным в селе Михайловском, 11-го янв. 1825 года, в разговоре они незаметно коснулись опять подозрений насчет общества. «Когда я ему сказал,— вспоминает Пущин,— что не я один поступил в это новое служение отечеству, он вскочил со стула и вскрикнул: «Верно, все это в связи с майором Раевским, которого пятый год держат в Тираспольской крепости и ничего не могут выпытать***».

Быть может, сложившееся у Пушкина представление о важности дела Раевского и было причиной того, что он в одном случае, о котором мы расскажем ниже, выказал неожиданное и несвойственное ему житейское благоразумие. В 1824 году Пушкину случилось заночевать в Тирасполе, и здесь ему представилась возможность иметь свидание с Раевским. Сабанеев, которому были известны дружеские отношения Раевского и Пушкина, дал на это согласие, но Пушкин решительно

* В тексте. — *Ред.*

** Русская старина, 1890, № 5, с. 368.

*** Майков в Л. Н. Пушкин. СПб., 1899, с. 81⁶⁹.

отвергнул предложение повидаться с Раевским, отговариваясь тем, что ему надо быть в определенный час в Одессе. В Одессе Липранди задал Пушкину вопрос, почему он не повидался с Раевским, когда ему было предложено это самим корпусным командиром. «Пушкин,— пишет Липранди,— как мне показалось, будто бы несколько был озадачен моим вопросом и стал оправдываться тем, что он спешил, и кончил полным признанием, что в его положении ему нельзя было воспользоваться этим предложением, хотя он был убежден, что оно было сделано Сабанеевым с искренним желанием доставить ему и Раевскому удовольствие, но что немец Вахтен не упустил бы сообщить этого свидания в Тульчин, а там много усерднейших, которые поспешат сделать то же в Петербург» — и пр.⁷⁰. Такое поведение было благоразумным с практической точки зрения и имело свои основания*, но из стихотворений Раевского мы видим, как тяготило его во время пребывания в тюрьме безучастное отношение друзей:

Когда гром грянул над тобою,
Где были братья и друзья?
Раздался ль внятно за тебя
Их голос смелый под прозою?
Нет, их раскрашенные лица
И в счастье гордое чело —
При слове: казни и темницы —
Могильной тенью повело...

Все же надобно думать, что Раевский не причислял Пушкина к тем друзьям, о которых он говорит в этих стихах...

Атмосфера, окружавшая Пушкина в кишиневский период его жизни, атмосфера политических разговоров, бесед о «тех» и «той»**, мечтаний о заре свободы золотой поддерживала оппозиционное настроение поэта и питала его гражданские стремления.

Вот эвхаристия другая,
Когда и ты, и милый брат,
Перед камином надевая
Демократический халат,
Спасенья чашу наполняли
Беспенной, мерзлою струей
И за здоровье *тех* и *той*
До дна, до капли выпивали!..
Но *те* в Неаполе шалят,

* Впоследствии, в 1826 году, было произведено строгое расследование о лицах, посещавших Раевского в крепости.

** В известном письме к В. Л. Давыдову Пушкин вспоминает о разговорах, происходивших в Каменке⁷¹.

А та едва ли там воскреснет...
Народы тигины хотят,
И долго их ярем не треснет,
и т. д. (II, 179).

Кишиневский период был эпохой наибольшего воздействия на поэта оппозиционных течений первой четверти прошлого века; мы не ошибемся, если скажем, что эти годы были поворотными в отношении Пушкина к движению, в котором принимали участие многие из его друзей. Быть может, то житейское благоразумие, которое поэт выказал в 1824 году в Тирасполе относительно свидания с Раевским, было результатом уже сложившегося в душе Пушкина решения о своих отношениях к заговорщикам. Ни в какой другой период Пушкина не занимали так сильно мысли и убеждения, разделявшиеся членами тайных обществ и людьми, радикально настроенными; никогда его так не волновали их чувства и настроения. В поэтических произведениях Пушкина, написанных в эти годы, мы найдем немало отражений политической атмосферы, окружающей поэта. Его «поэзия, — по справедливому замечанию В. Мякотина, — и теперь не стала поэзией гражданской, тем менее политической, но в ней прорывались в эту пору более резкие и страстные звуки, чем когда бы то ни было»*. Стоит только вспомнить, что в это время написаны «Кинжал», стихотворение необыкновенной силы, известное послание к В. Л. Давыдову о «тех» и «той», «Наполеон», отрывок, заключающий сопоставление Наполеона с Александром и т. д. Еще более драгоценные свидетельства о степени влияния политических настроений на творчество поэта — в отдельных фразах, заметках, стихах, начатых и брошенных рисунках, рассеянных в кишиневских тетрадах поэта**. Все эти мелочи, набросанные на бумагу, быть может, совершенно произвольно, дают ключ к тому, что занимало и волновало поэта. Мы найдем в рукописях и многочисленные рисунки фригийских шапок, и рисунки голов с резкими чертами лица (одна в ночной повязке с надписью «Marat»; под другой, с длиннокудрыми волосами, подписано «Sand» и т. д.)⁷². Вот, напр<имер>, афоризм: «только революционная голова, подобная Мар. (Мир?). (И.?), может любить Россию так, как писатель может любить ее язык... Все должно творить в этой России и в этом

* Мякотин В. А. Из истории русского общества. Этюды и очерки. СПб., 1902, с. 279.

** См. описание их в статье В. Е. Якушкина «Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве» (Русская старина, 1884, № 2—12). Отсюда взяты нами все свидетельства рукописей; отдельных ссылок не делаем.

русском языке»⁷³. А вот отрывок: «Везде ярем, секира иль венец; везде злобный иль малодушный. Предрассужденья Тиран-льстец, — Предрассуждений раб послушный...»⁷⁴

В рукописях поэта много подобных заметок, этих тайных и невольных свидетелей того, о чем думал их хозяин. Не будет, кажется, преувеличением утверждать, что мысли политического характера давали тон всему настроению поэта в течение его кишиневской жизни. Нет сомнения, что одним из наиболее усердных, даже самым усердным и энергичным проводником и защитником политических идей перед Пушкиным — был Раевский. Мы, конечно, не можем точно определить степень влияния Раевского на склад политических убеждений и настроения поэта; невозможно уловить и фиксировать это влияние. Но есть другие области, в которых влияние Раевского сказывается гораздо ощутительнее.

Вспомним строфы из послания к Чаадаеву:

В уединении мой своеобразный гений
Познал и тихой труд, и жажду размышлений.
Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум;
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы,
И в прощесении стать с веком наравне.
(II, 187)⁷⁵

К этим стихам, как к свидетельству самого поэта о своих занятиях с целью расширения кругозора, часто относились с недоверием; но вспомним о спорах Пушкина с Раевским и их значении для поэта. Вот своеобразно выраженное мнение Липранди о беседах с Раевским (кроме него еще и с Охотниковым, Орловым и Вельтманом): «они, так сказать, дали толчок к дальнейшему развитию научно-умственных способностей Пушкина по предметам серьезных наук». Раевский особенно интересовался историей и географией родной страны; этот интерес стоит в связи с чувствами своеобразного патриотизма и характерным для многих декабристов стремлением к самобытности. В литературе типичный образец этого обращения к национальному представляют «Думы» Рылеева. Мы знаем взгляды Раевского на необходимость русского содержания в поэтических произведениях. Надо думать, что Раевский не раз толкал Пушкина к подобным сюжетам; впоследствии и Рылеев побуждал Пушкина к ним. «Ты около Пскова, — писал он ему: — там задушены последние вспышки русской свободы; настоящий край вдохновения — и неужели Пушкин оставит эту землю без поэмы»⁷⁶ и т. д. Во всяком случае, Раевский, несомненно, обратил внимание Пушкина на русскую

старину и содействовал обогащению его исторических знаний. Как раз в кишиневских рукописях поэта мы найдем много свидетельств того, что поэта очень занимали в это время темы древней русской истории. Сохранился целый ряд исторических программ различных произведений об Олеге, Изяславе, Владимире и т. д. К этому времени относится и первый план для сказки о «Царе Салтане». Тогда же поэт делал вступительные наброски к поэме о Вадиме, но об этом скажем ниже. Наконец, к этому же периоду относятся заметки Пушкина о русской истории со времен Петра I; взгляды, высказанные в этих заметках, вполне соответствуют мнениям передовых элементов русского общества. Под известной «Песнью о Вещем Олеге» стоит дата: «1-го марта 1822 г.» Раевский был арестован 6-го февраля этого же года. Не вспомнил ли Пушкин о беседах с Раевским, о его проповеди самобытного содержания поэтических произведений, когда он набрасывал эту балладу?

Липранди записал в своем дневнике о том впечатлении, которое произвело на Пушкина первое чтение «Певца в темнице». Начав читать стихотворение, Пушкин «заметил, что Раевский упорно хочет брать все из русской истории, что и тут он нашел возможность упоминать о Новгороде и Пскове, о Марфе Посаднице и Вадиме, и вдруг остановился: «Как это хорошо, как это сильно; мысль эта мне нигде не встречалась; она давно вертелась в моей голове; но это не в моем роде, это в роде Тираспольской крепости, а хорошо», — и пр. Он продолжал читать, но, видимо, более серьезно». Прочитав стихотворение до конца, он продекламировал вслух недоумевающему Липранди отрывок, его поразивший:

Как истукан, немой народ
Под игом дремлет в тайном страхе:
Над ним бичей кровавый род
И мысль и взор казнит на плахе.

После чтения зашел разговор еще об одном четырехстишии из стихотворения Раевского, но у Пушкина не проходило впечатление поразившего его отрывка. Он был в волнении... Вдруг начал бороться с Таушевым, потом схватил Таушева под руку и ушел. На другой день Таушев передавал Липранди мнение Пушкина, что мысль этого отрывка едва ли Раевский не первый высказал⁷⁷.

Вслед за этим отрывком в стихотворении Раевского находятся обращение к русской старине и упоминания о Новгороде и Пскове, Вадиме и Марфе Борецкой. Так как в неоконченных набросках Пушкина из поэмы или трагедии из жизни Вадима можно проследить отдаленное влияние произведения Раевского и его теоретических рассуждений о поэзии, то мы

остановимся несколько подробнее на истории темы о Вадиме в русской литературе и целиком приведем известные нам строфы послания Раевского, следующие за приведенными отрывками:

К моей отчизне устремил
Я, общим злом пресытясь, взоры,
С предчувством мрачным спросил
Сибирь, подземные затворы;

И книгу Клии⁷⁸ открывал,
Дыша к земле родной любовью;
Но холодный пот меня объял —
Листы залиты были кровью!

Я бросил свой смиренный взор
С печалью на кровавы строки,
Там был подписан приговор
Судьбою гибельной, жестокой:

«Во прах и Новгород и Псков,
Конец их гордости народной.
Они дышали шесть веков
Во славе жизнию свободной».

Погибли Новгород и Псков!
Во прахе пышные жилища!
И трупы добрых их сынов
Зверей голодных стали пища.

Но там бессмертных имена
Златыми буквами сияли;
Богоподобная жена,
Борецкая, Вадим, — вы пали!

С тех пор исчез, как тень, народ,
И глас его не раздавался
Пред вестью бравных непогод,
На площади он не собирался...⁷⁹

Конец стихотворения нам неизвестен.

Обращения к Новгороду, Пскову, Вадиму, столь обычные в нашей литературе первой четверти века, являются, без сомнения, результатом старательного желания создать самобытную, национальную русскую литературу; но у поэтов оппозиционного лагеря обращения именно к Пскову и Новгороду имели особый смысл. Искренно желая свободы своей стране, они искали свободного состояния своих сограждан в глубокой древности. История Новгорода и Пскова казалась им историей древней славянской свободы. В борьбе за свободу им нужен был легендарный эпический герой, и они нашли его в Вадиме, вожде новгородского восстания, убитом в 873 году*. Тема

* Этому Вадиму они могли придать дорогие им черты героя-революционера с тем большею уверенностью, что о нем не сохранилось никаких данных. Все данные заключаются в следующей записи в Никоновской ле-

о Вадиме имеет любопытную литературную историю. За обработку ее брались и Екатерина II, и Херасков, и М. Н. Муравьев, и Княжнин, и Жуковский. Каждый из авторов, при полном отсутствии исторических данных, решал вопрос о личности Вадима по-своему. И вот как изменился образ Вадима в нашей литературе. В то время как, по изображению Екатерины, Вадим является дерзким бунтовщиком против верховной власти Рюрика, представителя просвещенного абсолютизма, — Княжнин в своей трагедии выводит Вадима, новгородского гражданина, борца за свободу своих граждан, русского Брута. Приходит французская революция, и взгляды меняются. В поэме Хераскова, посвященной Павлу I, Вадим — «юноша предерзкий, злобный, свирепством льву подобный», честолюбивый бунтарь и ярый республиканец. «Дней Александровых счастлирое начало» будит вновь неясные, неопределенные мечты о свободе, и Вадим Муравьева и Жуковского является сентиментально-романтическим ревнителем национальной свободы. Для Рылеева и лиц, разделявших его взгляды, Вадим является опять желанным героем, русским Брутом. Этот тип удовлетворял и их стремлениям к самобытности и чувству, требовавшему героя. Вадим стал своего рода паролем для радикалов Александровской эпохи, подобно тому, как Псков и Новгород были синонимами древнеславянской свободы. Темы о Вадиме касался Рылеев в своей «думе»⁸⁰. В его «думе» Вадим является мощным и сильным борцом за свободу, крепко верящим в успех своего дела*.

«Дума» Рылеева не была известна Пушкину во время его пребывания в Кишиневе; зато от Раевского, постоянно пропо-

тописи под 873 годом: новгородцы возмутились правлением Рюрика и... «того же лета уби Рюрик Вадима храброго и иных многих изби новгородцев, советников его».

* В Вадиме Рылеева нет и тени разочарования. Г-н Замотин, исследовавший историю предания о Вадиме в русской литературе, несомненно, ошибается, зачисляя Вадима Рылеева и Раевского в толпу разочарованных героев байроновского оттенка. По мнению г. Замотина, рылеевский Вадим, собирающийся на подвиг борьбы, предчувствует, что она не удастся. Он, очевидно, не знал конца «Думы»; последняя известная ему строфа: «До какого нас бесславия довели вражды граждан! (думает Вадим). Насылает Скандинавия властелинов для славян». В рукописи «Думы», найденной В. Е. Якушкиным («Из истории литературы двадцатых годов. Новые материалы для биографии К. Ф. Рылеева». — Вестник Европы, 1888, № 11), есть еще строфа: «Грозен князь самовластительный! Но наступит мрак ночной; и настанет час решительный, час для граждан роковой...» Для Раевского Вадим тоже был идеалом героя, тоже паролем. См.: З а м о т и н И. И. Предание о Вадиме новгородском в русской литературе. Воронеж, 1902. Сравни нашу заметку об этой книге в «Историческом вестнике», 1902, № 6, с. 1092—1094.

ведовавшего о самобытности, Пушкин немало наслышался о древнеславянской свободе Новгорода, Пскова, о Вадиме. Принимаясь за обработку темы о Вадиме, Пушкин не только вспоминал рассуждения Раевского, но имел перед собой и «Певца в темнице». Из его планов ничего не вышло; до нас сохранилось, кроме программ, два отрывка: один предназначался для драмы о Вадиме, другой — для поэмы. В первом отрывке мы найдем кое-что и о древнеславянской свободе и о народе, влачащем свое ярмо. Вадим спрашивает Рогдая: «Ты видел Новгород, — ты слышал глас народа: скажи, Рогдай, жива ль славянская свобода? — Иль князя чуждого покорные рабы — решились оправдать гонение судьбы?» Рогдай отвечает: «Народ нетерпеливый, — старинной вольности питомец горделивый, досадуя, влачит позорный свой ярем», и т. д. (VII, 245). Невольно вспоминается то впечатление, которое произвел на Пушкина отрывок из стихотворения Раевского, рисующий положение народа под ярмом власти. В отрывке из поэмы образ Вадима развит подробнее и представляет уклонение от типа Вадима — героя-революционера; тут заметно влияние Вадима в изображении Жуковского. Между прочим, во сне Вадим Пушкина видит Новгород. Поэт рисует картину запустения: «Он видит Новгород великий, — знакомый терем с давних пор; но тын оброс крапивою дикою; обвиты окна повиликою, — в траве заглох широкий двор» и т. д. (IV, 369) Не приходили ли на память Пушкину стихи Раевского: «Погибли Новгород и Псков, — во прахе пышные жилища», и т. д.? Конечно, сближение отдельных стихов не могут дать прочных выводов: они всегда случайны, и они должны быть приводимы под знаком вопроса.

Мы исчерпали все данные об отношениях Раевского и Пушкина; нам кажется, что в биографии Пушкина Раевский должен быть помянут как человек, дружба которого была полезна Пушкину и оказала влияние на развитие его миросозерцания. Мы не должны забывать и попыток Раевского побудить Пушкина ввести русское содержание в поэзию, — но в этой области Пушкин был мастером, понимавшим самобытное в литературе бесконечно глубже и проникновеннее Раевского.

В заключение скажем несколько слов о стихах самого Раевского. Как поэт Раевский совершенно неизвестен, и мы впервые касаемся его поэтической деятельности. Опубликовано немного его стихотворений, и все они написаны им или в тюрьме, или в ссылке, в Сибири. В рукописях находится еще много неизвестных стихотворений. Правда, стихотворения Раевского не появлялись в печати в момент их создания* и ни-

* Напечатано самим Раевским лишь несколько его стихотворений⁸¹.

какого влияния на развитие русской поэзии не могли оказать, но в истории русской поэзии имя В. Ф. Раевского должно быть упомянуто, потому что его стихи — исторический памятник гражданского направления поэзии, которое было выдвинуто и нашло деятельных представителей среди декабристов. Раевский должен быть поставлен рядом с А. И. Одоевским, с другим поэтом из декабристов, тоже не оказавшим влияния на современную ему литературу⁸².

Из многочисленных отрывков из произведений Раевского, выше приведенных нами, читатель может составить известное представление о характере его дарования. Его стихи не блещут отделкой, красотой формы, но они производят сильное впечатление выразительностью и энергией стиля. Припомним, как восторгался Пушкин строфами «Певца в темнице». Неотъемлемое достоинство стихов Раевского — их простота и безусловная искренность. Во всех известных нам произведениях он говорит о себе и своих пережитках, или же с необыкновенной силой исповедует свои политические убеждения. Взгляды Раевского на сущность и значение поэзии нам уже известны. Он советовал Пушкину обратиться к социальным темам:

Любовь ли петь, где льется кровь,
Где кат с насмешкой и улыбкой
Терзает нас кровавой пыткой!

Мы видели — Раевский, разделяя взгляды своих современников, стремился вложить национальное содержание в поэзию. Вместе с этим искусству он ставит задачу непосредственного служения жизни, служения определенному направлению. Обе эти черты сближают Раевского с Рылеевым и позволяют зачислить его в ряды первых по времени представителей того направления, которое распространилось в литературе шестидесятых годов.

V

Владимир Федосеевич Раевский, арестованный 6 февраля 1822 года и заключенный в Тираспольскую крепость, пробыл в заключении, в различных крепостях, почти 6 лет (5 лет и 8½ мес.). Он вспоминал об этом времени:

Прошли темничной жизни годы,
И эти камешные своды,
Во тьме две тысячи ночей
Легли свинцом в груди моей*.

* Русская старина, 1890, № 5, с. 373.

За это время над майором Раевским произвели четыре военно-судных дела, в четырех различных комиссиях. Дело все время было неясно самим судьям, а он сам своими признаниями сознательно путал производство и отвечал судьям на их вопросы крайне резко, особенно в первой инстанции, в комиссии при 6-м корпусе, где дознание производили корпусный командир Сабанеев и начальник штаба Вахтен — люди, настроенные враждебно против Раевского. Продолжительность дознания и переход дела из одной комиссии в другую объясняются, очевидно, тем, что, пока Раевский сидел, правительством обогащалось все новыми данными о тайных обществах, и дело Раевского хотели связать с новыми, возникающими делами. Когда начался процесс декабристов, майор Раевский был привлечен к суду комитета против государственных преступников и переведен из Тираспольской крепости в Петропавловскую. Когда закончилось расследование этого комитета, дело Раевского было передано в высочайше учрежденную в Царстве Польском комиссию, под председательством генерала Дурасова⁸³. Все эти разыскания увенчались разбором дела при 1-м гвардейском корпусе, под председательством генерал-адъютанта Левашова и под наблюдением великого князя Михаила Павловича. Все перипетии производства изложены в докладе начальника штаба Дибича, помещаемом в приложении к книге⁸⁴. Здесь даем только существенные подробности о свидетельстве самого Раевского о процессе.

В стихотворениях Раевского можно найти данные о первом расследовании дела при 6-м корпусе. В послании к друзьям в Кишинев из Петропавловской крепости, от 28-го марта 1822 года, Раевский так очерчивает свое поведение во время следствия:

Скажите от меня Орлову,
Что я судьбу свою сурову
С терпением мраморным сносил!
Нигде себе не изменил
И в дни убийственные жизни
Не мрачен был, как день весной,
И даже мыслью и душой
Отвергнул право укоризны*.

Дело осложнялось личным раздражением судей против Раевского и резкостью его ответов. В стихах Раевского рассеяны намеки, по которым все-таки можно составить некоторое представление об обстановке допросов и о характере судебного следствия. Вот один отрывок, от 28 марта 1822 г., напечатанный в «Русской старине» с сокращениями:

* Русская старина, 1890, № 5, с. 368.

Наемной лжи перед судом
Я слышал голос двуязычной
И презрел вид ее двуличной!
С каким-то рабским торжеством,
В пороках рабских закоснелый,
Предатель рабским языком
Дерзнул вопрос мне сделать смелый;
Но я замолк перед судом!

.
И этот тайный трибунал
Искал не правды обнаженной,
Он двух свидетелей искал
В толпе — — — презренной

.
Но я сослался на закон,
Как на гранит народных зданий*.
.

Не раз упоминает Раевский о вражде и клевете, опутывавшей его своими сетями (1824 г.):

Вражда со клеветою
В суде шипела предо мною,
И тщетно я зывал права**.

Любопытен еще один отрывок из послания к дочери, писанного в 1846 году, но мы не можем решить, к какой инстанции из четырех, разбиравших дело Раевского, относятся воспоминания Раевского:

О, помню я моих судей,
Их смех торжественный, их лица.
Мрачнее стен моей темницы,
И их предательский вопрос:
«Ты людям славы зов мятежный,
Твой ранний блеск, твои надежды
И жизнь цветущую принес,
Что же люди?.. ***»

Можно думать, будто Раевский открыл судьям идеалистические настроения своей души, рассказал о том, как он думал служить людям, исповедал свои убеждения, и с таким предположением совпадают заключения последней инстанции: Хотя «майор Раевский... и не принадлежал к составленному после 1821 года злонамеренному обществу, но за всем тем собственное его поведение, образ мыслей и поступки столь важны, что, он по всем существующим постановлениям, подлежал бы лишению жизни»⁸⁵.

Когда дело Раевского было еще в первой инстанции и он

* Русская старина, 1890, № 5, с. 366—367.

** Там же, с. 372.

*** Там же, с. 377⁸⁶.

сидел в Петропавловской крепости, с его братом, отставным корнетом Григорием Федосеевичем, случилась история, беспримерно печальная. Она имеет отношение к делу Раевского да, кроме того, и по своему глубокому драматизму заслуживает быть рассказанной. Дело Раевского производилось тайно, секретно, родные не могли узнать, за что он предан суду; кажется, они и не хотели знать или боялись предпринимать поиски. Младший брат, молодой, семнадцатилетний корнет в отставке, Григорий, неотступно умолял своего отца разрешить ему поехать в Одессу или Тирасполь и там разузнать о причинах заключения Владимира Федосеевича Раевского. Отказ отца только усилил желание молодого человека, и он решился поехать без разрешения; между бумагами он отыскал несколько старых, негодных подорожных братьев и, выбрав лучшую из них, подскоблил год и отправился в конце 1823 или 1824 года в Одессу, сказав отцу, что едет в Курск. Приехав в Одессу, по молодости и неопытности, он проговорился; а так как дело майора Раевского считалось очень важным, то о намерении Григория Раевского сейчас же донесли Ланжерону, бывшему генерал-губернатору. Ланжерон донес по начальству. Корнета Раевского взяли и увезли в Шлиссельбургскую крепость. Его тоже заподозрили в преступной деятельности и привлекли к делу. В Шлиссельбургской крепости молодой человек сошел с ума. Зная об аресте брата, Владимир Федосеевич, уже из Петропавловской крепости, писал о брате, объяснял причины его поступка: любовь к своему брату, желание видиться с ним и расспросить его, успокоить его и себя, — и просил его освободить. Быть может, в ответ на эту просьбу Григория Раевского перевезли из Шлиссельбургской крепости в крепость Замостье, в то время, как уже там находился Владимир Федосеевич, и посадили в камеру на одном коридоре. Видеться с ним он не мог ни тайно, ни явно, но велики были его горе и ужас, когда он каким-то образом узнал, что рядом с ним сидит его брат и что этот брат сошел с ума. Но дело Григория Раевского все продолжалось и окончилось только в 1827 году, одновременно с окончанием дела брата. Комиссия, разбиравшая дело, «почитая, что корнет Григорий Раевский столь продолжительным содержанием в заключении достаточно наказан уже за фальшивый поступок свой, на который решился он не по особенным каким-либо видам, но по незрелости лет и развращенному поведению. Притом же все вышеозначенное учинено им до состояния еще до всемилостивейшего манифеста 22-го августа 1826 года: полагает, освободя упомянутого корнета Григория Раевского из-под ареста, доставить в имение отца, где и быть ему под присмотром родственников»⁸⁷. Вели-

кий князь Михаил Павлович согласился с заключением комиссии, и оно было высочайше подтверждено 15 октября 1827 года*.

Возвращаемся снова к Владимиру Федосеевичу. Из комиссии при 6-м корпусе дело Раевского было передано в высочайше учрежденную 17 декабря 1825 года комиссию для изысканий о злоумышленных обществах. Эта комиссия нашла Раевского непричастным к тайному обществу, действием которого было 14-е декабря. Поводом к такому заключению были прежде всего хронологические сопоставления: Раевский был арестован в 1822 году, а образование нового отдела общества, или реформирование старого Союза благоденствия, распущенного в 1821 г., не было точно датировано. Вообще, сведения комитета не отличались определенностью и точностью. Но расследование этой комиссии не было эпилогом дела; оно было передано для нового рассмотрения в высочайше учрежденную в Царстве Польском при крепости Замостье комиссию под председательством генерала Дурасова. Эта комиссия подтвердила заключение второй инстанции о непринадлежности майора к обществу и сочла возможным вынести следующий приговор: «Освободить майора Раевского из заключения, с вознаграждением или без вознаграждения за службу; а ежели затем остаются какие-либо подозрения, которых из дел не видно, то отправить в свое имение под надзор начальства». Этот приговор был подтвержден цесаревичем Константином Павловичем.

Заключения комиссии генерала Дурасова перешли на рассмотрение комиссии при 1-м гвардейском корпусе под председательством генерал-адъютанта Левашова и под наблюдением командующего гвардейским корпусом великого князя Михаила Павловича. Тут дело Раевского приняло совсем неожиданный оборот. Великий князь, рассмотрев заключения комиссии, не удовлетворился ее приговором. Он нашел, что «майор Раевский, хотя, по удостоверению Комиссии, и не принадлежал к составленному после 1821 года злонамеренному обществу, почему и дальнейшее о нем исследование по Комитету о государственных преступниках прекращено было; но за всем тем собственное его поведение, образ мыслей и поступки, изъясненные в рапорте Комиссии, столь важны, что он, по всем существующим постановлениям, подлежал бы лишению жизни, и потому, насчет его находя приговор Комис-

* История Григория Раевского рассказана Владимиром Федосеевичем Раевским в его заметках, написанных в Сибири в 1844 г.; здесь же данные и о суде над Раевским. См.: Русская старина, 1873, № 3, с. 376—379.

сии не соответствующим обнаруженным преступлениям, полагал бы: одного майора Раевского, лиша чинов, заслуженных им: ордена св. Анны 4-го класса, золотой шпаги с надписью «за храбрость», медали «В память 1812 года» и дворянского достоинства, удалить, как вредного в обществе человека, в Сибирь на поселение»*.

В своих заметках, писанных в Сибири в 1844 году и напечатанных в «Русской старине» (1873, № 3, с. 376—379), Раевский делает следующее примечание к этим строкам официальной бумаги: «*Собственное (?) поведение и поступки, а в особенности образ мыслей (кто их проник?) столь важны, что ни одного из сих поступков и дум Комиссия и все суды не могли отыскать. В чем же состояла важность его поступков и дум? Для чего бы не сказать, не обнаружить хотя один поступок и одну или две мысли?*»**

На всеподданнейший доклад начальника главного штаба графа Дибича, в котором было изложено вышеприведенное мнение великого князя Михаила Павловича, была положена 15-го октября 1827 года следующая высочайшая резолюция: «Быть по мнению его императорского высочества, командующего Гвардейским корпусом. Николай»***.

Через месяц Раевского уже отправили на почтовых в Сибирь на поселение. «После шестилетнего крепостного заключения,— вспоминал он через сорок лет,— я, наконец, дышал свежим воздухом, видел людей, мог говорить с ними, мне дозволяли обедать на постоянных дворах, ночевать не в тюрьме, не под замком; чиновники и офицеры, которые назначались губернаторами тех губерний, через которые я проезжал, обходились со мною не только вежливо, но с непритворным уважением. Я потерял чины, ордена, меня лишили наследственного имения, но умственные мои силы, физическая крепость, мое имя, оставались при мне»⁹¹.

Сибирь стала второй родиной Раевскому. Только в 1856 г. ему было разрешено вернуться в Россию, но он уезжал только на время и затем снова вернулся в Сибирь. Выброшенный за борт, ценой невероятных усилий, человек сильной воли и могучей энергии, Раевский без всякой посторонней поддержки сумел устроить свое материальное благополучие, обзавелся семьей и поставил на ноги детей. Из ссылки он обращался за помощью к родным и писал сестрам, но «сестры,— пишет Раевский,— как бы судом семейным осудили меня на нищету.

* Русская старина, 1873, № 3, с. 377—378⁸⁸.

** Там же, с. 377⁸⁹.

*** Там же, с. 378⁹⁰.

Александра Федосеевна на письма мои отвечала очень уклончиво, вовсе неудовлетворительно. Я понял, что ссылка моя отделила сестер моих резко от меня, предоставила им право не признавать меня своим родным братом... Я прекратил переписку; восемь лет я не писал никому из вас*. Когда у Раевского подросли дети и нужно было заботиться об их судьбе, Раевский возобновил сношения, но они, очевидно, не налаживались. Одна из сестер, Вера, взяла на воспитание сына Раевского⁹². Сестры Раевского, воспользовавшись официальным предложением, не только отказали ему в доле наследства после отца, но даже совсем отказались помогать ему. О действиях сестер Раевского было в свое время сообщено в одном заграничном журнале «Будущность», но мы не имели его под рукой и не можем сообщить подробностей⁹³. В 1868 году Раевский писал о своих сестрах: «Веригина имеет деньги на поездку в Париж и отказывает мне в такой незначительной помощи. О Бердяевой мне и говорить больно; она, после 40-летней разлуки, не хотела видиться со мною. Я ли виноват, что в «Будущности» огласили их поступок со мною? Неужели они думают, что эта тайна? Не один раз мне предлагали подать прошение прямо на имя государя, так как это дело — дело совести, не юрисдикции. Начинать дело, бесславить имя моего отца, при моих правилах — очень тяжело»**.

Когда в 1828 году Раевский прибыл в Сибирь, он был водворен на жительство в с. Олонках, недалеко от Иркутска. Нужно было самому зарабатывать свой хлеб, нужно было кормить свою семью***, и Раевский ушел в практическую деятельность; трудно представить себе, как мог пристроиться к практике жизни бывший офицер, богатый человек, не приученный к труду, заговорщик, которого до сих пор оживлял «страстей

* Русская старина, 1902, № 3, с. 602.

** Там же, с. 605.

*** Семей Раевский обзавелся довольно скоро. Он женился на крепостной бурятке⁹⁴. История отношений к той, которая стала его невестой, изложена в его стихотворении от 1-го августа 1829 года. Она полюбила его первая, «но грудь моя была как камень... Беспечная, зачем ты встретилась со мной?— Зачем ты старика узнала?— Вся жизнь его — загадка для тебя,— ты с тайн его не снимешь покрывала,— не встретишь с ним ты радостного дня,— ты к сердцу не прижмешь дрожащею рукою — венчального кольца...» Но суровость певца растаяла, его сердце размячилось. Конец стихотворения: «Она сказала мне отрадное «живи!» — и раны сердца залечила! — Упал с души моей свинец! — ты мне дала ключи земного рая — возьми кольцо, надень венец, — пойдем вперед, спутница младая!...»⁹⁵ У Раевского была довольно большая семья: из сыновей его — старший Михаил, впоследствии казачий полковник, известный своим удалством и беззаветной храбростью, — имел пашку «за храбрость». (Русская старина, 1902, № 3, с. 604)⁹⁶.

высоких пламень». Но в ссылке Раевский действительно развернул всю свою энергию и силу воли. Чтобы добыть средства к существованию, он брал подряды на поставку вина, сеял хлеб и занимался его продажей; когда эти дела пошли плохо, он взял на себя наем рабочих на Бирюсинские золотые промыслы. В своем письме к Вере Федосеевне от 21-го мая 1868 года он рассказывает подробно историю своей практической деятельности. Читая ее, удивляешься его способности к приспособлению и необыкновенной выносливости. Приведем целиком соответствующее место письма:

«По водворении моем.., в с. Олонках, [в] 1828 году, первоначально, по просьбе крестьян, взял небольшой подряд на перевозку вина из винокуренного завода, по одобрительному свидетельству или поручительству крестьян. Через полтора года, новый откупщик без одобрительного свидетельства вверил мне всю перевозку, с жалованьем 3000 р. в год. Восемь лет постоянно я занимался приемкою вина и доставкой его во все места Иркутской губернии, Забайкальской и Якутской областей. Кроме 3000 р. жалованья я получал до двух тысяч награждения. Купил мельницу, дом в г. Иркутске, отстроился в Олонках, купил 30 десятин пашни. Когда откуп Пономарева кончился, а я сильно заболел затвердением печени, я оставил должность или звание доверенного по откупу и занялся хлебопашеством и торговлею хлебом*. Торговля эта давала от 4 до 5 тысяч дохода. Девять лет я занимался покупкою и продажею хлеба, но, с приездом нового генерал-губернатора Муравьева, вместо покупки хлеба в казну, начался безбожный, насильственный налог. Крестьянам выдавались произвольно цены за хлеб, не окупавшие труда. Я должен был бросить и хлебопашество, и торговлю хлебом. Нечего было делать. Я взял на себя наем рабочих людей на Бирюсинские золотые промыслы, до 2000 человек, и получал до 3000 р <ублей> сер <ебром> в год. Но я должен был с ноября месяца по март ездить по округам и деревням, заключать контракты, выдавать билеты и в это время, проезжая несколько тысяч верст, останавливаться на квартирах в деревнях, рассчитывать каждого особо и лично, а в июне месяце ехать на промыслы тайгою, для расчета с управляющими: 250 верст верхом и обратно, а всего 500 верст.

* По рассказу С. В. Максимова, Раевский занимался также разведением арбузов. «В Олонках... в 8-ми верстах от Иркутска, ... на особых грядах и без излишних хитростей воспитал арбузы. С его примера и под его руководством заводские бабы воспитание арбузов превратили в промысел». См.: Максимов С. Сибирь и каторга. Ч. III. Политические и государственные преступники. История каторги и страна изгнания. СПб., 1871, с. 263.

Новый откупщик предложил мне взять на себя приемку вина и поставку этого вина, от 700 до 800 тысяч ведер, во все города и дистанции Восточной Сибири. Я согласился и при двух откупщиках занимался этим делом по доверенности, как доверенный, 12 лет, получая до 2500 р <ублей> сер <ебром>. Мельница без собственного присмотра не обеспечивала домашнего содержания в Олонках. По окончании откупа, у меня осталось за всеми расчетами по пяти тысяч рублей серебром. Я взял подряд на поставку вина в города Иркутск и Нижнеудинск, 164 тысячи ведер и, между прочим, склады вина и несколько питейных домов»*.

Но с 1863 года житейское благополучие, на создание которого было затрачено столько трудов, начинает колебаться. Раевского преследуют жестокие испытания и несчастья, иногда просто неожиданные. Казна каким-то путем сочла возможным удержать залог в 3000 руб.; в одну из поездок Раевский подвергся нападению разбойников, которые сильно поранили его; сын его, в самую нужную для отца минуту, проиграл 1200 руб.; по неосторожности Раевский попал в огонь: у него оборела половина тела, и он лежал без движения. Материальное благополучие рушилось мало-помалу; Раевский стал входить в долги. Письмо, единственное, дошедшее до нас, из которого мы выше почерпали биографические данные, было написано в 1868 году, с целью побудить сестер помочь ему деньгами. Несчастья сломили гордую волю человека: желая получить деньги, он рассказывает в письме всю свою жизнь и в заключение пишет: «Чем скорее я получу, тем более буду благодарен. Если дом мой опишут, для меня места будет достаточно на *кладбище*... Но больная жена, но Сонечка... Я и то с некоторого времени ложусь спать и просыпаюсь, как осужденный. Ты бы не узнала своего брата — он постарел...»** Не знаем, была ли исполнена просьба; этим письмом обрываются наши сведения о жизни Раевского.

В 1868 году ему исполнилось 73 года; четыре года спустя, в 1872 г., он скончался.

К этим данным, извлеченным из письма, нам уже почти нечего прибавить о жизни Раевского. Можно еще сказать, что обвинения, вызвавшие его ссылку, продолжали тяготеть над ним в течение всей его ссылки. Многим из декабристов были даны различные льготы и сделаны смягчения их участи; Раевский не испытал милости. Только при вступлении на престол императора Александра II он получил прощение, но чин

* Русская старина, 1902, № 3, с. 603—604⁹⁷.

** Там же, с. 605—606⁹⁸.

ему не был возвращен. Раевский не раз пытался вступить в службу по гражданской части; его энергия обращала на себя внимание генерал-губернаторов, и четверо из них, по рассказу Раевского, входили о нем с представлением к государю — но получали отказ. «Что ж было причиной такой немилости? Государь [Николай Павлович] считал меня виновнее других, но доказательств не было»*. Н. А. Белоголовый, воспитанник декабристов, знавший их жизнь, сохранил память о Раевском. Вот строки из его «Воспоминаний», относящиеся к Владимиру Федосеевичу и дающие несколько черт из истории его сибирской жизни и характеристики: На Камчатник к Волконским «несколько раз в лето приезжала семья Трубецких, зачастую привозя с собой двух барышень Раевских. Раевский тоже был политический сосланный, проживший также десятки лет в Сибири, и хотя был сослан одновременно с ними, но не считался принадлежащим к их кругу и, кажется, на каторге с ними не был. О нем и его семье я мало могу сказать: жил он в селе Олонках, в 60-ти верстах от Иркутска, и имел, кроме жены, двух дочерей⁹⁹ и двух сыновей¹⁰⁰; дочерей он оставил при себе, а сыновей отправил для воспитания в Россию. Сам Владимир Федосеевич Раевский держал себя как-то особняком и, должно быть, редко выезжал из Олонок, потому что мне ни разу не пришлось его видеть ни у декабристов, ни в городе; репутацию он имел человека весьма умного, образованного и острого, но озлобленного и ядовитого»**.

Таким образом, мощным ударом судьбы была разбита жизнь, с юных лет отданная подвигу деятельной любви:

Но гром ударил в тишине...
Как будто бы в ужасном сне,
На бреге диком и бесплодном,
Почти безлюдном и холодном,
Борьбой измученный пловец
Себя увидел, как пришлец
Другого мира...***

В «другом мире» всю жизнь заполнила тяжелая борьба за существование... Но неужели и внутренняя жизнь была погло-

* Русская старина, 1902, № 3, с. 603. Ввиду этих данных о деятельности Раевского, представляется неверным сообщение Е. И. о том, будто В. Ф. Раевский играл значительную роль при главном управлении Сибирью. В этой же заметке Е. И. о Раевском сказано, что он был человек умный и энергичный, но не внушающий к себе симпатии. Приводимое нами в тексте свидетельство доктора Белоголового исправляет это заключение. Заметка Е. И. в «Русской старине», 1873, № 5, с. 720.

** Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. М., 1897. с. 57.

*** Русская старина, 1890, № 5, с. 377¹⁰¹.

цена этой борьбой? Неужели исчез без возврата «высоких дум, страстей заветный пламень» и были изгнаны из памяти все надежды юной жизни?

Текут вперед изгнанья годы,
Все те же солнце и луна,
Такая ж осень и весна,
Все тот же гул от непогоды...*

Как же теперь относился Раевский к книге своей жизни, к тем ее страницам, на которых записана ее трагедия, к тем убеждениям, которые одушевляли его в покинутом им мире? Ответы на эти вопросы дают стихотворения, писанные им в Сибири:

Я вопрошал у совести моей
Мою вину... она молчала,
И светлая заря в душе моей сияла!..

Но ведь он видел, что «цели он желанной не достиг»**; он знал, что осталось непонятым то, во имя чего он боролся; он не находил у людей признания ни своим трудам, ни своим мечтаниям. Много нужно было силы душевной и религиозного идеализма, чтобы не отчаяться в деле всей жизни...

И что ж от пламенных страстей,
Надежд, возвышенных желаний,
Мольбы и набожных мечтаний
В душе измученной твоей
Осталось?

Вера в Провиденье,
Познание верное людей,
Жизнь без желаний, без страстей,
В болезнях сила и терпенье,
Все та же воля, как закон,
Давно прошедшего забвенье,
И над могилой сладкий сон!***

Идеалистические верования спасали от душевной гибели и Раевского и других декабристов. Отношение к ним, высказанное современниками, отсутствие сочувствия могли огорчать, но не убивали их. За подвиг свой, по оригинальному выражению Раевского, он ждал только улыбки людей!

С набожной мечтою
И с чистой верой — не искал
Я власти, силы над толпою;
Не удивленья, не похвал
От черни я бессильной ждал;

* Русская старина, 1890, № 5, с. 374.

** Там же, с. 379.

*** Там же, с. 378¹⁰².

Что скажут люди — я не знал!*
Я не был увлечен мечтою;

Раевский не сетовал на людей за их незаслуженное отношение к нему, и в своем послании он дает дочери следующий завет:

Люби людей, дай руку им в пути,
Они слепцы, но, друг мой, наше дело
Жалеть о них и ношу их нести.
Нет, не карай судом и приговором
Ошибки их. Ты знаешь, кто виной,
Кто их сковал железною рукой
И заклеил и рабством, и позором**.

Сила религиозного чувства поддерживала идеализм в сердцах осужденных и помогала им переживать все невзгоды жизни, а у Раевского было еще одно утешение. У него была почти мистическая вера в то, что его дети посвятят свою жизнь служению высоким думам и страстям, и их жизнь станет непосредственным продолжением жизни отца:

Бог видел все... Он труд мой освятит...
Он мне детей, как дар святой, заветный,
Как мысль, как цель, как мира ветвь, вручил!
Итак, мой друг, я волей безотчетной
И мысль, и цель тебе передаю.
Тот знает их, кто знает жизнь мою***.

В представлениях Раевского между жизнью его детей и его загробною участью существует таинственная связь. Конец его послания к дочери — этого завета ей — грозное и мистическое откровение:

Когда я в мир заветный отойду,
Когда меня не будет больше с вами,
Не брошу вас, я к вам еще приду —
И внятными, знакомыми словами
К отчету вас я строго призову.
От вас мои иль вечные страданья,
Иль вечное блаженство — все от вас!
Исполните надежды и призванье —
И труд земной пройдет, как день, как час,
Для нераздельного небесного свиданья****.

* Русская старина, 1890, № 5, с. 377.

** Там же, с. 379.

*** Там же¹⁰³.

**** Там же, с. 380.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЕКАБРИСТА

В. Ф. РАЕВСКИЙ в 1858 ГОДУ

<...> Вот эти записки.

«После шестилетнего крепостного заключения, в 1828 году, приехал я в Иркутск в ссылку. Из Иркутска отправлен на поселение того же округа* в с. Олонки, где пробыл 30 лет. Высочайшим приказом 1856 года возвращено потомственное дворянство мне и детям моим, рожденным в Сибири, с дозволением возвратиться в Россию, кроме двух столиц: Москвы и Петербурга. Я долго думал, рассчитывал средства, я слишком сроднился с Сибирью: здесь я женился, у меня было 8 человек детей — 5 сыновей и 3 дочери. Две старшие дочери были замужем за чиновниками; старший сын был сотником Забайкальского войска, адъютантом генерала Корсакова, второй сын служил в Главном управлении Восточной Сибири; третий — юнкером в артиллерии; два младших в иркутской гимназии. Мне хотелось взглянуть на Россию. Я не видал ее 36 лет, т. е. считая 6 лет крепостного заключения и 30 лет ссылки в Сибири. Мне хотелось увидеть моих родных сестер¹, которых я знал, когда они были детьми на руках у нянек, посмотреть отцовский дом, в котором я родился и вырос, Москву, Петербург, и, наконец, в 1858 году я решился...

Взявши вид и дорожную, я возвратился из Иркутска домой в с. Олонки. Старший сын мой, Юлий, получил отпуск на 4 месяца, и я взял его с собою с намерением перевести его в регулярные войска. 20-го числа мая я отслужил молебен и простился с женою и детьми. Старшая дочь моя была замужем за смотрителем Александровского винокуренного завода в 15

* Ныне Балаганского. [Примечание П. Е. Щеголева. — *Ред.*]

верстах от Олонок. Обеспечив деньгами и средствами жизни жену и детей моих, я отправился. Не пробывши часа 3 в Нижнеудинске, 24-го числа я приехал в Канск, а 25-го в Красноярск. Здесь остановился я отдохнуть дня на 4. Губернатором был Падалка, с которым я был хорошо знаком в Иркутске, где он женился на дочери генерал-губернатора Руперта. На другой день вместе с сыном я явился к нему, и по приглашению оба мы обедали у него. Падалка приехал титулярным советником с ген<ерал>-губернатором Рупертом. Не имея приговорительного образования, но хитрый и деловой чиновник, он в несколько лет назначен был председателем губернского правления в Иркутске и после женитьбы, т. е. по прошествии 8 лет службы, губернатором Енисейской губернии. Весьма деятельный, хорошо знающий свое дело, он привел в примерный порядок губернию. От 10 час. утра до 2 час. он объезжал все присутственные места, следил за ходом дел ежедневно. В доме его, как у президента Соединенных Штатов, не было ни караула, ни швейцара. К нему без различия входили и чиновники, и купцы, и крестьяне, и поселенцы. Эта доступность облегчала его управление. Он знал все, что делается, и хорошо знал своих чиновников. Он водил меня в приют. Гимназии в Красноярске не было. На другой день он сделал мне визит, и я отправился также с визитами к некоторым знакомым. На другой день обедал и провел вечер у председателя казенной палаты Политковского, с братом которого* я был знаком в Бендерах и Тирасполе. Последний день я не выезжал и приготовился к дальнему пути. Перед отъездом обедал у председателя губернского суда Н. К. Эрла².

Красноярск — главный город Енисейской губ<ернии> на реке Енисее. Жителей в нем до 8000. Расположен на гористом берегу. В нем также все присутственные места. Город чистый и зимою бесснежный. Сильный ветер сдувает снег. Чиновников полный комплект. Карточная игра после служебных занятий есть единственное развлечение, за неимением ни театра, ни библиотеки, ни концертов, ни общественных собраний. Красноярск есть центр золотопромышленных дел Енисейского, Канского и Минусинского округов. Но эти дела суть только принадлежности присутственных мест и не имеют влияния на довольство жителей, ни на торговлю, ни на постройки в городе. В Красноярском округе находится казачий полк, который содержит караулы в городе и на золотых промыслах. Порядок

* Тогда был пионерный подпоручик, впоследствии генерал-лейтенант³. [Примечание В. Ф. Раевского.— *Ред.*]³

и производство дел в присутственных местах, производ, взятки, притеснение народа или льготы зависят, как и везде в России, от личности губернатора. Законы еще не вошли в основание народной жизни.

От Иркутска до Красноярска считают 1000 верст, от Красноярска до Томска 500. В Томск я приехал 3 июня. Это город уже Западной Сибири. Мы остановились в гостинице. Не имея знакомых, я только переночевал и на другой день отправился в путь. Губернатором был генерал Езерский, гордый чиновник⁴. Жителей в Томске считалось с лишком 20 000 — почти столько же, как и в Иркутске. Город торговый, но разбои, воровство и слабость полиции очень увеличились в сем городе и губернии вообще. В это время устроилось пароходство от Томска до Тюмени и обратно.

Из Томска я выехал 4-го числа июня и приехал в Омск 8-го. Омск — пустой город с крепостью, раскинутый или разбросанный. Жителей, вообще, считают до восемнадцати тысяч с войсками. Здесь есть кадетский корпус в самом жалком состоянии. Я решился переночевать в гостинице и на другой день выехал. Омск считается городом Тобольской губернии, но генерал-губернатор Западной Сибири имел в нем свое пребывание с разделения Сибири, по проекту Сперанского, на Восточную и Западную⁵. К несчастью Западного края, неудачный выбор генерал-губернаторов при самой производительной почве, при жизненном и бойком народонаселении не подвинулся вперед. Губернатором был в то время Арцимович, генерал-губернатором Гасфорт, а потом Дюгамель.

12-го числа приехал я в Тюмень, г<ород> Тобольской г<убернии>, торговый, имеющий 13 000 жителей. Отсюда начинается вольная притеснительная почта. Тюмень есть город, который сто лет назад был центром, куда собирались и селились раскольники разных сект. Здесь находятся кожевенные заводы, откуда отправляют сапоги, бродки и прочие кожаные изделия в Сибирь. Народ зажиточный, бойкий и развратный, как и во всей Сибири.

В Екатеринбург приехал я 16 июня. Огромные каменные дома, тротуары, березовые аллеи. Каменные двухэтажные гостиницы доказывают, что это город промышленный, где проживают денежные аристократы. В нем 20 тысяч жителей, отличные гранильные фабрики (прежде тайно торговали золотом) и центр, где живут главные заводчики Уральских гор и горное начальство. Начальник — генерал Глинка. Улицы неровные, выезд из города каменистый, крутой, опасный, но жители, эти богачи, очень покойно выслушивают рассказы, как при съезде убило двух человек, как одного изломало и от-

везли назад и проч., а начальство, получив определенное *положение*, не обращает внимания на подобные случаи. Проехавши 3000 вер[ст] от Иркутска, я почувствовал некоторую усталость. Жар был нестерпимый; мошки, оводы, комары не давали покоя. Пыль от засухи душила, свежей пищи трудно было достать. Я заболел расстройством желудка.

В Пермь приехали мы 18 июня. Я был совершенно болен. Я послал за доктором. Какой-то модный пермский эскулап явился, посмотрел, прописал рецепт и уехал. После принятия лекарства мне сделалось хуже. Губернатором был Огарев, сын бывшего губернатора, как бы по наследству. Сын мой обедал у него. Ездил с ним в купальни и возвратился только вечером. Я остановился в гостинице, довольно порядочной. Жителей в Перми 13 000, безжизненный, несмотря что губернский город.

Отсюда отправились мы на пароходе до Нижнего Новгорода. При болезни моей я был очень доволен, что уеду водою, где жар не так чувствителен, пыли и толчков нет. Я расположился в № 1 и, кроме меня, никого не было. Сын мой взял билет во 2-м, где ему было веселей в довольно значительном обществе. Мне никто не мешал. Я почти ничего не ел, хотя буфет на пароходе был очень порядочный. Я познакомился с некоторыми лицами, которые с сыном моим приходили меня навещать. Поездка эта мне очень понравилась. Сколько удобств! Какая тишина! Мне не лучше было бы в гостинице или на хорошей квартире. Недоставало только доктора.

От Перми до Казани 573 — и от Казани до Нижнего Новгорода 380 верст, водою мы проехали тихим рейсом в 6 дней. Наконец я в Нижнем Новгороде — на земле великорусской. 26 июня остановился в лучшей гостинице на площади вблизи дворца, где местопребывание военного губернатора. Отсюда начинается для меня новая жизнь.

Военным губернатором был Александр Николаевич Муравьев, товарищ по службе и товарищ по ссылке в Сибири⁶. Он был сослан без лишения прав полковником. Потом назначен городничим в Иркутске, потом председателем губернского правления, потом губернатором в Тобольске, оттуда губернатором в Архангельске. Из этого города причислен к министерству, переименован в генерал-майоры и определен военным губернатором в Нижний Новгород. По приезде в тот же день я послал сына моего явиться к военному губернатору и просить его прислать мне лучшего доктора в городе. Как удивился Муравьев, когда мой сын объявил ему, что я — в Нижнем, что офицер, который явился ему, был мой сын, уже сотник, адъютант генерала Корсакова, имел крест и медаль на груди! Он обнял, поцеловал его и спросил:

- Какого доктора — гомеопата или аллопата?
- Отец мой не признает гомеопатии, позвольте аллопата.
- Скажите Владимиру Федосеевичу, что я завтра буду у него, а доктора пришлю сейчас.

Сын мой возвратился, а через час приехал и доктор. Молодой человек, немецкой фамилии, очень краткой, которой, к сожалению, не помню. Он понял мою болезнь, и в 5 или 6 визитов его я совершенно оправился.

В это время в Нижнем проживал бывший там вице-губернатором Максим Максимович Панов, товарищ мой по университетскому пансиону. Он служил прежде в кирасирах, перешел в гражданскую службу и назначен был прокурором в г. Иркутске, где знакомство наше возобновилось. Он узнал о моем приезде и на другой день посетил меня. Во время моей болезни всякий день, часов в 10 утра, приходил ко мне. В это время из Сибири проезжал в Петербург старый мой знакомый горный офицер Дейхман⁷ с женой, Катериной Николаевной. Оба они посещали меня. Директорша Нижегородского института М. А. Дорохова⁸ также заезжала к нам. Панов познакомил меня с другими лицами, я не был один и вступил как будто в прежний род жизни.

По обещанию Александр Николаевич Муравьев приехал ко мне. Если бы я не ожидал его, я бы нигде и никак не узнал его. Он выехал из Сибири свежий, полный, красивый; он тогда был лет 40. Ко мне вошел старик, сухощавый, волосы на голове и усах были совершенно белые, сгорбившись, прихрамывая на одну ногу. Он был развалиной. Мне сделалось тяжело. Я был четырьмя годами моложе его, а у меня не было ни в голове, ни в бороде ни одного седого волоса. Мы обнялись, начались расспросы. С женою его, Прасковьей Михайловной, урожденной княжной Шаховской, я был в самой искренней приятности. Она была крестная мать моей старшей дочери. Ее уже не было. Она умерла в Архангельске во время его губернаторства. Она оттуда писала ко мне. Нельзя было не уважать этой благородной, образованной, добродетельной женщины. Она последовала в ссылку за своим мужем. Утрата любимой дочери ускорила ее смерть. Я боялся начать разговор и расспросы о ней, но Муравьев предупредил меня. Жизнь его была не светлой: он, после потери одной, потерял другую, старшую дочь, потерял жену, потерял все состояние; у него оставался только один сын, который родился в Иркутске. При рождении его мы выпили по бокалу шампанского с Александром Николаевичем. В радости он послал за мной ночью. Муравьев был честный, благомыслящий человек, но не имел практической жизни и потому нередко делал ошибочные за-

ключения о людях и делах. К тому же он был мистик. Он более часу пробыл у меня. Сына моего пригласил обедать у него. Он был окружен дамами, его родственницами Шаховскими, Гольинской и проч. Это вредило ему. Эти дамы брали на прогулку моего сына с собою. Сыну моему было очень весело в Нижнем.

По выздоровлении я был несколько раз у Муравьева, у Панова, в институте у Дороховой. Панов, действительный статский советник, жил в отставке, с женою и тремя дочерьми. Сын его был в военной академии; он жил скромно. Вышедши из московского университетского благородного пансиона почти в одно время со мною, он не потерял времени напрасно; он продолжал следить за ходом вперед, читать много. Несколько комической природы, он насмеялся очень остро. С ним мне было очень приятно. У Муравьева в доме я познакомился с сыном Карамзина, с предводителем дворянства или депутатом Крюковым, который знал меня прежде. Наконец, надо было оставить гостеприимный Новгород.

Мы выехали 8 июля. От Новгорода до Москвы 441 верста. Я выехал на вольных; хотя и дороже, но мне дали хороший тарантас, везли хорошо, задержек не было. Во Владимире я переменил только лошадей ночью, а 10-го числа июля приехал в Москву. Я уже охолодел для поэтических восторгов. В 1803 году, т. е. с восьмилетнего возраста до шестнадцати лет, я учился в тогдашнем университетском благородном пансионе; в 1812 году я проходил Москву в арьергарде Милорадовича и в ту же ночь видел ее в пламени. Наконец, в 1827 году я был в губернаторском доме и в тюремном замке, когда ехал в ссылку. Въезжая* в 1858 году, я не чувствовал ни радости, ни оживления. Я любил Москву и не любил Петербурга, но в этот раз после 36 лет ссылки я видел только стены домов и ощущал мостовую. Я не имел права въезжать в Москву, но хорошо знал, что никто не спросит меня, и я мог отозваться, что я остановился проездом. На другой день рано я послал сына моего отыскать дом Сергея Григорьевича Волконского, которому, по возвращении из ссылки, дозволено было приезжать в Москву; дом Бибиковых. Младший брат Александра Ларионовича служил у нас в Иркутске при Муравьеве, а брат его Михаил был женат на дочери Никиты Михайловича Муравьева, которую после смерти отца и матери увезли к бабушке⁹ в Москву, где она вышла впоследствии за Бибикова. Она выросла на моих глазах. Отец этих Бибиковых был женат на сестре Апостолов-Муравьевых. Затем узнать квартиру генерала Павла Пет-

* В тексте ошибочно — выезжая. — *Ред.*

ровича Липранди 2-го и действительного статского советника Александра Фомича Вельтмана. Сын мой часу ко второму возвратился с известием о квартирах. Волконского не было в Москве, но он на днях будет. Нянюшка дочери Волконского Неллиньки узнала сына моего, он оставил ей карточку, Вельтман придет сам сегодня. Бибиковы живут за городом. Липранди ожидали сегодня из Петербурга. Мне нужно было видеться с сибирским откупщиком Рукавишниковым: его также ожидали из Петербурга.

Александр Фомич Вельтман не замедлил приехать. Он служил в свите его императорского величества в Кишиневе и был подпоручиком, когда меня арестовали. Горчаков, Владимир Петрович, его товарищ по службе и близкий знакомый, был также в Москве, помещик, в отставке. Кроме этих старых моих товарищей, мне сказали, что генералы Андриевский и Данзас Константин Карлович (товарищ и секундонт Пушкина), с которым познакомил меня Пушкин в Кишиневе, — также в Москве. Как приезжий, я намерен был объехать сам моих знакомых, но на третий день ко мне приехал Сергей Григорьевич Волконский. Он рассказывал мне о скандале, который произвел Занадворин во время похорон Молчанова.

— Я слышал, что Вам делал разные овации Кокорев, Ваш фотографический портрет раздавал близким знакомым?

— Свинья! — ответил мне Волконский, — я был у него два раза, и он не отдал мне визита! Вот как люди зазнаются! Я прекратил с ним знакомство. Николай Тургенев был также в Москве¹⁰, но он не был у меня, и я не поехал к нему — все это авторитеты, законодатели! — заключил он. — Мы иначе жили, иначе понимали дело.

Волконский до ссылки был генерал-майор и бригадный командир во 2-й армии, женат на дочери известного генерала Раевского. Жена приехала к нему в ссылку, где они и жили сперва в Нерчинске в работе, потом в Петровском Заводе, а по освобождении от работы в с. Урике, в 20 вер<стах> от Иркутска, и, наконец, в самом Иркутске, куда перенесли и дом свой из Урика. Вследствие манифеста возвратились в Россию с сыном. Марии Николаевны Волконской не было в Москве. Князю Сергею Петровичу Трубецкому дозволено было также приезжать в Москву, но и его не было.

Рукавишников в тот же день был у меня. Он купил великолепный дом у Базилевского и пригласил меня посмотреть переделку. Действительно, дом превосходный и против бульвара, только места мало. Семейство его было в Петербурге.

Липранди (генерал от инфантерии) возвратился. Я в тот же вечер поехал к нему. Как дружески, как крепко обняли

мы друг друга после 36-летней разлуки! Мы служили оба в 32-м Егерском полку майорами (он по производству моложе меня); оба находились при генерале Орлове до рокового дня, когда я арестован. Но он до ареста моего поступил к генералу Сабанееву, который арестовал меня. Честный, прямой, без унижения, без происков, ласкательств и лакейства. Во время польского восстания¹¹, командуя полком, он первый при штурме Варшавы взшел на укрепления. Император Николай предложил ему в награду или генералом, или флигель-адъютантом. Он избрал второе и принял гвардейский Семеновский полк. У великого князя Михаила Павловича публично высказался о воровстве экономических денег в полках и указал на предместника своего, который положил себе в карман 40 000 рублей. Это обличение повело к открытию важных злоупотреблений. Вот почему многие не любили его. Но в замену того Семеновский полк любил его и был предан ему до фанатизма. Вообще, где ни служил он, в генеральских чинах, офицеры и солдаты не только почитали, но и любили его с привязанностью. Он был до того доступен, что ни вестовой, ни слуга не спрашивали приходящих, а тотчас отворяли двери. Между высшими властями и при дворе он имел хитрых врагов. Он командовал корпусом, но по возникшим неприятностям с губернатором Тамбовской губернии Данзасом, которого поддерживали министр и при дворе, он назначен был командиром другого корпуса. Липранди обиделся, сдавши свой корпус, подал в отпуск до излечения болезни. В это время я встретился с ним в Москве. Он имел одного сына и двух дочерей. Обе они были замужем, а сын в Военной академии. Ему предложили принять корпус, и Липранди согласился и в Москве ожидал только приказа.

15 июля были мои именины и в то же время Горчакова, о котором я сказал выше. И старые мои товарищи: Липранди, Ховен — сенатор (в Кишиневе, где я служил, тогда он был свитским* капитаном), Вельтман, Горчаков и сын мой с молодым человеком, вышедшим из Петербургского лицея, Бочковским, обедали у нас в гостинице. По окончании обеда выпили по бокалу шампанского. Я простился с ними этим. Прошлых 36 лет как не бывало! Мы были молоды по-прежнему. Они удивлялись «моей молодости». Ни одного седого волоса, все зубы крепкие. Я был моложе с виду моих товарищей. Было о чем говорить, но некогда, и мысли мешались, и прошедшего

* В настоящее время генеральный штаб вместо свиты е. и. в. [Примечание П. Е. Щеголева.— *Ред.*]

как будто не было. Липранди шел также трудной дорогой. Но я спешил в Петербург.

16-го числа выехал. До Петербурга 20 часов езды! И какое удобство: сидишь, можешь заснуть, читать, разговаривать, знакомиться, хорошо пообедать, не бояться ни дождя, ни грязи, ни остановки на станциях, ни грубости ямщиков и притеснений на почтах. В вагонах следовало бы иметь портрет изобретателей такого удивительно важного и полезного дела. В Петербург я приехал 17-го и того же дня по железной дороге отправился в Павловск, так как в манифесте сказано было: «Дозволяется возвратиться в Россию и жить, где пожелают, кроме столичных городов Москвы и Петербурга»¹². В Павловске я остановился в единственной и пресквернейшей гостинице. На другой день отправил я сына моего в Петербург: 1) взять квартиру в гостинице и 2) явиться к князю Долгорукову (шефу жандармов). Князь Долгоруков был в Петергофе, где находилась вся царская фамилия. Начальник III Отделения канцелярии его величества Тимашев объявил сыну моему, чтобы я письменно просил разрешения и подал на имя князя Долгорукова. На другой день сын мой лично подал ему письмо мое¹³. Сын мой ежедневно ездил в Петербург и возвращался на ночь в Павловск. Ему приказано было явиться за получением ответа через три дня. Но, возвратясь в Павловск, он вдруг заболел холерой. Я послал за доктором, сдал больного доктору на руки и сам уехал в Петербург за получением ответа. Пока сын был болен, я приезжал ночевать в Павловск, а чтобы ему не скучно было, пригласил в Павловск товарища его по иркутской гимназии Пирожкова, вольного слушателя лекций в Петербургском университете, сына бурятского тайши идинских бурят, который погиб трагически насильственной смертью. Время было вакантное, и Пирожков прожил у него все время.

В Петербурге я отправился в III Отделение, там получил письмо князя Долгорукова от действительного статского советника Кранца, в котором дозволено было мне пробить в Петербурге 8 дней. Я отправился в гостиницу Палкина. Сын мой поправился и переехал в Петербург.

После 36 лет у меня было мало знакомых. Я записал имена тех, которые были живы и находились в Петербурге, и послал сына моего узнать квартиры: вдовы действительного тайного советника Буткова и сына ее Владимира Петровича Буткова, которого я знал лет 10 или 12, когда они были в доме отца, и в настоящее время уже тайного советника генерала Владимира Гавриловича Политковского, с которым я был знаком до моего ареста. Он был тогда пионерным прапорщиком или подпоручиком. Действительного статского совет-

ника Липранди Ивана Петровича, с ним, как и с братом его Павлом Петровичем, мы служили вместе в Кишиневе и с обоими был в самых искренних, приятельных отношениях, и, наконец, Дмитрия Егоровича Бенардаки по сибирским откупным делам, который дал мне средства быть в России. И вот что я узнал: Варвара Ивановна Буткова уехала в Курскую губернию, в свое небольшое имение, которое находилось в 15 верстах от нашего имения. Сын ее в Петергофе, Политковский также был в Петергофе, а в Петергоф не позволено мне было выезжать. Иван Петрович Липранди жил на даче, на Черной речке, Бенардаки также на даче. Я знал, что Гизетти, с которым я познакомился в Иркутске, занимает значительную должность и уже действительный статский советник (в настоящее время сенатор)...»

Здесь обрываются записки В. Ф. Раевского. Были ли они кончены, сохранилось ли их окончание, неизвестно.

А. С. ГРИБОЕДОВ И ДЕКАБРИСТЫ

(ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Это исследование появилось впервые в «Литературном вестнике» в 1904 году и в отдельных отсюда оттисках. В 1905 году оно вышло в исправленном и дополненном виде. К этому изданию было приложено точное факсимиле подлинного дела о Грибоедове, хранящегося в Государственном архиве. Воспроизводя текст исследования, указываю на факсимиле, по которому читатель может воочию ознакомиться с порядком делопроизводства в знаменитой комиссии по расследованию декабрьского заговора и почувствовать тот колорит эпохи, который лежит на страницах подлинного дела и которого, конечно, не может передать печатная копия дела.

I

До последнего времени об эпизоде привлечения А. С. Грибоедова к следствию по делу о заговоре декабристов мы знали лишь со слов современников. Официальные данные заключаются в делах высочайше учрежденного 17 декабря 1825 года комитета по изысканию о злоумышленных обществах, делах, хранящихся ныне в Государственном Архиве. Здесь находится и целое «дело о Грибоедове» (I В. № 174)¹, состоящее из 24 пронумерованных листов.

Во главу расследования об отношении А. С. Грибоедова к декабристам, к следственной комиссии должно быть положено изучение этого дела. Воспроизводя с буквальной точностью текст дела, считаем необходимым сказать, что бумаги его не всегда расположены в хронологической последовательности; для сохранения стройности впечатления следовало бы

читать дело в следующем порядке: бумаги № 1, 13, 3—6, 2, 7—12, 14 и дальше, как напечатано*.

№ 1.

л. 1.

Извлечение из показаний о Грибоедове.

Полковник Артамон Муравьев Он с *Грибоедовым* приехал к *Бестужеву-Рюмину* с намерением познакомиться с ним, *Грибоедова*, с Сергеем Муравьевым, как с человеком умным, зная, что Грибоедов предполагал остаться в Киеве. *Сергей Муравьев* приехал к нему в полдень и уехал на другое утро рано. При нем разговор был общий, не касающийся Общества².

Оболенский (в письме к государю). Что *Грибоедов* был принят в члены Общества месяца два или три пред 14-м декабря, а вскоре потом уехал; почему действий его в Обществе совершенно не было.

Трубецкой (во 2-м показании). Слышал от *Рыльева*, что он принял *Грибоедова* в члены Тайного общества³.

№ 2.

л. 2.

<Письмо Грибоедова к государю императору.>

Всемилостивейший государь!

По неосновательному подозрению, силою величайшей несправедливости, я был вырван от друзей, от начальника мною любимого, из крепости Грозной на Сундже, чрез три тысячи верст в самую суровую стужу притащен сюда на перекладных, здесь посажен под крепкий караул, потом был позван к генералу Левашову. Он обошелся со мною вежливо, я с ним совершенно откровенно, от него отправлен с обещанием скорого освобождения. Между тем дни проходят, а я заперт. Государь! Я не знаю за собой никакой вины. В приезд мой из Кавказа сюда

* Подчеркнутое в тексте набрано курсивом. Оглавления документов взяты из описи дела. Хотя набраны документы по новой орфографии, но оставлено по оригиналу все, что касается пунктуации, написания отдельных слов, употребления прописных, описки и пр.

л. 3.

я тщательно скрывал мое имя, чтобы слух о печальной моей участи не достиг до моей матери⁴, которая могла бы от того ума лишиться. Но ежели продлится мое заточение, то, конечно, и от нее не укроется. Ваше императорское величество сами питаете благоговейнейшее чувство к Вашей августейшей родительнице⁵.

Благоволите даровать мне свободу, которой лишиться я моим поведением никогда не заслуживал, или послать меня пред Тайный комитет лицом к лицу с моими обвинителями, чтобы я мог обличить их во лжи и клевете.

Всемилоостивейший государь!
Вашего императорского величества
верноподданный
Александр Грибоедов.

15-го февраля
1826.

Помета на письме рукою А. Ивановского; на 1-й стр. вверху слева: «№ 662» и справа: «19 февраля 1826».

Рукою Дибича написано карандашом:

«Объявить, что этим тоном не пишут государю и что он будет допрошен»⁶.

№ 3.

л. 4.

<Вопросные пункты Комитета с ответами 14-го февраля
корнету князю Одоевскому.>

1826 года 14-го февраля, Высочайше учрежденный Комитет требует от г. корнета конной гвардии князя *Одоевского* показания:

Коллежский ассессор *Грибоедов* когда и кем был принят в Тайное общество? с кем из членов состоял в особенных сношениях? что известно ему было о намерениях и действиях Общества и какого рода вы имели рассуждения о том?

Так как я коротко знаю г-на Грибоедова, то об нем честь имею донести совершенно положительно, что он ни к какому не принадлежит обществу.

Корнет князь Одоевский⁷.

<Вопросные пункты Комитета с ответами 14-го февраля
подпоручику Рылееву.>

1826 года 14-го февраля Высочайше учрежденный Комитет требует от г. подпоручика Рылеева показания:

Когда и где был принят вами в члены Тайного общества коллежский ассессор *Грибоедов*? что именно было открыто ему о намерениях, видах и средствах Общества? Не было ли сделано ему поручения о свидании с кем-либо из членов Южного общества, а также о распространении членов оного в корпусе генерала Ермолова⁸, и не имели ли вы от него уведомлений о успехах его действий?

С Грибоедовым я имел несколько общих разговоров о положении России и делал ему намеки о существовании Общества, имеющего целью переменить образ правления в России и ввести конституционную монархию; но как он полагал Россию к тому еще неготовую и к тому ж неохотно входил в суждения о сем предмете, то я и оставил его. Поручений ему никаких не было сделано, ибо хотя он из намеков моих мог знать о существовании Общества, но, не будучи принят мною, совершенно не имел права на доверенность Думы. Слышал я от Трубецкого, что во время бытности Грибоедова в прошлом году в Киеве некоторые члены Южного общества также старались о принятии его в оное, но не успели в том по тем же причинам, по каким и я принужден был оставить его.

Подпоручик К он д р а т и й Р ы л е е в⁹.

<Вопросные пункты Комитета с ответами 14-го февраля
полковнику князю Трубецкому.>

1826 года 14-го февраля, Высочайше учрежденный Комитет требует от г. полковника князя *Трубецкого* показания:

В начальных ответах ваших между прочим сказано о слышанном вами от Рылеева, что он принял в Тайное общество *Грибоедова*. Рылеев, с своей стороны, говорит, что он намекал ему о существовании Общества, но видя, что он неохотно входил в суждения о перемене образа правления в России, то не открывал ему намерений своих и не принимал его в члены. К сему Рылеев присовокупляет, что слышал от вас, что во время бытности Грибоедова в прошлом году в Киеве некоторые члены Южного общества также старались о принятии его в

оное, но не успели в том.— Объясните: точно ли Рылеев говорил вам, что он принял Грибоедова, и точно ли сообщили вы Рылееву вышесказанное и от кого именно сие известно вам было?

Разговаривая с Рылеевым о предположении не существует ли какое общество в Грузии, я также сообщил ему предположение, не принадлежит ли к оному *Грибоедов*? Рылеев отвечал мне на это, что нет, что он с Грибоедовым говорил; и сколько помню то прибавил сии слова «он наш», из коих я и заключил, что Грибоедов был принят Рылеевым. И тогда рассказал ему, что Грибоедов был в Киеве и что его там пробовали члены Южного общества, но он не подался; это слышал я от Полтавского пехотного полка поручика Бестужева, который кажется с Артамоном Муравьевым, имели намерение открыть Грибоедову существование их общества и принять его, но отложили оное, потому что не нашли в нем того образа мыслей, какого желали. На это мне Рылеев ничего не отвечал; и я остался при мнении моем, что он принял Грибоедова.

Полковник князь Трубецкой.

№ 6.

л. 7.

<Вопросные пункты Комитета с ответами 14-го февраля штабс-капитану Бестужеву.>¹⁰

1826 года 14-го февраля, Высочайше учрежденный Комитет требует от г. штабс-капитана лб.-гв. Драгунского полка *Бестужева* показания:

Когда и кем был принят в члены Тайного общества кол. ассессор *Грибоедов*? что известно ему было о намерениях, видах и средствах Общества? не было ли сделано ему поручения о свидании с членами Южного общества и о распространении оных в корпусе генерала Ермолова?

С Грибоедовым, как с человеком свободомыслящим, я нередко мечтал о желании преобразования России. Говорил даже, что есть люди, которые стремятся к этому — но прямо об Обществе и его средствах никак не припомню, чтобы упоминал. Да и он, как поэт, желал этого для свободы книгопечатания и русского платья. В члены же его не принимал я, во-первых, потому, что он меня и старее, и умнее, а во-вторых, потому, что жалел подвергнуть опасности такой талант, в чем и Рылеев был согласен. Притом же прошедшего 1825 года зимою, в которое время я был знаком с ним, ничего положительного и у нас не было. Уехал он в мою бытность в Москве, в начале мая, и Рылеев говоря о нем, ни о каких поручениях

не упоминал. Что же касается до распространения членов в корпусе Ермолова, я весьма в том сомневаюсь, ибо оный, находясь вне круга действия, ни к чему бы нам служить не мог.

Штабс-капитан Алекс. Бестужев.

№ 7.

л. 8.

<Вопросные пункты Комитета с ответами 19-го февраля подпоручику Бестужеву-Рюмину.>

1826 года 19-го февраля, Высочайше учрежденный Комитет требует от г. подпоручика *Бестужева-Рюмина* сведения:

Точно ли вами или кем другим был принят в члены Общества кол. ассессор *Грибоедов* и когда именно? При том объясните, по какому поводу он был у вас и виделся с Сергеем Муравьевым? что тогда сообщено ему было о намерениях Общества, какого он был о сем мнения и какое дал обещание насчет содействия видам Общества и распространения членов оного в Грузинском корпусе?

Грибоедов в Общество принят не был по двум причинам, мною тогда Матвеем Муравьеву изложенным. 1) Что, служа при Ермолове, он нашему обществу полезен быть не мог. 2) Не зная ни истинного образа мыслей, ни характера Грибоедова, опасно было его принять в наше Общество, дабы в оном не сделал он партии для Ермолова, в коем Общество наше доверенности не имело. На мое мнение согласились и предложения Грибоедову не делали. Был же он не у меня; а проезжал чрез Киев вместе с Артамоном Муравьевым. И видел я его только два раза у Трубецкого. С<ергея> Муравьева тогда я просил приехать в Киев, дабы ему вышесказанное мнение сообщить. Он его опробовал.

Подпоручик Бестужев-Рюмин.

№ 8.

л. 9.

<Вопросные пункты Комитета с ответами 19-го февраля подполковнику Муравьеву-Апостолу.>

1826 года 19-го февраля, высочайше учрежденный Комитет требует от г. подполковника Сергея *Муравьева-Апостола* показания:

Точно ли вами принят в члены Общества кол. ассессор *Грибоедов* и когда именно? Объясните при том, что было предметом свидания вашего с ним у *Бестужева-Рюмина* и что вы тогда сообщили ему, Грибоедову, о намерениях Общества? Ка-

кого он был мнения и какое дал обещание насчет содействия видам Общества и распространения членов оного в Грузинском корпусе?

Я уже показал и теперь вторично подтверждаю мое показание что я с кол. асессором Грибоедовым не имел никаких сношений по Обществу, что не принимал его никогда в члены оного, что никогда не имел с ним свидания у Бестужева, у коего он, Грибоедов, кажется, и не был ногой. Что видел его в Киве, когда приезжал я к Ар<тамону> Муравьеву, ибо он, Грибоедов, стоял с Муравьевым в одном трактире и заходил к нему при мне; и наконец, что Грибоедов не был принят в члены Общества нашего.

Подполковник Муравьев-Апостол.

№ 9.

л. 10.

<Вопросные пункты Комитета с ответами 19-го февраля генерал-майору кн. Волконскому.>

1826 года 19-го февраля, Высочайше учрежденный Комитет требует от г. генерал-майора князя Волконского сведения:

Не известно ли вам, когда и кем был принят в члены Тайного общества коллежский асессор *Грибоедов*? и не было ли ему сделано поручение насчет распространения членов в Грузинском корпусе?

Честь имею почтеннейше донести что не могу дать никакого сведения по вышеозначенному по неизвестности мне сих обстоятельств. С господином Грибоедовым я лично весьма мало знаком, и лишь по одним встречаю в светских собраниях в Москве — при временных моих проездах, чрез сей город. 19 февраля.

Генерал-майор князь Волконский 4.

№ 10.

л. 11.

<Вопросные пункты Комитета с ответами 19-го февраля штаб-ротмистру кн. Барятинскому.>

1826 года 19-го февраля, Высочайше учрежденный Комитет требует от г. штаб-ротмистра князя Барятинского сведения:

Неизвестно ли Вам, когда и кем был принят в члены Тайного общества коллежский асессор *Грибоедов* и не было ли ему сделано поручение насчет распространения членов в Грузинском корпусе?

Ежели это *Грибоедов* сочинитель, то я его лично не знаю, а слышал о нем как об авторе. Неизвестно также мне — член ли он Тайного общества и был ли он в Грузии. О другом *Грибоедове* никогда не слышал.

Лб.-гв. Гусарского полка штаб-ротмистр князь Барятинский.

№ 11.

л. 12.

<Вопросные пункты Комитета с ответами 19-го февраля полковнику Давыдову.>

1826 года 19-го февраля, Высочайше учрежденный Комитет требует от г. полковника Давыдова показания:

Не известно ли Вам, когда и кем был принят в члены Тайного общества коллежский ассессор *Грибоедов* и не было ли ему сделано поручение насчет распространения членов в Грузинском корпусе?

Честь имею донести Высочайше учрежденному Комитету, что и никогда не слышал, чтобы господин Грибоедов принадлежал к Обществу, или даже чтобы предлагали ему войти в оное. Я раз с ним виделся в Москве на большом обеде, где, кроме литературы, ни о чем не говорили.

Отставной полковник Давыдов.

№ 12.

л. 13.

<Вопросные пункты Комитета с ответами 19-го февраля полковнику Пестелю.>

1826 года 19-го февраля Высочайше учрежденный Комитет требует от г. полковника Пестеля сведения:

Не известно ли Вам, когда и кем был принят в члены Тайного общества коллежский ассессор *Грибоедов*? и не было ли ему сделано поручение насчет распространения членов в Грузинском корпусе?

О принадлежности коллежского ассессора Грибоедова к Тайному обществу не слышал я никогда ни от кого и сам вовсе его не знаю.

Полковник Пестель.

<Допрос, отобранный от Грибоедова
генерал-адъютантом> Левашовым.>

№ 224. Коллежский ассессор *Грибоедов*.

Я Тайному обществу не принадлежал, и не подозревал о его существовании. По возвращении моему из Персии¹¹ в Петербург в 1825 году я познакомился посредством литературы с Бестужевым, Рылеевым и Абаленским*. Жил вместе с Адуевским**, и по Грузии был связан с Кюхельбекером. От всех сих лиц ничего не слышал, могущего мне дать малейшую мысль о Тайном обществе. В разговорах их видел часто смелые суждения насчет правительства, в коих сам я брал участие: осуждал, что казалось вредным, и желал лучшего. Более никаких действий моих не было, могущим на меня навлечь подозрение, и почему оное на меня пало истолковать не могу.

<Подпись>: коллежский ассессор Александр Грибоедов.

Генерал-адъютант Левашов.

Текст написан рукою ген.-ад. Левашова.

Пометки карандашом:

Спросить у Адуевского

Трубец. <кой> (21 ст. <раница>) знает от

Рылеева, что он принял

Грибоедова?

24-го февр. <аля>¹²

№ 14.

<Вопросные пункты Грибоедову 24-го февраля>

Пометка: Читано 25-го февр¹³.

1826 года 24-го февраля в присутствии Высочайше учрежденного Комитета коллежский ассессор *Грибоедов* спрашиван и показал:

1.

Как ваше имя, отчество и фамилия, какого вы исповедания, сколько вам от роду лет, ежегодно ли бываете на исповеди и у святого причастия, где служите, не были ль под судом, в штрафах и подозрениях и за что именно?

* См. Оболенский Е. П. — *Ред.*

** См. Одоевский А. И. — *Ред.*

2.

Где воспитывались, каким наукам учились и кто преподавал вам оные?

3.

В начале первого показания своего вы, отрицаясь от принадлежности к числу членов злоумышленного Тайного общества, изъяснились далее так, что, будучи знакомы с Бестужевым, Рылевым, Оболенским, Одоевским и Кюхельбекером, часто слышали смелые суждения их насчет правительства, в коих сами вы брали участие, осуждали, что казалось вредным, и желали лучшего.

4.

В том же смысле, но с большою важностию и решительностию комитету известны мнения ваши, изъятые означенным лицам.

Не только они, но князь Трубецкой и другие, по словам первых, равно считали вас разделявшим их образ мыслей и намерений, а следственно (по их правилам приема в члены) принадлежащим к их Обществу, и действующим в их духе.

Убеждение сие основано было на собственных словах ваших особенно после того :

л. 16.

а) что Рылеев и Александр Бестужев прямо открыли вам, что есть Общество людей, стремящихся к преобразованию России и введению нового порядка вещей; говорили вам о многочисленности сих людей, о именах некоторых из них, о целях, видах и средствах Общества, и

б) что ответом вашим на все то было изъятие одобрения, желаний и пр.

В такой степени прикосновенности вашей к злоумышленному Обществу, Комитет требует показаний ваших в том :

а) в чем именно состояли те смелые насчет правительства означенных вами лиц, суждения, в коих сами вы брали участие?

б) что именно находили вы при том достойным осуждения и вредным в правительстве и в чем заключались желания ваши лучшего?

в) когда и что именно узнали вы особенно от Рылеева, Бестужева и Одоевского о существовании Общества людей, стремящегося к преобразованию России?

г) с тем вместе, что узнали вы о многочисленности сих людей, и кто из них был вам назван?

д) сказано ли вам было, где находились центры и отделения членов Тайного общества?

е) что именно сказано вам о цели, видах и средствах действий оного?

ж) объясните, в чем именно состояли ваши во всем том мнения и одобрения?

з) в каком смысле и с какой целью вы между прочим, л. 17.

в беседах с Бестужевым, равнодушно желали русского платья и свободы книгопечатания?

и) по показанию князя Оболенского вы, наконец, дня за три до отъезда вашего из Петербурга решительно были приняты в члены Тайного общества. Объясните, какого рода дали вы обещание неумолимо действовать в духе сего Общества; и какое вам дано поручение насчет приготовления умов к революционным правилам, в кругу вашего пребывания, и распространения членов Общества?

и) По какому случаю вы, проезжая Киев, имели свидание с Бестужевым-Рюминым и Муравьевыми, Артамоном и Сергеем, из коих за последним нарочито было посылаемо? Что было предметом вашего совещания и что открыто вам было о приготовлениях Южного общества к началу открытых возмутительных действий?

В заключение вы по совести должны показать все то, что известно вам о составе тайных обществ, их цели и образа действий.

Вы ли писали письмо, которое перед собою видите, Кюхельбекеру?

Надворный советник А. Ивановский.

№ 15.

л. 18.

<Ответ Грибоедова.>

На данные мне вопросные пункты от Высочайше учрежденного Комитета имею честь отвечать.

1.

Имя мое: Грибоедов Александр Сергеев,
Греко-кафолического исповедания,
родился в 1790 году¹⁴.

Обязанности мои, как сын церкви, исполняю ревностно. Если бывали годы, что я не исповедовался, и не приобщался святых тайн, то оно случилось произвольно.

Служу секретарем по дипломатической части при Главноуправляющем в Грузии.

Под судом, в штрафах и подозрении не бывал¹⁵.

2.

Воспитывался частью дома, частью в Московском университете, под надзором профессора Буле, учился правам, наукам математическим и языкам¹⁶.

3 и 4.

И теперь имею честь подтвердить первое мое показание.

Кн. Трубецкой и другие его единомышленники напрасно полагали меня разделявшим их образ мыслей. Если соглашался я с ними в суждениях о нравах, новостях, литературе, это еще не доказательство, что и в политических моих мнениях я с ними был согласен. Смело могу сказать, что по ныне открывшимся важным обстоятельствам заговора, мои правила с правилами кн. Трубецкого ничего не имеют общего. Притом же я его почти не знал.

а.

Рылеев и Бестужев никогда мне о тайных политических замыслах ничего не открывали.

в.

И потому ответом моим на сокровенность их предприятий, вовсе мне неизвестных, не могло быть ни одобрение, ни порицание.

а) б)

Суждения мои касались до частных случаев, до злоупотреблений некоторых местных начальств, до вещей, всем известных, о которых всегда в России говорится довольно гласно. Я же не только неспособен быть оратором возмущения, много если предаюсь избытку искренности в тесном кругу людей кротких, и благомыслящих, терпеливо ожидая времени, когда моя служба или имя писателя обратят на меня внимание высшего правительства, пред которым я был бы еще откровеннее.

в) г) д) е) ж)

Ничего мне подобного не открывали. Я повторяю, что ничего не зная о тайных обществах, я никакого собственного мнения об них не мог иметь¹⁷.

з}

Русского платья желал я, потому что оно красивее и покойнее фраков и мундиров, а вместе с этим полагал, что оно бы
л. 19.
снова сблизило нас с простотою отечественных нравов, сердцу моему чрезвычайно любезных.

Я говорил не о безусловной свободе книгопечатания, желал только чтобы она не стеснялась своенравием иных цензоров.

и}

Показание кн. Оболенского совершенно несправедливо. Не могу постигнуть на каких ложных слухах он это основывал, не на том ли, что меня именно за три дни до моего отъезда приняли в Общество Любителей Русской Словесности, общество, которое под высочайшим покровительством издает всем известный журнал: *Соревнователь*, и от вступления в которое я долго отговаривался, ибо поэзию почитал истинным улаждением моей жизни, а не ремеслом¹⁸.

й}

Пребывание мое в Киеве было самое непродолжительное проездом в Крым и на Кубань: чрез эти места я возвращался к моей должности в Грузию. Где Муравьевых и Бестужева-Рюмина видел мельком; разговоров не только вредных правительству, но в которых требуется хотя несколько доверенности я с ними не имел, потому что не успев еще порядочно познаться, я не простясь уехал. Обстоятельство, что за одним из них был послан нарочный, для меня вовсе неизвестно; из сделанного мне теперь вопроса, узнаю об этом в первый раз.

Письмо, которое мне здесь показано, моей руки, писано к Кюхельбекеру.

Коллежский асессор Александр Грибоедов.

№ 16.

л. 20.

<Вопросный пункт князю Оболенскому
с ответом 25-го февраля.>

1826 года 25 февраля, Высочайше учрежденный Комитет требует от г. поручика лб.-гв. Финляндского полка князя Оболенского показания:

Противу показания вашего о том, что кол. асессор *Грибоедов* был принят в члены Тайного общества месяца за два или за три до 14-го декабря, он точно был принят в Общество, но

только в высочайше учрежденное, издающее журнал *Соревнователь*, а не в тайное. Объясните: ежели действительно он был принят в члены Тайного общества, то когда и кем именно и не было ли при том свидетелей?

О принятии Грибоедова в члены Общества я слышал от принявшего его Рылеева и более совершенно никаких подробностей принятия его не слыхал и не могу сказать кто был свидетелем при приеме его; о времени же принятия его я поистине показать не могу с точностию; но сколько помню, сие было за месяц или за два до отъезда его отсюда; вот все что могу сказать о принятии Грибоедова в подтверждение прежнего показания моего; никакие, впрочем, подробности принятия его мне неизвестны; сам же лично, после принятия Грибоедова, сколько сие помню, с ним не встречался.

Князь Евгений Оболенский.

№ 17.

л. 21.

<Вопросные пункты Грибоедову
с ответами 15-го марта.>

1) *Вопросы.*

Помета: — Читано 16 марта.

1826 года 15-го марта в присутствии Высочайше учрежденного Комитета коллежский ассессор *Грибоедов* спрашиван и показал:

В дополнение сделанных вами ответов поясните откровенно следующее:

1) при отъезде вашем из Петербурга, не предлагал ли вам Рылеев или кто другой писем, для доставления к Муравьеву-Апостолу и Бестужеву-Рюмину и не сказано ли вам было о соержании оных?

2) равным образом, не поручал ли вам Рылеев или Александр Бестужев каких-либо стихов и прозаической статьи под названием «Катехизис», для доставления на Юг?

3) по какому именно случаю вы имели свидание в Киеве с Артамоном и Сергеем Муравьевыми и Бестужевым-Рюминым? где и когда вы познакомились с ними? не имели ли вы с ними переписки из Грузии?

4) что говорили они вам о Пестеле и кто из них предлагал вам познакомиться с ним?

5) в бытность вашу в Киеве виделись ли вы с штабс-капитаном Корниловичем и что рассказывал он вам или писал о сделанном им на Юге открытии?

7* при возвращении вашем в Грузию где вы виделись с *Сухачевым* (служившим в Грузии)?

л. 22.

а) давно ли вы с ним знакомы и у кого бывали вместе?

б) что вам известно от него, или по слухам, о предложении, какое он делал некоторым из своих знакомых об основании Тайного общества в Отдельном Грузинском корпусе, и какие представлял он доказательства о возможности распространить там членов сего Общества?

в) что известно вам о намерении Сухачева поселиться в Ростове и о предприятии его ехать в Таганрог? от кого и когда вы слышали или узнали о сем?

<2) Ответы.>

На заданные мне вопросы Высочайше учрежденным Комитетом честь имею отвечать:

1) 2)

При отъезде моем из Петербурга, сколько мне помнится, Бестужева вовсе не было в городе, по крайней мере то верно, что я с ним тогда не виделся; ни он, ни Рылеев и никто не делал мне никаких поручений в Киев, ни писем, ни книг никто мне не давал, ни на имя Муравьева, о котором я даже не знал, что он там пребывает, ни на чье-либо другое.

3)

Во время самого короткого моего пребывания в Киеве один Муравьев туда приехал на встречу к жене; с которою дни два, три или менее пробыл в одном трактире со мною; потом они уехали. Другого я видел у Трубецкого, все это было в присутствии дам, и мы, можно сказать, расстались, едва знакомыми. Переписки я с ним никогда не имел.

4)

О Пестеле ничего говорено не было.

5)

С штабс-капитаном Корниловичем я в Киеве не виделся.

7)

Я не знаком с Сухачевым, и никогда не слыхал о его существовании.

Коллежский асессор Грибоедов¹⁹.

* Так в документе, пропущен п. 6. — *Ред.*

Записка о Грибоедове.

Копия²⁰.

О коллежском асессоре
Грибоедове.

Коллежский асессор Грибое-
дов

л. 24.

На докладной записке соб-
ственной его императорского
величества рукою написано:
*Выпустить с очистительным
аттестатом*

не принадлежал к Обществу и
о существовании оногo не
знал. Показание о нем сдела-
но князем Евгением Оболенс-
ким 1-м со слов Рылеева; Ры-
леев же ответил, что имел
намерение принять Грибоедо-
ва; но, не видя его наклонным
ко вступлению в Общество, оста-
вил свое намерение. Все
прочие его членом не почи-
тают²¹.

Рукою барона Дибича при-
свокуплено:

«Высочайше повелено про-
извести в следующий чин и
выдать не в зачет годовое жа-
лованье».

Верно. Надворный советник А. Ивановский.

II

1 ря* 1825 года император Николай Павлович подписал оставшийся неопубликованным указ на имя военно-го министра²². Этим указом учреждался комитет для следственных изысканий о злоумышленных обществах, под председательством военного министра графа Татищева. Членами комитета или, как обыкновенно говорили, следственной комиссии были назначены: великий князь Михаил Павлович, князь Голицын и генерал-адъютанты: Голенищев-Кутузов, Бенкендорф и Левашов. Впоследствии к ним были присоединены дежурный генерал Потапов, начальник главного штаба барон Дибич и Чернышев. Комиссия деятельно принялась за розыски. Журналы комиссии представлялись государю и все исходящие бумаги подписывались военным министром. На первых же порах комиссии пришлось сделать очень много постановлений об аресте и привлечении к делу. Заподозренные свозились в Петербург со всех концов России.

Фамилия Грибоедова в первый раз в комитете была произнесена 23 декабря. Князю Трубецкому был предложен следующий вопрос: «не существуют ли подобные (т. е. тайные) общества в отдельных корпусах и в военных поселениях и неизвестны ли вам их члены?» Трубецкой дал следующий ответ:

* Так в оригинале. [Примечание П. Е. Щеголева. — *Ред.*]

«Мне неизвестно, чтоб подобные общества существовали в отдельных корпусах или в военных поселениях. Я знаю только, что в 1-м корпусе есть полковник Вольский, с которым я не знаком. В других же корпусах я наименовал кого знал. Генерал-майор князь Волконский говорил мне, что есть или должно быть, по его предположению, какое-то общество в Грузинском корпусе, что он об этом узнал на Кавказе, но он неудовлетворительно о том говорил и, кажется, располагал на одних догадках. Я знаю только из слов Рылеева, что он принял в члены Грибоедова, который состоит при генерале Ермолове; он был летом в Киеве, но там не являл себя за члена; это я узнал в нынешний мой приезд сюда»*.

Очевидно, это показание и дало повод привлечь к делу Грибоедова. В журналах комиссии этот повод указан не совсем точно. В протоколе IX заседания 26-го декабря сказано, что комиссия, выслушав письменные ответы Рылеева и допрос кап.-лейт. Бестужева и штабс-капит. Бестужева, положила взять под арест целый ряд лиц, оказывающихся, по их показаниям, соучастниками в обществе мятежников, и в том числе Грибоедова²³. На самом деле, только в ответах Рылеева мы находим некоторые основания для постановления комиссии об аресте Грибоедова. 24-го декабря комиссия предложила Рылееву, между прочим, следующий вопрос: «когда и где вы приняли в члены Грибоедова?» Рылеев в своем показании дал следующий ответ: «Грибоедова я не принимал в Общество: я испытывал его, но, нашед, что он не верит в возможности преобразовать правительство, оставил его в покое. Если же он принадлежит Обществу, то мог его принять князь Одоевский, с которым он жил, или кто-либо на Юге, когда он там был»**. Как видно из письменных ответов Александра Бестужева, данных, правда, значительно позже, он был далек от оговора Грибоедова. Очень трудно допустить оговор со стороны Николая Бестужева как по содержанию его позднейших показаний в комиссии, так и по его личному характеру. Несомненно, комиссия, делая постановление об аресте Грибоедова, руководствовалась только показаниями Трубецкого и Рылеева.

Уже 27-го декабря последовало высочайшее разрешение на приведение в исполнение постановления комиссии***. Пока

* Государственный архив, I В, № 333, л. 11 и 21 [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 333, лл. 11, 21. — *Ред.*]²⁴

** Г. А., I В, № 334, л. 15 об. [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 334, л. 15 об. — *Ред.*]²⁵

*** Пользуемся случаем, чтобы указать на ложные сообщения Д. И. Завалишина в его «Воспоминаниях о Грибоедове» (Древняя и Новая

шла бумага об аресте Грибоедова на Кавказ к Ермолову, пока его вез фельдъегерь, следственная комиссия добыла следующий материал для обвинения Грибоедова.

21-го января 1826 года князь Евгений Петрович Оболенский обратился к государю с всеподданнейшим письмом. Замечательно цельный и искренний человек, он не вынес формальностей следствия и совершенно не был в состоянии остаться на обычной точке зрения подследственных, не был в состоянии говорить лишь немногое, умалчивать о многом, и поэтому решил сказать все, что он знал. Он писал:

Ваше императорское величество
всемилоостивейший государь!

Удостоившись получить ныне прощение царя небесного, и предстать ему с успокоенною совестью, я первым долгом представляю пасть к ногам твоим, государь всемилоостивейший, и просить тебя не земного; но душевного христианского прощения.— Как вышний мой судия земной, накажи меня за поступки мои: с терпением и любовью снесу я бремя тобою на меня наложенное; но, как отец твоих подданных, воззри на мое сердце, на мои намерения, и если ты не найдешь злобы; в последних своекорыстия; то изреки прощение в душе заблудшему сыну твоему: я может быть никогда не удостоюсь услышать сие слово от тебя: но верь, о государь, что я ныне, по чувствам моим, достоин оного.

Ныне, одна вина осталась у меня пред тобою: — Доселе я представил Комитету, тобою учрежденному, только имена тех членов нашего общества, коих скрыть мне было невозможно, по поступкам их, или личным сношениям: — прочие остались скрыты в сердце моем: — Мое молчание ты счел может

Россия, 1879, т. I, кн. 4, с. 311—321. Некоторые дополнения см. в «Записках декабриста Д. И. Завалишина». München, 1904, т. II, с. 34—36). Он причисляет А. Б. (конечно, Александра Бестужева) к тем членам, которые не славились ни скромностью, ни твердостью характера. «При первом же спросе ген. Левашовым, — пишет Д. И. Завалишин, — А. Б. ...написал целый список имен, включив в число членов тайного общества даже и таких лиц, которых считал членами только по догадке, хотя они и не были ими. По такому валовому списку были именно арестованы и я, как сказал мне сам ген. Левашов (при первом арестовании меня), и Грибоедов: но относительно его А. Б. ...не мог ничего представить, кроме догадок». Во-первых, ряд названных Бестужевым лиц вовсе невелик: всего несколько человек, которые и без того были бы взяты. В этом списке нет Грибоедова. Во-вторых, показания Бестужева о Грибоедове (№ 6) исключают всякую возможность предположения Д. И. Завалишина. Сам же Завалишин был взят вторично по доносу собственного родного брата. В дальнейших ссылках на статью Д. И. Завалишина не делаем указаний на страницы.

быть, о государь, преступным упорством. Осмеливаюсь самого себя поставить судьей поступка моего. Члены общества приняв меня в сотоварищи свои, честному слову моему, и клятвенному обещанию, вверили честь, благоденствие и спокойствие как каждого из них; так и семейств, к коим они принадлежат. Мог ли я тою самою рукою, которая была им залогом верности, предать их суду тобою назначенному, для сохранения жизни своей или уменьшения несколькими золотниками того бремени, которое промыслом Всевышнего на меня наложено. Государь, я не в силах был исполнить сей жестокой обязанности: — Но вера, примирив меня с совестью моею, вместе с тем представила высшие отношения мои; милосердие же твое, о Государь, меня победило. В то время когда я лишился всех надежд, когда темница сделалась мой мир, а голые стены оной — товарищами моей жизни, манием благотворной руки твоей, письмо отца моего, как ангел-утешитель, принесло спокойствие и отраду душе моей. Благодающие твое, монарх милосердый, воззрение твое на мольбу семидесятилетнего старца²⁶, останется незабвенным в душе моей. И потому, видя в тебе не строгаго судью, но отца милосердаго, я, с твердым упованием на благость твою, повергаю тебе жребий чад твоих, которые не поступками, но желаниями сердца могли заслужить твой гнев.

Прости, о государь, если я на несколько минут обратил внимание твое на несчастного страдальца; но глас совести моей был для меня выше всех земных приличий, и потому возри милосердным оком,

всемилоостивейший государь
на верноподданного твоего
князя Евгения Оболенского.

21-го января 1826 года.

К этому письму был приложен длинный список всех бывших членами тайного общества; в их числе был записан и Грибоедов. О нем князь Оболенский сообщал, что «он был принят месяца два или три пред 14-м декабрем, и вскоре потом уехал: — Посему действия его в обществе совершенно не было»*.

Наконец, 30-го января некоторые сведения о Грибоедове дал Артамон Захарович Муравьев, командир Ахтырского полка. Ему был предложен следующий вопрос: «кто именно был тот Грибоедов, с которым вы, приехав к Бестужеву (т. е. к Бестужеву-Рюмину, в Киеве. — П. Щ.), нетерпеливо желали ви-

* Г. А., I В, № 335, л. 19 и 22 об. [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 335, л. 19 и 22 об. — *Ред.*]²⁷

даться с Сергеем Муравьевым, за которым Бестужев посылал нарочного, и в чем заключались как предмет требуемого свидания с ним, так и взаимные ваши разговоры?» А. З. Муравьев отвечал: «Грибоедов, которого желал познакомиться с Муравьевым тот самый, который при генерале от артиллерии Ермолове находится. Желание мое видеть Сергея Муравьева тогда истинно было родственное и дружеское, касательно Грибоедова, то говоря о моем брате, как о особенно умном человеке, и зная, что Грибоедов предполагал остаться в Киеве, то хотел доставить ему этим удовольствие. С Муравьевым Сергеем я виделся тогда коротко, ибо он приехал в полдень, а уехал на другое утро рано. Во время же его бытности сих нескольких часов, приехала моя жена²⁸, с которою я 6 месяцев не видался. При мне разговор их, в котором я участвовал урывками, был общий, и не касающийся до общества»*.

Три момента должны были привлечь внимание следственной комиссии: принадлежность к обществу, цель пребывания в Киеве и отношения его к предполагаемому тайному обществу в корпусе генерала Ермолова.

III

27-го декабря 1825 года последовало соизволение на арест Грибоедова. Только 2-го января 1826 года было послано отношение, подписанное военным министром, на имя Ермолова за № 52 следующего содержания:

«По воле Государя Императора покорнейше прошу Ваше Высочайшее повеление приказать немедленно взять под арест служащего при вас чиновника Грибоедова со всеми принадлежащими ему бумагами, употребив осторожность, чтобы он не имел времени к истреблению их, и прислать как оные, так и его самого под благонадежным присмотром в Петербург прямо к Его Императорскому Величеству»**.

Ермолов в январе 1826 года предпринял движение на Чечню. 21-го января отряд из Червленной станицы выступил в крепость Грозную. Сюда прибыл Ермолов 22-го вечером. В этот же вечер в Грозную прискакал фельдъегерь Уклонский с бумагой военного министра. Грибоедов был в это время вместе с Ермоловым. Д. А. Смирнов, хорошо осведомленный биограф Грибоедова, со слов его друга С. Н. Бегичева, рассказывает: «Курьер, прискакавший за Грибоедовым в Екатериноградскую

* Г. А., I В, № 403, л. 18 об.— 19 [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 403, л. 18 об. — 19. — *Ред.*]²⁹

** Отпуск отношения — в деле Г. А., I В, № 31, л. 3 [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 31, л. 3. — *Ред.*]

станцию, застал Ермолова за ужином с обычным его обществом. Получив депешу, Ермолов вышел в другую комнату прочитать ее и сейчас позвал туда Грибоедова. «Ступай домой и сожги все, что может тебя компрометировать,— сказал он.— За тобой прислали, и я могу дать тебе только час времени». Грибоедов ушел, и, после назначенного срока, Ермолов пришел арестовать его со всей толпой — с начальником штаба и адъютантами. Часть бумаг Грибоедова была в крепости Грозной, — Ермолов дал предписание коменданту взять их и вручить курьеру»*. Д. В. Давыдов в своих записках со слов достоверных свидетелей утверждает, что «Ермолов, желая спасти Грибоедова, дал ему время и возможность уничтожить многое, что могло более или менее подвергнуть его беде»**. Очевидец ареста, Шимановский, также утверждает, что Грибоедову удалось уничтожить компрометирующие бумаги: «если бы бумаги Грибоедова уцелели», то он не возвратился бы из Петербурга***. Рассказ Шимановского об обстоятельствах ареста исполнен крупных неточностей: он, например, относит его к 28-му декабря 1825 года. Но вообще можно считать установленным, что Грибоедов был предупрежден об аресте.

Но действительно ли уничтоженные бумаги были так опасны для Грибоедова? Е. Вейденбаум в своей статье об аресте Грибоедова, написанной по архивным данным, сомневается в этом****, указывая, между прочим, и на то, что известие о событиях 14-го декабря было поручено Ермоловым 24-го декабря и, следовательно, Грибоедов имел возможность уничтожить их и раньше. Какого же содержания могли быть бумаги? Компрометировать Грибоедова могла только переписка, и ее-то он и уничтожил³⁰. Она, действительно, могла бы осложнить его дело.

Как бы там ни было, 22-го же вечером был произведен арест Грибоедова и осмотр его бумаг. Все бумаги были опечатаны и сданы под расписку фельдъегерю; вещи и книги Грибоедов получил обратно. Сохранился список найденных у него книг: в нем нет ни одной книги, которая намекала бы на то, что ее владелец интересуется злободневными социальными во-

* Беседы в Обществе любителей российской словесности. М., 1868, вып. 2, отд. 2, с. 22. В рассказе Смирнова некоторая путаница: Грибоедов был взят в Грозной, а часть его бумаг находилась во Владикавказе. В дальнейшем изложении ссылок на страницы не делаем.

** Записки Д. В. Давыдова. *Mémoires inédits de Denis Davydow*. Лондон, 1863, с. 44 [Давыдов Д. Записки, в России цензурой не пропущенные. Лондон — Брюссель, 1863, с. 44.—*Ред.*]³¹

*** Русский архив, 1875, № 7, с. 343³².

**** Вейденбаум Е. Г. Кавказские этюды. Исследования и заметки. Тифлис, 1901, с. 261—267.

просами. В его чемодане нашли: словарь российской академии, сочинения Державина, географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа, описание Киево-Печерской лавры, краткое описание Киева, народные сербские песни, сербский словарь, старинные малороссийские песни, киевские святцы, путешествие по Тавриде и одну греческую книгу. Во Владикавказе, где курьер получил еще часть бумаг Грибоедова, тоже нашли книги, именно: родословная история о татарах Абульгази³³, история Бургундии, правила славянского языка Добровского³⁴ и Зендавеста в немецком переводе³⁵. Тут же оказалась топографическая карта Крыма³⁶. Очевидно, все эти книги ехали с Грибоедовым из Петербурга.

23 января Ермолов секретно сообщил барону Дибичу: «Господин военный министр сообщил мне высочайшую государя императора волю взять под арест служащего при мне коллежского асессора Грибоедова и под присмотром прислать в Петербург прямо к его императорскому величеству. Исполнив сие, я имею честь препроводить г-на Грибоедова к вашему превосходительству.— Он взят таким образом, что не мог истребить находившихся у него бумаг, но таковых при нем не найдено, кроме весьма немногих, кои при сем препровождаются. Если же бы впоследствии могли быть отысканы оные, я все таковые доставлю. В заключение имею честь сообщить вашему превосходительству, что г. Грибоедов во время служения его в миссии нашей при персидском дворе и потом при мне как в нравственности своей, так и в правилах не был замечен развратным и имеет многие хорошие весьма качества»*.

23 января фельдъегерь Уклонский вместе с Грибоедовым выехал из Грозной в Екатеринодар; здесь им пришлось ожидать, пока придут чемоданы Грибоедова, находившиеся во Владикавказе. Только 30 января фельдъегерь и Грибоедов выехали из Екатеринодара. Фельдъегерь оказался покладистым человеком, и ехать с ним было не особенно тяжело. В Москву прибыли в первых числах февраля³⁷. Вот как С. Н. Бегичев рассказывал Д. А. Смирнову об этом пребывании Грибоедова в Москве:

«Грибоедов... чтобы не испугать меня, проехал прямо в дом брата моего Дмитрия Никитича, в Старой Конюшенной, в приходе Пятницы-Божедомской. В этот самый день у меня был обед: родные съехались провожать брата жены моей А. И. Барышникова, возвращавшегося из отпуска на службу. Дм<итрий> Никит<ич> должен был обедать у меня же. Ждали

* Г. А., I В, № 31, л. 4. [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 31, л. 4. — *Ред.*]

мы его, ждали и наконец сели за стол. Вдруг мне подают от брата записку такого содержания: «Если хочешь видеть Грибоедова, приезжай: он у меня». Я, ничего не подозревая, на радостях, сказал эту весть во всеуслышание. Родные, зная мои отношения к Грибоедову, сами стали посылать меня на это так неожиданно приспешшее свидание. Я отправился.

Вхожу в кабинет к брату — накрыт стол; сидят и обедают. Грибоедов, брат и еще какая-то безволосая фигурка в курьерском сюртуке.

Увидал я эту фигурку, и меня обдало холодным потом. Грибоедов смекнул дело и сейчас же нашелся. «Что ты смотришь на него? — сказал он мне. — Или думаешь, что это... так... просто курьер? Нет, братец, ты не смотри, что он курьер — он происхождения знатного: это испанский гранд дон Лыско Плешивос ди Париченца!»

Этот фарс рассмешил меня и показал, в каких отношениях находился Грибоедов к своему телохранителю. Мне стало несомненно легче. Отобедали, говорили. Грибоедов был весел и совершенно покоен. «А что, братец, — сказал он телохранителю, — ведь у тебя здесь родные; ты бы съездил повидаться с ними». Телохранитель был очень рад, что Грибоедов его *отпускает*, и сейчас уехал.

Первым моим вопросом было выражение удивления, какими судьбами и по какому праву распоряжается он и временем, которое уже не принадлежало ему, и особою своего телохранителя. «Да что! — отвечал он мне: — я сказал этому господину, что если он хочет довести меня живого, так пусть делает то, что мне угодно. *Не радость же мне в тюрьму ехать!*»

«Грибоедов приехал в Москву около 4 часов пополудни и выехал в 2 часа ночи.

«На третий день я отправился к Настасье Федор<овне> (матери Гриб<оедова>), и та с обыкновенной своей заносчивостью с первых же слов начала ругать сына на чем свет стоит: и карбонарий-то он, и вольнодумец и проч. и проч.

Проездом через Тверь, как я узнал от него после, он опять остановился: у телохранителя оказалась там сестра, к которой они и въехали. Грибоедов, войдя в комнату, увидел фортепьяно и, — глубокий музыкант в душе, — не вытерпел и сел к нему... Девять битых часов его не могли оторвать от инструмента!

«По приезде в Петербург, курьер привез его в главный штаб и сдал и его и пакет дежурному офицеру. Пакет лежал на столе... Грибоедов подошел, взял его... Пакет исчез...

«Имя Грибоедова было так громко, что по городу сейчас же пошли слухи: «Грибоедова взяли! Грибоедова взяли!»*...

IV

Грибоедов прибыл в Петербург 11 февраля 1826 г. Генерал-адъютант Потапов 11 февраля доносил секретно военному министру: «Имею честь донести вашему высокопревосходительству, что сего числа привезен из крепости Грозной коллежский ассессор Грибоедов, который и отправлен к генерал-адъютанту Башуцкому для содержания под арестом в главной гоубтвахте»**.

В главной гауптвахте, в здании главного штаба Грибоедов содержался все время своего заключения. Сюда свозили арестованных, после того как крепость была переполнена, и оставляли здесь всех тех, кто, по ходу следствия, оказывался мало или совсем непричастным к делу. Условия заключения в главном штабе были довольно сносны; заключенные могли входить в сношения друг с другом и даже с находящимися на воле, могли тайно переписываться и т. д. Надзор за сидевшими в штабе был поручен армейскому офицеру Жуковскому, который был легко доступен подкупу³⁸.

Когда Грибоедов был доставлен в штаб, он нашел здесь, по показанию Д. И. Завалишина, целую группу лиц: генерала Кальма, графа Мошинского, гвардейского полковника Сенявина, братьев А. и Н. Н. Раевских, князя Баратаева, полковника Любимова, кн. Шаховского, Д. И. Завалишина и др.³⁹.

По рассказу Д. И. Завалишина, вообще не отличающемуся точностью подробностей, полковник Любимов за десять тысяч рублей предложил Жуковскому выкрасть из его дела компрометирующие его бумаги. Жуковский это сделал и, понятно, оказался в большой зависимости от заключенных, чем они от него⁴⁰. Достоверно во всяком случае то, что Жуковский не прочь был делать снисхождения и даже нарушения тюремных правил. Ф. В. Булгарин сохранил записочки, которые тайно пересылал к нему Грибоедов из своего заключения. В одной он убеждал его познакомиться с капитаном Жуковским: «*vous sommes camarades, sommes cochons****,— писал Грибоедов,— может быть, удастся тебе и ко мне проникнуть». Из

* [Смирнов Д. А. Биографические известия о Грибоедове.— Беседы в Обществе любителей российской словесности. М., 1868, вып. 2, с. 23—24.— *Ред.*]⁴¹

** Г. А. I В, № 31, л. 5 [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 31, л. 5.— *Ред.*]

*** Мы с ним закадычные приятели (*франц.*).— *Ред.*

другой записочки видно, что Жуковский не брезговал и малым: Грибоедов просил Булгарина раздобыть ему для Жуковского народное издание Крылова, которое Жуковский собирался подарить в именины какой-то знакомой ему дамочке*. Снисходительность офицера доходила до того, что он водил Грибоедова и Завалишина в кондитерскую Лоредо на углу Невского и Адмиралтейской площади. Здесь Грибоедов услаждал его слух игрой на фортепьяно.

Прежде чем предстать перед следственной комиссией, всякий арестованный должен был дать первые показания немедленно же по арестовании или по прибытии в Петербург члену комиссии. Обыкновенно первый допрос снимал генерал-адъютант Левашов; по большей части, он собственноручно, или же писарь, записывали первые показания, а допрашиваемый только подписывался. Затем Левашов передавал бумагу в комитет, который ее «заслушивал». Следующие допросы велись в заседаниях комитета или комиссии. Комиссия расспрашивала привлеченного и изредка заставляла его тут же записывать свои слова, но в большинстве случаев допрошенный отпускаясь в место своего заключения и вечером получал в запечатанном пакете вопросные листы. Ответы привлеченный тоже запечатывал и отправлял в комитет, в присутствии которого они читались. Эти приблизительные сведения о порядке производства следствия необходимы для выяснения ложности некоторых представлений.

Мы уже видели, что далеко не все бумаги Грибоедова были взяты⁴², но кое-что, как это видно из донесения Ермолова, было отправлено вместе с Грибоедовым в Петербург. Д. А. Смирнов рассказывает, что Грибоедов умело «изъял из обращения» пакет с последними бумагами, какие оставались до сих пор не уничтоженными⁴⁴. Мы просмотрели все производство комиссии и нигде следа не нашли каких-либо бумаг Грибоедова: ни во входящих журналах, ни в делах по возвращению отобранных вещей и бумаг.

Грибоедов 11 февраля был доставлен в главный штаб и 11-го — надо думать — был снят генералом Левашовым первый допрос, потому что 15-го февраля Грибоедов в всеподданнейшем письме мог сказать: «я был притащен на перекладных, здесь посажен под караул, потом позван к генералу Левашову... от него отправлен с обещанием скорого освобождения. Между тем дни проходят, а я заперт». О первом допросе сохранилась легенда. Д. И. Смирнов, со слов Бегичева,

* Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений, под ред. И. А. Шляпкина. Т. I. Прозаические статьи и переписка. СПб., 1889, с. 214⁴³.

сообщает: «Допрашивать его водили в крепость. На первом же допросе Грибоедов начал, письменно отвечая на данные ему вопросные пункты, распространяться о заговоре и заговорщиках: «я их знал всех и проч.» В эту минуту к его столу подошло очень влиятельное лицо и взглянуло на бумагу. «Александр Сергеевич! Что вы такое пишете! — сказал подошедший: — Пишите «знать не знаю и ведать не ведаю». Грибоедов так и сделал, да еще написал ответ довольно резкий: «За что меня взяли? У меня старуха-мать, которую это убьет» и проч⁴⁵. Д. И. Завалишин отвергает правдивость этого рассказа и, соглашаясь, что первым побуждением Грибоедова было признать свои отношения к декабристам, утверждает, что не начальствующее лицо, а арестованный полковник Любимов подал мысль об изменении показания в совершенно противоположном смысле. «Когда Грибоедову принесли вопросные пункты, а он стал писать черновой на них ответ, — говорит Завалишин, — то Любимов, подойдя к нему, сказал: «...я знаю из всех наших здешних разговоров, что действия относительно комитета предполагаются различные, смотря по разным у всякого соображениям, и личным, и политическим. Не знаю, какой системы намерены держаться вы, но ум хорошо, а два лучше. Не по любопытству, а для вашей же пользы я желал бы знать, на какой системе вы остановились? Помните, что первые показания особенно важны...» В ответ на это Грибоедов прочитал ему то, что успел уже написать. Прослушав написанное, Любимов с живостью сказал ему: «Что вы это! Вы так запутаете и себя и других. По-нашему, по-военному, не следует сдаваться при первой же атаке, которая, пожалуй, окажется еще и фальшивою; да если и поведут настоящую атаку, то все-таки надо уступать только то, чего удержать уже никак нельзя. Поэтому и тут гораздо вернее обычный русский ответ: «Знать не знаю и ведать не ведаю!» и т. д.⁴⁶ Д. И. Завалишин влагает в уста Любимову такую речь, которая уже своею пространностью внушает сомнения в ее подлинности.

При проверке оба рассказа — и Д. А. Смирнова, и Д. И. Завалишина — оказываются одинаково не соответствующими истине. На первом же допросе 11-го февраля Грибоедов отозвался полнейшим неведением о существовании общества и признал чисто литературные знакомства с Бестужевым, Рылеевым и Оболенским. Эти первые показания, которые даже не были написаны им собственноручно, а только подписаны, были даны в обстановке, не допускавшей посредничества не только Любимова, но и важного лица. Генерал Левашов спрашивал Грибоедова, он отвечал, а писарь записывал. Если Завалишин говорит о вопросных пунктах, присланных Грибоедо-

ву от комитета 24-го февраля вечером, то нет никаких оснований предположить, что Грибоедов решил изменить свои показания, признать свою осведомленность и свои отношения. А только при таком предположении и допустимо вмешательство комитета. Это же соображение сохраняет свое значение и при оценке правдивости рассказа Д. И. Смирнова. Но в общем, этот рассказ отразил действительность правдивее, чем сообщения Завалишина, и сохранил память о действительном факте, если не сочувственного, то во всяком случае совершенно не враждебного Грибоедову отношения членов комитета⁴⁷. Быть может, тут сыграл некоторую роль и родственник Грибоедова Паскевич⁴⁸.

План защиты, в составлении которого совершенно излишне допускать постороннюю инициативу, чрезвычайно характерен для Грибоедова. Грибоедов — умнейший человек — взвешивал каждое свое слово и проектировал то впечатление, которое оно должно было произвести на слушателей. Наивно было бы думать, что он сколько-нибудь искренен. Но он держал себя хладнокровно и нисколько не растерялся: недаром он выразился в секретной записочке Булгарину: «бояться людей значит баловать их»⁴⁹. Он очень умело пошел по среднему пути между утверждением и отрицанием: не отрицая своего вольнодумства, он настаивал на своем неведении о существовании и целях общества. 15-го февраля Грибоедов написал письмо к государю. Многие из декабристов обращались к Николаю Павловичу с письмами: некоторые из них были порывами искреннего раскаяния, как, например <имер>, вышеприведенное письмо Оболенского; другие — воплем наболевшего сердца о той общественной несправде, которая была неизвестна государю. Письмо Грибоедова — ни то, ни другое. Оно в некотором роде результат художественного творчества. Писано оно с расчетом произвести определенное впечатление на государя; центральное место письма — воззвание к сыновней любви государя. Грибоедов, действительно, очень любил свою мать и был послушным сыном, который не огорчал своей матери, но когда он писал о том, что мать не знает об его аресте, он говорил неправду. Его близкий друг Бегичев, с которым он виделся в Москве на пути в Петербург, на третий же день после его отъезда отправился к матери Грибоедова: «та с обыкновенной своей заносчивостью с первых же слов начала ругать сына на чем свет стоит: и карбонарий-то он, и вольнодумец и пр. и пр.» Уж Бегичеву-то Грибоедов должен был посоветовать скрывать от матери его арест. Кроме рассчитанной неискренности, в этом письме необходимо отметить ярко выраженное сознание собственного достоин-

ства; это сознание — неотделимая черта личности Грибоедова — не покидало его в течение всей его жизни, ни в 1826 году, ни в Персии, в момент его трагической кончины.

Мы не знаем, какое впечатление произвело на Николая Павловича письмо Грибоедова, но во всяком случае оно его не растрогало. В комиссию оно было передано 19-го февраля и внесено во входящий журнал под № 662. Помета об исполнении: «передано к допросам»*.

Грибоедов ждал результата своего письма; чувство нетерпения росло с каждым днем. 17 февраля он писал Булгарину: «Меня здесь заперли, и я погибаю от скуки и невинности... Я писал государю... ничего не отвечает». В следующей записке Грибоедов сообщает, что он сидит и проклинает своих гонителей. Но никакого утешения по своему делу Грибоедов не видел: его как будто забыли, и он начинал-таки сомневаться в исходе дела. У него вырвались в записке к Булгарину следующие слова: «кажется, что мне воли еще долго не видать, и, вероятно, буду отправлен с фельдъегерем»⁵⁰.

Но комитет не бездействовал: 14-го и 19-го февраля он отбирал показания о Грибоедове от тех лиц, знакомство с которыми он признал на допросе у генерала Левашова. Кн. Одоевский, А. Бестужев, Рылеев решительно отвергали принадлежность Грибоедова к тайному обществу. Они не отрицали того, что Грибоедов человек свободомыслящий, который не прочь рассуждать о перемене правления в России. Бестужев пояснял, что Грибоедов желал этого для свободы книгопечатания в России и для русского платья. Допрошенные 19-го февраля декабристы, которые могли бы дать сведения о прикосновенности Грибоедова к Южному обществу, тоже решительно отрицали его участие.

Соответствовали ли действительности эти утверждения? Весьма правдоподобны слова Завалишина: «в старании товарищей не компрометировать Грибоедова не было также ничего особенного, исключительного. Это было лишь следствием наперед условленного, общепринятого правила стараться не запутывать никого, кто не был еще запутан»⁵¹. А Д. А. Смирнов сохранил в памяти следующее объяснение: «главные из заговорщиков, — факт в высшей степени замечательный, — уже сидевшие по разным углам, стало быть, не имевшие никакой возможности сговариваться, сказали одинаково, что Грибоедов в заговоре не участвовал, и что они не старались и привлекать его к заговору, который всего скорей мог иметь очень дурной исход, потому что *берегли человека, который своим талантом мог прославить Россию*»⁵².

* Г. А., I В, № 27. [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 27. — Ред.]

Обстоятельства складывались весьма благоприятно для Грибоедова, и, наконец, 24-го февраля он был вызван в комитет и давал пред ним устные показания*. Вечером ему были присланы вопросные пункты, и вечером же Грибоедов написал свои ответы, опять очень обдуманнные и тонко рассчитанные. На них следует остановиться, потому что в них есть черточка его личности. Он давал справедливую, согласную с нашими сведениями, оценку своей личности, когда говорил, что, при всем своем свободомыслии, он далек от образа действий 14-го декабря, что он не оратор возмущения. Тонкой иронией, от которой Грибоедов не мог избавиться даже и в официальных сношениях, звучат строки его ответа: «я ж не только не способен быть оратором возмущения, много если предаюсь избытку искренности в тесном кругу людей кротких и благомыслящих, терпеливо ожидая времени, когда моя служба или имя писателя обратят на меня внимание высшего правительства!»

Грибоедов был глубоко верен себе, когда давал объяснения о русском платье. Любопытно, что комиссия заинтересовалась свидетельством Бестужева о пристрастии Грибоедова к русскому платью и увидела в этом что-то подозрительное. А Грибоедов отвечал очень просто: «русского платья желал я потому, что оно красивее и покойнее фраков и мундиров, а вместе с этим полагал, что оно бы снова сблизило нас с простотою отечественных нравов, сердцу моему чрезвычайно любезных». Это показание перед тайным комитетом невольно вызывает в памяти известный монолог Чацкого в гостиной Фамусова. Чацкий жалуется на пристрастие к иностранной одежде:

И чем наш Север лучше стал,
Что все заветное наследье променял?
И нравы, и язык, и старину святую,
И величавую одежду на другую —
По шутовскому образцу.
Хвост свади; спереди какой-то чудный выем!
и т. д.

А через несколько стихов Чацкий восклицает:

Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев**.

Эта фраза показания еще раз иллюстрирует архаическое своеобразие миросозерцания Грибоедова⁵³. Правда, отсюда

* Г. А., I В, № 26, л. 224 и 226. [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 26, л. 224, 226. — *Ред.*]

** Рукопись комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». М., 1903, с. 92, 93. Рукопись очень удачно восстанавливает вместо читавшегося до сих пор «добрый» — бодрый.

еще далеко до обобщающего положения о Грибоедове — славянофил. Любовь к русскому платью, конечно, характерная, но не менее характерно и его желание государственных преобразований для свободы книгопечатания, о котором говорил на допросе Рылеев.

Как понимать ответ Грибоедова на вопрос: с какой целью он желал свободы книгопечатания в России? Вряд ли он был искренен, когда в своем ответе вносил поправку в показания Бестужева: «я говорил не о безусловной свободе книгопечатания, желал только, чтобы оно не стеснялось своенравием иных цензоров». Мы склонны заподозрить искренность этого показания Грибоедова по весьма простой причине: именно он больше, чем кто-либо другой, мог видеть, что дело все-таки не в своенравии отдельных цензоров, а по соображениям общим, лежащим в основе цензурного института. А как остро чувствовал Грибоедов поражения, наносимые ему цензурой, можно видеть хотя бы из следующей записки, найденной проф. И. А. Шляпкиным в Берлине: «Напрасно, брат, все напрасно. Я что приехал от Фока, то с помощью негодования своего и Одоевского, изорвал в клочки не только эту статью, но даже всякий писанный листок моей руки, который под рукою случился... Коли цензура ваша не пропустит ничего порядочного из моей комедии, нельзя ли вовсе не печатать? — Или пусть укажет на сомнительные места, я бы как-нибудь подделался к общепринятой глупости, урезал бы...»*

До сих пор мы останавливались на теоретической стороне показания Грибоедова; перейдем к разбору его фактического материала.

Итак, все показания участников заговора о принадлежности Грибоедова к их союзу были очень благоприятны для него, за исключением кн. Оболенского. Если бы комитет оценил безграничную искренность показания кн. Оболенского, он придал бы более веры его свидетельству о принадлежности Грибоедова к обществу. Кн. Оболенский в письме к государю утверждал, что Грибоедов был принят в члены общества месяца за два или три до 14-го декабря и вскоре потом уехал. Грибоедов же совершенно отрицал это свидетельство и высказывал предположение, не основано ли оно на том, что за три дня до своего отъезда, он был выбран членом Общества любителей российской словесности⁵⁴, как будто кн. Оболенский мог смешать тайное общество с литературным. Комитет переспросил кн. Оболенского; на этот раз он объяснил, что о принятии Грибоедова он слышал от Рылеева, но времени в точности не

* Вестник всемирной истории, 1900, № 6, с. 88.⁵⁵

помнит: за месяц или за два до отъезда Грибоедова отсюда.

Мы навели справку в бумагах Общества любителей российской словесности, хранящихся в Академии наук, и нашли следующие данные об избрании Грибоедова в члены этого общества. Он был предложен в члены этого общества Д. М. Княжевичем 8-го декабря 1824 года и подвергся баллотировке в заседании 15-го декабря. В этом заседании присутствовали председатель общества Ф. Н. Глинка, секретарь А. А. Никитин, секретарь цензурного комитета П. А. Плетнев, библиотечарь И. К. Аничков, казначей И. Д. Горяинов, члены цензурного комитета — Н. А. Бестужев, Н. Г. Чеславский и действительные члены А. М. и В. М. Княжевичи и С. С. Шаплет. Вместе с Грибоедовым баллотировались, между прочим, Мих. А. Дмитриев, Н. М. Языков, И. И. Козлов, Д. М. Перевошиков, Н. М. Княжевич, К. П. Торсон и др. Грибоедов был избран единогласно в действительные члены. Об избрании было оповещено в ХХІХ книге «Трудов высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности», в отчете о годовичном собрании этого общества 29 декабря 1824 года*. Время отъезда Грибоедова из С.-Петербурга определяется датами двух его писем к С. Н. Бегичеву; одно — из С.-Петербурга от 18-го мая 1825 года, другое — из Киева от 4-го июня 1825 же года. Следовательно, Грибоедов выехал из Петербурга во второй половине мая.

Сопоставим эти данные с показаниями кн. Оболенского. Он ошибался в первом своем ответе, утверждая, что Грибоедов был принят месяца за два или за три до 14-го декабря; во втором он мог быть прав, говоря, что Грибоедов был принят за месяц или за два до его отъезда. Со стороны Оболенского эти неточности объясняются, конечно, невольным запямятованием, но Грибоедов, очевидно, полагаясь на то, что его слов проверить не станут, сказал совершенную неправду о том, что он был принят в члены литературного общества дня за два или за три до своего отъезда: мы уже видели что он был принят в члены Общества любителей российской словесности 15-го декабря 1824 года, и уехал во второй половине мая 1825 года. Забывчивостью Грибоедова никак нельзя объяснить этого разноречия. Нам кажется, можно объяснить противоречия показаний кн. Оболенского и Грибоедова, только предположив, что Грибоедов был действительно принят в члены тайного обще-

* Ч. ХХІХ. 1825, с. 211. Книга эта дозволена цензурой 1-го января 1825 года. Грибоедов назван ошибочно надворным советником, тогда как в это время он был лишь коллежский ассессор (с 17-го янв<аря> 1822 года); в надворные же советники был произведен указом от 8-го июня 1826 г. См.: Русское обозрение, 1895, № 3, с. 392, 393.

ства за несколько дней до своего отъезда из Петербурга. Его участие в обществе, вероятнее всего, было чисто номинальным. Быть может, при отъезде ему дали некоторые поручения в Киев, к членам Южного общества.

В ответах Грибоедова на вопросы о цели его пребывания в Киеве тоже видно стремление свести значение поездки в Киев до минимума. На самом деле, пребывание Грибоедова вовсе не было «самым непродолжительным». Приехал он сюда в самом конце мая⁵⁶ и 10-го июня был еще в Киеве; от этого числа он писал Одоевскому: «меня приглашают неотступно в Бердичев на ярмарку... В Любаре семейство Муравьевых устраивает мне самый приятный прием; боюсь сдать на их веру, не скоро вернешься»⁵⁷. Можно думать, что знакомство с Муравьевыми вовсе не было столь незначительным и мимолетным эпизодом, каким хотел выставить его Грибоедов⁵⁸.

Как бы там ни было, члены комитета, прочитавшие 25-го февраля ответы Грибоедова на вопросные пункты, остались совершенно удовлетворенными. У них не было никакого сомнения в принадлежности Грибоедова к заговору*. Даже скользкое показание об избрании его в члены Вольного общества любителей российской словесности осталось непроверенным, хотя это и не трудно было бы сделать, так как производителем дел в комиссии был некто Ивановский, позднее сподручный Бенкендорфа, который сам был членом этого общества. В журнале LXX заседания комиссии читаем: «*Слушали*:... 4) коллежского асессора Грибоедова, не принадлежал к обществу и существования оно не знал.— Показание о нем сделано кн. Евгением Оболенским I со слов Рылеева. Рылеев же отвечал, что имел намерение принять Грибоедова, но, не видя его склонным ко вступлению в общество, оставили свое намерение; все прочие его членом не почитают. *Положили*: об освобождении Грибоедова с аттестатом представить его императорскому величеству»**.

Журнал заседания был представлен Николаю Павловичу, но он не согласился с представлением комитета. На этом журнале рукою начальника штаба написано карандашом: «*высо-*

* Комиссия не обратила внимание и на следующее показание фон дер Бриггена: «В прошлом 1825 году, в конце июня месяца, перед моим отъездом все общество состояло из Никиты Муравьева, Рылеева, Бестужева, князя Одоевского, князя Оболенского, Сомова и, кажется, Грибоедова». Это показание, не упомянутое мной в первых изданиях моей работы, приведено в статье Н. К. Пиксанова об А. С. Грибоедове в «Истории русской литературы XIX века» под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского. М., 1908, т. 1, гл. VI, с. 201.

** Г. А., I В, № 26, л. 228 об. [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 26, л. 228 об. — *Ред.*]

чайше повелено Грибоедова содержать пока у дежурного генерала»*. Чем объяснить такое отношение императора Николая? Не лишнее отметить, что Николаю Грибоедов был лично известен. Грибоедов встретился с ним у Паскевича. Об этой встрече он писал Бегичеву 10 июня 1824 года**. Весьма вероятно, что в глазах Николая Павловича больше всего компрометировала Грибоедова его близость к Ермолову, к которому государь относился в высшей степени подозрительно. Эта неожиданная резолюция была заслушана комитетом в заседании 7-го марта***. Можно себе представить, как она смутила членов комитета и заставила их думать, что государю известны скрытые от них вины Грибоедова. Резолюция несколько отразилась на положении Грибоедова. Очевидно, к этому времени относится его записка к Булгарину: «Любезный друг. С нами чудные происшествия. Караул приставлен строжайший, причина неизвестная. Между тем, я комитетом оправдан начисто, как стекло. Ивановский, благороднейший человек, в крепости говорил мне самому и всякому гласно, что я немедленно буду освобожден. Притом обхождение со мною как его, так и прочих, было совсем не то, которое имеют с подсудимыми. Казалось, все кончено. Съезди к Ивановскому, он тебя очень любит и уважает; он член Вольного общества любителей российской словесности и много во мне принимал участия. Расскажи ему мое положение и наведайся, чего мне ожидать. У меня желчь так скопляется, что боюсь слечь или скурка спрыгнуть. Да не будь трус, напиши мне, я записку твою сожгу, или передай сведения Ж., а тот перескажет А., а А. найдет способ мне сообщить. Vale»****.

V

Итак, император Николай оставил Грибоедова в подозрении. И наше предположение о том, что Николаю Павловичу Грибоедов казался подозрительным в силу своей близости к Ермолову, подкрепляется характером вопросов, предложенных Грибоедову 15-го марта.

Известно, что Ермолов очень не нравился Николаю Павловичу и даже внушал в нем серьезные опасения. Донесения

* Г. А., I В, № 25, л. 180 [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 25, л. 180 об. — *Ред.*]

** Грибоедов А. С. Полн. собр. соч., т. 1, с. 185.

*** Г. А., I В, № 26, л. 239 [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 26, л. 239. — *Ред.*]

**** Будь здоров (*лат.*). — *Ред.* Грибоедов А. С. Полн. собр. соч., т. 1, с. 216—217. Весьма вероятно, что «Ж» означает Жандра, а «А» — кн. Одоевского.

агентов тайной полиции могли только усилить подозрение императора. В январе 1826 года один из агентов доносил: «все питаются надеждой, что Ермолов с корпусом не примет присяги». Другой сообщал: «слух носился, что корпус под начальством Ермолова не присягал, как равно и вся Грузия — более, — что будто сам Ермолов объявил себя независимым: сии рассказы основываются на том, что якобы курьеры и фельдъегеря, посланные навстречу к нему, все им задержаны, и что якобы ни один оттуда назад не возвратился*».

Уже 12-го декабря 1825 года, в самый день своего воцарения, Николай Павлович писал Дибичу, что он не будет спокоен, пока не получит известий о присяге Ермолова и его корпуса. «Я виноват, — писал государь, — ему менее всех верю**». Понятно, лишь только началось расследование заговора 14-го декабря, тревожной заботой Николая Павловича и следователей явилось желание выяснить размеры тайного движения в корпусе Ермолова и его прикосновенность к этому движению. Материал для расследования дали показания кн. Волконского; со слов А. И. Якубовича, он утверждал, что в Грузии в корпусе Ермолова существует тайное общество, что Ермолов во главе его***. В своих записках Волконский рассказывает, как он сошелся с Якубовичем.

На Кавказе, пишет он, — «я встретился с Александром Ивановичем Якубовичем... При первом знакомстве с ним я убедился, что опала, над ним разразившаяся, явные, нескрываемые прогрессивные убеждения его и при этом заслуженное общее мнение сослуживцев его о нем, как об отличном боевом лице, угнетенном опалой, — все это могло быть мне ручательством, что я встречу в нем сочувствие к общему затеянному делу того общества, в котором я был членом, и я решился узнать от него, точно ли есть тайное общество на Кавказе и какая его цель?»

Постепенно ведя с ним переговоры интимные, судя по его словам, я получил, если не убеждение, то довольно ясное предположение, что существует на Кавказе тайное общество, имеющее целью произвести переворот политический в России, и даже некоторые предположительные данные, что во главе оного сам Алексей Петрович Ермолов, и что участвуют в оном большею частью лица, приближенные к его штабу. Это меня ободрило к большей откровенности, и я уже без околичностей

* Военно-ученый архив, отд. I, № 595-а. [ЦГВИА СССР, ф. В. У. А. № 595, а. — *Ред.*]

** История отношений Николая I к Ермолову изложена, между прочим, в книге Н. К. Шильдера «Император Николай Первый. Его жизнь и царствование». СПб., 1903, т. II, с. 20—30 и далее.

*** Г. А., I В, № 6 [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 6. — *Ред.*].

открыл Якубовичу о существовании нашего тайного общества и предложил ему, чтобы кавказское общество соединилось с Южным всем его составом. На это Якубович мне отвечал: «Действуйте, и мы тоже будем действовать, но каждое общество порознь, а когда придет пора приступить к явному взрыву, мы тогда соединимся. В случае неудачи вашей, мы будем в стороне, и тем будет еще зерно, могущее возродить новую попытку. У нас на Кавказе и более сил, и во главе человек даровитый, известный всей России, а при неудаче общей, здесь край и по местности отдельный, способный к самостоятельности. Около вас сила, вам, вероятно, не сручная, а здесь все наше по преданности общей к Ермолову»*.

Кн. Волконский поверил словам Якубовича и в отчете своем верховной думе рассказал о кавказском обществе. То же он рассказал и перед комитетом. Комитет произвел специальное расследование об обществе при Кавказском корпусе**. Это расследование обнаружило, что тайное общество существовало только в голове пылкого А. И. Якубовича. Конечно, прежде всего комитет запросил его. Он отвечал 6 января следующее: «Князь Сергей Волконский в бытность свою на водах познакомился со мной, предлагал быть в обществе, и хотел знать, есть ли в Грузии таковое же? Ибо видел общее уважение ко мне войск и доверенность начальства; я желал знать подробности, и с кем буду иметь дело, и в чем будут состоять намерения; для сего, чтобы выведать, лгал князю; но я не принадлежу к обществу, и не знаю, есть ли оно в Грузии. Рад, что высокий тайный комитет знает о существовании такового в Грузии, ибо открыв членов увидят мою невинность.— Но я смеялся над князем Сергеем Волконским, с которым даже по его предложению и в сношение по предмету общества не хотел входить, ибо не доверял, чтобы он мог принадлежать к благонамеренным замышляющим улучшить судьбу отечества.— Но не отрекись, я бредил вздор, который давно истребился из моей памяти, и они запросы только что возобновили оные. Клятвенно и честно обязуюсь, подвергая себя возможнейшим истязаниям, что я не знаю о существовании какого-либо общества в Грузии...»***.

Дальше были допрошены Пущин, кн. Оболенский, капитан Муравьев, Рылеев, кн. Трубецкой. Все они отозвались полным

* Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). СПб., 1901, с. 415—416.

** Дело о существовании тайного общества в отдельном Кавказском корпусе — Г. А., I В, № 6 [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 6. — *Ред.*]

*** Г. А., I В, № 6, л. 2 об. [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. 6, л. 2 об. — *Ред.*]

неведением о существовании общества на Кавказе. Кн. Трубецкой, между прочим, показывал: «я спрашивал Рылеева, принадлежит ли Якубович к какому обществу, и есть ли какое общество в корпусе генерала Ермолова? Рылеев отвечал мне, что Якубович сего не открывает. Прибавил только, что у них было намерение уйти куда-то и сделать сечу (подобно бывшим Запорожским), но у кого *у них*, и кто они? и сколько их? Рылеев отозвался совершенным незнанием...»*

Казалось, эти данные, полученные в первой половине января 1826 года, должны были бы убедить комитет, что никакого общества нет, но 15 марта Грибоедов призывался в комитет, и вопросы, предложенные ему здесь, позволяют сделать заключение, что члены комитета все еще тревожились за Грузию. Правда, новый повод к тревогам подало дело Сухачева, о котором Грибоедову предложили целый ряд вопросов. Дело Сухачева совершенно неизвестно в нашей литературе, а так как оно представляет интерес, и бытовой и общественный, то мы позволим себе остановиться на нем несколько подробнее**.

Во время путешествия Николая Павловича по югу России в Ростове появился некий Василий Сухачев, служивший в Грузии по гражданской части. Образ его жизни в Ростове казался тамошнему городничему весьма подозрительным: Сухачев вел жизнь самую уединенную, никого к себе не принимал, занимался письмом и чтением и имел библиотеку из 600 томов. Этих данных оказалось достаточно для того, чтобы арестовать Сухачева и отправить его к таганрогскому градоначальнику Дунаеву. Дунаев разыскал в вещах и бумагах Сухачева кинжал, пару пистолетов, ружье, саблю, злодейское клятвенное обещание, алфавит для тайной переписки, полученный из Одессы, и несколько писем, писанных шифром. Таганрогский градоначальник учинил Сухачеву допрос. Приводим список подлинного акта допроса.

«1826 года марта 1-го дня уволенный из Бендерского малороссийского общества Василий Сухачев, доставленный к его превосходительству господину таганрогскому градоначальнику от ростовского городничего, о жизни и бумагах сомнению подвергающихся, по роду своему заключающих приверженность к тайному обществу — таганрогскою градскою полициею при бытности члена гражданского допрашиван и показал:

* Г. А., I В, № 6, л. 12 [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 6, л. 12. — *Ред.*]

[†] «Дело о Сухачеве» — Г. А., I В, № 155 [ЦГАОР СССР, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 155. — *Ред.*]⁵⁹.

«От роду мне 28 лет, исповедания греко-российского, родился я в Екатеринославской губернии, в городе Новомосковске от отца, тогда бывшего тамошним купцом, Ивана, и матери Ирины Сухачевых, коими в 1809 или прежде того за год, — настояще не припомню — вывезен с другим моим меньшим братом Матвеем, в Кишиневе, должно быть, ныне находящимся, в Бессарабию, где в сословии бендерского малороссийского общества мы все состояли, из коего в конце 1823 года я и брат мой уволены обществом для поступления в статскую службу и получили увольнительное свидетельство. По документу сему, в копии у меня имеющемуся и в Ростове отобранному, засвидетельствованному в верховном грузинском правительстве по исполнительной экспедиции, куда прибыл я в октябре месяце 1824 года и из которого подлинный таковой отослан в Правительствующий Сенат с испрошением определения меня на службу, каковою я там приватно по определению экспедиции и занимался, когда, наконец, в последствии времени, я видел из письма приятеля моего чиновника Котова, прежде служившего в Одесской таможне, а ныне в С.-Петербурге в департаменте внешней торговли, что надежда моя по предмету сему есть тщетная, то в 4 день сентября 1825 года от занятия того увольнен, и с документом, от правительства полученным, отправился тогда же в Россию с тем, чтобы доехать до Одессы, где до отъезда в Грузию проживал семь лет, и там употребить себя по-прежнему в дела коммерческие; в сем намерении достиг в Новочеркасск 5 ноября и тут проживал в доме казака Колесникова вместе с знакомым мне издавна одесским купеческим сыном Александром Протасовым, в должности прикащика по торговле у тамошнего казака Алексея Мандрыкина находящимся, а 4 декабря прибыл в Ростов собственно для того, чтобы распродать библиотеку, которая заключается в шести стах с небольшим книгах, разных лучших сочинителей, и выруча за оную деньги, следовать за оные до Одессы; но как при прожитии в Ростове продать книг я не мог и издержался до крайности, то позаимствовал у вышесказанного Протасова сто рублей, для чего, пред взятием ныне меня ростовским городничим, ездил оттоль в Новочеркасск и за возвратом в Ростов взят под присмотр и отправлен в Таганрог, при взятии каковом отобраны у меня документы и бумаги. Сии последние заключаются: 1-е: в клятве, которая извлечена мною по точным словам из книги театра сочинителя Августа фон-Коцебу, для одного любопытства, да ремарка о добродетели извлечена оттоль без всякого злого умысла. 2-е: ремарка на двух листах о страдании человечества написана из бумаг, но каких, не помню; она извлечена для соображений, на случай встретить-

ся могущих при переписке с приятелями. 3-е: ремарки особых изложений, состоящие на листах под № 16 и 17, заключают в себе описание предков, от коих я происхожу; они написаны от праздности и остались в черновых бумагах. 4-е: письмо, писанное мною к коллежскому секретарю Григорию Степановичу Радулову, служащему верховного грузинского правительства по исполнительной экспедиции в должности секретаря, который есть мне искренний друг и с которым дружество тесное веду я до отъезда его из Одессы в Грузию, то есть с 1822 года; составлено из литег греческих, еврейских, арабских, турецких, китайских, латинских, русских и других, выдуманнных мною, сказанным другом моим Радуловым и третьим нашим другом же Михаилом Константиновичем Арестовым, уволенным из одесского купеческого общества и прибывшим из Одессы в Грузию вместе со мною: в нем заключающиеся слова как то, *что началась уже общая наша независимая переписка*, относились к признательности моей к нему за скорый успех в познании сего нового, нами составленного иероглифа, а советовал я ему, *чтобы не жалел водки, вина и угольев подогреть самовар для насыщения лакомой утробы подъячих*, по резону тому, что он жаловался мне письмом, которое должно быть в других моих или его бумагах, на притеснения, ему делаемые в каком-то присутственном месте проволочкою совершением по доверию крепостного акта на дом одесского купца Катле. 5-е: в письме другом, писанном к тому же Радулову 24 мая 1822 года тогда, когда он находился еще в Херсоне, я выразил по вновь составленному иероглифу, что о свидетельстве надобно, чтобы оно было взято не от одного заседателя, а от всего суда; обстоятельство сие изобретенным нами литерами написано собственно с одной глупости и шалости, о документе же названном свидетельством, о котором писал я ему, он должен был по личным нашим советам спросить членов тираспольского земского суда, в который я имел намерение поступить на службу, располагая о таковой, если бы тогда удалось быть определены получить сей документ. 6-е: некоторые извлечения из опытов нравственности Шатобриана и других писателей вчерне на 6 листах имелись у меня для одного любопытства. 7-е: письмо, писанное мною на пяти листах к служащему в канцелярии его сиятельства господина новороссийского генерал-губернатора графа Воронцова, неизвестного мне чина, Михайле Николаевичу Леонтьеву, коего я письмом сим уговаривал о непадении в заблуждение православной религии; с чиновником сим знаком я с 1823 года, то есть со времени отъезда моего из Одессы в Тифлис, другой же переписки никакой с ним ведено не было. 8-е: бумаги под заглавием:

«Несправедливое истребление воинства», на 8 листах писана вышереченном другом моим Радуловым, с бумагами коего я при отъезде и сию захватил; но отколь она собственно его рукою выписана и на какой конец, мне неизвестно; и я у него не спрашивал. 9-е: рескрипт в списке покойного государя императора к княгине Кутузовой, писанный рукою Радулова, взят мною вместе с бумагою, под заглавием «несправедливое истребление воинства»; и для чего сия последняя присоединена к первой Радуловым — не знаю. 10-е: письмо, писанное мною на двух листах от 29 мая 1825 года к одесскому купцу Вонифатию Ивановичу Картамишеву, я уговаривал его удалять себя от печали по случаю потери им значительного по торговле капитала. 11-е: при письме на 2-х листах, писанном ко мне от служащего в одесском карантине чиновника Прядина, прислано описание Харьковского бульвара. 12-е: два письма, писанные, одно на немецком, а другое на польском диалекте служащим верховного грузинского правительства в исполнительной экспедиции чиновником Кульским к одесским жителям Бояти и Депау, но что они в себе заключают — перестать я не могу, получены же они мною для доставления по случаю отъезда в Одессу. 13-е: письмо, полученное мною от секретаря Радулова на 10 листах, коим он еще приглашал меня в Грузию на службу и по коему туда было я и поехал. 14-е: другое письмо его же, Радулова, тоже пригласительное о скорейшем туда отъезде и при нем грузинская азбука, писанная его рукою, все сие на 16 листах. 15-е: черновое письмо, писанное мною в Одессу к знакомому мне купцу Видулу Артемьевичу Пашкову, которым я его уведомял о своих обстоятельствах, на 8 листах. 16-е: азбука гиероглифически писана рукою вышесказанного друга моего ныне уволенного из одесского купеческого общества, в Грузии находящегося, но в каком месте, о том знать должен Радулов, Михаилом Арестовым; в азбуке сей выражение «храм общества независимых» означает союз трех нас друзей и таковых же еще собственно моею рукою писанных пять, да одна пустая записка, Арестовым писанная литерами гиероглифическими. 17-е: обнаружение прав человека и гражданина, писанное рукою исправлявшего в одесском Ришельевском лицее должность профессора, г. Егором Шкляревичем, которым бумага сия и переведена из французского экземпляра, находящегося должно быть и ныне у Арестова и которое имею для одного любопытства, а ничуть не для руководства какого-либо на 2 листах. 18-е: каталог книг российских, французских, итальянских, латинских, арабских и, частью, немецких, которые принадлежат собственно мне и находятся в Ростове, я сделал для проверки. Сколько бу-

маги, у меня найденные по случившимся в прошлом году в столице от вольнодумства мятежам, подвергают меня сомнению, столько я, не чувствуя сего пагубного за собою последствия, надеюсь оправдаться и правительство уверить, что все то происходило от глупости и извлекалось для любопытства из книг разных сочинителей, коими все мы начитаны. Что касается до отобранных у меня в Ростове двух кинжалов, двух пистолетов, из коих один в серебряной оправе, одной черкесской шашки и ружья, то все сие оружие вывезено мною из Грузии вместо редкостей, а более для предосторожности в горах и Кабардинских степях, чрез которые я проезжал. Судим по суду не был, к тайным обществам и масонским ложам не принадлежу и никогда не принадлежал, с людьми, общества сии основавшими или к оным принадлежащими, сношения не имел, и кто они такие, да и есть ли где, совершенно не ведаю. В действительной справедливости всего мною изъясненного, подписался. Добавляю притом, что чиновника Леонтьева отворачая от заблуждения побуждался потому, что я, быв с ним в Одессе знаком, слышал не однажды от него, что он, придерживаясь философии женевского сочинителя Жан-Жака Руссо, не соглашался во всем с христианскою религиєю и говаривал, согласно моему сочинению, что она хороша, но иногда может быть и вредна; принял же я, Радулов и Арестов на себя независимость и употребляли произношение сие в письмах не с умыслом каким-либо злым, а собственно потому, что мы считали себя независимыми в сотовариществе и дружестве по одной только переписке, что удостоверяется и тем, что ни один из знакомцев моих, исключая сказанных друзей, не употреблял в письмах у меня найденных гиероглифических слов, употребление коих тремя нами не во зло открылось поверкою, ибо во всех словах, под литерами сими найденных, ни одного вредного произношения не отыскано, исключая независимости и других глупостей.— Подлинное подписал уволенный из бендерского малороссийского общества Василий Иванов сын Сухачев своеручно. Присутствовали: полицмейстер Апсеитов, пристав Лохвицкий, заседатель Малаксианов».

О деле Сухачева сообщил в Петербург ген.-ад. П. М. Волконский. Следственная комиссия собрала сведения, по которым оказалось, что никто из членов общества Сухачева не знал. Дальнейшее расследование этого дела было по высочайшему повелению поручено графу Воронцову. Граф Воронцов отвечал, что следствие по делу Сухачева уже кончено и что он, прочитав все дело, не нашел ничего, доказывающего злой умысел Сухачева. Дальнейшая сего «тайного человека» судьба неизвестна.

Но возвращаемся к Грибоедову. Понятно, что комитет не мог найти за ним никакой вины по делу о тайном обществе при корпусе генерала Ермолова. На поставленные ему 15-го марта вопросы Грибоедов отвечал полнейшим отрицанием какого-либо его посредничества в сношениях между обществами, Южным и Кавказским. 16-го марта ответы Грибоедова были прочитаны и приняты к сведению*. На этом и было покончено расследование о Грибоедове, но обескураженный резолюцией царя Грибоедов продолжал сидеть под арестом в главном штабе. Только заканчивая свои занятия, комитет в СХIV заседания 31 мая решил возобновить представление об освобождении Грибоедова и представить государю о нем записку**. Эта записка была подписана флигель-адъютантом полковником Адлербергом 1***. На этот раз представление комитета увенчалось успехом.

2-го июня 1826 года за № 765 военный министр известил дежурного генерала Главного штаба об освобождении Грибоедова****, и 2-го же июня за № 768 дежурный генерал получил предписание «представить к начальнику главного штаба освобожденного из-под ареста коллежского асессора Грибоедова при офицере»⁶⁰.

3-го июня⁶¹ 1826 года за № 762 военный министр отправил командующему Кавказским отдельным корпусом следующую бумагу:

«Вытребованный сюда на основании известной вашему высокопревосходительству высочайшей воли коллежский асессор Грибоедов, на коего упало подозрение в принадлежности к тайному злоумышленному Обществу, по учиненном исследовании оказался совершенно неприкосновенным к сему.

Вследствие чего по повелению его императорского величества освобожден из-под ареста с выдачею аттестата, свидетельствующего о его невинности, и на обратное следование к своему месту снабжен прогонными и на путевые издержки деньгами.

* Г. А., I В, № 26, л. 263, 267 [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 26, л. 263, 267. — *Ред.*]

** Г. А., I В, № 26, л. 538 [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 26, л. 538. — *Ред.*]⁶²

*** Г. А., I В, № 37, л. 9 [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 37, л. 16. — *Ред.*]⁶³

**** Г. А., I В, № 37, л. 16 [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 37, л. 16. — *Ред.*]⁶⁴

О чем долгом считаю ваше высокопревосходительство уведомить»*.

4-го июня** Грибоедов был освобожден и через несколько дней получил следующий аттестат***:

«АТТЕСТАТ

По высочайшему его императорского величества повелению комиссия для изыскания о злоумышленном Обществе сим свидетельствует, что коллежский ассessor Александр Сергеев сын Грибоедов, как по исследованию найдено, членом того Общества не был и в злонамеренной цели оного участия не принимал. С.-Петербург Июня 9 дня 1826 года»⁶⁵.

Хотя военный министр и уведомил 3-го июня Ермолова, что Грибоедову выданы прогонные деньги, однако Грибоедов получил их еще не так скоро. По крайней мере во входящий журнал следственной комиссии под 11-го июня за № 1200 внесен рапорт Грибоедова о «выдаче ему подорожной и прогонных денег». В журнале и находим и отметку об исполнении: «писано 8 класса Карасевскому 11-го июня № 855»****.

Указ Сената о производстве Грибоедова в надворные советники был дан 8-го июля за № 32476.

Приведенными сведениями исчерпываются официальные данные об участии Грибоедова в заговоре 1825 года. К материалам, извлекаемым из следственных дел, нужно относиться с большой осторожностью; каждое слово в них требует критической проверки. Даже после тех немногочисленных комментариев, которые мы дали, напрашивается вывод, как раз прямо противоположный сделанному комитетом. Надо думать, что Грибоедов не только идейно был близок к декабристам, но и был избран ими в члены тайного общества. За краткостью времени он не мог проявить деятельного участия, но соображая склад его мирозерцания, свойства его характера, можно допускать, что участие его в обществе было бы незаурядным: наверное, он был бы не рядовым членом, а вождем. Но вопрос о том, был ли принят Грибоедов в члены тайного общества, исполнил ли он некоторые тайные поручения или нет, мог интересовать следователей-современников, а в настоящее

* Г. А. I В, № 37, л. 23 [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 37, л. 19. — *Ред.*]

** Г. А., I В, И 32, л. 130 [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 130. — *Ред.*]⁶⁶

*** Г. А., I В, № 37, л. 23 [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 37, л. 23. — *Ред.*]

**** Г. А., I В, № 27 [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 27. — *Ред.*]⁶⁷

время представляет интерес для биографов Грибоедова, но для исследователей-историков русской общественной и литературной жизни — он не имеет большого значения. Нам важно отметить идейное влияние декабристов на жизнь и творчество Грибоедова. Пусть будет достовернейшим образом доказано, что Грибоедов не был членом тайного общества, но мы все-таки не изменим нашего представления о том, что Грибоедова должно считать представителем общественного движения 20-х годов и близким сторонником декабристов, разделявшим во многом их теоретические убеждения.

ПУШКИН И Н. М. РЫЛЕЕВА

(ПИСЬМО БАРА<ОНА> А. А. ДЕЛЬВИГА
К А. С. ПУШКИНУ)*

В 1904 году С. Н. Шубинский передал в мое распоряжение¹ неизданное письмо барона А. А. Дельвига к Пушкину. Письмо это, переданное мной в Пушкинский Дом, следующего содержания:

«Здравия желаю Александру милому и поздравляю с Новым годом. «Цыганы» твои пропущены цензурою дочиста² и мною доставлены Бенкендорфу. Выйдут от него и будут печататься³. Рылеевой я из своего долга заплатил 600 рублей. В остатке у меня осталось 1600 р., которые при появлении Цветов сполна заплатятся. За 19-е Октября благодарю тебя с Лицейскими скотами и братцами вместе. Пиши ради бога ко мне, ты ни на одно письмо мое не отвечаешь. Странно для меня, как ты не отвечал на последнее. Оно заключало другое письмо, которое, если не тронуло тебя, то ты не поэт, а камень⁴. Осипова тебе кланяется, я с ней часто говорю о тебе и вместе грустим. Нынче буду обедать у ваших, провожать Льва⁵. Увижу твою нянюшку и Анну Петровну Керн, которая (между нами) вскружила совершенно голову твоему брату Льву⁶. Ты, слышу, хочешь жениться⁷, благословляю — только привози сюда жену, познакомиться с моею. Прощай. Дельвиг».

Дельвиг представил «Цыган» вместе с четырьмя другими пьесами Пушкина графу Бенкендорфу 23 февраля 1827 г. «А. С. Пушкин, — писал Дельвиг Бенкендорфу, — убедительно просит Ваше превосходительство скорее решить, достойны ли они и могут ли быть пропущены». Так говорил Дельвиг о «Цыганах», уже пропущенных 4 марта. Бенкендорф возвратил ру-

* Впервые напечатано в «Былом», 1906, № 5, с. 139—140 под заглавием «Письмо А. А. Дельвига к А. С. Пушкину» [XIII, 317—318.—*Ред.*].

кописи Дельвигу при следующем письме: «Возвращая при сем доставленные Вами ко мне сочинения А. С. Пушкина, долгом считаю присовокупить, что я ответ мой отправил прямо к Александру Сергеевичу. Сколько меня ни удивило посредничество Ваше в сем деле, но мне приятно Вас уверить в чувствах почтения, с коими имею честь быть» и т. д.*

Эти данные позволяют датировать письмо Дельвига. Оно написано в 1827 году, не раньше 23 февраля и не позже 4 марта⁸.

П. А. Плетнев, заведовавший изданием «Стихотворений Александра Пушкина» (вышли из цензуры 9 октября 1825 года), сообщал 21 января 1826 года своему доверителю о том, что из имевшихся в его распоряжении денег поэта Дельвиг выпросил на некоторое время 2000 рублей (XIII, 255).

Около 15 февраля 1826 года Пушкин писал Дельвигу: «Ты взял 2000 у меня и хорошо сделал, но сделай так, чтоб прежде вел<икого> поста они находились опять у Плетнева» (XIII, 260)⁹. А 7—8 марта того же года Пушкин наказывал Плетневу: «Деньги мои держи крепко, никому не давай. Они мне нужны.— Сдери долг и с<Дельвига>» (XIII, 266). Дельвиг 7 апреля отвечал Пушкину: «Деньги твои я взял, как хороший министр финансов, т. е. назначил Плетневу источник уплаты: я купил у Баратынского Эду и его Сочинения, и Эда, продаваясь, в скором времени, погасит совершенно мой долг» (XIII, 271)¹⁰. А в письме кн. Вяземского к Пушкину от 12 июня 1826 года Дельвиг сделал приписку 14 июня и относительно денег сообщил своему другу: «От Эды деньги скоро накопятся. Отдам их Плетневу или кому велишь» (XIII, 285).

Но деньги накопились не так скоро. 18 января 1827 года Плетнев, давая Пушкину хозяйственный отчет по его делам, указывал, что от Дельвига он не получил еще данных ему в долг из денег поэта 2200 рублей (XIII, 318). Значит, кроме 2000, Дельвиг успел взять или взял раньше еще 200 рублей.

Но Пушкин уже придумал назначение части своих денег. 13 июля 1826 года был казнен Кондратий Федорович Рылеев, и Пушкин пожелал помочь его жене. В не дошедшем до нас и не полученном Плетневым письме Пушкин просил его выдать вдове Рылеева 600 руб.; потом он напомнил об этом в письме, не дошедшем до нас. 2 января 1827 года Плетнев писал Пушкину: «о выдаче 600 руб. вдове Кондрат<ия> никогда ты мне не писал и только в первый раз я это вижу в последнем твоём письме. Сле-

* «Дела III Отделения с. е. в. канцелярии о А. С. Пушкине», изд. С. Сухониным. СПб., 1906, с. 44 [XIII, 319].

д<овательно>, эта статья не числится у меня ни в расходе, ни в долгу» (XIII, 316). Когда Плетнев отправил Пушкину это письмо, он получил от него новсе послание, о п я т ь - т а к и д о нас не дошедшее, в котором поэт запрашивал его, почему не вручены деньги Н. М. Рылеевой. 18 января 1827 года Плетнев должен был сообщить Пушкину: «В последнем к тебе письме своем от 2 января 1827 года (которого, кажется, еще ты не получил) я объяснил, почему не мог ни во Псков послать 2000 рублей, ни доставить 600 руб. вдове Кондр<атия>» (XIII, 318). В этом письме Плетнев сделал подсчет всех сумм Пушкина и выслал ему все бывшие у него на руках деньги. Тогда Пушкин, в письме, до нас не дошедшем, просил Дельвига вручить 600 рублей Н. М. Рылеевой. Дельвиг исполнил просьбу поэта, или, вернее, поручил ее выполнение О. М. Сомову¹¹. Сомов выплатил 300 рублей Прасковье Михайловне Бестужевой, матери А. А. Бестужева, и 300 рублей Анне Федоровне Федоровой, побочной сестре Рылеева*. Какие деньги выплачивались по настоячивому требованию Пушкина, ясно видно из той расписки, которую должна была дать О. М. Сомову Н. М. Рылева: «Я, нижеподписавшаяся, дала сию расписку О. М. Сомову в том, что получила я чрез него от Александра Сергеевича Пушкина денег шесть сот рублей, возвращенные им за взятые обратно его стихотворения, кои должны были помещены быть в Альманахе *Звездочка*. Из сих денег г. Сомов по поручению моему доставил триста рублей Прасковье Михайловне Бестужевой, следовавших на часть сына ее Александра Александровича; а другую половину, по моему же назначению, г. Сомов доставил девице Анне Федоровне Федоровой. В чем и подписуюсь»**.

Альманах «Звездочка» должен был продолжать «Полярную звезду», по мысли ее редакторов и издателей К. Ф. Рылева и А. А. Бестужева, но после событий декабрьской революции 1825 года альманах «Звездочка» уже не мог увидеть света.

* См.: Измайлов Н. В. Из бумаг К. Ф. Рылеева. — Памяти декабристов. Сб. материалов. Л., Академия наук СССР, 1926, т. I, с. 146—147. [Письмо О. М. Сомова Н. М. Рылеевой от 18 марта 1827 г.]

** Там же, с. 147. [Расписка от 4 августа 1827 г.]

О «РУССКИХ ЖЕНЩИНАХ» НЕКРАСОВА

В СВЯЗИ С ВОПРОСОМ О ЮРИДИЧЕСКИХ ПРАВАХ ЖЕН ДЕКАБРИСТОВ

I

Всем нам, конечно, хорошо известна вдохновенная поэма Н. А. Некрасова о подвиге любви и самоотвержения двух «русских женщин» — княгини Екатерины Ивановны Трубецкой (урожденной графини Лаваль) и княгини Марии Николаевны Волконской (урожденной Раевской)¹. Для так называемой большой публики эта поэма является чуть ли не единственным источником сведений о женах декабристов. Правда, это художественное произведение, вопреки всяким толкам о преувеличениях, очень точно и правдиво в своих описаниях и, как увидим ниже, до некоторой степени может заменять официальные документы. Но, понятно, сообщаемые в «Русских женщинах» фактические данные слишком недостаточны; за героическими образами Трубецкой и Волконской не видно лиц других «русских женщин», последовавших за своими мужьями в безвестную Сибирь, на каторжную жизнь и не уступавших в героизме героиням поэмы.

Жены декабристов не дождалась еще своей истории, которой они так достойны. Воспитанник декабристов доктор Н. А. Белоголовый в своих воспоминаниях ярко рисует то значение, которое должна бы иметь история этих героических женщин: «Нельзя не пожалеть,— пишет он,— что такие высокие и цельные по своей нравственной силе типы русских женщин, какими были жены декабристов, не нашли до сих пор ни должной оценки, ни своего Плутарха, потому что, если революционная деятельность декабристов мужей, по условиям времени, не допускает нас относиться к ним с совершенным объективизмом и историческим беспристрастием, то ничто не мешает признать в их женах такие классические образцы самоотверженной любви, самопожертвования и необычайной энергии, образцы, какими вправе гордиться страна, вырастив-

шая их, и которые без всякого зазора и независимо всякой политической тенденциозности могли служить в женской педагогике во многих отношениях идеальными примерами для будущих поколений»*.

Было бы очень жаль, если бы жены декабристов не дождались своего Плутарха и умерли для нас, как живые женщины своей эпохи. Они уже готовы войти в историю в обычной маске эпических героинь, для характеристики которых в историческом арсенале всегда хранится целый ряд постоянных эпитетов. Наши данные о женах декабристов, к сожалению, не только скудны и незначительны, но и односторонни. У нас слишком мало фактических сведений, и авторы воспоминаний и записок, преклоняющиеся перед подвижничеством женщин, ограничиваются искренними общими местами; они, правда, не знают, какие еще подобрать эпитеты для их самоотречения, энергии, доброты, любви, но, за крайне редкими исключениями, не дают ярких черт, которые обрисовали бы перед нами живого человека. До полнейшей абстракции в характеристике жен декабристов дошел кн. А. И. Одоевский в своем известном трогательном и красивом стихотворении «Кн. М. Н. Волконской». Когда говорят о героических женщинах, неизменно цитируют это стихотворение:

Был край, слезам и скорби посвященный,
Восточный край, где розовой зарей
Луч радостный, на небе том рожденный,
Не улаждал страдальческих очей;
Где душен был и воздух вечно ясный,
И узникам кров светлый докучал,
И весь обзор обширный и прекрасный,
Мучительно на волю вызывал.

Вдруг ангелы с лазури низлетели
С отрадою к страдальцам той страны,
Но прежде свой небесный дух одели
В прозрачные земные пелены.
И вестники благие Провиденья
Явились, как дочери земли,
И узникам, с улыбкой утешенья,
Любовь и мир душевный принесли.

И каждый день садились у ограды,
И сквозь нее небесные уста
По капле им точили мед отрады...
С тех пор лились в темнице дни, лета;
В затворниках печали все уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтоб ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрыва своего².

* Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. М., 1897, с. 31—32.

Конечно, эти стихи так выпукло рисуют все, что эти женщины сделали для декабристов, но мы не улавливаем их образов. А как раз для того, чтобы их история имела для нас то значение, о котором говорит доктор Н. А. Белоголовый, нужно, чтоб они ожили, встали перед нами, облеченные плотью и кровью.

Нас интересуют их живые лица и те глубокие психологические мотивы, которые заставили их порвать нить своей жизни и идти в неизвестность. Одни из них стремились воплотить идеалы кроткой супружеской любви и верности; для них подвиг самоотречения является в известном смысле пассивным, так как с необходимостью вытекал из обязанностей, налагаемых супружеской связью. Таковы были княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая, умная и необыкновенно кроткая женщина; баронесса Анна Васильевна Розен (урожденная Малиновская); Александра Ивановна Давыдова; Елизавета Петровна Нарышкина (урожденная графиня Коновницына), нервная, барышненная и замкнутая женщина, которая чувствовала себя одинокою в ссылке; Александра Васильевна Ентальцева. К ним, кажется, нужно прибавить и Марию Казимировну Юшневскую, о которой мы почти ничего не знаем³.

Для Прасковьи Егоровны Анненковой (урожденной Гебль) и Камиллы Петровны Ивашевой (урожденной Ле-Дантю) путешествие в Сибирь было подвигом страстной любви. Одна, Ивашева, до отъезда в Сибирь, ни слова не сказала о своей любви к Ивашеву, но она буквально сгорала от любви к нему. После осуждения Ивашева она занемогла, долго болела, отказывала женихам и никому, даже матери, не говорила о своем тайном горе. Только в марте 1830 года — почти через четыре года после отправления Ивашева в Сибирь — она открыла свое сердце матери и просила разрешить ей отправиться в Сибирь.

«Могу ли я, — говорила она, — разделить участь человека, которого я долго любила, как брата, и которого я продолжала уважать за его несомненные достоинства, хотя несчастье и обрушилось на него по воле судьбы? Скажите, дорогая матушка, способны ли вы расстаться с дочерью, если б я хоть чем-нибудь могла утешить Базиля?»

— Я бы не поколебалась, — отвечала ей мать, — если б была уверена, что жертва моя может возратить тебе здоровье, успокоить тебя и послужить к доставлению счастья тем, кто так его достоин. Но, милая дочь, ты любишь того, кто и не подзревает о твоём чувстве. Ты о нём думаешь, а твое присутствие, может быть, было бы ему в тягость; наконец, если б даже он и обратил внимание на твоё предложение, полагаешь ли ты, что он так же готов принять его и не имеет весьма ос-

новательных причин отказаться от счастья именно из-за жертвы, на которую ты готова?

Камилла предвидела все эти возражения и, оправдываясь в скрытности, которою упрекала ее мать, говорила ей: «Я сама считала свои надежды неосуществимыми вследствие голоса рассудка, который доказывал мне то же самое, что и вы. Но бросим разговор об этом. Если мне суждено отказаться от любимой мечты, то я постараюсь преодолеть свое безрассудное желание. Мне ничего не нужно. Я отказываюсь от сватовства г. Санси. Я не могу выйти замуж»⁴.

История Полины Поль, дочери французского полковника George Geable, убитого в Испании гверильясами, тоже необыкновенна. 16-го мая при проезде императора Николая I через Вязьму Полина Поль подала государю прошение, в котором просила разрешения отправиться в Сибирь для вступления в брак с государственным преступником Анненковым, отцом ее дочери. Прощение ярко рисует личность Полины Поль. «Ваше величество! — писала она. — Позвольте матери припасть к стопам вашего величества и просить как милости, разрешения разделить ссылку ее гражданского супруга (époux naturel). Религия, ваша воля, государь, и закон научат нас, как исправить нашу ошибку. Я всецело жертвую собою человеку, без которого я не могу долее жить: это самое пламенное мое желание. Я была бы его законной супругою в глазах церкви и перед законом, если бы я захотела преступить правила деликатности. Я не знала о его виновности; мы соединились неразрывными узами. Для меня было достаточно его любви... Милосердие есть отличительное свойство царской семьи. Мы видим столько примеров этому в летописях России, что я осмеливаюсь надеяться, что ваше величество последуете естественному внушению своего великодушного сердца.

В ссылке я буду, ваше величество, благоговейно исполнять все ваши повеления. Мы будем благословлять священную руку, которая сохранит нам жизнь, бесспорно, весьма тяжкую! Но мы употребим все силы, чтобы наставить нашу возлюбленную дочь на путь добродетели и чести. Мы будем молить бога о том, чтобы он увенчал вас славою. Мы будем просить его, чтобы он излил на ваше величество и ваше августейшее семейство все свои благодеяния.

Соблаговолите, ваше величество, открыть ваше великое сердце состраданию, дозволив мне в виде особой милости, разделить его изгнание. Я откажусь от своего отечества и готова всецело подчиниться вашим законам. У подножия вашего престола молю на коленях об этой милости... надеюсь на нее!..»⁵

Император Николай был милостив: он не только разрешил

ей ехать в Сибирь, но и приказал выдать 3000 рублей на расходы.

По сложности и тонкости духовной организации из женщин выделяются Марья Николаевна Волконская и Наталья Дмитриевна Фонвизина (урожд. Апухтина). У Волконской была неукротимая и боевая натура: для нее подневольное путешествие в Сибирь являлось подвигом борьбы. Ее очень хорошо характеризует барон Розен в своих записках: «М. Н. Волконская, молодая, стройная, более высокого, чем среднего роста, брюнетка с горящими глазами, с полусмуглым лицом, с немного вздернутым носом, с гордою, но плавною походкою получила у нас прозвание «la fille du Gange», девы Ганга; она никогда не выказывала грусти, была любезна с товарищами мужа, но горда и взыскательна с комендантом и начальником острога»⁶. Она любила жизнь и брала ее с бою.

Не менее Волконской привлекательна для нас личность Н. Д. Фонвизиной, прямо противоположная ей во многих отношениях. Экзальтированная натура, мистик по своему внутреннему существу, Н. Д. Фонвизина жаждала подвига самоотречения и самоистязания. Многими чертами своего характера, поэтического и набожного, она напоминает Катерину в «Грозе». «Виды природы, тишина полей и лесов всегда на меня действуют, — писала она. — Особенно люблю я воду! Не знаю, отчего, но, когда я вижу реки или озера, мне становится как-то тоскливо по небесной отчизне...»⁷ Ей нужен был подвиг, не тот, так другой. В юности, за год до своего замужества, она стремилась к аскетическому подвигу, и она сделала попытку бежать в мужской одежде в монастырь. «Жизнь в миру, какою все живут, этот житейский быт, показался ей смертью». Когда она вышла замуж и мужу предстояла ссылка, подвиг представился сам собой. «Как птица, вырвавшаяся из клетки, полечу я к моему возлюбленному, делить с ним бедствия и всякие скорби и соединиться с ним снова на жизнь и смерть», — писала она о себе. Любопытно, что в жизни Н. Д. Фонвизиной был эпизод, напоминающий о пушкинской Татьяне; по крайней мере, она сама и ее друзья, среди которых был и И. И. Пущин, были убеждены, что Пушкин с нее писал Татьяну...⁸

Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на них
Без борьбы, без усилья
Выше мраков земных...

На крыльях подвига взлетела Н. Д. Фонвизина. Ее сибирская жизнь полна сложнейших, мистических переживаний. Как трогательно и грустно звучат ее признания: «Терзаюсь, страдаю — и только!.. Верно ты подумаешь: почему бы не молитъ-

ся, и я так же думаю. Да ведь господь дает молитву молящемуся. Я как будто и молюсь, и сердце до краев полно, да что толку? лучше бы уж прежняя пустота, чем теснота теперешняя... Свет-то мои цветочки прежние! Прекрасные творения божии! Как легко было бы мне любить их! Как дитя неразумное возилась с ними! И горе, и заботы, и душевные волнения исчезали при виде их и тонули в их благоухании!.. А теперь, Боже, Боже мой! И цветы бы мои все разнесло и поломало внутренним ураганом, все коверкающим, все исторгающим до корней в моей духовной области*⁹.

II

В дальнейшем изложении мы остановимся на одном моменте в истории жен декабристов — на отношениях к ним высшей власти. Известно, что император Николай Павлович имел непосредственный надзор над всем, что так или иначе касалось отбывающих наказание декабристов: все изменения, даже самые малейшие, в их житейском обиходе, совершались только на основании высочайших распоряжений. Перебирая все мероприятия о декабристах, совершенные по инициативе Николая Павловича, нужно признать, что он до самого конца дней своих не изменил своему отношению к ним, суровому и жестокому. До самой своей смерти император смотрел на де-

* Данные о «женах декабристов» сгруппированы в статье М. М. Хина (Исторический вестник, 1884, № 12, с. 650—683). Здесь же дан библиографический список, который нужно пополнить следующими указаниями. Много данных рассеяно в книге А. И. Дмитриева-Мамонова «Декабристы в Западной Сибири. Очерк по официальным документам» (М., 1895) и в «Записках» С. Г. Волконского (2-е изд.: СПб., 1902). Сведения о М. Н. Волконской — в последней книге и имеющих выйти в свет ее «Записках»¹⁰, о Н. Д. Фонвизиной — в статье М. Д. Францевой «Михаил Александрович Фонвизин» (Русская старина, 1885, № 11) и в ее же «Воспоминаниях» (Исторический вестник, 1888, № 5—7), в статье «Наталья Дмитриевна Фонвизина (Из бумаг протоиерея Знаменского)» в «Литературном сборнике», изд. ред. «Восточного обозрения». Собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке, под ред. Н. М. Ядринцева (СПб., 1885, с. 207—248) и, наконец, в обстоятельной статье В. И. Шенрока «Одна из жен декабристов» (Русское богатство, 1894, кн. 11 и 12); о К. П. Ивашевой в статье М. А. Веневитинова «Роман декабриста» (Русская мысль, 1885, № 10); об П. Е. Анненковой — в заметке Л. Грове на статью «Из записок Н. И. Греча» (Русский вестник, 1868, № 12, с. 703—704); в рассказах самой Анненковой (Русская старина, 1888, № 1—5), в статье «Император Николай I и семейство декабриста Ивана Александровича Анненкова» (Русская старина, 1901, № 3); о М. К. Юшневской — в «Воспоминаниях» Н. А. Белоголового [с. 34—35. — *Ред.*]; об А. В. Розен в некрологе (Друг женщины, 1884, № 2, с. 136—138); о Е. П. Нарышкиной в некрологе (День, 1863, № 3, и Библиотеке для чтения, 1863, № 1, с. 248).

жабристов не только как на государственных преступников, но как на своих личных врагов. В известном труде Н. К. Шильдера читаем следующие строки: «Происшествия 14-го декабря произвели на него тяжкое впечатление, отразившееся на характере правления всего последовавшего затем тридцатилетия. Укажем здесь на подходящее к разбираемым событиям явление: императору Александру I никогда не удалось одолеть прискорбное припоминание о событиях 11-го марта 1801 года, среди которых совершилось его воцарение, как преемника Павла I. К несчастью, самый факт немирного воцарения повторился снова в 1825 году, хотя и в иной форме. «Никто... не в состоянии понять ту жгучую боль, которую испытываю я и буду испытывать во всю жизнь при воспоминании об этом ужасном дне», — признался Николай Павлович французскому послу Лаферронэ вскоре после своего воцарения»¹¹. Таким образом, «несомненно устанавливается факт, что воспоминание о мятеже 14-го декабря и связанном с ним обширном заговоре должно было оставить в уме императора Николая неизгладимые следы, от которых он действительно не мог освободиться до смертного одра»*.

Понятно, что отношения Николая Павловича к декабристам, осложненные чисто личными переживаниями, были слишком нервны и неровны и, в первую очередь, не могли не отразиться на отношениях к их женам, представлявшим в глазах всех окружавших государя замечательный пример супружеской любви и самоотвержения. В 1851 году и Николай Павлович признал их подвижничество, сказав в разговоре: «C'était un trait de dévouement digne de respect, d'autant plus qu'on voyait si souvent le contraire»**. Но нужно сказать, что в 1826—1830 годах Николай Павлович сделал все возможное, чтобы убедить жен декабристов отказаться от совершения подвига. Правда, манифест, подписанный в самый день казни декабристов, кончался следующими строками: «Наконец, склоняем мы особенное внимание на положение семейств, от коих преступлением отпали родственные их члены. Во все продолжение сего дела, сострадаю искренно прискорбным их чувством, мы вменяем себе долгом удостоверять их, что в глазах наших союз родства передает потомству славу деяний, предками стяжанную, но не омрачает бесчестием за личные пороки или преступления. Да не дерзнет никто вменять их по родству кому-либо в укоризну:

* Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1903, т. I, с. 311—312.

** «Это было проявление преданности, достойное уважения, тем более, так часто приходится наблюдать противоположное» (франц.). — *Ред*¹².

сие запрещает закон гражданский, а более еще закон христианский». Мы увидим ниже, что само высшее начальство не последовало благому воззванию манифеста и сочувствие жен декабристов своим мужьям готово было считать преступлением.

После казни декабристов император Николай писал князю А. Н. Голицыну: «*Tout est fini; restent les veuves, c'est mon cher Galitzine que je charge de ce dont vous chargerez, j'en suis bien sûr, avec plaisir; faites savoir des nouvelles de la pauvre Riléeff et dites lui que je lui demande qu'elle dispose de moi en toute occasion et que j'espère qu'elle ne me refusera pas de m'en informer toujours de ce dont elle peut avoir besoin. De même sachez, je vous prie, ce que font la Mourawiew Nikita et la Troubetzkoy. Que Dieu soit béni de ce que tout est fini. L'on me tourmente de tous côtés: ce matin madame Konovnzine est presque entrée dans ma chambre; c'est ces femmes que je redoute le plus. Tout à vous Nicolas*»*.

Во второй половине письма речь идет о женах Муравьева, Трубецкого и Нарышкина (Коновницына — ее мать), желавших добиться разрешения последовать за мужьями в Сибирь. Из тона письма видно, как досадительны были для Николая Павловича жалобы и просьбы этих женщин. Казалось бы, о чем просить? Мужья идут в каторгу, жены следуют за ними, но Николай Павлович решительно не желал, чтобы жены шли в каторгу. Поэтому разрешения буквально «вырывались» у государя мольбами, слезами, просьбами и ходатайствами. Нельзя забывать того, что среди окружавших трон было много ближайших родственников осужденных. Но почему жены декабристов встречали такое противодействие со стороны Николая Павловича? Не думал ли он, что жены разделяют мнения мужей? О большинстве последовавших за мужьями мы положительно знаем, что до ареста мужей они ровно ничего не знали о заговоре. Правда, в одном из донесений полицейских агентов от 9 августа 1826 года находим следующее сообщение: «*между дамами две самые непримиримые и всегда готовые разрывать на части правительство,— княгиня Волконская и*

* «Все кончено, остаются вдовы, мой дорогой Голицын, я занимаюсь тем, чем займетесь Вы, я делаю, разумеется, с удовольствием; узнайте для меня новости о бедной Рылеевой и скажите ей, что я прошу ее, чтобы она располагала мной в любом случае и что я надеюсь, что она не откажется постоянно извещать меня о том, в чем она нуждается. Также узнайте, я вас прошу, что делают жены Никиты Муравьева и Трубецкого. Благословен бог, что все кончилось. Меня мучают этим со всех сторон; сегодня утром мадам Коновницына¹³ почти вошла в мою спальню, именно этих женщин я опасаюсь больше всего. Всегда Ваш Николай» (франц.) — *Ред*¹⁴.

генеральша Коновницына. Их частные кружки служат средоточием для всех недовольных, и нет брани злее той, какую они извергают на правительство и его слуг*». Но столь оппозиционное настроение могло быть вызвано именно слишком суровым отношением к декабристам и их женам. Но основным мотивом в отношениях к последним было присущее императору представление, что само сочувствие к лицам, исходившее хотя бы от их жен, является выражением преступного сочувствия к совершенному ими. Такое мнение подтверждается дальнейшими мероприятиями Николая Павловича.

Итак, разрешения отправиться за мужьями в Сибирь «вырывались» у Николая Павловича, но даже от уже данных разрешений находили возможным уклоняться. Положение Николая Павловича в этом вопросе ярко характеризует эпизод с женой Якушкина. И. Д. Якушкин взял с своей жены слово, что она не поедет за ним, если только ей не дадут разрешения взять с собой и детей. А при разрешении поездки одновременно предъявлялось запрещение брать с собой детей. После усиленных просьб жена Якушкина получила от Дибича за его подписью следующую записку: «Государь император соизволил разрешить Якушкиной ехать к мужу, взявши с собой и детей своих, но при сем приказал обратить ее внимание на недостаток средств в Сибири для воспитания ее сыновей». У Якушкиной был болен сын, и она не могла выехать тотчас же. Тем временем, Анна Васильевна Розен, прослышав о полученном Якушкиной позволении, явилась к графу Бенкендорфу и, ссылаясь на прецедент, просила и ей дать разрешение взять с собой в Сибирь детей. Граф Бенкендорф решительно отказал ей и сказал, что Дибич поступил очень недобруманно, ходатайствуя за Якушкину, которая, вероятно, не получит уже из третьего отделения всего нужного для своего отправления, и потому также не поедет в Сибирь. На вопрос Розен, что было бы с Якушкиной, если бы она, получив высочайшее позволение, тотчас вместе с детьми, отправилась к мужу: в таком случае, отвечал шеф жандармов очень откровенно, ее, конечно, не вернули бы назад». Когда выздоровел ребенок Якушкиной, ей запретили воспользоваться данным раньше разрешением. В бумаге шефа жандармов было сказано, что «так как Якушкина не воспользовалась своевременно дозволением, данным женам преступников следовать за своими мужьями, и так как ее пребывание при детях более необходимо, чем пребывание

* [Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая. По донесениям агентов тайного надзора. — *Ред.*] — Русская старина, 1881, № 9, с. 191.

с мужем, то государь император не соизволил разрешить ей ехать в Сибирь»*.

Разрешения на поездку в Сибирь давались только женам и никому другому. Так сестре Бестужевых Елене Александровне в ответ на ее просьбы¹⁵ было сообщено, что «государь император, по некоторым причинам, и для собственной нашей пользы к отъезду для жительства с братьями не соизволяет»**.

III

Каково юридическое положение женщин, последовавших за своими сосланными на каторгу мужьями? — Вот вопрос, который должен был возникнуть у лиц, власть имеющих, лишь только они удостоверились в непреклонном желании некоторых из них отправиться в Сибирь. Действующие узаконения, не предвидевшие случаев, подобных данному, не представляли ручательства в том, что своею суровостью они могут остановить решившихся. «Устав о ссыльных» 1822 года определял положение жен ссыльно-каторжных в следующих статьях: «Ст. 222. Женщины, идущие по собственной воле, во все время следования не должны быть отделяемы от мужей и не подлежат строгости надзора. Они получают кормовые деньги. Ст. 231. Женщины, по собственной воле пришедшие, в случае смерти мужей, имеют свободу вступать в брак, с кем пожелают, и с ведома местного начальства остановиться там, где признают за лучшее, или возвратиться к своим родственникам без всякого препятствия. Ст. 232. Женщинам, по собственной воле пришедшим, Тобольский Приказ о ссыльных выдает особливые письменные виды».

Эти статьи показались недостаточными и «в 1826 году, — говорит кратко и глухо официальная бумага, — вскоре по отправлении государственных преступников в Сибирь, когда последовала туда жена преступника Трубецкого, признано было нужным принять меры к отклонению от сего намерения жен прочих подобных Трубецкому преступников». Выработка правил, которые достигли бы цели, была поручена Особому комитету, учрежденному для составления правил о содержании государственных преступников в Сибири. Так как комитет должен был считаться с действующим законодательством, которое в данном случае оказывалось недостаточным, то он избрал следующий образ действий: комитет поручил своему члену генерал-губернатору Восточной Сибири тайному советнику

* Из записок декабриста Якушкина. — Русский архив, 1871, № 8—9, стлб. 1603—1604, 1625.

** Русская старина, 1881, № 11, с. 647. Записки М. А. Бестужева.

Лавинскому «дать от себя предписание, на законном основании составленное, иркутскому гражданскому губернатору». Но так как это предписание вышло за пределы действующего закона, то предварительно начальник штаба его величества Дибич представил его на усмотрение императора Николая Павловича. Предписание было высочайше одобрено и отправлено по адресу от имени Лавинского. Таким образом, одобренное государем, оно приобрело силу закона, но оно не было объявлено и оставалось под секретом — это во-первых, а во-вторых, о высочайшем одобрении не было упомянуто в тексте самой бумаги. Это предписание, которое явилось главным руководством в отношениях местных властей к женам декабристов, до сих пор не было опубликовано, а между тем этот своеобразный законодательный документ представляет по своему содержанию значительный исторический интерес и весьма важен для характеристики истинного положения высшей власти в вопросе о женах декабристов.

Но этот документ несколько неожиданно получает и другое значение: он дает материалы для характеристики поэтического творчества Н. А. Некрасова. При своем появлении поэма «Русские женщины» вызвала обличения автора в тенденциозном преувеличении страданий княгини Е. И. Трубецкой и кн. М. Н. Волконской. Придирчивая критика указывала на то, что Некрасов совершенно измыслил знаменитый диалог между кн. Трубецкой и губернатором¹⁶. Читатель помнит те убеждения, с которыми обращается в поэме губернатор к несчастной княгине. В резких стихах губернатор рисует опасности, которые ждут княгиню:

«Но хорошо ль известно вам,
Что ожидает вас?

.....
Пять тысяч каторжников там,
Озлоблены судьбой,
Заводят драки по ночам;
Убийства и разбой...

.....
Но вы не будете там жить:
Тот климат вас убьет!
Я вас обязан убедить,
Не ездите вперед!

.....
Быть так!

Вас не спасешь, увя!..
Но знайте: Сделав этот шаг,
Всего лишитесь вы!..
За мужем поскакав,
Вы отречение подписать
Должны от ваших прав!

.....

Бумагу эту подписать!
Да что вы?.. Боже мой!
Ведь это значит нищей стать
И женщиной простой!
Всему вы скажете прости,
Что вам дано отцом.
Что по наследству перейти
Должно бы к вам потом!
Права имущества, права
Дворянства потерять!»¹⁷

Этих стихов достаточно для того, чтобы читатель воскресил в своей памяти мучительные сцены объяснений княгини Трубецкой с губернатором. В начале и конце этой сцены поэт дает нам понять, что губернатор действовал не за свой страх, а по полученному им из Петербурга предписанию. В ответ на первую просьбу княгини о лошадях губернатор отвечает:

«Но есть зацепка тут:
С последней почтой прислана
бумага».

Объяснения заканчиваются следующим признанием губернатора:

«Простите! Да, я мучил вас,
Но мучился и сам,
Но строгий я имел приказ
Препрады ставить вам!
И разве их не ставил я?
Я делал все, что мог,
Перед царем душа моя
Чиста, свидетель бог!
Острожным, жестким сухарем
И жизнью взаперти,
Позором, ужасом, трудом
Этапного пути
Я вас старался напугать;
Не испугались вы!
И хоть бы мне не удержать
На плечах головы,
Я не могу, я не хочу
Тиранить больше вас...
Я вас в три дня туда домчу...»¹⁸

Некоторые из критиков Некрасова сомневались в существовании подобного приказа и готовы были приписать его появление в поэме художественному измышлению поэта. Только Н. А. Белоголовый в своих воспоминаниях указал, что такой приказ существовал, и по памяти приводил его содержание. Н. А. Белоголовый очень сожалел, что он не мог снять копию с этой бумаги¹⁹. Этот приказ и есть то высочайше одобренное предписание, которое было послано за подписью тайного советника Лавинского иркутскому гражданскому губернатору

на бланке Главного управления Восточной Сибири (от 1-го сентября 1826 года. По путевому журналу № 842 из Москвы). Мы имеем возможность напечатать дословно этот любопытный документ; при чтении просим читателя сопоставить соответственные стихи из поэмы Некрасова.

«Из числа преступников, Верховным Уголовным Судом к ссылке в каторжную работу осужденных, отправлены некоторые в Нерчинские Горные Заводы.

За сими преступниками могли последовать их жены, не знающие ни местных обстоятельств, ни существующих о ссыльно-каторжных постановлений и не предвидящие, какой, по принятым в Сибири правилам, подвергнут они себя участи, соединясь с мужьями в теперешнем их состоянии.

Местное начальство неукоснительно обязано вразумить их со всею тщательностью, с каким пожертвованием сопрягается таковое их преднамерение, и стараться, сколько возможно, от оногo предотвратить.

Притом легко может статься, что многие из них, имея достаточное состояние, возьмут с собою значительные суммы и драгоценные вещи — ввоз коих в край бедный, населенный людьми буйными и развратными, не обещает добрых последствий и потому не должен быть дозволен.

Самые крепостные люди, которые могли бы за ними прибыть, не обязаны разделять участи, добровольно господами их принимаемой.

Сообразив сие и зная, что жены осужденных не иначе могут следовать в Нерчинск, как через Иркутск, я возлагаю на особенное попечение вашего превосходительства употребить все возможные внушения и убеждения к оставлению их в сем городе и к обратному отъезду в Россию.

Внушения могут состоять в том:

1) Что следуя за своими мужьями и продолжая супружескую с ними связь, они естественно сделаются причастными к их судьбе и потеряют прежнее звание, то есть будут уже признаваемы не иначе, как женами ссыльно-каторжных, а дети, которых приживут в Сибири, поступят в казенные крестьяне.

2) Что ни денежных сумм, ни вещей многоценных, взять им с собою, как скоро отправятся в Нерчинский край, дозволено быть не может, ибо сие не только воспрещается существующими правилами, но необходимо и для собственной безопасности их, как отправляющихся в места, населенные людьми, на всякие преступления готовыми, и следственно, могущих подвергнуться при провозе с собою денег и вещей опасным происшествиям.

3) Что с отбытием их в Нерчинск уничтожаются также и права их на крепостных людей с ними прибывших.

С тем вместе должно обратиться к убеждениям, что переезд в осеннее время чрез Байкал чрезвычайно опасен и невозможен, и *представить, хотя мнимо, недостаток транспортных казенных судов, безнадежность таковых у торгующих людей состоящих, и прочие тому подобные учтывые отклонения; а чтобы успех в оных вернее был достигнут, то ваше превосходительство не оставило принять и в самом доме вашем, который без сомнения будут они посещать, такие меры, чтобы, в частных, с ними разговорах находили они утверждение таковых убеждений.*

По исполнении сего с надлежащею точностью, если и затем окажутся в числе сих жен некоторые непреклонные в своих намерениях; *в таком разе не препятствуя им в выезде из Иркутска в Нерчинский край, переменить совершенно ваше с ними обращение, принять в отношении к ним, как к женам ссыльно-каторжных, тон начальника губернии, соблюдающего строго свои обязанности**, и исполнить на самом деле то, что сперва сказано будет предостережение и вразумление, и именно:

а) Все имеющиеся у них деньги, драгоценные вещи, серебро и прочее, по надлежащем описании лично при них и по утверждении описи собственноручным подписанием тех, кому сие имущество принадлежать будет, отобрать от тех и, опечатав, отдать к хранению в иркутское губернское казначейство. Но меру сию для отклонения всякого сомнения привести в действие чрез нарочитую Комиссию, составя оную под председательством вашим из одного или двух членов Главного управления и губернского прокурора. Впрочем, прогоны на проезд до Нерчинска выдать им из числа собственных их денег.

в) Из крепостных людей, с ними прибывших, дозволить следовать за каждою токмо по одному человеку, но и то из числа тех, которые добровольно на сие согласятся и дадут или подписки собственноручные, или за неумением грамоте личные показания в полном присутствии губернского правления. Остальные же предоставить возвратиться в Россию и снабдить их пропускными**.

* Курсив П. Е. Щеголева. — *Ред.*

** Первоначально в предписании было сказано: «прикажете внушить крепостным людям, которые придут с женами осужденных, что соединение с мужьями лишает их права иметь при себе крепостных слуг, и что могут они просить о возвращении их из Сибири». По этому поводу последовала следующая высочайшая резолюция: «Это совершенно воспрещая; бунтовать людей не должно, достаточно объявить женам, что по положению они не могут брать с собой людей своих, как с добровольного их согласия». См.: Шильдер Н. К. Император Николай Первый, т. I, с. 545.

Указав с моей стороны средства, на законных постановлениях основанные, которые служат руководством в действиях по сему предмету и ожидая от вашего превосходительства исполнения оных в совершенной точности, и надеясь, что Вы и по собственной предусмотрительности своей не оставите употребить всех возможных способов к достижению собственно той цели, чтобы последовавших за осужденными преступниками жен решительно отвратить от исполнения их намерения, происшедшего от незнания местных обстоятельств Сибири и постановлений о сем крае существующих. Но если бы все усилия ваши оказались тщетными, то ваше превосходительство, действуя в отношении к ним по назначению сему, не оставьте немедленно уведомлять меня о всех обстоятельствах, к сим женам относящихся и вообще о мерах, какие вами будут принимаемы.

Наконец, если бы которая-либо из них проехала Иркутск прежде, нежели вы сие получите, в таком разе прошу ваше превосходительство принять на себя труд отправиться лично для возвращения ее в губернский город или приказать остановить в Верхнеудинске, ибо пример одной может побудить и других к домогательствам о равномерном пропуске их в Нерчинск.

Генерал-губернатор Лавинский».

Эта бумага не требует никаких комментариев. Довольно сделать только два замечания. Угрозы, перечисленные в этой бумаге, очевидно, имел в виду Николай Павлович, когда 21 декабря 1826 года писал княгине М. Н. Волконской: «J'ai reçu, Princesse, la lettre que Vous m'avez écrite du 15 de ce mois, j'vi avec plaisir l'expression des sentiments que Vous me témoignez pour l'intérêt que je Vous porte, mais c'est à cause de cet intérêt même que je prends à Vous, que je crois devoir renouveler ici les avertissements, que je Vous ai déjà communiqués sur ce qui Vous attend une fois passe Irkoutsk. Au reste j'abandonne entièrement à Votre propre conviction, Madame, de Vous décider à tel parti que Vous jugerez le plus convenable, dans votre situation».

Votre affectionné.

(Signe) "Nicolas".

1826, le 21 Décembre*.

* См.: Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). Изд. князя М. С. Волконского. СПб., 1901, с. 458. Пер.: «Я получил, княгиня, письмо Ваше от 15 числа сего месяца и с удовольствием в нем усмотрел изъявление чувств благодарности ко мне за то участие, которое я в Вас принимаю; но, во имя этого участия к Вам, я и считаю себя обязанным еще раз повторить Вам здесь предостережения, мною уже Вам высказан-

Любопытно сопоставить, что писал в 1832 году тот самый Цейдлер, который в 1827 году должен был убеждать жен декабристов, что они отправляются в места, населенные людьми, на всякие преступления готовыми, и следственно могут подвергнуться опасным происшествиям. Родителей Н. Д. Фонвиной²⁰ очень пугали опасности путешествия по Забайкалью, которое предстояло их дочери с мужем. «Цейдлер... счел своим долгом успокоить Марью Павловну [мать Фонвиной. — П. Щ.] любезным письмом, доказывая, что в Нерчинске есть врачи и что там все можно достать», а относительно разбойников он прибавлял: «ужасы, описываемые в письме к Вам, доказывают только болезненное состояние Натальи Дмитриевны: край Забайкальский спокойный и злодейств, описываемых ею, никогда не бывает»*.

IV

Бумага, подписанная Лавинским, оставляет странное впечатление и не разрешает основного вопроса о юридическом положении последовавших по своей воле в каторгу за мужьями жен декабристов. Предписание предлагает губернатору пустить в ход убеждения, хотя бы они и не имели оснований в действительности, внушения, цель которых — чисто временная — отвратить женщин от исполнения их намерения. На тот же случай, если бы и внушения, и убеждения не подействовали, предлагалось исполнить то, что «сперва сказано будет в предостережение»: отобрать деньги и отпустить крепостных. Но об реализации главного пункта внушений в предписании ничего не сказано. Предписание тайного советника точно так же, как и данные в 1827 году московскому губернатору²¹ и тоже оставленные под секретом правила относительно отправлявшихся за мужьями жен декабристов, выставляло следующее положение: «следуя за своими мужьями и продолжая супружескую с ними связь, они естественно сделаются причастными их судьбе и потеряют прежнее звание, то есть будут уже признаваемы не иначе, как женами ссыльно-каторжных, а дети, которых приживут в Сибири, поступят в казенные крестьяне». Образ жизни жен декабристов в Сибири, в Нерчинских горных заводах можно было совершенно точно определить инструкциями и правилами, которые вытекали из вполне

ные относительно того, что Вас ожидает, лишь только Вы проедете далее Иркутска. Впрочем, предоставляю вполне Вашему собственному усмотрению, сударыня, избрать тот образ действий, который Вы найдете наиболее соответствующим Вашему настоящему положению. Благорасположенный к Вам Николай» (*франц.*). — *Ред.*

* Русское богатство, 1894, № 11, с. 124.

определенного представления о положении их мужей-каторжников: и, действительно, в этих инструкциях, высочайших повелениях и правилах регламентированы все подробности быта жен декабристов. Но, несмотря на категоричность, общее положение об их юридических правах оставляло неразрешенными много вопросов. Раз жены декабристов рассматриваются как жены ссыльно-каторжных, сопричастные их судьбе и, следовательно, последствиям лишения прав, то какой ответ нужно было дать на вопросы: теряют ли они безвозвратно права своего прежнего состояния или только на время их сожительства с мужьями, лишаются ли совершенно права пользования собственностью? Вопрос о правах жен декабристов усложнялся еще и тем, что документы, в которых высказано было общее положение об юридической дееспособности жен декабристов, оставались не объявленными публично.

Итак, несмотря на предписание Лавинского, несмотря на правила, данные в 1827 году московскому губернатору, вопрос оставался вопросом для современных юристов и имел любопытную историю.

В конце 1828 года он был выдвинут на очередь в общей форме. По высочайшему повелению от управлявшего министерством юстиции князя Долгорукого было затребовано основанное на существующих узаконениях мнение, к разрешению вопросов, сделанных некоторыми женами государственных преступников, желающими отправиться к мужьям со своими детьми или без детей, но только на некоторое время. Князь Долгорукий высказался следующим образом. Он находил, что дворянские жены и дети, не участвовавшие в преступлениях мужей и отцов своих, по осуждении сих, остаются в прежних своих правах и жены могут с разрешения духовного правительства вступить в новый брак. При этом министр ссылался на указ 16-го августа 1720, 29-го марта 1753, 15-го июля 1767, 28-го апреля 1804, 16-го августа 1807 годов. «Впрочем,— продолжал в своей записке князь Долгорукий,— закон не возвращает невинной жене следовать за мужем в Сибирь, но в сем случае, по 231 § Устава о ссыльных, она не прежде может вступить в брак или возвратиться к родственникам своим, как по смерти мужа; о временном же посещении женами ссыльных мужей в законах нет постановления. Что же касается до детей, то оным дозволяется следовать за отцами в таком только случае, если они были крестьяне государственные или помещичьи; причем требуется дозволение для первых от своих обществ, а для последних от помещиков». Но, по мнению кн. Долгорукого, «сие постановление не может быть распространено на детей дворянских, как по точным словам оно,

так и по тому уважению, что дети сии, принадлежа к высшему сословию в государстве, должны получить приличное роду их образование, для вступления со временем на службу. Отцы же, находясь в ссылке, не только лишены способов дать им воспитание, но еще могут подать им пример худой нравственности». Так думал кн. Долгорукий, и имп. Николай Павлович написал карандашом на его записке: «согласен». (Записка от 7-го ноября 1828 года.)

Таким образом, по мнению князя Долгорукого, одобренному государем, выходит, что жены декабристов лишаются прав своего прежнего состояния лишь временно, до смерти мужа. По смерти мужа — так, по крайней мере, говорит кн. Долгорукий — жена может вступать в новый брак и возвратиться к родственникам. Вопрос о праве жены декабриста владеть собственностью рассматривался в конце 1831 года: он был поднят по поводу дела о доверенности, данной тайному советнику Давыдову женой декабриста Давыдова, жившей в Нерчинске. В этом случае император Николай I согласился опять-таки с мнением министра юстиции: «Согласно коренным установлениям Давыдова не лишается прав наследственных, а с тем вместе имеет власть располагать своею собственностью». В декабре же 1831 года по мнению Государственного совета состоялось высочайшее повеление «о предоставлении Стройниковой именоваться женой бывшего капитана 2 ранга по тому уважению, что наказание мужа не должно распространяться на жену, непричастную его преступлению, и о принятии его за правило на все подобные случаи».

Вот все те прецеденты, не решившие окончательно вопроса о правах жен декабристов, которые были налицо в 1832 году, когда этот вопрос подвергся новому и основательнейшему пересмотру. Повод был дан всеподданнейшей просьбой статс-дамы княгини Волконской. На этот раз вопрос о том, имеет ли жена государственного преступника право на распоряжение недвижимой собственностью, рассматривался довольно долго, прошел несколько инстанций, вызывая в каждой из них различные решения. Дело неоднократно восходило на усмотрение императора Николая, и окончательное решение, данное им самим, запечатлело в памяти потомства характер его отношений к женам декабристов. Заключая, таким образом, материалы для характеристики императора Николая Павловича, дело это дает яркую иллюстрацию отношения правительственных органов к вопросам права в тридцатых годах прошлого столетия. Вместе с тем оно исчерпывает вопрос о юридических правах жен государственных преступников. Так как в нашей литературе данные об этом деле не были до сих пор опубли-

кованы, то мы считаем необходимым подробнее изложить весь ход дела*.

23-го ноября 1832 года мать С. Г. Волконского, статс-дама княгиня Волконская, урожденная княжна Репнина, обратилась к императору Николаю Павловичу с следующим прошением:
Августейший монарх, всемилостивейший государь!

Милости вашего императорского величества обильно на меня изливающиеся, — преисполняя меня верноподданнической, глубочайшею благодарностью, облакают смелостью повергнуть к подножию престола вашего величества всеподданнейшую просьбу мою.

По силе духовного завещания сына моего Сергея Волконского имение его: родовое в Нижегородской и Ярославской губерниях 2127 мужеского пола душ и благоприобретенный дом в Одессе, хутора близ сего города и деревня Новорепьевка в Таврической губернии, поступили в 1827 году: родовое, — как принадлежащее малолетнему сыну его князю Николаю Волконскому, — в опекуное управление, а благоприобретенное, — следующе жене его же Сергея Волконского Марии, урожденной Раевской, — в управление отца ее генерала Раевского, сообразно данной ему от дочери его доверенности, кою Раевской уполномочен был принять впоследствии и подлежащую Марии Волконской из родового имения 7-ю часть.

По кончине показанного внука моего²², дети мои, генерал от кавалерии князь Репнин и двора вашего императорского величества егермейстер князь Волконский, будучи законными наследниками вышепоказанного родового имения, заблагорасудили оставить оное в пожизненном владении у супруги брата их Сергея, разделяющей с ним судьбу его, и потому, руководствуясь согласием родителя ее, генерала Раевского, уполномочили его 12-го марта 1829 года, представляемой при сем в копии доверенностью, как на уплату казенных и частных долгов посредством мер в оной доверенности означенных, так и на принятие в его заведывание, управление и распоряжение всего помянутого имения по полученной им от дочери указанной доверенности; но за последовавшей в том году кончиною его, Раевского, все сии предположения остались без исполнения.

После сего дети, сохраняя те же чувствования о неприкосновенности к имению брата их, в продолжение жизни жены его, а сия, принимая то с благодарностью, поручили мне все

* Весьма краткие сведения о производстве этого дела в Комитете министров находятся в «Историческом обзоре деятельности Комитета министров» С. М. Середонина. СПб., 1902, т. II ч. 1, с. 78—79.

трое распоряжение означенным именем и исполнение всех мер в помянутой доверенности заключающихся.

Желая ускорить развязку деловых дел, отягощающих имение, принадлежавшее Сергею Волконскому, и так как братья его передали оное в пожизненное владение невестке нашей, которая письмом ее ко мне, хотя продажу частью вышепоказанных имений и предоставила усмотрению моему, но продажи сей, без формального с ее стороны уполномочия, я не только не могу совершить, но и получить оного по настоящему ее положению не предвидится никакой возможности, в таковом положении дел не находя к скорейшей уплате долгов и к устройству имения другого средства кроме милосердного воззрения вашего императорского величества, как на вышеизложенные обстоятельства, так и на преклонные лета мои, повергаюсь священным стопам вашего величества и умоляю благость вашу, всемилостивейший государь, о высочайшем повелении учредить для распоряжения помянутыми имениями попечительство с определением в оное членами вместе со мною действительного тайного советника Оленина и тайного советника Булгакова, которые изъявили на сие свое желание.

Попечительству сему поставить в обязанность, действуя с полною властью по распоряжению имением, удовлетворить долги, ежели нужным найдется, и продажею назначенных частей имения; просить о перезаложении сделанного займа в С.-Петербургском Совете на больший срок, и учинить заем; вообще исполняя все меры в вышеупомянутой доверенности, данной Раевскому, изложенные, стараться о возможном благосостоянии имения, совершая на случай приобретения имения в пользу невестки моей законные на то акты.

Монаршее снисхождение к сей моей всеподданнейшей просьбе доставят мне душевное спокойствие в продолжение немногих уже лет земного моего существования.

Всемилолюбивейший государь, вашего императорского величества верноподданная княгиня Волконская, урожденная княжна Репнина. 23-го ноября 1832 года».

Затруднения статс-дамы Волконской вытекали из того обстоятельства, что ни одна инстанция не решалась засвидетельствовать доверенности, выданной женой государственного преступника княгиней Волконской. На основании точного смысла предписания тайного советника Лавинского, жена, последовавшая за мужем в каторгу, теряла права прежнего звания, и должна была быть признаваема женою ссыльно-каторжного и, следовательно, лишалась права состояния. Но предписание, вводившее радикальные изменения в законодательство о правах состояния, не было объявлено и держалось под секретом;

немудрено, что сами власти останавливались в недоумении перед приведением в исполнение бумаги Лавинского. Мы уже видели, что по поводу дел Давыдовой и Стройниковой, был заявлен принцип непричастности жен государственных преступников вине их мужей. Следовательно, просьба статс-дамы Волконской могла бы быть решена на основании прецедентов, но на этот раз император Николай заблагорассудил приказатъ произвести пересмотр положений о правах жен декабристов.

26-го ноября 1832 г. граф А. Х. Бенкендорф, по высочайшему повелению, препроводил просьбу кн. Волконской министру юстиции Д. В. Дашкову с просьбой дать по содержанию этой просьбы заключение, *имеет ли жена государственного преступника Сергея Волконского право на распоряжение имуществом, по кончине сына ее Николая Волконского оставшимся*. Министру юстиции оказалось неизвестным предписание Лавинского; правда, основное положение о том, что жены государственных преступников, признанные женами ссыльно-каторжных, теряют права состояния, находилось еще и в правилах, сообщенных московскому военному генерал-губернатору, но эти правила были знакомы министру юстиции только по *частной копии**, оказавшейся в делах департамента министерства юстиции. Таким образом, при ответе графу Бенкендорфу, министр юстиции должен был основываться на существующих узаконениях, которые, как мы видели, не содержали никаких ограничений прав жен, следующих по собственной воле за лишенными прав мужьями, на относящихся к сему вопросу постановлениях, из которых министру юстиции было известно только одно, и на бывших примерах (дела Давыдовой и Стройниковой). Действующие узаконения и бывшие примеры коренным образом расходились с «постановлением», и министр юстиции, знакомый лишь из частной копии с актом, изменявшим действовавший закон, не решился придать ему буквальное толкование. Пытаясь согласить постановление с законом, министр юстиции старался основать свои мнения на том, что *«в правилах не сказано, чтобы жены государственных преступников, разделяющие судьбу своих мужей, безвозвратно теряли права своего прежнего состояния»***. Бывшие же примеры (дела Давыдовой и Стройниковой. — П. Щ.) давали возможность министру юстиции истолковывать высочайшую волю в том смысле, что невинные жены преступников могут по желанию сохранять свое прежнее положение в обществе; следовательно, и те из них, которые добровольно разделяют участь мужей, не лишаются совершен-

* Курсив П. Е. Щеголева. — *Ред.*

** Курсив П. Е. Щеголева. — *Ред.*

но пользования собственностью и ограничиваются в этом праве особыми мерами, имеющими в виду не жен, а самих преступников. На основании всех этих соображений, по данному вопросу министр юстиции полагал, что жена преступника Волконского, располагавшая доселе имением, доставшимся ей по завещанию мужа ее, не лишается прав наследства и может располагать доходами ей на законном основании имениями, посредством способов, законом дозволенных».

Таким образом, мнение Д. В. Дашкова оказалось в значительной мере противоречащим основному пункту правил, одобренных государем. Все свои соображения и заключение министр юстиции изложил в отношении от 30-го ноября 1832 года.

Граф А. Х. Бенкендорф доложил мнение Д. В. Дашкова государю. В официальном письме от 24-го декабря 1832 г. (№ 6196) граф Бенкендорф сообщил Д. В. Дашкову следующее:

«Отношение вашего превосходительства от 30-го минувшего ноября № 14500... я имел счастье представлять государю императору.— Его величество, усматривая из оного, что к разрешению вопроса: имеют ли жены государственных преступников, в работу сосланных, следовавшие за их мужьями,— не существует положительного постановления, отчего впоследствии времени могут возникнуть многие тяжёлые дела, и находя, что удовлетворение настоящей просьбы княгини Волконской может подать повод ко многим подобным просьбам, высочайше повелеть мне соизволил: всеподданнейшее прошение княгини Волконской передать вашему превосходительству с тем, чтобы вы, милостивый государь, представили об оном Комитету гг. министров с мнением вашим насчет прав жен государственных преступников, следовавших за мужьями, располагать своими имениями,— на тот конец, дабы Комитет гг. министров, учинив по сему предмету постановление, разрешил на основании оного и всеподданнейшую просьбу княгини Волконской, причем не должно терять из виду условий, на основании которых дозволено было женам следовать за преступниками мужьями, и которые не были доселе отменяемы.

О такой высочайшей воле сообщая вашему превосходительству для вашего к исполнению по оной распоряжения, имею честь препроводить при сем к вам и всеподданнейшее прошение княгини Волконской в подлиннике. С совершенным почтением и преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорнейший слуга граф Бенкендорф».

Из этой бумаги мы вправе заключить, что государю не понравилось заключение Д. В. Дашкова. Понятно, почему не понравилось: Д. В. Дашков потерял из виду условия, на кото-

рых женам декабристов разрешено было следовать за мужьями. Но в то же самое время, принимая мнение министра юстиции о том, что не существует положительного постановления к разрешению вопроса о правах жен государственных преступников, император Николай Павлович сознательно закрывал глаза на изменение коренных законов, сделанное, с его одобрения, в предписании Лавинского. Уж слишком легко оно было совершено; получив высочайшую санкцию, это изменение не могло возвыситься на степень закона по той причине, что оно не было объявлено, не было даже известно министру юстиции. Нельзя забывать и того, что в предписании Лавинского, это изменение законодательства было сделано в форме внушения, угрозы: «если вы пойдете за своими мужьями, то знайте, что с Вами поступят так-то и так-то». Но ведь не всякое внушение, не всякая угроза приводится в исполнение. По всей вероятности, эти соображения были у императора Николая, когда, рассмотрев отзыв министра юстиции, он поставил вопрос — не общий, о правах состояния жен декабристов, а частный — о праве распоряжаться имением.

V

Министр юстиции, получив бумагу графа Бенкендорфа, прежде всего должен был ознакомиться с условиями, на которых было дозволено женам декабристов следовать за мужьями в Сибирь. 30-го декабря 1832 года министр юстиции обратился к военному министру с просьбой доставить ему сведения об этих условиях и других изданных в разное время правилах. 16-го января 1833 г. при отношении за № 125 военный министр граф Чернышев препроводил Д. В. Дашкову в копии самый главный документ — предписание Лавинского — и выписки из состоявшихся по бывшему Главному штабу его величества в разное время и по особым случаям высочайших повелений насчет тех жен государственных преступников, которые, несмотря на все убеждения, пожелали жить с своими мужьями. Только два документа давали материал для решения общего вопроса о правах жен декабристов; они известны нам: предписание иркутскому губернатору от имени Лавинского и одобренное государем мнение князя Долгорукого о детях дворян-преступников. Остальные же постановления касались регламентации быта жен декабристов на каторге; сущность их известна из записок декабристов, а некоторые опубликованы в подлинниках в разное время и по разным поводам. Сделаем краткий обзор всех мероприятий по отношению к женам декабристов.

Первой по времени мерой является инструкция коменданту

при Нерчинских рудниках, высочайше утвержденная 19-го сентября 1826 года. Относительно жен в ней сказано, что жены, желающие жить с мужьями в остроге, не могут иметь прислуги, а желающие жить отдельно, вне острога, получают свидание со своими мужьями через два дня один раз и могут держать прислугу, но не более одного мужчины и одной женщины. Коменданту предписывалось «строго наблюдать, чтобы преступники и их жены не могли привезти с собою или получать после от кого бы то ни было больших сумм, ни в наличных деньгах, ни в ценных вещах, исключая только такой суммы, которая необходима для их содержания, но и то не иначе, как чрез коменданта, который отдает им таковое пособие по частям, смотря по надобности». Переписку жены декабристов вели через III Отделение и через коменданта. Крепостным людям, пришедшим с женами в Сибирь, инструкция разрешала возвратиться в Россию, если бы они не пожелали остаться с своими господами. Более подробные указания о переписке и суммах, которые могли быть выдаваемы женам декабристов, даны в высочайших повелениях, объявленных генерал-губернаторам Сибири, Восточной и Западной, в отношении начальника Главного штаба от 24-го сентября 1826 года. На этот раз был установлен размер суммы: от своих родственников жены декабристов могли получать на первое обзаведение не более 2 тысяч и на содержание ежегодно не более тысячи рублей.

На основании инструкции и высочайших повелений комендант при Нерчинских рудниках генерал-майор Лепарский отбрал от каждой из жен декабристов особое обязательство. Текст его приведен в приложении к «Запискам С. Г. Волконского» (СПб., 1901, с. 460—462). Любопытно то, что Лепарский сам составил эту подписку и на свой страх решился предложить ее для подписи прибывшим женам. Впрочем, он тогда же в особом рапорте донес о своих действиях. Начальник Главного штаба во всеподданнейшем докладе писал, что Лепарский, «не быв уверенным, чтоб все жены государственных преступников, прибывшие в Нерчинские рудники для жительства и разделения участи своих мужей, всегда в точности исполняли правила, какие предписаны в данной ему инструкции, решился брать от каждой из них особое обязательство, дабы впоследствии не могли отговариваться неведением того, что исполнять они обязаны; но опасаясь, чтобы жены преступников не сочли меру сию притеснением и не принесли на оную жалобы, генерал-майор представляет о сем предварительно на рассмотрение». 6-го мая 1827 года государь одобрил действия Лепарского.

Последующие постановления имели в виду облегчение участи жен декабристов. Нужно признать, что инициатива подоб-

ных смягчений исходила от коменданта Нерчинских рудников. Так, в 1829 году ген<ерал>-майор Лепарский обратился с рапортом, в котором просил всемиловитейшего соизволения на дарование прочим женам государственных преступников тех же правил, коими пользуется ныне Муравьева, в неразлучном соединении с мужем своим находящаяся, основанных на высочайше утвержденных правилах. На этом рапорте государь написал: «я никогда не мешал им жить с мужьями, лишь бы была на то возможность». 1-го июня 1829 года ген<ерал>-майор Лепарский доносил, что на основании высочайшей резолюции он позволил всем женам декабристов иметь ежедневное свидание с их мужьями. 15-го июля 1829 года Лепарский вошел с рапортом относительно пересылки женам государственных преступников денег в виде подаяния государственным же преступникам, в других местах на поселении находящимся и не получающим оных от родных. Лепарский высказал в рапорте предположение, чтобы женам государственных преступников не дозволять пересылку одному такому поселенцу более 150 руб., а также платья и белья, сколько для употребления в течение года нужно. Государь согласился с предположением Лепарского (предписание дежурного генерала Главного штаба ген<ерал>-ад<ъютанта> Потапова Лепарскому от 8-го сентября 1829 года за № 562)*.

* Предположение Лепарского было, с точки зрения инструкции, большой льготой для декабристов; имп<ератор> Николай Павлович согласился с Лепарским, но до какой степени неохотно государь делал послабления декабристам, показывает резолюция на следующей докладной записке управляющего Главным штабом от 19-го января 1829 года. Копия с этой докладной записки была прислана тоже военным министром. «Тобольский губернатор²³ удержал деньги, принадлежащие жене переведенного из каторжной работы на поселение преступника Ентальцева, сколько оказалось сверх 2000 руб. дозволенных в выдачу на первое обзаведение. Ентальцева просит выдать сии деньги, уверяя, будто в Чите получала она и прочие жены преступников по 500 руб. в месяц.

Генерал-губернатор Западной Сибири, генерал от инфантерии Вельяминов представляет, что в высочайшем повелении насчет сосланных на поселение государственных преступников не сказано, до какого количества выдавать женам сих преступников их деньги, а потому испрашивает на сие разрешение.

Генерал Вельяминов присовокупляет к сему свое мнение, что *насчет выдачи женам преступников собственных их денег следует подвергнуть их тому же ограничению, как определено для мужей их, ибо цель Высочайшего повеления есть отнять у преступников средство забыть в избыточной жизни вину свою и даже предпринять что-либо к перемене своей участи, не подвергая же в сем отношении жен преступников одинаковой с мужьями их мере, невозможно в полном смысле выполнить и цели Высочайшего повеления». На подлинном докладе мнения сибирского администратора, стремившегося осуществлять не букву, а самый дух распоряжения свыше, управляющим Главным штабом написано: «Высочайше по-*

В своих записках декабристы с признательностью и уважением вспоминают о Лепарском. Пересматривая официальные бумаги, видишь, как этот достойный человек мало-помалу изменял участь декабристов к лучшему, стараясь в своих рапортах и отношениях представить дело так, будто бы просимые им смягчения вовсе не были смягчениями. Таков его рапорт от 30-го сентября 1830 года. Читая его, можно подумать, что он прибегает к защите правительства от могущих последовать жалоб на его суровое обращение, а на самом деле этот рапорт имел в виду окончательное освобождение от тех пут, которые налагала высочайше утвержденная инструкция на совместную жизнь мужей с женами. Лепарский доносил:

«В исполнение высочайше утвержденной моей инструкции статьи 10-й я дозволил всем девяти женам государственных преступников при команде моей живущим, по настоятельной просьбе первых, проживать в казарме со своими мужьями, на правилах той же инструкции предписанных, определив им Osborne от холостых преступников отделения комнат, со дворами, имеющимися при оных внутри казарм. При том воспретил женам иметь детей при себе для того, что сии последние денно и ночью требуют особенного призрения, как-то: ночью освещения комнат, когда с пробитием вечерней зари, повсеместно при запирании арестантских комнат тушится огонь, как равно и на кухне, где оный в случае болезни детей нужно было бы иметь для грения воды на ванны, припарки, приготовления лекарств, и другие необходимые потребности к подаче помощи детям, чем совершенно изменяться должен в ночное время заведенный по общим постановлениям порядок. Детям же с положенною для их присмотра прислугою, назначено мною находиться в купленных или нанятых матерями домах, куда им одним представлено ежедневно ходить, а в случае болезни детей или же их самих, в тех домах оставаться, до времени выздоровления. О сем имея честь донести на благорассмотрение вашего сиятельства, осмеливаюсь испросить в разрешении повеления в следующем: когда случится, что которая из жен преступников сделается, действительно, одержима тяжкою и продолжительною болезнью, или сблизится время ее родов, а находясь в том же положении в своем доме, лишится она всякого способа пользоваться высочайше дозволенным свиданием с мужем, могу ли в таком случае допустить за караульню мужа, в дом жены его для свидания?

При сем же представляю долгом моим донести до сведения вашего сиятельства с предоставлением копии взятого мною от велено исполнить по мнению генерала Вельяминова 22-го января 1829 года». (Курсив П. Е. Щеголева. — *Ред.*)

всех жен преступников при помещении в казарму с мужьями обязательства, что необходимость заставила меня оное истребовать для предупреждения и ограничения различных требований и претензий, могущих впоследствии времени от них возродиться, насчет якобы стеснения мною их положения, хотя ничего лишнего от них не требую, кроме усматриваемого нужным к порядку и устройству.

Генерал-майор Лепарский».

Управляющий Главным штабом граф А. Чернышев 19-го ноября 1830 года сообщил Лепарскому, что государь одобрил его распоряжения и разрешил государственным преступникам иметь свидания с женами в квартирах их, в случае, если последние по тяжкой болезни или приближающихся родов лишены будут возможности находиться при мужьях своих в казармах.

Вот содержание всех тех особых правил о правах жен декабристов, которые военный министр сообщил министру юстиции. Соображаясь с ними, последний должен был разработать свое мнение для представления в Комитет министров.

VI

Министр юстиции передал дело о правах жен декабристов в департамент министерства юстиции, директором которого в это время был Дегай. III Отделение департамента (2-й стол) изготовило доклад и 22 февраля поднесло его министру. Министр утвердил его, и заключения доклада целиком вошли в Записку, которую министр юстиции представил в Комитет министров. Юристы департамента, прежде всего, указали, что мнение министра юстиции, высказанное им на первый запрос графа Бенкендорфа, основывалось на частной копии правил, сообщенных московскому генерал-губернатору. Мы видели уже, что в этих правилах как раз нельзя было найти оснований для мнения министра юстиции. Рассмотрев постановления, присланные военным министром, департаментские юристы вполне верно заметили, что только два из них могут относиться к обстоятельствам, подлежащим разрешению. По поводу высочайше одобренного предписания Лавинского, имевшего весьма определенный и ужасный смысл и лишавшего жен декабристов прав состояния, III Отделение департамента, имея в виду ослабить их значение, высказалось на следующих, весьма неясных выражениях: «предписание на имя губернатора имело целью удержать жен государственных преступников от принятого ими намерения следовать за их мужьями, постановляя на

сей случай внушения, какие поручалось делать им для отклонения от того намерения; главное из сих внушений состояло в том, что они, следуя за своими мужьями и продолжая супружескую с ними связь, естественно сделаются причастными их судьбе и потеряют прежнее звание: т. е. будут признаваемы не иначе, как женами ссыльно-каторжных, а дети, которых приживут в Сибири, поступят в казенные крестьяне». Министр-характер юстиции *подчеркнуло в основном пункте предписания характер внушения и предостережения** и, отказываясь придавать ему значение положительного законодательства, в высочайше одобренном мнении Долгорукова отмечало следующую фразу: «невинная жена, следуя за своим мужем преступником в Сибирь, по 231 § Устава о ссыльных не прежде может вступить в брак или возвратиться к родственникам, как по смерти мужа». Поэтому автор доклада министру юстиции делал следующее заключение, дословно внесенное в записку министра: «Обе сии бумаги [предписание Лавинского и мнение Долгорукова] удостоены высочайшего утверждения; но доньше служили руководством только для одного местного начальства и, не быв оглашены во всеобщее известие, не могут быть принимаемы в виде закона; впрочем, в самих бумагах сих, хотя и содержится установление, что жены государственных преступников, следуя за своими мужьями, должны находиться при них до их смерти и, теряя прежнее звание, быть почитаемы женами ссыльно-каторжных, однако ж не сказано, что они лишались прав распоряжаться принадлежащею им собственностью». Толкуя таким образом высочайшую волю и ссылаясь на резолюцию государя по делу Давыдовой, министр юстиции «полагал постановить на будущее время общим правилом, что сии жены, разделяющие супружескую связь с мужьями, хотя и должны в настоящем их положении, до смерти мужей признаваемы быть женами ссыльно-каторжных, но они не лишены права наследовать доходящею им собственностью и вообще располагать принадлежащим им именем, через доверенных лиц способами, законом дозволенными; *по смерти же мужей сами они могут возвратиться в Россию и в таком случае сохраняют прежнее звание***; но дети, которых приживут в ссылке, поступающие в казенные поселяне, должны оставаться в сем состоянии, в распоряжении местного начальства». Записка министра юстиции была отослана в Комитет министров 9 марта 1833 г. за № 2933 (по департаменту).

Комитет министров слушал записку министра юстиции в заседании 14 марта 1833 года. Комитет высказался определен-

* Курсив П. Е. Щеголева. — *Ред.*

** Курсив П. Е. Щеголева. — *Ред.*

нее и жестче министра юстиции. Находя, что последствия добровольного сожигания жены с ее сосланным мужем совершенно точно указаны и в уставе о ссыльных 1822 года, и в высочайше одобренном предписании иркутскому губернатору, комитет следующим образом комментировал их: «в личном отношении права состояния невинной жены ссыльного, по рождению или по браку ей принадлежащие, если сама она добровольно за ним последует, должны, до смерти мужа, считаться в действии их приостановленными и что и в отношении к имуществу своему она должна подвергаться тем предосторожностям и ограничениям, какие для общественной безопасности признаются необходимыми; но других ограничений в праве собственности таких жен не постановлено; из чего само собою следует, что при жизни мужей они не уstraняются от права наследования, а со смертью их вступают в полное обладание всех прочих, прежде принадлежавших им прав». Поэтому комитет министров согласился с мнением министра юстиции относительно общего правила о женах декабристов. Кроме этого, комитет давал ряд указаний по частному вопросу — об учреждении попечительства над именем княгини Волконской.

VII

Но все труды, потраченные и юристами департамента юстиции и Комитетом министров на обоснование законодательства о женах декабристов, несколько неожиданно оказались совершенно бесплодными. Вопрос во всем его объеме был разрешен императором Николаем Павловичем, который пренебрег всеми соображениями, до сих пор высказанными.

«В заседании 18 апреля, — читаем мы в журнале Комитета министров, — председатель комитета объявил, что государь император, по рассмотрении заключений Комитета министров о правах жен государственных преступников, добровольно следовавших за мужьями в ссылку на каторжную работу, — обращаясь к условиям, на коих сие дозволено было, находить изволит, что в помянутых условиях именно предписывалось, что, следуя за мужьями и продолжая супружескую с ними связь, они соделаются причастными их судьбе и потеряют прежнее звание, т. е. будут признаваемы не иначе, как женами ссыльно-каторжных, а дети, которых приживут в Сибири, поступят в казенные крестьяне. За сим, хотя в тех же условиях присовокуплено, что невинная жена, следуя за мужем преступником в Сибирь, должна оставаться там до его смерти; но правительство, чрез таковую ссылку на общий закон, собственно до

*обыкновенных** уголовных преступников относящийся (указ о ссыльных § 231), постановляя только, что невинные жены государственных преступников *прежде смерти* мужей не могут оставлять Сибири, отнюдь не принимало еще на себя неперменной обязанности, *после смерти* их, дозволить всем их вдовам возврат в Россию.

По сему его императорское величество, разделяя представляющийся здесь общий вопрос на два, и именно: 1) о праве состояния и 2) о праве избрания места жительства, в разрешении того и другого полагать изволит:

1) Что невинные жены государственных преступников, разделяющие супружескую с ними связь, согласно прежним повелениям и настоящему заключению Комитета министров, до смерти мужей должны быть признаваемы женами ссыльно-каторжных и с сим вместе подвергаться всем личным ограничениям, составляющим необходимое последствие сожития их с преступниками; причем, хотя и не лишаются права наследовать доходящую им собственностью и вообще располагать своим имуществом чрез доверенных лиц, способами, в законах дозволенными; но во все время продолжения жизни мужей, нужная на содержание жене часть из доходов прежде принадлежавшего им или вновь наследованного имущества должна быть выдаваема не им непосредственно, а в распоряжение того начальства, которому поручено заведование государственными преступниками, для употребления в пользу их по правилам, какие на сие предписаны могут быть.

2) Что после смерти государственных преступников, жившим с ними невинным женам их, на основании существующих узаконений, хотя и должны быть возвращаемы лично все прежние их права, вместе с предоставлением в непосредственное уже распоряжение их принадлежащих им имений и доходов с оных; но действие всех этих прав имеет ограничиваться одними пределами Сибири, дозволение же вдовам государственных преступников возврата в Россию, безусловно или с известными ограничениями, зависеть будет от особого усмотрения правительства и не иначе каждой из них дано быть может как с высочайшего разрешения.

Его величество, повелевая, принял правила сии к неперменному впредь руководству, в отношении собственно к просьбе статс-дамы княгини Волконской изъясниться изволил, что просьба сия не иначе, как на законном рассмотрении и на основании законов разрешена быть должна.— Его величество

* Курсив П. Е. Щеголева. — *Ред.*

не предполагает в делах сего рода допускать каких-либо исключений».

Это высочайшее мнение, по постановлению Комитета министров было сообщено министру юстиции к исполнению выпискою из журнала заседания (в бумаге от 18-го апреля 1833 года, за № 762).

Отныне сомнения о правах жен декабристов уже не могли иметь места. Положение Комитета министров, конечно, не осталось только на бумаге и было приведено в исполнение. Имущественные права сильно ограничивались администрацией, и местной, и высшей. Любопытно, что местные власти как-то стеснялись по своей инициативе пользоваться правом, предоставленным им означенным положением, и всегда восходили с своими докладами к высшей власти. В 1835 году император Николай I еще раз высказался по вопросу о правах владения жен декабристов. Он «изволил найти неудобным дозволить госпоже Розен купить землю в 10 000 руб., ибо по ценам, существующим в Сибири, она может приобрести на сию сумму обширное пространство земли, для обрабатывания которой необходимо должна будет нанимать посторонних людей или отдавать в наймы, а сие, дав ей некоторый вид помещицы и поставив ее в необходимость входить в сношения разного рода, по положению ее неприличны,— было бы несообразно цели существующих правил о государственных преступниках и женах их, за ними последовавших в Сибирь»*.

Остается сказать несколько слов о судьбе женщин, следовавших в Сибирь и разделявших судьбу своих мужей. Три из них умерли, не дождавшись амнистии, объявленной при восшествии на престол Александра II: это — А. Г. Муравьева (ум. 22-го ноября 1833 года), К. П. Ивашева (ум. 28-го декабря 1839 года) и кн. Е. И. Трубецкая (ум. 14-го октября 1854 года). Е. П. Нарышкина и А. В. Розен выехали в 1837 году вслед за своими мужьями, переведенными на Кавказ для отбывания военной службы в чине рядового. При жизни императора Николая одна только Фонвизина выехала из Сибири в Россию, в 1852 году, после того, как ее мужу было разрешено возвратиться на родину. М. Н. Волконская и П. Е. Анненкова отбыли в Россию вместе с своими мужьями только по воспоминании всемиростивейшего манифеста 26-го августа 1856 года. Хуже всего пришлось, конечно, тем, мужья которых умерли в Сибири: А. В. Ентальцевой (ее муж умер в 1845 году) и М. К. Юшневской (А. П. Юшневский скончался в 1844 году.) В «Положе-

* Дмитриев-Мамонов А. И. Декабристы в Западной Сибири, с. 122.

нии Комитета Министров» сказано, что «дозволение вдовам государственных преступников возврата в Россию, безусловно или с известными ограничениями, зависит от особого усмотрения правительства и не иначе каждой из них дано быть может, как с высочайшего разрешения». Но все ходатайства Ентальцевой и Юшневской о возвращении в Россию были решительно отклоняемы. О Ентальцевой знаем, что она находилась, после смерти мужа, во все время своего пребывания в Сибири под полицейским надзором. Только в 1857 году, после манифеста, Ентальцева и Юшневская получили возможность возвратиться в Россию.

Примечание. Портреты Ивашевой, Розен, Трубецкой, Давыдовой, Фонвизиной и Нарышкиной воспроизводятся впервые²⁴. Считаю долгом выразить глубокую признательность Петру Александровичу Ефремову и Евгению Ивановичу Якушкину, предоставившим в наше распоряжение оригиналы из своих коллекций.

ВСТРЕЧИ С ТОЛСТЫМ

В 1894 году жил я в Воронеже, учился в местной классической гимназии, был уже в седьмом классе, давал уроки или, как тогда говорили, репетировал. Мой самый приятный «урок» был в семье Русановых¹, где я состоял репетитором 12-летнего мальчика из второго или третьего класса. 1 апреля явился я в обычное время — часов в 6 — к Русановым, начал урок и сразу же заметил, что мой Коля находится в необычайно возбужденном состоянии: он все время ерзал, был рассеян, порывался что-то сказать, что-то открыть, но с большим трудом удерживался. Все-таки проговорился, сначала едва-едва, общё: «а вам будет сюрприз, если останетесь пить чай», а затем под большим секретом, взяв слово, что сделаю вид, будто ничего не знаю, сказал: «приехал к нам Лев Николаевич Толстой, сейчас пошел гулять, а к чаю вернется». После такого сообщения трудно было вести «репетицию»: и учитель, и ученик сидели, как на иголках, поджидая, когда кончится назначенный для занятий час и нас позовут к чаю. И теперь мне памятно то волнение, которое переживал семнадцатилетний гимназист при мысли, что вот сейчас, через несколько минут он увидит Льва Толстого, самого Льва Толстого²...

В то время обаяние имени Толстого было необычайно. Очарование его художественного гения было беспредельно, а борьба, поднятая им против церкви и царизма, против православия и самодержавия, покрыла его деятельность революционным ореолом. В эпоху политического безвременья разрушительная толстовская критика устоев жизни давала толчок, питала революционные настроения в слоях, далеких от толстовства. Конечно, я сразу и навсегда был покорен художником, и Толстой

стал для меня великим человеком. С философским и этическим учением Толстого я начал знакомиться позднее, с класса четвертого, пятого гимназии,— значит, с 1892 года. Теперь не припоминаю хода моих чтений Толстого. Все эти сочинения Л<ьва> Н<иколаевича> были в то время запретными, нелегальными; ходили в изданиях гектографированных или заграничных. В гимназические годы нелегальная, революционная литература доходила до нас, правда, в ничтожном количестве, но, несомненно, ни одно т<ак> н<азываемое> нелегальное произведение не производило на меня такого впечатления, как сочинения Л<ьва> Н<иколаевича> — «Исповедь», «В чем моя вера», «Так что же нам делать», «Церковь и государство», «Тулон и Кронштадт»³. Последняя вещь и до сих пор кажется мне первоклассным памфлетом. Интерес к Толстому поддерживала во мне и снабжала книгами семья Гаврилы Андреевича Русанова, восторженного и убежденного почитателя Льва Николаевича, состоявшего с ним в переписке и лично знакомого с ним. В этой семье было 5 человек детей — все сыновья⁴. Все дети в то время находились под влиянием идей Л<ьва> Н<иколаевича>, которые были знакомы из книг и из рассказов родителей. В этом доме становилась известной всякая новая строка Толстого. Я помню то нетерпение, с каким ожидалось получение нового рассказа, нового письма Л<ьва> Н<иколаевича>. Произведения Л<ьва> Н<иколаевича>, запрещенные в России, были известны здесь по большей части в тщательно переписанных и выправленных текстах.

Несомненно, что революционные настроения создаются в значительной мере критикой политического строя; нравоучительные сочинения Толстого били дальше той цели, в которую метил автор. Подрывание основ строя у нас в России было выполнено Толстым с замечательной силой и блеском. Эффект получался неожиданный в сторону подъема революционного настроения.

Наконец нас позвали к чаю. За столом сидела вся семья. Было как-то наряднее и светлее, чем обыкновенно; видно было, что кого-то ждали. Глава семьи не без лукавства поглядывал на меня. Послышался шум в передней, все насторожились. Вошел Толстой.

Поздоровался, меня представили. Волнуясь, комкая слова, еле слышно я назвал свою фамилию. Совершенно неожиданно Лев Николаевич, взглядывая пристально, переспросил: «Как ваша фамилия?» Глубокий, пронизывающий взор. Первое впечатление: показалось, о чем бы ни спросил этот человек, на все ответил бы, не умолчал, не скрыл, не солгал.

Разговор шел общий, главным образом на литературные те-

мы. Лев Николаевич интересовался, что читаем мы, подрастающее поколение. Читали мы все много, я в особенности. Некоторое время Льву Николаевичу не удавалось назвать ни одного произведения, которое было бы нам не известно. Но на Диккенсе мы были пойманы: мы читали, понятно, все популярные вещи, но вынуждены были дать отрицательные ответы на вопросы: «а читали роман «Наш общий друг»?», ну а «Большие ожидания»? — Ну, я вам завидую,— сказал Лев Николаевич,— какое вам предстоит удовольствие, а я уже прочел.

Разговор перешел на критику, и много читавший гимназист седьмого класса длительно занял внимание Льва Николаевича пересказом только что прочитанной и недостаточно усвоенной книги Геннекена «Опыт построения научной эстетики»⁵. Лев Николаевич терпеливо слушал, задавал вопросы и убеждался, что гимназист не очень разбирался в дебрях эстетической психологии⁶, но хотел показать свою ученость, хотел поразить его, Льва Николаевича, именами и мнениями авторов, названиями книг. Толстой не ценил мнений критиков, не высоко ставил и наших знаменитых вождей. Шутливо сказал о Белинском: «Я признаюсь, только никому об этом не рассказывайте: я хотел прочесть всего Белинского, начинал читать, но на шестом томе бросил, дальше не мог». Когда на другой день Лев Николаевич уезжал, мы, школьники, приступили к нему с просьбой написать «на память». Он исполнил просьбу и много читавшему гимназисту написал на клочке бумаги: «Желаю вам думать самому. Лев Толстой». Это наставление оказало на меня значительное влияние.

Первая встреча с Толстым оставила сильнейшее впечатление и вызвала интерес и увлечение чисто толстовскими идеями. Их влияние продолжалось в гимназические годы и первые годы студенческой жизни, пока не уступило места влиянию революционных идей того времени (1897—1899 в Петербурге). Толстой некоторое время был учителем жизни.

Прошло полтора года со времени первой встречи с Толстым, и зимой 1895 года, проезжая Москву по дороге из С.-Петербурга в Воронеж, после многих колебаний и сомнений я решил навестить Толстого и побеседовать с ним по вопросам его этического учения. Я не знал, примет ли он меня, узнает ли. И вот я стою в прихожей Хамовнического дома Льва Николаевича, спрашиваю робко у лакея, дома ли Лев Николаевич и принимает ли он. Лакей собирается ответить отрицательно, но в этот момент на лестнице с верхнего этажа вниз в прихожую показывается Лев Николаевич. «Да вот их сиятельство сами!» Тут меня поразила память Льва Николаевича. Он вспомнил не

только меня, но и мою фамилию, сказал: «А, Щеголев, здравствуйте! Ну, пойдёмте». Лев Николаевич вернулся вместе со мной в свой кабинет. Помимо беседы о морали, был разговор и о литературе. Повод к разговору дали книги, лежащие на столе. Среди них были самые необычайные авторы. Мне запомнилась книжка московского «символиста» Емельянова-Коханского «Кровь растерзанного сердца»⁷. Символист был большим шарлатаном, и стихи его были шарлатанским издевательством над здравым смыслом. И на этой книге красовалась надпись Толстому: «Твоя от твоих тебе приносяще».

Лев Николаевич говорил о скудости современной литературы, о современных писателях, говорил о том, что у нас никто не выдвигается и не обещает многого. Это было зимой 1896—1897 года. Из уст Льва Николаевича я услышал классическое суждение:

— Что вы говорите о русской литературе! Кто же у нас? Ну, Пушкин, Гоголь, Достоевский, Тургенев, я — вот и вся литература.

Не ручаюсь за то, что Лев Николаевич назвал эти имена в таком порядке, но самое перечисление со включением самого себя резко запечатлелось в моей памяти, — да, и понятно, не могло не запечатлеться.

В 1899 году мне пришлось навестить Л<ьва> Н<иколаевича> по особому поводу. Мне пришлось принять самое близкое участие в историческом университетском движении, когда впервые было применено новое средство протеста — забастовка, в качестве члена комитета, организовавшего студенческое движение⁸. Одной из задач организаторов было привлечь внимание и симпатии «общественных» кругов к делу студентов и воздействовать на «общественное» мнение. Первые же дни было решено отправить специального посла к Л. Н. Толстому. Посол должен был рассказать Л<ьву> Н<иколаевичу> причины и историю движения, выяснить мирный характер студенческого протеста и просить его высказаться за студентов. Делегатом, как любили тогда выражаться, был выбран С. Н. Салтыков, позднее член 2-й Государственной Думы, по процессу социал-демократической фракции осужденный на 6 лет каторжных работ⁹. С. Н. Салтыков нашёл в семье Л<ьва> Н<иколаевича> самый радушный прием, а у Л<ьва> Н<иколаевича> встретил самое живое сочувствие движению. Л<ев> Н<иколаевич> был особенно заинтересован той формой, в которую вылилось движение, и студенческая забастовка представлялась ему одной из форм «непротivления злу насилieм»¹⁰. Беседа С. Н. Салтыкова с Л<ьвом> Н<иколаевичем> дала материал для следующей заметки, появив-

шейся в гектографированном «Бюллетене 7-го дня по закрытии университета» от 16 февраля 1899 года:

«Л. Н. Толстой, по собственным его словам, присоединяется всей душой к нашему движению. Он шлет нам свое полное одобрение, называет средство, избранное нами, самым целесообразным и обещает в скором времени дать гласный отзыв о нашем движении. По мнению Л<ьва> Н<иколаевича>, настоящее движение открывает новую эпоху в истории студенческих движений, становящихся на разумную общественную почву».

Так в измененной и сгущенной окраске сообщил студенческий агитационный листок о сочувствии Л<ьва> Н<иколаевича>¹¹.

Когда, после назначения комиссии П. С. Ванновского¹², была начата новая забастовка, симпатии «общества» к студентам раскололись. Стали говорить, что движение уже принесло практический результат и что продолжение его означало бы просто беспринципные беспорядки. Те, кто раньше был в числе сочувствующих, стали порицателями. Для того, чтобы вновь повернуть «общественное» мнение в сторону студенчества, организационный комитет поручил мне (С. Н. Салтыков был в это время уже арестован) посетить Л. Н. Толстого и вновь выяснить его взгляды.

Я пришел к Л<ьву> Н<иколаевичу> с одним московским студентом из группы, руководившей движением¹³. Мы изложили Л<ьву> Н<иколаевичу> все происшедшее в Петербурге и Москве, выяснили причины, которые заставили нас агитировать не за прекращение, а за возобновление и продолжение забастовки. Л<ев> Н<иколаевич> очень поражался организованностью движения и той связью, которая установилась между учебными заведениями различных городов. Ему нравилось чувство товарищества, которое побуждало к протесту, по крайней мере, до возвращения в университет высланных и арестованных товарищей. И на этот раз Л<ев> Н<иколаевич> отнесся сочувственно к движению, о котором подробно рассказал ему я и мой московский товарищ. Понятно, сочувствие было выражено в общей форме, и вряд ли было понято и верно освещено в следующем сообщении «Бюллетеня 23 дня от 19 марта»:

«Какое впечатление произвело на всех честных людей наше действие, видно из слов Толстого, переданных нам сегодня одним из посетивших его товарищей... Л<ев> Н<иколаевич> говорил, что факт солидарности всех наших учебных заведений настолько замечателен, что мы должны им дорожить, и теперь студенты не имели права прекратить движение, не считаясь с провинциальными товарищами. Необходимо было узнать мне»

ние учебных заведений всей России и только тогда принимать то или другое окончательное решение. Затем он возмущен административными высылками и считает нашей обязанностью протестовать против них всеми силами».

Конечно, в этом сообщении надо отделить сообщение о факте сочувствия Л<ьва> Н<иколаевича> от толкования, которое было продиктовано агитационными целями¹⁴.

Беседа с Л<ьвом> Н<иколаевичем> происходила наверху, в кабинете Льва Николаевича, наедине. Когда я и мой московский товарищ кончили свой доклад Л<ьву> Н<иколаевичу>, вошел слуга и доложил о Борисе Николаевиче Чичерине. Л<ев> Н<иколаевич> сделал досадливое движение плечами, выражавшее как будто нежелание видеть Чичерина. Вошел Чичерин, крепкий старик, убеленный сединами.

— Здравствуй, Лев. Как живешь? — спросил Чичерин.

Л<ев> Н<иколаевич> отвечал односложно, не желая втягиваться в разговор. Но Чичерин настойчиво желал разговора.

— Что пишешь теперь? — спрашивал Чичерин, но Л<ев> Н<иколаевич>, уклоняясь от беседы¹⁵, сказал Чичерину:

— Нет, ты послушай, что делается в Петербургском университете. Пожалуйста, расскажите еще раз все, что говорили мне, — обратился ко мне Л<ев> Н<иколаевич>.

Я должен был повторить свой рассказ. Чичерин слушал его с видимой неохотой, и лишь только я кончил, как он вновь обратился к Л<ьву> Н<иколаевичу> с тем же вопросом.

— А что же ты теперь пишешь?

И Л<ев> Н<иколаевич>, опять уклоняясь от ответа, перебил вопрос Чичерина:

— А что делается в Московском университете! Это очень интересно. Ты послушай. Расскажите, — сказал Л<ев> Н<иколаевич> моему московскому товарищу.

И московский студент во второй раз рассказал о происшествиях в Московском университете Чичерину, которому это было совершенно неинтересно.

Не знаю, как вышел бы из положения Л<ев> Н<иколаевич>, когда рассказ был бы окончен, и В. Н. Чичерин снова спросил бы Л<ьва> Н<иколаевича> о его работах. Но в это время пригласили всех, бывших наверху, вниз к чаю...

Внизу мы еще раз послужили Льву Николаевичу тараном против наступлений на него Чичерина и рассказали еще раз об университетских событиях в Петербурге и Москве. Чичерин завязал беседу с Софьей Андреевной. Софья Андреевна расска-

зывала о своей поездке в Петербург, о разговоре с Победоносцевым, о запрещении сочинений Толстого. У нее вырвалась фраза: «Ведь это же крупный убыток». Льву Николаевичу стало неприятно, он досадливо сказал: «Вечно ты о деньгах!»¹⁶

В 1905 году я напечатал работу о Грибоедове и декабристах. Она была издана А. С. Сувориным, и к изданию было приложено необычайно тщательно выполненное факсимиле хранившегося в Государственном архиве дела о Грибоедове, производившегося в следственной комиссии по делу декабристов¹⁷. О точности факсимиле можно судить по следующему инциденту. Директор архива С. М. Горяинов, получив от меня книгу с факсимиле, вызвал чиновника архива, в ведении которого были дела декабристов, и, показывая ему факсимиле, сделал ему выговор за небрежное хранение, за то, что «дело» оказалось не на месте, а в его, директора, кабинете, и приказал положить «дело» на место. Чиновник (милейший А. А. Привалов) был опарашен, вертел в руках факсимиле, ничего не мог привести в оправдание и, очевидно, мучимый угрызениями совести, удалился из кабинета его превосходительства. Не прошло двух минут, как он, нарушая правила субординации, без доклада, ворвался снова в начальственный кабинет и, потрясая факсимиле, восклицал: «Ваше превосходительство, подлинник дела на месте, а это копия».

Зная, что Толстой интересуется и занимается декабристами¹⁸, я послал ему свою книгу вместе с факсимиле. В ответ я получил от него следующее письмо:

«Очень благодарен вам, Павел Елисеевич, за присланное прекрасное издание о Грибоедове и за обещание (если я верно понял) прислать «Русск[ую] Правду» Рылеева¹⁹.

Если декабристы и не интересуют меня, как прежде, как матерьял работы, они всегда интересны и вызывают самые серьезные мысли и чувства.

В вашей присылке есть «Дело о Грибоед[ове]. Благодарю за него. Что с ним делать?»

Еще раз благодарю Вас за ваш подарок, остаюсь уважающий и помнящий Вас Лев Толстой. 8 июня 1908 г.»²⁰

И Лев Николаевич был обманут воспроизведением «дела» и принял его за подлинник.

«ЗЕЛЕНАЯ ЛАМПА»

Общество «Зеленой лампы» совершенно не привлекало внимания историков нашей общественности; им интересовались только биографы Пушкина, столкнувшиеся с фактом значительного влияния этого кружка на творчество и склад мировоззрения поэта. Об этом влиянии свидетельствуют неоднократные упоминания поэта о «Зеленой лампе», а главное — ряд поэтических произведений, связанных между собой с внешней стороны тем обстоятельством, что они имеют в виду членов этого кружка, а с внутренней единством тем и настроений. Но вопрос об истинных задачах и о действительной деятельности общества «Зеленой лампы» окончательно не решен. П. И. Барте-нев* на основании устных сплетен пустил в ход версию об оргиастическом направлении кружка «Зеленой лампы»; П. В. Ан-ненков, очень щекотливый и строгий в вопросах нравственно-сти, подхватил версию П. И. Бартенева и утвердил ее своим авторитетом. Вот его рассказ о «Зеленой лампе». «Какие разнообразные и затейливые формы принимал тогдашний кутеж, может показать нам общество «Зеленой лампы», основанное Н. В. Все<волжски>м и у него собиравшееся. Разыскания и расспросы об этом кружке обнаружили, что он составлял, со своим прославленным калмыком, не более, как обыкновенное *оргиастическое* общество, которое в числе различных домашних представлений, как изгнание Адама и Евы, гибель Содома и Гоморры и проч., им устраиваемых в своих заседаниях (см. статью г. Бартенева «Пушкин на юге»), занималось еще и пред-

* В «Моск<овских> Вед<омостях>», 1855 г., № 143, а в особенности в примеч<ании> на 128 стр. своей книжки «Пушкин в южной России». Материалы для его биографии, собираемые Петром Барте-невым. М., 1862.

ставлением из себя, ради шутки, собрания с парламентскими и масонскими формами, но посвященного исключительно обсуждению планов волокитства и закулисных проказ. Когда в 1825 г. произошла проверка направлений, усвоенных различными дозволенными и недозволенными обществами, *невинный*, т. е. оргиаческий характер «Зеленой лампы» обнаружился тотчас же и послужил ей оправданием. Дела, разрешавшиеся «Зеленой лампой», были преимущественно дела по Театральной школе»*.

С легкой руки Бартенева и Анненкова легенда об оргиазме «Зеленой лампы» внедрилась в пушкинскую литературу и долгое время повторялась писавшими о Пушкине. Влияние этого общества признавалось в высшей степени отрицательным и вредным. Правда, исследователи, искавшие фактических подтверждений, должны были взвесить тот факт, что и Бартенов, и Анненков, всегда очень точно указывающие свои источники, в этом случае оперлись на темные «расспросы и разыскания» у лиц, нам неизвестных. П. А. Ефремов особенно резко отзывался о рассказях Анненкова и ссылался на протоколы «Зеленой лампы», с которыми он мог в свое время познакомиться.

В своем исследовании об Я. Н. Толстом (1899 г.) Б. Л. Модзалевский также отказался довериться огульной оценке П. В. Анненкова¹. В последнее время П. О. Морозов и А. Н. Веселовский** пытаются окончательно разорвать с легендой о «Зеленой лампе». Казалось бы, на этот кружок начал устанавливаться в специальной литературе надлежащий взгляд. Тем неожиданнее и тем печальнее было встретить в книге В. Сиповского (Пушкин. Жизнь и творчество. СПб., 1907, с. 110) возвращение к старому взгляду и даже усугубление его.

А вопрос о «Зеленой лампе» особенно важен для биографии поэта. Он даже имеет кардинальное значение. То или иное решение вопроса есть угол зрения, под которым нужно смотреть на творчество Пушкина 1818—1820 гг., на развитие его мировоззрения.

Казалось бы, еще скорее, чем отсутствие каких-либо фактических подтверждений, легенду должно было бы разрушить непосредственное обращение к произведениям Пушкина, связанным с «Зеленой лампой». Они с совершенной достоверностью открывают, что политический характер, по меньшей мере, был

* Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. 1799—1826 гг. СПб., 1874, с. 63—64.

** В своих статьях в первом томе сочинений Пушкина под ред. С. А. Венгерова [СПб., 1907].

далеко не чужд общению членов кружка. Исследователи, поддерживающие точку зрения Бартенева и Анненкова, должны были бы крепко помнить известные стихи, обращенные Пушкиным к Каверину, бывшему членом кружка:

Молись и Вакху и любви
И черни презирай равниное роптанье;
Она не ведает, что дружно можно жить
С Киферой, с портиком, и с книгой, и с бокалом;
Что ум высокий можно скрыть
Безумной шалости под легким покрывалом
(II, 27).

Вот это-то легкое покрывало безумной шалости до сих пор еще не сдернуто с разгульного и вольнолюбивого кружка.

Даже описание собраний кружка, сделанное Пушкиным в 1822 году в письме к Я. Н. Толстому, по своей прелестной выдержанности несовместимое с содомскими представлениями, не заставило исследователей сдать в архив рассказы Бартенева и Анненкова.

Вот он, приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз,
Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое равенство,
Где своенравный произвол
Менял бутылки, разговоры,
Рассказы, песни шалуна —
И разгорались наши споры
От искр и шуток, и вина, —
Я слышу, верные поэты,
Ваш очарованный язык... (III, 47)²

В этом кружке Пушкин отмежевывал себя

От мертвой области рабов
Кашраляства, прихотей и моды.
(Н. В. Всеволожскому, 1819 г.; II, 101).

Покидая летом 1819 года Петербург, Пушкин уже мечтал об удовольствиях возвращения под тень «Зеленой лампы»:

Приеду я
В начале мрачном сентября:
С тобою пить мы будем снова,
Открытым сердцем говоря
Насчет глушца, вельможи злого,
Насчет колопа записного,
Насчет небесного царя,
А иногда насчет земнова.
(В. В. Энгельгардту, 1819 г., июль; II, 83—84)

С именем П. Б. Мансурова и Ф. Ф. Юрьева, тоже членов «Зеленой лампы», связаны самые распущенные, с точки зрения житейской морали, стихотворения этого цикла. Но и с этими людьми Пушкина связывало какое-то единство свободолобивых веяний. Даже в известном послании к Юрьеву, проникнутому какой-то особой беззаветностью удали, находим отблески «свободы»:

Здорово, рыцари лихие
Любви, Свободы и вина!
Для нас, союзники младые,
Надежды лампа зажжена!..

(1819 г.) (II, 95)

Мы, быть может, не решились бы отыскивать политику в этом послании, но «лампа надежды» заставляет нас делать это. Немного дальше мы разъясним почему. Не лишнее упомянуть, что даже в письме к Мансурову, которое и до сих пор печатается с многочисленными точками по соображениям моральным, встречаем такой конец: «поговори мне о себе — о военных поселениях — это все мне нужно — потому что я люблю тебя — и ненавижу деспотизм»³.

Из всего цикла стихотворений встречаем только одно послание М. А. Щербинину, совершенно свободное от каких-либо политических намеков.

От свидетельств Пушкина перейдем к фактическим данным. Пожалуй, единственный факт Анненкова — ссылка на расследование Следственной комиссии по делу декабристов: «произошла проверка направлений, усвоенных различными дозволенными и недозволенными обществами, *невинный*, т. е. оргиаческий характер «Зеленой лампы» обнаружился тотчас же и послужил ей оправданием»*. Действительно, если бы общество имело исключительно этот характер, то, ввиду страха, нагнанного на всю Россию следователями Николая I, проще и естественнее всего было бы ожидать, что будут ссылаться на разгульный тон всего общества. Но при расследовании, как мы увидим ниже, следственная комиссия не получила *ни одного указания* на оргиазм «Зеленой лампы».

В составленном в 1827 году для Николая I «Алфавите членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам прикосновенным к делу, произведенному высочайше учрежденною 17 декабря 1825 года Следственной комиссиею»⁴, находим и имя Никиты Всеволодовича Всевожского. Против этого имени за-

* [Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху, с. 63. — *Ред.*]

писано: «по указанию кн. Трубецкого, Бурцова и Пестеля Всевожский был учредителем общества Зеленой Лампы, которому название сие дано от лампы, висевшей в зале его дома, где собирались члены, коими (по словам Трубецкого) были: Толстой, Дельвиг, Родзянко, Барков и Улыбышев. По изысканию Комиссии оказалось, что предметом сего общества было единственно чтение вновь выходящих литературных произведений, и что оно уничтожено еще до 1821 года. Комиссия, видя, что общество сие не имело никакой политической цели, оставило оное без внимания»*. В «Алфавите» занесены и все поименованные тут лица, и против фамилий каждого из них, за исключением Я. Н. Толстого, повторяется та же самая запись. Запись же против фамилии Я. Н. Толстого указывает только принадлежность его к Союзу благоденствия и не упоминает о «Зеленой лампе».

Никто из лиц, оговоренных Трубецким в принадлежности к «Зеленой лампе», не допрашивался; все они оставлены без внимания, за исключением Я. Н. Толстого, который в это время был за границей и не мог быть допрошен.

В этом итоге разысканий Комиссии нет упоминаний об оргиастических особенностях сообщества, но обратимся к другому итогу, подведенному уже в 1827 году, более полному.

В «Кратком описании различных тайных обществ, коих действительное или мнимое существование обнаружено Следственною комиссиею»**, находим следующее описание общества «Зеленой лампы».

«В 1820 году камер-юнкер Всевожский завел сие общество, получившее свое название от лампы зеленого цвета, которая освещала комнату в доме Всевожского, где собирались члены. Оно политической цели никакой не имело; члены съезжались для того, чтобы читать друг другу новые литературные произведения, свои или чужие, и обязывались сохранить в тайне все, что на их собраниях происходило, ибо нередко случалось, что там слушали и разбирали стихи и прозу, писанные в сатирическом или вольном духе. В 1822 году общество сие, весьма немногочисленное и по качествам членов своих незначительное, уничтожено самими членами, страшившимися возбудить подозрение правительства. Камер-юнкер Всевожский, равно как и прочие его сообщники оставлены без внимания».

В этом свидетельстве встречаем указания и на тайну, соб-

* Эта запись уже цитировалась Б. Л. Модзалевским в его предисловии к «Запискам Василия Петровича Зубкова». СПб., 1906, с. 9 [Далее — Записки В. П. Зубкова... — *Ред.*]

** Государственный архив, I В, № 332 в. [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 333, лл. 1—199].

людавшуюся в обществе, и на сатирический или вольный дух читанных на собраниях стихотворений, и на *исключительно литературный* характер общества.

Перейдем теперь к тем показаниям, которыми располагала следственная комиссия, составляя свои заключения об обществе «Зеленой лампы». Первый итог основан на показаниях Трубецкого, Бурцова и Пестеля.

Впервые о «Зеленой лампе» Комиссия услышала, по-видимому, от Пестеля. В своих дополнениях к ответам, данным генералу В. В. Левашову, 6 января 1826 года Пестель, между прочим, пишет: «Слышал я еще о существовании двух тайных обществ под названием *Русские рыцари* и *Зеленая Лампа*. О членах и подробностях ничего не слышал и не знаю, уничтожились ли они или еще продолжаютя. О первом слышал от генерала Орлова, а о втором, за давностью времени, никак не упомню, кто мне говорил, ибо это было еще в 1817 или 1818 году. Но кажется, что Трубецкой о том знал». Через несколько дней Комитет предложил Пестелю «объяснить с подробностью и чистосердечием все то, что ему известно о существовании, действиях и взаимных сношениях с другими обществами «Зеленой Лампы». 13 января Пестель отвечал: «О «Зеленой Лампе» никак не могу припомнить, кто мне говорил, ибо сие было еще в 1817 или 1818 годах, но тогда же было мне сказано, что князь Сергей Трубецкой имеет сведение о сем обществе. Я впоследствии никогда о том с Трубецким не говорил, ибо совершенно забыл о сей Зеленой Лампе, да и полагаю, что ее общество было весьма незначашее, ибо после того никогда более ничего про нее не было слышно»*.

Не получив никаких указаний от Пестеля, Комиссия обратилась, конечно, к Трубецкому. 12 января Трубецкому был предложен следующий вопросный пункт:

«Комитет имеет определительное показание, что вы известны о существовании в России особого тайного общества под названием *Зеленая Лампа*, по сему требует от вас:

- 1) Где сие Общество существует, когда возимело свое начало и кем именно основано?
- 2) Какая цель и намерение сего Общества, какими средствами полагали достигнуть цель свою?
- 3) Кто именно члены сего Общества?
- 4) С какими другими обществами оно имеет сношение?
- 5) На каких правилах или законах Общество сие составлено?»

* Оба ответа приведены в книге Н. П. Павлова-Сильванского «Декабрист Пестель перед Верховным Уголовным Судом» [Ростов н/Д], 1907, с. 134—135, 115.

Князь Трубецкой дал следующие ответы на эти пункты.

«1) Общество Зеленой Лампы возимело начало в 1818-м году и основано было камер-юнкером Никитою Всеволодовичем Всеволожским.

2) Цель сего общества была просто собираться читать сочинения, которые члены приносили для чтения в оном; а политической цели никакой, сколько мне известно, не было.

3) Из бывших членами сего общества, кроме меня и Всеволожского, известны мне еще были: *Улыбышев*, служащий ныне в коллегии иностранных дел; *Дельвиг* (барон), где служит не знаю, но известен литературными своими произведениями; *Яков Николаевич Толстой*, старший адъютант Главного штаба его величества; кажется, был *Родзянко*, служивший в л.-гв. Егерском полку; *Барков*, служивший в оном же полку. Еще кто был, упомнить не могу. Я был недолго членом сего общества, не более двух месяцев пред отъездом моим в чужие края в 1819-м году и после, когда оно расстроилось, я достоверного ответа дать не могу.

4) Сколько мне известно, оно ни с какими другими обществами сношения не имело.

5) Особых правил и законов, сколько я знаю, оно никаких не имело; только в члены принимались не иначе как по общему согласию; каждый член был обязан сочинения свои прежде читать в сем обществе, до издания их. Собирались у Всеволожского, кажется, раз в две недели*.

13 января члены Комиссии заслушали ответы князя Трубецкого и положили «иметь в виду, не откроется ли насчет «сего общества» каких-либо дальнейших пояснений**». Но дальнейшие объяснения не увеличили запаса сведений Комиссии. Зубков в то же время показал, что «слыхал о каком-то обществе «Зеленой Лампы», но не помнит от кого***. 16 января полковник Бурцов в своих показаниях написал: «О других [кроме Союза благоденствия.— П. Щ.] тайных обществах в России и Малороссии существующих я совершенно ничего не знаю, кроме того, что при исследовании происшествия Семеновского полка открыто было полициею в Петербурге много тайных обществ и из них одно именовалось «Зеленой Лампы», в котором был членом камер-юнкер Всеволожский. Это я слышал от пол-

* Госуд<арственный> арх<ив>. I В, № 333. Дело князя С. П. Трубецкого. (ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 333, лл. 1—199.— *Ред.*)

** Протоколы Комиссии, засед. XXVIII (Госуд<арственный> Арх<ив>. I В.) ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 25; Движение декабристов. Документы. Т. XVI. Журналы и докладные записки Следственного комитета. М., 1986, с. 59.— *Ред.*]

*** Записки В. П. Зубкова..., с. 9.

к <овника> Глинки. Также говорили, что есть большое общество мистическое, в котором действовал г. Лабзин. Но обо всем этом я поистине ничего точного не знаю*». Ввиду отсутствия дальнейших сведений, Комиссия оставила без внимания «Зеленую Лампу», составив приведенное нами выше и прописанное в «Алфавите» заключение. Комиссия не потребовала даже к ответу влиятельного члена Союза Благоденствия Я. Н. Толстого, хотя принадлежность его к Союзу была известна Комиссии. Император Николай I приказал Толстого, находившегося за границей, «поручить под секретный надзор начальства и ежемесячно доносить о поведении»**.

После окончания дела декабристов и приведения приговора в исполнение Я. Н. Толстой, сидя за границей в самом бедственном положении, без денег, без писем с родины, под вечным подозрением, задумал реабилитировать себя. 26 июля (очевидно, по новому стилю) 1826 г. из Парижа Толстой обратился с всеподданнейшим письмом, в котором дал объяснения о своих отношениях к тайным обществам. Письмо это, очевидно, не подавалось. 17 октября того же года Толстой обращается уже с всеподданнейшим прошением и прилагает записку, в которой не совсем дословно повторяет объяснения письма от 26 июля***. В приложениях мы даем текст письма и записки, но здесь нас не интересует история реабилитации Толстого и не занимает вопрос, как и насколько верно изображает Толстой свои отношения к тайным обществам. Мы остановимся только на его рассказе о «Зеленой лампе». Заметим, однако, что Толстой старается свести к нулю свое участие во всех тайных обществах, предпочитая подробнее рассказать о «Зеленой лампе». Такой метод оправдания, надо думать, был подсказан неглупому Толстому известной ему судьбой товарищей по «Зеленой лампе» и, прежде всего, Всеволожского. Вот что говорит Толстой о «Зеленой лампе». Воспроизводим рассказ письма, в скобках указывая изменения и дополнения записки, приложенной к прошению****.

«В 1818 [или 1819 году] составилось общество в доме камер-

* Госуд<арственный> арх<ив>. I В, № 95 [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 95, л. 17 об. — *Ред.*]

** Вопрос о виновности Толстого разобран мною в заметке «Из двадцатых годов. I. К биографии Я. Н. Толстого» (Пушкин и его современники. СПб., 1904, вып. II). Сведения, которые я сообщаю дальше, были мне в то время недоступны.

*** Эти документы хранятся в Архиве Главн<ого> Штаба, 1826 г., д. № 562. Нами воспроизведены по копиям, полученным П. А. Ефремовым от Н. К. Шильдера.

**** Скобками [] обозначаем дополнения записки против письма, а скобками () изменения.

юнкера [Никиты] Всевожского. Цель оногo состояла в чтении литературных произведений. Я был одним из первых (главнейших) установителей сего общества и избран первым председателем. — Оно получило название «Зеленой Лампы» по причине лампы сего цвета, висевшей в зале, где собирались члены. — Под сим названием крылось однако же двусмысленное подражание и девиз общества состоял из слов: *Свет* и *Надежда*. Причем составлены (составились) также кольца, на коих вырезаны были лампы; члены обязаны были иметь у себя по кольцу. — Общество Зеленой Лампы [невзирая на то] не имело никакой политической цели. — Одно обстоятельство отличало его от прочих ученых обществ: статут приглашал в заседаниях объясняться и писать [последнего слова нет] свободно и каждый член давал слово хранить тайну. — За всем тем в продолжение года общество Зеленой Лампы не изменилось и кроме некоторых республиканских стихов и других отрывков там читанных, никаких вольнодумческих планов не происходило; число членов доходило до 20-ти или немного более. Заседания происходили, как я выше сказал, в доме Всевожского, а в отсутствие его в моем. — Однажды член, отставной полковник Жадовский, объявил обществу, что правительство (полиция) имеет о нем сведения и что мы подвергаемся опасности, не имея дозволения на установление общества. — С сим известием положено было прекратить заседания и с того времени общество рушилось. — Но из числа членов находились некоторые, движимые политическими видами, и в 1819 [или в 1820] году (кажется) коллежский асессор Токарев и полковник Глинка сошлись на квартире первого, пригласили меня и, присоединив к себе князя Оболенского, титулярного советника Семенова и прапорщика Кашкина (последней фамилии нет), положили составить общество под названием «Добра и Правды». Уложение уже было написано кол. ас. Токаревым; оно состояло в прекращении всякого зла в государстве, в изобретении новых постановлений в правительстве и, наконец, в составлении конституции».

Очевидно, составитель того заключения о «Зеленой лампе», которое мы выше привели из составленного в 1827 году «Краткого описания тайных обществ», уже имел в виду донесение Толстого. Трудно предположить, что Толстому были известны показания Трубецкого о «Зеленой лампе», а отсутствие противоречий в его объяснениях этим показаниям свидетельствует о том, что представление об этом кружке, данное Трубецким и Толстым, соответствует действительности. Толстой только углубляет и дополняет сообщение Трубецкого. Но где же в этом рассказе сказочный разгул и разврат, о котором сообщил нам

П. И. Бартенев? Вспомним о том, что Толстой написал свои объяснения с целью своего оправдания: если бы хоть наполовину были верны рассказы П. И. Бартенева, то неужели же Толстой упустил бы случай окрасить кружок «Зеленой лампы» в антиполитический тон? Не забудем и того, что в расчеты Толстого, основательно искажившего в своих объяснениях свои отношения к тайным обществам, входило быть искренним в рассказе о «Зеленой лампе».

Итак, *главнейшая* задача кружка — чтение литературных и, преимущественно, на политические темы произведений. Это заключение подтверждается и рассказом П. А. Ефремова о протоколах и бумагах «Зеленой лампы», которые ему пришлось видеть у М. И. Семевского. Покойный П. А. <Ефремов> неоднократно высказывал пишущему эти строки сожаления, что он не воспользовался в свое время хоть частью этих бумаг*. Из этих протоколов и бумаг было видно, что в «Зеленой лампе» читались стихи и прозаические сочинения членов (как, напр., Пушкина и Дельвига), представлялся постоянный отчет по театру (Д. Н. Барковым), были даже читаны обширные очерки самого Всевожского из русской истории, составленные не по Карамзину, а по летописям. «В этих протоколах — продолжает П. А. Ефремов — я видел указание на чтение стихотворения бар<она> Дельвига: «Мальчик, солнце встретить должно», неоднократно приписывавшееся Пушкину, и тут же приложено было и самое стихотворение, написанное рукою барона и с его подписью»**.

Общество при наличности некоторой политической пропаганды усвоило себе и некоторые особенности тайных обществ: соблюдение тайны, обмен кольцами. Но в сплетне, сообщаемой Анненковым о «Зеленой лампе», не отразилась ли эта таинственность и обрядность в упоминании о парламентских и масонских формах? И вообще весь рассказ Анненкова не напоминает ли тех баснословных и нелепых обличений масонов, которыми была полна последняя четверть XVIII века? Анненков, которому вообще нельзя отказать в историческом чутье, был введен в обман, прежде всего, присущим ему ханжеством в вопросах морали и религии. Это ханжество — мы знаем — заставляло его вычеркивать, да — вычеркивать строки Пушкина из под-

* Найдутся ли они? Я слышал от С. А. Панчулидзева, что в Рябове, имении Всевожских, хранился в последнее время архив «Зеленой лампы». Но после смерти владелицы я обращался к ее наследнику, г. Всевожскому, но он сообщил мне, что тоже слышал об этих бумагах, но ровно ничего в Рябове уже не нашел.

** Сочин<ения> Пушкина. Ред. П. А. Ефремова. СПб., 1935, т. VIII. с. 135, VII.

линных рукописей. И тут из-за этого свойства своей природы Анненков не заметил, что разгул и разврат и Пушкина, и «Зеленой лампы» вовсе не были необыкновенны даже до грандиозности, а умещаются в исторических рамках. Время такое было, но Пушкин — не алкоголик и не садист.

Познакомившись с объяснениями Толстого, мы можем осветить два места из стихотворений цикла «Зеленой лампы», которые до сих пор были несколько неясны. Вспомним

Для нас, союзники молодые,
Надежды лампа зажжена!..

(II, 95)

По словам Толстого, название «Зеленой лампы» было двусмысленно, и девиз общества был: Свет и Надежда.

В письме к Толстому Пушкин о кружке говорит

Приют любви и вольных муз*,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз.

(XIII, 47)

Союзники, союз и клятвы... у Пушкина; тайное общество вольнолюбивых людей, связанное клятвами, обменом колец... в объяснениях Толстого.

Обратимся к составу «Зеленой лампы». До опубликования официальных документов мы знали в числе членов, кроме Н. В. Всеволжского и его брата⁶, Як. Н. Толстого, офицера л.-гв. Егерского полка Дм. Ник. Баркова, ген. штаба М. А. Щербинина, лейб-улана Ф. Ф. Юрьева, лейб-гусара П. П. Каверина, адъютанта П. Б. Мансурова, А. И. Якубовича, В. В. Энгельгардта, А. С. Пушкина и позднее его брата Льва**. Теперь мы должны прибавить к ним кн. С. П. Трубецкого, Улыбышева, барона Дельвига, А. Г. Родзянко (по показаниям Трубецкого), полк <овника> Жадовского, полк <овника> Ф. Н. Глинку и Токарева. Пожалуй, к ним нужно прибавить и Н. И. Гнедича***. Толстой, назвав поименно только трех, говорит о 20 членах или немногим более. Нам известно сейчас 20 фамилий.

О том, кто такие были братья Всеволжские, Дм. Ник. Барков, Ф. Ф. Юрьев, М. А. Щербинин, П. Б. Мансуров, В. В. Энгельгардт, А. Г. Родзянко, мы знаем из комментариев к сочи-

* Вольных — отнюдь не распущенных. — П. III.

** См.: Модзалевский Б. Л. Яков Николаевич Толстой. СПб., 1899, с. 5—6.

*** О том, что Н. И. Гнедич читал свои стихи в кружке, писал М. Н. Лонгинову Я. Н. Толстой 1(13) ноября 1856 года. — Современник, 1857, № 4, с. 266—267.

нениям Пушкина*. Только тут они и оставили свои фамилии. Стоит подчеркнуть участие в кружке «Зеленой лампы» Александра Дмитриевича Улыбышева, известного знатока музыки, автора биографии Моцарта, вышедшей в 1843 году на французском языке⁷. В период «Лампы» он служил в министерстве иностранных дел и редактировал «Journal de St. Pétersbourg», в котором он помещал свои музыкальные рецензии. Искусство было главным интересом жизни Улыбышева во всем ее течении. Нельзя не указать, что Улыбышев всегда высказывался против крепостного права**. О полковнике Жадовском Б. Л. Модзалевский любезно сообщил нам следующее: «Иван Евстафьевич Жадовский служил в л.-гв. Семеновском полку; 11-го мая 1817 г. переведен из капитанов Семеновского полка полковником в Гренадерский короля Прусского (потом С.-Петербургский Гренадерский) полк; состоя в этом же чине, 25 марта 1819 г. уволен от службы «за ранами, с мундиром и пансионом полного жалованья». Полк этот в 1817—20 годах большею частью был в Петербурге и его окрестностях»***.

К тому, что мы знаем о П. П. Каверине, лейб-гусаре и Геттингенском студенте, нужно добавить, что он был членом Союза благоденствия****. Наконец, князь С. П. Трубецкой, Я. Н. Толстой, Ф. Н. Глинка и умерший в 1821 году в Орле в должности губернского прокурора Александр Андреевич Токарев были деятельнейшими членами Союза благоденствия в то самое время, когда они появлялись в собраниях «Зеленой лампы». Все то, что мы теперь узнали о «Зеленой лампе», невольно наводит на мысль, что этот кружок был для них местом пропаганды их идей. Отметим, что председателем кружка был

* О Д. Н. Баркове см. в статье А. А. Чебышева «К вопросу о куплетах Пушкина». — Пушкин и его современники. СПб., 1908, вып. VI, с. 193.

** Об Улыбышеве см. статью А. С. Гацисского в «Русском архиве» (1886, № 1, с. 55—68) и статью Г. А. Лароша «О жизни и трудах Улыбышева» в приложении к русскому изданию «Новой биографии Моцарта» в переводе М. И. Чайковского. М., 1890—1892. Т. I—III.

*** Очевидно, у брата Жадовского Анастасия Евстафьевича собирались лицеисты 19 октября. См.: Грот Я. К. Из лицейской старины. — Исторический вестник, 1905, № 7, с. 86.

**** Об этом читаем в известном «Алфавите». Каверин, ввиду того что не принадлежал к обществам, возникшим после 1821 года, «оставлен без внимания». Даты пребывания Каверина в Геттингенском университете можно найти в книге: Wischnitzer M. Die Universität Göttingen und die Entwicklung der liberalen Ideen in Russland im ersten Viertel des 19 Jahrhunderts. Berlin (E. Ebering), 1907. Пер.: Вишницер М. Геттингенский университет и развитие либеральных идей в России в первой четверти 19 столетия. Берлин, 1907 (нем.). — *Ред.*

Я. Н. Толстой. Он и в стихах Пушкина отличается от других сочленов: к чему Пушкин относится с особым почтением.

Философ ранний, ты бежишь
Пиров и наслаждений жизни,
На игры младости глядишь
С молчаньем хладным укоризны.

Ты милые забавы света
На грусть и скуку променял
И на лампаду Эпиктета —
Златой Горациев фиал.

(II, 109)

Но нельзя ли еще подробнее определить те отношения, которые привязывали членов тайного общества к кружку «Зеленой лампы».

В цитованном нами «Кратком описании» находим следующее заключение о «вольных обществах»: «По уставу Союза благоденствия каждые десять членов Союза, составляющие т. н. Управу, должны заводить *вольные общества*. Сии общества, управляемые одним или двумя членами Союза, коего существование им не открывалось, не входили в состав оно-го. Им не была предназначена никакая политическая цель и от учреждения их ожидалась только та польза, что руководимые своими основателями или начальниками, они особенною своею деятельностью по литературе, художествам и так далее могли бы способствовать достижению цели Коренной Управы. Таковых вольных обществ было заведено три: два л.-гв. в Измайловском полку, одно Семеновым (надворным советником, служившим тогда л.-гв. в Егерском полку), другое кн. Евг. Оболенским и Токаревым; третье полк <овником> Федором Глинкою. Все три существовали недолго и разрушились совершенно с уничтожением Союза благоденствия. Члены сих обществ, не принадлежавшие Коренной Управе Союза, ниже к другим тайным обществам, по высочайшему повелению не требовались к следствию и оставлены без внимания».

Нас сейчас, конечно, не интересуют указанные вольные общества; попробуем поставить вопрос, не было ли вольным обществом Союза Благоденствия и общество «Зеленой лампы». Под определение «вольного» оно подходит без всяких оговорок: один из установителей — Я. Толстой, член Союза благоденствия; существование последнего не было открыто; особенной же своею деятельностью «Зеленая лампа» могла бы способствовать достижению целей «Союза».

Нужны бы только фактические подтверждения этого предположения. Они найдутся в записках М. А. Фонвизина. «Члены Союза, — пишет он, — учреждали и отдельные от него общества

под влиянием его духа и направления; таковы были *общество военное*, которого члены узнавали друг друга по надписи, вырезанной на клинках шпаг и сабель: «за правду», *литературные* — одно в Москве, другое в Петербурге, последнее под названием «Зеленой лампы», и две масонских ложи...»* Мы доверяем этому свидетельству, произнесенному не для следователей и не в застенке. Но есть и другое современное указание на связь «Зеленой лампы» с политическим обществом. В известном доносе, поданном гр<афом> Бенкендорфом имп<ератору> Александру I в 1821 году и не получившем никакого хода, находим следующие строки: «члены, приготовляемые мало-помалу для Управы [Союза Благоденствия] или должествовавшие только служить орудиями, составляли Побочные управы, под председательством одного члена Коренной, — назывались для прикрытия разными именами (Зеленой лампы и пр.) и, под видом литературных вечеров или просто приятельских обществ, собирались как можно чаще»**.

На основании всех приведенных данных мы имеем право установить связь «Зеленой лампы» с Союзом благоденствия. Мы лично принимаем кружок «Зеленой лампы» за «вольное общество», но и несогласные с нами именно в этом не могут отрицать его связи с «Союзом». Кружок как бы являлся отображением «Союза»; неведомо для Пушкина, для большинства членов, «Союз» давал тон, сообщал окраску собраниям «Зеленой лампы». Пушкин не был членом Союза благоденствия, не принадлежал ни к одному тайному обществу, но и он в кружке «Зеленой лампы» испытал на себе организующее влияние тайного общества.

Этот вывод чрезвычайно важен для истории жизни и творчества Пушкина 1818—1820 годов, ибо он устанавливает тот угол зрения, о котором мы говорили в начале заметки. Басни же о «Зеленой лампе», распущенные П. И. Бартеневым и П. В. Анненковым, должны быть раз навсегда устранены из биографии Пушкина.

Но «Зеленая лампа», занимавшая до сих пор только пушкинистов, получает теперь интерес и для историков русской общественности. Рисуя историю общественного движения 1816—1825 гг., историк не должен забыть и «Зеленой лампы» — этого «вольного общества» Союза благоденствия.

* Общественные движения в России в первую половину XIX века. Т. I. Декабристы: М. А. Фонвизин, кн. Е. П. Оболенский и бар. В. И. Штейнгель. Статьи и материалы. СПб., 1905, с. 187—188⁸.

** Эта записка печаталась неоднократно в последнее время в книге М. К. Лемке «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.: По подлинным делам Третьего Отделения собств. е. и. в. канцелярии. Изд. 2-е. СПб., 1909, с. 576.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Как мы сообщали выше, 26 июля 1826 года Я. Н. Толстой обратился с всеподданнейшим письмом, в котором он рассказывал о своих отношениях к тайным обществам. Письмо было оставлено без ответа. 17 октября того же года Толстой отправляет уже всеподданнейшее прошение и прилагает записку, в которой с некоторыми дополнениями, подчеркивающими его лояльность, повторяет свой рассказ, изложенный в письме. Результат был тот, что 25 ноября 1826 года Толстой был уволен от службы с сохранением чина. Так как письмо или записка заключают показания Толстого о тайных обществах, в делах Следственной комиссии отсутствующих, и являются таким образом первоисточником, то мы воспроизводим целиком письмо, указывая в прямых скобках дополнения и изменения, сделанные Толстым в записке. Прошения Толстого от 17 октября не печатаем, так как исторического материала оно не содержит, а характеризует скорее личность самого Толстого — в очень непривлекательных чертах.

К наказанию Я. Н. Толстого нужно отнестись критически. Он старается скрыть всякую принадлежность к тайным обществам и прикидывается ничего не понимающим мальчиком, между тем, по выражению кн. Оболенского в позднейших записках, он был «первоначальным» членом, т. е. членом Союза благоденствия, и не прекращал своих сношений с членами до самого отъезда за границу в половине 1823 года, т. е. до начала организационных заседаний по реорганизации Северного общества. Из объяснений Толстого видно, что Ник. Ив. Тургенев действительно приглашал его, по его — Толстого — выражению, вступить в общество, неизвестное ему даже по имени; в действительности же не бросать общества после отпуска. Между прочим, Тургенев ссылается в своей книге («La Russie et les russes», t. 1, p. 197—198) на письмо Я. Толстого, в котором тот сообщал Тургеневу, что его принял в общество не Н. И. Тургенев, а Семенов. Письмо это Толстой написал 5 июня 1827 года, а годом раньше, как мы теперь знаем, в своем прошении он весьма определенно обрисовал роль Тургенева. В Тургеневском архиве сохранилась переписка А. Ив. Тургенева с Я. Н. Толстым, о которой упоминает Н. И. Тургенев. Для сопоставления приводим и ее, причем письма А. И. Тургенева с копий, а письма Я. Н. Толстого — с подлинника. Вообще же надо заметить, что в 1826 году Толстой уж приготавлился к той роли, в какой мы знаем его позже.

Нам кажется, что после статьи Б. Л. Модзалевского о Я. Н. Толстом и материалов, опубликованных нами раньше

(во II-м вып. изд. «Пушкин и его современники»), на личности и деятельности Толстого до 1825 года больше не придется останавливаться ни пушкинистам, ни историкам. Для истории же Толстого № 2-й нужно будет рассмотреть кипы (буквально) его донесений из Франции, хранящихся ныне в архиве III Отделения (что ныне департамент полиции). Быть может, они представляют даже интерес для историков Франции, ибо Толстой обстоятельно знакомил своих хозяев с политической жизнью Франции, с революциями и сообщал даже «списки канальям» (буквально!), принимавшим в них участие.

I

Всеподданнейшее письмо Я. Н. Толстого от 26 июля 1826 года.
Всемилоостивейший государь!

Уповая на мудрое милосердие вашего императорского величества, дерзаю изложить чистосердечное объяснение, касающееся до сношений моих с тайными обществами. «Сердце царю в руке божией», от коего проистекает благодать и всякое милосердие, а мы суть стадо вверенное царскому попечению, мы суть дети великого семейства, над коим он поставлен главою от бога; итак да окажет он нам отеческое снисхождение.

В 1818 [или 1819 году] составилось общество в доме камерюнкера [Никиты] Всеволожского. — Цель оного состояла в чтении литературных произведений. — Я был один из первых [главнейших] установителей сего общества и избран первым председателем. Оно получило название «Зеленой Лампы» по причине лампы сего цвета, висевшей в зале, где собирались члены. Под сим названием крылось однако же двусмысленное подражание и девиз общества состоял из слов: «Свет и Надежда; причем составлены [составились] также кольца, на коих вырезаны были лампы; члены обязаны были иметь у себя по кольцу. Общество Зеленой Лампы [невзирая на то] не имело никакой политической цели. — Одно обстоятельство отличало его от прочих ученых обществ: статут приглашал в заседаниях объясняться и писать [этого слова нет] свободно и каждый член давал слово хранить тайну [о существовании оного]. — За всем тем в продолжение года Общество Зеленой Лампы не изменилось и кроме некоторых республиканских [вольнодумственных] стихов и других отрывков [подобных статей] там читанных никаких вольнодумческих планов [никаких законопротивных действий] не происходило. Число членов простиралось до 20 или немного более [этой фразы нет]. — Заседания происходили как я выше сказал в доме Всеволожского, а в отсутствии его у меня. Однажды член отставной [этого слова нет]

полковник Жадовский объявил обществу, что правительство [полиция] имеет о нем сведения и что мы подвергаемся опасности, не имея дозволения на установление Общества.— С сим известием положено было прекратить заседания и с того времени общество рушилось.— Но из числа членов находились некоторые, движимые политическими видами, и в 1819 году (кажется) [и в 1819 или 1820 году] коллежский ассессор Токарев и полковник Глинка сошлись на квартире первого, пригласили меня и, присоединив к себе князя Оболенского, титулярного советника Семенова и прапорщика Катенина [последней фамилии нет] положили составить политическое общество под названием *Добра и Правды*. Уложение уже было написано колл. ас. Токаревым: оно состояло в прекращении всякого зла в государстве, в изобретении новых постановлений в правительстве и, наконец, в составлении конституции [Уложение было уже заблаговременно написано Токаревым. Оно состояло в том, что каждому члену поставлялось в обязанность стараться искоренять зло в государстве, заниматься изобретением новых постановлений, сочинением проектов для удобнейшего средства к освобождению крестьян и присвоении новых прав различным сословиям государства, наконец в сочинении полных конституций, приспособленных к нравам и обычаям народа]. Несколько дней спустя после сего сходбища Токарев назначен был прокурором в Орел и оставил Петербург [и вскоре после того умер]. С отъездом его прекратилось и сие общество. Год после того (если не ошибаюсь) [Несколько месяцев после того] коллежский ассессор Капнист, с коим познакомил меня кн. Оболенский, предложил мне вступить в общество, составленное в Измайловском полку на тех же почти основаниях [условиях]. Я явился к нему в назначенный день; но видя из слов его, что правила общества и состав его были весьма нерассудительны, я не присоединился к ним [но заметя, что Общество составлено по большей части из молодых людей, коих неосновательные суждения обнаруживали незрелые понятия о столь важном предмете; словом сказать, основание сего общества не сходствовало с моими правилами; вследствие чего я решительно отказался, не присоединился к ним] и не был ни на одном заседании, хотя в донесении правительству я несправедливо назван установителем сего общества [хотя в донесении Следственной комиссии я назван установителем сего общества, по показанию тит. советника Семенова, который, я полагаю, ошибся или совершенно не помнит сего обстоятельства]. В одно и то же время составилось другое подобное же общество в доме офицера Измайловского полка Миклашевского.— Будучи приглашен к нему на квартиру я нашел там статского советника Николая

Тургенева, полк<овника> фон-Бриггена, кн<язя> Оболенского и титулярного советника Семенова [Семенова и полковника Глинку]. Увлечен будучи убеждением и красноречием первого, я вступил в их сообщество, цель коего была постановление конституции. — Однако же во время сего собрания я долго колебался, находя основание несоответствующим моему образу мыслей. Несмотря на то, что я против воли вступил и дал подписку. [Я склонился на приглашения их и вступил в Общество, название коего мне даже неизвестно; но цель оного была постановление конституции; прежде нежели я дал подписку, я долго колебался, с жаром оспаривал их в том, что каждый член свободен оставить Общество, не подвергаясь мщению прочих; я объявил им, что никогда не буду принадлежать сословию, где будут совершаться убийства; (тогда толковали только о мщении должествующем воспоследовать за измену и предательство неверных членов, но отнюдь и нисколько не помышляли об ужасном цареубийстве и даже о никаких насильственных и законопреступных мерах, коих я бы никак не допустил и в случае донес бы правительству с пожертвованием собственной жизни)]. На другой день назначено было сойтись у полк<овника> Митькова, но я, чувствуя уже раскаяние, не поехал к нему. [но обмыслив здраво, накануне, безумство и опасность наших предприятий, я к нему не поехал]. С тех пор, клянусь богом, честью и государем моими, нога моя ни одного раза [ни однократно] не вступала в сии сословия и невзирая на убеждения прежних моих товарищей [Тургенева, князей Оболенского и Трубецкого] постоянно отказывался от сношений с ними. — Однажды объявил я Тургеньеву [этого слова нет] на приглашение его, что не могу уже соучаствовать в их сходбищах, ибо дал подписку правительству, что не буду принадлежать ни к каким масонским ни тайным обществам. — С сего времени Тургеньев совершенно ко мне охладел и перестал ко мне ходить; они называли меня недовольным потому, что я часто жаловался на службу, на которую употребил 17 лет моей жизни, расстроил состояние, утратил здоровье и не дослужил даже до штаб-офицерского чина. [Вместо последней фразы, начиная с сего времени читаем: Сии обстоятельства были некоторым образом причиною отъезда моего за границу, где нахожусь близ трех с половиной лет, томимый жесточайшей болезнью и мучительнейшей горестью. Яков Толстой].

Вот в чем состоит мое преступление; оправдывать я себя не дерзаю, но повергая участь мою к освященным стопам вашего императорского величества смею удостоверить, что ежели бы все подданные были столь же преданы своему государю, то, конечно бы, Россия благоденствовала и пагубные злоумыш-

ления не возмутили бы ни разу драгоценных минут царствования вашего величества. К величайшему несчастью моему, жестокая болезнь лишает меня средств доказать на деле всю приверженность мою к престолу.

Всемиловитвейший государь!

В. И. В. верноподданный Яков Толстой,

л.-гв. Павловского полка штабс-капитан.

Париж.

26 июля 1826 года.

II

Письмо А. И. Тургенева (черновое) Я. Н. Толстому от 31 мая 1827 года.

Милостивый Г. М. Яков Николаевич,

Из рапорта Следственной комиссии, так, как и из приговора верховного уголовн<ого> суда, вам известно, что брат мой Н<иколай> Т<ургенев> был обвинен и осужден между прочим и как распространитель тайного общества и что в числе тех лиц, коих якобы он принял в члены общества, находитесь и вы. Вместе с сим, конечно, дошли и до вас слухи, что некоторые почитали брата моего сочинителем какой-то статьи о тайных обществах во франц<узском> журнале «La France Chrétienne*» напечатанной! Слух сей, вероятно, повредивший брату моему в лице нашего правительства, дошел, чрез меня, и до брата. В объяснении своем и в письмах своих ко мне он утверждает, что никогда никакой статьи в иностранных журналах не печатал.

Брат мой поручил мне просить вас, М. Г. мой, чтобы вы приняли на себя труд дать письменный отзыв, были ли вы когда-нибудь приняты моим братом в члены какого бы то ни было тайного общества.

Я же с моей стороны, слышав, что те же, кои прежде статью, во франц<узском> журнале напечатанную, приписывали брату моему, впоследствии показали, что она сочинена вами, решил покорнейше просить вас дать также письменный отзыв: вы или кто другой сочинитель статьи, о которой я упомянул выше [появление коей содействовало, может быть, весьма много бедствию, брата постигшему.

Сердцевидец слышит каждое слово, видит каждую мысль нашу. Он будет судить и вас и судей ваших. Одна истина, на-

* «Христианская Франция» (франц.). — Ред.

конец, торжествует и только с чистой совестью, не отягченную нещастием ближнего, можно жить и умереть спокойно]*. С полною доверенностью к вашим правилам буду ожидать ваш отзыв и не скрою от Правл. Ген-ства.

С искл. поч. ч. и б.

М. Г. М.

в. п. с. А. Т.

Париж мая 31 дня.

III

Ответ Я. Н. Толстого от 5 июня 1827 года.

Милостивый государь Александр Иванович!

Письмо, коим вашему превосходительству угодно было почитать меня прошлого 31 мая, заключает в себе следующие вопросы: — Во-первых: был ли я когда-либо принят братом Вашим Николаем Ивановичем Тургеневым в члены какого бы то ни было тайного Общества? На сие честь имею ответствовать: что никогда братом Вашим Николаем Ивановичем в члены никакого тайного общества принят не был; а полагаю, что причины, подавшие повод сему заключению Следственной комиссии и приговору Верховного Уголовного суда, основаны на следующих обстоятельствах. В 1820 году секретарь Семенов пригласил меня к г. Миклашевскому, служившему тогда офицером л.-гв. Измайловском полку, с тем чтобы участвовать в предполагаемом составлении тайного Общества. Пришед к упомянутому Миклашевскому, я нашел там, между прочим, брата вашего; совещанья наши длились несколько часов, в продолжение коих я от брата вашего не слышал никакого предложения о вступлении в составляемое общество и помню только, что он (брат ваш) предлагал и в суждениях своих с жаром поддерживал один предмет, целью коего было освобождение крестьян; в прочих прениях он мало участвовал и, как мы все тогда заметили, одна мысль господствовала и управляла его разговорами, сия мысль, о коей я уже упомянул, состояла в освобождении крестьян. Впрочем, в продолжение сего совещания, никакой мятежной ниже преступной цели обнаруживано не было, сие мнимое общество в одно и то же время началось и прекратилось; ибо сие было первое и последнее или, лучше сказать, единственное его заседание; оно не имело никакого устава и не отличалось никаким названьем; правда, что на сем совещании, по предложению одного из присутствовавших, требовали от нас подписки для хранения тайн касательно наших совещаний, в чем я и подписался, не знаю, последовали ли

* Фраза, поставленная в [], перечеркнута.— П. III.

прочие моему примеру. — После того неоднократно виделся я с братом вашим Николаем Ивановичем; но никогда от него собственно не слышал ничего относительно тайных обществ; хотя, по уверению секретаря Семенова, брат ваш препоручал будто бы ему убеждать меня не оставлять общества: но если б слова Семенова были справедливы, то почему же брат ваш, с коим я часто виделся, сам мне о том никогда ни слова не говорил? Из сего я заключаю, что брат ваш отказался от участия в тайных обществах в одно время со мною, т. е.: после данной нами правительству подписки в том, что не будем принадлежать ни к каким масонским и тайным обществам.

Во-вторых: Касательно статьи, напечатанной в парижском журнале «La France Chrétienne», сочинителем коей по словам вашего превосходительства, некоторые почитали первоначально брата вашего Николая Ивановича, а впоследствии подозревали меня, я имею честь отвечать вашему превосходительству, что по мнению моему, статья сия не могла быть сочинена русским, уповающим еще на справедливость и милосердие Августа шего императора нашего, а вероятно, родилась в голове буйного и дерзкого иностранца. Тот, кто дерзает гордиться званием изгнанника (так изъясняется сочинитель сей статьи) не может быть Россиянином, отрицающим помилованье; я же ласкаю себя надеждою, что та рука, которая укротила возмущенье и спасла отечество, прольет также источники благодати и милосердия. Я с моей стороны не мог быть автором помянутой статьи также и по той причине, что она напечатана здесь 10 апреля 1826, я же в это время находился в Неаполе, в чем удостовериться можно по паспорту моему, выданному мне в Неаполе в исходе марта того же года. Пересылка возмутительной и противозаконной статьи из Неаполя в Париж столько же затруднительна, как и пересылка из Петербурга в сей последний город, да и сверх того, в Неаполе мы в означенное время: т. е. в начале апреля, не имели еще никаких сведений о Следственной комиссии, сочинитель же сей статьи говорит о труд[е] оной, как о деле ему известном.

Вот, М. Г., ответы мои; в истине оных ручаюсь честью и готов под присягою подтвердить все то, что сказал ваш <ему> превосходительству в сем моем письме.

Мил. гос. ваш. прев.

Всепокорн. слуга

Яков Толстой.

Париж.

5 июня 1827.

Его пр<евосходительству>
Александру Ивановичу Тургеневу.

Письмо А. И. Тургенева Я. Н. Толстому (копия) 1830 года.

Милостивый государь Яков Николаевич!

За две недели пред сим я сообщил брату копию с письма вашего от 5-го июня 1827 года, в коем вы утверждаете, что вы от брата моего никогда не слышали никакого предложения о вступлении в составляемое общество; но что секретарь Семенов приглашал вас в общество и что в единственном заседании, в коем по приглашению Семенова, вы находились и видели брата моего, он ни о каких преступных предметах не рассуждал, а говорил только о пользе освобождения крестьян; вместе с сим вы, в виде предположения, упоминаете, что, вероятно, брат мой отказался от участия в тайных обществах в одно время с вами; то есть после данной правительству подписки в том, что не будет принадлежать ни к каким масонским и тайным обществам.

Брат, прочитав ныне письмо ваше со вниманием, отвечает мне, что он никогда не говорил об учреждении нового общества, и что этого и потому быть не могло, что в 1820 году существовало еще старое общество и что, вероятно, секретарь Семенов предлагал вам о вступлении в старое общество. Желая привести сии обстоятельства в возможную ясность, я покорнейше прошу вас, мил. гос. мой, удостоить меня отзывом на сие письмо.

Подл. подп. Александр Тургенев.

Париж 1830.

С подлинным верно Александр Тургенев.

Ответ Я. Н. Толстого от 6 мая 1830 года.

Милостивый государь Александр Иванович!

Я имел честь получить письмо вашего превосходительства, содержащее в себе два вопроса, относящиеся к пояснению прежнего письма моего, писанного к Вам в прошлом 1827 году. Отвечая на оные вопросы, я подтверждаю

Во-первых: Что приглашал меня вступить в Общество, не брат ваш, а г. Семенов, который неясно истолковал мне, вновь ли составляется Общество или предлагают мне вступить в старое, а потому я и думал, что дело идет о каком-нибудь еще не совершенно устроенном обществе; ныне же по внимательном прочтении рапорта Следственной комиссии я удостоверил, что общество, в которое приглашал меня секретарь Семенов, не что иное как старое, известное под именем Зеленой книги.

Во-вторых: Касательно предположения моего, что брат ваш оставил общество в одно время со мною, я разумел, что со времени единственного собрания, о коем я упоминал, происходившего в 1820 году на квартире Миклашевского, брат ваш никогда со мною о никаких обществах не говорил; следственно, полагаю совершенно от оных отказался.

Подписка же, данная впоследствии правительству, вероятно, для брата вашего, так как и для меня запечатлела твердые намерения наши впредь никогда не участвовать ни в каких обществах.

С истинным высокопочитанием,
честь имею быть милостивый государь
вашего превосходительства
всепокорнейший слуга

Яков Толстой.

Париж.
6 мая.
1830 года.

Его превосходительству
Александру Ивановичу
Тургеневу.

К ИСТОРИИ ПУШКИНСКОЙ МАСОНСКОЙ ЛОЖИ

«Я был масон кишиневской ложи, т. е. той, за которую уничтожили в России все ложи», — писал А. С. Пушкин В. А. Жуковскому в 1826 г¹. Весьма долгое время все наши сведения об этой ложе ограничивались этой фразой Пушкина. Не так давно — год или полтора тому назад — исследовательница русского масонства Т. О. Соколовская на страницах «Русской старины» ставила вопрос об источниках и материалах, из которых можно было бы почерпнуть сведения об этой ложе². А материалы хранились в Военно-ученом архиве, и только часть их, менее важная, была опубликована в начале 80-х годов в той же «Русской старине»³. Наконец, Н. К. Кульман использовал их в 1907 г. в своей статье «К истории масонства в России. Кишиневская ложа» (в «Журнале Министерства народного просвещения» и отд.: СПб., 1907, с. 37)⁴. Пользуясь в архиве теми же материалами, что были под рукой Н. К. Кульмана, и прибавив к ним кое-что из списанных Н. Ф. Дубровиным документов, рассказал историю этой ложи и В. И. Семевский на страницах «Минувших годов» (1908, март, с. 162—170)*⁵. Не пересказывая этой истории и предполагая ее известной, остановимся на одном обстоятельстве, которое повергает в недоумение исследователей и читателей. Основатель ложи генерал П. С. Пуцин дал совершенно противоречащие показания об этой ложе. Инзов с его слов донес, что в Кишиневе ложа и не открывалась, а Киселев тоже с его слов донес, что Пуцин «изъявил готовность свою отказаться от всякого участия в учреждении или существовании сих лож и обещал без потери

* Материалами Военно-ученого архива не исчерпываются архивные источники об этой ложе. Кое-что, дополняющее данные дела Военно-ученого архива, попадалось нам и в других архивах.

времени сие исполнить». Это противоречие в невыгодном свете рисует личность П. С. Пущина — и не только в невыгодном, а и в несоответствующем тому представлению, которое есть у нас. Помянутые исследователи не останавливались на разъяснении этого противоречия, а прямо, на основании архивной переписки ложи Астреи с братьями кишиневской ложи, изложили историю этой ложи, сообщили даты возникновения, учреждения и т. д.

Но возникает вопрос, была ли открыта ложа к Овидию № 25, и не прав ли был Инзов, утверждая, что в Кишиневе ложа не существует? Этот вопрос кажется парадоксальным после заявления Пушкина, после публикаций и статей Н. К. Кульмана и В. И. Семевского. Но тут нужно войти в подробности масонской техники, оставшейся неизвестной исследователям.

Дело в том, что новая ложа фактически и юридически правильно действующей считалась в масонстве только после ее *принятия*, после ее инсталляции. Принятие же было формальным обрядом, который должен был совершаться в присутствии делегатов, командированных на этот случай главной ложей из ее членов. Ввиду крайней невозможности разрешалось поручить открытие кому-либо на месте из бывших уже членами другой ложи, но к этому масоны прибегали крайне неохотно, в особенности потому, что обряд инсталляции был очень ценим ими, ибо он символизировал действительность их работ.

Была ли принята или инсталлирована кишиневская ложа? Принимая во внимание объяснения Пущина и Инзова, а также документ, о котором мы сейчас скажем, мы должны на этот вопрос ответить отрицательно. Действительно, вся процедура, предшествовавшая принятию, была выполнена: позволено открыть ложу дано, было принято постановление о посылке патента и самое наименование ложи; генеральный секретарь Астреи даже почел своим долгом уведомлять о заседаниях Астреи; наконец — с некоторым нарушением устава — ложа № 25 была даже занесена в списки Астреи. *Но инсталляции совершено не было.* Исследователи, изучавшие архивный материал, отнеслись к нему без должного внимания и не прочли до конца всех бумаг этого архивного дела или просто просмотрели самый интересный документ. Это тем удивительнее для Н. К. Кульмана, в приложениях к своей статье перепечатавшего ряд документов и среди них сообщение генерального секретаря Астреи от 20 сентября 1821 г.* Ни Н. К. Кульман, ни

* Н. К. Кульману нужно было бы принять во внимание скудость наших сведений о масонстве и не скупиться на перепечатку всех находящихся в деле и немногочисленных писем из ложи Астреи в Кишиневе. Кстати отметим, что документы изданы Н. К. Кульманом в общем ис-

В. И. Семевский ни одним словом не обнаруживают знакомства с находящимся в том же деле официальным письмом того же секретаря Вевеля от 13 октября 1821 года.

А из всех его писем, хранящихся при этом деле, это — самое интересное и важное как вообще для истории масонства, так и специально для истории кишиневской ложи. При этом письме секретарем был отправлен ряд документов, необходимых для возникающей ложи, и целая «литература», которой должна была она руководствоваться. В самом письме секретарь обращал внимание новых братьев на особенно важные пункты «Уложения ложи Астреи», подчеркивал необходимую формальную обрядность и, наконец, давал счет тем денежным уплатам, которые должна была сделать новая ложа. Уже из этого краткого перечисления можно видеть, как любопытно это письмо, сохраняющее для нас столько живых данных для бытовой истории масонства. Но кроме всех этих подробностей, мы читаем следующее: «Les travaux d'une Loge nouvellement fondée faits avant son installation ne pouvant être regardés d'après le N 154 du Cône que comme provisoires et restant seuls lorsque l'installation n'a pas lieu, la Grande □ Astrée aurait déjà dans sa séance du 17 septembre nommé un frère pour effectuer l'installation de Votre atelier, si elle aurait su sur qui fixer son choix; je suis par conséquent autorisé le Très Jll. Gr. Maître de Vous inviter à nous indiquer quelques frères distingués soit de Votre atelier, soit de quelque autre □ régulière reconnue par Vous Comme telle, pour cette honorable charge afin que la Grande □ puisse sans délai procéder à la nomination de Votre installateur en lui envoyant les pleinpouvoirs et les instructions nécessaires. D'après les §§ 151 et 153 un seul frère pourra souffrir pour représenter la Grande □ Astrée pour cet acte.

Le Très Jll. Gr. Maître Vois fait proposer comme Candidats pour Représentant de votre atelier les T. T. R. R. ffs Augustin Pré-vôt de Lumian, Charles Ritter, Romain Mouin et George Hodenius parmi lesquels Vous pourrez choisir; ce sont tous des frères très respectables qui sont bien dignes de Votre confiance»...*

правно, но ошибки и пропуски все-таки есть. Так, напр., на письме Инзова от 15 янв. 1822 года положена резолюция, в тексте издателем не приведенная.

* Прежде нежели которая Ложа будет таким образом принята, производимые ею работы почитаются временными и остаются недействительными, если принятие не совершится, согласно параграфа 154, потому что каждая Ложа уже после принятия своего вносится в список Великой Астреи. Великая Ложа Астреи могла бы на своем заседании 17 сентября назвать брата, чтобы утвердить инсталляцию Вашей Ложи, если бы она была информирована, на ком остановить свой выбор. Мне поручено Великим магистром пригласить Вас указать нам нескольких выдающихся

Параграф 154-й Уложения, на который ссылается секретарь, гласит следующее: «Прежде нежели которая Ложа будет таким образом принята, производимые ею работы почитаются временными и остаются недействительными, если принятие не совершится, потому что каждая ложа уже после принятия своего вносится в список Великой Астреи».

Таким образом 13 октября 1821 года у ложи Овидия не было еще ни представителя в совете Великой ложи, ни инсталлятора.

На это письмо от 13 октября кишиневские братья должны были ответить указанием того брата или братьев, которые должны были инсталлировать ложу; на их ответ Великая ложа должна была прислать или самих лиц из Петербурга или же полномочия и инструкции бывшим на месте. Нужно сообщить, сколько времени потребовали бы эти сношения, а в конце ноября Пуцина уже потянули к допросам и Инзов и Киселев. При отсутствии дальнейшей переписки и, приняв в соображение вышеуказанное, можно с достоверностью заключить, что так инсталляции и не произошло. Следовательно, Инзов имел право донести, а Пущин утверждает, что масонской ложи в Кишиневе открыто не было. Записка его к Киселеву, в которой он объясняется по поводу своего масонства, нам неизвестна, но уже из того изложения, которое дает Киселев в своем донесении П. Х. Витгенштейну, можно видеть, что Пущин изъявлял готовность свою отказаться от всякого участия в *учреждении* или существовании сих лож. У Пуцина с Киселевым речь, очевидно, шла о приготовлениях к открытию, а не об открытой уже ложе.

Конечно, то или иное решение этого вопроса имеет больше цены для историка масонства, чем для историка общественности. Для последнего то же значение сохраняют и бывшие предварительные совещания и собрания кишиневских братьев, хотя бы, по Уложению Великой ложи Астреи, они и почитались временными. Но дело в том, что пока, кроме выяснения фактических дат и фактических событий истории кишиневской ложи (а для этого то или иное решение верно приобретает известную цену), исследователи ничем другим не занимаются. Догадки

братьев Вашей Ложи или из другой ложи, утвержденной для этой почетной задачи, которого Великая Ложа Астреи могла бы назначить вашим инсталлятором, дав ему полную власть и сообщив необходимые инструкции. Согласно § 151 и 153 одного брата будет достаточно, чтобы представлять Великую Астрею во время этого акта. Великий магистр мог бы предложить следующих кандидатов: Огюстена Прево, Люмьена, Шарля Риттера, Ромэна Муэна и Жоржа Одениуса, среди которых вы можете выбрать. Все эти братья очень уважаемые и достойны Вашего доверия» (франц).— *Ред.*

о том, что именно в этой ложе казалось столь антиправительственным Пушкину, остаются только догадками: разгадку же свою они найдут в изучении пестрого состава логи; для этого же изучения материалы найдутся и в наших архивах, и в источниках западных.

Задача нашей заметки — остановить внимание исследователей на материалах, от которых оно могло бы ускользнуть по тем простым соображениям, что эти материалы могли показаться уже использованными после работ Н. К. Кульмана и В. И. Семевского.

ИЗ СЕМЕЙНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ О КИШИНЕВСКОЙ ЖИЗНИ ПУШКИНА*

«Все, что я лично знаю о жизни великого русского поэта, относится к 1820—1823 годам и пересказано мне моей тетушкой, покойной Екатериной Захарьевной Стамо, родной сестрой моего отца Константина Захарьевича Ралли, который умер, когда мне едва минуло 7 лет и которого я очень мало знал.

— Твой отец,— передавала мне тетушка,— был близок к Александру Сергеевичу, и в свою бытность в Кишиневе Пушкин проводил целые дни в доме твоего отца¹. Там я и познакомилась с ним. Мы с мужем² жили в доме генеральши Грабовской, который наняли тотчас после свадьбы. Дом Грабовской был на спуске к Фонтану, а сзади его, на взгорье стоял дом генерала Инзова³, где жил Александр Сергеевич, так что сад инзовского дома приходился смежным с задним двором нашего дома. Отец твой в молодости был чист, как невинная девушка, он много читал, и любимыми его писателями были Вольтер, Жан-Жак Руссо, Кондильяк и Байрон, которого он знал наизусть и любил декламировать; отец твой говорил прекрасно по-французски и по-гречески и всегда очень сожалел, что не знает по-немецки⁴. В доме твоего отца никогда не играли в карты, отец этого не выносил; зато по вечерам гости занимались политикой или музыкой, так твой отец играл на мелодиуме, и я с Александром Сергеевичем зачастую готовы были слушать его по целым часам...

— Пушкин был большой повеса,— прибавляла после небольшой паузы тетушка,— а я к тому же еще на беду считалась в молодости красавицей. Большого труда мне стоило сдерживать молодого человека в его годы. Я всегда была самых строгих правил,— такое нам всем было дано воспитание,— ну, а Александр Сергеевич имел взгляды на женщину доволь-

* Впервые напечатано в журнале «Минувшие годы», 1908, № 7.— П. Ц.

но-таки легкие, и потом все же надо принять во внимание, что среда наша для него, русского, была совершенно чужда. Благодаря, с одной стороны, моему личному такту, а с другой, благодаря влиянию твоего отца, я сумела в конце концов поставить себя с Александром Сергеевичем так, что он не повторял более своей *déclaration**, которую сделал раз мне, замужней женщине. Мы считались приятелями, и наша дружба длилась даже после отъезда его в Одессу⁵.

Такова в общих чертах характеристика отношений моей семьи к А. С. Пушкину по словам моей тетушки, которая имела в обыкновение в разговоре пересыпать свою речь целыми французскими фразами. Конечно, я передаю здесь лишь скелет всего слышанного мною и за давностью лет во многом пережитого.

— Однажды, — рассказывала мне тетушка Катерина Захарьевна, — твой отец собрался посетить одно из отцовских⁶ имений — Долну. Между этим имением и другим, Юрченами, в лесу находится цыганская деревня. Цыгане этой деревни принадлежали твоему отцу. Вот, помню, однажды, Александр Сергеевич и поехал вместе с отцом твоим в Долну, а оттуда они потом поехали лесом в Юрчены и, конечно, посетили лесных цыган. Табор этот имел старика булибашу (старосту), известного своим авторитетом среди цыган; у старика булибаша была красавица дочь. Я прекрасно помню эту девушку, ее звали Земфирой; она была высокого роста, с большими черными глазами и вьющимися длинными косами. Одевалась Земфира по-мужски: носила цветные шаровары, баранью шапку, вышитую молдавскую рубаху и курила трубку. Была она действительно настоящая красавица, и богатое ожерелье из разных старых серебряных и золотых монет, окружавшее шею этой дикой красавицы, конечно, было даром не одного из ее поклонников. Александр Сергеевич до того был поражен красотой цыганки, что упросил твоего отца остаться на несколько дней в Юрчене. Они пробыли там более двух недель, так что отец мой даже обеспокоился и послал узнать, не приключилось ли чего с молодыми людьми. И вот, к нашему общему удивлению, пришло из Долны известие, что отец твой и Александр Сергеевич ушли в цыганский табор, который откочевал к Варзарештам. По получении такого известия отец мой послал тотчас другого нарочного с письмом к брату Константину, и мы ждали с нетерпением ответа, который, помню, долго-долго-таки запоздал. Наконец, пришло письмо от брата к отцу, — оно было писано по-гречески, — и отец, прочитавши его,

* декларации, объяснения (франц.). — Ред.

объявил нам, что ничего особенного не случилось, но Александр Сергеевич просто-напросто сходит с ума по цыганке Земфире. Недели через две наши молодые люди, наконец, вернулись. Брат рассказал нам, что Александр Сергеевич бросил его и настоящим-таки образом поселился в шатре булибаши. По целым дням он и Земфира бродили в стороне от табора, и брат видел их держащимися за руки и молча сидящими среди поля. Цыганка Земфира не знала по-русски, Александр Сергеевич не знал, конечно, ни слова на том цыганско-молдавском наречии, на котором говорила она, так что они оба, по всему вероятно, объяснялись более пантомимами. Если бы не ревность Александра Сергеевича, который заподозрил Земфиру в некоторой склонности к одному молодому цыгану, — говорил брат нам, — то эта идиллия затянулась бы еще на долгое время, но ревность положила всему самый неожиданный конец. В одно раннее утро Александр Сергеевич проснулся в шатре булибаши один-одинешенек, Земфира исчезла из табора. Оказалось, что она бежала в Варзарешты, куда помчался за нею и Пушкин; однако ее там не оказалось, благодаря, конечно, цыганам, которые предупредили ее. Так-то окончилась эта шалость Пушкина.

Потом, когда Александр Сергеевич уехал от нас, — передавала мне после небольшой паузы тетушка, — он прислал мне своих «Цыган» — прекрасно написанную поэму⁷, и мы все много смеялись над пылкой фантазией поэта, создавшего из нашей Земфиры свою свободолюбивую героиню; что же касается неисправимого эгоиста Алеко, то, по-моему, он был не прав; такому эгоисту вовсе не следовало идти в цыганский табор наших бедных юрченских дикарей. С Александром Сергеевичем я не говорила об этой его amourette*, да и он по приезду из деревни не промолвился ни одним словом про всю свою эскапад с цыганкой Земфирой. Отец твой писал Пушкину в Одессу про дальнейшую судьбу его героини⁸; дело в том, что Земфиру зарезал ее возлюбленный цыган, и бедная его героиня действительно трагически покончила свою короткую жизнь.

На мои расспросы о политическом образе мыслей Пушкина тетушка всегда отвечала мне на эти мои вопросы французской фразой: «Oh, il était tout-à-fait rouge»**. Когда затевался какой-либо вопрос политического характера, Александра Сергеевича просили говорить по-французски. «Pour que les domestiques ne comprennent pas»*** — прибавляла Екатерина Захарьевна, так как в нашем доме была привычка говорить про все вещи по-

* страсти, увлечении (франц.). — *Ред.*

** он всегда был «красный» (франц.). — *Ред.*

*** Чтобы слуги не понимали (франц.). — *Ред.*

гречески, но при Пушкине, который по-гречески не знал, все из вежливости говорили по-французски.

— Александр Сергеевич был человек скомпрометированный политически; он сам любил всегда, говоря о себе, цитировать следующую фразу какого-то французского поэта, которая *à la longue** была известна всем в нашем обществе и всегда повторялась, лишь только зайдет речь о Пушкине. Вот это двустилишие, запиши его:

Il m'a a dit: choisis d'être oppresseur ou victime.
J'embrassai le malheur et lui laissai le crime!**

— Тогда это двустилишие у нас долго повторялось всеми. Неблагоденность Пушкина и его дружба с твоим отцом, — говорила мне тетюшка, — была причиной тому, что отец твой был не на хорошем счету у правительства, и поэтому по службе он не пошел далеко; при губернаторе Федорове о нем даже был запрос официальный, в котором указывалось на вредный образ мыслей бывшего друга Пушкина***. Вследствие всего этого отец твой уехал потом за границу, где прожил много лет.

Таковы вкратце все те отрывки воспоминаний, которые сохранились в моей памяти из рассказов моей тетюшки о великом русском поэте».

Замфир Ралли-Арборе.

Автор этих воспоминаний, Замфир Константинович Ралли, имеет крупное революционное имя; он принимал деятельнейшее участие в революционном движении 70-х годов, был ближайшим приверженцем Бакунина, состоял членом редакций издававшихся за границей русских газет «Работник» (1875—1876 гг.) и «Община» (1876—1879 гг.)⁹. Просматривая воспоминания З. К. Ралли о Бакунине****, которые были присланы им в 1907 г. в редакцию журнала «Былое»¹⁰, я встретил упоминание о том, что Бакунин интересовался рассказами З. К. из семейной хроники Ралли. Одна из двоюродных сестер М. А. Бакунина, Анна Павловна Полторацкая, вышла замуж за дядю З. К. — Ивана Ралли и с мужем уехала в Кишинев, где в это вре-

* в конце концов (*франц.*). — *Ред.*

** Он сказал мне: должен быть ты тираном или жертвой его — выбирай. Предпочел я объятия горя, ему же преступленья оставил (*франц.*). — *Ред.*

*** Павел Иванович Федоров (1791—1855) был в 1834 году назначен бессарабским гражданским губернатором, а в 1836 году военным. На этой должности он оставался до 1854 года. — *П. Ш.*

**** Эти воспоминания увидели свет на страницах журнала «Минувшие годы» (1908, № 10, с. 142—168) и в сборнике «О минувшем» (СПб., 1909, с. 287—352).

мя жило все семейство Ралли. В двадцатых годах жил в этом городе и А. С. Пушкин. Вот рассказы о Пушкине, сохранившиеся в семье Ралли, и интересовали в высшей степени Бакунина. Пушкин, пишет в своих воспоминаниях о М. А. Бакунине З. К. Ралли, — «был очень дружен с моим отцом, Константином Рали, и много хлопот наделал моей тетушке, Екатерине Стамо, в которую вздумал влюбиться. Тетушка Екатерина Захарьевна была, однако, женщиной строгих нравов и до конца жизни своей не согласилась отдать мне сохранившиеся у нее два письма поэта, в которых Пушкин lui a fait sa déclaration*. Моя старая тетушка до своей смерти так и не читала иных книг, кроме старых французских романов, рекомендованных ей для прочтения еще Пушкиным. Рассказы мои, даже анекдотического характера про Пушкина, сохранившиеся в семье нашей, утешали Бакунина и Зайцева в отшельнической жизни в Локарно»¹¹. Полагая, что рассказы эти могут представлять интерес и иметь ценность для биографии поэта, мы обратились к З. К. Ралли с просьбой сообщить все, что удержала его память из рассказов его тетки Е. З. Стамо, а также поискать эти письма. 10 апреля 1908 г. в ответ на обращение З. К. Ралли сообщил: «я написал дочери Екатерины Захарьевны Стамо, которая живет в Париже — и если существуют еще какие-либо письма, то вы их, по всему вероятно, получите; написал я также и в другое место, в Черновцы, где я отыскал тому назад более 35 лет старое издание Ж.-Ж. Руссо, принадлежавшее покойному поэту, там его рукою на полях существуют заметки, писанные то по-русски, то по-французски. Книги эти лежат или, лучше сказать, лежали на полке в имении моей двоюродной сестры вместе с другими книгами моего отца. Но я не удосужился никогда проехать туда, чтобы взять этот старый сундук с старым хламом. Что сундук существовал тому назад еще несколько лет, об этом писали мне. Во всяком случае сделаю все зависящее от меня и напишу вам несколько страниц про Пушкина в нашей семье». З. К. любезно отозвался на нашу просьбу и прислал свои семейные воспоминания о Пушкине, напечатанные в «Минувших годах».

Не противореча достоверно известному нам из кишиневской жизни поэта, эти записки сообщают несколько новых подробностей о Пушкине и, между прочим, новую версию о происхождении «Цыган». Новая версия выгодно отличается от других известных нам, весьма удаленных от действительности и дающих простор для фантазии автора. Вот факт, имевший

* сделал свое объяснение (франц.). — Ред.

место: «Однажды Пушкин исчез и пропал несколько дней. Дни эти он прокочевал с цыганским табором, и это породило впоследствии поэму «Цыганы» [Воспоминания брата Пушкина Льва Сергеевича]. А в эпилоге к «Цыганам» читаем:

За их ленивыми толпами
В пустынях часто я бродил,
Простую пищу их делил,
И засыпал пред их огнями;

В походах медленных любил
Их песен радостные гулы,
И долгой милой Маргулы
Я имя нежное твердил¹².

Из всех известных рассказов о том, как Пушкин бродил среди цыган, только от рассказа Е. З. Стамо веет жизненной правдой*.

Об авторе рассказа Екатерине Захарьевне Стамо сохранились упоминания и в пушкинской литературе. Если она до самой смерти упоминала о поэте, то и Пушкин много лет спустя после своего отъезда из Кишинева вспоминал о ней как о женщине, «близкой его воспоминанию». Именно такой эпитет находим в письме Пушкина к своему кишиневскому другу Н. С. Алексееву от 26 декабря 1830 года. В этом письме Пушкин настоятельно просит Алексеева сообщить ему о кишиневских событиях и лицах и в том числе о Стамо. 14 января 1831 года Алексеев отвечал поэту, что «мадам Стамо овдовела и наконец свободна от мужа» (XIV, 136). Память о Е. З. Стамо сохранилась и в следующих современных кишиневских куплетах, которые приписывались Пушкину:

Музыка Варфоломея,
Становись скорей в кружок,
Инструменты строй живее,
И играй на славу джок.

Наблюдая нежны связи,
С дамой всяк ступай любой,
В первой паре Катакази
С скромной Стамовой женой**.

* Рассказ Францевой непозволительно фантастичен; версии, приводимые Л. С. Мацевичем, тоже не внушают доверия¹³.

** Другой вариант — Скиновой; основания, приводимые Липранди в пользу этого чтения, незначительны. Если Скино отличалась скромностью, то и скромность Е. З. Стамо тоже засвидетельствована¹⁴.

Любопытные сведения о семействе Ралли сообщил И. П. Липранди. «Из других семейных домов Пушкин довольно часто посещал семейство Рали... У Рали, или Земфираки [прозвище, произведенное от Земфир], кроме трех сыновей (из коих в особенности один был очень порядочный молодой человек) было две дочери: одна Екатерина Захарьевна, лет двадцати двух, была замужем за коллежским советником Апостолом Константиновичем Стамо, имевшим более пятидесяти лет. Пушкин прозвал его «bellier conducteur*», и действительно, физиономия у него как-то схожа была с бараньей, но он был человек очень образованный, всегда щеголевато одетый. Жена его, очень малого роста, с чрезвычайно выразительным смуглым лицом, прекрасными большими глазами, очень умная и начитанная и резко отличалась от всех своими правилами; была очень любезна, говорлива и преимущественно проповедовала нравственность. Пушкин любил болтать с нею, сохраняя приличный разговор. Сестра ее Марья (Мариола) была девушка лет осьмнадцати, приятельница Пулхерицы [Варфоломей], но гораздо красивее последней и лицом, и ростом, и формами, и к тому двумя или тремя годами моложе. Пушкин в особенности любил танцевать с нею. У Рали танцевали очень редко, но там были чаще музыкальные вечера**.

Но любопытство, раззадоренное сообщением о двух письмах Пушкина к Е. З. Стамо, осталось неудовлетворенным, и я вновь просил З. К. Ралли поискать эти письма. В начале 1909 г. я получил следующий ответ: «Относительно Ал<ександра> Сер<геевича> Пушкина ничего пока не могу вам сказать, т. к. только летом будущим надеюсь побывать в старом замке в Красне, что в Буковине. Дело в том, что все старики перемерли, а мой племянник, будучи австрийским посланником в Венецуэле, живет за океаном; в Красне же никого нет, кто бы мог перерыть весь тот хлам книг и бумаг, что находится там, я писал уже туда и мне прислали целый сундук старого журнала «Москвитянин» вместо того, что я требовал. Без меня лично следовательно нельзя ничего сделать; относительно писем Пушкина я писал своей двоюродной сестре Марии Зилотти, дочери Кат<ерины> Захар<ьевны> Стамо, но получил ответ, что кузина живет в Париже опять, а адреса мне не прислали. Будем надеяться, что в конце концов найдем письма Пушкина». На новое мое обращение З. К. Ралли отвечал 27 мая

* баран-возжак (франц.).— *Ред.*

** Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди.— Русский архив, 1866, стб. 1231—1232; [См. также: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1, с. 304—305].— *Ред.*

1909 года: «...в июле месяце этого года я еду специально на родину в Буковину, для того чтобы разобрать весь тот старый хлам книжный и бумажный, который лежит в кладовых старого замка села Красны со смерти моих родителей. Но был я там вот уже более 40 лет. Все, что найдется интересующего Вас, буду иметь особенное удовольствие переслать Вам заказной посылкой».

Но тут оборвалась моя переписка с З. К. Ралли. Судьба его поисков мне неизвестна.

Публикуемые ниже извлечения из дела коллегии иностранных дел «о коллежском секретаре Пушкине» за 1824 г.* представляют собой семь документов, из которых четыре известны исследователям по копиям или отпускам, а три являются новостью и дают несколько новых деталей и штрихов к истории высылки Пушкина из Одессы.

Дело о высылке Пушкина освещает преимущественно роль графа Воронцова. Первое хронологическое упоминание о Пушкине, исходящее от Воронцова, находится в письме графа Воронцова начальнику штаба 2-й армии П. Д. Киселеву из Одессы от 6 марта 1824 г. Воронцов отражал здесь выдвинутые против него обвинения в том, что он поддается влиянию лиц неблагонадежных и склонных к беспорядкам. Обвинение, которое могло быть чреватым последствиями в 1824 г., когда император Александр уже был объят настроениями мрачного, реакционного мистицизма. Стараясь отгадать, кого имел в виду его обвинитель, Воронцов писал: «Относительно же тех людей (на которых намекают) я хотел бы, чтобы взглянули, кто находится при мне и с кем я говорю о делах. Если имеют в виду Пушкина и Александра Раевского, то по поводу последнего скажу вам, что я не могу помешать ему жить в Одессе, когда ему того хочется, но с тех пор, что мы говорили о нем с Вами, я только еле-еле соблюдаю с ним формы, которые требует благовоспитанность в отношении старого товарища и родственника¹, и уж, конечно, мы никогда не разговариваем о делах или о назначениях по службе,— по всему, что до меня о нем

* Московский Архив Революции и Внешней Политики [ЦГАОР СССР].

доходит, он благоразумен и сдержан во всех своих речах и понимает, я полагаю, свое положение и, главным образом, тот вред, который он причинил своему отцу. Что же касается Пушкина, то я говорю с ним не более 4 слов в две недели, он боится меня, так как знает прекрасно, что при первых дурных слухах о нем, я отправлю его отсюда и что тогда уже никто не пожелает взять его на свою обузу; я вполне уверен, что он ведет себя много лучше и в разговорах своих гораздо сдержаннее, чем раньше, когда находился при добром генерале Инзове, который забавлялся спорами с ним, пытаюсь исправить его путем логических рассуждений, а затем позволял ему жить одному в Одессе, между тем как сам оставался в Кишиневе. По всему, что я узнаю на его счет и через Гурьева*, и через Казначеева**, и через полицию, он теперь очень благоразумен и сдержан; если бы было иначе, я отослал бы его и лично был бы в восторге от этого, так как я не люблю его манер и не такой уж поклонник его таланта — нельзя быть истинным поэтом, не работая постоянно для расширения своих познаний, а их у него недостаточно»***.

Отношения графа Воронцова к Пушкину обрисованы в этом письме ярко и точно. Он совсем невысоко ценит поэтический талант Пушкина², лично он ему неприятен весьма, и он был бы в восторге не видеть его около себя; отношения графа к поэту высокомерны: едва два слова в неделю процедит граф поэту. Он бы и отослал его, если бы поведение его не было благоразумно и сдержанно. Но Пушкин был знаком не только с графом Воронцовым, но и с графиней тоже³. Об его увлечении графиней по Одессе говорили усиленно****. Прошло три недели, и отношение Воронцова к Пушкину круто переменялось. Надо сказать, что во второй половине марта Пушкин ездил из Одессы в Кишинев⁴, а в начале апреля Воронцов с женой уезжает в свои имения в Белую Церковь⁵. В сношениях Пушкина с Воронцовой происходит таким образом перерыв. В последние дни марта Воронцов принимает решение удалить Пушкина из Одессы. 28-м марта датировано письмо графа Воронцова графу Нессельроде — первый документ публикуемого

* А. Д. Гурьев, граф, одесский градоначальник.

** А. И. Казначеев, правитель канцелярии гр. Воронцова.

*** [Сиверс А. А. Письмо гр. М. С. Воронцова к П. Д. Киселеву с отзывом о Пушкине. Одесса, 6 марта 1824. — В кн.:] Пушкин и его современники, Л., 1928, вып. XXXVII, с. 140 [текст письма на франц. яз., с. 136—138; пер., с. 139—141].

**** См.: Пушкин. Статьи и материалы. III. Одесса, 1927, [с. 34—48]. Здесь в статье о Воронцовой Е. К. точно установлены хронологические даты некоторых моментов общения Пушкина с Е. К. Воронцовой. Я основываюсь на датах этой работы.

нами дела. Этот документ был известен нам до сих пор лишь по копии или отпуску, сохранившемуся в деле новороссийского и бессарабского генерал-губернатора о высылке Пушкина. Дело это находится ныне в Одесском историческом архиве*. Текст подлинника публикуется здесь впервые. В копии имеется несколько разночтений, отвергнутых в окончательной белой редакции. Так как нет никакого сомнения, что письмо, если не составлено самим Воронцовым, то [во] всяком случае тщательно им проредактировано, отступления копии приобретает некоторый интерес для характеристики автора письма. Даем перевод подлинника (на франц. языке), отмечая в примечаниях варианты черновика.

«Его сиятельству графу Нессельроде.

Одесса, 24 марта 1824 г.

Граф! Ваше сиятельство осведомлены об основаниях, по которым молодой Пушкин был послан несколько времени тому назад с письмом графа Каподистрии к генералу Инзову. При моем приезде сюда этот генерал, если можно так выразиться, вручил его мне, и он жил с тех пор постоянно в Одессе, где находился еще до моего прибытия и в то время, когда генерал Инзов был в Кишиневе. Никким образом я не приношу жалоб на Пушкина, справедливость даже требует сказать, что он кажется гораздо сдержаннее и умереннее, чем был прежде, но собственный интерес молодого человека, не лишенного дарований, недостатки которого происходят, по моему мнению, скорее от головы, чем от сердца, заставляют меня желать, чтобы он не оставался в Одессе. Основной недостаток г. Пушкина — это его самолюбие. Он находится здесь и за купальный сезон приобретает еще множество восторженных поклонников своей поэзии, которые, полагая, что выражают ему дружбу лестью, служат этим ему злую службу, кружат ему голову и поддерживают в нем убеждение, что он замечательный писатель, между тем он только слабый подражатель малопочтенного образца (лорд Байрон), да кроме того, только работой и усидчивым изучением истинно великих классических поэтов он мог бы оправдать те счастливые задатки, в которых ему нельзя отказать**. Удалить его отсюда — значит оказать ему истинную услугу. Возвращение к генералу Инзову не поможет ничему, ибо

* Полностью в русском переводе с отпуска письмо напечатано впервые в 1875 г. в Лейпциге, в издании Э. Л. Каспровича «Материалы для биографии Пушкина» (с. 35—37) и в России — в «Русской старине», 1879, № 10, с. 292. Французский текст отпуска напечатан впервые в 1899 г. в «Ведомостях одесского градоначальника» (№ 102).

** В копии зачеркнут конец фразы: «и стать отличным писателем».

все равно он будет тогда в Одессе, но без надзора*. Кишинев так близко отсюда, что ничто не помешает этим же почитателям поехать туда; да и, наконец, в самом Кишиневе он найдет в боярах и в молодых греках достаточно скверное общество.

По всем этим причинам я прошу ваше сиятельство испросить распоряжений государя по делу Пушкина. Если бы он был перемещен в какую-нибудь другую губернию, он нашел бы для себя среду менее опасную и больше досуга для занятий. Я повторяю, граф, исключительно в его интересах я обращаюсь с этой просьбой. Я надеюсь, что моя просьба не будет истолкована ему во вред, и убежден, что, только согласившись со мною, ему можно будет дать более средств обработать его рождающийся талант, удалив в то же время от того, что может ему сделать столько зла.

Я говорю о лести и о столкновении с сумасбродными и опасными идеями.

Имею честь быть с глубоким уважением вашего сиятельства преданнейший и покорнейший слуга.

Граф Михаил Воронцов».

Сравнивая это письмо к Нессельроде с письмом к Киселеву, написанным тремя неделями раньше, нельзя не отметить совпадения: и там и здесь отмечается умеренность и сдержанность Пушкина и необходимость для него усидчивого труда и расширения познаний. Но Воронцов в письме к Киселеву обещал отправить Пушкина при первых дурных слухах. Но никаких таких мотивов в письме к Нессельроде, новых по сравнению с отзывом в письме к Киселеву, Воронцов не указывает. Он умоляет только об одном, чтобы Пушкин был удален из Одессы; почти не скрывая своего лицемерия, он пытается убедить министра и царя, что просьба его вызвана исключительно заботами о благе Пушкина. Но что произошло за эти три недели? Произошел перерыв общения, и Воронцов решил его продлить, хотя бы ценой доноса. Возбудив вопрос об удалении Пушкина, Воронцов проявляет необычайную настойчивость и стремительность. Помимо официального обращения к Нессельроде, Воронцов пытается воздействовать в этом вопросе и через своего клеветника в Петербурге, друга и благоприятеля Н. М. Лонгинова, занимавшего место управляющего канцелярией жены Александра I Елисаветы Алексеевны⁶. 8 апреля Воронцов из Белой Церкви сообщал Лонгинову: «Я писал к гр. Нессельроде, прося, чтоб меня избавили от поэта Пушкина.— На теперешнее

* В копии иначе: «ибо это вовсе не удалит его от Одессы, и в таком случае он останется вне моего надзора».

поведение его я жаловаться не могу, и, сколько слышу, он в разговорах гораздо скромнее, нежели был прежде, но, первое, ничего не хочет делать и проводит время в совершенной лени, другое — таскается с молодыми людьми, которые умножают самолюбие его, коего и без того он имеет много: он думает, что он уже великий стихотворец, и не воображает, что надо бы еще ему долго почитать и поучиться прежде, нежели точно будет человек отличный. В Одессе много разного сорта людей, с коими эдакая молодежь охотно видится, и, желая добра самому Пушкину, я прошу, чтоб его перевели в другое место, где бы он имел и больше времени, и больше возможности заниматься, и я буду очень рад не иметь его в Одессе...»* Но никакого движения по делу Пушкина не было, и 29 апреля Воронцов вновь напоминает Лонгинову: «О Пушкине не имею еще ответа от гр. Нессельроде, но надеюсь, что меня от него избавят. Сегодня к вечеру отправляюсь в Кишинев дней на пять». Из Кишинева Воронцов писал 2 мая графу Нессельроду о наводнявших Молдавию греческих выходцах, подозрительных для русского правительства, и об установлении над ними секретного наблюдения. По этому случаю он возобновил свое ходатайство об удалении Пушкина: «По этому поводу я повторяю мою просьбу — избавьте меня от Пушкина; это, может быть, превосходный малый и хороший поэт, но мне бы не хотелось иметь его дольше ни в Одессе, ни в Кишиневе. Прощайте, дорогой граф»**. А через два дня 4 мая Воронцов из Кишинева же снова инспирировал Лонгинова: «Казначеев мне сказывал, что Туманский [чиновник Воронцова, поэт и приятель Пушкина] уже получил из П[етер]бурга совет отдаляться от Пушкина, и я сему очень рад, ибо Туманский — молодой человек очень порядочный и совсем не Пушкинова разбора. Об эпиграмме, о которой вы пишете, в Одессе никто не знает, и, может быть, П<ушкин> ее не сочинял; впрочем нужно, чтоб его от нас взяли, и я о том еще Нессельроду повторил»***.

Время шло. Пушкин, ничего не подозревавший, пребывал в Одессе. В конце апреля вернулись в Одессу Воронцовы, и нетерпение графа Воронцова росло с каждым днем. В середине мая Воронцов назначил свой отъезд с семьей в Крым, но бо-

* Письма Н. М. Лонгинова, хранящиеся в Пушкинском Доме, использованы в кн. Б. Л. Модзалевского «Пушкин». Л., «Прибой», 1929, с. 84.

** [Лернер Н. О. Заметки о Пушкине. XIV. Воронцов о Пушкине. Незаданный донос.— В кн.:] Пушкин и его современники. СПб., 1913, вып. XVI, с. 68⁷.

*** [Модзалевский Б. Л. Указ. соч., с. 83].

лезнь дочери⁸ помешала поездке и держала его и жену в Одессе. Воронцов должен был удалить Пушкина во что бы то ни стало. Тогда он прибегнул к необычайному способу и использовал свою власть начальника в личных целях. Пушкин считал себя числящимся на службе лишь номинально, да так смотрели на его службу и все его начальники. В письме, о котором будет сейчас речь, к А. И. Казначееву Пушкин говорил о себе: «7 лет я службою не занимался, не написал ни одной бумаги, не был в сношении ни с одним начальником»⁹. Поэтому Пушкина не могло не уколоть и не ошарашить неожиданно полученное им предписание графа Воронцова от 22 мая 1824 г. за № 7976: «Желая удостовериться о количестве появившейся в Херсонской губернии саранчи, равно и том, с каким успехом исполняются меры, преподанные мною к истреблению оной, я поручаю вам отправиться в уезды Херсонский, Елисаветградский и Александрыйский. По прибытии в город Херсон, Елисаветград и Александрию, явитесь в тамошние общиные уездные присутствия и потребуйте от них сведения: в каких местах саранча возродилась, в каком количестве, какие учинены распоряжения к истреблению оной и какие средства к тому употребляются. После сего имеете осмотреть важнейшие места, где саранча наиболее возродилась, и обозреть, с каким успехом действуют употребленные к истреблению оной средства и достаточны ли распоряжения, учиненные уездными присутствиями.

Обо всем, что по сему вами найдено будет, рекомендую донести мне»* (XIII, 355).

Пушкин весьма оскорбился, возмутился крайне и почувствовал, что он должен протестовать, но как? Не подчиниться приказу начальника, потребовать отставки? Сохранились в бумагах Пушкина два черновика его письма к правителю воронцовской канцелярии А. И. Казначееву, вернопреданному чиновнику. В этом письме, писанном в день получения предписания, 22 мая, Пушкин сдерживает волнующие его чувства. Излагая свой взгляд на службу, Пушкин остерегается сделать решительный вызов. «Будучи совершенно чужд ходу деловых бумаг, не знаю, вправе ли отозваться на предписание е<го> с<иятельства>...» — как будто бы Пушкин и не думает о неподчинении приказу! — «Знаю, что довольно этого письма, чтоб меня, как говорится, уничтожить. Если граф прикажет подать в отставку, я готов; но чувствую, что, пере-

* История командировки Пушкина «на саранчу» освещена на основании подлинного дела о саранче в статье Г. Сербского «Дело о саранче». Статья появится на страницах издания «Пушкин и его современники». Ознакомлению с этой статьей обязан любезности автора¹⁰.

менив мою зависимость, я много потеряю, а ничего выиграть не надеюсь...» — как будто в этих словах Пушкин отклоняет от себя инициативу в вопросе об отставке! Кончается письмо жалобным воплем, ссылкой на неизлечимую болезнь — аневризм: «ужели нельзя оставить меня в покое на остаток жизни, которая, верно, не продлится?»* Во всяком случае предписание Воронцова было им выполнено, и в командировку он отправился¹¹. Впоследствии, месяца через два, когда угроза высылки стала реальной, княгиня В. Ф. Вяземская, с 7 июня жившая в Одессе и установившая с Пушкиным дружеские и откровенные отношения, писала мужу о Пушкине: «Он виноват только в некотором ребячестве и довольно справедливой досаде за то, что его послали на открытие саранчи, а все же он послушался**¹². В командировку Пушкин отправился 23 мая; в этот день он расписался в получении 400 рублей прогонных денег***. Но Воронцов обманулся в своих ожиданиях. Если принять во внимание обширность территории, на которой должен был действовать Пушкин (Херсон, Александрия, Елисаветград), и крупные размеры суммы, полученной им на прогоны, то надо думать, что Пушкину была предложена командировка значительной длительности. Очевидно, в расчеты Воронцова входило продержатъ Пушкина возможно дольше вне Одессы, пока не придет решение из Петербурга. Но Пушкин в конце мая был уже в Одессе: в «Journal d'Odessa» от 2 июня 1824 г. в числе прибывших 31 мая в Одессу значится «коллежский секретарь Пушкин»****¹³. Максимальная длительность командировки — неделя, но в этот срок предписание Воронцова не могло никак быть выполнено, даже при бешеной езде на почтовых.

Итак, Пушкин опять оказался около Воронцова. Но как раз в это время Воронцов уже читал датированное 16 мая и шедшее до Одессы недели две (не больше) письмо от графа Нессельроде: «Я представил императору ваше письмо о Пушкине. Он

* «Пушкин. Письма. 1815—1833. Т. I. Под ред. и с примеч. В. Л. Модзалевского, с. 77—80. Дата, приведенная редактором — 25 мая — непоятна. [Разрядка П. Е. Щеголева. См.: XIII, 92, 94].

** Остафьевский архив князей Вяземских, т. V, вып. II, с. 130.

*** [Сербский Г. Неизвестные расписки Пушкина.— В кн.:] Пушкин. Статьи и материалы. I. Одесса, 1925, с. 50.

**** Лернер Н. О. Труды и дни Пушкина, 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1910, с. 98. Не представляется возможным установить раннюю дату возвращения Пушкина на основании сообщения М. Ф. Орлова в письме к жене от 29 мая: «Пушкин был послан на саранчу. Он воевал с нею и после весьма трудной кампании вчера вернулся, отступив перед несметным неприятелем» (Гершензон М. О. Семья декабристов (По неизданным материалам).— Былое, 1906, № 10, с. 308). Надо обратить внимание, что письмо Орлова писано из Киева. Каким образом 29 мая Орлов из Киева мог сообщать, что Пушкин вернулся в Одессу 28 мая¹⁴.

был вполне удовлетворен тем, как вы судите об этом молодом человеке, и дал мне приказание уведомить вас о том официально¹⁵. Но что касается того, что окончательно предпринять по отношению к нему, он оставил за собою дать свое повеление во время ближайшего моего доклада»*. Сообщение не очень ясное: правда, оно не предвещало ничего хорошего для Пушкина, но в то же время не подавало графу Воронцову категорической надежды на устранение Пушкина из Одессы. Воронцову надо было нажимать. У Пушкина возникла мысль об отставке, но он не привел ее в исполнение немедленно по получении приказа о командировке. Мы не знаем, что произошло по возвращении Пушкина из командировки, в промежуток до 8 июня. Княгиня Вяземская писала мужу (19 июля): «Пушкин был там [«на саранче»] и, вернувшись, подал в отставку, так как самолюбие его было уязвлено»**.

Сам Пушкин излагал свое дело в письме к князю П. А. Вяземскому (от конца июня): «Я поссорился с Воронцовым и завел с ним полемическую переписку, которая кончилась с моей стороны просьбою в отставку. Но чем кончат власти, еще неизвестно. Тиверий рад будет придраться; а европейская молва о европейском образе мыслей графа Сеяна обратит всю ответственность на меня. Покамест не говори об этом никому. А у меня голова идет кругом»***¹⁶. Позже, 14 июля, Пушкин писал А. И. Тургеневу: «Вы уж узнали, думаю, о просьбе моей в отставку; с нетерпением ожидаю решения своей участи и с надеждой поглядываю на ваш север. Не странно ли, что я поладил с Инзовым, а не мог ужиться с Воронцовым; дело в том, что он начал вдруг обходиться со мной с непристойным неуважением, я мог дожидаться больших неприятностей и своей просьбой предупредил его желания. Воронцов — вандал, придворный хам и мелкий эгоист. Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое****. (XIII, 102—103)¹⁷.

Прошение Пушкина об отставке до сих пор не было известно исследователям. Оно находится в названном выше деле и печатается впервые. Вот его текст:

«Всепресветлейший, державнейший, великий государь император Александр Павлович, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший.

* Архив князя Воронцова. М., 1895, кн. 40, с. 12—13.

** Остафьевский архив князей Вяземских, т. V, вып. II, с. 131.

*** Под полемической перепиской надо понимать переписку с Казначеевым; едва ли Пушкин вел ее непосредственно с графом.

**** «Пушкин. Письма», т. I, с. 85 и 88.

Просит коллежский секретарь Александр Пушкин, а о чем, тому следуют пункты:

I.

Вступив в службу вашего императорского величества из Царскосельского лицея, с чином коллежского секретаря в 1817 году, июня 17 дня, в коллегии иностранных дел продолжал оную в Санкт-Петербурге до 1820 году, потом волею вашего императорского величества откомандирован был к уполномоченному наместнику Бессарабской области.

II.

Теперь, по слабости здоровья не имея возможности продолжать моего служения, всеподданнейше прошу.

III.

Дабы высочайшим вашего императорского величества указом повелено было сие мое прошение принять и меня, вышепоименованного, от службы уволить.

IV.

Всемиловитейший государь, прошу ваше императорское величество о сем моем прошении решение учинить. Июня 2 дня 1824 года. Одесса.

К подаче подлежит через Новороссийского генерал-губернатора и полномочного наместника Бессарабской области в государственную коллегию иностранных дел.

Сие прошение сочинял и писал коллежский секретарь Александр Сергеев сын Пушкин»*. (XIII, 355—356).

8 июня просьба Пушкина находилась в руках Воронцова и на другой же день (какая спешка!) была препровождена графу Нессельроде при следующем письме Воронцова (на франц. языке), тоже впервые нами печатаемом. Даем перевод.

Одесса, 9 июня 1824.

Дорогой граф,

Пушкин представил прошение об отставке. Не зная, по справедливости, как поступить с этой просьбой, и необходимо ли представить свидетельство о болезни, я посылаю вам ее в частном порядке и настоятельно вас прошу либо дать ей ход, либо мне ее возвратить, в зависимости от того, как вы рассудите. И в последнем случае благоволите мне сказать, должна ли

* На подлиннике помета: «Пол. 8 июня 1824 г.»

она быть ему возвращена, или же она должна быть сопровождена аттестатом и послана по форме.

...Ваш Воронцов.

В сущности прошение Пушкина могло быть и лишним в деле, но повредить ему должно было. Воронцов сознавал это: извилистый тон его письма достаточно свидетельствует об этом. И притом, как прав был Пушкин: при собственноручном прошении об отставке ответственность падала на него, а не на Воронцова. О перенесении ответственности именно на Пушкина постарался и вернопреданный правитель канцелярии А. И. Казначеев. Не без инспирации со стороны графа — нужно так думать, Казначеев письменно выразил Пушкину огорчение по поводу подачи прошения и сожаление по поводу могущих быть последствий. Сохранился черновик ответа Пушкина: «Что касается ваших опасений относительно последствий, которые может повлечь эта отставка, то я не нахожу их основательными... Вы говорите мне о покровительстве и о дружбе — двух вещах, по моему мнению, несовместимых. Я не могу, да и не хочу претендовать на дружбу графа Воронцова, еще менее — на его покровительство, ничто, сколько я знаю, не принижает более, чем покровительство, и я слишком уважаю этого человека, чтобы пожелать унижаться перед ним. У меня есть на этот счет демократические предрассудки, которые стоят предрассудков аристократической гордости. Я жажду только независимости... Я устал зависеть от хорошего или дурного пищеvarения того или другого начальника. Мне наскучило, что ко мне в моем отечестве относятся с меньшим уважением, чем к первому попавшемуся дураку, мальчишке-англичанину, который является к нам, чтобы среди нас проявить свою (зачеркнуто: глупость) плоскость (зачеркнуто: небрежность) и свое бормотанье. Нет никакого сомнения, что граф Воронцов, — человек умный, — сумеет (зачеркнуто: сделать меня виновным) выставить меня в глазах общественного мнения виноватым: победа весьма лестная, — и я предоставляю ему наслаждаться ею в свое удовольствие, ибо так же мало забочусь об общественном мнении, как и о брани и о восторгах наших журналов»¹⁸. Последняя фраза о Воронцове была повторена, как мы видели, в письме к Вяземскому. Пушкин и не подозревал в этот момент, что участь его была предрешена Воронцовым еще в марте месяце, не подозревал того деятельного обмена письмами, который шел между Одессой и Петербургом, но одно он знал: просьба, поданная им как будто бы и добровольно, в действительности вынуждена образом действий Воронцова. Не разглагольствовал Пушкин и мотива, руководившего Воронцовым: ему

казалось, что цель Воронцова — в уязвлении его самолюбия — и только, но он не предполагал, что основная цель действий — непременно удаление его, Пушкина, из Одессы, из пределов генерал-губернаторства. И тут, конечно, в Воронцове говорил не наместник края, а муж, имевший основание опасаться близости, создавшейся между его женой и Пушкиным. Не будет далеким от истины предположение, что Пушкин не представлял себе размеров осведомленности графа Воронцова об интимных своих делах. Не ревность возбуждала активность мужа, а честолюбие высокопоставленного вельможи. Любовный быт четы Воронцовых отличался необычайной распущенностью — в духе времени. По свидетельству современников, «жена Воронцова не отличалась семейными добродетелями и так же, как и муж, имела связи на стороне»*. Приведу красноречивую цитату из неизданных воспоминаний другого современника, барона А. К. Боде, хорошо знавшего Воронцовых как раз в пушкинские времена: «Граф Воронцов очень любезен, когда захочет, но, по упорномстительному его нраву, не дай бог попасться ему в когти, когда он на кого думает иметь право быть в претензии, хотя бы то было и без всякого основания... Графиня Воронцова — женщина светская, очень любезная и любит занятая любовниками, на что ее муж вовсе не в претензии; напротив того, он покровительствует им, потому что это доставляет ему свободу заняться беспрепятственно любовницами». Мотивировка покровительства, может быть, и неверна, а в случае — предположительном — с Пушкиным, может быть, и неприемлема: слишком велико было расстояние между вельможей и ссыльным поэтом. О Воронцове можно сказать, что и до сих пор он еще не разоблачен окончательно, особенно у пушкинистов. Уж слишком давил он исследователей авторитетом имени, сана, богатства, английского воспитания, и они никак не могли принять полностью на сто процентов высказывания о нем Пушкина: «Полу-герой, полу-невежда, к тому ж еще полу-подлец!.. Но тут однако ж есть надежда, что полный будет, наконец»¹⁹.

14 июня Воронцовы, наконец, покинули Одессу²⁰. Свою роль Воронцов сыграл. С момента доклада (в первой половине мая) письма Воронцова, о судьбе Пушкина стал думать сам царь, и роль Александра I — не последняя в драме высылки поэта. С характеристикой неблагонадежного поэта, данной Воронцовым, царь был согласен, но разрешение вопроса о каре Пушкину оставил до ближайшего доклада. 27 июня граф Несельроде сообщил Воронцову о дальнейшем высочайшем дви-

* Русский архив, 1913, кн. 1, с. 355—358.

жении по делу Пушкина: «Император решил и дело Пушкина. Он не останется при вас; при этом его императорскому величеству угодно просмотреть сообщение, которое я напишу вам по этому предмету, что может состояться лишь на следующей неделе, по возвращении его из военных поселений»*. Воронцов мог быть доволен: Пушкина от него убирали. Но куда будет направлен Пушкин, еще не было известно.

Друг и покровитель Пушкина в Петербурге Александр Иванович Тургенев в конце июня узнал о бедах, которые страшились над головой Пушкина, и бросился помогать. «Граф Воронцов, — писал он князю П. А. Вяземскому 1 июля, — прислал представление об увольнении Пушкина. Желая, *coûte, qui coûte***, оставить его при нем, я ездил к Нессельроде, но узнал от него, что это уже невозможно; что уже несколько раз, и давно, граф Воронцов представлял о *sem et pour cause****; что надобно искать другого мецената-начальника. Долго вчера толковал я о сем с Севериным, и мысль наша остановилась на Паулуччи, тем более, что Пушкин — и псковский помещик. Виноват один Пушкин. Графиня его отличала, отличает, как заслуживает талант его, но он рвется в беду свою. Больно и досадно! Куда с ним деваться?»**** Вяземский, по письмам жены из Одессы, представлял себе дело иначе и полагал, что инициатива в вопросе об отставке исходила от Пушкина. Отвечая 7 июля Тургеневу на его письмо, Вяземский процитировал из письма жены от 13 июня: «Ничего не могу тебе сказать хорошего о племяннике Василия Львовича; это сумасбродная голова, которая никого не признает; он наделал новых глупостей; после чего попросил об отставке: во всем виноват он сам. Я знаю из хорошего источника, что он отставки не получит. Я делаю все возможное, чтобы его успокоить, браню его за тебя, уверяя его, что ты, конечно, первый осудил бы его; его последние проказы — поступки ветренника. Он высмеял важную для него персону, об этом узнали и теперь на него косятся, что и понятно. Он меня очень огорчает, так как я ни в ком не встречала столько легкомыслия и склонности к злословию, как в нем; вместе с тем я думаю, что у него доброе сердце и что он большой мизантроп; не то, чтобы он избегал общества, но он боится людей; это, может быть, результат несчастия и вина родителей, которые сделали его таким». Любопытно, что в своей цитате Вяземский опустил слова, на бранные у нас разрядкой, об осмеянии Пушкиным важной пер-

* Архив князя Воронцова, кн. 40, с. 14.

** во что бы то ни стало (*франц.*). — *Ред.*

*** по этому вопросу (*франц.*). — *Ред.*

**** Остафьевский архив князей Вяземских, т. III, с. 57.

соны, т. е., конечно, Воронцова. А приведя цитату, Вяземский добавил: «Разумеется, будь осторожен с этими выписками. Но, видно, дело так повернули, что не он просится: это неясно! Грешно, если над ним уже промышляют и лукавят. Сделай одолжение, попроси Северина устроить, что можно, к лучшему. Он его, кажется, не очень любит: тем более должен стараться спасти его; к тому же, верно, уважает его дарование, а дарование не только держава, но и добродетель»*. На это письмо Тургенев ответил 15 июля: «Письмо твое от 7 июля получил. О Пуш<кине> ничего еще не знаю, ибо не видел ни Нес<сельроде>, ни Сев<ерина>. Последний совершенно отказался принимать участие в его деле, да ему и делать нечего. Решит, вероятно, сам государь; Нессельроде может только надумать. Спрошу его при первом свидании. Вчера пронесся здесь слух, что Пушкин застрелился; но из Одессы этого с вчерашней почтой не пишут, да и ты бы от жены лучше знал»**.

Публикуемое нами дело приносит неизвестный еще документ, свидетельствующий о моменте, нашедшем отражение в письме Тургенева. Это маленькая справка о семье А. С. Пушкина, предлагавшая материал для решения вопроса (даем ее в переводе с франц.):

«Г. Александр Пушкин, сын Сергея Львовича Пушкина, некогда исполнявшего должность чиновника комиссариата, где он имел чин 5-го класса, и в настоящее время отставленного от службы. У него должна быть недвижимость в Псковской губернии. Мать его, госпожа Пушкина — урожденная Ганнибал.

Это фамилия малосостоятельная, и молодой Пушкин, ничего не получая от своих родителей, был вынужден жить на свое скромное жалованье в 700 рублей в год и на доходы со своих сочинений».

Когда Александр Павлович придумывал кару Пушкину, пред ним лежало не только представление Воронцова, но еще добытая путем перлюстрации выписка из письма Пушкина. Вот эта выписка:

«Читая Шекспира и Библию, святых дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира. Ты хочешь знать, что я делаю — пишу пестрые строфы романтической поэмы²¹ и беру уроки чистого афеизма. Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный афей, которого я еще встретил²². Он исписал листов 1000, чтобы доказать qu'il ne peut exister d'être intelligent Créateur et régulateur***, мимоходом уничто-

* Остафьевский архив князей Вяземских, т. III, с. 57—58.

** Там же, с. 58—59.

*** что не может быть существа разумного, творца и правителя (франц.).

жая слабые доказательства бессмертия души. Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но, к нещастию, более всего правдоподобна»²³.

Письмо в подлиннике нам неизвестно; самая же выписка стала известна по копии, присланной графом Нессельроде Воронцову, и полностью оглашена в помянутом выше лейпцигском издании «Материалы для биографии Пушкина», в 1875 г.* Перлюстрированный отзыв Пушкина об «афеизме» сыграл, конечно, известную роль в решении царя, но замечательно то, что перлюстрация совершенно затушевала роль Воронцова. Сам Пушкин искренне и простодушно приписывал свою ссылку этой перлюстрации. «Я сослан за строчку глупого письма...» (письмо к Жуковскому от 29 ноября 1824 г.) (XIII, 124). «Покойный император сослал меня в деревню за две строчки нерелигиозности... Его величество, исключив меня из службы, приказал сослать в деревню за письмо, писанное года три тому назад, в котором находилось суждение об афеизме» (письмо к Жуковскому 7 марта 1826 г.) (XIII, 265). Уже в ноябре 1824 г., как видим, Пушкин уже знал о перлюстрированном письме, о выписке из него. Где же он мог познакомиться с ней? Конечно, в Одессе, в канцелярии генерал-губернатора, которому копия выписки была прислана. Эта выписка и заслонила инициативу графа Воронцова.

В Одессе Пушкин и его друзья еще долго ничего не знали о конце дела Пушкина. 18 июля Вяземская писала мужу: «Мы ничего не знаем, что происходит в Петербурге по поводу него». А 19 июля поясняла: «Из-за отсутствия гр. Воронцова мы ничего о нем не знаем». Воронцовы отсутствовали из Одессы с 14 июня. 23 июля вернулась графиня Воронцова, а 27 июля Вяземская писала мужу: «Мы продолжаем ничего не знать про судьбу Пушкина. Даже графиня знает, что и ты, что он должен уехать из Одессы. Ее муж просто сказал, что в Одессе ничего нельзя было сделать для него, но мы не знаем, чем это кончится»**.

Но как раз в это время это уже кончалось. 6 июля на Каменном острове, в Елагином дворце, Александр I просмотрел

* Затем полностью выписка напечатана в «Русской старине», 1879, № 10, с. 293, в «Русской старине», 1899, № 5, с. 245 и в «Ведомостях Одесского градоначальства». В публикациях до 1899 г. начало выписки читалось так: «читая библию», и только в 1899 г. было дано правильное чтение «Читая Шекспира и Библию», но зато в «Ведомостях» была сделана новая ошибка: «предпочитаю Гейне и Шекспира». Публикуемая нами выписка, по-видимому, подлинная, т. е. поступившая от почт-директора.

** Остафьевский архив князей Вяземских, т. V, вып. II, с. 127, 136—137.

проект письма, написанного Нессельроде графу Воронцову, и одобрил его. 11 июля письмо было подано на подпись Нессельроде и в тот же день отправлено в Одессу. В руках Воронцова оно было 24—25 июля. В публикуемом здесь деле письмо находится в «отпуске». Подлинник его — в названном деле новороссийского и бессарабского генерал-губернатора. Даем перевод документа.

«Граф, я не преминул представить государю письма, которые ваше сиятельство мне направили, по поводу коллежского секретаря Пушкина. Его величество в полной мере одобрил предложение удалить его из Одессы, вследствие соображений весьма справедливых, на которых вы основывались и которые за это время получили подтверждение еще другими сообщениями об этом молодом человеке, дошедшими до его величества.

Совокупность обстоятельств обнаруживает, к несчастью, в настоящее время, что он далек от отречения от дурных принципов, которые таким губительным образом отметили его первые шаги на общественном поприще.

Бы в этом убедитесь, граф, пробегая прилагаемое при сем письмо, которое его величество поручил мне сообщить вам и о котором московская полиция поставлена в известность вследствие той огласки, которую оно получило.

Вследствие этого император, дабы дать почувствовать ему всю тяжесть его вины, приказал мне вычеркнуть его из списка чиновников министерства иностранных дел, мотивируя это исключение недостойным его поведением. С другой стороны, его величество не считает возможным согласиться предоставить его самому себе, так как, не будучи немедленно подвергнут наблюдению, он будет пытаться, без сомнения, распространять, в той или иной степени, опасные взгляды, которые он исповедует, и этим самым поставит правительство в необходимость применить к нему, наконец, строжайшие меры.

Чтобы отдалить насколько возможно эти последствия, его величество не соизволил ограничиться исключением его со службы, но почел нужным выслать его в имение, которым его родители владеют в Псковской губернии, и водворить его там под надзор местных властей. Да благоволит ваше сиятельство поставить в известность господина Пушкина обо всех решениях, которые его касаются, наблюдсти, чтобы они были выполнены со всею точностью, и отправить его без промедления в Псков, обеспечив ему путевые издержки.

Примите, граф, уверение в моем высоком уважении...»

Итак, Александр I пошел дальше Воронцова: он не только удалил Пушкина из Одессы, но исключил со службы, правда, номинальной, и изолировал его в псковской деревне. Весть о

высылке Пушкина разнеслась по Петербургу и в Москве довольно скоро. Уже 31 июля Вяземский сообщал так: «Из Петербурга пишут, что он выключен из службы, и велено ему жить у отца в деревне. Правда ли? Надобно было дарование уважать! Грустно и досадно». А 5 августа Тургенев писал Вяземскому: «Ты уже знаешь, что Пушкин отставлен; ему велено жить в псковской деревне отца его под надзором Паулуччи. Это не по одному представлению графа Воронцова, а по другому делу, о котором скажу после, на словах. О приезде его туда еще ничего не слышно, и не знаю еще, приехал ли?»*

«Решительное» письмо графа Нессельроде было получено графом Воронцовым в отсутствие его из Одессы. Немедленно он предписал одесскому градоначальнику привести в исполнение волю царя²⁴. 29 июля эта воля была объявлена Пушкину. С него взята была следующая подписка:

«Нижеподписавшийся сим обязывается, по данному от г. одесского градоначальника маршруту, без замедления отправиться из Одессы к месту назначения в губернский город Псков, не останавливаясь нигде на пути по своему произволу, а по прибытии в Псков явиться лично к г-ну гражданскому губернатору. Одесса, 29 июля 1824 г. Коллежский секретарь Александр Пушкин».

[И второй документ:]

«По маршруту от Одессы до Пскова исчислено верст 1621. На сей путь прогонных на три лошади триста восемьдесят девять рублей четыре копейки получил коллежский секретарь Александр Пушкин»²⁵.

Псковская губерния находилась в то время в составе Рижского военного генерал-губернаторства. Управляющий Прибалтийским краем и Псковской губернии маркиз Паулуччи был уже предупрежден о прибытии Пушкина письмом от 12 июля (последний документ нашего дела). Даем перевод документа.

«Господин маркиз.

Император повелевает мне препроводить вашему превосходительству прилагаемую копию депеши, отправленную мною господину новороссийскому генерал-губернатору касательно коллежского секретаря Пушкина, который несколько лет тому назад был сослан в полуденные края империи за некоторые заблуждения, в которых он провинился в Петербурге. Надеюсь, что с течением времени удаление от столицы и в связи с тем деятельность, которую могла предоставить этому молодому человеку служба, сначала при генерале Инзове и потом при графе Воронцове, будут в состоянии привезти его на стезю

* Остафьевский архив князей Вяземских, т. III, с. 66.

добра и успокоят избыток воображения, к несчастью не всецело посвященного развитию русской литературы — природному призванию г-на Пушкина, которому он уже следовал с величайшим успехом. Ваше превосходительство, усмотрите, прочитав бумаги, которые я имею честь вам сообщить, что это ожидание не оправдалось. Император убедился, что ему необходимо принять по отношению к г-ну Пушкину некоторые новые меры строгости, и, зная, что его родные владеют недвижимостью в Псковской губернии, его величество положил сослать его туда, вверяя его вашим, господин маркиз, неусыпным заботам и надзору местных властей. От вашего превосходительства будет зависеть, по прибытии молодого Пушкина в Псков, дать этому решению его величества наиболее соответствующее исполнение.

Примите, господин маркиз, уверение в высоком уважении.

Нессельроде».

В деле сохранился отпуск письма, а подлинник его находится в деле о высланном из столицы коллежском секретаре Пушкине, хранившемся раньше в архиве Рижского военного генерал-губернаторского управления, которое в 1900 г. поступило в Публичную библиотеку в Петербурге*.

Отпуском письма графа Нессельроде маркизу Паулуччи заключается «дело коллегии по иностранным делам о коллежском секретаре Пушкине» за 1824 г.

* Подлинный текст документа издан Н. О. Лернером в «Русской старине» 1908, № 10, с. 109—110.

АМАЛИЯ РИЗНИЧ В ПОЭЗИИ А. С. ПУШКИНА

I

Все в жертву памяти твоей:
И голос лиры вдохновенной,
И слезы девы воспаленной,
И трепет ревности моей,
И славы блеск, и мрак изгнания,
И светлых мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страдания.

(II, 433)

Полный текст этого стихотворения был опубликован впервые в книге проф. И. А. Шляпкина «Из неизданных бумаг Пушкина»**¹. До тех пор мы знали из него только четыре первых строки; издатели относили их к 1826 году. На автографе этого стихотворения, принадлежавшем И. А. Шляпкину, находим точную дату: «1825 Триг. 23 Тригорск. 22»***.

К кому относится это стихотворение? Чьей памяти поэт приносит в жертву все драгоценные порывы своей души?

* Статья напечатана впервые в «Вестнике Европы» (1904, № 1, с. 305—327); перепечатана с некоторыми изменениями в книге «Пушкин. Очерки» (СПб., 1912). Здесь вновь пересмотрена, исправлена, дополнена. [См.: Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд., испр. и доп. М.—Л., 1931, с. 255—275.— *Ред.*]

** В нашем очерке мы касаемся лишь одного недоумения, возбуждаемого трудом И. А. Шляпкина и связанного с важным вопросом о биографическом элементе в стихах Пушкина, с вопросом о правильности наших утверждений о посвящении тому или другому лицу различных стихов Пушкина. Это — один из запутаннейших вопросов в истории Пушкинского творчества.

*** В настоящее время автограф находится в Пушкинском Доме. Дата под текстом и имеет следующий вид
Триг. 23 1825
Тригорск 22.

П. А. Ефремов в издании 1882 г. (т. II, с. 398) высказал предположение, что эти стихи вызваны воспоминанием об одесской знакомой Пушкина, Амалии Ризнич². И. А. Шляпкин полагает, что ввиду даты: «1825 год», раньше неизвестной, окончательно падает предположение П. А. Ефремова, и высказывается положительно за то, что оно относится к известной Анне Петровне Керн. То или иное решение вопроса о том, к кому относятся различные стихотворения Пушкина, имеет важное значение для биографии поэта. Несомненными являются указания его самого, но они редки, и приходится делать одни предположения, — а между тем, в собраниях сочинений, даже самых новейших, мы встречаем не мало таких догматических «усвоений» стихотворений Пушкина тому или другому лицу, — усвоений, которые каким-то неведомым путем повысились из догадок на степень достоверных свидетельств. В особенности мало достоверны и спутаны указания при стихотворениях, связанных с семьей Раевского и с пребыванием Пушкина на юге, при посланиях кн. М. А. Голицыной, урожд. Суворовой, при стихах, посвященных Амалии Ризнич³. Попытаемся разобраться в том, кому же именно посвящено стихотворение: «Все в жертву памяти твоей» и т. д.

Относится ли оно к А. П. Керн? Об ее отношениях к Пушкину, по крайней мере, в тот 1825 год, к которому относят это стихотворение, мы можем судить по письмам к ней А. С. Пушкина, напечатанным во всех изданиях. Не вдаваясь в подробности этих отношений, отметим только общий, чувственный характер увлечения Пушкина*. Невозможно допустить, чтобы Пушкин и «мщенье — бурную мечту ожесточенного страдания» — принес в жертву той, которую он называл «вавилонской блудницей», которой он писал в таком легком тоне: «Перечитываю ваше письмо вдоль и поперек и говорю: милая! прелесть! божественная!..» и потом: «ах мерзкая!» Простите, прекрасная и нежная, но это так»⁴, и т. д. Вряд ли бы стал Пушкин выражаться: «все в жертву памяти твоей», в то время, как Керн была недалеко от него: в Тригорском, или в Риге, или в С.-Петербурге (с момента встречи 1825 года, Керн только в этих местах и была в этот год). Все эти соображения приводят к следующему выводу отрицательного характера: предположение о посвящении стихотворения А. П. Керн не может быть допущено. И такой вывод имеет свое значение.

* См. мою книгу «Пушкин и мужики: По неизданным материалам». С автопортретом и автографами Пушкина и иллюстрациями. М., «Федерация», 1928, с. 45—46 и мою статью «Любовный быт Пушкинской эпохи» в книге: Вульф А. Н. Дневники. Со ст. М. И. Семевского «Прогулка в Тригорское». Ред. П. Е. Щеголев. М., 1929, с. 13—28.

Прежде чем обратиться к предположению П. А. Ефремова, остановимся на комментариях И. А. Шляпкина, которые могут послужить образцом того, как не следует делать комментарии. Разбор их поможет нам вникнуть в содержание стихотворения, а выяснение содержания имеет существенное значение для нашей цели. Высказавшись предположительно о посвящении стихов А. П. Керн, И. А. Шляпкин без оговорок распределяет партии: «на Е. Н. Вульфа намекает поэт, когда говорит о слезах воспаленной девы. «Трепет ревности моей» — конечно, намек на А. Н. Вульфа, уехавшего с А. П. Керн в Ригу». Необходимо указать, что подобные комментарии могут опошлять стихи Пушкина и лишать их всякого художественного смысла. Стихотворение прекрасно именно по глубокому чувству, его проникающему: поэт приносит в жертву памяти о любимой женщине все самое ценное для его души, и слезы воспаленной любовью девушки, всякой девушки, и мучения ревности, всякие мучения, и блеск, и славы и т. д. И. А. Шляпкин низводит стихотворение почти до эпиграммы: — увы, поэт готов пожертвовать памяти любимой им только слезы Евпраксии Николаевны Вульф; поэт готов ради памяти отказаться ревновать ее к Алексею Николаевичу Вульфу.

Но прав ли П. А. Ефремов, утверждая, что это стихотворение относится к Ризнич?

II

Эпизод одесского увлечения Пушкина Амалией Ризнич принадлежит к интереснейшим и запутаннейшим пунктам биографии поэта.

Все фактические данные о А. Ризнич исчерпывались до последнего времени всего-навсего двумя сообщениями. Первое принадлежит проф. К. П. Зеленецкому, и оно появилось в 1856 году в «Одесском вестнике»⁵ и тогда же было перепечатано в «Русском вестнике»*. Проф. Зеленецкий заявил себя как осторожный исследователь и на достоверность его сообщений можно полагаться, но необходимо обратить внимание на особенность источника его сведений: он разузнал о Ризнич от одесских старожил, — а следовательно, узнал то, что гово-

* Перепеч.: Зеленецкий К. Г-жа Ризнич и Пушкин (Посвящается П. В. Анненкову). — В кн.: Отзвы о Пушкине с юга России. В воспоминание пятидесятилетия со дня смерти поэта 29-го января 1887. Собрал В. А. Яковлев. Одесса, 1887, с. 137—148. Добавлением к этой статье являются некоторые данные в «Заметке» о Пушкине К. Зеленецкого в «Библиографических записках». Периодическое издание. 1858 года. Т. I, вып. 5, стб. 137—139.

рилось о ней в Одессе. Второе сообщение принадлежит проф. М. Е. Халанскому: оно появилось в «Харьковском университетском сборнике» 1899 года⁶. Со слов проф. Сречковича⁷, пр[оф.] Халанский передает рассказы мужа Ризнич. По этим двум сообщениям история Ризнич выясняется в следующих чертах.

Иван Ризнич, сын богатого сербского купца, человек отлично образованный в итальянских университетах, сначала имел банкирскую контору в Вене, а потом переселился в Одессу и занялся хлебными операциями. С Ризничем Пушкин познакомился в один из своих приездов в Одессу из Кишинева. В 1822 году Иван Ризнич уехал в Вену жениться и весной 1823 года возвратился с молодой женой. В начале июня этого года Пушкин переселился на жительство в Одессу⁸. Тогда же начинается его знакомство с женой негоцианта. Кто же была она? Пушкин и его одесские современники считали ее итальянкой; проф. Зеленецкий сообщает, что она — дочь венского банкира Риппа, полунемка, полуитальянка, с примесью, быть может, еврейской крови. Сречкович со слов мужа Ризнич утверждает, что она была итальянка, родом из Флоренции. Нет оснований не верить словам Сречковича. Относительно необыкновенной красоты А. Ризнич все современники согласны: высокого роста, стройная, с пламенными очами, с шеей удивительной формы, с косой до колен. Она ходила в необыкновенном костюме: в мужской шляпе; в длинном платье, скрывавшем большие ступни ног. Среди одесских женщин она была поразительным явлением. В. И. Туманский писал 16 января 1824 года из Одессы своей приятельнице⁹ об одесских дамах: «недостаток светского образования гораздо чувствительнее в одесских дамах. Женщины — первые создательницы и истинные подпоры обществ. Следовательно, им непростительно упускать всякую малость, способствующую выгодам сего нового их отечества. Все приманки ума, ловкости просвещения должны быть употреблены, дабы внушить в мужчине и охоту к светским удовольствиям, и сердечную признательность к дамам. У нас ничего этого нет: замужние наши женщины (выключая прекрасную и любезную гопужу Ризнич) дичатся людей» и т. д.¹⁰ Ризнич, очевидно, подходила к тому идеалу женщины, который рисует Туманский. Амалия Ризнич не была принята в высшем одесском обществе, которое и сосредоточивалось-то в одном доме графини Воронцовой*. Что преграждало ей доступ в высший свет: экс-

* В 1927 году появилась статья А. А. Сиверса «Семья Ризнич. Новые материалы». («Пушкин и его современники». Л., 1927, вып. XXXI—XXXII, с. 85—104). Автор ознакомился с письмами И. С. Ризнича к П. Д. Киселеву и извлек немало любопытных данных для нашей темы.

центричность одежды, необыкновенность поведения или социальное положение, или, наконец, другие обстоятельства, о которых глухо говорит проф. Зеленецкий? На этот вопрос мы ответить не можем. Поклонники ее собирались в доме Ризнич. Их было немало: среди них особенно настойчивым был Пушкин. По выражению мужа Ризнич, Пушкин увивался около Амалии, как котенок (као маче,— по-сербски). Одесские старожилы передавали проф. Зеленеckому, что Пушкин встретил соперника в польском шляхтиче Собаньском. Иван Ризнич называет князя Яблоновского. Пользовался ли Пушкин взаимностью Амалии Ризнич? Молва утверждает, а Ризнич, приставивший к жене для наблюдения старого своего слугу¹¹, отрицает. Ризнич пробыла в Одессе недолго: муж говорит, что она расстроила свое здоровье и уехала лечиться. 30 апреля 1824 года из одесского городского магистрата было выдано свидетельство на право выезда за границу г-ну Ивану Ризничу с семейством, а в первых числах мая г-жа Амалия Ризнич вместе с маленьким сыном Александром, слугою и двумя служанками выехала в Австрию, Италию и Швейцарию. 30 июля Пушкин уехал в Михайловское. В Одессе рассказывали, что вскоре после отъезда Ризнича выехал и соперник Пушкина, Собаньский; за границей он догнал ее, проводил до Вены и бросил. Муж Ризнич говорит, что за Ризнич последовал во Флоренцию князь Яблоновский и здесь добился ее доверия. Ризнич недолго прожила на родине. По всей вероятности, в начале 1825 года она умерла, «кажется, в бедности, призренная матерью мужа», как говорили в Одессе. Но, по словам мужа, она не получала от него отказа в денежных средствах во время жизни в Италии. Этим ограничивались все наши фактические сведения об Амалии Ризнич. В 1927 году Сиверс опубликовал письмо Ризнича от 7/19 июня 1824 года, содержащее следующее любопытное сообщение об Амалии Ризнич:

«У меня тоже большое несчастье со здоровьем моей жены. После ее родов ей становилось все хуже и хуже. Изнуритель-

Между прочим, Сиверс пишет здесь: «Следует также, если не отвергнуть, то значительно ограничить утверждение, что «в высшем кругу тогдашнего одесского общества... г-жа Ризнич принята не была». Такому категорическому утверждению противоречит и известный отзыв о г-же Ризнич В. И. Туманского [письмо от 16 января 1824 г.— *Ред.*], но лучшим доказательством его неправомерности служит личное знакомство ее с Софьей Станиславовной Киселевой. В больших провинциальных городах, как Киев, Одесса, в особенности с разноплеменным населением, общество обычно разбивается на определенные, довольно обособленные кружки. Мне думается, что если Ризнич не бывали в *интимном* обществе графини Е. К. Воронцовой, то из этого не следует, чтобы они совсем *не были приняты* в высшем обществе» (там же, с. 93).

ная лихорадка, непрерывный кашель, харканье кровью внушали мне самое острое беспокойство. Меня заставляли верить и надеяться, что хорошее время года принесет какое-нибудь облегчение, но, к несчастью, случилось наоборот. Едва пришла весна, припадки сделались сильнее. Тогда доктора объявили, что категорически и не теряя времени она должна оставить этот климат, так как иначе они не могли бы поручиться за то, что она переживет лето. Само собой разумеется, я не мог выбирать и стремительно решил на отъезд. Действительно, я отправил ее вместе с ребенком и проводив ее до Броды, вынужден был вернуться сюда из-за моих дел, а она отправилась своей дорогой. Она поедет в Швейцарию, а осенью я присоединюсь к ней и отправлюсь с ней в Италию провести зиму. Лишь бы только бог помог ей восстановить здоровье!»

Амалия Ризнич имеет все права на внимание по тому влиянию, которое оказала она на душу поэта и, следовательно, на его творчество. Быть может, когда-нибудь мы будем иметь биографию поэта, — не фактическую только историю внешних событий его жизни, а историю движений его души, ее жизни. И будущий биограф должен будет определить, что внесла в эту жизнь Ризнич, и выяснить, в чем была индивидуальность этой любви Пушкина. Первый вопрос, на котором нужно остановиться — вопрос о том, какие же произведения Пушкина вызваны этой женщиной. Тут царит большая путаница: с именем Ризнич связывают различные стихотворения, иногда прямо противоположные по содержанию; Анненков создал даже «трехчленную лирическую песнь» из стихотворений: «Элегия. 1825» («Под небом голубым»), «Заклинение» и «Для берегов отчизны дальней» — и связал эту песнь с именем Ризнич. Впрочем, он осторожно заметил, что трехчленная лирическая песня обращена к одной или двум особам, умершим за границей. Осторожные замечания Анненкова были расширены и перетолкованы позднейшими исследователями, и Амалия Ризнич получила исключительное значение в жизни Пушкина; комментаторы и биографы стали принимать ее за ту таинственную женщину, которая внушила Пушкину вечную любовь к ней. Для решения поднятого в начале нашей заметки вопроса о том, можно ли отнести к Ризнич отрывок «Все в жертву памяти твоей», — необходимо разобраться в путанице различных приурочений поэтического материала к Амалии Ризнич. Нам представляется далеко не лишней попытка определить характер отношений поэта к жене одесского негоцианта и выяснить, какие именно стихотворения Пушкина залечтены ее влиянием.

Нам кажется, что внимательный анализ стихотворений Пушкина поможет нам разобраться в биографических вопросах, вызываемых ими. Начнем с элегии «Под небом голубым»: относительно этого стихотворения можно с достоверностью сказать, что оно относится к Амалии Ризнич. Обратим внимание на обстоятельство, при которых оно написано.

Амалия Ризнич выехала из Одессы за границу в первых числах мая 1824¹², а Пушкин отправился в ссылку 30 июля, — должно быть, раньше, чем распространились слухи о том, что вслед за Ризнич отправился его соперник. Последние месяцы своего пребывания в Одессе мысли Пушкина были заняты другой женщиной. В стихотворении «К морю», написанном непосредственно перед отъездом, в июле, поэт обращается к морю:

Ты ждал, ты звал... Я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я...

(II, 331—333)

Эти строки никак нельзя считать свидетельством отношений Пушкина к Ризнич, которая в это время была за границей: если бы он был окован могучей страстью к Ризнич, — незачем было бы оставаться у берегов! Из этого можно было бы сделать следующий вывод: увлечение Ризнич нужно отнести к начальному периоду пребывания Пушкина в Одессе. В стихотворениях 1830 года «Заклинание» и «Для берегов отчизны дальней» поэт рисует следующими чертами разлуку с неизвестной нам женщиной, в которой комментаторы видят Ризнич.

Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,
Бледна, холодна, как зимний день,
Искажена последней мукой.

(«Заклинание»). (III, 1, 246)

Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал над тобой.
Мои хладеющие руки
Тебя старались удержать;
Томленье страстное разлуки
Мой стон молил не прерывать.
Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала:
Из края мрачного изгнания
Ты в край иной меня звала,
и т. д. (III, 1, 257)

Но если принять во внимание, что поэт в это время был очарован могучей страстью, приковывавшей его к берегам Черного моря, если вспомнить, что вслед за Ризнич уезжал и соперник поэта, то придется усомниться в том, что оба эти стихотворения вызваны воспоминанием о разлуке с Ризнич.

Если бы момент расставания поэта с Ризнич соответствовал описанному в этих строках, то мы вправе были бы предположить, что и в Михайловском в своих воспоминаниях поэт обращался все к той же Амалии Ризнич, страсть к которой была так могуча. «Но в это время, — пишет Анненков, — настоящая мысль поэта постоянно живет не в Тригорском, а где-то в другом — далеком, недавно покинутом крае. Получение письма из Одессы всегда становится событием в его уединенном Михайловском: после XXXII строфы 3 главы «Онегина» он делает приписку: «5 сентября 1824 года — Une lettre de* ». Сестра поэта, О. С. Павлицева, рассказывала Анненкову, что когда приходило из Одессы письмо с печатью, изукрашенною точно такими же кабалистическими знаками, какие находились и на перстне ее брата, — последний запырался в своей комнате, никуда не выходил и никого не принимал к себе**¹³. Памятником его благоговейного настроения при таких случаях осталось в его произведениях стихотворение «Сожженное письмо» 1825 года (II, 1, 373). К первым месяцам пребывания в Михайловском относится элегия «Ненастный день потух». Она и самим поэтом отнесена, в издании стихотворений 1826 года, к 1823 году — и всеми издателями печатается под этим годом, но анализ содержания дает несомненные указания на то, что элегия написана в Михайловском. В первых четырех стихах поэт рисует обстановку, которая окружает его:

Ненастный день потух; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Как привидение, за рощею сосновой
Луна туманная взошла...
Все мрачную тоску на душу мне наводит.

(II, 1, 348)

Пейзаж, несомненно, северный, и в 1823 году поэт не мог видеть его перед своими глазами. Этому пейзажу поэт противопоставляет следующую картину:

Далеко, там луна в сиянии восходит;
Там воздух напоен вечерней теплотой,

* Одно письмо от (франц.) — Ред.

** Совершенно непонятно, на основании каких данных В. Я. Брюсов в своей статье «Из жизни Пушкина» («Новый путь», 1903, июнь) сообщает: «Когда... в Михайловском приходили письма от Ризнич, Пушкин запирался у себя в кабинете и старался весь день не видаться ни с кем» (с. 91).

Там море движется роскошной пеленой
 Под голубыми небесами...
 Вот в р е м я*: по горе теперь идет она
 К брегам, потопленным шумящими волнами,
 Там, под заветными* скалами,
 Теперь она сидит, печальна и одна...

(II, 1, 348)

Некоторые комментаторы относили эти стихи к Ризнич, но это неверно, потому что Ризнич в это время была в Италии, в стране, в которой не было для Пушкина «заветных» скал. Речь идет, конечно, об Одессе, и под скалами тут нужно понимать не скалы гор, а скалы гротов. П. О. Морозов делает совершенно неосновательное предположение, что «она» — это Мария Николаевна Раевская, та Раевская, о которой 18 октября 1824 года кн. Сергей Григорьевич Волконский, декабрист, писал из Петербурга Пушкину: «имев опыты вашей ко мне дружбы и уверен будучи, что всякое доброе о мне известие будет вам приятным, уведомляю вас о помолвке моей с Марией Николаевной Раевской. Не буду вам говорить о моем счастье»¹⁴. Вряд ли может быть отнесено к М. Н. Раевской это стихотворение, в особенности заключительные его строки.

Там, под заветными скалами,
 Теперь она сидит, печальна и одна...
 Одна... Никто пред ней не плачет, не тоскует.
 Никто ее колен в забвеньи не цалует;
 Одна... Ничьим устам она не предает
 Ни плеч, ни влажных уст, ни персей
 белоснежных,

 Никто ее любви небесной не достоин.
 Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спокоен;
 Но если

(II, 1, 348)

Точки поставлены самим Пушкиным; рукопись этого стихотворения нам неизвестна. Итак, этой элегии нельзя отнести ни к М. Н. Раевской, ни к Амалии Ризнич. Не относится ли она к той особе, о которой так туманно говорит Анненков?

Среди стихотворений, написанных в Михайловском, мы встретили еще одно, которое также дает доказательство того, что не Ризнич владела мыслью поэта в его уединении, что не она была могучей страстью Пушкина в Одессе. Это — «Желание славы» (7 июля 1825 года); лицо, к которому обращено это стихотворение, опять-таки мы должны искать не в Тригорском, а там, где поэт был до ссылки в Михайловское; стихотворение заключает, по нашему мнению, важное автобиогра-

* Разрядка П. Е. Щеголева.— *Ред.*

фическое свидетельство, указание на обстоятельства, сопровождавшие разлуку поэта с этой особой, и намек на какую-то связь этой любви поэта с его высылкой из Одессы :

Когда любовию и негой упоенный,
Безмолвно пред тобой коленопреклоненный,
Я на тебя глядел и думал: ты моя;
Ты знаешь, милая, желал ли славы я;
Ты знаешь: удален от ветреного света,
Скучая суетным прозванием поэта,
Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал
Жужжанью дальнему упрёков и похвал.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонив ко мне томительные взоры,
И руку на главу мне тихо наложив,
Шептала ты: «Скажи, ты любишь, ты счастлив?
Другую, как меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой друг, меня не позабудешь?»
А я стесненное молчание хранил;
Я наслаждением весь полон был, я мнил,
Что нет грядущего, что прозный день разлуки
Не придет никогда... И что же? Слезы, муки,
Измены, клевета, — все на главу мою
Обрушилось вдруг... Что я, где я? Стою,
Как путник молнией постигнутый в пустыне,
И все передо мной затмилось! И ныне
Я новым для меня желанием томим:
Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно; чтоб ты мною
Окружена была; чтоб громкою молвою
Все, все вокруг тебя звучало обо мне;
Чтоб, гласу верному внимая в тишине,
Ты помнила мои последние моления
В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья.

(II, 1, 392—393).

О минуте разлученья идет речь и в отрывке, который находится в одесской тетради Пушкина.

Все кончено: меж нами связи нет.
В последний раз обняв твои колени,
Произносил я горестные пени.
Все кончено — я слышу твой ответ.
Обманывать себя не стану вновь,
Тебя <роптанием>** преследовать не буду,
<И невозвратное>***, быть может, позабуду —
(Я знал: не для меня) блаженство,
Не для меня сотворена любовь.
Ты молода; душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты.

(II, 1, 309).

* Разрядка П. Е. Щеголева.— *Ред.*

** Следует читать — тоской.— *Ред.*

*** Следует читать — про<шедшее>.— *Ред.*

И в этом, и в предыдущем стихотворении любовная связь прекращается в силу каких-то неясных для нас, внешних обстоятельств. «Последние моления в саду, во тьме ночной, в минуту разлученья» первого стихотворения («Желание славы») напоминают «горестные пени» отрывка. В стихотворении взаимная горячая любовь гибнет от неожиданных внешних событий... «Слезы, муки, измены, клевета», все вдруг обрушилось на голову поэта. В отрывке, по неясным причинам, любимая поэтом приходит к мысли о необходимости разорвать свои интимные отношения с ним.

Наблюдения над рукописями этих пьес могут, при дальнейшем расследовании истории увлечений Пушкина, дать материал для любопытных выводов. Отрывок по положению его в тетради (2369-й) датируется 1824 годом: если от датировки требовать точности, то его можно было бы отнести и к 1823 году, но во всяком случае, его не должно относить ко времени позже 8 февраля 1824 года, ибо на той странице тетради, где он вписан, сейчас же вслед за ним находится несомненно писанный позже отрывок черновик письма к Бестужеву, которое в беловом помечено 8 февраля 1824 года¹⁵. Следовательно, то действительное событие, о котором идет речь в отрывке, случилось до 8 февраля 1824 года.

«Желание славы» напечатано в издании 1826 года под 1825 годом, в беловом автографе стоит помета «7 июля». В тетради 2369 на об. 39 листа сохранился черновик, вверху, перед этим находим черновик к 39-й строфе 2-й главы «Онегина», которая, как известно, дописывалась в конце ноября, в начале декабря 1823 года; а на следующей 40-й странице тетради черновик письма к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 года¹⁶. Таким образом, если только конец страницы 39-й об. не был заполнен как-нибудь случайно позже, если на этих страницах Пушкин пользовался своей тетрадкой систематично, то время появления черновика относится к декабрю 1823 года. Обращаясь к перечеркнутому тексту, мы должны считать набросок на стр. 39-й об. не столько черновой редакцией элегии «Желание славы», сколько первоначальной редакцией иного замысла, редакцией, которая послужила потом для обработки элегии в позднейшее время, именно в 1825 году. Фактические обстоятельства в это время даже изменились. И если вступительные стихи наброска в 1823 году говорили о настоящем времени: «когда [любовию] желанием и [щастьем] негой упоенный Я на тебя гляжу колени-поклоненный», то в 1825 году поэт пользуется уже прошедшим временем. Самое содержание первоначальной редакции очень любопытно. Набросок читается с большим напряжением,

и вот что можно разобрать среди полузачеркнутых и под зачеркнутыми строками

	желанием	негой	нрзб
	Когда [любовию]	и [щастьем]	[утомленный]
	Я на тебя гляжу	коленипреклоненный	
	мне главу [нрзб]	[нрзб] уста	
	И ты [мне] [нр]	обнимаешь, и [нрзб]	в уста
	И лечишь [нрзб]		
Дыханье жар-	[Цалуешь]	поцалуем —	
ких уст	[За чем тогда]	[мрачить?]	
[с любовию]		мы	
вливаешь			
[И] [на гла-	[Мы] [ждем тоскуем]		
зах]			
[И им]	Свое дыхание вливаешь		
[Ты дум] я	Щастлив ли [я].		
	Я не завидую богам		

В пушкинской литературе укрепилось предположение, что та особа, к которой летела мысль поэта в Михайловском и о которой так туманно говорит Анненков, — жена начальника по одесской службе Пушкина, графиня Елизавета Ксавериевна Воронцова; отношения ее к Пушкину совершенно не обследованы биографами поэта¹⁷. Такому расследованию долго мешало, конечно, то обстоятельство, что графиня была жива и умерла только в 1880 году. «Предания той эпохи, — писал в 1874 году Анненков, — упоминают еще о третьей женщине, превосходившей всех других по власти, с которой управляла мыслью и существованием поэта. Пушкин нигде о ней не упоминает, как бы желая сохранить про одного себя тайну этой любви. Она обнаруживается у него только многочисленными профилями прекрасной женской головы, спокойного, благородного, величавого типа, которые идут почти по всем его бумагам из одесского периода жизни»¹⁸. К сожалению, до сих пор мы не имеем критического расследования отношений Пушкина к княгине Е. К. Воронцовой, которое дало бы нам право прийти к определенному на этот счет мнению*».

* Сравн. выше примечание на с. 240. [Примеч. к статье «Из разысканий в области биографии и текста Пушкина»]: «Попытку определить цикл стихотворений, вызванных этой любовью к А. Ризнич, и выявить индивидуальные черты этой привязанности поэта я сделал в статье «Амалия Ризнич в поэзии Пушкина», перепечатаваемой в настоящей книге. В настоящее время я поддерживаю выводы этой статьи во всем том, что касается истории Ризнич и Пушкина, но должен сделать оговорку: занятый исключительно стремлением определить цикл Ризнич, я должен был бы ограничиться простым констатированием, что то или иное стихотворение к этому циклу не относится, а я, не ограничиваясь

Одесские новости доходили до Пушкина очень туго; он постоянно жалуется в своих письмах из Михайловского на их отсутствие и просит их. Не много знал он и о Ризнич. 21 августа 1824 года А. Н. Раевский сообщал Пушкину о муже Ризнич, о том, что он «опять принял бразды театрального правления, и актрисы ему одному повинуются»²¹. Профессору Зеленецкому рассказывали люди, близкие к Ивану Ризничу, что он был в переписке с Пушкиным; трудно поверить этому известию: что же было общего между обманутым мужем и любовником его жены? Вряд ли к кому другому, а не к Амалии Ризнич, может быть отнесен отрывок из описания Одессы в «Евгении Онегине»:

А только ль там очарований?
 А разыскательный дорнет?
 А закулисные свиданья?
 А prima donna? а балет?
 А ложа, где красой блистая,
 Негоциантка молодая,
 Самолюбива и томна,
 Толпой рабов окружена?
 Она и внемлет, и не внемлет
 И каватине и мольбам,
 И шутке с лестью пополам...
 А муж — в углу за нею дремлет,
 Впросонках фора закричит,
 Зевнет — и снова захрапит.

(VI, 205)

этим, сделал некоторые приурочения таких стихотворений, не совершив специального критического разыскания. Я имею в виду отношения Пушкина к гр. Воронцовой, которые для меня неясны и после статьи Гершензона в «Вестнике Европы» (1909, февраль)¹⁹, и реплик Лернера в «Пушк.-Венгер.»²⁰. И Гершензон и Лернер не углублялись в разрешение вопроса. Позволю себе здесь дополнить наши фактические сведения разъяснением пометы в черновой тетради № 2370, л. 11 об. В описании Якушкина (июль, 6) помета прочтена так «5 сент. 1824, u. l. de... (une lettre de). Точками Якушкин обозначил довольно густо зачеркнутые буквы. Эти буквы, кажется, можно разобрать. Пушкин написал сначала Pг., потом это Pг. покрыл буквою V, а затем горизонтальными линиями зачеркнул их. Гершензон (Вестник Европы, 1909, № 2, с. 537) пишет по поводу пометы: «почему письмо от» ...означает письмо именно от Воронцовой, это остается тайной веры. В рукописи за предлогом de следовала одна прописная французская буква, потом несколько раз зачеркнутая... Зачеркнутая в тетради буква инициала очень похожа на «R». Мой разбор пометы, кажется, правильнее разбора Гершензона. А смысл пометы «5 сентября 1824 une lettre de Princesse Viasemsky». Конечно, речь идет о письме, которое кн. В. Ф. Вяземская послала Пушкину из Одессы через Псковского губернатора²² между 9 и 25 августа. [См.: Пушкин А. С. Письма. Под ред. и с прим. Б. Л. и Л. Б. Модзалевских: т. 1—3. М.—Л., 1926—1935 (Труд Пушкинского Дома АН СССР). Т. 1, с. 351—352]. — *Ред.*

С этим-то мужем вряд ли бы стал переписываться Пушкин, и не из его писем узнал Пушкин о смерти Амалии Ризнич за границей. Ризнич умерла в первой половине 1825 года. Муж Ризнич, по крайней мере, получил известие о ее смерти 8—9 июня: 8 июня в письме к П. Д. Киселеву он сделал приписку: «я сейчас только получил печальную весть о смерти моей бедной жены»*. Итак, 8—10 июня 1825 года в Одессе уже знали о ее смерти и об обстоятельствах, предшествовавших смерти: говорили и о том, что Иван Ризнич предоставил ей умереть в нищете (мы видели, что сам Ризнич, в разговоре с Сречковичем, отрицал это). Подпись: «июль 1825», мы встречаем под сонетом одного из поклонников Ризнич, В. И. Туманского: «На кончину Р.» Этот сонет напечатан в альманахе Раича и Ознобишина: «Северная лира на 1827 год»²³ (цензурное разрешение на печатание дано 1 ноября 1826 года) с посвящением А. С. Пушкину. Трудно допустить, чтобы Пушкин прочел этот сонет только в печати. Пушкин переписывался с В. И. Туманским: до нас дошло по несколько писем того и другого, между прочим, и письмо Пушкина к Туманскому, от 13 августа 1825 года. Анализируя содержание этого письма, мы не найдем в нем ни одной фразы, которая обнаруживала бы, что это письмо Пушкина к Туманскому — не первое, им писанное. Между прочим, Пушкин писал в нем**: «Об Одессе, кроме газетных известий, я ничего не знаю, напиши мне что-нибудь»²⁴. Последняя фраза дает основание думать, что ответ Туманского был первым его письмом к Пушкину. Вполне естественно предположить, что Туманский поделился с Пушкиным своим стихотворением, написанным на смерть Ризнич и посвященным Пушкину. Свое стихотворение он должен был сопроводить некоторыми фактическими разъяснениями, без которых не все в нем было бы понятно Пушкину. Вот что писал Туманский о Ризнич:

Ты на земле была любви подруга:
Твои уста дышали слаще роз,
В живых очах, не созданных для слез,
Горела страсть, блистало небо Юга.

* Сиверс А. А. Семья Ризнич.— В кн.: Пушкин и его современники, вып. XXXI—XXXII, с. 93.

** Первые строки этого письма (XIII, 206) для нас не совсем понятны: «буря, кажется, успокоилась, осмеливаюсь выглянуть из моего гнезда». Любопытно, что эти строки дословно совпадают с началом черновой наброска письма к Княжевичу, написанного в конце ноября, в начале декабря 1824 года. Это письмо там же, с. 102 [Письма Пушкина, т. I]. И в этом наброске поэт жадно просит вестей из Одессы: «Об Одессе — ни слуху, ни духу. Сердце вести просит, — [но ни] — с пр. не смел затеять переписку с оставленными товарищами» и т. д.²⁵

К твоим стопам с горячностью друга
Склонялся мир — твои оковы нес;
Но Гименей, как северный мороз,
Убил цветок полуденного луга.
И где ж теперь поклонников твоих
Блестящий рой? Где страстные рыдания?
Взгляни: к другим уж их влекут желанья,
Уж новый огонь волнует душу их;
И для тебя сей голос струн чужих —
Единственный завет воспоминанья!²⁶

Посвящая Пушкину это стихотворение, не думал ли о нем Туманский, когда писал о рассеявшихся поклонниках, которых уже к другим красавицам влекут желанья и души которых волнует новый огонь? Если думал, то ведь он разумел под новыми увлечениями поэта не увлечения сельца Михайловского, а одесские увлечения, которые одни только и могли быть ему известны. В стихах Туманского необходимо отметить легкий оттенок сожаления, укора, обращенного к умершей.

Ответом на известие о смерти Ризнич, полученное поэтом или от Туманского или от кого-либо другого (мы больше склонны к первому предположению), была известная элегия: «Под небом голубым страны своей родной она томилась, увядала». Уже первые строки показывают, что поэту была известна одесская версия рассказа о смерти Ризнич, в бедности, брошенной и любовником, и мужем.

Увяла, наконец, и верно надо мной
Младая тень уже летала;
Но недоступная черта меж нами есть.
Напрасно чувство возбуждал я:
Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я*.

(III, 1, 20)

Нам необходимо запомнить то впечатление, с которым поэт принял известие о смерти когда-то любимой им женщины. Он был равнодушен; в его сердце уже не было любви к ней. В этих стихах обращает внимание выражение: «из равнодушных уст я слышал смерти весть»; эти слова хочется сопоставить с той характеристикой, которую дает своему сонету Туманский: «сей голос струн чужих». Но откуда же такое полнейшее равнодушие у Пушкина, который когда-то был страстно увлечен Ризнич? Ее образ запечатлелся в его представлении; не затмили ли его те сведения, которые сообщил ему или Туманский, или кто-нибудь из одесских приятелей, по слухам, циркулировавшим в Одессе?

* Разрядка П. Е. Щеголева.— *Ред.*

Так вот кого любил я пламенной душой,
С таким тяжелым напряженьем,
С такою нежною, томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!
Где муки, где любовь? Увы, в душе моей
Для бедной, легковерной тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени.

(III, 1, 20)

Какое тяжелое осуждение тому, кто был так любим прежде! Бедная легковерная тень! Легковерная, потому что легко верила в клятвы любви... Трудно поверить, что на Пушкина так подействовало только одно сообщение о том, что его соперник уехал вслед за Ризнич: было что-то и другое, для нас исчезнувшее.

Итак, эта элегия, несомненно относящаяся к Ризнич, дает немногочисленные, правда, но определенные указания на характер увлечения Пушкина Амалией Ризнич и свидетельство о судьбе его отношений к ней после отъезда из Одессы. Опираясь на эти данные, можно уже прямо выбрасывать из цикла Ризнич те стихи, в которых мы найдем противоречащую характеристику Ризнич; но прежде чем перейти к дальнейшему разбору, остановимся еще на разобранной элегии. Когда написана она? В издании 1829 года элегия отнесена самим поэтом к 1825 году, но автограф элегии, вновь найденный в 1899 году, дает указание на 1826 год, как на год создания этой пьесы*. В этой рукописи вверху перед стихотворением имеется помета «29 июля 1826 года». Кроме того, под стихотворением читаем еще следующие пометы.

Усл. о см. 25.

У. о с. Р. П. М. К. Б. 24.

Пока этот автограф считался утерянным и мы знали о нем только по неточным сообщениям Анненкова, можно было толковать о том, что помета «Усл. о см. 25» содержит указание на год (1825), в который Пушкин услышал о смерти Ризнич. Но теперь, когда мы можем прочитать пометы на ново найденном автографе, мы, кажется, не должны сомневаться, что «Усл. о см. 25» означает «услышал о смерти [Ризнич] 25 июля», а «У. о с. Р. П. М. К. Б. 24», «услышал о смерти Рылеева, Пестеля, Муравьева, Каховского, Бестужева 24 [июля]**

* Сапожников Д. Ценная находка. Вновь найденные рукописи Пушкина. СПб., 1899, с. 34—35.

** Они были повешены в С.-Петербурге 13 июля 1826 года. К такому толкованию помет присоединяется и В. В. Вересаев в своей любопытной статье «К психологии Пушкинского творчества» сначала в «Красной нови», 1923, № 5, авг.-сент., и затем в книге «В двух планах». М., 1929.

Чтобы покончить с историей этого стихотворения, нужно указать, что Пушкин в рукописи сообщил его Туманскому; по крайней мере, в письме от 2 марта 1827 года В. И. Туманский писал Пушкину: «Одна из наших новостей, могущая тебя заинтересовать, есть женитьба Ризнича на сестре Собаньской, Виттовой любовнице. В приданое за ней получил Ризнич в будущем 6000 черв<онцев>, а в настоящем — Владимирский крест за услуги, оказанные Одесскому лицу. Надобно знать, что он в лицее никогда ничего не делал. Новая м-м Ризнич, вероятно, не заслужит ни твоих, ни моих стихов по смерти: это — малютка с большим ртом и с польскими ухватками»*. Очевидно, тут говорится об элегии «Под небом голубым», потому что никаких других мы не знаем. А эта элегия появилась в печати лишь в «Северных цветах на 1828 год». Пушкин отослал ее Дельвигу только при письме от 31 июля 1827 года (XIII, 334—335).

V

Еще раз остановимся на той строфе элегии, которая рисует характер увлечения Пушкина Ризнич. В 1828 году Пушкин писал о себе:

Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать без умиленья,
Без робкой нежности и тайного волненья,
Уж мало ли любовь играла в жизни мной?
Уж мало ль бился я, как ястреб молодой,
В обманчивых сетях, раскинутых Кипридой...
(III, 1, 143)

Но всякая любовь индивидуальна.

Какой же характер имела любовная схватка Пушкина в 1823 году? Страсть к Ризнич оставила глубокий след в сердце Пушкина своею жгучестью и муками ревности.

Так вот кого любил я пламенной душой,
С таким тяжелым напряженьем,
С такую нежною, томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!
(III, 1, 120)

Тяжелое напряженье любви, нежная томительная тоска, безумство и мученье — вот характерные признаки увлечения Пушкина, его страсти.

Последнее — вернее. Современники рассказывали проф. Зеленецкому, что Ризнич любила быть окруженной толпой

* Пушкин А. С. Сочинения. Изд. П. И. Бартенева. М., 1885, вып. 2, с. 127; [XIII, 321.— *Ред.*]

поклонников, что Пушкину приходилось соперничать из-за ее любви. Яркое изображение своих рук Пушкин оставил в элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты». Многочисленные намеки на действительность объясняются только при предположении, что элегия обращена к Ризнич; проф. Зеленецкий в своей статье доказал это вполне убедительно»*.

Простишь ли мне ревнивые мечты,
Моей любви безумное волнение?
Ты мне верна: зачем же любишь ты
Всегда пугать мое воображение?
Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой,
И всех дарит надеждою пустой
Твой чудный взор, то нежный, то унылый?
Мной овладев, мой разум омрачив,
Уверена в любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда в толпе их страстной,
Беседе чужд, один и молчалив,
Терзаюсь я досадою одинокой;
Ни слова мне, ни взгляда... друг жестокой!
Хочу ль бежать: с боязнью и мольбой
Твои глаза не следуют за мной.
Заводит ли красавица другая.

* Морозов П. О. (Соч. Пушкина и письма, СПб., 1903, т. I, с. 652) отказывается признать это стихотворение относящимся к Ризнич на том основании, что в нем говорится о матери той особы, к которой обращено стихотворение, а г-жа Ризнич жила в Одессе не с матерью, а с мужем. Как раз это обстоятельство и дает лишний мотив отнести элегию к Ризнич, потому что, как указывает проф. Зеленецкий, первые шесть месяцев по отъезде в Россию при Ризнич находилась ее мать. Кстати, это сообщение дает указание и на время страсти Пушкина к Ризнич.

Двусмысленный со мною разговор:
Спокойна ты; веселый твой укор
Меня мертвит, любви не выражая.
Скажи еще: соперник вечный мой,
Наедине застав меня с тобой,
Зачем тебя приветствует лукаво?
Что ж он тебе? Скажи: какое право
Имеет он бледнеть и ревновать?
В нескромный час, меж вечера и света,
Без матери, одна, полуодета,
Зачем его должна ты принимать?..
Но я любим... Наедине со мною
Ты так нежна! Лобзания твои
Так пламенны! Слова твоей любви
Так искренно полны твоей душою!
Тебе смешны мучения мои;
Но я любим, тебя я понимаю.
Мой милый друг, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжко я страдаю (II, 1, 300—301. Разрядка П. Е. Щеголева.— *Ред.*).

Это стихотворение было написано в 1823 году* и напечатано в «Полярной звезде на 1824 год», с многочисленными опечатками, заставившими Пушкина напечатать его вновь у Булгарина в «Литературных листках» (февраль, 1824, № 4, с. 134). Здесь были исправлены ошибки, но зато исчезли строки, имеющие автобиографическое значение и набранные у нас разрядкой. В черновой рукописи подробнее обрисован соперник:

Предательски тобой ободренный
Соперник мой надменный,
Всегда, всегда преследует меня,
Он вечно тут, колена преклоня.
Являюсь я — бледнеет он...
Иль иногда предупрежденный мной...

И в самом стихотворении, и в набросках — яркая картина мук ревности, мук томительной и жгучей чувственной любви... Эта картина и изображение страсти в элегии «Под небом голубым» набросаны одними и теми же красками. В нашем воображении вырисовывается образ обольстительной женщины, которая приковывала к себе властью своей красоты и чувственного влечения. Она умела возбуждать чувства ревности, могла измучить человека и хотела овладеть всеми. Первые месяцы пребывания Пушкина в Одессе озаменовались «безумными волнениями» любви к Амалии Ризнич, и только под конец его пребывания новая страсть, не похожая на эту, вытеснила образ Ризнич из сердца Пушкина. Но период увлечения Ризнич остался памятным. В 1826 году Пушкин окончил в Михайловском шестую главу «Онегина», в ней мы находим следующие строфы, в печати выброшенные. XV строфа ясно рисует отношение Пушкина к чувству ревности:

Да, да, ведь ревности припадки —
Болезнь, так точно, как чума,
Как черный сплин как лихорадка,
Как повреждение ума.
Она горячкой пламенеет,
Она свой жар, свой бред имеет,
Сны злые, признаки свои.
Помилуй бог, друзья мои!
Мучительней нет в мире казни
Ее терзаний роковых.
Поверьте мне: кто вынес их,
Тот, уж конечно, без боязни
Взойдет на пламенный костер,
Иль шею склонит под топор.

(VI, 611)

* Можно датировать еще точнее: стихотворение написано не раньше 14 октября 1823 года, так как черновик его написан на л. 16 тетради 2319 сейчас же вслед за черновиком письма к Вяземскому от 14 октября 1823 года.

Это описание ревности говорит о том, что поэту были хорошо знакомы ее муки. Следующая строфа посвящена памяти той, которая заставила поэта перенести все терзания, всю болезнью ревности:

Я не хочу пустой укорой
Могилы возмущать покой;
Тебя уж нет, о, ты, которой
Я в бурях жизни молодой
Обязан опытом ужасным
И рая митом сладострастным!
Как учат слабое дитя,
Ты душу нежную, мутя,
Учила горести глубокой.
Ты негой волновала кровь,
Ты воспала в ней любовь
И пламя ревности жестокой;
Но он прошел, сей тяжкий день:
Почий, мучительная тень.

Эта строфа является как бы комментарием к элегии 1823 года «Простишь ли мне ревнивые мечты». Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что эти строфы вызваны воспоминаниями о Ризнич.

VI

К Ризнич принято относить стихотворение «Иностранке» (В альбом):

На языке, тебе невятном,
Стихи прощальные пишу,
и т. д. (II, 271)

Под этими стихами в рукописи стоит следующая помета: «*Veux-tu m'aimer?*, 18, 19 mai 1824 Pl. s. D'*». Ризнич получила заграничный паспорт 30 апреля 1824 года и, по справке проф. Зеленецкого, выехала в первых числах мая. С некоторой натяжкой можно было бы первые числа мая дотянуть до 18, 19 мая, для того, чтобы иметь возможность относить эти стихи к Ризнич. Но этому мешает, главным образом, то, что первый его набросок мы находим в записной книжке 1820—22 года, т. е. того времени, когда о Ризнич Пушкин не имел никакого представления. Другой черновой набросок этого стихотворения мы встречаем в кишиневской тетради 1822 года. Во всяком случае, первоначально Пушкин предназначал стихи для иностранки, нам неизвестной; быть может, в окончательной редакции он посвятил его Ризнич, но тогда, конечно, на это стихотворение можно смотреть только как на альбом-

* Хочешь ли ты меня любить? (франц.)— Ред.

ную заметку, не более, а не как на искреннее выражение глубокого чувства; в последнем случае поэт не стал бы приспосабливать к моменту свои старые стихи. Вернее всего относить эти стихи не к Ризнич, а к особе, имя которой нам неизвестно*.

Нам кажется, что после всего сказанного характер увлечения Пушкина Амалией Ризнич определился совершенно ясно. Можем ли мы относить к Ризнич стихотворения 1830 года: «Закливание», элегию «Для берегов отчизны дальней» и «Расставание»? Все эти произведения закончены Пушкиным осенью 1830 года, когда поэт сидел, окруженный карантинами, в своем Болдине, вдали от своей невесты, Н. Н. Гончаровой. Настроение Пушкина в этот период было тревожное; для характеристики интимной жизни поэта важно то, что перед свадьбой он обращался мыслью не к будущей своей жене, а к памяти другой, умершей женщины. Можно предполагать, по психологическим соображениям, что все три стихотворения обращены к одному лицу и в таком случае составляют превосходную лирическую трилогию. «Закливание» написано 17 октября; элегия — 27 ноября; «Расставание», представляющее по содержанию своему как бы эпилог к двум первым, имеет помету 5 октября 1830**. Первая строфа «Расставания» рисует отношение поэта к неизвестной нам женщине, вдохновившей его на трилогию:

В последний раз твой образ милый
Держаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой,
И с негой робкой и унылой
Твою любовь вспоминать.

(III, 1, 233)

Нечего и говорить о том, что тут поэт говорит не о Ризнич. Никким образом не мог Пушкин вспоминать с негой робкой и унылой опустошительную страсть к Ризнич. «Закливание»

* Пушкин А. С. Сочинения и письма, ред. П. О. Морозова, СПб., 1903, т. I, с. 656—658. В сборнике материалов «Декабристы» (Л., «Прибой», 1926, с. 18—19) — напечатано письмо К. Ф. Рыльева к В. И. Туманскому, в котором он говорит, что слово «боготворить» в стихотворении «Иностранке» не будет пропущено цензурой, и просит, чтобы Пушкин «пожертвовал» его для «Полярной звезды»; но стихотворение это в «Полярной звезде» напечатано не было и появилось в печати только в «Стихотворениях Пушкина» (изд. 1825 г.); таким образом, наше предположение о том, что оно не относится к Ризнич, подтверждается²⁷.

** Автографы «Закливания» и «Расставания» см. в кн.: Срезневский В. И. Пушкинская коллекция, принесенная в дар библиотеке Академии Наук А. А. Майковой. — Пушкин и его современники. СПб., 1906, вып. IV.

и элегия — изображение мистической, загробной любви Пушкина:

О, если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые,
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы —
Я тень зову, я жду Леилы:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!²⁸

Зову тебя не для того,
Чтоб укорять того²⁹...
.
. но тоскую,
Хочу сказать, что все люблю я,
Что я все твой³⁰.

(«Закливание»)
(III, 1, 246)

Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой³¹ —
Исчез и поцелуй свиданья...
Но жду его: он — за тобой...
(«Для берегов отчизны дальней»)
(III, 1, 257)

Возвышенный и мистический оттенок этой любви Пушкина никак не подходит к той совершенно определенной характеристике отношений Пушкина к Ризнич, которую мы выше сделали. Кроме того, признание этих стихотворений за посвященные Ризнич прямо противоречит тем данным, которые мы получили на основании анализа элегии «Под небом голубым». В последней поэт говорит о своем равнодушии к памяти этой женщины, а в стихах 1830 года — о своей любви, которой не уничтожила сама смерть. Наконец, мы уже указывали, что описание разлуки в «Заклинании» и элегии «Для берегов отчизны дальней» совершенно не соответствуют моменту расставания в действительных отношениях Ризнич и Пушкина. Если верно предположение, что заметка «Иностранке» находится в альбоме Ризнич, то это только подкрепляет наше мнение. Все эти соображения заставляют нас отрицать наше мнение об отношении этой поэтической трилогии 1830 года к Амалии Ризнич*.

* Некоторое основание относить к Ризнич элегию «Для берегов отчизны дальней ты покидала край чужой» дают первые строки стихотворения. Известно, что Пушкин, отдавая в печать свои стихи, всегда стремился уничтожить все намеки, которые могли бы помочь добраться до действительности. Поэтому чрезвычайно любопытно указание Анненкова на то, что рукопись элегии начинается так: «Для берегов чужбины дальней ты покидала край родной».

После всего сказанного о характере отношений Пушкина к Ризнич, без дальнейших рассуждений, мы можем прийти к тому выводу, что и стихотворение, которым начинается наша статья, «Все в жертву памяти твоей», написанное в 1825 году, никоим образом не может быть отнесено к Амалии Ризнич*.

Остается еще сказать об одном стихотворении, которое связывают с именем Ризнич. Это — известное «Воспоминание» (1828), доставляющее много хлопот биографам поэта. Поэт с грустью и тоской вспоминает свои «утраченные годы»:

Я слышу вновь друзей предательский привет
На играх Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наносит хладный свет
Неотразимые обиды...
И нет отрады мне — и тихо предо мной
Встают два призрака младые,
Две тени милые — два данные судьбой
Мне ангела во дни былые —
Но оба с крыльями и с пламенным мечом, —
И стерегут — и мстят мне оба —
И оба говорят мне мертвым языком
О тайнах вечности и гроба...

(III, 2, 651)

Биографам поэта хочется во что бы то ни стало разузнать, кто эти две тени. Если понимать стихотворение как поэтическую метафору, то, пожалуй, поиски за мстящими тенями оказываются лишними. Анненков считает весьма правдоподобным, что под одной из этих оскорбленных теней Пушкин подразумевал А. Ризнич. Мы знаем, чему научила Ризнич поэта; ее-то он уж ни в коем случае не мог взять в ангелы-хранители. Но кто же все-таки, спросит читатель, если не эти тени, то та умершая особа, которая вдохновила Пушкина на трилогию 1830 года и которая за гробом овладела мыслями поэта? При современном состоянии наших данных о Пушкине, мы не можем ответить на этот вопрос. Впрочем, это далеко не единственный вопрос в истории внутренней жизни поэта, который мы не можем решить.

* В своих замечаниях об этом стихотворении П. А. Ефремов (Сочинения А. С. Пушкина. СПб., 1903, т. VII, с. 150) пишет: «Мое будто бы «падающее» мнение основано на замечаниях Анненкова, *знавшего* дату 1825 (а не 1826 г.) и тем не менее отнесшего стихи в трилогии: «Под небом голубым», и т. д. Тут кроется недоразумение: Анненков не высказывался по поводу отрывка «Все в жертву памяти твоей». На с. 347 первого издания «Материалов», на которую ссылается П. А. Ефремов, Анненков предположительно относит к трилогии не этот отрывок, а другой (XII): «Все кончено», и т. д. Мы видели, насколько справедливо мнение Анненкова³².

Подводя итоги нашим разысканиям, мы можем утверждать, что цикл Ризнич в творчестве Пушкина обнимает следующие произведения поэта: элегию 1823 года («Простишь ли мне ревнивые мечты»); элегию 1825 года или 1826 года («Под небом голубым») и XV—XVI строфы шестой главы «Онегина», оставшиеся в рукописи. Все же остальные стихотворения, связывавшиеся с именем Ризнич, не могут быть отнесены к ней.

ПОЭМА «МОНАХ»*

1

Первое известие о поэме Пушкина «Монах» появилось в печати шестьдесят пять лет тому назад, в статье В. П. Гаевского «Пушкин в лицее и лицейские его стихотворения»**. Сам лицеист и собиратель лицейской старины, Гаевский в своей работе широко воспользовался устными преданиями — рассказами лицейских товарищей Пушкина. Вот что он узнал от них о первых литературных опытах Пушкина: «По рассказам товарищей Пушкина, он в первые два года лицейской жизни*** написал роман в прозе «Цыган» и вместе с М. Л. Яковлевым комедию «Так водится на свете», предназначенную для домашнего театра. После этих опытов он начал комедию в стихах «Философ», о которой упоминает в записках, напечатанных в его биографии Анненковым, но, сочинив только два действия, охладел к своему труду и уничтожил написанное»****. В то же время он сочинил, в подражание Баркову, поэму «Монах», которую также уничтожил, по совету одного

* Первоначально в «Красном архиве», кн. 31, и в сборнике Центр-архива, «Горчаковский архив».

** Современник, 1863, № 7, с. 155—157.

*** Первые два года лицейской жизни охватывают период с октября 1811 по октябрь 1813 г.

**** Речь идет об отрывках из лицейских записок, датированных точно 1815 годом. (Сочинения Пушкина, ред. С. А. Венгерова. СПб., 1911, т. V, с. 411). 10 декабря 1815 г. Пушкин записал: «Начал я комедию — не знаю, кончу ли ее». А 16 января 1816 г. товарищ Пушкина Илличевский писал своему другу Фуссу: «Кстати о Пушкине: он пишет теперь комедию в 5 действиях, в стихах, под названием «Философ» (Грот Я. Пушкин и его лицейские товарищи и наставники. Изд. 2-е. СПб., 1899, с. 67). Следовательно, приурочение комедии «Философ» к первому периоду лицейской жизни (1811—1813 гг.), сделанное Гаевским, является неверным. Не мешает отметить эту, одну из многих, неточностей Гаевского.

из своих товарищей. Увлеченный успехом талантливого и остроумного произведения дяди, В. Л. Пушкина, «Опасный сосед», которое ходило тогда в рукописи и с жадностью читалось и перечитывалось¹, племянник пустился в тот же род и кроме упомянутой поэмы написал «Тень Баркова» — балладу, известную по нескольким спискам... Все эти пять произведений, по отзывам товарищей поэта, сочинены в 1812, 1813 и не позже 1814 годов^{*}. Итак, по свидетельству Гаевского, поэма «Монах» написана — в подражание Баркову — в начальный период пребывания Пушкина в лицее, во всяком случае не позже^{**} 1814 г., и уничтожена по совету одного из товарищей.

Дальнейшие сообщения о «Монахе» идут от лицейского товарища Пушкина, князя А. М. Горчакова. Сам Горчаков ничего не записал ни о «Монахе», ни о Пушкине — он был слишком сановен и не мог снизойти до записей, а только «рассказывал» своим почтительным слушателям. Его рассказы записаны тремя слушателями — князем А. И. Урусовым, академиком Я. К. Гротом и редактором «Русской старины» М. И. Севским.

Князь Урусов посетил князя Горчакова 20 апреля 1871 г. и, вернувшись от него, тотчас же изложил его рассказ о Пушкине в письме к редактору «Русского архива» П. И. Бартеневу^{***}. Семидесятидвухлетний старик, министр иностранных дел и государственный канцлер, только что получивший «светлейшего», Горчаков рассказал Урусову о том, что Пушкин вообще любил читать ему свои вещи и внимательно прислушивался к критическим замечаниям его, Горчакова, и принимал их к исполнению². Со слов Горчакова Урусов сообщил Бартеневу: «Пользуясь своим влиянием на Пушкина, князь Горчаков побудил его уничтожить одно произведение, «которое могло бы оставить пятно на его памяти». Пушкин написал было поэму «Монах». Князь Горчаков взял ее на прочтение и сжег, объявив автору, что это произведение недостойно его имени. Эстетическое развитие князя Горчакова, его любовь к искусству (он составил себе первосходную коллекцию картин, в числе которых, по отзыву знатоков, нет посредственностей) должны были дать ему значительный вес в глазах чуткого и

^{*} Гаевский из пяти названных им произведений Пушкина знал только одно: балладу «Тень Баркова». Из этой «неприличной» баллады Гаевский мог привести лишь несколько строк с рядом многоточий [с. 155, 157.— *Ред.*]

^{**} Разрядка П. Е. Щеголева.— *Ред.*

^{***} П. И. Бартенева напечатал отрывки из этого письма в 1883 году на страницах «Русского архива», кн. II, с. 205—206.

восприимчивого поэта». Итак, по Гаевскому, Пушкин послушался совета одного из своих товарищей и сам уничтожил поэму «Монах». По Горчакову, он сам, Горчаков, взял рукопись и сжег.

8 мая 1880 г. академик Я. К. Грот посетил князя Горчакова перед отъездом своим на открытие памятника Пушкину в Москве³. Восьмидесятидвухлетний светлейший князь, уже перевернувший в это время самую темную страницу своей служебной карьеры (так он называл свою работу на Берлинском конгрессе)⁴, был не совсем здоров. Грот записал: «Он принял меня очень любезно, выразил сожаление, что не может быть на торжестве в честь своего товарища, и, прочитав на память большую часть послания его «Пускай, не знаясь с Аполлоном», распространился о своих отношениях к Пушкину. Между прочим, он говорил, что был для нашего поэта тем же, чем *la cuisinière de Molière* [кухарка Мольера] для славного комика, который ничего не выпускал на свет, не посоветовавшись с нею; что он, князь, когда-то помешал Пушкину напечатать дурную поэму, разорвав три песни ее...» Новая версия: Горчаков разорвал три песни дурной поэмы и тем помешал Пушкину напечатать ее.

В 1881 г. (осенью) и в 1882 г. (весною) навещал Горчакова М. И. Семевский. В это время Горчаков, уже на 83-м году жизни, сложил служебное бремя и жил за границей, в Ницце. Семевский занес сейчас же по выслушании в свою записную книжку следующий рассказ Горчакова: «Славного лицеиста, нашего поэта Пушкина, я весьма любил и был взаимно им любим. С удовольствием вспоминаю, что имел на него некоторое влияние, о чем сужу по следующему случаю. Однажды, еще в лицее, он мне показал стихотворение довольно скабрёзного свойства. Я ему напрямки сказал, что оно недостойно его прекрасного таланта. Пушкин немедленно разорвал это стихотворение**». Речь, надо думать, идет о том же «Монахе». Итак, третья версия: Пушкин, по совету Горчакова, сам разорвал свое стихотворение, им не одобренное.

Конечно, нельзя требовать точности от воспоминаний старца на восемьдесят лет, даже если он государственный канцлер. Неважно, сжег или разорвал, но светлейший князь во всех трех версиях одно помнил твердо и одно утверждал категорически, что рукописи нет, что она уничтожена. А между

* Грот Я. К. Указ. соч., с. 268.

** Русская старина, 1883, № 10, с. 164, в статье «Князь Александр Михайлович Горчаков в его рассказах из прошлого». Статья подписана «М.-ский», но в оглавлении этого LI тома «Русской старины» сказано: «Записал и сообщил редактор», т. е. Семевский.

тем рукопись неприличного «Монаха» вместе с другими автографами Пушкина и лицейскими реликвиями мирно хранилась в архиве Горчакова. Не стоит гадать на тему, говорил ли Горчаков эту неправду умышленно или по старческой забывчивости. Светлейший князь был человек необычайного тщеславия. Конечно, тщеславие побуждало его к рассказам о том, как Пушкин ценил его эстетические и критические замечания, чего в действительности и не было. А раз похвастав, что по его совету была уничтожена поэма Пушкина, как же можно было обнаружить наличие рукописи в собственном архиве!

Следующее, пятое по счету сообщение о «Монахе» появилось в 1899 г. — в первом томе «Остафьевского архива князей Вяземских». Это пятое — в действительности первое хронологически известие о «Монахе»: 4 октября 1819 г. кн. П. А. Вяземский из Варшавы писал А. И. Тургеневу: «Сделай милость, скажи племяннику, чтобы он дал мне какого-то своего «Монаха» и «Вкруг я Стурдзы хожу»⁵ и все, что есть нового». Письмо Вяземского привлекло внимание исследователей к «Монаху». В. И. Саитов, комментируя это письмо, высказался: «Под «Монахом», быть может, разумеется «Русалка», напечатанная впервые в издании 1826 г., или же поэма «Монах», которую Горчаков сжег — как произведение, недостойное имени Пушкина*». Но «Русалка» есть «Русалка», а «Монах» есть «Монах». Для предположительного отождествления «Русалки» с «Монахом» у Саитова не было никаких данных, но это предположение «обосновали» еще новыми предположениями. П. О. Морозов — «первоначально это стихотворение [«Русалка»], может быть, называлось «Монах»** — и В. Е. Якушкин — «может быть, первоначально поэт даже так и назвал свою пьесу — «Монах», а потом изменил заглавие ради цензуры***». Против этого «может быть» совершенно справедливо восстал Н. О. Лернер в своих рецензиях на второй том академического Пушкина: «Русалка» и «Монах» совсем не одно и то же****. Действительный, но не высказанный мотив к замещению «Монаха» «Русалкой» в письмах Вяземского диктовался таким соображением: «Монах» — произведение раннего лицейского периода; «Русалка» — написана

* Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899, т. I, с. 323, 646.

** В издании «Сочинения Пушкина», ред. С. А. Венгерова. СПб., 1907, т. I, с. 566—567.

*** «Сочинения А. С. Пушкина», изд. имп. Академии наук. СПб., 1905, т. II, с. 80.

**** [См.: Лернер Н. О. Рец.] — Былое, 1906, № 4, с. 304—305; он же. — Русский архив, 1906, № 8, с. 603—604.

в 1819 г., а запрос Вяземского относится к 1819 г. Но решительно никакой неловкости нет, если мы пойдем слова Вяземского и так, как они написаны. Вяземский слышал о «Монахе», но ничего не знал о нем, а потому и запросил Тургенева. В изданной переписке Вяземского с Тургеневым не находим никакого ответа Тургенева на запрос Вяземского от 4 октября, но пробелов в переписке нет. По получении письма Вяземского, Тургенев писал ему 15 и 22 октября и 22-го сообщил ему: «Пушкин переписал для тебя стансы на С[вободу], но я боюсь и за него и за тебя послать их к тебе»*. О «Монахе» ни слова, да Пушкин и ничего не мог сделать, так как рукопись была взята Горчаковым. Тургенев не отождествлял «Монаха» с «Русалкой», а о «Русалке», написанной в 1819 г., он писал Вяземскому много лет спустя, в 1824 г., 15 января: «Читал ли ты его «Русалку»? Если нет, то пришлю, старая пьеса, прелестная...»**. Это сообщение Тургенева, ускользнувшее от внимания исследователей, должно было бы удержать их от неосновательного отождествления «Монаха» с «Русалкой».

В 1908 г. Н. О. Лернер еще раз переработал всю литературу о «Монахе» в специальной заметке***, еще раз категорически высказался за отдельное существование «Русалки» и «Монаха» и сделал важное фактическое дополнение: «По некоторым известиям, «Монах» сохранился до наших дней, и владеющее рукописью лицо держит ее под спудом». Это прикровенное сообщение Н. О. Лернер разъяснил только после появления в печати известий о находке пушкинских рукописей в архиве Горчаковых. «Я знал, что поэма «Монах» хранится у «светлейших князей» Горчаковых, потомков канцлера, в их доме на Большой Монетной улице, и сделал попытку познакомиться с нею через посредство историка Н. Д. Чечулина, бывшего в дружеских сношениях с Горчаковыми. Чечулин, по моей просьбе, говорил с владельцем рукописи, но кн. Горчаков ответил, что не может исполнить мое желание, хотя и вполне сочувствует ему, потому что связан распоряжением деда, запретившего показывать рукопись кому бы то ни было из «сторонних». Мне было сообщено, что рукопись не может быть показана мне, но и никому никогда не будет показана. Так же не удалась и попытка, предпринятая потом покойным Б. Л. Модзалевским»****. Да, трудненько было вести дело

* Остафьевский архив князей Вяземских, т. I, с. 335.

** Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899, т. III с. 3.

*** Пушкин. Сочинения Ред. С. А. Венгерова. СПб., 1908, т. II, с. 538.

**** Красная газета, веч. выпуск, четверг, 22 ноября 1928 года, № 322, заметка «Монах» Пушкина». Для полноты обзора литературы от-

с «светлейшими». И мне пришлось через того же Чечулина ходатайствовать о сообщении мне автографов посланий Пушкина к Горчакову: Чечулин любезно сообщил мне, что автографы имеются, но показаны быть не могут. Выходили, одно за другим, издания сочинений Пушкина, где печатались по неисправным спискам послания поэта к Горчакову; государственный канцлер любил декламировать их, но не снизошел к просьбам издателей и исследователей, хотя между ними были даже и воспитанники того лицея, который был окружен ореолом в воспоминаниях всех лицейстов — не соблаговолил даже показать, только показать эти рукописи.

2

Перед нами — три тетрадошки, три песни («три песни дурной поэмы разорвал Горчаков» — так записал Грот). Каждая тетрадка, в четвертушку писчего листа серой, с синеватым оттенком, бумага, шита цветной шелковинкой. Исправлений почти нет, немногие из них сделаны самим Пушкиным. Экземпляр, перебеленный начисто и — надо думать — поднесенный автором своему другу. Среди пушкинских автографов Горчаковского архива имется и еще один подносный, нарядный автограф «Послания к Батюшкову»⁶: на нем полностью Пушкин прописал «Александру Михайловичу Горчакову». Палеографические особенности рукописи, водяные знаки (1813 г.) не имеют большого значения, ибо они свидетельствуют лишь о том, раньше какого срока рукопись не могла быть переписана набело. А для суждения о том, когда поэма была написана, придется обратиться к иным доказательствам. Можно было бы сослаться и на приведенные Гаевским рассказы лицейских товарищей Пушкина, которые относили «Монаха» к первым двум годам лицейской жизни Пушкина и никак не позже 1814 г. Показания Гаевского не всегда точны, но это хронологическое приурочение «Монаха» к раннему лицейскому периоду следует принять, ибо оно подтверждается наблюдениями над почерком, детски красивым и неустойчивым, над языком, еще связанным архаизмами, над стихом, еще неуклюжим, над стилем, еще не дающимся автору. В 1815 г. Пушкин так уже не писал. Одно достоинство следует отметить в произведении 13—14-летнего автора: совершенство компо-

метим, что рассказы Горчакова повторены в работе: «Товарищи Пушкина по имп. Царскосельскому лицее. 1811—1911. Материалы для словаря лицейстов первого курса 1811—1817 гг.» Собрал и издал Николай Гастфренд СПб., 1912—1913, т. I—III; СПб., 1912, т. I, с. 307.

зиции всей поэмы. Остановимся сейчас еще на некоторых ображениях, заставляющих относить «Монаха» к 1812—1813 гг., но не дающих возможности уточнить датировку.

Источники творческого воображения, создававшего «Монаха», сводятся к трем группам впечатлений. Первая группа дана чтением и изучением литературных образцов; вторая — созерцанием картин, которые Пушкин видел на стенах дворцовых покоев, и гравюр, которыми была так богата французская книга XVIII века, и, наконец, третья возникла из непосредственных возбуждений реальной действительности. Несколько слов о действительности, питавшей эротику 13—14-летнего мальчика, воспитанника закрытого учебного заведения, которое казалось ему монастырем. Чувственные вожделения, давшие реальную основу эротике «Монаха», шли от сцены домашнего театра графа Варфоломея Васильевича Толстого. 2 сентября 1815 года лицейский товарищ Пушкина Илличевский писал из Царского Села своему другу Фуссу в Петербург: «Описать ли тебе, как я провожу время? — Наше Царское Село в летние дни есть Петербург в миниатюре. И у нас есть вечерние гулянья, в саду музыка и песни, иногда театры. Всем этим обязаны мы графу Толстому, богатому и любящему удовольствия человеку. По знакомству с хозяином и мы имеем вход в его спектакли — ты можешь понять, что это наше первое и почти единственное удовольствие»*. По словам Гаевского, «лицейсты... вместе с другими посетителями засматривались на первую любовницу доморощенной труппы Наталью, которая однако же была плохой актрисой»**. Вот этой-то Натальей и была увлечена чувственностью 13—14-летнего поэта. Яркую характеристику эротического увлечения Пушкина крепостной актрисой дает его «Послание к Наталье»⁷, появившееся в печати в полной редакции только в 1905 г. Подросток-поэт еще далек от физиологической близости к женщине и не наяву, а только в воображении дерзает пламенной рукой ласкать белоснежную полную грудь и только во сне видит с собой милую в легком одеянии, — «робко, сладостно дыханье, белой груди колебанье, снег затмившей белизной». Автор послания не без некоторого стыда и сам сознается, что он впервые чувствует себя влюбленным.

* Пушкинский лицей (1811—1817). Бумаги 1-го курса, собранные Я. К. Гротом. СПб., 1911, с. 50. [Подп.: Царское Село. Сентября 2 дня 1815 года. — *Ред.*] Любопытно, что при публикации этого письма в книге Я. К. Грота «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники» в дату письма вкралась опечатка: вместо 1815 г. поставлен 1816. Так, с 1816 годом письмо это и вошло в исследовательскую литературу!

** Современник, 1863, № 7, с. 139.

Миловидной жрицы Гальи⁸,
Видел прелести Натальи,
И уж в сердце — Купидон⁹.
Так, Наталья, признаюся,
Я тобою полонен,
В первый раз еще (стыжуся)
В женски прелести влюблен...

(I, 5)

Автобиографичность этого признания в первой влюбленности не достаточно, пожалуй, даже совсем не оценена. К сожалению, мы не можем сделать хронологического приурочения. Мы не знаем даты возникновения театра Толстого; из письма Илличевского нам уже известно, что летом 1815 г. театр играл. Играл ли он в 1812, 1813 г., когда лицеисты начали его посещать, на это указаний пока не находим. Хронологию «Посланья к Наталье», печатающегося под 1814 г., нельзя считать установленной. Единственным основанием является категорическое утверждение Гаевского: «Пушкин написал в 1814 году напечатанные [Анненковым¹⁰] в отделе стихотворений неизвестных годов посланья «К Наталье» и «К молодой актрисе»*. Но мы, к сожалению, не знаем, чем руководился Гаевский при датировке: собственными домыслами, представляющимися ему бесспорными, или определенными фактическими указаниями. Кроме того, для нас ясно, что послания «К Наталье» и «К молодой актрисе» должны быть разделены значительным промежутком, а они и печатаются-то рядом: если первое относится к началу увлечения, то второе, понятно, к позднему моменту, моменту охлаждения. Да, кроме того, и по формальным достижениям второе послание стоит настолько выше первого, что говорить об одновременности их создания не приходится.

«Посланье к Наталье» заканчивается саморекомендацией автора предмету своей страсти, не имеющему представления о том, кто этот нежный Целадон¹¹.

«Да кто ж ты, болтун влюбленный?»
— Взглянь на стены возвышенны,
Где безмолвья вечный мрак;
Взглянь на окна загражденны,
На лампы там зажженны...
Знай, Наталья, — я... монах!

(I, 6)

Заключительная строка приводит нас к поэме «Монах». Лицей — монастырь, лицеист — монах; он подвержен искушениям плоти, и «Посланье к Наталье» является в известной

* Современник, 1863, № 7, с. 139.

мере рассказом об искушениях, в которые ввергал лицеиста-монаха образ Натальи, тревоживший и сон и воображение. Поэма «Монах» дает рассказ об искушениях плоти, которые выпадают на долю придуманного автором монаха. В известной мере поэт объективирует впечатления собственных искушений, вызванных образом Натальи. Он и сознается просто-душно в своем увлечении, называет по имени Наталью. Она есть эротическое бродило в творческом процессе создания «Монаха». Поэт жалеет, что он не владеет кистью художника, иначе он

Представил бы все прелести Натальи,
На полну грудь спустил бы прядь волос,
Вкруг головы венок душистых роз,
Вкруг милых ног одежду резвой Тальи,
Стан обхватил Киприды¹² б пояс злат.

(I, 15)

Любопытно, что, выбирая своему монаху искушение и располагая в литературных образцах целым арсеналом разнообразнейших искушений, Пушкин в процессе объективации собственных переживаний остановился на одном виде — на искушении частью женского туалета. Не женский образ при виде лся монаху, а юбка — сладострастная черточка, характерная для подростка.

Огню любви единственна преграда,
Любовника сладчайшая награда
И прелестей единственный покров,
О, юбка! речь к тебе я обращаю,
Строки сии тебе я посвящаю,
Одушеви перо мое, любовь!

И от этого обращения переход к действительности:

Люблю тебя, о юбка дорогая,
Когда меня под вечер ожидая,
Наталья, сняв парчовый сарафан,
Тобою лишь окружит тонкий стан.
Что может быть тогда тебя милее?
И ты, вясь вокруг прекрасных ног,
Струи ручьев прозрачнее, светлее,
Касаешься тех мест, где юный бог
Покоится меж розой и лилей.

(I, 10)

А в «Послании к Наталье» —

Скромный мрак безмолвной ночи...
Дух в восторг приводят мой —
Я один в беседке с нею...
Вижу... девственну лилею,
Трепещу, томлюсь, немею...

(I, 4)

Эротика «Монаха» легко сближается с эротикой «Послания к Наталье», и эта близость дает повод к заключению, что и то и другое произведения писаны приблизительно в одно и то же время. Что написано раньше, послание или поэма? Если счесть автобиографическим момент ожидания Натальи, описанный в поэме, то хронологически первенство надо отдать «Монаху». Но вслед за волной чувственности, залившей строки послания и поэмы, пришла «первая любовь». В программе записок Пушкин пометил только «первая любовь», а в отрывках из лицейских записок под 29 ноября 1815 г. находим подробную запись. Пошли иные песни, бесконечно далекие от признаний Целадона перед Натальей и его вождений:

Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгом упивался...
И где веселья быстрый день?
Промчался летом сновиденья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вокруг меня угрюмой скуки тень!..

«Я счастлив был!.. Нет, я вчера не был счастлив: поутру я мучился ожиданием, с неописанным волнением стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу, ее не видно было! Наконец, я потерял надежду, вдруг нечаянно встречаюсь с нею на лестнице, сладкая минута!..

Как она мила была! Как черное платье пристало к милой Бакуниной!

Но я не видел ее 18 часов — ах!

Какое положенье, какая мука! Но я был счастлив 5 минут» (I, 113)¹³.

Можно без опасения ошибки принять утверждение Гаевского о хронологии «Монаха» — не дальше 14-го года, но нет, в сущности, препятствий отодвинуть поэму к 1813 году.

3

Приурочение «Монаха» к начальному периоду лицейской жизни можно подкрепить и еще одним соображением. Из литературных источников, оказавших влияние на создание «Монаха», на первом месте надо поставить, понятно, Вольтера, а огромное воздействие Вольтера на Пушкина приходится именно на ранний период лицейского творчества: в это время он не имеет соперников, и только позже начинается влияние и других иностранных писателей.

О вольтерианстве Пушкина не стоит распространяться. Те-

ма давно поставлена и достаточно освещена. Вопрос специальный — о «Монахе» и его возможных иностранных источниках — во всех подробностях разобран в статье Б. В. Томашевского*. Здесь мы коснемся только общих линий. Из всех произведений Вольтера наибольшее обаяние производила на Пушкина поэма «Орлеанская девственница»¹⁴ — «произведение самое возмутительное и нечестивейшее», по отзыву врагов Вольтера, «книжка славная, золотая, незабвенная, катехизис остроумия», по отзыву Пушкина. В 1818 году отъезжавшему в чужие края Н. И. Кривцову Пушкин подарил экземпляр «Девственницы» — «святую библию Харит»¹⁵. О ней писал Пушкин:

Амур нашел ее в Цитере,
В архиве шалости младой:
По ней молись своей Венере
Благочестивою душой.

(I, 232)¹⁶

Под влиянием Вольтера, его «Девственницы», Пушкин пробовал написать поэму «Бова». В ней читаем следующее обращение к Вольтеру:

О Вольтер, о муж единственный!
Ты, которого во Франции
Почитали богом неким,
В Риме дьяволом, антихристом,
Обезьяною в Саксонии!
Ты, который на Радищева
Кинул было взор с улыбкою,
Будь теперь моею музою.

(I, 79)¹⁷

Поэма «Монах» приносит нам свидетельство Пушкина о том, чем был для него Вольтер. И в «Монахе» литературным образцом для Пушкина был Вольтер и его «Девственница». Необходимо остановиться на вступлении к «Монаху», содержащем обращение к Вольтеру и... к Баркову.

Певец любви, фернейский¹⁸ старичок,
К тебе, Вольтер, я ныне обращаюсь.
Куда, скажи, девался твой смьчок,
Которым я в Жан д'Арке восхищаюсь,
Где кисть твоя? скажи, ужели век
Их ни один не найдет человек?
Вольтер! Султан французского Парнаса¹⁹,
Я не хочу седлать коня Пегаса²⁰,
Я не хочу из муз надеть дам,
Но дай лишь мне твою золотую лиру,
Я буду с ней всему известен миру.
Ты хмуришься и говоришь: не дам.

(I, 7)

* Горчаковский архив. Издание Центрархива.

Так же, как и в «Бове», Пушкин горит одним желанием — творить по Вольтеру, взяв в образец его поэму об «Орлеанской девственнице». До такой степени горит желанием, что сейчас же начинает подражать «Девственнице». Вслед за только что приведенными стихами идет обращение к Баркову, но обращение это отнюдь не надо принимать по существу. Барков замещает только Шаплена в «Девственнице», бездарного и грубого автора скучнейшей, правовернейшей поэмы об «Орлеанской деве»²¹. Вольтер обращается к Шаплону:

O Chapelain, toi dont le violon,
De discordante et gothique mémoire,
Sous un archet maudit par Apollon²²
D'un ton si dur a racklé son histoire;
Vieux Chapelain, pour l'honneur de ton art,
Tu voudra bien me prêter ton genie:
Je n'en veux point; c'est pour Lamotte-Haudart
Quand l'Iliade est par lui travestie.

Приведем сделанный Пушкиным в 1825 г. перевод этих стихов «Девственницы», не совсем близкий к подлиннику:

О ты, певец сей чудотворной девы,
Седой певец, чьи хриплые напевы,
Нестройный ум и bestолковый вкус
В былые дни бесили нежных муз,
Хотел бы ты, о стихотворец хилый,
Почтить меня скрепицею своею,
Да не хочу. Отдай ее, мой милый,
Кому-нибудь из модных рифмачей.

(I, 450)²³

Издеваясь над Шапленом, Вольтер вводит в свою поэму шуточное злое обращение к своему конкуренту. Выдерживая тон подражания, Пушкин, после восторженно почтительного обращения к Вольтеру, противопоставляет Вольтеру Баркова. Сопоставим два обращения: Вольтера к Шаплону и Пушкина к Баркову в «Монахе»:

А ты, поэт, проклятый Аполлоном,
Испачкавший простенки кабаков,
Под Геликон упавший в грязь с Вильоном*,
Не можешь ли ты мне помочь, Барков?
С усмешкою даешь ты мне скрепицу,
Сулишь вино и музу пол-девицу:
Последуй лишь примеру моему.

(I, 7)

Но как Вольтер от предложения Шаплена, так и Пушкин решительно отказывается от Баркова:

* Вильон вряд ли был известен Пушкину, но помянут, очевидно, ради рифмы: Апполон — Вильон²⁴.

Нет, нет, Барков! Скрыпицы не возьму,
Я стану петь, что в голову придется,
Пусть как-нибудь стих за стихом полется.

(1, 7)

Барков не был для Пушкина тем, чем Шаплен был для Вольтера, и выдвигание Баркова не имеет ценности в сравнительно-литературном аспекте. Но отказ от Баркова в «Монахе» не единичен, не нов. В «Городке», написанном в 1814 году, Пушкин категорически отвергает возможность подражания Баркову: перебирая авторов, запретные произведения которых наполнили потаенную сафьяновую тетрадь, Пушкин останавливается на Баркове (в этих стихах Свистов обозначает Баркова):

Но назову ль детину,
Что доброю порой
Тетради половину
Наполнил лишь собой!
О ты, высот Парнаса
Боярин небольшой,
Но пылкого Пегаса
Наездник удалой!
Намаранные оды,
Убранство чердаков,
Гласят из рода в роды:
Велик, велик — Свистов!
Твой дар ценить умею,
Хоть, право, не знаток;
Но здесь тебе не смею
Хвалы сплетать венок:
Свистовским должно слогом
Свистова воспевать;
Но убирайся с богом!
Как ты, <в том клясться рад>
Не стану я писать.

(I, 54)²⁵

Пушкин и Барков — тема, еще не поставленная в литературе. Речь идет, понятно, не о Баркове — Академии Наук переводчике, а о Баркове — отце барковщины, авторе порнографической стихотворной литературы, до сих пор не дождавшейся печати. Историки литературы брезгливо обходили этот род литературы, а в известной мере он заслуживает внимания, как весьма влиятельный, ибо уж очень большим распространением пользовался. Кажется, только один С. А. Венгеров пробовал разобраться в барковщине, но сквернословие, которым, действительно, уснащены произведения Баркова, раздавило исследователя. «Подавляющее большинство из того, что им написано в нецензурном роде, состоит из самого грубого кабацкого сквернословия, где вся соль заключается в том, что

всякая вещь называется по имени. Барков с первых слов выпаливает весь немногочисленный арсенал неприличных выражений, и, конечно, дальше ему уже остается только повторяться. Для незнакомых с грязною музою Баркова следует прибавить, что в стихах его, лишенных всякого оттенка грации и шаловливости, нет также того почти — патологического элемента, который составляет сущность произведений знаменитого маркиза де-Сада... В Европе есть порнографы в десять раз более его безнравственные и вредные, но такого сквернословия нет ни одного»*. Но, кроме сквернословия, следовало бы отметить в Баркове простонародный юмор, реалистическую манеру и крепкий язык. В той борьбе, которая шла в литературе против высокого штиля, Баркову тоже надо отвести маленькое место. Пушкин не стал учеником Баркова: помимо его собственного отказа от подражаний Баркову, можно сослаться и на то, что барковщины, как сквернословной струи, вообще в произведениях Пушкина нет. От крепкого словца, которое встречается у Пушкина, нельзя восходить к термину барковщины. Кажется, в лицейской жизни Пушкина был период барковского уклона. Недаром лицеисты в одной «национальной» песне пели про Пушкина:

А наш Француз
Свой хвалит вкус
И материну порет...

Можно было бы с барковским периодом лица связать «Тень Баркова», балладу, свидетельство о которой, исходящее от Гаевского, мы привели выше. Любопытно, что и тот автор заставляет Баркова призывать к подражаниям ему, Баркову, и предлагать свою скрипку, свой смычок.

...Изо всех певцов
Никто так...
Хвалы мне их не нужны.
Лишь от тебя услуги жду —
Пиши в часы досужны!
Возьми задорный мой гудок,
Играй, как ни попало!
Вот звонки струны, вот смычок,
Ума в тебе не мало.
Не пой лишь так, как пел Бобров,
Ни Шаликова тоном,
Шихматов, Палицын, Хвостов,
Прокляты Аполлоном.
И что за нужда подражать
Бессмысленным поэтам?

* Венгеро в С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1891, т. II, с. 152—153.

Последуй ты
 Моим благим советам.
И будешь из певцов певец,
 Клянусь !
Ни черт, ни девка, ни чернец
 Не вздремлют над тобой.

Впрочем, герой баллады «Тень Баркова» — поп; ирония и в том, что именно попу Барков предлагает петь барковским слогом*.

«Монаха» Гаевский, на основании отзывов товарищей, назвал поэмой, сочиненной в подражание Баркову, но и свидетельство самого Пушкина, и поверхностное даже знакомство с «Монахом» не позволяют нам принять этой неверной характеристики. Отметим, что и в области откровенно порнографической литературы Пушкин предпочитал французские образцы и высоко ставил выдающегося представителя этой литературы Алексиса Пирона. «Пирон», — по словам Пушкина, —

* Любопытна судьба «Тени Баркова» в пушкинской литературе. Статья Гаевского с отрывками баллады появилась в 1863 году. Ближайшее издание сочинений Пушкина вышло в 1870 году. Редактор его, Г. Н. Геннади, напечатал отрывки в примечаниях к первому тому. Вслед за этим изданием вышло в 1880 году издание, редактированное П. А. Ефремовым (первое, им редактированное). Здесь Ефремов ввел «Тень Баркова» в текст под 1814 годом (т. I, с. 55), но в следующем, втором своем издании, вышедшем в 1882 году, он исключил «Тень Баркова». Мотивы исключения изложены им дважды: в 1903 году в статье «Мнимый Пушкин» (Новое время, 2 августа 1903 года, № 9845) и несколько иначе в примечаниях к пятому, им редактированному и изданному А. С. Суворинным, изданию сочинений Пушкина (СПб., 1905, т. VIII, с. 18). Ефремов передает, что, когда он сообщил Гаевскому о принадлежности «Тени Баркова» другому автору, не Пушкину, Гаевский сам уже «встретил его отказом от своего прежнего предположения». Тут же Ефремов добавляет: «кто же, однако, наговорил ему таких подробностей, которые были приведены при печатании им отрывков «Тени Баркова»? Очевидно, у Ефремова оставалась какая-то доза сомнения в отрицании авторства Пушкина. А Гаевский в своем экземпляре статьи «Пушкин в лицее», переплетенном с приложенными страницами и находящемся ныне в моем распоряжении, записал: «По удостоверению П. А. Ефремова, «Тень Баркова» не Пушкина». Таким образом, он только констатировал мнение Ефремова, но не высказал своего отношения к нему. Опубликование «Монаха» дает повод к постановке и разработке вопроса об авторе «Тени Баркова». Постановку вопроса дал Н. О. Лернер в заметке «Неизвестная баллада А. С. Пушкина «Тень Баркова» (Огонек, 1929, № 5, 3 февраля). Он категорически высказывается за авторство Пушкина. Разработкой вопроса занят М. А. Цявловский, в руках которого находятся несколько списков полной редакции. Лернеру известен только неполный список (из Пушкинского Дома). Гаевский привел в своей статье только отрывки — целиком же текст не мог быть опубликован. Отсутствие в печати полного текста затрудняет работу исследователей, и надо пожелать, чтобы текст был опубликован хотя бы на правах рукописи, хотя бы в самом ограниченном числе экземпляров.

хорош только в таких стихах, в которых невозможно намекнуть, не оскорбляя благопристойность». Пирон в известном смысле стоит Баркова.

Но, отвергнув решительно Баркова, Пушкин остался при Вольтере и «Девственнице»*. Быть может, выпады против «монахов и попов инспирированы борьбой Вольтера с церковью и ее служителями. Правда, выступление против монашества не ставилось главной задачей «Монаха».

Но лира, стой! — Далеко занесло
Уже меня противу рясок рвенье;
Бесить попов не наше ремесло**.

(I, 8)

Приемы построения поэмы подсказаны «Девственницей» — деление на песни с подзаголовками, дающими содержание, отступления от основной темы в сторону лирических излишней, полемические выпады, авторские признания и размышления, иронический тон. Но источников литературных мотивов «Монаха» надо искать не только у Вольтера, а и у других французских авторов. Б. В. Томашевский наметил в своей работе общие линии литературной традиции, в которой развивался замысел «Монаха», и подобрал значительный материал для сближений, но подлинный источник эпизодов «Монаха» остается неизвестным, хотя, по уверенному утверждению Б. В. Томашевского, мотивы этих эпизодов являются традиционными во французской литературе. По мнению исследователя, точно указать все источники «Монаха» можно лишь после углубленного и длительного обследования литературы, известной Пушкину-лицейству. Пусть так, но и теперь изучение схожих мест дает повод к заключению о замечательной для подростка-автора самостоятельности в распоряжении ма-

* Данные о влиянии «Девственницы» на творчество Пушкина собраны в статье С. Мокульского (предисловие к русскому переводу «Орлеанской девственницы», изд-во «Всемирная литература», 1924, т. I, с. VII—XLII) и в статье Б. В. Томашевского²⁶.

** Уместно напомнить здесь и стихи из «Городка», писанного в 1814 году.

Но, боже, виноват!
Я каюсь пред тобою,
Служителей твоих,
Попов я городских
Боюсь, боюсь беседы
И свадебны обеды
Затем лишь не терплю,
Что сельских иереев,
Как папа иудеев,
Я вовсе не люблю... (I, 59).

териалом, на него влиявшим. Он сам заявляет, что стремится к известной самостоятельности и только подражателем он себя не хотел бы считать.

Такую же самостоятельность он обнаруживает в отношении к иным источникам, о которых сейчас пойдет речь. И здесь пока не можем указать непосредственных источников мотивов Пушкина. Он выбирает свой сюжет, черпает подробности из окружающей его действительности, сражается с отсталыми и бездарными представителями российской словесности...

4

От иностранных источников «Монаха» перейдем к русским. Для суждения о самостоятельности Пушкина в выборе сюжета «Монаха» привлечем материал житийной литературы. Происхождение сюжета «Монаха» вскрывается легко: это обработка сказания, взятого из русской житийной литературы, именно из жития архиепископа Новгородского Иоанна*.

Житие Иоанна Новгородского написано в самом конце XV в. Неизвестный автор, создавший житие, в свое время смущался чрезмерной легендарностью сюжета, сам «неверием одержим был»**. Источники «жития» восходят к переводным легендам византийской письменности. Житие получило широкое распространение; оно известно во многих рукописях, вошло в пролог и Четьи-Минеи***. Привожу краткое содержание той части жития, которую можно сближать с «Монахом». Беру его из пролога. Архиепископ Иоанн отличался благочестивой жизнью. Дьявол хотел его поугаать, но был им побежден. Начал дьявол трепетать в рукомойнике, святой же закрестил умывальницу крестом. Дьявол человеческим голосом запросил отпустить его: сила креста палила его, и он не мог дольше терпеть. И приказал святой дьяволу отнести его в Иерусалим. Верхом на бесе съездил в Иерусалим, поклонился гробу Христову и в ту же ночь вернулся и освободил беса от запрета. Бес наказал святому молчать о ночном путешествии, но Иоанн не посчитался с наказом беса, рассказал

* Это указание сделано в незаконченной работе П. Садикова и А. Суздалева о «Монахе», рукопись которой находится в ред.-изд. отделе Централрхива.

** Ключевский В. О. Древнерусские жития как исторический источник. М., 1871, с. 162—163.

*** См. работу: Дурново Н. Н. Легенда о заключенном бесе в византийской и старинной русской литературе.— Труды славянской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1907, т. IV, с. 54—152, 319—326.

кое-кому об этом. Дьявол решил отомстить святому и обличить его в блуде. Приходили многие из первых лиц города к Иоанну за благословением, и вот дьявол много раз показывал посетителям то сапоги женские, то мониста и многое другое. Посетители сильно смущались. А раз дьявол преобразился в деву, пошел впереди посетителей, а затем забежал за келью святого и стал невидим. Новгородцы пришли в негодование и пустили плот со святым вниз по Волхову. А плот чудом божиим пошел вверх по реке, и новгородцы поняли, что святой стал жертвой бесовского искушения*.

Это «Житие Иоанна» из книжного памятника стало «народным» (в условном смысле термина), вернее крестьянским, изустным. Порождением «Жития» являются многочисленные легенды. Приводим одну из таких легенд, записанную в середине прошлого века в Пермской губернии и напечатанную А. Н. Афанасьевым**:

«Какой-то архимандрит встал к заутрене; пришел умываться, видит в рукомойнике нечистый дух, взял его да и заградил крестом. Вот дьявол и взмолился: «выпусти, отче! какую хошь налож службу — сослужу». Архимандрит говорит: «своишь ли меня между обедней и заутреней в Иерусалим?» — «Свожу, отче, свожу!» Архимандрит его выпустил и после заутрени до обедни успел съездить в Иерусалим, к обедне поспел обратно. После забрали как-то справки, — все удивились, как он скоро мог съездить в Иерусалим, спросили его, и он рассказал это».

Нельзя отрицать точек соприкосновения между житием и поэмой Пушкина: и в житии, и в поэме Пушкина предметами искушения являются части женской одежды, и здесь, и там способ поймки беса схож — освященной водой, и наконец — это главное — и Иоанн и Панкратий, герой поэмы, совершают путешествие в Иерусалим на бесу. Но все же, осторожности ради, не следует поддерживать утверждения о заимствовании Пушкиным сюжета непосредственно ни из жития Иоанна, ни из крестьянского его пересказа.

В самом деле непосредственным источником сюжета «Мо-

* Пролог, под 7 сентября. По изданию Синодальной типографии. См. также Великие Минеи Четых митрополита Макария, изд. Археологической комиссии под 7 сентября. Легенда об Иоанне Новгородском см.: Повесть о путешествии Иоанна Новгородского. — В кн.: «Памятники старинной русской литературы», издаваемые графом Григорием Купелевым-Безбородко, под редакцию Н. Костомарова. Сказания, легенды, повести, сказки и притчи. СПб., 1860, вып. 1, с. 245—248.

** Народные русские легенды. Т. I. Легенды, собранные А. Н. Афанасьевым. Историческая библиотека. (Памятники русской литературы). [Казань], изд-во «Молодые силы», 1914, с. 135.

наха» нельзя признать ни жития, ни легенды. Можно говорить о заимствовании отдельных мотивов. Стоит рассмотреть, как использовал Пушкин мотивы жития и легенды. Их три: 1) искушение монаха, 2) заклятие дьявола и 3) поездка на черте.

По первому мотиву: части женской одежды в «Житии» выполняют не ту роль, что в поэме Пушкина. В «Житии» дьявол показывает их посторонним и соблазняет их на дурное мнение о монахе. У Пушкина дьявол показывает их монаху и соблазняет его. Эта разность не позволяет считать этот житийный мотив прототипом. В литературе апокрифических житий можно указать примеры «искушения», гораздо ближе стоящих к «Монаху». Так в повести о Макарии римском рассказывается об искушении пустынноика. Макарий вышел однажды посидеть пред входом своей пещеры. И вот он видит брошенное кем-то женское платье. Пустынноик недоумевал, откуда оно; однако взял его и унес в пещеру, набожно сказав: «Господи, что ся деет в пустыне сей?» На следующий день он нашел другую вещь из женского туалета и также поднял и унес в пещеру, но после этого не мог всю ночь заснуть «от разжения беззакония»; вышедши из пещеры погулять на третий день, он увидел женщину,— и т. д.*

По второму мотиву: приобретение власти над бесом путем заклятия—распространеннейший мотив в житийной, легендарной и сказочной литературе. В житии Иоанн Новгородский закрестил беса в рукомяйнике; также и в других житиях (Авраамия Ростовского, Авел Логина) подвижники кладут крестом заклятие на демона в чаше с водой. Но в «Монахе» такого заклятия нет, есть только вольное подражание ему. Монах Пушкина не кладет креста, а заговаривает воду в кувшине («наполнил свой кувшин, забормотал над ним слова молитвы»), и, обливая демона освященной заговором водой, овладевает бесом. Общая черта в заклинаниях житий и поэмы—вода, но одной воды мало, чтобы считать изображение заговора заимствованным из жития.

По третьему мотиву: путешествие на бесе, обратившемся в коня. Н. Н. Дурново, занимавшийся изучением темы о заключенном бесе и попутно касавшийся жития Иоанна Новгородского, относительно этого эпизода говорит: «К путешествию на бесе, обратившемся в коня, в легенде об Иоанне Новгородском я знаю пока только западные параллели, но в последних, по большей части, такой адский конь везет человека

* Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы. М., 1863, т. II, с. 75—76 и след.; Рязановский Ф. А. Демонология в древнерусской литературе. М., 1916, с. 81—82.

против его воли и не туда, куда хотелось бы седоку. Впрочем, у Цезаря Гейстербахского (*Dialogus miraculorum*) есть рассказ о бесе, перенесшем по воздуху в Иерусалим в одну минуту рыцаря Эбенгарда. Путешествие в Иерусалим в одну ночь напоминает повесть Луга Духовного и Сводного Патерика об авве Георгии Синайском, причастившемся св. тайн в Иерусалимском храме Воскресенья в первый день Пасхи и вернувшимся на Синай в тот же день до окончания литургии». Мотив путешествия на черте один из распространеннейших в легендарной и сказочной литературе, и нельзя с решительностью утверждать, что Пушкин заимствовал его именно из жития Иоанна. Он мог взять его и из французских источников — популярных книг «демонического» характера, каких было много во Франции в 18 веке, в роде «*Dictionnaire infernal*»* или всяких «*Choix d'anecdotes sur les démons*»** и т. д. Во всяком случае и по отношению к предполагаемым русским источникам «Монаха» бросается в глаза самостоятельность изобретения, замечательная для 13—14-летнего поэта.

5

Помимо сюжета в «Монахе» имеются еще кое-какие русизмы. Монастырь, в котором спасался монах, находится под Москвой — «невдалеке от тех прекрасных мест, где дерзостный восстал Иван Великий, на голове золотой носящий крест»; монах молится «Николе пред иконой»; юбка сравнивается с белым снегом, выпавшим на каменистый берег Москвы-реки. Потом подробности царскосельские — Мария Антоновна Нарышкина, князь Д. П. Горчаков, поэт-сатирик, великосветские утехи, описанные в 3-й песне «Монаха». (В 1815 году Пушкин собирался написать «Картину Царского Села» и там описать «жителей Царского Села».) Наконец, и в «Монахе» Пушкин не обошелся без Боброва: чтением его стихов бес усыпил монаха. Насмешливо помянут и Шаховской: в доме у него «потекот».

Особое место в ряду источников «Монаха» занимают картины. Ни в каком другом произведении Пушкин не упоминает сразу столько имен живописцев — Рафаэль, Корреджио, Тициан, Альбани, Верне, Пуссен, Рубенс. Во второй песне сновидение монаха, в третьей — изображаемый пейзаж представляется списанным с картин, которые были перед глазами молодого Пушкина. О совпадении настроенности поэта

* адский словарь (*франц.*) — *Ред.*

** сборник историй о демонах (*франц.*) — *Ред.*

и живописца можно судить по пейзажу, нарисованному Пушкиным:

Иль краски б взял Вернета иль Пуссина;
Волной реки струилась бы холстина;
На небосклон палящих, южных стран
Возведши ночь с задумчивой луною,
Представил бы над серою скалою,
Вкруг коей бьет шумящий океан,
Высокие, покрыты мохом стены;
И там в волнах, где дышит ветерок,
На серебре вкруг скал блестящей пены,
Зефирами колеблемый челнок.
Нарисовал бы в нем я Кантемиру²⁷
Ее красы

(I, 15)

Мы уже приводили выше стихи, в которых Пушкин изображает, как он нарисовал бы портрет Натальи:

Трудиться б стал я жаркой головою,
Как Цициан иль пламенный Албан.
Представил бы все прелести Натальи,
На полну грудь спустил бы прядь волос,
Вкруг головы венок душистых роз,
Вкруг милых ног одежду резвой Тальи,
Стан охватил Киприды б пояс злат.

(I, 15)

Вспоминается обращение Пушкина в 1815 году к «Живописцу»:

Вкруг тонкого Гебен²⁸ стана
Венерин пояс повяжи,
Сокрытой прелестью Альбана
Мою царицу окружи.
Прозрачны волны покрывала
Накинь на трепетную грудь.

(I, 139)²⁹

Не приходится отрицать литературных влияний в послании «К живописцу», но чувствуется и реальный источник портретов нарисованных Пушкиным: — портрет живописный. Вопрос о влиянии произведений живописи на творчество Пушкина рассмотрен в статье А. Эфроса «Пушкин и пластические искусства»*.

6

Поэма «Монах», три песни ее, по крайней мере, нам теперь известны. Позвоительно поставить вопросы: 1) такая ли это плохая и такая ли это скабрзная поэма? и 2) имело ли

* Горчаковский архив. Изд. Центрархива.

хоть какую-нибудь реальную почву эстетическое и моральное возмущение князя Горчакова? На первый вопрос можно ответить только категорическим отрицанием: в ряду других лицейских произведений поэма займет не последнее место по формальным достижениям — надо не забывать, что она принадлежит перу 13—14-летнего мальчика. А если говорить о скабрзности, то здесь ее меньше, чем во многих других известных произведениях Пушкина этого периода. Ясен по этим же соображениям ответ и на второй вопрос. Когда семидесятидвухлетний Горчаков облыжно заявил, что он уничтожил «Монаха» и устранил темное пятно на творчестве Пушкина, он, конечно, имел в виду сказать, что он сделал это давно, сейчас же по созданию поэмы, в лета далекой, розовой юности. Но если старику-канцлеру, может быть, и было к лицу прюдничество и лицемерное ханжество, то 15—16-летний лицеист вовсе не чужд был лицейскому эротизму, который таким ключом бил в Пушкине. Можно думать, что именно эротические увлечения объединяли этих в сущности чужих друг другу людей — Пушкина и Горчакова. В архиве Горчакова оказались нарядные автографы и «Монаха», и «Послания к Наталье», и стихотворения «К молодой вдове». Горчаков был миловиден в своей юности, по словам Пущина; ему была дана нежная краса, по словам Пушкина. Пушкин советовал Горчакову:

Они пришли, твои златые годы,
Огня любви прелестная пора.
Спеши любить и, счастливый вчера,
Сегодня вновь будь счастлив осторожно;
Амур велит: и завтра, если можно,
Вновь миртами красавицу венчай...

(I, 212)³⁰

И даже кончина Горчакова рисовалась Пушкину в освещении эротическом. Он желал ему, чтоб в страстном упоении и, с томной сладостью в очах,

Из рук младого Купидона
Вступая в мрачный чолн Харона,
Уснул... Ершовой на грудях!

(I, 39)³¹

Пушкин точно предсказал сердечную жизнь Горчакова. Женюлюбие его отмечают многие его современники. «Прекрасный пол у князя Горчакова играл вообще большую роль», — вспоминал барон А. Е. Врангель. «Прозорливый взгляд Горчакова привык угадывать женскую прелесть и все ее значение», — писал князь Вяземский. Если бы перед нами и не ле-

жали три песни «Монаха», все-таки мы не могли бы, не должны бы поверить тому, что юноша-лицеист с такими замашками мог уничтожить «Монаха» за эротизм. Нет, Горчаков хранил и сохранил не совсем нравственные стихотворения своего лицейского товарища и в старости лет лелеял свои лицейские воспоминания, декламируя послание с упоминанием о грудях Ершовой.

Вот тут Пушкин ошибся с пожеланием о роде смерти, приличествующем ветреному любовнику и другу измены. Он умер на 84-м году жизни, через 46 лет после смерти Пушкина. Он оказался тем последним из круга лицеистов первого выпуска, пережившим всех своих товарищей, о котором Пушкин в 1825 г. писал:

Кому ж из нас под старость день лица
Торжествовать придется одному?
Несчастный друг! среди новых поколений
Докучный гость, и лишний и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...

(I, 439)³²

Вспоминал, но без особой скорби, ибо был самодоволен: пусть, наполненный самомнением, хвастался своим влиянием на Пушкина. Можно простить смешное и наивное хвастовство за то, что не уничтожил «дурной и скабрезной поэмы».

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I И ПУШКИН В 1826 ГОДУ*

Нельзя считать исследованным и выясненным вопрос о взаимных отношениях императора Николая I и его ближайших помощников по III Отделению к Пушкину. Обычное представление, возвеличивающее монарха и видящее в Бенкендорфе с его чиновниками досадное средостение, основывается на предвзятых мнениях и не является результатом документального изучения истории сношений монарха и поэта. Но из всех учреждений, работавших в помощь Николаю Павловичу, ни одно не действовало в таком согласии и такой настроенности с вершиной власти, как III Отделение. Бенкендорф без хвастовства и лжи мог говорить о себе, что он пользуется полным доверием монарха. На этом основании при изучении вопроса необходимо говорить больше о царе, чем о его помощниках, даже в своей инициативе творивших волю пославшего. Прежде всего следует отделить на основании фактических данных показную сторону от закулисной и выяснить истинные, настоящие взгляды Николая I на поэта. Мы знаем ряд высказываний Николая I о Пушкине; мы встречаем ряд мнений и свидетельств о его взглядах на Пушкина. Николай I заботливо старался, чтобы окружающие его и сам поэт думали, что он относится к поэту и ценит его именно так, как он высказывался. До сих пор и исследователи освещали отношения царя к поэту как раз с той точки зрения, провести которую старался Николай I. Но это были не настоящие его взгляды. С особенным вниманием мы должны уяснить, чем был для него Пушкин, и как император на него

* Впервые напечатано в журнале «Русская мысль», 1910, № 6; воспроизводится здесь с восстановлением мест, измененных редакцией по цензурным соображениям.— П. Ш.

смотрел, когда был совершенно откровенен, нараспашку, как, например, в разговорах со своим братом Михаилом Павловичем или своими друзьями-слугами: Паскевичем, Бенкендорфом. Изложение отношений и мнений другой стороны — самого поэта — и легче и сложнее. Легче потому, что вообще в Пушкине не было двойственности, как не было ее и в его отношении к Николаю I, а сложнее по следующим причинам. Хотя отношения Николая I не были просты, но они легче поддаются изучению, ибо они не имели истории, ибо взгляды царя оставались такими же при кончине поэта, как они сложились к моменту первого свидания. Отношения же Пушкина, наоборот, были просты и искренни, но имели свою историю, очень сложную в своих психологических мотивах. Конечно, прежде всего, для этого нужно выяснить все фактические воздействия власти на поэта в период 1826—1837 гг., показать ту бесконечную, серую пелену, которая окутала Пушкина в 1826 г., развертывалась во все течение его жизни и не рассеялась даже с его смертью. Затем придется исследовать, чем был (и как стал быть) представитель высшей власти для ума, сердца и души поэта. Скажем тут же, что «настоящих» взглядов царя Пушкин не знал, как он не знал и вообще Николая Павловича. Но ненормальность отношений он сознал довольно скоро, не мог понять, в чем дело, мучился темными подозрениями. Процесс развития его взглядов и его отношений к царю тесно связан с жизнью созданного им поэтического образа государя в его творчестве, с теоретическими представлениями о монархе и власти. Необходимо рассмотреть возникновение и эволюцию этих представлений. Только поставив и разрешив все эти вопросы, мы получим разрешение поставленной нами задачи.

Первая встреча императора Николая I с Пушкиным произошла 8 сентября 1826 г. Этому свиданию охотно приписывают значение решающего момента в отношениях царя к поэту. Мы увидим дальше, что такого значения оно не имело. В настоящей статье, на основании изданных и отчасти неизданных материалов, мы намерены выяснить то представление о Пушкине, какое сложилось у императора Николая I ко дню его встречи с поэтом и каким оно оставалось до самой кончины последнего. Начало мнениям императора Николая I о Пушкине, как и о большинстве лиц русского общества, было положено в эпоху работ по расследованию деятельности злоумышленных обществ, прикосновенных к событиям 14 декабря. Известно, что учрежденная по этому поводу комиссия действовала под ближайшим и внимательнейшим руководством самого государя. С этой комиссии мы и должны начать.

В то время как следственная комиссия и император Николай I производили бесчисленные аресты, чинили дознания и допросы; в то время, когда в России было мало дворянских семей, которые не имели бы среди своих близких и родных прикосновенных так или иначе к мятежу; когда панический страх за судьбы дорогих людей охватывал русские интеллигентные круги,— Пушкин в своем захолустье беспокоился за себя, несомненно, гораздо меньше, чем его друзья о нем. Ему не передалась тревожная атмосфера столиц. Он совершенно ясно представлял себе свое положение, был убежден, что правительство удостоверится во время расследования, что «я заговору не принадлежу и с возмутителями 14 декабря связей политических не имел» (так писал он Жуковскому во второй половине января 1826 г.). Но совершенно уверенным в своей безопасности он не был; «все-таки я от жандарма еще не ушел, легко может, уличат меня в политических разговорах с каким-нибудь из обвиненных». Впрочем, от всего этого дела он скорее ожидал для себя поворота к лучшему, именно полагаясь на удостоверение комиссии в его непричастности. «Если Пушкин не замешан, то нельзя ли, наконец, позволить ему возвратиться?» — писал он уже в январе 1826 г.¹ То в серьезной, то в шутливой форме Пушкин с этих пор непрерывно забрасывал своих друзей вопросами о своей судьбе: «Пускай позволят мне бросить проклятое Михайловское. Вопрос: невинен я или нет? но в обоих случаях давно бы надлежало мне быть в П.<етер>.Б.<урге>», — писал он Плетневу 3 марта². Но от всех своих корреспондентов он получал один ответ: сидеть смиренно, жить в деревне, постараться забыть о себе. Было не до хлопот за поэта, когда следственная комиссия и Николай I производили свою расправу. Осведомленный Жуковский сообщал Пушкину, очевидно, по словам лиц, близких к комиссии (из них ближе всех к Жуковскому был Д. Н. Блудов³), следующее: «Ты ни в чем не замешан — это правда. Но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством»⁴. Пушкина не потребовали к ответу в Петербург, и как только следственная комиссия закончила свои действия и составила донесение, он подал Николаю Павловичу прошение. 10 июля он писал Вяземскому: «Жду ответа, но плохо надеюсь. Бунт и революция мне никогда не нравились, это правда; но я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков. Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные под именем Баркова. Если бы я был

потребован комиссией, то я бы, конечно, оправдался, но меня оставили в покое, и, кажется, это не к добру»⁵.

Посмотрим же теперь, какими данными для суждения о Пушкине располагала следственная комиссия по делу о злоумышленных обществах, начавшая свои действия сейчас же после 14 декабря 1825 г. и окончившая их 30 мая представлением всеподданнейшего донесения. Для ответа на этот вопрос мы просмотрели все огромное производство комиссии. Правда, записанные показания не исчерпывают всего материала, полученного следствием: многое, конечно, говорилось на допросах и не записывалось. Это нужно иметь в виду. Кроме того, мы не располагаем и теми списками стихов Пушкина, о непрестанном нахождении которых у арестованных писал Жуковский Пушкину. Вещественные доказательства — письма, рукописи, взятые при обысках, — при деле, за ничтожнейшими исключениями, не сохранены. Но распространенность стихов Пушкина — факт общеизвестный (указания встретим и ниже), и слова Жуковского можно принимать в буквальном значении.

Поставив задачей выяснение источников вольномыслия, следственная комиссия почти всем привлеченным к делу задавала один и тот же вопрос: «с которого времени и откуда заимствовали вы свободный образ мыслей, т. е. от сообщества ли, или от внушений других, или от чтения книг или сочинений в рукописях и каких именно? Кто способствовал укоренению в вас сих мыслей?» Очень многие из декабристов отвечали уклончиво на этот вопрос, ссылаясь на отсутствие в них вольномыслия. Некоторые объявляли, что они обязаны образом своих мыслей своим размышлениям. Наконец, многие называли ряд авторов и сочинений, повинных в распространении мятежного духа. Из русских авторов и русских сочинений, названных декабристами, на одно из первых мест нужно поставить Пушкина и его стихи. Приведем несколько подобных ответов из показаний: их будет достаточно для характеристики того представления, которое могло сложиться у членов комиссии о Пушкине. Петр Бестужев, брат Александра и Николая, показывал: «Мысли свободные заронились во мне уже по выходе из корпуса, около 1822 года, от чтения различных рукописей, каковы: «Ода на свободу», «Деревня», «Мой Аполлон», разные «Послания» и проч<ие>, за которые пострадал знаменитый (в других родах) поэт наш А. Пушкин»*. Мичман В. А. Дивов записал в своих показаниях:

* Г. А., I В, № 366, л. 5 об. [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 366, л. 5 об.—Ред.]⁶.

«Свободный образ мыслей получил... частью от сочинений рукописных, оные были: свободные стихотворения *Пушкина и Рылеева* и проч<их> неизвест<ных> мне сочинителей»*. Прапорщик Бечаснов показывал: «Зная же, что я охотно занимаюсь книгами и поэзией, советовали [офицеры] мне бросить романы, как не заслуживающие потери времени, предлагая читать хороших писателей — Трагедии — Стихи сочинения> Пушкина и других — постепенно разгорячавших пылкое воображение»**. А вот ответ одного из энергичнейших заговорщиков, заплатившего смертью за свой энтузиазм, Мих<аила> Павл<овича> Бестужева-Рюмина: «Первые либеральные мысли почерпнул я в трагедиях Вольтера, которые к моему несчастью слишком рано попались мне в руки. После, приготовляясь к экзамену, учрежденному на основании указа 1809 года, я тщательно занимался естественным правом гражданским, римским и политическою экономией. (Все сии предметы требуемы). Таковые занятия дали мне склонность к политике. Я стал читать известных публицистов, из коих всего более вреда мне наделал пустословный де-Прадт. Между тем, везде слышал стихи Пушкина, с восторгом читанные. Это все более и более укореняло во мне либеральные мнения»***. Барон Штейнгель в очень резком письме из крепости к государю, рассуждая о невозможности бороться с идеями, писал: «Сколько бы ни оказалось членов тайного общества или ведавших про оное; сколько бы многих по сему преследованию ни лишили свободы, все еще останется гораздо множайшее число людей, разделяющих те же идеи и чувствования... Кто из молодых людей, несколько образованных, не читал и не увлекался сочинениями Пушкина, дышащими свободою?»****.

* Г. А., I В, № 365, л. 1 об. [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 365, л. 1 об.— *Ред.*].

** Г. А., I В, № 435, л. 19—19 об. [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 435, л. 19—19 об.— *Ред.*] или в издании Центрархива «Материалы по истории восстания декабристов», т. V, с. 277⁸.

*** Г. А., I В, № 396, л. 25 об. [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 396, л. 25 об.— *Ред.*].

**** «Общественные движения в России в первую половину XIX века. Т. I. [Декабристы: М. А. Фонвизин, кн. Е. П. Оболенский и бар. В. И. Штейнгель (Статьи и материалы). Сост.: В. И. Семевский, В. Богучарский и П. Е. Щеголев. СПб., 1905.— *Ред.*], с. 490¹⁰. Впрочем, в ответе на вопрос о происхождении свободного образа мыслей Штейнгель, назвав «разные сочинения (кому неизвестные?) Баркова, Нелединского-Мелецкого, Ясвижского, кн. Горчакова, Грибоедова, Пушкина», прибавляет: «Сии последние вообще читал из любопытства и решительно могу сказать, что они не произвели надо мною иного действия, кроме минутной забавы: подобные мелочи игривого ума мне не по сердцу». Г. А., I В, № 360, л. 6 [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 360, л. 6.— *Ред.*]. Приблизительно так же отвечал Александр Бестужев, стараясь, очевидно,

В этом же роде и другие ответы. Можно себе представить те чувства, которые возникли у членов комиссии по отношению к Пушкину. Не может быть сомнения, что они старались добыть сведения о прикосновенности Пушкина к обществу, но их старания не увенчались успехом. Имя Пушкина не попало даже в известный и последнее время часто цитируемый Алфавит всем, имевшим хотя бы легкое касательство к делу о тайных обществах. Алфавит этот, заключающий в себе 567 фамилий, был составлен для Николая Павловича и был его настольной книгой. Пушкин не был даже назван членом «Зеленой лампы»*; названные были занесены в эту книгу. Но все-таки в делах комиссии сохранились некоторые следы, свидетельствующие о том, что комиссия не прочь была бы протянуть и Пушкина к следствию поближе. Два раза имя Пушкина было затронуто серьезно, два раза поэту грозила опасность.

5 апреля 1826 года Бестужеву-Рюмину среди множества вопросов был предложен и следующий:

«У комиссионера 10-го класса Иванова найдены были стихи, написанные на лоскутке и по содержанию своему означающие неистовое вольномыслие, о коих Иванов отозвался, что получил от Громницкого; сей же объяснил, что оные дали ему вы в Лещинском лагере при капитане Тютчеве, который, равно Спиридов и Лисовский, читали их и знают, что к нему точно дошли от вас. Причем Громницкий дополнил, что вы, будучи у Спиридова, хвалили и прочитывали наизусть сочинение Пушкина под названием «Кинжал», которое тут же написали своею рукою и отдали Спиридову, а он, Громницкий, списал для себя уже у Спиридова.

Справедливость сего свидетельствуют как Спиридов и Тютчев, так и Лисовский.

Капитан же Пыхачев показывает, что вы часто читали наизусть, хвалили и раздавали всем членам вольнодумческие стихи Пушкина и Дельвига.

Поясните чистосердечно:

ослабить впечатление, которое оказалось бы вредным для Пушкина: «Что же касается до рукописных русских сочинений, они слишком маловажны и ничтожны для произведения какого-либо впечатления. Мне не случилось читать из них ничего, кроме: «О необходимости законов» (покойного фон-Визина), двух писем Михаила Орлова к Бутурлину и некоторых блесок А. Пушкина — стихами». Г. А., I В, №339, л. 4 [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 339, л. 4.— *Ред.*].

* В 1925 году этот Алфавит был издан под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса в издании Централхива «Материалы по истории декабристов», т. VIII [Алфавит декабристов. Л., 1925.— *Ред.*].

1. Когда, где и от кого вы получили стихи, данные Громницкому, и чьею рукою оные написаны? Точно ли оные были сочинены ротмистром Паскевичем, как вы сказывали Тютчеву?

2. Кому еще из членов давали как сии, так и подобные оным возмутительные стихотворения и от самих ли Пушкина и Дельвига получили оные, или от кого другого?

3. Сии сочинители не были ли членами общества и в каких сношениях находились с вами, либо с Сергеем Муравьевым?»*

Вопрос был поставлен прямо. Ответ М. П. Бестужева-Рюмина не дал никаких указаний на причастность Пушкина к обществу. Для нас он ценен, как сообщающий любопытную подробность к биографии Пушкина.

Сие показание Спиридова, Тютчева и Лисовского совершенно справедливо. Пыхачев также правду говорит, что я часто читал наизусть стихи Пушкина (Дельвиговых я никаких не знаю). Но Пыхачев умалчивает, что большую часть вольнодумческих сочинений Пушкина, Вяземского и Дениса Давыдова нашел у него прежде принятия его в общество.

1. Стихи Паскевича получил я в Лещине от него самого. Одни писаны рукою Жукова¹² с поправкою Паскевича, а другие рукою Рославлева.

«Стихи Паскевича, как их получил, так и отдал их Тютчеву или Громницкому — сего уже не помню. Но говорил о них Артамону Муравьеву и Пестелю. Списков же с них никому не давал. Рукописных экземпляров вольнодумческих сочинений Пушкина и прочих столько по полкам, что это нас самих удивляло.

3. Принадлежат ли сии сочинители обществу или нет, мне совершенно неизвестно. Я Дельвига никогда не видал. С. Муравьев с ним незнаком. С Пушкиным я несколько раз встречался в доме Алексея Николаевича Оленина в 1819 году, но тогда еще я был ребенком**. С. Муравьев с тех пор, что оставил Петербург, Пушкина не видал»¹³.

Разноречия в показаниях Пыхачева и Бестужева-Рюмина по вопросу о стихах Пушкина повели к очной ставке, которая была дана им в комиссии 26 апреля. На очной ставке капитан Пыхачев «утвердил свое показание, прибавив, что кроме стихов, начинающихся: «у вас Нева, у нас Москва» и пр., дру-

* Разрядка П. Е. Щоголева. — *Ред.*¹¹.

** В 1826 г. Бестужева-Рюмину было 24 года, а в 1819 г. всего 17 лет.

тих у него не было». Подпоручик же Бестужев-Рюмин «остался при своем показании»*.

В другой раз комиссия сделала попытку привлечь Пушкина поближе к делу по следующему поводу. Александр Поджио, не ограничившись весьма откровенными показаниями перед комиссией, дал к ним новые и важные дополнения в письме на имя члена комиссии генерала Левашова от 12 марта 1826 года. Тут он рассказывал подробно о своем пребывании в 1823 году в Петербурге и между прочим писал: «Перед выездом моим съехались к Митькову. Между прочим был здесь и Рылеев; я в нем видел человека, исполненного решимости. Здесь он говорил о намерении его писать какой-то катехизис свободного человека, знаю, весьма преступного; и о мерах действовать на ум народа как-то: сочинением песен, пародиями существующих иных наподобие «Боже спаси царя», Пушкиным пародированной, и песни «Скучно мне на чужой стороне**¹⁵. С умыслом или без умысла, но комиссия сообщение Поджио поняла так, будто Пушкин пародировал «Боже спаси царя» на собрании членов общества в С.-Петербурге в 1823 году — как раз тогда, когда Пушкин жил на юге России. В таком смысле комиссия и запросила о справедливости слов Поджио Матвея Муравьева-Апостола. Но Муравьев-Апостол, давая подробно объяснения, решительно заявил: «При сем совещании не было Пушкина, который никогда не принадлежал обществу»***.

После этого ответа других членов комиссия уже и не запрашивала о том, был ли членом общества Пушкин. По крайней мере указания на это мы не имеем. Вот и все, что мы могли извлечь из производства комиссии, непосредственно относящегося к Пушкину.

Итак, данных оказалось слишком недостаточно, чтобы можно было предъявить Пушкину обвинение в принадлежности к тайному обществу, потребовать его и наказать, но зато

* Г. А., I В., № 396, лл. 124, 145, 150, 152, 157, 158 [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 396, л. 124, 145, 150, 152, 157, 158.— *Ред.*]¹⁴.

** Г. А., I В., № 402, л. 41 об. [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 402, л. 41 об.— *Ред.*]. Цитируем по подлиннику. Я имел случай (в статье «Катехизис Сергея Муравьева-Апостола» — Минувшие годы, 1908, № 11, и в новейшее время в книге «Декабристы». М.— Л., 1926) указать, что в неисправленном издании М. Довнар-Запольского «Мемуары декабристов» [(Записки, письма, показания, проекты конституций, извлеченные из следственного дела с вводной статьей). Вып. I.— *Ред.*] (Киев, 1906, с. 203) письмо Поджио напечатано с существенными искажениями как раз в цитированном нами отрывке.

*** Г. А., I В., № 397, л. 98 [ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 397, л. 98.— *Ред.*]¹⁶.

по этим данным члены комитета могли составить совершенно определенное представление о поэте, чьи стихи были источником пагубной заразы вольномыслия и принести столько бед и заговорщикам, и государству. Конечно, члены комитета и до 14 декабря слышали и знали о Пушкине, как авторе вольнодумческих од и посланий, но только во время следствия они увидели всю значительность и фактическую пагубность их действия, вочью убедились, что они сыграли важную роль в развитии мятежнического настроения декабристов. Из воспоминаний современников, из мемуаров самих декабристов в настоящее время мы знаем это значение поэзии Пушкина, но для членов комиссии оно, пожалуй, было и ново, и неожиданно: им блеснула в глаза сила художественного и политического слова, сила мысли. Вредоносность Пушкина не подлежала сомнению с государственной точки зрения следователей-генералов и их руководителя — царя. Быть может, в это время они осмыслили всю необходимость борьбы с силой слова и мысли, в это время они и поставили завет борьбы, которому без колебаний остались верны на всю свою жизнь. Самый дальновидный из них, Николай I, не мог не сознавать, что борьба с вредоносностью художественного слова Пушкина, с этим блестящим, обильным источником вольномыслия, не могла укладываться в рамки расправ следственной комиссии и требовала иных средств. Нужна была уверенность, что поэт не будет создавать блесток неистового вольномыслия, а этой уверенности как раз и нельзя было достигнуть ссылками, заключениями и т. п. Иное средство укрощения строптивых должно было быть примененным к Пушкину.

Все реальное, фактическое значение того обстоятельства, что члены комиссии составили себе определенное и прочное представление о политической неблагонадежности и злобредности поэтического таланта Пушкина, можно оценить, вспомнив, кто были членами комиссии. Все это люди, которым суждена была огромная роль в правительстве Николая I, которые были облечены полным доверием и имели большое влияние на него, с которыми Пушкину в последующей его жизни случалось приходиться нередко в соприкосновение далеко не дружественного характера. И прежде всего надо упомянуть об А. Х. Бенкендорфе. Проявлявшаяся им кипучая деятельность в комиссии выделила его и навсегда сблизила с Николаем I. Никто так остро не ощутил всего смысла борьбы с мыслью и словом, как он и Николай I, и никто более его не потрудился на этом поприще. Нелишне отметить, что в самом же начале действий комитета на него был возложен разбор бумаг, взятых во время обысков. За Бенкендорфом идут великий князь

Михаил Павлович, недружелюбие которого к Пушкину может быть засвидетельствовано документально; начальник главного штаба Дибич, дежурный генерал (по секретной части) Потапов, кн. А. Н. Голицын (ему не могли быть безызвестны «пушкинские» эпиграммы на него)¹⁷, генералы Голенищев-Кутузов, Левашев и Чернышев — все представители высшей и влиятельной бюрократии, задававшие тон и мнениям и поведению сановного мира*. Все они (не исключая и царя) были беспечны по части литературы, и можно сказать, что Пушкин-поэт для них не существовал, а был только вольнодумец и политически неблагонадежный человек. Из этих-то отношений, создавшихся в первой половине 1826 г., и надо исходить при оценке политического положения Пушкина в царствование Николая I.

Дополнение к данным, полученным официально из показаний привлеченных к делу, и укрепление создавшегося о Пушкине представления приносили доносы. Всегда была обильна доносами русская земля, а в то время доносительство достигло степеней чрезвычайных**. Во все концы России были разосланы офицеры, преимущественно флигель-адъютанты, для собирания под рукой доносов и сведений, не укрываются ли еще где-нибудь гидра революции и остатки вольного духа. Все эти посланцы представляли рапорты и донесения о положении дел в губерниях, университетах и т. д. К сожалению, обо всем этом мы очень мало знаем; обрывки донесений встречаются в деле следственной комиссии, но полного их собрания у нас еще нет. Был послан такой соглядатай и в прибалтийский край, в область управления эстляндского генерал-губернатора Паулуччи. Проезжая через Псков, этот агент собрал сведения о Пушкине. Но донесение в общем было благоприятно для Пушкина***.

* Председателем комиссии был военный министр Татищев. Из чиновников комиссии надо упомянуть об А. А. Ивановском, который впоследствии по должности своей в III Отделении объяснялся с Пушкиным.

** Любопытные образцы доносов приведены у Н. К. Шильдера «Император Николай Первый. Его жизнь и царствование». СПб., 1903, т. I, с. 426—530 и в примечаниях, с. 541—542.

*** Анненков слышал о посылке «особенного агента в начале 1826 года, с поручением объехать несколько западных губерний для узнавания местных злоупотреблений и, при проезде через Псков, собрать точные и положительные сведения о самом поэте, что по связям последнего со многими декабристами было тогда мерой, входившей в общий порядок начатого следствия над заговорщиками». Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. 1799—1826 гг. СПб., 1874, с. 320. В 1918 году было опубликовано А. А. Шиловым [«К биографии Пушкина. Секретное расследование 1826 г. о «поступках известного стихотворца Пушкина, подозреваемого в возбуждении крестьян к вольно-

А что Пушкин в глазах высших представителей власти был действительно опасным человеком, об этом свидетельствует дознание о связях учителя Плетнева с литератором Пушкиным, произведенное вне следственной комиссии, но, очевидно, находящееся в (неясной еще для нас) связи с ходом следствия¹⁸. Дознание это приходится как раз на то время, когда комиссия занималась расследованием по сообщению Поджио и Пыхачева. Отметим также и то, что все лица, принимавшие участие в этом дознании, состояли членами следственной комиссии. Первый документ, который мы имеем, относится к 4 апреля. Это — составленная, очевидно, на основании перлюстрированных писем, записка дежурного генерала Потапова, сообщающая о проекте издания «Цыган» и о том, что по сему предмету комиссионером является Плетнев. Эта записка была препровождена начальником главного штаба Дибичем петербургскому генерал-губернатору П. В. Голенищеву-Кутузову, который должен был дать объяснения по этой записке. 16 апреля последний отправил объяснительную записку, изложив в ней историю составления рукописи «Цыган»¹⁹ и характеристику Плетнева. «Плетнев — поведения весьма хорошего, характера тихого и даже робкого... особенных связей с Пушкиным не имеет, а знаком с ним как литератор. Входя в бедное положение Пушкина, он по просьбе его отдает по комиссии на продажу напечатанные его сочинения, и вырученные деньги или купленные на них книги и вещи пересылает к нему». Совершенно ясно было, что в отношениях Плетнева и Пушкина нет и намек на какую-либо злокозненность, но все дело было доложено императору, и он повелел Голенищеву-Кутузову «усугубить все возможное старание узнать достоверно, по каким точно связям знаком Плетнев с Пушкиным и берет на себя ходатайство по сочинениям его, и ...приказать иметь за ним ближайший надзор». Об этой высочайшей воле Дибич сообщил Голенищеву-Кутузову 23 апреля. А 29 мая последний доносил об исполнении повеления и о результатах сугубого надзора. «Плетнев действительно не имеет особенных связей с Пушкиным, а только по просьбе г. Жуковского смотрел за печатанием сочинений Пушкина и вырученные за продажу оных деньгами пересылал к нему, но и сего он ныне не делает и совершенно прекратил всякую с ним переписку»*.

сти». — *Ред.*] в журнале «Былое» (1918, № 2(30), с. 67—77) донесение агента, посланного генералом Виттом, Бошняка, известного провокатора по делу южных декабристов. Ср. работу Б. Л. Модзалевского «Пушкин под тайным надзором». Очерк, 3-е изд. Пг., 1925.

* Документы о связях Плетнева и Пушкина напечатаны в «Русской старине» (1899, № 5, с. 509—510) и в книге Я. К. Грота «Пушкин и его

Так вот какой неблагонадежный и опасный человек был Пушкин, если даже богобоязненный и скромнейший Плетнев попал из-за невинных сношений с ним под секретный надзор.

Теперь понятно, почему друзья Пушкина советовали ему тихо жить в деревне и не возбуждать никаких просьб. Слишком несвоевременной оказалась бы попытка просить об освобождении от наказания в тот момент, когда Пушкин на волосок висел от новых кар и нового усугубления своей участи. Отголоском суждений о Пушкине в высоких петербургских сферах служит письмо Жуковского от 12 апреля. «Что могу тебе сказать насчет твоего желания покинуть деревню? В теперешних обстоятельствах нет никакой возможности ничего сделать в твою пользу. Всего благоразумнее для тебя остаться покойно в деревне, не напоминать о себе и писать, *но писать для славы*. Дай пройти несчастному этому времени... Ты ни в чем не замешан — это правда. Но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством. Ты знаешь, как я люблю твою музу и как дорожу твоею *благодарноприобретенною* славой: ибо умею уважать Поэзию и знаю, что ты рожден быть великим поэтом и мог бы быть честью и драгоценностью России. Но я ненавижу все, что ты написал возмутительного для порядка и нравственности. Наши отроки (то есть все зреющее поколение) при плохом воспитании, которое не дает им никакой подпоры для жизни, познакомились с твоими буйными, одетыми прелестью поэзии мыслями; ты уже многим нанес вред неисцелимый. Это должно заставить тебя трепетать. Талант ничто. Главное: величие нравственное... не просись в Петербург. Еще не время. Пиши Годунова и подобное: они отворят дверь свободы...»²¹

Для нас ясно, что такое письмо могло бы быть написано только на основании бесед с кем-либо из членов комиссии: до того верно оно передает те их впечатления и настроения, о ко-

лицейские товарищи и наставники» (Изд. 2-е, доп. СПб., 1899, с. 255—256). Дознание было вчинено на основании перлюстрации писем. Вообще трудно допустить, чтобы письма Пушкина в это тревожное время не проматривались, но явное доказательство мы находим в самой же «Записке» Голенищева-Кутузова, который пишет: «относительно трагедии «Борис Годунов» известно, что Пушкин писал к Жуковскому, что она не прежде им выдана будет в свет, как по снятии с него запрещения выезжать в столицу». Письма Пушкина к Жуковскому с подобной фразой мы не имеем в «Переписке» Пушкина. (В письме к Плетневу от 3 марта есть подходящее сообщение.)²⁰ Очевидно, сведения Голенищева-Кутузова идут из перлюстрации. До нас не дошло известий, как подействовала вся эта история на Плетнева, конечно, осведомленного о ней; но в «переписке» за 1826 год письма Плетнева обрываются на письме от 14 апреля. Впрочем, может быть, они случайно лишь не дошли до нас.

торых мы писали раньше. Конечно, Жуковский мог знать, что делалось в комиссии относительно Пушкина, хотя бы от своего друга Д. Н. Блудова, который в это время уже работал на основании всех следственных материалов над составлением донесения. Значительная фраза «Пушкин уже многим нанес вред неисцелимый» не принадлежит Жуковскому, который не располагал материалами для подобного суждения. Она сказана тем, кто слышал или читал многочисленные признания о губительном действии вольнодумной поэзии Пушкина. Можно даже предположить, что это письмо — отголосок разговоров Жуковского с самим Николаем Павловичем. Тут намечен и тот мотив, который выставляли друзья, хлопотавшие об освобождении: «Пушкин — великий поэт, честь и драгоценность России». Лично для Николая I этот мотив, конечно, не имел душевной убедительности: и Рылеев был поэт*. Поэзия, литература, искусство не имели в его глазах никакой абсолютной ценности: даже из стыдливого изложения Н. К. Шильдера мы видим, насколько Николай Павлович по условиям воспитания и образования не мог воспринимать красот поэзии и искусства. Но такие люди, как Карамзин и Жуковский, говорили об абсолютной ценности творчества, о необходимости охранения его; указывали, наконец, что художественная деятельность Пушкина — честь и великое сокровище России²². Из их убеждений Николай Павлович мог вывести хоть то заключение, что поэзия и поэты — одно из принятых при дворах королей и монархов украшений. А по части украшений своего царствования он был очень заботлив. Но если желание сохранить блестящее украшение своего царствования и могло быть сильно в Николае Павловиче, то все-таки первой задачей было устранение, уничтожение навсегда источника дерзкого вольномыслия. Мы уже указывали на то, что борьба с вредностью идей требовала особых путей. Положение дел подсказывало вывод: Пушкина нужно было поставить в такое положение, чтобы он сам искренно отказался писать против правительства.

Друзья Пушкина взяли на себя заботу подготовить к этому поэту. Уже в письме Жуковского намечался этот путь освобождения, а Вяземский 12 июня давал из Петербурга следующую совет: «на твоём месте написал бы я письмо к госу-

* Совершенно ложное известие подложных записок А. О. Смирновой²³ о том, будто бы Николай I не знал, что Рылеев — поэт и сказал Жуковскому: «я жалею, что не знал о том, что Рылеев талантливый поэт; мы еще недостаточно богаты талантами, чтобы терять их». Документы следственной комиссии не допускают даже мысли о подобной неосведомленности Николая Павловича.

дарю искреннее, убедительное: сознался бы в шалостях языка и пера с указанием, однако же, что поступки твои не были сообщниками твоих слов, ибо ты остался цел и невредим в общую бурю; обещал бы держать впредь язык и перо на привязи, посвящая все время свое на одни занятия, которые могут быть признаваемы (а душе всего сдержал бы свое слово) и просил бы дозволения ехать лечиться в Петерб<ург>, Москву или чужие края»²⁴. Этот совет не принадлежал единолично Вяземскому: он был коллективным мнением друзей, хлопотавших за Пушкина. Еще до получения этого письма Вяземского Пушкин отправил прошение государю, написанное в духе советов друзей. «С надеждой на великодушные В<ашего> и <мператорского> в<еличества>, — писал Пушкин, — с истинным раскаянием и с твердым намерением не противуречить моими мнениями общепринятому порядку (в чем и готов обязаться подпискою и честным словом), решился я прибегнуть к В. И. В. со всеподданнейшею моею просьбою... Осмеливаюсь всеподданнейше просить позволения ехать для сего или в Москву, или в Петербург, или в чужие края»²⁵. Ход этому прошению, отправленному псковскому гражданскому губернатору²⁶, был дан эстляндским генерал-губернатором маркизом Паулуччи. 30 июля Паулуччи препроводил прошение Пушкина графу Нессельроде, «побуждаюсь в уважение приносимого им раскаяния и обязательства никогда не противуречить своим мнением общепринятому порядку»*.

Так обстояли дела Пушкина у Николая Павловича и высшего правительства в первую половину 1826 года. Настроение царя и влиятельных сановников было резко враждебно по отношению к Пушкину...

II

С самого начала действий следственной комиссии Николай Павлович обратил внимание на негодность высшей и тайной полиции и поставил своей задачей реорганизовать ее. Существенные услуги оказал ему А. Х. Бенкендорф. Уже в январе 1826 года он подал Николаю первый проект министерства полиции, за ним последовали дополнительные и разъяснительные записки. «Император Николай, — пишет Бенкендорф в своих записках, — стремился к искоренению злоупот-

* Шильдер Н. К. Император Николай, жизнь и царствование. СПб., 1903, т. I, с. 465—466. [Ошибка: следует — Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., «Прибой», 1929, с. 346. В подлиннике подчеркнуто карандашом неизвестно чьей рукой.— Примеч. П. В. Анненкова.— *Ред.*]

реблений, вкравшихся во многие части управления, и убедился из внезапно открытого заговора, обогрившего кровью первые минуты нового царствования, в необходимости повсеместного, более бдительного надзора, который окончательно стекался бы в одно средоточие; государь избрал меня для образования высшей полиции, которая бы покровительствовала утесненным и наблюдала за злоумышлениями и людьми, к ним склонными. Число последних возросло до ужасающей степени с тех пор, как множество французских искателей приключений, овладев у нас воспитанием юношества, занесли в Россию революционные начала своего отечества, и еще более со времени последней войны, через сближение наших молодых офицеров с либералами тех стран Европы, куда заводили нас наши победы...

Решено было учредить под моим начальством корпус жандармов. Всю империю разделили в сем отношении на семь округов; каждый округ подчинен генералу, и в каждую губернию назначено по одному штаб-офицеру... Учрежденное в то же время Третье Отделение собственной е<го> и<мператорского> в<еличества> канцелярии представляло под моим начальством средоточие этого нового управления и вместе высшей секретной полиции, которая, в лице тайных агентов, должна была помогать и способствовать действиям жандармов»*.

25 июня 1826 года Бенкендорф был назначен шефом жандармов и командующим императорской главной квартирой; 3 июля взамен особой канцелярии министерства внутренних дел было образовано Третье отделение собственной е. и. в. канцелярии, а Бенкендорф был назначен главноуправляющим этим отделением. Нет сомнения, что фактически готовиться к этой службе Бенкендорф начал гораздо раньше только что названных официальных событий. Ведь помимо общей задачи вытравить малейшие остатки духа 14 декабря 1825 года была и очень важная частная. Предстояла коронация в Москве, а перепуганному Николаю Павловичу и его высшему правительству все казалось, что злоумышленники могут устроить какие-либо неприятности — от манифестаций до покушений. Нужно было принять меры к тому, чтобы торжественное событие прошло совершенно гладко, чтобы ни один дерзкий возглас, ни один пущенный темный слух не омрачил спокойствие этих месяцев. Организацией секретного надзора на этот

* [Шильдер Н. К. Император Николай Первый, т. I, с. 465—466. Разрядка Н. К. Шильдера.— *Ред.*] Об этом см. новые данные в книге Б. Л. Модзалевского «Пушкин», с. 92—94.

случай и занялся Бенкендорф еще в то время, когда он не носил никакого официального соответствующего звания. Надлежало наметить людей, выбрать помощников, создать штаты агентов. Тут подвернулся ему генерал-майор И. Н. Скобелев, с 1818 года занимавший место генерал-полицмейстера 1-й армии (а в 1824 г. назначенный к генерал-прокурору Балашову, генерал-губернатору пяти губерний) и специализовавшийся на политических доносах. Это был истый доносчик со всеми яркими и пахучими чертами этого типа. Его невежество и до сих пор бьет в нос; его бумаги, безграмотные до забавности, писанные елейным стилем, можно бы и теперь приводить как примеры на доносы; свое предательство и невежество он старался осветить светом любви к отечеству и преданности престолу, тогда как в сущности, как это обычно в таких случаях, в нем лишь проявлялось узкоумие и копеечное корыстолюбие. Одержимый манией доносительства, от доносов на мелких обывателей, писателей, офицеров он перешел к доносам на лиц чиновных и сановных, на первейших вельмож, вроде Голицына, Закревского, Мордвинова, и кончил тем, что написал донос на своего ближайшего и непосредственного начальника — бывшего министра полиции генерал-адъютанта Балашова. Эту одержимость можно было бы считать прямо болезненным явлением, если бы, впрочем, по мере достижения мест и чинов не утихала энергия доносительства и шпионства: известно, что И. Н. Скобелев скончался в чине полного генерала на должности коменданта петербургской крепости, «окруженный всеобщим почтением и обласканный благоволением императора»*.

Сам ли Скобелев предложил Бенкендорфу свои услуги, или же Бенкендорф, наслышавшись, призвал его к службе, но только сохранилась следующая записка от 11 апреля 1826 года (на французском языке): «Ген<ерал> Скобелев был у меня; кажется, что он как нельзя лучше понимает свойства и важность поручений, на него возложенных. Он рекомендовал мне Фрейганга и еще 7 других из его чиновников; я буду иметь о них попечение и к маю месяцу пошлю их в Москву». А сам Скобелев, крайне желая попасть на службу, в патриархальных выражениях писал Бенкендорфу: «Повергая в начальниче вашего превосходительства покровительство кол<лежского> сов<етника> Фрейганга и всех добрых сотруд-

* Об И. Н. Скобелеве есть работа И. А. Кубасова (Иван Никитич Скобелев. Опыт характеристики. СПб., 1900, и в «Русской старине», 1900, № 2, 3). К сожалению, автор характеристики совершенно не останавливается как раз на самой характерной особенности этого доносчика, сохранявшего столь патриархальный вид.

ников моих, коим, по похвальной цели и поведению рвения, усердия и любви к престолу преисполненному, не могу дать другого имени.

Желаю всем сердцем, чтобы полиция, как спасательная система монархии и полезнейший бальзам к излечению недугов ее, восприняла благие начала в особе вашей. Желаю вместе, чтобы чины, в состав полиции поступить имеющие, даром души и сердца отвечали достоинствам сей службы в равномерной цене, какую дознал я на самом опыте в представляемых при сем. Желаю, наконец, чтобы при действиях ко благу общему возникающей полиции, добрые, не опасаясь подлой клеветы, спали в объятиях покоя, а бездельники, соскуча трепетать, обращались на путь чести. Достигнув сей точки славы, душевная благодарность верных сынов России будет неразлучным спутником вашим и за пределы жизни; а до того, следуя уважения достойному примеру, в вашем превосходительстве вчера мною замеченному, я, до окончания коронации, буду полицейским в полном смысле слова, и признаюсь, что вместе с вами вижу в том крайность, обязывающую меня покорнейше просить об отправлении сих чиновников в Москву к 10 числу будущего месяца, дабы к прибытию вашему успел я, по мере возможности, ввести порядок, к предупреждению зла служить могущий, и познакомить вас со всем тем, что к сведению вашему будет необходимым*.

Читая эти высокопарные фразы, только удивляешься; вся эта напыщенность и торжественность тратилась только для того, чтобы поставить на службу сыщиков, а самому пройти в должность их начальника!

А 7 апреля Скобелев вновь докладывал Бенкендорфу: «если справедливо, что неблагонамеренные люди (как извещен я), при неудачах произвесть какой-либо комераж в столицах, обратились к поселянам и партизанют... то все чаяния мои и опасения оправдываются, а уверяющие в совершенном спокойствии должны бы краснеть (разумея под сим неопытностью)»**.

Итак, Скобелев и его добрые сотрудники прибыли в Москву и начали действовать против злоумышленников и коварных предприятий в Первопрестольной, приуготавливая ее к коронации. Нечего говорить, что о каких-либо «комеражах» в Москве не было и помину, а злонамеренные люди были тише воды, ниже травы. Но как бы там ни было, Скобелев, рисовавший столь страшные картины возможных потрясений,

* Русская старина, 1886, № 12, с. 583—584.

** Там же, с. 584.

должен был проявлять свою деятельность, ибо вечная цель шпиона и агента — не дать поселиться в лицах, власть имеющих, уверенности в совершенном спокойствии. С этой целью, за отсутствием проявлений злоумышленной деятельности, дела создаются искусственно. Так поступил и Скобелев, создав громкое дело о распространении стихов Пушкина из элегии «Андрей Шенье» и предсмертного письма Рыльева,— дело, которое разыгрывалось довольно сильно на протяжении двух лет. Быть может, Скобелев ухватился с особенным старанием за это дело, потому что тут был замешан Пушкин, который уже не первый раз являлся предметом его злобного доношения. Еще в 1824 году, когда успехи генерала по службе сильно пошатнулись и он поневоле должен был привыкать «к имени человека, через праздность ничтожного», он задумал поправить свои дела доносом на Пушкина, в это время жившего в Одессе. Докладывая о стихах, приписанных Пушкину («Мысль о свободе»), Скобелев 17 января 1824 года рапортовал: «не лучше ли бы было оному Пушкину, который изрядные дарования свои употребил в явное зло, запретить издавать развратные стихотворения? Не соблазн ли они для людей, к воспитанию коих приобщено спасительное попечение?.. Если бы сочинитель вредных пасквилей (Пушкин) немедленно, в награду, лишился нескольких клочков шкуры — было бы лучше. На что снисхождение к человеку, над коим общий глас благомыслящих граждан делает строгий приговор? Один пример больше бы сформировал пользы; но сколько же напротив водворится вреда — неуместною к негодям нежностью! Можно смело ручаться, что многие из порядочных людей без соболезнования решились бы удавить детей равномерно развратных, следовательно, большой еще перевес на стороне благочестия,— надобно только зло умерщвлять в начале рождения его»*.

Можно себе представить, как воспрянул духом Скобелев, когда его соглядатаи донесли ему, что в Москве по рукам ходит новый пасквиль вертопраха, да еще озаглавленный «на 14 декабря». Один из его «добрых сотрудников», помещик Коноплев (он же чиновник 14 класса), узнал, что преступные стихи имеются у его приятеля Леопольдова. Леопольдов в этом году только что завершил свое университетское образование. Это был очень бойкий молодой человек. Еще будучи студентом, он уже был определен надзирателем в университетский благородный пансион. Начальство к нему благово-

* [Петров А. Н. Скобелев и Пушкин].— Русская старина, 1871. № 12, с. 670, 672.

лило, профессора оказывали ему внимание или, как он выражался, «мои наставники-старцы въявь при сверстниках указывали мне дорогу». Смышленный и способный Леопольдов занимался и литературой, печатая кое-что в московских журналах²⁷. Преподавая в частных домах, он завязал связи с хорошими московскими семьями. Вообще он был типичным представителем мелкого разночинного и интеллигентного круга. За слоем известных писателей, тоже людей богатых или родовитых, за немногочисленным кругом европейски образованных сановников стояла толпа, читавшая писателей, критиковавшая правительство и порядки, усваивавшая и по-своему переделывавшая оппозиционное настроение верхних слоев. Это были мелкие дворяне; разночинцы, выходящие в люди; офицерская молодежь средней руки, по большей части специальных родов оружия; мелкие чиновники, канцеляристы. После того, как ушли со сцены декабристы, эти русские граждане, плохо понимавшие и не стойко защищавшие свои права, явились хранителями революционной идеи, критиками грозного Николая, смелыми на язык и робкими в расправе; они хранили и питали легенду о том, что тайный комитет декабристов не уничтожен, а в нужное время обнаружится; они устраивали кружки и общества и имитировали заговорщицкую деятельность, тяжело расплачиваясь за эту свою работу, ни в каких реальных ценностях не выражавшуюся. Принято думать, что возбуждение и возмущение духа оппозиции было убито без остатков после 14 декабря, что оппозиционная мысль была тогда же уничтожена и только спустя десять лет она возродилась. Это утверждение неправильно, ибо она, оппозиционная мысль, все время тлела в жалких для нас распространителях пасквильных стихов; в кружках, из которых «добрые сотрудники» устраивали тайные злоумышленные общества (дело Ипполита Завалишина в Оренбурге)²⁸, в группах студенческой молодежи, устраивавших университетские истории и задумывавшихся над общественным устройством²⁹. Если в самом верху нашей интеллигенции шла теоретическая выработка основных принципов борьбы, то тут, в этих низах, в формах, смешных и жалких, проявлялось действие, осуществлялись попытки фактической борьбы.

В таких-то кругах в Москве в 1826 году бурлила жизнь. Как раз в это время молодой студент университета Полежаев пускал в свет своего «Сашку» и другие плоды своей музыки, которые были тоже своеобразным бунтом против общепринятой морали и устоев³⁰. В этой среде распространились запретные строфы стихотворения Пушкина «Андрей Шенье в темнице». Оно написано Пушкиным в январе 1825 года и напечатано

впервые в собрании стихотворений, которое появилось в первой половине января следующего года. Цензурное же разрешение дано 8 октября 1825 года. В мае этого года Пушкин в письме спрашивал Вяземского: «читал ли ты моего А. Шенье в темнице? Суди об нем, как иезуит — по намерению»³¹. Эта элегия имеет важнейшее значение в развитии творчества и мирозерцания Пушкина, но в настоящее время в нашу задачу не входит исследование «намерений» поэта, ибо его скрытые намерения были ни при чем в возникновении интереса к этому стихотворению. Цензура не пропустила целиком элегии, но непропущенные строфы распространились, получили широкую известность, а после событий 14 декабря были приурочены к этому восстанию. В той предсмертной песне, которую Пушкин вложил в уста Шенье в темнице, были стихи, фразы и слова, которые подходили к современному положению:

Я зрел твоих сынов гражданскую отвагу,
Я слышал...
...самовластия бестрепетный ответ

Все это было отнесено к восстанию на Сенатской площади. А изображение состояния общества после гибельно окончившейся попытки, погасившей мечты о царстве свободы, русские читатели того времени усматривали в стихах:

И мы воскликнули: Блаженство!..
О горе! о безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари! О ужас, о позор!..

После 13 июля 1826 года, дня казни пяти декабристов, неслыханно дерзким казалось это название в приложении к Николаю I и его главным помощникам. Понятно их негодование, когда эти строфы с заголовком на 14 декабря попались в их руки. А Пушкин убийцей и палачами называл всего-навсего Робеспьера и Конвент. Так против смысла стихотворения, вопреки какому-либо желанию автора, произошло приурочение их к 14 декабря русским читателем; но в этом нет ничего диковинного, если русские вольнодумцы в конце первой четверти XIX века вычитывали намеки на современность в «шутко-трагедии» И. А. Крылова «Трумф», которая, как известно, написана была в 1800 году³².

История распространения списка со стихами Пушкина, как она выясняется из следственных документов, относит начало этого распространения к штабс-капитану лейб-гвардии

конно-егерского полка Александру Ильичу Алексееву*. Откуда же получил он запретный отрывок, остается невыясненным. На следствии Алексей показал, что он получил эти стихи в октябре или ноябре 1825 года в Москве, но от кого, не помнит. Правительство употребило меры, чтобы заставить его сказать, кто ему дал стихи. Убеждал его сознаться и Дибич и Потапов; из тюрьмы привозили его домой к больному отцу. Отец грозил ему проклятием, если он не откроет, от кого получил рукописи. Запирательство ухудшило его положение, но другого показания он не дал: «как ни был он тронут, как ни плакал, а все утверждал, что не помнит». Этот Алексей по тому, как он держался на следствии, производит приятное впечатление. Он был сын известного генерала Ильи Ивановича Алексеева и Натальи Филипповны, урожд. Вигель и, следовательно, приходился племянником известному Ф. Ф. Вигелю, автору «Записок». Его дядя оставил в «Записках» его характеристику. А. И. Алексей учился в пажеском корпусе и был выпущен в военную службу в 1819 году, 19 лет от роду. Благодаря высокому положению отца и его связям, благодаря собственной ловкости и умению расположить к себе начальство он легко делал свою карьеру. В 1826 году — 26 лет от роду — он был штабс-капитаном л.-гв. конно-егерского полка, стоявшего в Новгороде, но он мало жил в полку, часто бывал в Петербурге и у своих домашних в Москве. Обладая счастливой наружностью, он пользовался успехом у женщин и был желанным танцором на балу у Алексея Михайловича Пушкина**, родственника поэта. В феврале 1826 года А. И. Алексей находился в Новгороде. К нему зашел прапорщик конно-пионерного эскадрона Молчанов, приходивший с ремонтом

* См. перепечатанное дальше наше сообщение «Пушкин в политическом процессе 1826—1828 гг.». Там изложены данные следствия.

** В этом доме А. И. Алексей мог много слышать о Пушкине; кроме того был и еще источник, через который могли доходить рассказы о Пушкине. В это время командиром эскадрона лейб-гвардии конно-егерского полка, стоявшего в Новгороде, был Павел Иванович Павлищев (Павлищев в Л. Воспоминания об А. С. Пушкине, М. 1890, с. 45—46). Его брат, Николай Иванович, впоследствии женился на сестре Пушкина³³. О нем писала Анна Николаевна Вульф в письме к Пушкину от 20 апреля 1826 года из Малинников: «Il nous est arrivé encore de Novgorod un aimable jeune homme Mr. Pavlichteff, un grand musicien; il m'a dit qu'il vous connaissait» (XIII, 274, 555). Пер.: «К нам еще также приехал из Новгорода любезный молодой человек, господин Павлищев, способный музыкант; он мне сказал, что он вас знает» (*франц.*). — *Ред.* Любопытно отметить, что Пав<ел> Ив<анович> Павлищев был одним из судей (ассессоров) в той комиссии, которая судила Алексеева, посылала допросы Пушкину и т. д.

в Петербург*. Зашел разговор о стихах Пушкина, и Алексеев сообщил, что у него есть последнее его сочинение, и показал ему запрещенные строфы из элегии «А. Шенье». Молчанов выпросил у него этот список для того, чтобы переписать стихи для себя. С тех пор Алексеев уже не видал этого собственноручно им сделанного списка. Молчанов не вернул его, а увез с собою. В Москве в июле месяце увидал у него стихи «русский учитель» Леопольдов и попросил тоже списать. Выпустив из своих рук список Алексеева, Молчанов не получил его обратно. Неясно, с каким умыслом доставал эти стихи Леопольдов. На следствии он (может быть, желая оправдаться) показывал, что если он и не представил их своевременно по начальству, то только потому, что высшее начальство в это время по случаю предстоящей коронации переезжало из Петербурга в Москву и было нелегко находимо, а кроме того, он хотел поточнее разузнать, кто распускал подобные стихи. Но Леопольдов знал, чем занимался его знакомец, калужский помещик 14-го класса, Коноплев, которому он передал стихи: «передача же, — показывал он на суде, — или временное оставление мое оных стихов у одного знаконца, через которого обнаружались оные пред правительством, известны высокому начальству, которое положило начало сему делу». Как бы там ни было, но Леопольдов аккуратненько переписал стихи на лист бумаги и тут же на листе прибавил к ним копию предсмертного письма Рылеева, которое получило широкую известность в то время. И до сих пор попадает еще немало современных списков письма. В Москву это письмо пришло очень скоро после смерти Рылеева вместе с прибывшими из Петербурга чинами, писцами и т. д. Переписанное им он вручил Коноплеву. По всей вероятности, Леопольдов в это время недумал, что придется выдавать лиц, сообщивших ему эти стихи, а просто желал и сам выиграть что-либо своим сообщением, и дать выслужиться своему знакомцу Коноплеву. Коноплев же полагал, что в силу своей службы по секретным поручениям при генерале Скобелеве он останется неназванным во всей этой истории и в стороне от всяких следствий. По крайней мере, представляя Скобелеву стихи Пушкина, он не считал нужным рассказывать, от кого он их получил, да и генерал Скобелев тоже не интересовался. Для него было важно лишь одно обстоятельство, что стихи эти принадлежат перу Пушкина; Скобелев полагал, что ответчиком за эти стихи явится один Пушкин. Таким образом, снова Пушкин был близок к беде.

* Едва ли не брат Молчанова, привлекавшегося по делу о восстании Черниговского полка.

13 июля были повешены декабристы. 14 июля совершен очистительный молебен, а затем царь, двор, министры выехали в Москву. 20 июля Николай Павлович приехал в Москву; 24 состоялся торжественный въезд, а затем до 22 августа — дня коронации — царь предавался главным образом смотрам, маневрам, не переставая заниматься и государственными делами, среди них теми, которые задерживались до окончания следствия и суда над декабристами.

В начале августа (до маневров, бывших 17, 18 августа)* Скобелев, по болезни не выходявший из дома, препроводил стихи Пушкина к Бенкендорфу. Не сохранилось препроводительной бумаги Скобелева, но из последовавших за ней запросов видно, что Скобелев не останавливался на вопросах о распространении, ограничившись сообщением ненавистного ему имени автора. Когда он, Бенкендорф, прочел в бумаге Скобелева, что это стихи Пушкина, он вспомнил, очевидно, то впечатление о Пушкине, которое создано в следственной комиссии. Не имея возможности «по причине крайнего недостатка времени и предстоящих маневров» побывать у больного Скобелева и лично объясниться, он попросил его запиской разрешить некоторые сомнения. И первый вопрос, обращенный к Скобелеву — «какой это Пушкин, тот ли самый, который живет во Пскове, известный сочинитель вольных стихов?» «Если не тот, — был другой вопрос, — то кто именно, где служит и где живет?» Наконец, третье: «Стихи сии самим ли Пушкиным подписаны и не подделана ли подпись под чужое имя? также тот лист, на котором они сообщены генерал-адъютанту Бенкендорфу, суть ли подлинной или копия с подлинного? где подлинник находится и через кого именно они доставлены к вашему превосходительству?» На первые два вопроса Скобелев собственноручно писал: «Мне сказано, что тот который писать подобные стихи имеет уже запрещение, но отослан к отцу его». На третий вопрос Скобелев ответил: «Я представил копию, которая писана рукою моего чиновника, подлинная говорят прислана из Петербурха, о чем вернее объяснит чиновник коего буду иметь честь представить**.

* Schiemanн Th. Geschichte Russlands unter Kaiser Nicolaus I. Bd. II. Vom Tode Alexander I bis zur Juli-Revolution. Berlin, 1908, S. 149. Пер.: Шьяманн Т. История России в царствование императора Николая I. Том II. От смерти Александра I до июльской революции. Берлин, 1908, с. 149 (нем.). — *Ред.*

** Этой запиской с вопросами Бенкендорфа и ответами Скобелева на-

Бенкендорф обратил особое внимание на это дело хотя бы уж в силу одного того соображения, что оно было одним из первых в практике новорожденного III Отделения, бывшего под его начальством. Понятно, ему хотелось провести его возможно тщательнее. Кроме этого, не мог не поразить его самый тон стихов, приуроченных к 14 декабря. По характерному выражению Леопольдова: «увидав стихи, подумали: щука съедена, остались зубы; а потом возбудили вопрос: не остаток ли это духа недавно у нас погашенной булги»*. Поэтому он и поспешил выяснить, кто участвовал в распространении. Сообщение же об авторе стихов приобретало особое значение ввиду того, что об освобождении автора хлопотали у государя, что автор сам, заявляя о раскаянии, просил о милости во всеподданнейшем прошении. Отметим, что прошение Пушкина только 30 июля было отправлено маркизом Паулуччи к министру иностранных дел Нессельроде. В то время, когда началось дело о стихах «Шенье», прошение — надо думать — было накануне доклада. По получении в Москве, оно было передано начальнику главного штаба и позднее им же доложено. Бенкендорф не мог не знать этих обстоятельств.

Скобелев направил к Бенкендорфу своего «добротного сотрудника» Коноплева. Он не ожидал подобного оборота дела, потому что, получив от Леопольдова рукопись со стихами, он не спросил его, от кого он получил их, и поэтому не мог удовлетворить любопытству Бенкендорфа. Ему он мог только донести, что стихи списаны для него Леопольдовым. А Леопольдов в это время уже не было в Москве: получив кандидатский аттестат, он уехал к себе на родину в Саратовскую губернию. 21 августа Коноплев получил от Скобелева приказание «в тот же час отправиться для отыскания г. Леопольдова и отобрания от него инкогнито, от кого он стихи сии получил или сам сочинил». Так впоследствии объяснял Коноплев свои действия по требованию новгородского уездного суда. «Отыскавши Леопольдова,— заканчивал свое объяснение Коноплев,— и отобравши от него сведения, возвратился в Москву и доставил оное г. генерал-майору Скобелеву, который в то же

чинается обширное дело III Отделения о Пушкине (Г. А. III Отд., I эксп., № 62; началось в 1826 году и кончилось в 1854 году). Все дела III Отд. о Пушкине изданы С. Сухоиным, СПб., 1906 г., но в высшей степени не исправно, в чем мы убедились, сверяя его издания с подлинником во время наших занятий в арх. б. департ. полиции. Примером неряшливости может служить как раз записка, о которой идет речь. Правильно она была издана в 1883 году в «Русской старине» (1883, № 6, с. 690—692). См. мою рецензию на изд. Сухоина в «Былом», 1906, № 2, с. 299—301.

* Леопольдов. Автобиография. Рукоп. б. Саратовской ученой архивной комиссии. *Булга* — тревога, беспокойство.

время свез оное к ген.-ад. Бенкендорфу, на другой же день все прикосновенные лица были взяты, а мне объявлена благодарность от начальства».

Задача, возложенная на Коноплева,— разыскание распространителей; но автор был уже назван. Правда, могло еще быть сомнение, не подделка ли имени, но Скобелев утвердил еще раз принадлежность стихов Пушкину. Но если автор действительно Пушкин, сочинитель вольных стихов, являлась сама собой мысль: значит, все преследования его не утомили! значит, одной рукой подписывая прошение о помиловании, другой он пишет проклятия убийце с палачами (это после 13-го-то июля!) значит, его обещание не противоречить общепринятому порядку неискренне! При той близости, которая была между Николаем I и Бенкендорфом; при том усиленном внимании, которое уделял царь любезной его сердцу деятельности III Отделения всегда (а тем более на первых шагах этого учреждения); наконец, при чрезмерно изощренной любви к сыску нельзя допустить предположения, что Бенкендорф не довел до сведения Николая I полученного им доноса Скобелева об авторстве Пушкина. Конечно, он тотчас же доложил об этом царю, перед которым лежала и просьба Пушкина. Для нас ясно, что резолюция, положенная Николаем на прошение Пушкина, находится в связи с возникновением дела о распространении стихов из элегии. Эту резолюцию 28 августа записал начальник главного штаба Дибич так: «Высочайше повелено Пушкина призвать сюда. Для сопровождения его командировать фельдъегеря. Пушкину позволяется ехать в своем экипаже свободно, под надзором фельдъегеря, не в виде арестанта. Пушкину прибыть прямо ко мне. Писать о сем псковскому гражданскому губернатору»³⁴. Мне всегда казалась странной эта резолюция, которую биографы и исследователи считали извещением о помиловании: «Государь излил свою милость, вызвав Пушкина сейчас же после коронации в Москву к себе»,— так пишут биографы. Но стоит прочесть внимательнее резолюцию, и сейчас же бросится в глаза весьма необыкновенная манера призывать человека, на которого собираются излить милосердие и которому разрешается «ехать свободно, под надзором фельдъегеря». Не помилование тут имелось в виду. Пушкин лично перед Николаем I должен был разрешить недоумение, вызываемое авторством стихов «На 14 декабря», и дальнейшая участь его зависела от его ответа. Судьба его висела на волоске, но мы знаем, что ему легко было оправдаться в обвинении, возводимом на него: стоило только указать, что все стихотворение написано им еще до 14 декабря. Для нас очевидно, что подобное объяснение было сделано

Пушкиным перед Николаем и принято во внимание. Только допущением этого факта и может быть объяснена история следствия о распространении стихов в первой стадии процесса (производство в военно-судной комиссии). Правительство проявило чрезвычайную энергию и быстроту в разыскании распространителей и виновников приурочения и чрезмерную жестокость в наказаниях офицерам, признанным в этом виновными. Николай I был хорошо осведомлен о ходе дела о распространении стихов Пушкина*; он сам предписывал быстроту и энергию. Но Пушкин не был потребован к делу в то время, как оно производилось в Москве в военно-судной комиссии. Он был оставлен в стороне. Но как могло бы случиться это, если бы Пушкин не дал нужных разъяснений или если бы эти разъяснения не удовлетворили Николая I? Это противоречило бы истинным традициям сыска; недаром последующие инстанции, производившие дело и не знавшие об объяснениях Пушкина, признавали ненормальным тот факт, что Пушкин не был привлечен к делу, и старались притянуть Пушкина поближе. Пушкин объяснился³⁵ и считал дело поконченным; поэтому, когда его начали в 1827 и 1828 годах беспокоить допросами, он не мог не возмутиться повторением старого и отвечал с излишнею резкостью, которая и была при окончательном решении дела поставлена ему в счет.

В своем изложении мы забежали немного вперед, но мы должны были сделать так, чтобы доказать наше положение: резолюция о вызове Пушкина еще не предвещала помилования; она не была результатом предпринятого определенного решения, благоприятного просьбе поэта. Напротив, окончательное решение откладывалось. Хлопотами Карамзина и Жуковского, желанием сохранить изысканное украшение царствования, наконец, боязнию вызвать отказом вновь к жизни ненавистный источник вольномыслия была подготовлена возможность помилования Пушкина, но возможность вдруг встретила серьезное препятствие — в инциденте со стихами «На 14 декабря». Пушкин сам должен был дать ответ, и оказись, что он действительно в стихах метил на 14 декабря, не тем бы кончилось его «призвание» в Москву. Нам приходится теперь восстанавливать связь увоза Пушкина из Михайловского с делом о стихах на 14 декабря, в славу Николая I порванную биографами, но сохранились современные известия о том, что Пушкин был затребован в Москву именно по этому делу. Таковы были предания Тригорского, о которых сообщает

* Разрядка П. Е. Щеголева.— *Ред.*

М. И. Семевский³⁶. Так рассказывает и Вигель, который мог быть осведомлен о несчастье своего племянника, пострадавшего за распространение стихов Пушкина.

IV

В то время как делали распоряжения о «призыве» Пушкина в Москву, агент Скобелева Коноплев съездил в Сердобский уезд Саратовской губернии, разыскал проживавшего у родителей Леопольдова и узнал от него, что стихи Пушкина были взяты им у прапорщика Молчанова. Леопольдов сейчас же сообразил, что при подобном обороте дела ему не пройдет даром эта история, и отправил Бенкендорфу письмо, в котором доводил до его сведения, что у него имеются преступные стихи и что, очевидно, злоумышления противу правительства не совсем еще истреблены*. Вернувшись в Москву, Коноплев тотчас же доложил полученное им сведение Скобелеву, а тот в то же время «свез оное к генерал-адъютанту Бенкендорфу». Молчанов был разыскан и арестован. В тот самый день, когда Пушкин объяснялся с Николаем Павловичем — 8 сентября, — от Молчанова была отобрана начальником главного штаба следующая подписка:

«Я нижеподписавшийся получил стихи сочинения Пушкина на 14-е декабря от Александра Алексева лейб-гвардии конно-егерского полка шт.-капитана, во время моего возвращения в Петербург с ремонтом в феврале месяце 1826 года».

Итак, в то время как Пушкин, совершенно удовлетворительно объяснивший свою роль в истории со стихами, отстраняется (но — увы! — только на первых порах!) от дознания, правительство с особенным рвением стремится отыскать и наказать распространителей и приспособителей стихотворения к событиям 14 декабря. Молчанов, очевидно, во внимание к его быстрому сознанию, был переведен тотчас же из гвардии (пионерный эскадрон) в армию (нижегородский драгунский полк), но с тем, чтобы до окончания дела он содержался под арестом. Приказ о переводе состоялся 9 сентября. По показанию Молчанова был найден и арестован Алексеев. 16 сентября.

* Когда Леопольдову предъявили обвинение в распространении стихов, он все свое оправдание построил на этом письме к Бенкендорфу. Своевременно-де он донес правительству о том, что у него есть стихи, а если он раньше, до отъезда на родину, не сообщил о них, то это потому, что не знал, где найти начальство, а кроме того, хотел лучше выследить источник распространения. Бенкендорф подтвердил получение им письма от Леопольдова. Совершенно не соответствуют поэтому истине его позднейшие рассказы о том, что он написал Бенкендорфу письмо якобы по просьбе брата Алексева, в защиту последнего.

по высочайшему повелению он был арестованным отправлен в Москву. В Москве его допрашивал начальник штаба И. И. Дибич, и Алексеев, «не отвергая того, что отдал стихи Молчанову, не только не объявил в свое время сочинения сего начальству, как того требовал долг честного и верного офицера и русского дворянина, но, не раскаиваясь в своем поступке, решительно не захотел открыть, от кого он сам получил сии бумаги». Мы уже упоминали, что на Алексеева пытались воздействовать мольбами и проклятием его престарелого отца. Запирательство Алексеева было принято за доказательство намерения «скрыть следы, по которым могли быть открыты злоумышленники, распространяющие подобные сочинения». И Николай Павлович приказал судить Алексеева военным судом с неперемным условием, чтобы суд был окончен в три дня. Уже 25 сентября Дибич передал высочайшее повеление. Со стремительной быстротой в тот же день состоялась военносудная комиссия и через три дня приговорила Алексеева к смертной казни. Стремительность была рассчитана, очевидно, на то, что Алексеев убоится и назовет лицо, от которого он получил стихи. Но он не сделал этого по той простой причине, что не мог вспомнить. Сохранилось следующее известие, записанное А. Я. Булгаковым 30 сентября: «Наташа³⁷ была у Алексеевых и приехала оттуда расплаканная. Бедный отец и мать в прежалком положении; я не понимаю упрямства сына старшего. Может ли быть, чтобы он не помнил, от кого получил стихи эти мерзкие? Отец, к коему был он приведен, угрожал ему проклятием; как ни был он тронут, как ни плакал, а все утверждал, что не помнит. Кажется, это было не 10 лет назад! Все утверждают, что стихи Пушкина, однако же надобно это доказать и его изблечить». А 1 октября Булгаков писал: «Стихи точно Пушкина. Он не только сознался, но и прибавил, что они давно напечатаны в его сочинениях. Тут речь о французской революции, только многое кем-то украшено, с разными прибавлениями, и поставлено заглавие: 14 декабря. Кто этот труд взял на себя — неизвестно, а добираются. Бенкендорф сказывал Брокеру: эти стихи так мерзки, что вы верно выдали бы своего сына сами, ежели бы знали, что он сочинитель»*. По поводу этих сообщений необходимо сделать два замечания. Записи, сделанные 30 сентября и 1 октября, имеют в виду события более ранние, предшествовавшие суду над Алексеевым. Свидание с отцом, убеждавшим его сознаться, происходило до 25 сентября. А из известия о Пушкине

* Русский архив, 1901, кн. II, с. 402—403.

вовсе нельзя извлечь, как это делает В. Я. Брюсов*, указание на то, что в промежуток между 26 и 29 сентября произошел первый допрос Пушкина по делу о стихах. Во всем производстве военно-судной комиссии, пока она заседала в Москве, нет никаких следов допроса Пушкина, да и не могло быть, ибо комиссии приказано было судить только одного Алексеева и не касаться других, да кроме того объяснения, данные Пушкиным Николаю I, совершенно удовлетворили царя и положили конец дознанию о роли Пушкина. Ближайшие помощники царя — Бенкендорф, Дибич, Потапов — конечно, знали об этом, знали и сущность данных Пушкиным объяснений и потому на первых порах, когда везде говорили о милости, оказанной монархом поэту, не считали возможным привлекать Пушкина к ответу. Нельзя не отметить для истории дальнейших отношений Пушкина к Бенкендорфу фразы последнего, приведенной Булгаковым: «Эти стихи так мерзки (это значит: даже и без приурочения к 14 декабря), что вы верно выдали бы своего сына, ежели бы знали, что он сочинитель». Известно, что недоразумения между Пушкиным и Бенкендорфом начались очень скоро после милости — знак, что Бенкендорф и остальные за это время узнали, как на самом деле** смотрел Николай I на Пушкина. О пренебрежительном отношении к поэту Бенкендорф и остальные и помыслить не дерзнули бы, если бы они не почувствовали нот презрения в самом царе, а это пренебрежение, которое даже не всегда считали нужным скрывать под холодно-вежливыми фразами, высказано чуть ли не с первого момента появления Пушкина в московском обществе. Только таким пренебрежением и можно объяснить, что через полтора месяца после прощания Пушкина, 25 октября, Николай I утвердил мнение аудиториацкого департамента по делу Алексеева, а в этом мнении департамент полагал вернуть дело в ту же военно-судную комиссию для дополнения по нескольким пунктам и между прочим для отобрания от Пушкина показания: «им ли сочинены означенные стихи; когда, почему известно ему*** сделалось намерение злоумышленников, в стихах изъясненное; в случае же отрицательства, неизвестно ли ему, кем оные сочинены». Но раз

* [Брюсов В. Я. Сношения Пушкина с правительством]. — Русский архив, 1906, кн. I, № 1—4, с. 327. Домыслы В. Я. Брюсова о днях допроса, о лице допрашивавшем, совершенно не соответствуют действительности.

** Разрядка П. Е. Щеголева. — *Ред.*

*** Комиссия вывела заключение, что стихи были написаны до 14 декабря на основании показания Алексеева, что стихи достались ему в Москве осенью 1825 года.

комиссия отбирала показания у прикосновенных к делу, то по чину она должна была произнести суждение о всех прикосновенных. Таким образом притягивался к делу и Пушкин. 4 ноября великий князь Михаил Павлович, делая распоряжения о продолжении дела, предлагал комиссии уже не только истребовать показание Пушкина, но и в случае надобности доставить в Новгород и его самого. Несмотря на то, что военно-судная комиссия удовлетворилась показаниями Пушкина, он не был освобожден от дела и по окончании ее действий. 25 марта Николай утвердил мнение аудиториата, повторившего сентенцию Михаила Павловича о продолжении следствия в гражданском уголовном суде теперь уже над Леопольдовым, но с вменением суду в обязанность истребовать новые объяснения от Пушкина и, сообразив оные, поступить по законам*. Так с необыкновенной настойчивостью высказывалось истинное мелочно-злое отношение Михаила Павловича и самого Николая I к Пушкину.

* Разрядка П. Е. Щеголева.— *Ред.*

А. С. ПУШКИН В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ 1826—1828 гг.

(ИЗ АРХИВНЫХ РАЗЫСКАНИЙ)*

В январе 1826 года вышли в свет «Стихотворения Александра Пушкина», разрешенные цензурой к выпуску 8 октября 1825 года. В этой книге была напечатана элегия «Андрей Шенье», написанная Пушкиным в январе 1825 года. Элегия была урезана в цензуре, выброшен был следующий отрывок — гимн свободе:

«Приветствую тебя, мое светило!
Я славил твой небесный лик,
Когда он искрою возник,
Когда ты в буре восходило,
Я славил твой священный гром,
Когда он разметал позорную твердыню
И власти древнюю гордыню
Рассеял пеплом и стыдом;
Я зрел твоих сынов гражданскую отвагу,
Я слышал братский их обет,
Великодушную присягу
И самовластия бестрепетный ответ;
Я зрел, как их могучи волны
Все ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибун, предрек, восторга полный,
Перерождение земли.
Уже сиял твой мудрый гений,
Уже в бессмертный Пантеон
Святых изгнанников всходили славны тени,
От пелены предрассуждений
Разоблачался ветхий трон;
Оковы падали, Закон,
На вольность опершись, провозгласил равенство,
И мы воскликнули: Блаженство!
О горе! о безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.

* Эта статья появилась в издании «Пушкин и его современники», вып. XI (были и отдельные оттиски).

Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари! О ужас, о позор!..*

Но ты, священная свобода,
Богиня чистая, нет, — не виновна ты,
В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа,
Сокрылась ты от нас; целебный твой сосуд
Завешен пеленой кровавой:
Но ты придешь опять со мщением и славой,—
И вновь твои враги падут;
Народ, вкусивший раз твой нектар освященный,
Всё ищет вновь упиться им;
Как будто Вакхом разъяренный,
Он бродит жаждою томим;
Так — он найдет тебя. Под сению равенства
В объятиях твоих он сладко отдохнет;
Так бура мрачная минет!..

(II, 398—399)¹

Надо думать, этот отрывок вызвал искреннее негодование цензоров. Весной 1826 года Дельвиг, сообщая Баратынскому о запрещении цензурой нескольких стихов из его поэмы, объяснял свирепость цензуры тем, что «Смерть Андрея Шенье» перебесила цензуру**.

Не пропущенные цензурой стихи разошлись по рукам в списках, а после событий 14 декабря среди читателей нашлись охотники, которые приурочили стихи к трагедии, разыгравшейся на Сенатской площади, находя некоторые фразы и слова соответствующими современному положению. Если при таком приурочении местами выходила явная бессмыслица, но зато некоторые фразы, вроде напечатанных нами разрядкой, звучали крайне резко и дерзко. В конце июля или начале августа 1826 года в то время, когда Николай Павлович с приближенными находился в Москве, готовясь к коронации, агент по секретным поручениям генерала Скобелева, 14-го класса помещик Коноплев, представил своему начальнику список этого не пропущенного отрывка, получившего уже заглавие «На 14 декабря», с прибавлением копии известного предсмертного письма Рылеева к жене². Скобелев доложил стихи Бенкендорфу, начинавшему тогда работать по III Отделению. Началось дело о распространении преступных стихов Пушкина «Андрей Шенье»; к этому делу был привлечен целый ряд лиц, оно прошло несколько стадий — от тайного дознания до об-

* Разрядка П. Е. Щеголева.— *Ред.*

** Сочинения барона А. А. Дельвига [С прилож. биографического очерка, составленного Вал. В. Майковым. Ежемесячное приложение к журналу «Север» за июль 1893 г.— *Ред.*]. СПб., Изд. Евг. Евдокимова, 1893, с. 158.

суждения в Государственном Совете, и кончилось через два года 28 июня 1828 года высочайшей резолюцией. Допрашивался по этому делу и Пушкин, которому оно доставило немало неприятностей, и для биографии поэта подробное расследование всего хода дела представляет немалый интерес.

В общих чертах сущность этого дела нам известна. Она была кратко рассказана двумя осведомленными лицами: по памяти и по документам — известным чиновником III Отделения М. М. Поповым* и автором пресловутых воспоминаний — бароном М. А. Корфом**. Краткое изложение хода процесса дано также П. А. Ефремовым*** по доступным ему документальным данным, не исчерпывающим всего дела и представленным, по большей части, в отпусках и копиях. С большими подробностями рассказал это дело А. Слезкинский в статье «Преступный отрывок элегии Андрей Шенье»³. Он пользовался копией производства дела лишь в одной инстанции (Новгородского уездного суда), и о течении дела в других инстанциях он мог сообщить лишь по путаному изложению, сделанному в этом производстве. Поэтому вкратце в статью г. Слезкинского довольно крупные и многочисленные неточности. Показания, напр<имер>, Пушкина даны им в пересказе. Да и производство уездного суда изложено им очень сбивчиво. Вообще для научных исследований по биографии Пушкина эта статья не годится. По названным только что статьям и сообщениям рассказал об этом деле и М. К. Лемке****.

Перечисленные работы дают лишь весьма общее представление о процессе. Кроме них, мы имеем немало документов из различных стадий производства, по большей части не первоначальных подлинников, а официальных копий и повторений. Они способствуют уяснению дела, но по этим разрозненным бумагам трудно восстановить достоверную и детальную историю процесса на всем его протяжении, процесса, изуче-

* В статье «Александр Сергеевич Пушкин» (Русская старина, 1874, № 8, с. 691—694). Эта статья, не обратившая на себя внимания исследователей, очень ценна для изучения отношений полиции к Пушкину и представляет яркое отражение взглядов III Отделения в его целом на поэта⁴.

** В записке о Пушкине, напечатанной в статье Л. Н. Майкова «Пушкин в изображении М. А. Корфа» (Русская старина, 1899, № 8, с. 309—310, и в «Записках» его [«Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа. — *Ред.*»] (там же, 1900, № 3, с. 547).

*** Сочинения А. С. Пушкина. Ред. П. А. Ефремова. Изд. А. С. Суворина. СПб., 1903, т. VII, с. 259—261, 276, 286—287, 298—300; СПб., 1905, т. VIII, с. 597—601.

**** В книге М. К. Лемке «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. (По подлинным делам III Отделения Собств. е. и. в. канцелярии)». СПб., 1908. Очерк «Муки великого поэта», с. 468—526.

ние которого интересно не только для биографии поэта, но и для истории нашей общественности.

Между тем ни одно подлинное производство до сих пор систематически не обследовано и не использовано, а производства некоторых инстанций даже не были известны. Первой стадией этого дела было тайное дознание, произведенное Скобелевым и Бенкендорфом. Материалы по этому дознанию сохранились в архиве б <ывшем> III Отделения, ныне в Центральном архиве и изданы С. С. Сухониним*. Вторая стадия — производство дела в военно-судной комиссии, начатое 25 сентября 1826 года и оконченное высочайшей резолюцией 25 марта 1827 года. Это дело хранится в б. архиве Главного военно-судного управления и не было известно до самого последнего времени: впервые с моих слов сообщил о нем П. А. Ефремов**. Третья стадия — производство Новгородского уездного суда, использованное в статье г. А. Слезкинского. В архиве этого суда осталась только копия дела, подлинное же было отослано на ревизию в б. Новгородскую уголовную палату. Из архива палаты, хранившегося при Новгородском окружном суде, подлинное дело было, по требованию министра юстиции, отослано в Департамент юстиции*** в 1884 году. Четвертая стадия — производство дела в Правительствующем Сенате. Пятая — рассмотрение дела в Государственном Совете. Мы знаем из сенатского дела лишь Указ Сената Новгородскому губернскому прав-

* В книге «Дела III Отделения Собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине». СПб. Изд. И. Балашова, 1906, с. 15—17 и 267. Изучая дело в архиве, мы убедились, что оно издано г. Сухониним крайне не-исправно. Тут — не только бумаги по предварительному дознанию (с. 15—17), но и имеющие отношение к дальнейшим стадиям процесса. Самый главный документ — записка Бенкендорфа с ответами Скобелева, изложившие начало делу — опубликован по подлиннику (вполне правильно) в «Русской старине» в заметке «К делу о доносе на А. С. Пушкина в 1827—1831 годах» (1883, № 6, с. 690—692). См. мою заметку об издании С. С. Сухонина в журнале «Былое», 1906, № 2, с. 299—301.

** Некоторые бумаги, вышедшие из этой военно-судной комиссии, с ответами подлежащих мест напечатаны в книжке И. И. Васильева «Следы пребывания А. С. Пушкина в Псковской губернии». СПб., 1899, с. 32—36. Некоторые следы производства оказались в архиве л.-гв. Драгунского полка, в котором служил Алексеев. Сведения по полковым документам изложены в книге капитана А. М. Ковалевского 1-го [«50 лет существования л.-гв. Драгунского полка. 1814—1833. Гвардейские конногегера. 1833—1864. Гвардейские драгуны». — *Ред.*] [Новгород], 1870, с. 38, 169 (прим. 21), 40 (приложения).

*** Находившиеся в этом деле подлинные объяснения Пушкина были в 1887 году переданы из департамента юстиции в Пушкинский Музей при Александровском Лицее и напечатаны в книге И. А. Шляпкина «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина». СПб., 1903, с. 339—341.

лению*. В этом указе приведено высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. Этим мнением ограничиваются наши сведения о производстве в высшей инстанции. Немало издано документов и бумаг, относившихся к исполнению приговора касательно Пушкина,— об объявлении ему приговора**, об учреждении секретного надзора и о продолжении его***. Но документы последнего рода важны только своими датами, а к знанию процесса ничего не прибавляют.

Самым интересным и важным как для биографии поэта, так и для истории общественного брожения в 1826 году мы считаем дело, произведенное военно-судной комиссией о штабс-капитане Алексееве. Производства других инстанций прибавляют немного материала, имеющего значение; в них много пустословия, не разъясняющего, а только запутывающего дело. Но имеет интерес — специальный для пушкиноведения — производство Государственного совета.

Изложению этих дел мы посвящаем дальнейшие страницы.

I

ДЕЛО АЛЕКСЕЕВА И ПУШКИН

1

Для ознакомления с историей процесса штабс-капитана Алексеева необходимо кратко передать историю возникновения этого дела****.

* [См.: Решение суда по поводу элегии А. С. Пушкина «Андрей Шеньев». — *Ред.*] — Русская старина, 1874, № 11, с. 584—588.

** Русская старина, 1882, № 2, с. 465—469.

*** Например, Русская старина, 1882, № 1, с. 225—226; 1883, № 1, с. 77—78.

**** Подробно останавливаемся на этой истории и выясняем ее связь с помилованием Пушкина в другой нашей статье⁵. Биографический очерк А. Ф. Леопольдова дан в книжке Н. Ф. Хованского «Очерки по истории г. Саратова и Саратовской губернии». Саратов, 1884, вып. I, с. 57—76 и в статье М. Л. Юдина «Винovníк «Шеньевской» истории (По бумагам и письмам А. Ф. Леопольдова)» (Исторический вестник, 1905, № 11, с. 574—597). Для нас важны приводимые Юдиным рассказы самого Леопольдова о случае со стихами, изложенные в его рукописной автобиографии, хранившейся в б. Саратовской ученой архивной комиссии, и в письмах его к Е. И. Станевичу от 1829 года (хранились там же). С рукописной автобиографией Леопольдова я ознакомился благодаря содействию Пушкинской комиссии, по просьбе которой она выслалась из Саратова в Петербург. Сличая его рассказы с документальными данными, приходишь к заключению, что в своих сообщениях Леопольдов неискренен и умалчивает о настоящей своей роли. Он не упоминает, напр<имер>, о том, что надпись на стихах «На 14 декабря» была сделана им, что он

История распространения запрещенного цензурой отрывка из элегии «Андрей Шенье» представляется на основании изучения дела в следующем виде. Коноплев, агент Скобелева, добыл список стихов у кандидата Леопольдова. Знал ли последний, что Коноплев шпион, установить по делу нельзя; во всяком случае Леопольдов играл в этой истории роль довольно постыдную и плачевную. Он собственноручно переписал стихи, прибавив к ним предсмертное письмо Рылеева к жене, и вручил Коноплеву. Скобелев, доносивший на Пушкина еще в 1824 году, тотчас же сообщил эти стихи Бенкендорфу в конце июля или начале августа. Напомним, что в это время царь со всем двором был в Москве и готовился к коронации. Бенкендорф потребовал указать лицо, которое дало стихи Леопольдову. Леопольдова в это время не было в Москве, и Коноплев был послан в Саратовскую губернию разыскать его. Узнав от него, в конце августа, что стихи даны ему прапорщиком лейб-гвардии конно-пионерного батальона Молчановым в июле 1826 года, Коноплев вернулся в Москву и доложил полученные им сведения Бенкендорфу. Началось дело; был найден и арестован Молчанов, который 8 сентября показал, что стихи получены им в феврале 1826 года от л.-гв. Конно-

собирался пообстоятельнее донести об этих стихах Бенкендорфу. На допросах он старался запутать офицера Молчанова, давшего ему стихи, и т. д. В конце концов мы не убеждены в том, что Коноплев действовал без его ведома и согласия. В автобиографии Леопольдов рассказывает следующим образом о начале дела: «По Москве ходили стихи, переведенные из французского писателя Андрея (тезки моего) Шенье, намекавшие на булгу во Франции и приравниваемые будто бы к нашему бывшему беспорядку 14 декабря 1825 года (Леопольдов прекрасно знал, что стихи принадлежат Пушкину, а приновил их к 14 декабря на бумаге он сам.— П. Ш.). Они достались и мне от одного гвардейского офицера, из юношеской любознательности и любопытства. Я понимал дух их и без всякого умысла и цели сообщил товарищу; но у него, увидев их, придумали: шука съедена, остались зубы; эти другие люди возбудили вопрос: не остаток ли это духа недавно погашенной у нас булги? Донесено, и загорелось дело. Я сам понимал, что надобно же все это темное обстоятельство разведать и расследовать. Добрались до источника и до всех военных и статских, имевших их. Вот таким-то путем дошла очередь и до меня» [цитовано по рукописи.— П. Ш.]. А в письме к Е. И. Станевичу от 29 декабря 1829 года, поддельваясь, очевидно, к елейному тону своего корреспондента, он уже рассказывал о том же в ином духе: «Случайно попались мне в Москве (он сам выпросил!— П. Ш.), во время коронации дерзкие насчет правительства стихи. Я показал их одному знакомцу, сожалею о несчастном образе мыслей сочинителя (это по первой версии, Андрея Шенье!— П. Ш.). Но сей знакомец мой был шпион, который для выслуги своей открыл об них нач. Г. П. [конечно: — начальнику государственной полиции.— П. Ш.]. Дело загорелось: разыскамы все, у кого оные стихи были, от кого и как перешли» (Исторический вестник, 1905, № 11, с. 582). К литературе о Леопольдове нужно добавить еще появившуюся после

егерского полка штабс-капитана Алексеева. Александр Ильич Алексеев также был разыскан, арестован и 16 сентября отправлен из Новгорода в Москву*. Здесь и начальник Главного штаба И. И. Дибич и дежурный при государе генерал Потапов гщетно добивались, чтобы Алексеев сказал, кто ему дал эти стихи. Алексеев отвечал, что он получил их в Москве осенью 1825 года, но от кого, решительно не помнит. Генералы пробовали действовать на него через отца; отец умолял сына, грозил ему проклятием, но Алексеев упорно оставался при своем отрицании. В результате, по высочайшему повелению, Молчанов был переведен тем же чином из гвардии в армию в Нижегородский драгунский полк, а Алексеев за заpiresательство отдан под суд. С самого начала следствия и тот и другой находились в московском тюремном замке**;

Молчанов, несмотря на то, что наказание было на него уже наложено, все-таки был оставлен в тюрьме на все время следствия.

Этих данных достаточно для того, чтобы разобраться в военно-судном процессе, к изложению которого мы и приступаем. Мы считаем нужным не выпускать при изложении тех страниц дела, которые, не представляя важности для пушкиноведения, дают хорошее понятие о том, как ставилась в это время процессуальная сторона дела и как созидалась «юридическая» аргументация. Слово «юридическая» тут приходится, конечно, брать не иначе, как в кавычках.

2

25 сентября 1826 года Начальник Главного штаба Е. И. В. Дибич обратился со следующим отношением к великому князю Михаилу Павловичу, который в это время командовал отрядом Гвардейского корпуса, отправленным в Москву на коронацию.

«У служившего лейб-гвардии в конно-пионерном эскадроне прапорщика Молчанова найдена копия с письма государст-

опубликования моей работы курьезную статью А. Г. Слезкинского («Русская старина», 1912, № 3). Ср. замечания Ю. Г. Оксман в примечании к его статье «Саратовское гнездо нигилизма в 1871 г.» — «Былое». 1925, № 6 (34), с. 55.

* Об А. И. Алексееве, см. выше, с. 328—329*. Современные известия о деле Алексеева идут также от А. Я. Булгакова, хорошо знакомого семье Алексеевых (Русский архив, 1901, т. II, с. 402, 403).

** В тюрьме они встретились с офицерами, осужденными на каторгу за участие в восстании Черниговского полка: Соловьевым, Мозалевским, Быстрицким и Сухиновым. См.: Записки неизвестного [И. И. Горбачевского. — П. Щ.] в «Русском архиве», 1882, т. I, с. 545 и отд. изд.

венного преступника Рылеева и возмутительные стихи на 14 декабря 1825 года. Молчанов в отобранной от него расписке объявил, что сии стихи получил от лейб-гвардии Конно-егерского полка штабс-капитана Алексеева, который, не отвергая того, что отдал оные Молчанову, не только не объявил в свое время сочинения сего начальству, как того требовал долг честного и верного офицера и русского дворянина, но при сделанном ему лично мною допросе, не раскаиваясь в своем поступке, решительно не хочет открыть, от кого он сам получил сии бумаги.

Как таковое упорство штабс-капитана Алексеева доказывает, как зловредные его склонности, так и намерение скрыть следы, по которым могли бы быть открыты злоумышленники, распространяющие подобные сочинения, то государь император, желая примером строгого взыскания пресечь и впредь подобные столь вредные для общего спокойствия государства покушения, — высочайше повелеть соизволил штабс-капитана Алексеева, яко обличенного собственным признанием в содержании у себя против долгу присяги и существующих узаконений в тайне от своего начальства и сообщении даже другим таких бумаг, кои по содержанию своему, в особенности после происшествия 14 декабря, совершенно по смыслу злодеев, покушавшихся на разрушение всеобщего спокойствия, — предать военному суду здесь при 2-м сводном легком кавалерийском полку Гвардейского отряда с тем, чтоб суд был окончен в возможной поспешности и непременно в продолжении трех дней.

Сообщая вашему императорскому высочеству сию высочайшую волю для зависящего о исполнении оной распоряжения и препровождая при сем найденные у Молчанова письмо Рылеева и стихи на 14 декабря, прошу покорнейше ваше императорское высочество по окончании над ним суда сообщить мне сентенцию оного с мнением вашего высочества для доклада государю императору. При сем имею честь уведомить, что штабс-капитан Алексейев содержится в здешнем тюремном замке».

3

Исполнение по отношению начальника штаба последовало в тот же 25-й день сентября. Великий князь дал соответствующее предписание графу Орлову, командовавшему сводной легкой Гвардейской кавалерийской бригадой и л.-гв. сводным кирасирским полком. В тот же день при 2-м сводном легком кавалерийском полку была учреждена комиссия военного су-

да. Презусом ее был назначен л.-гв. конно-егерского полка полковник барон Ренне, ассессорами — капитаны Павлицев*, Корф, штабс-капитан Стремоухов, поручик Вуич, прапорщики: Вульф** и Кронек; производителем дел — обер-аудитор 9-го класса Иванов.

Суд совершался с соблюдением всех формальностей. На первом же заседании 26 сентября презус, объявив о цели собрания, «уговаривал всех обретающихся в суде, дабы при отпращивании начинающегося дела напаятовали свою совесть, а что в суде случится, хранили бы тайно и никому о том, кто б он ни был, не объявляли». Затем, намечая программу действий, комиссия постановила предложить подсудимому обычный вопрос: «не имеет ли он на презуса, ассессоров и аудитора какого показать подозрения и судом их будет ли доволен» и затребовать из штаба формулярный список и кондуит Алексеева. По изъявлении Алексеевым своего удовольствия комиссией, судьи принесли судебскую присягу***. Вступив в исполнение обязанностей, презус на основании воинских процессов I главы 14-го пункта уговаривал Алексеева, чтобы он «с пристойным воздержанием дело свое доносил вкратце». Подобный уговор был, очевидно, вызван необходимостью закончить дело в три дня. Ввиду такой крайности, дежурный генерал предписывал комиссии заканчивать дело, не дожидаясь обычного представления формуляра и кондуита подсудимого.

26 сентября, к 10 часам утра, штабс-капитан Алексеев был доставлен из тюрьмы плац-адъютантом в комиссию, несмотря на то, что он был болен: «был одержим воспалением левого глаза и чувствовал слабость во всем корпусе». На учиненные судной комиссией вопросы Алексеев отвечал:

«Зовут меня Александр Ильин, сын Алексеев, 26 лет, греко-российской веры, на исповеди и у святого причащения бывал.

В службу вступил по выпуске из пажеского корпу-

* Это Пав<ел> Ив<анович> Павлицев, брат Ник<олая> Ив<анович>а, женившегося впоследствии на сестре Пушкина.

** По спискам полка это — Петр Иванович Вульф, едва ли не двоюродный брат приятелю Пушкина Алексею Николаевичу Вульфу.

*** Формула присяги: «Мы, к настоящему военному суду назначенные судьи, клянемся всемогущим богом, что мы в сем суде в прилучающихся делах, ни для дружбы, или склонности, ни подарков или дачей ниже страха ради, ни для зависти и не дружбы, но токмо едино по челобитью и ответу, по его и<мператорского> в<еличества> всемилостивейшего государя императора воинским пунктам, правам и уставам приговаривать и осуждать хотим право и нелицемерно, так как нам ответ дать на страшном суде Христове,— в чем да поможет нам он, нелицемерный судья».

са прапорщиком в конно-артиллерийскую роту № 22 — 1819 года апреля 6 дня; из российских дворян, собственности не имею, а что за отцом моим состоит и сколько, того не знаю.

Из прапорщиков артиллерии перевелся в конноегерский Е. В. полк, где и произведен в 1819 году ноября 26 в поручики, в 1823 ноября 26 за отличие по службе в штабс-капитаны и 1825 22 августа переведен в лейб-гв. конно-егерский полк; под судом и штрафами не был.

1. По нахождении моем в Москве точно получил оные стихи, но от кого, не помню, и без всякой определенной цели и намерения, — в октябре или ноябре месяце.

2. Стихи, отданные мной Молчанову, были написаны собственной рукой моею, но без надписи на 14 декабря, а письма преступника Рылеева, мне же показанные стихи и письма в суде мне вовсе неизвестны.

3. Оные стихи при разборе разных бумаг моих попались в руки Молчанова и по просьбе его ему отданы, а на какой конец, не знаю.

4. Хранение стихов сих не считал тайною, а из содержания оно не предполагал и не предвидел ничего зловредного, ибо оные, как выше сказано, получены были мной в октябре или ноябре месяце.

5. В тайных обществах не бывал и ничего ни от кого не слышал и нигде не был замечен, ибо милости, оказываемые покойным государем императором отцу моему и семейству, не могли внушить мне ничего дурного противу Е<го> В<еличества> и правительства.

6. Никаких других подобных бумаг не имею».

Итак, Алексеев признавал, что он дал Молчанову писанный его рукою список стихов, но предъявленный ему на суде лист, на котором были четко переписаны сначала письмо К. Ф. Рылеева, а за ним стихи с надписью «на 14 декабря», оказался ему совершенно неизвестен: он был не его руки, затем заключал совершенно неизвестное ему письмо К. Ф. Рылеева, а стихи, действительно, были те самые, которые он дал Молчанову, но, давая их Молчанову, он не делал надписи «на 14 декабря».

Комиссия определила допросить по делу Молчанова. На запрос Комиссии 26 же сентября Молчанов отвечал несколько неясно, что копия с письма Рылеева не у него найдена и ее никогда у него не было, но стихи на 14 декабря получены

им действительно от Алексеева. О подробностях получения Молчанов сообщал следующее:

«Которого числа именно я получил оные стихи, точно упомнить не могу; а получил их в феврале месяце, проходя из Москвы в Петербург с ремонтом. Говоря про Пушкина стихи, он, Алексеев, и сказал, что у него есть последнее его сочинение, и показал оные мне; я у него попросил их списать,— без всякого намерения, но только из одного желанья иметь Пушкина сочинения стихи. Чьей рукой оные стихи были написаны, я этого не знаю, а для чего я не предъявил оных начальству, потому что не пожелал, чтобы оные стихи могли иметь какое дурное влияние на других».

В дополнение к этому показанию Комиссия постановила спросить у Молчанова, кем и когда именно были найдены возмутительные стихи на 14 декабря, те ли самые, которые при деле имеются, или какие другие, а также была ли на полученных им от Алексеева стихах сделана надпись «на 14 декабря» или нет. Ответ Молчанова опять был не совсем ясен. Он отвечал (26 же сентября):

«Оные стихи никогда у меня найдены не были, а дал я их русскому учителю Леопольдову, который и показал, что получил их от меня; стихи точно те самые, которые я дал Леопольдову, но они переписаны, ибо я дал их ему, они были написаны на четвертушке; а письма не было, которого я никогда не видал; — что ж касается была ли надпись над стихами, этого я совершенно не помню: а можно будет видеть по тем, которые я дал Леопольдову. О теперешнем жительстве Леопольдова не знаю».

На сцену выдвигалось новое лицо, которое необходимо было допросить. Отнесясь к московскому обер-полицмейстеру^b с предложением доставить Леопольдова в Комиссию, Комиссия 27 сентября затребовала от Алексеева и Молчанова подробных указаний о месте передачи преступной рукописи и ее внешнем виде. Алексеев ответил, что он отдал Молчанову стихи в Новгороде, но формата и цвета бумаги не помнит: он твердо помнит только то, что они были переписаны им собственноручно. Молчанов подтвердил, что стихи получил в Новгороде. «Бумага,— показывал он,— кажется, была белая, а верно не помню,— бумага была белая с черными кантиками; а дал я их, эти стихи, в июне месяце русскому учителю Леопольдову». Против этого показания Молчанова Комиссия выставила Молчанову следующий вопрос:

«В дополнительном Вашем показании, данном Вами в суде вчерашнего числа, Вы пишете, что была ли надпись над стихами, этого совершенно не помните, а можно видеть по тем, которые Вы дали Леопольдову, но почему же вы в подписке Вашей, данной 8 числа сентября, объявили именно сими словами*: что Вами получены стихи сочинения Пушкина на 14 декабря; объясните на сие, по всей справедливости, была ли она надпись или нет, а когда не было, то отчего в подписке вашей сие было написано?»

Молчанов объяснил:

«была ли надпись над стихами, то я повторяю, что совершенно не помню; а почему я в своем показании пишу, что они на 14 число, то мне Алексеев говорил сам, что они на оное число сочинены Пушкиным».

Между показаниями Молчанова и Алексеева получалось разноречие, которое Комиссия попыталась разрешить очной ставкой, данной 27 сентября. Но Алексеев утверждал и на очной ставке, что «на отданных им стихах не было надписи «на 14 декабря», и что «не в бытность оной незачем ему было говорить на словах то, что не написано, а к тому же он получил их прежде сего времени». А Молчанов остался тоже при своем: я «говорю,— показывал он,— что г. Алексеев, давший мне сии стихи, сам мне говорил, что они сочинены на четырнадцатое число: что и готов утверждать клятвенно». Таким образом, вопрос о том, знал ли Алексеев о применении стихов Пушкина к 14 декабря и надписывал ли он их «на 14 декабря», оставался открытым, впредь до объяснения Леопольдова. Но московский обер-полицмейстер 27 сентября уведомил Комиссию, «что русский учитель Леопольдов проживал [в] Тверской части в Университетском пансионе по найму в должности надзирателя, который также числился и по Московскому университету своекоштным кандидатом, а сего года июля 25 числа выехал к родителю своему в город Саратов».

Комиссия постановила обратиться к саратовскому губернатору⁷ с просьбой о доставлении Леопольдова и, сознавая, что без допроса Леопольдова она не может кончить дела в трехдневный срок без особого на то разрешения начальства, реши-

* Молчанов дал следующую подписку: «Я, нижеподписавшийся, получил стихи сочинения Пушкина, на четырнадцатое декабря, от Александра Алексея лейб-гвардии конно-егерского полка штабс-капитана, во время моего возвращения в С.-Петербург с ремонтом в феврале 1826 года. Прапорщик Молчанов. 8 сентября 1826 года. Москва».

ла донести об этом великому князю Михаилу Павловичу. Но великий князь предписал, чтобы Комиссия, не останавливая дела, кончила его, во исполнение высочайшей воли, в три дня, а о недостающих к делу сведениях и справках упомянула, где следует. После этого предписания Комиссии оставалось только привести дело к концу. 27 сентября Алексееву было сделано священническое увещание, дабы он открыл лицо, передавшее ему стихи, но Алексеев «ни в чем сознания не учинил, а остался при прежде данных им Комиссии показаниях». Затем Комиссия сличила почерк находившейся в их руках преступной рукописи с почерками Алексеева и Молчанова и не нашла никакого сходства. На этом судопроизводство трехдневной Комиссии было закончено.

27 сентября была составлена «выписка» или конспект всего дела и прочитана Алексееву. Алексеев дополнил свои оправдания следующим разъяснением:

«к оправданию своему имею то сказать, что хотя и имел у себя сии стихи, но без намерения, находя их совершенно незначущими, так я полагал; тем более сие доказывает и то, что, не быв в связи и коротко знакомым с г-ном Молчановым, отдал ему оные. Касательно же необъявления мною того лица, от которого оные выписаны, то призываю в свидетели Всемогущего Бога, что не скрыл и не утаил бы от правительства оною, зная совершенно, что сие объяснение служило бы моим оправданием, и не подвергал бы позору носимой мною фамилии и престарелому и израненному отцу моему и матери огорчения и стыда иметь недостойного сына. Решительно окончивая клятвою, что не смею оклеветать других, ибо не помню, у кого выписаны оные были мною. Знаю, что подвергаюсь всей строгости законов».

Сентенция Комиссии от 29 сентября оказалась очень суровой. Комиссия

«нашла подсудимого шт.-кап. Алексеева виновным в содержании у себя противу долга присяги и существующих узаконений в тайне от своего начальства и передаче другим таких возмутительных стихов, кои по содержанию своему, в особенности после происшествия 14 декабря, совершенно по смыслу злодеев, покушавшихся на разрушение всеобщего спокойствия, в необъявлении в свое время сочинения сего начальству, как того требует долг честного и верного офицера и русского дворянина, и в упорном пред начальством и судьями сокрытия того, от кого он получил те стихи; и за таковые учиненные им преступления,— на основании указов, состоявшихся в 31 день

декабря 1682 и в 21 мая 1683 приговорила оного к смертной казни».

Комиссия повергла свое заключение на воззрение великого князя. 29 сентября все производство было отослано к нему.

4

3 октября великий князь Михаил Павлович представил все дело с сентенцией Комиссии и мнениями — своим и графа Орлова — начальнику Главного штаба барону Дибичу для доклада государю. Дежурный генерал, г<енерал>-ад<ъютант> Потапов, находя, что дело не приведено в надлежащую ясность, затребовал 20 октября мнение аудиторiatского департамента. 23 октября требуемое мнение было уже доставлено. Аудиторiatский департамент считал необходимым для дополнения дела отобрать показания от прикосновенных лиц: Леопольдова, Пушкина и Молчанова. Леопольдов должен был дать ответы на вопросы: когда он получил от Молчанова стихи, на какой бумаге и чьей рукой они писаны, была ли надпись «на 14 декабря», где полученный им от Молчанова экземпляр, послуживший оригиналом для находящегося в деле, и не его ли рукой переписан этот последний. От А. Пушкина надлежало отобрать показание: «им ли сочинены означенные стихи; когда, почему известно ему сделалось намерение злоумышленников, в стихах изъясненное; в случае же отрицательства, не известно ли ему, кем оные сочинены». Наконец, прапорщик Молчанов должен быть спрошен, «для чего, о полученных им в феврале стихах не донеся тогда же начальству, дал оные в июне Леопольдову и (когда данные им на четвертушке отысканы будут), чтобы объяснил, тою ли самой рукой писаны, как даны Леопольдову и кем подписаны на 14 декабря. Комиссии же военного суда, коей дополнение дела сего поручено будет — заканчивал свое мнение аудиторiat — все означенные показания и касающиеся оным обстоятельства прилежно и немедленно рассмотреть и свое на законном основании заключение представить по начальству, а между тем шт.-кап. Алексева содержать арестованным».

25 октября последовала высочайшая резолюция: «исполнить по мнению аудиторiatского департамента — продолжать в той же судной Комиссии».

29 октября начальник Главного штаба уведомил Михаила Павловича о резолюции и предписал управляющему министерством внутренних дел выслать в С.-Петербург Леопольдова.

Но пока дело шло по инстанциям, войска, пришедшие в Москву на коронацию, уже отправились на свои постоянные

квартиры, и Комиссия, судившая Алексеева и состоявшая из штаб- и обер-офицеров л.-гв. конно-егерского дивизиона, присоединилась к своему полку, стоящему в Новгороде. Поэтому великий князь, отвечая, как командующий московским отрядом Гвардейского корпуса, 4 ноября начальнику штаба, предлагал последнему обратиться к командующему Гвардейским корпусом, т. е. к нему же, Михаилу Павловичу (это была необходимая формальность!), и приказать распорядиться «о продолжении нынешних действий Комиссии по сему дополнению дела в Новгороде, дабы членов оного суда сим новым поручением не отлучить от занятий». Михаил Павлович дополнил мнение аудиториата своим заключением, которое не предвещало ничего хорошего для Пушкина.

«При чем имею честь Вашему высокопревосходительству присовокупить, что я считаю нужным не только выслать в Новгород прикосновенного к означенному делу учителя Леопольдова, но *истребовать от сочинителя стихов А. Пушкина показание, его ли действительно сочинения известные стихи; с какою цели им сочинены они и кому от него переданы, и доставить в Новгород находящихся ныне в ведении Московского Коменданта под арестом шт.-кап. Алексеева и прапорщика Молчанова, и если Комиссия почтет нужным, то и самого Пушкина*»*.

Михаил Павлович обратил особое внимание на Пушкина. Аудиториат, смотря на него, как на прикосновенного, предлагал спросить, он ли, а если нет, то кто писал стихи и откуда он узнал о намерении злоумышленников, раз стихи были написаны до 14 декабря. Михаил Павлович привязывал Пушкина теснее к делу. Ответы на вопросы, с какой целью стихи были им написаны и кому переданы, могли сильно запутать его. Михаилу Павловичу, конечно, была известна судьба Пушкина и результат его беседы с Николаем Павловичем 8 сентября 1826 года. Не мог он, конечно, не знать, что если Пушкин до сих пор не фигурировал в деле, то на это была воля Николая, знавшего об авторстве Пушкина от Бенкендорфа еще при самом возникновении дела.

5

Первое заседание Комиссии, вновь призванной судить, состоялось 12 января 1827 года. К этому времени были доставлены в Новгород — из Москвы Алексеев и Молчанов и 29 де-

* [Курсив П. Е. Щеголева. — *Ред.*]

кабря 1826 года из Петербурга разысканный Леопольдов*. В составе суда ассессор Вуич был заменен поручиком Ренненкампом.

12 января 1827 года Комиссия вызвала в заседание Алексеева, Молчанова, Леопольдова. Алексееву был предложен вопрос о местожительстве «сочинителя А. Пушкина». Он ответил: «я ничего не знаю, не был никогда с ним знаком». Молчанову был сделан следующий запрос:

«в дополнение прежде данных Вами сей Комиссии ответов, покажите

1) для чего Вы, о полученных вами в феврале месяце прошлого 1826 года стихах не донеся тогда же начальству, дали оные в июне учителю Леопольдову?

2) Неизвестно ли вам, где именно проживает ныне сочинитель А. Пушкин?

Молчанов дал следующий ответ:

«не донес я об этих стихах, ибо не прилагал к ним никакой важности. — Верно, не дал бы их человеку, которого едва знал, ежели бы считал их важными. Не могу знать, где сочинитель оных стихов находится, и никогда не был с ним знаком».

Леопольдов на вопросы Комиссии дал следующий ответ:

«Честь имею ответить Комиссии следующее:

1) Стихи получены мною от г. Молчанова в конце июля месяца минувшего года.

2) Оные стихи написаны были на желтой четвертушке.

3) Чьею рукою они писаны, мне неизвестно.

4) Надписи на оных: на 14 декабря — не было; я поставил сам оную в соответствии содержания оных.

5) Экземпляр, полученный мною от г. Молчанова, я с человеком отослал назад ему; следовательно, он у него должен быть.

6) Стихи, списанные с экземпляра, взятого мною у г. Молчанова, и письмо К. Рылеева к жене его (которое я получил не от г. Молчанова), писаны собственною моею рукою.

7) Сочинитель оных мне неизвестно где проживает.

Передача же или временное оставление оных стихов у одного знакомого (тогда жившего в Москве ка-

* По розыскам оказалось, что Леопольдов приехал в Сердобск 19 августа, а 29 сентября уехал в Петербург.

лужского помещика 14 класса Коноплева), через которого обнаружили оные пред Правительством, известно высшему начальству, которое положило начало сему делу».

Вполне естественно было спросить теперь у Леопольдова, почему же он, сознавая возмутительность этих стихов, не донес о них по начальству, да еще собственноручно поставил точку над і: переписав их, дал им заглавие «на 14 декабря». Леопольдов 13 января дал следующий любопытный ответ:

«Медлительность в обнаружении оных стихов правительству происходила от следующих причин: 1) Потребно было время разведать, не известны ли уже оные стихи правительству; ежели они были бы известны, то в таком случае донос мой был бы не у места. 2) Начальство высшее в то время переезжало из С.-Петербурга в Москву по случаю Высочайшей Коронации Их Императорских Величеств; посему и самое Его местопребывание меня в этом деле могло затруднять. 3) Я имел нужду немедленно отправиться к родителю, для оказания ему пособий».

Приписка сверху: «на 14 декабря» «сделана мною без всякого другого намерения, кроме того, что они, как заметно, изображают историю 14 декабря 1825 года».

Теперь Комиссии предстояло разыскать тот экземпляр стихов, который, по словам Алексеева, написан им, передан Молчанову, от него перешел к Леопольдову и, по словам последнего, был возвращен им Молчанову. Когда Комиссия сообщила Молчанову данный Леопольдовым ответ, Молчанов решительно высказал, что он от Леопольдова стихов этих обратно не получал. В доказательство он просил привести его к присяге. На запрос Комиссии о возникшем недоразумении Леопольдов дал пояснение:

«Собственными руками тех стихов я точно не отдавал г. Молчанову, а отослал их с человеком г-жи Вадковской, которого имя Василий. Мне неизвестно, отчето он ему не доставил. Но однако ж на другой день за столом я г. Молчанова спрашивал, получил ли он оные; он отвечал, что он не получал; спросил того человека, с которым я отослал оные стихи, но его не было. И господин Молчанов заключил со мною сию речь тем, что он спросит у него и возьмет. В чем я также готов дать присягу. — Время же, как могу припомнить, 27-е число июля.

а) Генеральша Вадковская имеет жительство в

Москве, в Каретном ряду, в собственном доме, при ней находится и сей человек»*.

На очной ставке 13 генваря Молчанов резко высказался против слов Леопольдова. Он заявил, что Леопольдов выдумал весь разговор, и готов был подтвердить истину своих слов на кресте и Евангелии. А Леопольдов на очной ставке утверждал:

«Мне неизвестно, получил ли г. Молчанов стихи, отосланные мною с показанным человеком, несмотря на решительный отказ от разговора, бывшего между нами во время стола (разумеется негласно), я подтверждаю данное мною мнение, как такое, в котором ни одного слова нет выдуманного, и готов со всею откровенностью утвердить то также перед Святым Крестом и Евангелием».

Оставался один путь разыскать истину: найти того человека, который, по словам Леопольдова, отнес стихи Молчанову. Московский обер-полицмейстер, по предложению комиссии, расследовал дело, допросил всех четырех Васильевых, которые оказались в услужении у г-жи Елагиной и ее дочери генеральши Вадковской, и бывшего в слугах у Леопольдова Владимира Гаврилова. Все они показали, что никогда ни с кем из них никаких бумаг Леопольдов не посылал прапорщику Молчанову, и объяснили, что Леопольдов жил на даче их господ в одном доме с прапорщиком Молчановым. 21 января обер-полицмейстер сообщил Комиссии результаты своих розысканий.

6

Тем временем шли розыски сочинителя А. Пушкина. Комиссия не получила указаний о его местожительстве от допрошенных ею 12 января лиц, но 12 же окольными путями она осведомилась о том, что А. Пушкин находится в Пскове, потому что 12 же Комиссия отправила секретное отношение псковскому гражданскому губернатору³. В нем Комиссия вкратце излагала ход разбирательства по делу Алексева и приводила мнение великого князя Михаила Павловича, который полагал, между прочим, необходимым *«истребовать от сочинителя стихов А. Пушкина показания: его ли действительно сочинения известные стихи, с какою целию им сочине-*

* Молчанов приходился племянником вдове генерал-майора [Вадковского.— *Ред.*] Елиз<авете> Петр<овне> Вадковской. См. ее письмо с просьбами за Молчанова к Н. Н. Раевскому в «Архиве Раевских», под ред. Б. Л. Модзалевского. СПб., 1908, т. I, с. 351—352.

ны они и кому от него переданы? и если Комиссия почтет нужным, то вызвать и самого Пушкина».

«На основании чего — читаем в отношении — ныне Комиссия военного суда, осведомясь, что означенный А. Пушкин проживает в г. Пскове, покорнейше просит ваше превосходительство об отобрании от него, Пушкина, вышеизъясненного показания и о доставлении такового в сию Комиссию со всевозможною скоростью, не оставить сделать ваше распоряжение; в случае же выезда оного из г. Пскова куда-либо в другое место, соблаговолить приказать, кому следует, разведать о том обстоятельнее и, по узнании о настоящем его местопребывании, поспешить сообщить прямо от себя к тамошнему начальству об отобрании от него, Пушкина, сказанного показания и о последующем почтить Комиссию вашим уведомлением.

Причем Комиссия почитает долгом вашему превосходительству присовокупить, что дело о штабс-капитане Алексееве Высочайше повелено кончить немедленно и самопоспешнейше, и что по оному теперь, кроме одного только показания А. Пушкина, все прочие затем сведения Комиссиею уже собраны».

А 13 января, т. е. на следующий день, Комиссия, получив, очевидно, новые указания на то, что Пушкин находится в Москве, обратилась с отношением к московскому обер-полицейскому. Здесь вопросы Пушкину формулированы несколько иначе:

«По делу... — относилась Комиссия к обер-полицейскому, — нужно отобрать суду показание от прикосновенного к оному делу А. Пушкина: *им ли сочинены известные стихи, когда, с какою целью они сочинены, почему известно ему сделалось намерение злоумышленников, в стихах изъясненное, и кому от него сии стихи переданы.* В случае же отрицательства, не известно ли ему, кем оные сочинены»*.

Крайне характерно то, что ни псковскому губернатору, ни московскому обер-полицейскому Комиссия не сообщила текста стихов, ограничившись одним только термином «известные» стихи. Точно все лица и учреждения должны были сразу понимать, в чем дело.

Псковский губернатор ответил 21 января (в Комиссии же бумага была получена 25 января), что действительно А. Пушкин, коллежский секретарь, перед сим находился в г. Пскове, но ныне находится в Москве, а поэтому он, губернатор, отпра-

* [Курсив П. Е. Щеголева.— *Ред.*]

вил запрос суда московскому полицмейстеру*. Но помощь псковского губернатора оказалась излишней, потому что уже 22 января Комиссия заслушала следующую бумагу.

Московского
обер-полицмейстера
Канцелярия.

22 января 1827 г. (Помета о дне получения.)

Секретно.

Стол 6.
19 января 1827 года.
№ 38.

В Комиссию военного суда, учрежденную лейб-гвардии при Конноегерском полку:

Вследствие отношения ко мне оной Комиссии от 13 сего Генваря за № 4 призывал я к себе сочинителя А. Пушкина и требовал от него изъясненное в том отношении показание, но г-н Пушкин дал мне отзыв, что он не знает, о каких известных стихах идет дело, и просит их увидеть и что не помнит стихов, могущих дать повод к заключению, почему известно ему сделалось намерение злоумышленников, в стихах изъясненных, по получении же оных он даст надлежащее показание. — О чем Комиссию имею честь уведомить.

Генерал-майор *Шульгин*.

Собственно говоря, теперь оказывалась необходимость взять А. Пушкина, но Комиссия избавила Пушкина от «доставления» в Новгород. Выслушав вышеприведенное отношение, она постановила:

«для выиграния времени, как в отобрании от Сочинителя Пушкина того требующего показания по делу подсудимого штабс-капитана Алексева, так равно и в самом даже окончании оного, ожидаемом вышним начальством, послать к г. московскому обер-полицмейстеру список с имеющихся при деле стихов, в особо запечатанном от Комиссии конверте на имя самого А. Пушкина и в собственные его руки; но с тем однако ж, дабы г. полицмейстер по получении им означенного конверта, не медля нисколько времени, отдал оный лично Пушкину и, по прочтении им тех стихов, приказал ему тотчас же оные запечатать в своем присутствии его, Пушкина, собственною печатью и таковою же

* Переписка Комиссии с псковским гражданским губернатором напечатана Васильевым в упомянутом сочинении.

другую свою; а потом сей конверт с обратным на нем надписанием на имя Комиссии по секрету, а следующее от него А. Пушкина противу отношения Комиссии от 13-го января за № 4-м надлежащее показание по взятии у него не оставил бы, в самой невозможной поспешности, доставить в сию Комиссию при отношении».

Дело совершалось, действительно, очень быстро. 30 января Комиссия уже заслушала следующее отношение:

Московского
обер-полицмейстера
генерал-майора
Шульгина 2-го
27 января 1827.
Москва.
№ 58.

Полу<чено>Утром 30 января 1827 г.
Секретно

В Комиссию Военного суда, учрежденную лейб-гвардии при Конно-егерском полку.

Вследствие отношения оной Комиссии от 22-го, а мною полученного 26-го сего января за № 5 с приложением в особо запечатанном ею конверте на имя сочинителя А. Пушкина списка с тех стихов, о коих производится оною комиссиею дело и нащет которых она требует показания у Пушкина, — я, приглася его к себе, отдал ему тот пакет лично, который им при мне и распечатан. — По отобрании же от него г. Пушкина против отношения ко мне от 13-го января за № 4 надлежащего показания, оное вместе с теми стихами запечатаны в присутствии моем его собственною печатью и таковою же моею в особый конверт, который с обратным надписанием на имя комиссии при сем честь имею препроводить.

Генерал-майор *Шульгин*.

Итак, 27 января 1827 года Пушкин имел удовольствие видеть в кабинете московского обер-полицмейстера свои «известные» стихи в копии Леопольдова. Чрезвычайно любопытно отметить, что Пушкин перечел копию и не мог удержаться от того, чтобы не исправить замеченных им описок. Он сделал три поправки. Так, в стихе: «Я славил твой небесный трон» — он исправил «трон» на гром; в стихе: «И пламенный трибун изрек во страхе полный» он, вместо во стра-

хе, написал: «восторга полный» и, наконец, сделал еще очень важную поправку, не вошедшую до сих пор ни в одно издание:

Народ, вкушивший раз твой нектар освященный,
Все ищет вновь упиться им:
Как будто Вакхом разъяренный,
Он бредит, жаждою томим...

(II, 399)

В слове «бредит» он зачеркнул букву «е» и надписал сверху «о» — «бродит».

Затем Пушкин написал свое объяснение, которое заняло три страницы листа писчей бумаги, как мы и печатаем, сохраняя размер и расположение строк*:

[1]

Сии стихи, действительно, сочинены мною. Они были написаны гораздо прежде последних мятежей и помещены в Элегии Андрей Шенье, напечатанной с пропусками в собрании моих Стихотворений.

Они явно относятся к Французской революции, коей А. Шенье погиб жертвою. Он говорит:

Я славил твой небесный** гром,
Когда он разметал позорную твердыню
Взятие бастилии, воспетое Андреем Шенье.

Я слышал братский их обет,
Великодушную присягу
И самовластия бестрепетный ответ —
Присяга du jeu de paume*** и ответ Мирабо: Allez dire
à votre maître etc.****

И пламенный трибун и проч. Он же Мирабо.
Уже в бессмертной Пантеон Святых изгнанников
входили славны тени (II, 398).
Перенесение тел Вольтера и Руссо в Пантеон.

* П. А. Ефремов с наших слов сообщил сведения о деле Алексеева в примечаниях к «Сочинениям Пушкина» (СПб., 1905, т. VIII, с. 596 и след.), отметил поправки, сделанные Пушкиным, и сообщил по нашей копии объяснение Пушкина, печатавшееся до сих пор по копиям в очень искаженном виде. Последнее издание Пушкина (ред. С. А. Венгерова), к сожалению, не внесло в текст элегии этой поправки.

** священный — *Ред.* — II, 398.

*** [в зале — *Ред.*] «для игры в мяч» (*франц.*) — *Ред.*

**** «пойдите и скажите вашему королю» (*франц.*) — *Ред.*

Пантеон.

Мы свергнули царей — — —
в 1793.
Убийцу с палачами
Избрали мы в цари
Робеспьера и Конвент.

Все сии стихи никак, без явной бессмыслицы не могут относиться к 14 декабрю. Не знаю кто над ними поставил сие ошибочное заглавие. Не помню кому мог я передать мою Элегию А. Шенье.

Александр Пушкин.

27 января
1827
Москва.

Для большей ясности повторяю, что стихи известные под заглавием: 14 декабря, суть отрывок из Элегии, названной мною Андрей Шенье.

Приобщив к делу разъяснения Пушкина, Комиссия постановила: «за собранием всех изъясненных по замечаниям вышнего начальства показаний, дело привести к окончанию и, сочинив из него дополнительную выписку, сделать на основании законов заключение, и все оное с прежним производством дела представить по порядку на рассмотрение». Выписка была составлена и 31 января прочитана Алексееву. Затем были подведены законы. Как всегда в военно-судных делах, эта часть дела оказалась очень слабой*.

* Приводим своеобразную аргументацию, подобранную обер-аудитором Ивановым и доказывающую правильность действий комиссии: «А в законах изображено:

«Уложения 10-й главы 160 пунктом, кто на кого пошлется, и те люди не против его ссылки хоть один не по нем скажет, и тем его обвинит потому, что он на тех людей сам сослался из воли, и они сказали не против его ссылки.

Воинских процессов главы 1-й пунктом 5-м. Власть судейская помянутых кригсгерхтов не распространяется далее, яко над офицеры, солдаты и прочими к войску низлежащими людьми, между которыми офицерские служители, харчевники и прочие кроме жен и младенцев разумеют.

2-й части Главы 1-й пунктом 3-м. Напротив же должен ответчик невинность свою основательным доказанием, когда потребно будет, оправдать, и учиненное на него доношение правдою опровергнуть.

В своей сентенции Комиссия определяла:
«По внимательном всех вышепрписанных обстоя-
тельств рассмотрении и соображении согласно возло-
женному на нее поручению, 1-е) хоть по сему новому
обследованию и открылось ныне, что на тех стихах, ко-
торые имел у себя подсудимый шт.-кап. Алексеев, пере-
дал пр<апорщику> Молчанову, а он отдал кандидату
Московского университета Леопольдову (как в суде о
том сознался) в ответственность содержания оных, без
всякого другого намерения, кроме того, что они, как
замечено, изображают историю 14-го декабря 1825 го-
да; но поелику указом 1800 ноября 23-го... (см. прим.),

Пунктом 4-м. Ежели челобитчик оного доказу на свое челобитье не имеет, и того ради, похощет правду свою утвердить присягою, то сие принято быть не может, понеже в таком случае ответчиково отрицание таково же, как и челобитчиково признание, и буде они принуждены будут оба присягать и тогда более на стороне ответчиковой, нежели челобитчиковой правда быть имеет.

Той же части 2-й главы пунктом 1-м. Когда кто признает, чем он виновен есть, тогда дальшего доказу не требует, понеже собственное признание, есть лучшее свидетельство всего света.

Главы 5-й той же части пунктом 2-м. Когда челобитчик ответчика некоторою причиною обвинит, которую он токмо полученным основанием доказать может, или ответчик в явных собраниях таким же образом обнесет, а иных доказов иметь не может, то повинен он свое дело присягою удостоверить.

Пунктом 4-м сию присягу очистительную надлежит всегда ответчику, а не челобитчику чинить, а ежели челобитчик к челобитью своему никакого иного свидетельства обрести не может и, похощет на то присягать, то не подлежит его к такому допускать, но в том ему отказать.

Пунктом 7-м. Токмо судьям не подлежит вскоре оного к присяге принуждать, но прежде всемерно трудиться через иные способы правды изведать, понеже сия присяга презираема и осторожности достойна есть.

3-й части 1-й Главы пунктом 4-м приговор надлежит токмо над челобитчиком и ответчиком чинить, хотя при оных деле и посторонние случаются особы, однако ж о всем упомянуть потребно и ничего в том деле случившегося не умолчать, какие жалобы принесены, и что ответствовано для лучшего решения и приговором объяснить.

Наказа Императрицы Екатерины 2-й 125-ю статьею делати присягу через частое употребление весьма общею, ничто иное есть, как разрушать силу ее крестного целования не можно ни в каких других случаях употреблять, как в тех только, в которых клянущийся никакой собственной пользы не имеет, как то суд и свидетели.

Высочайшего о губерниях учреждения Главы 10-й статьею 130-ю одна палата не может отменить решение другой палаты, не собственных своих переворачивать.

Указом 1800 ноября 23-го, военному суду или комиссии не позволено своих мнений заключать, кроме законного приговора: ибо военный суд не есть разрешение вин, а по точном изыскании оных осуждение преступника по всей строгости законов».

то, по точным словам указа 1800 года ноября 23, и на основании высочайшего о губерниях учреждения главы 10 статьи 130*... Комиссия, не переменяя ни в чем заключения прежней своей сентенции 29 числа сентября прошлого 1826 года, основанной по разуму указов: 31-го декабря 1682 и 21 мая 1683 годов, свойственно признанным его Алексеева преступлениям, оставляет положительность приговора в той же самой настоящей оного силе и передает все сие на благоусмотрение вышней власти. 2-е) Поступки других прикосновенных к делу в противность законам, судом обнаруженные и заключающиеся в следующем, а именно: прапорщика Молчанова в приеме им от шт.-кап. Алексеева означенных возмутительных стихов, передаче от себя таковых кандидату Леопольдову и в недонесении об оных начальству; и кандидата Леопольдова, который получа от прап<орщика> Молчанова те стихи в конце июля месяца минувшего года, без надписи на оных: на 14 декабря, тоже не представил их правительству, по разным будто своим причинам, а еще переписал оные с письмом государственного преступника Рылеева к жене его на другую бумагу собственною своею рукою, и сделав сам приписку сверху на оных стихах: на 14-е декабря, якобы в соответствии содержания оных и без всякого другого намерения, кроме того, что они, как замечено, изображают историю 14-го декабря 1825 года, передал письмо и стихи сии, как бы на время, одному своему знакомцу, тогда жившему в Москве, калужскому помещику 14-го класса Коноплеву, чрез коего уже обнаружили оные и пред правительством. А с оными вместе и ответ, данный Александром Пушкиным [приводится вкратце объяснение Пушкина]. Как сей Комиссии, власти и приговору, по смыслу воинских процессов главы 1-й пункта 5-го и 3-й части главы 1-й пункта 4, неподлежащие, представить таковые особенному вниманию вышнего начальства. 3-е) Дальнейшего отыскания того экземпляра стихов, какой был получен Леопольдовым от Молчанова и который впоследствии между двумя ими неизвестно как затерян, или кем из них сокрыт, более уже не делать. А засим 4-е) и отобрание от прапорщика Молчанова объяснения, по за-

* Текст Указа и Статьи учреждения о губерниях приведен в предыдущем примечании.

мечанию аудиторiatского департамента Главного штаба Е. И. В. «тою ли самою рукою данные им Леопольдову на четвертушке стихи писаны». Как в сем случае есть собственное уже последнего т. е. Леопольдова сознание нужным не почитать. 5-е) Препровожденные в сию Комиссию вместе с означенным военносудным делом бумаги в особо запечатанном конверте, найденные в квартире подсудимого шт.-кап. Алексеева и вновь присутствующими ныне пересмотренные, как ничего в себе значительного не заключающие, кроме одних партикулярных переписок и собственных его Алексеева счетов, отдать ему обратно тогда, когда, дело о нем будет совершенно окончено. 6-е) Истребованные г. московским комендантом из тамошней комиссариатской комиссии, на прогоны до Нова Города для шт.-кап. Алексеева и прап. Молчанова 300 руб. 60 коп., а равно и отпущенные из комиссариатского департамента военного министерства на проезд до Нова Города обер-аудитору 2-й Гвардейской пехотной дивизии 9-го класса Иванову 30 р. 84 копейки, следующие для обращения в казну на основании записки г. военного министра, утвержденной Комитетом гг. Министров 24 апреля 1818 года с виновных, взыскать как с подсудимого шт.-кап. Алексеева, так и с прикосновенных к оному делу прап. Молчанова и кандидата Леопольдова, со всякого по равной части. 7-е) Здесь же присовокупить о службе и о поведении шт.-кап. Алексеева те сведения, какие доставлены об нем от командира лейб-гвардии конно-егерского полка г. генерал-майора и кавалера Слатвинского, после уже окончания над оным суда в Москве и по которым видно: что он 25 лет, генерал-лейтенанта сын, Пензенской губернии, пажем 809 ноября 6, в службе прапорщиком 819 апреля 6, в конно-артиллерийскую № 22-ю роту, из оной в конно-егерский его величества короля Вюртембергского полк 819-го августа 7-го, поручиком 819 ноября, назначен адъютантом к начальнику 2-й конно-егерской дивизии генерал-лейтенанту графу Палену 821-го мая 11-го, штабс-капитаном 823-го ноября 26, переведен в лейб-гвардии конно-егерский полк с оставлением при прежней должности 825-го августа 22-го, обращен во фронт того же года декабря 23, в походах не бывал, наукам обучался, в отпусках находился и в 1-й раз просрочил один месяц, а в другой раз не явился в срок по болезни, но представил об оной свидетельство; в штрафах не

бывал, холост, по формуляру конно-егерского его величества короля Вюртембергского полка аттестован достойным, ведет себя по службе хорошо, имеет способности ума хорошие, к пьянству и игре не предан, знает иностранные языки немецкий и французский, в хозяйстве хорош; в полку же лейб-гвардии конно-егерском на службе не состоял, а потому по службе ему генерал-майору Слатвинскому не известен и, наконец, 8-е) заключение сие подсудимому штабс-капитану Алексееву объявить. Он же и прапорщик Молчанов содержатся ныне под арестом лейб-гвардии при конно-егерском полку, а кандидат Леопольдов находится в ведении новгородской градской полиции.

8

Затем дело и сентенция пошли на рассмотрение начальства. 1 февраля 1827 дал свое мнение командир лейб-гвардии конно-егерского полка г.-м. Слатвинский; 4 февраля — начальник дивизии г.-ад. Чичерин; 10 февраля — командир 1 резервного Кавалерийского корпуса г.-ад. Депрерадович и, наконец, 28 февраля — командующий Гвардейским корпусом великий князь Михаил Павлович. 24 февраля великий князь препроводил дело с вышеуказанными заключениями управляющему Главным штабом генералу от инфантерии графу Толстому для всеподданнейшего доклада. 3 марта дело поступило в аудиториат, а 12 марта дежурный генерал Потапов уже объявлял аудиториату, что государю «угодно, чтоб поступившее в аудиториатский департамент военно-судное дело л.-гв. конно-егерского полка о штабс-капитане Алексееве окончено было немедленно». Замечательна совершенно необычная скорость, с которой разбирали это дело. Быть может, требование спешного рассмотрения дела, предъявленное аудиториату, являлось результатом ходатайства Леопольдова.

Когда дело находилось уже в Аудиториате, Леопольдов, прикрепленный к Новгороду, обратился к Михаилу Павловичу с просьбой об освобождении. Он просил о нем тоном человека, ожидавшего награды и не понимающего, за что его качают. Он писал:

«Ваше императорское высочество!

Я прикосновенен к делу о возмутительных стихах, в ложном и дерзком виде касающихся священной особы его императорского величества и истории 14-го декабря 1825 года. По сему случаю 28-го декабря минувшего года я отправлен из С.-Петербурга в Новгород для личных объяснений пред военною комиссиею, высочай-

ше учрежденною по оному делу при лейб-гвардии конно-егерском полку. Действия сей комиссии уже доведены до сведения вашего императорского высочества.

Никогда не питав в душе моей злонамеренных мыслей против правительства, в настоящем деле я хотел только исполнить то, к чему обязан присягою всякий верноподданный. Потому совершенно уверен, что правый суд его императорского величества не причислит меня к стороне неправых по сему делу. Святость и правда законов есть самая надежная защита для невинного.

При всем том, я, и в деле законном, подвержен самой бедственной участи. Проезд из Саратовской губернии до С.-Петербурга собственно по сему делу, проживание в С.-Петербурге и Новгороде, лишило меня всего, что я ни имел. К довершению моего несчастного положения я отправлен в Новгород для ответов пред вышесказанной комиссией без всего, что может обезопасить здоровье и самую жизнь человека. Теперь нахожусь в совершенной крайности.

Ваше императорское высочество! Облегчите злополучную участь мою, повелите, ежели сие не может нарушить законного порядка, обратно отправить меня из Новгорода в С.-Петербург, где я могу иметь средства ожидать окончательного решения дела по крайней мере без опасения для моего здоровья и для самой жизни.

Вашего императорского высочества преданнейший — Императорского Московского университета кандидат словесных наук Андрей Леопольдов.

1827 года, марта 9 дня».

18 марта доклад Аудиториата был уже готов и передан дежурному генералу на высочайшую конфирмацию. В докладе излагался весь ход дела.

Освобождая себя от необходимости излагать вышесказанные мнения начальства, ограничимся извлечением последней части доклада, в которой Аудиториат делает свод мнения и свое заключение. Курсивом отмечаем места, относящиеся к Пушкину.

«Командиру лейб-гвардии конно-егерского полка генерал-майор Слатвинский мнением полагал: подсудимого штабс-капитана Алексеева выдержать шесть месяцев в крепости, а потом выписать из гвардии тем же чином в армейские полки, на кавказской линии

расположенные.— Прапорщика Молчанова продержать тоже в крепости четыре месяца, буде он за означенный его поступок еще не был наказан; кандидата Леопольдова предать законному суждению.

Начальник дивизии ген.-ад. Чичерин, в отношении наказания шт.-кап. Алексеева и прап. Молчанова и предания суду кандидата Леопольдова, соглашаясь с мнением ген.-майора Слатвинского, присовокупил, что заpiresательство шт.-кап. Алексеева в том: будто бы не помнит, от кого получил вышеупомянутые стихи, не может не признать подверженным сомнению, ибо, если бы он, Алексеев, действительно о сем забыл, то почему же может помнить то, когда и где оные получил, и что отданные им Молчанову (как сей показал: в феврале 1826 года) стихи были писаны не чужою, а собственною его, Алексеева, рукою?

Остановливаясь на факте непризнания Молчановым обстоятельности обратного получения рукописи, генерал Чичерин предлагал доставить Леопольдова в Москву и там сделать ему очную ставку со слугами генеральши Вадковской. А дабы,—полагал Чичерин,—не пропустить ни малейших следов к открытию, у кого найдутся вышеупомянутые стихи, надлежало бы также спросить Леопольдова: от кого и когда именно он получил письмо государственного преступника Рылеева, на тот конец, не отыщется ли у давшего ему списать письмо сие стихов, которые с тою же целью могли быть взаимно отданы Леопольдовым.

Командир 1-го резервного Кавалерийского корпуса ген.-ад. Депрерадович полагал: 1-е) Подсудимому шт.-кап. Алексееву вменить тюремное заключение и теперешнее содержание на гауптвахте в наказание, и как по делу других явнейших улик, чтобы он имел какую-либо связь с злоумышленниками, не открыто, кроме, что скрыл, от кого он принял стихи, и сим заpiresательством наводит на себя в вышеписанном преступлении сомнение; почему, оставив его в сильном подозрении, выдержать в крепости шесть месяцев и потом, выключив из гвардии, отправить в кавказский корпус в армию. 2-е) Прап. Молчанова, который, хотя в меньшей степени виновен, как Алексеев, и хотя не был судим, но преступление его довольно ясно открыто и собственным признанием подтверждено, выдержать «также в крепости шесть месяцев и отправить в Нижегородский драгунский полк, как уже переведенного в оный из.

л.-гв. конно-пионерного эскадрона, с тем, чтобы над обоими ими местные начальства имели строгий при-смотр и чтобы они, Алексеев и Молчанов, не были представляемы ни к увольнению от службы, ни к пере-воду в другие полки, ни к награждению до того вре-мени, пока не загладят содеянных ими преступлений отличнейшею службою. 3-е) Кандидата Леопольдова предать уголовному суду, *вменив оному в обязанность по показанию А. Пушкина, что вышеизъясненные сти-хи сочинены им под названием элегия А. Шенье, истре-бовать от Пушкина ту элегию, сличить с означенными стихами и по решительном открытии, что точно так на-печатаны, как здесь излагаются, за передачу оных из рук в руки, определить и ему взыскание, а доколе спра-ведливыми доказательствами он не уверит граждан-ского правительства, что он чужд рассеивания таких злобредных сочинений, иметь его Пушкина в строгом наблюдении местного начальства*»*.

Командующий гвардейским корпусом великий князь Михаил Павлович полагал: «хотя Комиссия во-енного суда на основании узаконений и приговорила подсудимого шт.-кап. Алексеева к смертной казни; но его высочество, применяясь к монаршему милосер-дию, полагал выдержать его, Алексеева, один месяц в крепости и потом выписать из гвардии в армейские полки тем же чином. — Что принадлежит до прикос-новенных к сему делу прап. Молчанова и кандидата Леопольдова, то как из них Молчанов подвергнулся уже оштрафованию переводом его из гвардии в армию тем же чином и сверх того по делу сему находился в Москве в тюремном заключении и ныне содержится под арестом, то, вменив ему сие в наказание, отпра-вить на службу к полку, а кандидата Леопольдова пре-дать гражданскому уголовному суду, с тем, чтобы оный сообразил как показание сочинителя оных стихов Пуш-кина, так и цель получения оных от Леопольдова поме-щика Коноплева, и по мере открытия поступков каж-дого учинил бы законное решение».

Аудиториатский департамент, рассмотрев обстоятельства дела и все вышеприведенные мнения, совершенно согласился с мнением Михаила Павловича. Заключение доклада каса-

* Генерал Депрерадович, очевидно, не прочел объяснения Пушкина. [Курсив П. Е. Щеголева.— *Ред.*]

тельно Леопольдова было сформулировано так: кандидата Леопольдова предать гражданскому уголовному суду, *к которому вменить в обязанность истребовать, в чем нужно будет, объяснения от сочинителя стихов Пушкина и помещика Коноплева, получившего упомянутые стихи от Леопольдова, и, сообразив оные, сделать на основании законов свое заключение.*

Доклад Аудиториата был доложен царю. 25 марта имп. Николай положил резолюцию: «быть по мнению аудиториатского департамента». Дело прошло свою вторую стадию. Было предписано кончить дело в три дня, но оно началось 25 сентября и кончилось 25 марта, но только для одного Алексева, который все это время (начиная с 15 сентября) находился под арестом. Но дело продолжалось для Леопольдова и началось для Пушкина, которого, по мере развития судебных действий, притягивали к делу ближе и ближе.

II

ДЕЛО О СТИХАХ ИЗ ЭЛЕГИИ «АНДРЕЙ ШЕНЬЕ» В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ

Дело Государственного совета — последняя стадия процесса. Не прибавляя ничего существенного к истории этого дела, производство Государственного совета не лишено некоторых деталей, имеющих свой смысл и значение для биографии поэта. Любопытны имена тех членов Государственного совета, которые участвовали в обсуждении дела, которые знали Пушкина, быть может, сталкивались с ним в высшем обществе. Те мнения, которые они имели о Пушкине и в которых отразились впечатления процесса, — слагаемые в той сумме, которая зовется мнением света, тяжело давившего поэта. Любопытно, что рассмотрение дела в Государственном совете не прошло без трений, а при утверждении приговора в части его о Пушкине были внесены изменения, неблагоприятные для поэта*.

Сенат, рассматривавший производство по делу Леопольдова и прикосновенных, определил, по лишении кандидатского звания и всех сопряженных с ним преимуществ, отдать Лео-

* При изложении дела мы пользовались следующими материалами, хранящимися в архиве Государственного совета: 1) Дело о Леопольдове № 220; 2) Журналы департамента гражданских и духовных дел, 1828 г., ч. 5, л. 98—99; 3) Мемория Государственного совета 1828, ч. 3, л. 294—307. Некоторые данные были сообщены нами покойному П. А. Ефремову, воспользовавшемуся ими для примечаний к «Сочинениям Пушкина», изд. А. С. Суворина. [Сочинения А. С. Пушкина. Ред. П. А. Ефремова. Изд. А. С. Суворина, т. I—VIII. СПб., 1903—1905.—Ред.]

польдова в солдаты. О Пушкине же Сенат распорядился следующим образом: «Соображая дух его творения с тем временем, в которое оно выпущено в публику, Сенат не может не признать сего сочинения соблазнительным и служившим к распространению в неблагонамеренных людях того пагубного духа, который правительство обнаружило во всем его пространстве, а потому, хотя сочинившего означенные стихи Пушкина, за выпуск оных в публику прежде дозволения цензуры, надлежало бы подвергнуть ответу пред судом, но как сие учинено им до состояния всемилостивейшего манифеста 22 августа 1826 года, то, по силе 1-го пункта оного, избавя его, Пушкина, от суда, обязать подпиской, дабы впредь никаких своих творений без рассмотрения и пропуска цензуры не осмеливался выпускать в публику под опасением строгого по законам взыскания»*.

По рассмотрению дела в Сенате, управляющий министерством юстиции 6 июня 1828 года (за № 7836) обратился к исправлявшему должность государственного секретаря со следующим отношением:

«Имею честь препроводить при сем для внесения в Государственный совет всеподданнейший доклад 1 Отд. 5 деп. Пр<авительствующего> Сената с краткою из оного запискою о кандидате Моск<овского> унив<ерситета> Леопольдове, осужденном за имение у себя возмутительных стихов. Вместе с сим считаю нужным уведомить ваше пр<евосходитель>ство, для доведения до сведения Госуд<арственного> совета, что статс-секретарь Муравьев сообщил мне высочайшую его и<мператорского> в<еличества> волю, чтобы дело об означенном Леопольдове *в скорейшем времени приведено было к окончанию*»**.

Доклад Сената был заслушан в департаменте гражданских и духовных дел 11 июня 1828 года. Журнал заседания подписан тремя членами: Н. С. Мордвиновым, А. Д. Балашовым, А. Н. Олениным. Первый и последний, адмирал и меценат, хорошо знали Пушкина по литературной деятельности, а Балашову, бывшему с.-петербургскому военному губернатору и министру полиции в юношеские годы Пушкина, поэт небезызвестен был и со стороны его благонадежности. Наиболее благоприятно настроенным нужно, конечно, считать Н. С. Морд-

* Извлечение из доклада сделано П. А. Ефремовым (Сочинения А. С. Пушкина. Изд. А. С. Суворина. СПб., 1903, т. VII, с. 298). Под докладом подписались сенаторы Петр Баратынский, Вилим Мертенс, Николай Дурасов, гр. Федор Толстой, Павел Мансуров, Сергей Уваров.

** Курсив П. Е. Щеголева.— *Ред.*

винова; Оленин же, ввиду его крайней «умеренности», вряд ли мог оказать существенную помощь Пушкину. Одним из этих лиц или — что вернее — под руководством одного из этих лиц было составлено мнение гражданского департамента, принятое впоследствии, — правда, с некоторой переработкой, — и в общем собрании Государственного совета. Мнение было вне сравнения гуманнее приговора Сената: заключения Сената были значительно изменены в той их части, которая относилась к Леопольдову, и оставлены в силе для остальных прикосновенных.

«Свой приговор о Леопольдове Сенат основывал на 129 воинском артикуле. Статья эта заключается в следующем: «есть ли кто уведает, что один или многие нечто вредительное учинить намерены или имеют ведомость о шпионах или иных подозрительных людях, в обозе или гарнизонах обретающихся, и о том, в удобное время не объявит, тот имеет, по состоянию дела, на теле или животом наказан быть».

Цитируя артикул, автор мнения высказывался следующим образом:

«По мнению гражданского департамента закон сей не может приложен быть к существу настоящего дела в отношении к Леопольдову; ибо по всем обстоятельствам оно не представляется ничего такого, — чтоб могло наводить сомнение в неблагонамеренных видах Леопольдова, или чтоб, зная он о каком-либо злоумышлении, хотел скрыть сие от правительства; а что Леопольдов имел у себя список с письма Рылеева, сие не составляет существенного преступления, тем более, что письмо сие не содержит в себе ничего возмутительного и было в руках Леопольдова, как он объясняет, из одного любопытства видеть последние чувства кающегося преступника. Равным образом и в отношении к стихам Пушкина, на которых Леопольдов выставил 14-е число декабря, не представляется повода к заключению о каком-либо вредном со стороны Леопольдова умысле, кроме одной неосновательности в отнесении оных к происшествию того времени: хотя и в сем случае оправдывается он, что сделал надпись на стихах о 14-м числе по словам прапорщика Молчанова, выдававшими их писанными на означенный случай, между тем, как сам сочинитель стихов сих, Пушкин, относит содержание оных к Французской революции, и что они были сочинены им гораздо прежде происшествия 14 декабря, напечатаны в числе прочих его сти-

хотворений с пропуском нескольких слов с дозволения цензуры. Впрочем, Леопольдов не скрыл сего от правительства, уведомив об оном генерал-адъютанта Бенкендорфа в сентябре 1826-го года партикулярным письмом из дома родителей своих.

Что касается до переписки Леопольдова с дворянином человеком Брызгаловым, она нисколько и не касается сего предмета, и по содержанию своему совсем посторонняя для настоящего дела, по которому Леопольдов был предан суду.

Таким образом, департамент, по ближайшем и внимательном соображении обстоятельств сего дела, не усматривая ни в чем более вины Леопольдова, кроме одной неосновательности в неуместной надписи на стихах Пушкина о 14 числе декабря, и имея в виду пример высочайшего решения о подсудимых по сему же делу воинских чиновниках, которые за содержание у себя означенных бумаг втайне от своего начальства и за сообщение оных другим, не были подвергнуты столь тяжкому наказанию, к какому осуждается Правительствующим Сенатом Леопольдов,—полагает за означенную неосновательность его, Леопольдова, вменить ему в наказание содержание более года в остроге и подтвердить, чтоб впредь в поступках был основательнее.

С сим вместе гражданский департамент полагает поручить начальству, в ведомстве которого Леопольдов будет служить, чтоб оно обращало особенное внимание на его поведение, оставляя за тем заключение Правительствующего Сената по прочим делам сего чина в своей силе».

Таким образом, Н. Мордвинов, А. Балашов и А. Оленин, подписавшие журнал гражданского департамента, не сочли нужным усугублять приговор, постановленный Сенатом относительно Пушкина и обязывавший его не выпускать своих сочинений в публику без рассмотрения и пропуска цензуры.

28 июня журнал департамента был рассмотрен в общем собрании. Общее собрание, утвердившее мнение департамента, оказалось неблагоприятно настроенным по отношению к Пушкину. «Государственный совет, — гласит журнал, — в общем собрании, находя заключение департамента гражданских и духовных дел по сему делу правильным, положил оное утвердить с таковым в отношении к сочинителю стихов означенных Пушкину дополнением, что по неприличному выражению его в ответах своих насчет происшествия 14 декабря 1825 года и

по духу самого сочинения, в октябре 1825 года напечатанного, поручено было иметь за ним в месте его жительства секретный надзор»*.

Журнал общего собрания подписали гр. В. Кочубей, кн. Алексей Куракин, кн. Д. Лобанов-Ростовский, гр. П. Толстой, Г. Строганов, А. Сукин, К. Опперман, кн. Александр Голицын, Г. Кутузов, гр. А. Чернышев, М. Сперанский, А. Оленин, Федор Энгель, кн. Алексей Долгорукий. Кто из них был виновником отягощающей Пушкина прибавки к приговору, трудно сказать. Отметить следует, что кн. Голицын и гр. Чернышев были членами Следственной комиссии, а все они, кроме Голицына и Чернышева, участвовали в Верховном суде над декабристами.

Вторая часть мемория общего собрания Государственного совета 28 июня 1825 года, заключавшая в себе, между прочим, положение Государственного совета по делу о Леопольдове, была представлена государю 25 июля 1828 года. По объявленному председателем высочайшему повелению за № 1479 положение Государственного совета было утверждено.

При исполнении этого высочайшего повеления, т. е. при сообщении его в Сенат, вышло маленькое недоразумение, сущность которого видна из следующего секретного письма (от 13 августа 1828 года за № 499) председателя Государственного совета графа В. П. Кочубея к исправляющему должность государственного секретаря статс-секретарю В. Р. Марченку.

Секретно.

Милостивый государь мой, Василий Романович!

«В Высочайшем повелении, заготовленном Государственной канцелярией по делу о кандидате 10 класса Леопольдове, включены все суждения в Государственном совете бывшие и в журналах оного помещенные. — Между прочим, заключаются в сей бумаге следующие два обстоятельства: а) что чиновник 14 класса Коноплев употреблен был по секретной части, в) что Государственный совет положил иметь за сочинителем Пушкиным секретный надзор.

Не считая приличным упоминать о сем в высочайшем повелении, которое по заведенному порядку не только будет гласно в Правительствующем Сенате, но и передано из оного будет для исполнения в Уголовную палату, — я полагаю не вносить в сию бумагу означенных двух предметов; а касательно Пушкина сообщить высочайше утвержденное положение Государственно-

* Курсив П. Е. Щеголева.— *Ред.*

го совета отдельно г. главнокомандующему в С.-Петербурге и Кронштадте и выписку из дела о том, что до Пушкина относится.

Сообщая о сем вашему превосходительству для исполнения, имею честь быть с совершенным почтением
вашего превосходительства покорнейший слуга
граф В. Кочубей».

Главнокомандующий граф Толстой был уведомлен отношением за № 500 от 13 августа 1828 года. В этой бумаге Пушкин был поименован «известным стихотворцем нашим».

13 же августа Государственная канцелярия препроводила отношение и управляющему министерством юстиции для исполнения высочайшего повеления по делу Леопольдова. 20 августа состоялось определение Сената, и 27 августа дан Указ в Новгородскую палату.

НИКОЛАЙ I В ДНЕВНИКЕ ПУШКИНА

(ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К ДНЕВНИКУ ПУШКИНА)*

Дневник Пушкина... Первое впечатление: скупость, осторожность и сдержанность автора. Скупость — обычная, Пушкинская, а сдержанность — чрезмерная, почти граничащая с объективизмом. Об интимной, внутренней жизни — ни слова. Молчит Пушкин и о творческой своей жизни, роняя две-три фразы о своих произведениях в связи с их внешней историей (цензурой, подавлением в печати). Пушкин заносит в дневник только наблюдения над окружающей жизнью и собирает осколки прошлого в рассказах своих современников. Но и наблюдения Пушкин записывал с щепетильной осторожностью. Предназначал он свои записки для потомства, но боялся, что они попадут в руки современников, а потому сдерживал себя. Заносил тот или иной факт, Пушкин обычно ни одним словом не оговаривался о своем отношении к нему. Оценок почти нет. Фактическая насыщенность дневника и отсутствие оценок лишают возможности даже поставить вопрос о действительных взглядах автора. Но если Пушкин не сообщает нам, как он относится к описываемой им действительности, это еще не значит, что у нас отнята возможность определить его отношение к отмеченным в дневнике лицам и событиям. Задача, конечно, усложняется, и к ее решению нужно идти не всегда легким путем анализа. Оставляя дневник потомству, Пушкин преследовал исторические задачи, но историческое дело он творил, как художник.

Не все, что видел и слышал вокруг себя Пушкин, заносил он в дневник; он выбирал факты, и изучение самого процесса

* Эта статья [«Из комментариев к дневнику Пушкина. Пушкин о Николае I»] была предпослана изданию «Дневники Пушкина. 1833—1835». Под ред. и с объяснит. примеч. Б. Л. Модзалевского. М.—Пг., 1923, с. XIII—XXVI.— *Ред.*

отбора может привести нас к уяснению взглядов самого Пушкина, его отношения. Когда Пушкин заносил ту или иную деталь на память потомству, он смотрел на нее, как на деталь картины, которую нарисует в будущем на основании записей дневника или он сам, или неведомый читатель и исследователь. Для выяснения взглядов Пушкина необходимо всякой записанной Пушкиным детали отыскать место в картине. Мы должны оправдать надежды, которые Пушкин возлагал на потомство, оставляя ему свой дневник; мы должны под лаконичными, скупыми и нарочито объективными сообщениями дневника разгадать настоящие намерения автора, открыть его мысли и чувства при созерцании окружавшей его действительности.

До нас дошел не весь дневник Пушкина. То, что печатается теперь, воспроизводит рукописную тетрадь Пушкина № 2; тетрадь № 1 нам неизвестна¹. Но зато известный нам текст охватывает самые глухие годы в жизни Пушкина, — годы, о которых мы располагаем самым скудным биографическим материалом. И современных свидетелей, и документальных данных об этой поре жизни Пушкина меньше, чем о каком-либо другом периоде его жизни. Поэтому дневник Пушкина приобретает существеннейшее значение для биографии поэта. И значение его прежде всего в том, что он дает широкий фон для изображения общественной, светской и придворной жизни, которою жил поэт. Историческую ценность этого фона мы можем оценить только теперь, когда произведена огромная работа по комментированию имен, событий, намеков, углубившая этот фон и придавшая ему выпуклость. После работы Б. Л. Модзалевского нам легче разбираться и в вопросе о том, как оценивал действительность сам Пушкин, который, как будто принципиально, почти не высказывал своих оценок в дневнике.

Если разбить записи на категории по их содержанию, то по числу записей на первое место надо будет поставить сообщения о жизни двора и об императоре Николае. И понятно: Николай, двор, придворная жизнь в эти годы заняли виднейшее место во внешней жизни Пушкина, и не только во внешней. Поэтому представляется не лишенной интереса и поучительности попытка произвести изучение и анализ всех высказываний дневника о Николае I и на основании этого анализа определить отношение Пушкина к деятельности и личности Николая. А вопрос об отношении поэта к царю — один из кардинальных в биографии Пушкина; то или иное его решение немаловажно и для разрешения вопроса о политических взглядах Пушкина в 30-е годы, вновь привлечшего внимание исследователей в наше время (работа П. Н. Сакулина о Пушкине и Радищеве)². Правда, последние годы не принесли нам новых материалов по этому

вопросу, и мы должны ждать нового освещения вопроса от нового просмотра и углубленного изучения старых материалов. Впрочем, после Октябрьской революции современный исследователь находится в выгоднейшем положении по сравнению с работавшими до революционной эпохи. Я хочу сказать: с того момента, как русское самодержавие отошло в область истории, мы стали свободны от всех «предрассуждений», которые висели над мыслью ученого и исследователя. Достаточно привести в пример историю выяснения политического мировоззрения Пушкина: выводы многочисленных писателей, исследовавших этот вопрос, в последнем счете определялись не анализом материала, а общественными и политическими взглядами самих исследователей. Не было политической группы, которая в тех или иных работах своих представителей не присваивала бы себе Пушкина. Консерваторы готовы были считать его своим вождем, а либералы и радикалы вступали с ними в борьбу и отвоевывали Пушкина. Строгое, спокойное историческое расследование становится возможным только теперь, когда тот или иной ответ на вопрос, был ли монархистом Пушкин, искренне ли он был предан самодержавию и т. д., не огорчит исследователя и не даст потускнеть облику Пушкина.

Вопрос об отношении царя к поэту требует всестороннего рассмотрения. Легенду об исключительном отношении Николая к Пушкину можно теперь сдать в архив³. Двойственный характер отношений Николая I окончательно выяснен. Царь был невысокого мнения о Пушкине и как о поэте, и как о человеке; искуством его он интересовался в той мере, в какой оно могло служить выставкой его двора; сам Пушкин представлялся ему человеком незначительным и неприятным, требовавшим постоянного за собой надзора; убеждения Пушкина никогда не внушали Николаю полного доверия, что там ни писал Пушкин. Но в этих настоящих своих взглядах на поэта царь открывался только в кругу своей семьи и ближайших своих приспешников — друзей-слуг. Даже воспитатель сына Жуковский⁴ не догадывался о них и с восторженной болтливостью распинался о необычайных качествах царского интеллекта и о необычайном благоволении царя к Пушкину, в которых он почтил высокий талант и т. д. Но как раз именно такое представление о Николае и легло в основу отношений Пушкина к царю. «Во мне почтил он вдохновенье, освободил он мысль мою, и я ль, в сердечном умиленьи, ему хвалы не воспую». И по мере сил и возможностей благодарный и искренний Пушкин пел хвалу: «Он бодро, честно правит нами; Россию вдруг он оживил войной, надеждами, трудами...» Или: «Новый царь, суровый и могучий, на рубеже Европы бодро стал...»⁵.

Таковы все официальные высказывания Пушкина о царе. На их основании приходили к заключению, что Пушкин высоко, даже недостижимо высоко ценил Николая и как государя, и как человека, и был обязан ему искренней и почтительной преданностью верноподданного. Высказывания Пушкина сомнений не вызывали, и такую формулировку взглядов Пушкина на Николая следует считать общепринятой. Но достаточно ли обоснован этот вывод? То, что Пушкин говорил о Николае в поэтических своих произведениях и в официальных обращениях, конечно, имеет один смысл, одно толкование, но и об Александре I поэтические характеристики Пушкина, напечатанные при его жизни, допускают одно толкование — «народов друг, спаситель их свободы»⁶, — но в то же время в своих черновых тетрадях Пушкин хитро зашифровывал иные характеристики: «властитель слабый и лукавый, плешивый щеголь, враг труда, нечаянно пригретый славой...»⁷. Если об Александре зашифровывал, то как же ему было фиксировать мнения о Николае, хотя бы на иоту отходившие от официальных! И далее: десять с лишним лет длились личные отношения поэта к царю, — неужели же от начала до конца они были равными, и в них не было никакой эволюции? Процесс развития взглядов Пушкина на царя и отношений к нему тесно связан с жизнью созданного им поэтического образа самодержца и государя в его творчестве, с теоретическими представлениями о монархе и власти, с развитием политического мирозерцания. И в этом процессе мощной, меняющей силой была сама действительность, которая даже через самые розовые очки показывала себя в настоящем свете.

В 1825—1826 годах Пушкин совершил переход от вольномыслия своей молодости к освященным традициями теориям отечественного патриотизма. В этом патриотизме не без напряжения, но со всю искренностью он укреплял себя и дошел уже до покаянного состояния, до мучительных раскаяний в заблуждениях своей юности всех порядков: религиозных, моральных и политических. В 1831 году, под ближайшим воздействием Жуковского и придворной среды, Пушкин завершил свой переход на сторону официального патриотизма и отшлифовал свой политический символ. Ему казалось, что на этом и заканчивается процесс его политического развития, и отныне ему суждено торжественное и величавое спокойствие созерцания. Но мысль продолжала биться в тенетах окружавшей действительности, и тот разумный смысл, которым Пушкин наделял свои представления о действительности, вдруг как-то неожиданно исчезал и оставлял эту действительность обнаженной от здравого смысла. Так начиналась новая стадия эволюции по-

литического сознания. В 1833 году политическая мысль Пушкина нашла художественное воплощение в «Медном всаднике». Здесь — в ответ на страстный, даже вернее пристрастный вызов Мицкевича — яркое и отчетливое утверждение исторического значения русского самодержавия.

Все, что было, — было правильно и не могло быть иным, но историческая правда действительности вовсе не приводит Пушкина к признанию за нею права на правду в настоящем и тем менее в будущем. Да, русское самодержавие выполнило задачи огромной важности, но отсюда не следует, что в настоящем и будущем оно будет нужно для выполнения других, столь же важных государственных задач. Самодержавие, самовластие в себе самом несет зародыш гибели. Пушкин — художник, наделенный историческим чутьем, — не мог не признать исторической надобности и закономерности самодержавия; но он не мог и не видеть исторической надобности и закономерности... бунта, революции. Проблема бунта всю жизнь интересовала Пушкина. Недаром в крупнейших своих произведениях он разрабатывает тему восстания⁸. Правда, мы встречаем неоднократно резкое осуждение принципа революции, но эти внешние фразы не должны обмануть нас насчет глубокого интереса и глубоких размышлений о бунте, восстании, революции. К сожалению, пушкинисты еще не произвели очень нужной и интересной работы — сводки всех высказываний Пушкина о мятеже и восстании — не только, конечно, в законченных произведениях, но, главным образом, в черновых рукописях, а в последних для подобной работы найдется отменный материал.

Как бы Пушкин морально ни оценивал революцию и бунт, одно бесспорно: историческую ее законность он понимал и принимал. В «Медном всаднике» против самодержавия поднимает голову мятеж; объявляет бунт против владыки тот самый раб, который под властным взглядом властелина шел к анчару; «дерзает вооружиться противу общего порядка, против самодержавия, противу царя мелкий чиновник, человек без всякой власти, без всякой опоры»⁹. (Эти выражения, в которых Пушкин характеризует идейного зачинателя русского мятежа — Радищева, как нельзя лучше приложимы к Евгению из «Медного всадника».) Нет нужды, что робкая вспышка бунта раздавила самого мятежника. Важно то, что раб не умирает покорно у ног непобедимого владыки. «Ужо тебя!» — нависает угрозой над самодержавным деспотом. В этом «ужо тебя!» — предвестие грядущих русских восстаний, которые подымут против титанической власти самодержавия мелкие люди, «люди без всякой власти, без всякой опоры».

Если мы согласимся с тем, что были мгновения, когда Пуш-

жину была ясна историческая неизбежность и законность революции, то мы должны отказаться и от утверждения, что установившееся в самом начале 30-х годов политическое мировоззрение было чуждо эволюции и оставалось неизменным до конца жизни поэта. Сохранившаяся часть дневника Пушкина начинается с записи конца 1833 года, — того года, в который поэт совершил огромную идеологическую работу, нашедшую художественное выражение в «Медном всаднике». Выводы, сделанные Пушкиным и слегка намеченные нами, отбрасывают тень и на все записи дневника политического характера.

После этих общих замечаний переходим к изучению высказываний Пушкина о Николае в его дневнике. Пушкин наблюдал и изучал Николая в его государственной деятельности, в его придворной жизни и, наконец, в его личных отношениях к нему. Темы наблюдений были весьма щекотливы, и Пушкин в своих записях должен был быть нарочито сдержанным, должен был ограничиться только занесением в дневник фактов и событий, но воздержаться от оценок он все же не мог. И внимательный анализ его записей и редких, кратчайших, почти однословных оценок дает нам возможность нарисовать образ Николая, каким он был в глазах Пушкина, и сделать некоторые выводы об отношении поэта к царю.

У Пушкина был свой идеал государя-вождя, героя и раба долга, склоняющегося перед законом и интересом государственным. Государство было самодовлеющим организмом в политических представлениях Пушкина, государство было больше народа, а государь для народа был существом почти мифическим. В дневнике Пушкина отмечен разговор с великим князем Михаилом Павловичем по поводу фразы «Северной пчелы» о пребывании царя в Москве. «Государь император... с высоты Красного крыльца низко (низко!) поклонился народу... Как восхитительно было видеть великого государя, преклоняющего священную главу пред гражданами Московскими». Михаил Павлович обругал журналиста дураком: «Не забудь, что это читают лавочки», — добавил он Пушкину. «Великий князь прав, а журналист, конечно, глуп», — резюмировал рассказ Пушкин¹⁰. Немыслимо, по мнению Пушкина, невозможно представить царя низко кланяющимся народу, точно чего-то заискивающим у него, царя-повелителя по преимуществу, царя-владыку, посылающего своих рабов к древу смерти. Царь выше народа, выше человеческих страстей, царь — существо, близкое к божеству. Таков идеальный государь.

Конечно, идеальный царь — создание поэтического воображения Пушкина, в действительности таких царей никогда не существовало, и менее всего подходил под понятие идеального

царя Николай. Сжатые записи в дневнике Пушкина показывают, что Николай не годился в идеальные пушкинские цари. Эпоха, в которую разворачивалась деятельность Николая, охарактеризована сжато и выпукло: время бедное и бедственное. Блеск и роскошь двора не обманули Пушкина, и он не проглядел голодающей России, и поэтому резким укором Николаю звучит фактическая — без всяких оценок — запись об огромных суммах, отпущенных по приказанию Николая высшим сановникам, — Кочубею и Нессельроде, — на прокормление их голодающих крестьян. «У Нессельроде и Кочубея будут бабы, — (что также есть способ льстить двору)», — записывает Пушкин¹¹. «Что скажет народ, умирающий с голода?» — спрашивает в дневнике Пушкин, записывая, что праздников по случаю совершеннолетия наследника будет на полмиллиона¹². Колоссальная по тому времени сумма!

Пушкин осуждает Николая за назначение Сухозанета, запятнанного человека, на пост главного директора Пажеского и всех сухопутных корпусов и Дворянского полка. «Государь, — с иронией замечает Пушкин, — видел в нем изувеченного воина и назначил ему важнейший пост в государстве, как спокойное местечко в доме Инвалидов»¹³. Пушкин отрицательно относится к поведению Николая в деле Бринкена, проворовавшегося гвардейского офицера и курляндского дворянина. Николай изъял его из общей судимости и отдал на суд курляндскому дворянству. Пушкина возмущает своевольное деление в уголовном деле подсудимых на офицеров и чиновников, дворян и не дворян. «Прилично ли г<осудар>ю вмешиваться в обыкновенный ход судопроизводства?» — записывает в дневнике Пушкин. Эта запись не может не поражать нас крайней наивностью, которая находит объяснение лишь в крайней теоретичности идеалистических представлений Пушкина о государе. Пушкин следил за делом Бринкена, и когда дворянство отказалось судить Бринкена, с чувством известного удовлетворения записал: «Вот тебе [т. е. Николаю] шиш, и поделом»¹⁴. Но с идеалистическим представлением о царе в Пушкине уживалось чувство дворянской оппозиции; монарх, ничем не ограниченный, ограничивался во взглядах Пушкина какими-то обязанностями в отношении своем к дворянству. Когда в 1834 году был опубликован указ, ограничивающий срок пребывания за границей русских подданных, «находящихся в чужих краях», Пушкин отметил: Указ «есть явное нарушение права, данного дворянству Петром III»¹⁵. Дворянские тенденции Пушкина также поразительны по своей наивной мотивировке. Нельзя не вспомнить записанного в дневнике разговора с великим князем Михаилом Павловичем о дворянстве¹⁶. В 1832 году бы-

ло издано постановление о почетном гражданстве. Великий князь был против этого постановления, находя, что не нужно закрывать доступа в высшее сословие государства и насаждать третье сословие, «сию вечную стихию мятежей и оппозиции». Пушкин с горячностью возражал Михаилу Павловичу; он указывал, что или дворянство не нужно в государстве, или доступ в него должен быть затруднен и предоставляем всякий раз только по воле государя. А относительно опасений великого князя за возникновение третьего сословия Пушкин разразился тирадой: «Что касается до tiers état*, — что же значит наше старинное дворянство с именьями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью против аристократии и со всеми притязаниями на власть и богатства? Эдакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько же их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется много»¹⁷. Политическая наивность Пушкина кажется нам безмерной, и ошибка Пушкина бьет нам в глаза; но Пушкину его теория насчет старого дворянства была дорога психологически, она до известной степени скрашивала его социальную беспомощность. Считая старое дворянство настоящим оплотом нации и государства, Пушкин готов был придать революционный характер действиям абсолютной власти, направленным против старого дворянства, готов был считать всех Романовых¹⁸ революционерами и уравниателями. «Tous les Romanof sont révolutionnaires et niveleurs»**. Это положение столь далеко отстоит от действительной истории всех Романовых (за исключением Петра), что мы видим себя вынужденными принять эту фразу, сказанную Михаилу Павловичу, за своеобразный комплимент. Пушкин чувствовал себя обиженным в своем гражданском бытии политикой Николая I, который не поддерживал якобы старых дворянских родов и опирался на знать. Он был оскорблен, как дворянин.

О государственном творчестве Николая Пушкин ничего больше не мог записать в своем дневнике. Но с высот государственного строительства Николай I спулся под сень административных работ, работ по управлению. Несколько выразительных штрихов о Николае-управителе Пушкин оставил в своем дневнике. Сообщая факты, Пушкин не делает никаких к ним комментариев, но подбор фактов, а иногда самый способ их изложения подчеркивает смешные стороны в царе. «Парад... как-то не удался. Г<осударь> посадил наследника под арест

* третье сословие (франц.). — Ред.

** Все Романовы есть революционеры и уравниатели (франц.). — Ред.

на дворцовую обвахту за то, что он проскакал галопом вместо рыси». Не для назидания и поучения о великом царе занес Пушкин этот эпизод в дневник, а несомненно на некоторое позорище. Смешной тенью проходит Николай и в большой записи Пушкина о смерти Кочубея. Кочубей был в полном смысле ничтожным человеком. Пушкин приводит красноречивую эпиграмму на Кочубея, по всей вероятности, принадлежащую его перу: «Что в жизни доброго он сделал для людей, не знаю, черт меня убей»¹⁹. Но смерть такого ничтожества вызвала неожиданный эффект. Она произвела «сильное действие; государь был неутешен. Новые министры повесили голову». Этот контраст умершего ничтожества, с одной стороны, и неутешного государя и министров, повесивших головы, с другой — производит комическое впечатление. Смешна фигура Николая и в рассказе Пушкина об аресте цензора Никитенка за пропуск перевода Деларю из Гюго: Николай защищает православие... от нападений Деларю и Смирдина. «Отселе буря»²⁰.

С новой стороны показан Николай в записях Пушкина об его участии в разрешении семейных скандалов своих придворных. Безобразова, измученная ревностью мужа²¹, бросилась к царице²² с просьбой о разводе. «Государь сердит. Безобразов под арестом». Николай вообще любил входить в семейные дела окружающих. Пушкин записывает в дневнике о неосторожном или даже скандальном поведении княгини Суворовой²³. «Царица ее призывала к себе и побранила ее. Царь еще пуще». Николай пользовался репутацией верного хранителя семейного очага, но обстоятельствам эта репутация мало соответствовала. Почти для всех монархов, и для Николая в том числе, фрейлины двора были лакомым плодом. О так называемых «васильковых дурачествах» Николая у нас есть кое-какие сведения, но до революции об этой стороне жизни Николая почти нельзя было писать. Едва ли не об одном из таких васильковых дурачеств рассказывает Пушкин в записи об ухаживаниях Николая в Москве в 1834 году за московскими красавицами и московскими актрисами²⁴. К этой записи Пушкин переходит сейчас после упоминания о нежелании представляться царю вместе с 18-летними молокососами — камер-юнкерами. «Царь рассердился — да что мне делать», — заканчивает Пушкин одну запись и сейчас же переходит к другой: «покамест давайте злословить». Дальше следует рассказ о московских дурачествах Николая, рассказ очень осторожный и какой-то незаконченный. Но Пушкин счел нужным ввести его в дневник.

От общих впечатлений Пушкина переходим к впечатлениям личного общения с царем. Записи Пушкина о внешнем общении Николая не содержат материала для отрицательной

характеристики царя. Пушкин, описывая бал в Аничковом, о царе заметил: «Очень прост в своем обращении, совершенно по-домашнему»²⁵. Пушкин несколько раз видел царя на балах, разговаривал с ним. О разговорах он записывает в дневнике, кратко и сжато. Стоит отметить запись 28 февраля 1834 года: «на бале в концертной, г<осударь> долго со мною разговаривал; он говорит очень хорошо, не смешивая обоих языков, не делая обыкновенных ошибок и употребляя настоящие выражения»²⁶. Этот, сравнительно весьма скромный отзыв об ораторских достоинствах Николая дает повод к заключению, что это была первая большая беседа поэта с царем: как будто в первый раз он имел случай заметить обращающие на себя внимание только при долгом разговоре особенности речи. В дневнике есть упоминания и о других разговорах с царем, имевших место до этой беседы, но, надо думать, это были кратковременные разговоры, в которых Николай больше спрашивал, но не говорил, а Пушкин больше отвечал. Разговоры Пушкина с Николаем шли об истории Пугачева и кончились выдачей Пушкину в ссуду на печатание книги 20 000 рублей. «Спасибо», — замечает по этому поводу Пушкин. А замечания Николая, с которыми была возвращена рукопись Пугачева Пушкину, поэт оценил в дневнике, как «очень дельные»²⁷. К сожалению, эти замечания нам неизвестны, хотя рукопись, бывшая в руках Николая, по-видимому, нам известна. Но, по всей вероятности, письменных замечаний и не было: Бенкендорф вызвал Пушкина и вручил ему рукопись с царскими замечаниями, которые он мог передать ему и изустно. Если это предположение верно, то еще вопрос, принадлежали ли «очень дельные» замечания Николаю или какому-либо специалисту из III Отделения. К сожалению, Пушкин не изменил себе и дал сжатую запись — и без всякой оценки — о другом случае возвращения рукописи с замечаниями государя. Речь идет о «Медном всаднике». О том, как должны были возмутить Пушкина критические замечания о «Медном всаднике» (все равно, от кого они шли — от самого царя или от III Отделения), мы можем судить теперь, анализируя все вымарки на рукописи и пометы, указывавшие на необходимость изменений: изменения требовались такие и в таком количестве, что Пушкин, попробовав сделать их, отступился и предпочел хранить рукопись в своем письменном столе²⁸. А в дневнике он не обмолвился по поводу замечаний ни одним словом оценки, ограничившись кратким резюме, которое могло бы навести на мысль, что ему дороже художественных были материальные задания: «Все это делает мне большую разницу. Я принужден был переменить условия со Смирдиным»²⁹. За этой прозаической записью скрыты муки художника, созерцаю-

щего процесс порчи лучшего его произведения. Нельзя сказать, чтобы общение с Николаем, читателем и цензором произведений поэта, могло оставить в Пушкине впечатление положительное. Но была и еще одна сфера общения с царем — придворная: здесь выступали — во главе двора — монарх и его придворный слуга.

Пожалование в камер-юнкеры нанесло неизгладимую обиду Пушкину и сыграло крупную роль в эволюции личного его отношения к царю. Об этом с выпуклой яркостью свидетельствует дневник. Заноса 1 января 1834 года о пожаловании в придворный чин, Пушкин сразу же отмечает действительный мотив высочайшего благоволения — желание Николая видеть на придворных балах Наталью Николаевну³⁰. Но, удовлетворяя своему желанию, Николай ставил Пушкина в смешное положение. Для камер-юнкерства 35-летний Пушкин уже вышел из годов. Смешную сторону пожалования не мог не видеть сам Николай, видел ее высший свет и остро ощущал сам Пушкин. «Довольно неприлично моим летам», — записал 1 <го> января Пушкин и через несколько строк попытался определить впечатление, произведенное царской милостью. «Меня спрашивали, доволен ли я моим камер-юнкерством?» — записывает Пушкин и тут же, как будто забыв, что он написал несколькими строками выше, приводит свой ответ на этот вопрос, — тот единственный ответ, который он мог бы дать публичным вопрошателям: «доволен потому, что государь имел намерение отличить меня, а не сделать смешным»³¹. Но себя таким ответом Пушкин не мог обмануть и, чувствуя его слабость и неискренность, отмахнулся от вопроса иначе: «а по мне, хоть в камер-пажи, только б не заставили меня учиться французским вокабулам и арифметике»³². Может быть, прямого намерения сделать Пушкина смешным у Николая не было, но так вышло: Пушкин был поставлен в смешное положение в глазах общества. Пушкин записал в свой дневник свой ответ на поздравление великого князя Михаила Павловича: «до сих пор все надо мною смеялись, вы первый меня поздравили»³³. И Пушкин вменил в вину своему монарху пожалование в камер-юнкеры и не мог забыть и простить раны, нанесенной его самолюбью. Не мог не вменить, потому что знал, что Николай видел и сознавал всю неловкость своего поступка с Пушкиным. Царь сказал княгине В. Ф. Вяземской: «Надеюсь, что Пушкин хорошо принял свое назначение, до сих пор он держал свое слово, и я доволен им»³⁴. Эту фразу Пушкин занес в свой дневник, но цена этой фразы в его глазах была ничтожна. Пушкину она свидетельствовала только о том, что Николай сам признавал неприличие своего пожалования. Между поэтом и царем утверждалось не-

приятное понимание друг друга. Царь знал о Пушкине, что ему в высшей степени неприятно и обидно придворное звание, но он немного зарвался: он не удовлетворился только одним неприличием назначения, а стал настаивать полностью и на всех следствиях, вытекавших из этого пожалования. «Оказали тебе высочайшее благоволение, пожаловали в придворный чин,— значит, ты обязан благодарить, обязан выполнять скучные и смешные обязанности, налагаемые камер-юнкерским званием» — так думал Николай, но Пушкин чувствовал и думал иначе. «Государю неугодно было, что о моем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностию,— но я могу быть подданным, даже рабом,— но холопом и шутком не буду и у царя небесного». И действительно, Пушкин не мог пересилить себя хотя бы на выражение — внешнее и официальное — своего «благодарного» чувства. Через семнадцать дней после пожалования, на блистательном балу графа Бобринского, Пушкин имел случай говорить с Николаем, между прочим, о Пугачеве. «Госу<дарь> мне о моем камер-юнкерстве не говорил, а я не благодарил его», — записал Пушкин³⁵.

Камер-юнкерство усилило весьма ощутительным образом зависимость Пушкина от Николая. Поэт становился подотчетным в своем частном быту. Отныне он должен был в известные дни надевать камер-юнкерский мундир и представляться ко двору, по долгу своего звания украшать своим присутствием придворные балы, соблюдать правила придворного этикета... И Николай, привязав Пушкина еще одной, новой нитью, оказался очень требовательным в мелочах. Немало горьких минут и часов пережил Пушкин — камер-юнкер. Пушкин был глубоко задет камер-юнкерством: о степени глубокого чувства обиды, испытанного поэтом, можно заключить уже по необыкновенно частому упоминанию в дневнике о камер-юнкерстве и о неприятных тяготах, с ним связанных. Пушкин, очень скупой на записи в дневнике, на протяжении двадцати пяти (печатных) страниц возвращается к этой теме десять раз: непосредственно о самом камер-юнкерстве семь раз и три раза о событиях, им вызванных. Десять упоминаний — цифра очень почтенная для дневника Пушкина. Поэт заносит в дневник все факты своей «придворной жизни». Камер-юнкер Пушкин явился на бал в Аничков дворец в мундире, а надо было быть во фраке. Уехал назад, а Николай остался недоволен: камер-юнкер мог бы потрудиться надеть фрак и вернуться обратно. Надо сделать ему выговор. То камер-юнкер Пушкин вместо требуемой этикетом круглой шляпы придет в треугольной; то пуговицы у него не по этикету. И все это царь замечает и в строку ставит. Камер-юнкер Пушкин под вербное и на вербное воскресенье не

явился в дворцовую церковь — к нему летит приглашение объяснить причину своего отсутствия, и Пушкин, как мальчик, должен выдумывать извинительные изъяснения. Чтобы только не выступать в паре с молодыми камер-юнкерами на торжестве открытия Александровской колонны, поэт уезжает из Петербурга за пять дней до торжества³⁶. 6 декабря камер-юнкер Пушкин должен вкупе со своими молодыми товарищами поздравлять Николая с ангелом. Но это выше его сил. «Ни за что не поеду представляться с моими товарищами камер-юнкерами, молокососами 18-летними. Царь рассердится, — да что мне делать?» — занес поэт под 5 декабря³⁷, а затем с чувством известного удовлетворения, записал: «я все-таки не был 6-го во дворце — и рапортовался больным. За мною царь хотел прислать фельдъегеря или Арнта» [лейб-медика]³⁸.

Мелочная докука, принесенная придворным званием, раздражала и язвила Пушкина: недаром он высчитывает в дневнике все эти нудные придирки, смехотворные, но неприятные покушения на частную независимость поэта. Пушкин сдерживался, поверял свои чувства только дневнику, но по временам не мог ограничиться и удовлетвориться той свободой суждения, которую предоставлял ему дневник. Он давал иной исход своему чувству, и жизнь его осложнялась до чрезвычайности. Царь подымался на дыбы, и Пушкину приходилось нести поражение. В утешение себе оставалось только повторять: «Не дай бог ссориться с царями, плетью обуха не перешибешь». В апреле 1834 года почтовая цензура перехватила и представила Николаю письмо Пушкина к жене, в котором поэт отозвался в неподобающем тоне о царе: «Он хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут»³⁹. Царь пришел в гнев, сгоряча даже не разобрав дела, а Жуковскому пришлось елейными увещаниями замирать раздраженного монарха. Гроза прошла мимо Пушкина, но след остался: Николай документально узнал об отношении Пушкина к его монаршему благоволению и к нему самому и сложил в своем сердце. Но и Пушкину эпизод с письмом открыл новую, неизвестную ему черту в лике русского государя. «Какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться... Что ни говори, мудрено быть самодержавным». Николай перестает быть честным и благовоспитанным человеком в глазах Пушкина⁴⁰.

Нет сомнения, что и только что рассказанная история, и вообще треволения, вызванные камер-юнкерским званием, заня-

ли не последнее место (вернее, одно из первых) в ряду мотивов, под влиянием которых в Пушкине созрело и окрепло летом 1834 года желание порвать все отношения с царем, уйти в отставку, уехать в деревню и вернуть утраченную независимость. У поэта не хватило силы осуществить это решение, и его порыв ограничился первым шагом — подачей прошения об отставке, которое ему пришлось в условиях довольно унижительных брать обратно. История с отставкой хорошо известна. Николай милостиво разрешил Пушкину взять отставку обратно: «Я ему прощаю, но пригласите его, чтобы еще раз объяснить ему всю бессмысленность его поведения и чем все это может кончиться; и что то, что могло бы быть простительно двадцатилетнему безумцу, не может быть извинительно человеку тридцати пяти лет, мужу и отцу семейства»⁴¹. В этих словах, написанных Николаем на докладе Бенкендорфа, чувствуется раздражение, охватившее царя, когда он в перехваченном письме Пушкина прочел упрек себе за то, что упек Пушкина на старости лет в камер-пажи. Пушкин для своих тридцати пяти лет находит неприличным камер-юнкерское звание, но не может, по мнению Николая, совершать проступки, простительные тому возрасту, который соответствует камер-юнкерскому званию. Пусть же пеняет на себя. Об истории с отставкой в дневнике находим три строки: «Прошедший месяц был бурен. Чуть было не поссорился я со двором [читать надо: с царем] — но все перемололось. — Однако это мне не пройдет*»⁴². Пушкин сделал определенный вывод об отношении к нему Николая I и не ошибся. После этого столкновения Николай стал добывать самолюбие Пушкина. Мы уже приводили запись Пушкина о том, как царь хотел прислать за ним фельдъегеря или лейб-медика, когда он не явился принести свои поздравления. Это было после столкновения.

Кроме чисто фактических сообщений и записей о Николае I, смысл и цель которых мы теперь расшифровываем, в дневнике есть два общих суждения, которые упрятаны Пушкиным среди записей и не останавливали внимания исследователей. Но они покрывают своим значением все фактические записи. Они лаконичны, но нам известна насыщенная скупость Пушкинского стиля, и потому мы считаем нужным подчеркнуть выдающееся значение этих двух суждений Пушкина для разрешения вопроса об отношениях Пушкина к царю и об эволюции его политического мировоззрения. Первое суждение — общее, о начале самодержавной власти: «Что ни говори, мудрено быть самодержавным». Второе суждение — о Николае I,

* Разрядка П. Е. Щеголева. — *Ред.*

синтетически представляющее резюме изучений личности Николая. «Кто-то сказал о государе: в нем много прапорщика и мало Петра Великого». Пушкин осторожно записал: «кто-то сказал». Этот кто-то очень близок Пушкину, он не стал бы цитировать, если бы не сочувствовал ему, этот кто-то, конечно, — сам Пушкин. И когда Пушкин 21 мая 1834 года заносил суждение о Николае в свой дневник, не вспомнил ли он с горечью стихи, написанные им 22 декабря 1826 года?

Семейным сходством будь же горд,
Во всем будь пращурю подобен:
Как он, неутомим и тверд
И памятью, как он, незлобен⁴³.

Во всяком случае, это пожелание поэта надо сопоставлять с тем выводом, который был сделан Пушкиным в 1834 году из сравнения Николая с Петром. Все записи дневника о Николае свидетельствуют о том, что царь не удовлетворил пожеланию Пушкина и не обнаружил того сходства с Петром, которого желал ему Пушкин. Смешно и странно сопоставлять с обоготворенным Петром «Медного всадника» — монарха-прапорщика.

Нам кажется, — анализ записей Пушкина о Николае I в дневнике дает нам возможность сделать заключение, что принятое биографами и исследователями Пушкина представление об отношении Пушкина к царю не соответствует действительности. В 1833—1834 году Пушкин проявил критическое отношение к Николаю и как к монарху, и как к человеку, и трезво посмотрел на державца полумира. Положительное и восторженное отношение к Николаю сменилось отрицательным. На месте великого государя оказался прапорщик, а на месте человека-героя оказался мелкий человек, ограниченный и узкий, злобно-памятливый.

ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ В 1836 ГОДУ

(НОВОЕ О ДУЭЛИ)*

I

После работ, опубликованных мною в 1927 году**, можно считать установленным, что анонимный пасквиль — роковой повод к последней дуэли Пушкина с Дантесом — ставил в оскорбительную связь имя жены поэта с именем императора Николая. Текст диплома ясно говорит об этом: «Кавалеры первой степени, командоры и рыцари светлейшего Ордена Рогоносцев, собравшись в Великий Капитул, под председательством высокопочтенного Великого Магистра Ордена, е<го> п<ревосходительства> Д. Л. Нарышкина, единогласно избрали г-на Александра Пушкина заместителем [коадьютером] великого магистра Ордена Рогоносцев и историографом Ордена. Непременный секретарь: граф И. Борх» (XVI, 180—181, 394). Нарышкин — муж долголетней возлюбленной императора Александра, Марьи Антоновны. Утверждая Пушкина в звании историографа ордена рогоносцев и помощника великого магистра, составитель диплома язвительно указывал на то, что Наталья Николаевна Пушкина была в столь же близких отношениях к Николаю Павловичу, как Марья Антоновна к Александру Павловичу. Пусть Наталья Николаевна была только мнимой фавориткой, но Пушкин и чувствовал, и боялся, что всеиль-

* Напечатано впервые в журнале «Огонек», 1928, № 24 [См.: Щеголев П. Е. Царь, жандарм и поэт. Новое о дуэли Пушкина. Очерк]. Последний раздел статьи появляется здесь впервые.

** «Анонимный пасквиль и враги Пушкина» в третьем издании моей книги «Дуэль и смерть Пушкина». М.—Л., 1928; см. также мою статью в «Огоньке» (1927, № 42, 16 окт.) «Кто писал анонимные письма Пушкину?» [а также: Щеголев П. Е. Смерть Пушкина: Очерк для «Огонька». — Огонек, 1927, № 7 (203); о н же. Убийца Пушкина: Новый взгляд на историю дуэли. — Веч. Москва, 1927, 13.X, 14.X; о н же. Убийцы Пушкина. — Минувшие дни, 1927, № 1, с. 111—130].

ный самодержец в один прекрасный день пожелает склонить и склонит стыдливую красоту на монаршее ложе. В дипломе упомянуто и третье имя — непременно секретаря ордена роноосцев графа Борха. Жена графа И. М. Борх отличалась легкостью своих нравов; по смыслу диплома, и у нее должны были быть «августейшие» отношения, но твердых и определенных свидетельств в нашем распоряжении не было. Быть может, наш вопрос и недоумения разрешает следующий отрывок из письма А. О. Смирновой к графине Е. П. Ростопчиной. Письмо это ускользнуло от внимания и моего, и других исследователей*. Письмо от декабря 1839 года; Ростопчина жила в это время в именье в Воронежской губернии, а ее приятельница кружилась в высшем свете. Смирнова пишет о перспективах зимнего сезона 1839—1840 годов в высшем свете. «Модными светилами будут всегда наша милая Магу Пашкова, за которой ухаживает ее верный поклонник Georges, m-me Крюденер, Бутурлина; это первый план». Все названные здесь три женщины были предметом вожделений императора Николая. Сама же Смирнова в своих записках вспоминает, как в предшествующий (1838—1839 гг.) сезон Николай наслаждался соперничеством (из-за него) баронессы Крюденер, графини Бутурлиной, как всю зиму ужинал между Крюденер и Мэри Пашковой, которой «эта роль не нравилась», по словам Смирновой**. Едва ли под Georges' ем в письме к Ростопчиной не зашифрован сам Николай? Итак, Пашкова, Крюденер, Бутурлина, объекты длительных увлечений царя, — женщины первого плана. Дальше Смирнова сообщает: «На втором [плане] княгиня Юсупова и Долгорукая, рожденная Апраксина. Лиза Голицына, Суворова и графиня Воронцова не выезжают из-за траура; последняя, впрочем, сможет принимать полу-участие в удовольствиях, так как Кирилл Александрович похоронен вчера¹. Маленькая Эмма Б<орх> вернулась еще красивее, чем когда-либо, и забавляется тем, что опять позволяет этому мерзкому Sercey компрометировать ее; ее не щадят, так как она *беззащитная* и к тому же кокетничает обыкновенно слишком очевидно». Маленькая Эмма Б. — конечно, графиня Борх, Любовь Викентьевна, Любовь = Aimée = Эмма. В словах Смирновой о ней надо подчеркнуть намек на легкость нравов, на страсть к кокетству и выражение, подчеркнутое самой Смирновой: «ее не щадят, так как она беззащитная». Была защита, щадили; какая же защита? Самой прочной защитой было «августейшее» благоволение: тут все хули-

* [Письмо А. О. Смирновой Е. П. Ростопчиной от 23 декабря 1839 г.] — Русский архив, 1905, № 10, с. 221.

** См: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина, с. 440.

тели и хулиельницы смолкали. На первом царском плане — увлечения длительные, с затяжной игрой в любовь, на втором — васильковые дурачества, мимолетные встречи, короткие удары. Тут на августейшем пути подвернулась, должно быть, и неустойчивая графиня Эмма Борх, жена того графа Иосифа Борха, который жил со своим фореитором, по словам Пушкина. О самой графине Борх Пушкин выразился, что она живет с кучером. Если защитник графини Борх верно угадан в Николае, то получается острое сближение: в обладании графиней император соперничал с кучером!

II

Язвительная стрела попала в цель. Пушкин остро почувствовал удар, не только почувствовал, но и сразу понял, от кого он идет. Почти сразу же по получении пасквиля Пушкин пришел к твердому и непоколебимому убеждению, что пасквиль идет от голландского посланника барона Геккерна. Геккерн мстил Пушкину за то дурацкое положение, в которое Пушкин поставил и его, и его приемного сына Дантеса² осенью 1836 года³. Дантес вел любовную игру с Н. Н. Пушкиной; страсть его была возбуждена в высшей мере, возбуждение не ускользнуло от Пушкина, и Дантес, желая отвести грозу от Натальи Николаевны, спас ее, заявив, что ухаживания его относятся не к Наталье Николаевне, а к сестре ее Екатерине⁴. Пушкин принял за истину заявление Дантеса и понуждал его к женитьбе. Геккерн, бросая намек на императора, как оскорбителя семейной чести Пушкина, рассчитывал, быть может, в суматохе избавиться от вынужденного брака.

Перед Пушкиным было три врага: Дантес, Геккерн и Николай. Дантесу он послал вызов. После долгих переговоров и просьб Геккерну удалось отвести удар и убедить Пушкина отказаться от дуэли. Но Дантес был последним для Пушкина человеком в этом деле. В порыве отчаяния и бессилия Пушкин попробовал было разорвать свои связи с царем, сделав попытку вернуть ему денежные ссуды, выданные ему по царской милости⁵. Но это ему не удалось, да этого ему, Геккерну, было бы и мало. Но Геккерн, отправляя диплом, задевал честь не только Пушкина, но и царя: конечно, ему и в голову не приходило, что царь когда-либо узнает содержание диплома. Пушкин замыслил месть, разительную, полную, опрокидывающую человека в грязь. Он решил пойти напролом и выдать Геккерну с головой монарху. «Привлечь высочайшее внимание к пасквилю, предъявить его царю: «не я один, муж Натальи Николаевны, помянут здесь, но и брат ваш, да и вы сами, ваше величество. А смастерил этот пасквиль господин голландский

посланник барон Геккерн. Обратите на его голову громы и молнию!» Такой диплом для Николая Павловича то же, что кусок красной материи для быка. Да, в таком случае произошел бы, действительно, скандал, единственный в своем роде... Указание на Геккерна как на составителя подметного письма, задевающего семейную честь императорской фамилии, сослужило бы Пушкину несомненную пользу и в отношениях царя к чете Пушкиных. Произошло бы поражение и другого опасного — гораздо более опасного, чем Дантес, — поклонника Натальи Николаевны — Николая Павловича Романова. Атмосфера была бы разрежена. Вот та тонкая игра, которую хотел повести Пушкин*. После замирения дела о дуэли с Дантесом Пушкин решил перейти в открытое нападение на Геккерна. Он написал письмо голландскому посланнику. Текст его нам неизвестен, но граф Соллогуб, которому Пушкин прочел это письмо, утверждал, что в известном письме, отправленном Геккерну 26 января 1837 года, Пушкин повторил почти текстуально свое ноябрьское письмо. Соллогуб вспоминал впоследствии о чтении письма на день 21 ноября: «Губы его [Пушкина] задрожали, глаза налились кровью. Он был до того страшен, что только тогда я понял, что он действительно африканского происхождения»⁶. Этого письма Пушкин не отправил, но в тот же день 21 ноября он написал следующее письмо:

«Граф! Считаю себя вправе и даже обязанным сообщить Вашему сиятельству о том, что недавно произошло в моем семействе. Утром 4 ноября я получил три экземпляра анонимного письма, оскорбительного для моей чести и чести моей жены. По виду бумаги, по слогу письма, по тому, как оно было составлено, я с первой же минуты понял, что оно исходит от иностранца, человека высшего круга, от дипломата. Я занялся розысками. Я узнал, что семь или восемь человек получили в один и тот же день по экземпляру того же письма, запечатанного и адресованного на мое имя, под двойным конвертом. Большинство лиц, получивших письма, подозревая гнусность, их ко мне не переслали.

В общем, все были возмущены таким подлым и беспричинным оскорблением; но, твердя, что поведение моей жены было безупречно, говорили, что поводом к этой низости было настойчивое ухаживание за нею г-на Дантеса.

Мне не подобало видеть, чтобы имя моей жены было в данном случае связано с чьим бы то ни было именем. Я поручил сказать это г-ну Дантесу. Барон Геккерн приехал ко мне и при-

* Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина, с. 455—456.

нял вызов от имени г-на Дантеса, прося у меня отсрочки на две недели.

Оказывается, что в этот промежуток времени г-н Дантес влюбился в мою свояченицу, мадемуазель Гончарову, и сделал ей предложение. Узнав об этом из толков в обществе, я поручил попросить г-на д'Аршиака [секунданта г-на Дантеса], чтобы мой вызов рассматривался как не имевший места. Тем временем я убедился, что анонимное письмо исходило от г-на Геккерна, о чем считаю своим долгом довести до сведения правительства и общества.

Будучи единственным судьей и хранителем моей чести и чести моей жены, и не требуя вследствие этого ни правосудия, ни мщениия, я не могу и не хочу представлять кому бы то ни было доказательства того, что утверждаю.

Во всяком случае надеюсь, граф, что это письмо служит доказательством уважения и доверия, которые я к вам питаю. С этими чувствами имею честь быть, граф, ваш нижайший и покорнейший слуга А. Пушкин. 21 ноября 1836». (XVI, 191—192, 397—398)⁷

Это письмо вызывает немало недоумений. Кому оно адресовано? При первом появлении в печати оно было отнесено сначала с вопросом («кажется») графу Бенкендорфу, а потом уже было усвоено ему без вопроса. Я высказал предположение в последнем издании моей книги, что оно адресовано графу Нессельроде. Подлинник его неизвестен. П. И. Бартенев сообщал со слов кн. Вяземских, что письмо это было найдено в кармане сюртука, в котором Пушкин дрался на дуэли⁸. Исследователи сходятся на том, что письмо не было послано, и заключают, что план мести Пушкина остался невыполненным. Во всяком случае, если это письмо и было в руках Нессельроде или Бенкендорфа, то до царя оно не дошло, так казалось и мне. А ведь в планы Пушкина как раз и входило довести до царя о пасквильных обстоятельствах, поставить царя лицом к лицу с дипломом. На этом пункте и обрывалась история этой стадии дуэльных отношений Пушкина. Но в настоящий момент мы можем ее продолжить, благодаря счастливому и ошеломительному открытию нового обстоятельства, абсолютно неизвестного до сих пор исследователям. Прежде, чем привести этот новый, неизвестный документ, просим читателя держать в памяти даты и сосредоточить в своем воображении все обстоятельства, выше нами изложенные. Главное: 21 ноября графу Соллогубу Пушкин прочел письмо к Геккерну, 21 же ноября датировано его письмо, объявляющее автором пасквиля Геккерна.

При российском императорском дворе велись так называемые камер-фурьерские журналы. Камер-фурьеры простым языком, без особых словоизвитий, заносили в книги события внешней жизни царя, записывали, кого царь принимал, кто представлялся, куда ездил царь, кто был за обедом, кто был на придворных балах и т. д. Конечно, не все — даже внешние — события получали отражение в записках камер-фурьеров, но то, что было записано в их журналах, соответствовало действительности. Камер-фурьерские журналы сохранились в бывшем архиве Министерства двора (ныне в Централхиве); я просмотрел их и извлек все самые малейшие данные, которые могли бы иметь касательство к Пушкину. Они будут использованы мной в специальной работе «Пушкин при дворе»⁹. Здесь же я приведу только одну запись, сделанную в камер-фурьерском журнале в понедельник 23 ноября. Привожу с буквальной точностью эту запись, сделанную по трафарету в порядке трафаретной придворной хронологии.

«1836 г. Месяц ноябрь. Присутствие их величеств в собственном дворце.

Понедельник. 23-го. С 6-ти часов его величество принимал с докладом военного министра генерал-адъютанта графа Чернышева, генерал-лейтенанта графа Грабовского, действительного статского советника Туркуля, статс-секретаря Лонгинова, министра высочайшего двора князя Волконского и генерал-адъютанта Киселева. За сими с рапортами военного губернатора графа Эссена, коменданта Мартынова и обер-полицмейстера Кокوشкина.

10 минут 2-го часа его величество одни в санях выезд имел прогуливаться по городу и возвратился в 3 часа во дворец».

Царский деловой день кончился, время шло к обеду и к мирным развлечениям семейной жизни. И вдруг эта жизнь была прервана необычайным визитом, против придворного этикета, вне обычного времени. Вслед за приведенными только что строками камер-фурьерское перо записывает:

«По возвращении его величество принимал генерал-адъютанта графа Бенкендорфа и камер-юнкера Пушкина»¹⁰.

Вот новое свидетельство к истории дуэли, оглашаемое нами впервые. Оно лаконично и сухо, но нельзя с достаточной силой оценить его значение для истории последних месяцев жизни Пушкина. У нас не было никакого представления об этом свидании в неурочное время поэта с царем в присутствии шефа жандармов. Никто из трех лиц, беседовавших в 4-м часу дня 23 ноября 1836 года в царском кабинете, в Зимнем дворце,

не проговорился ни одним словом об этом свидании, и если бы бесстрастный камер-фурьер не записал о нем в свой журнал, тайна свидания схоронена была бы на век. Чем вызван был этот чрезвычайный прием, о чем шла речь — мы можем строить только предположения. Попытаемся их высказать. Чрезвычайность приема (после окончания обыкновенного приема, после царской прогулки, в необычное время) свидетельствует о чрезвычайности тех обстоятельств, которые заставили шефа жандармов привести с собой камер-юнкера Пушкина. И понятно, важность была не в событиях частной жизни Пушкина (из-за этого не стоило бы беспокоить государя!), а в чем-то совершенно выходящем из пределов. Но вспомним слова Пушкина, сказанные им в салоне княгини В. Ф. Вяземской: «я знаю автора анонимных писем, и через неделю вы услышите, как станут говорить о мести, единственной в своем роде; она будет полная, совершенная»¹¹. Вспомним, каким изобразил Пушкина граф Соллогуб, прослушавший 21 ноября его письмо к Геккерну: «губы его задрожали, глаза налились кровью. Он был до того страшен, что только тогда я понял, что он действительно африканского происхождения». Мне кажется, не противоречащим истине будет предположение, что Пушкин доставил-таки соответствующему начальству (все равно, будь то Нессельроде или Бенкендорф) свое заявление о том, что автором диплома, позорящего честь и его, Пушкина, и самого царя, является голландский посланник. Можно себе представить, какое ошеломляющее впечатление на Нессельроде или Бенкендорфа произвело подобное заявление. Создавался неслыханный скандал. Можно предпологать с полной вероятностью, что Бенкендорф пытался урезонить, успокоить Пушкина, но он был в таком настроении, когда никакие резоны на него действовать не могли. Оставался один верховный судья — сам царь. Только он один и мог предотвратить катастрофу. Но ведь Пушкин и жаждал этого свидания. 23 ноября в 4-м часу дня произошло наконец объяснение между царем и Пушкиным. Надо думать, что Пушкин осведомил царя о своих семейных обстоятельствах, о дипломе (как тут себя почувствовал Николай!) и об Геккерне — авторе диплома. Результаты свидания? Они ясны. Пушкин был укрощен, был вынужден дать слово молчать о Геккерне. Его отщепенные Геккерну не получили огласки, но на царя известное впечатление он произвел — тут Николай должен был сообразить дальнейшие последствия своих ухаживаний за Натальей Николаевной и оценить поступок голландского посланника. Во всяком случае, беседа втроем была чрезвычайно интимна, и никто из присутствовавших не проронил о ней ни слова. Но с полной уверенностью можно теперь утверждать, что Николай не был

неосведомленным относительно происходившего: наоборот, он знал о деле Пушкина больше, чем его друзья, Жуковский и Вяземский. Уж никак нельзя утверждать, что Николай был тут ни при чем. Правда, мои выводы — только предположения, но предположения естественные, вытекающие из хода события, как оно представляется на основании моих разысканий¹².

IV

В рассказе Жуковского о конце Пушкина меня всегда поражала одна фраза Пушкина: «Когда Арендт [лейб-медик] перед своим отъездом подошел к Пушкину, он ему сказал: Попросите государя, чтобы он меня простил»¹³. Неужели в этот смертный час Пушкин мог думать о том, что он нарушил законы и мог просить прощения за это нарушение? Теперь, когда мы знаем о свидании, естественнее думать, что Пушкин просил прощения за нарушение слова, данного царю насчет Геккерна. Не лишнее отметить, что в письме, отправленном Геккерну 26 января¹⁴, Пушкин не оставил ни одного выражения, которое свидетельствовало бы о том, что Пушкин обвиняет Геккерна в составлении пасквиля, тогда как в разорванных клочках и черновиках содержались прямые указания на фабрикацию пасквиля именно Геккерном.

Быть может, отголоски свидания находятся в рассказе Николая, записанном в дневнике барона Корфа: «Под конец жизни Пушкина,— рассказывал Николай Корфу через одиннадцать лет после событий,— встречаясь очень часто с его женой, которую я очень любил и теперь люблю, как очень хорошую и добрую женщину, я как-то разговорился с нею о комеражах, которым ее красота подвергает ее в обществе: я советовал ей быть как можно осторожнее и беречь свою репутацию сколько для себя самой, столько и для счастья мужа при известной его ревности. Она, верно, рассказала об этом мужу, потому что, встретясь где-то со мной, он стал меня благодарить за добрые советы его жене. — Разве ты и мог ожидать от меня другого? — спросил я его. — Не только мог, государь, но признаюсь откровенно, я и вас самих подозревал в ухаживании за моей женой... Три дня спустя была его последняя дуэль»¹⁵. Здесь спутаны факты, но важно одно заключение: у Николая был разговор на интимную тему с Пушкиным, разговор, детали которого вряд ли могли быть приятны царю. Но не происходил ли он в Зимнем дворце 23 ноября 1836 года?

Как бы там ни было, сообщению камер-фурьерского журнала об этом свидании в истории последних месяцев жизни поэта надо отвести первостепенное место.

Начальник III Отделения, он же шеф корпуса жандармов ежегодно докладывал царю отчет по своему учреждению в форме «обозрения расположения умов и некоторых частей государственного управления». Такой отчет был представлен Николаю Бенкендорфом и за 1837 год. В нем находим и краткое сообщение о смерти Пушкина, которое дает окончательный взгляд на Пушкина, подытоживая, так сказать, отношения III Отделения и царя, конечно, к поэту. Приведем эту часть отчета, хранящегося в настоящее время в Москве, в архиве внешней политики и революции (л. 61 об.— 62 об.). Ни одна деталь отношений III Отделения не должна исчезнуть для потомства.

«В начале сего года умер, от полученной на поединке раны, знаменитый наш стихотворец Пушкин. Пушкин соединял в себе два отдельных существа: он был великий поэт и великий либерал, ненавистник всякой власти.— Осыпанный благодарениями государя, он однако же до самого конца жизни не изменился в своих правилах, а только в последние годы стал осторожнее в изъявлении оных.— Сообразно сим двум свойствам Пушкина, образовался и круг его приверженцев: он состоял из литераторов и из всех либералов нашего общества. И те и другие приняли живейшее, самое пламенное участие в смерти Пушкина; — собрание посетителей при теле было необыкновенное; — отпевание намеревались давать торжественное; — многие располагали следовать за гробом до самого места погребения в Псковской губернии; наконец, дошли слухи, что будто в самом Пскове предполагалось выпрячь лошадей и везти гроб людьми, приготовив к тому жителей Пскова. Мудрено было решить, не относились ли все эти почести более к Пушкину-либералу, нежели к Пушкину-поэту.— В сем недоумении и имея в виду отзывы многих благомыслящих людей, что подобное как бы народное изъявление скорби о смерти Пушкина представляет некоторым образом неприличную картину торжества либералов,— высшее наблюдение признало своею обязанностью мерами негласными устранить все сии почести, что и было исполнено».

Павел Васильевич Анненков в 1857 году представил на рассмотрение С.-Петербургского цензурного комитета рукопись дополнительного седьмого тома сочинений Пушкина. Анненков приложил в подлиннике следующее письмо вдовы Пушкина: «По смыслу условия, заключенного между нами, — права на напечатание седьмого последнего тома «Сочинений А. С. Пушкина» предоставлено мною издателю первых шести томов его, Павлу Васильевичу Анненкову. Марта 25 дня 1857 года. Наталья Николаевна Ланская»**.

Рукопись пошла на просмотр к Ивану Александровичу Гончарову, служившему с 19 февраля 1856 года цензором в С.-Петербургском комитете¹. Гончаров представил комитету 6 апреля доклад о седьмом томе. Указывая сомнительные в цензурном отношении места, Гончаров все же полагал, что можно разрешить к печатанию весь 7 том без всяких изменений. С.-Петербургский цензурный комитет, находя донесение Гончарова «вообще заслуживающим уважения», представил и рукопись тома и донесение Гончарова на благоусмотрение Главного управления цензуры. Главное управление постановило разрешить к печатанию седьмой том Пушкина с некоторыми исключениями. Доклад Гончарова подвергся рассмотрению по пунктам и против каждого из пунктов, признанных им сом-

* Настоящая заметка напечатана впервые в «Голосе земли», 29 января 1912 г., № 20. В известном труде А. Мазона «Un maître du roman russe Ivan Gontcharov». Paris, 1914, в главе о Гончарове-цензоре есть ссылка на эту заметку, но материалы, в ней использованные, остались невоспроизведенными.

** Разрядка П. Е. Щеголева. — *Ред.* См.: Сочинения Пушкина. Седьмой, дополнительный том. Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1857. [Далее — Сочинения Пушкина. — *Ред.*]

нительным, положена была резолюция, а затем на основании этих резолюций была поставлена выписка мест, подлежащих исключению из рукописи седьмого тома.

Воспроизводим этот любопытный доклад И. А. Гончарова по списку, находящемуся в деле канцелярии министра народного просвещения по Главному управлению цензуры (№ 151466, 1857 года). Список совершенно тождествен с подлинником, находящимся в соответственном деле С.-Петербургского цензурного комитета.

«Представляя при сем VII том сочинений Пушкина в цензурный комитет, для препровождения на рассмотрение Главного управления цензуры, на основании высочайшего повеления, изъясненного в предложении министра народного просвещения, от 16 февраля 1852 года, № 232, честь имею присовокупить следующие замечания:

В этом томе, разделенном на два отдела, стихотворный и прозаический, собраны целые сочинения и отрывки, большею частью напечатанные в разных периодических изданиях и альманахах, как видно из находящихся под каждой статьей замечок издателя. Некоторые же, хотя и не были напечатаны, но ходили по рукам в рукописях и давно известны в публике наравне с напечатанными.

Места, которые могут возбуждать сомнения в цензурном отношении, находятся в следующих пьесах:

В стихотворном отделе:

Исключить зачеркнутое черным карандашом.

1. В стихотворении «Вишня» (стр. 6) в последних двух строфах, в описании «раздавленной вишни» можно подозревать намек на другое, но намек это прикрыт свойственно Пушкину грациею и не оскорбляет приличия².

Позволить.

2. В послании к «Князю Г.» (стр. 15—16) есть несколько стихов, которые в цензурном отношении могут показаться сомнительными по выражениям: украшенных глупцов, почетных подлецов³.

Исключить по черному карандашу.

3. Стихотворение «Моя родословная» (стр. 19)⁴, ходило в рукописи и известно было, как ответ Булгарину на его упрек в происхождении Пушкина: в предполагаемом издании г. Анненкова многие стихи исключены и в таком виде стихотворение не противно правилам цензу-

ры. Притом большая часть строф, как видно из примечания издателя, были уже напечатаны в «Отечественных записках»⁵.

Позволить.

4. Два «Послания к Аристарху» (стр. 28—34) заключают в себе сатиру на ту-поумие не понимающего своей обязанности цензора и вместе с тем представляют идеал умного и благородного цензора, ревнителя просвещения. Личностей никаких нет. Воздерживаясь от всякого заключения об этих посланиях, имею честь представить их на усмотрение комитета⁶.

Позволить.

5. «Стансы» (стр. 35) заключают несколько смелых стихов о вреде лести перед престолом. Невозможно сделать из этих стихов, заключающих сверх того величавую характеристику царствования государя императора Николая Павловича и изливание благодарного сердца поэта за оказанные ему благодеяния, какое-либо толкование не в пользу автора, или стихотворения⁷.

Исключить.

6. «На выздоровление Лукулла» (стр. 40). При появлении этого стихотворения (в «Московском наблюдателе», 1835) ходили толки, что оно заключало в себе личность: с тех пор это значение, если оно действительно было, утратилось и стихотворение само по себе не противно правилам цензуры⁸.

Позволить за исключением шести стихов, зачеркнутых черным карандашом. Позволить за исключением полустиха: «для власти, для ливрей».

7. В стихотворении «Когда великое свершилось торжество» (стр. 43)⁹ обращают на себя внимание, смелостью, 12-й и четыре последних стиха, хотя стихотворение по мысли весьма благонамеренно. Точно так же могут показаться смелыми несколько выражений в следующем за тем стихотворении «Из VI Пиндемонта» (стр. 44)¹⁰.

Позволить.

8. Сцена из «Бориса Годунова» (стр. 73—75). Разговор двух монахов о скуке монастырской жизни нисколько не нарушает уважения к монашескому званию,

Позволить.

Сверх того исключить: «Цаплю», «Гостинная и салон» (как сочин. не Пущк.), «Арзамас» (как не полное).

99 позволить.

101 — исключить.

ибо один из этих монахов Отрепьев, а другой такого же свойства — подает ему мысль назваться царевичем. Сцена эта, как видно из примечания, была напечатана три раза¹¹.

В заключение помещено несколько эпиграмм, направленных на некоторые известные лица, между прочим, на Коченовского (стр. 97) и одного старого, еще существующего журналиста (стр. 99 и 101): но эти эпиграммы так известны всем, что всякое укрывательство их со стороны цензуры было бы совершенно бесполезно, тем более, что и они, как говорится в примечании, были напечатаны¹².

В прозаическом отделе:

В материалах для первой главы истории Петра Великого описываются Стрелецкие бунты, происки царевны Софии, Голицына, Щегловитова, Хованских и других лиц. Кроме того, местами выражаются смелые исторические воззрения, например: энергическая защита молодым Петром семейства от стрельцов, названа «скаской» и т. п.; наиболее резкие места находятся на стр. 11, 13, 15, 21, 23, 30 и 40. Казалось бы бесполезно теперь скрывать от публики как самые факты, не имеющие ничего общего с нашей эпохой, так и свет, проливаемых на них историком¹³.

В статье «Камчатские дела», заключающей в себе обзор исторических данных о приобретении русскими Камчатки, есть одно место (стр. 62), где описано, как казаки, ограбив церковь, «плясали в поповских ризах». Голый факт приводится без всяких толкований и потому для сохранения исторической верности не должен подлежать исключению¹⁴.

В статье «Александр Радищев» (стр. 67 по 97) представляется полный очерк известного вольнодумца времен Екате-

Позволить.

Позволить.

Позволить.

рины II, автора книги «Путешествие из Петербурга в Москву», за которую он был сослан в Сибирь, потом возвращен. Пушкин описывает вступление его в существовавшее тогда общество Мартинистов, их дух и направление. Образ мыслей того времени, воспитание лица — все это не имеет никакого отношения к нашей современности и может разве только послужить материалом будущему историку нравов той эпохи, а потому вся статья могла бы быть без всякого вреда напечатана, как любопытный исторический эскиз. Места, над которыми могла бы задуматься цензура, если б они встретились в какой-нибудь современной статье, находятся на стр. 72 по 76, 80, 84, 95, 96 и 87¹⁵.

Позволить.

Торжество дружбы или оправданный Александр Анфимович Орлов¹⁶ и несколько слов о мизинце г. Б¹⁷ (стр. 137 по 155) две полемические статьи, под псевдонимом Косичкина, против журнальной партии Греча и Булгарина. По тону и личностям статьи эти несколько резки, но время притупило колкость и статьи дороги только по памяти Пушкина. Вреда в цензурном отношении нет.

Позволить.

Мнение Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной. (Читано им 18 января 1836 года в императорской Российской Академии.) Пушкин в разборе своем оспаривает мнение Лобанова, находившего безусловный вред в новейшей, преимущественно, французской литературе, и высказывает собственный, весьма благонамеренный взгляд на этот предмет. Стр. 160 по 165 и 172 по 176 заключают в себе между прочим суждения об обязанностях цензуры также благонамеренные. Статья оканчивается воззванием к Российской Академии¹⁸.

Принимая в соображение:

1) что со времени кончины Пушкина прошло около двадцати лет и что эпоха его деятельности относительно современного литературного движения может считаться минувшею;

2) что большая часть из собранных в представляемом ныне томе его сочинений были уже напечатаны, а не напечатанные давно известны и ходят по рукам в рукописях; притом многие затронутые им лица или сошли со сцены, или скрыты под вымышленными именами, и личности и намеки поступили в число литературных преданий, и наконец,

3) что уважение к памяти поэта требует всевозможной пощады и осторожности при цензурном рассмотрении его сочинений, которые и в этом отношении могли бы, до значительной степени, составить исключение противу других писателей,— я полагал бы испросить разрешение Главного управления цензуры на одобрение VII тома сочинений Пушкина в печать без всяких изменений, о чем и имею честь представить на усмотрение цензурного комитета. Цензор И. Гончаров. 6 апреля 1857 г. Согласно резолюциям была составлена выписка всех обреченных на исключение мест. Вот сей документ:

Выписка мест, по определению Главного управления цензуры подлежащих и с к л ю ч е н и ю при допущении в печать рукописных сочинений А. С. Пушкина, представленных С.-Петербургским цензурным комитетом 11 апреля и 3 мая 1857 года за №№ 295 и 359.

В рукописи, озаглавленной: Часть I. Стихотворения и поэтические отрывки.

В стихотворении «Вишня», на стр. 5, четверостишие:

Корсетом прикрыта
Вся прелесть грудей,
Под фаргуком скрыта
Приманка людей.

В том же стихотворении, на стр. 6-й:

И ветвь затрещала —
Беда, смерть грозит!
Пастушка упала
Но, ах, какой вид...
.
Пастушку несчастну
С сучка тихо снял,
И грудь свою страстну
К красотке прижал.

Вся кровь закипела
В двух пылких сердцах,
Любовь прилетела
На быстрых крылах.

Утеха страданий
Двух юных сердец,
В любви ожиданий,
Супругам венеч...

И вмиг зарезвился
Амур в их ногах;
Пастух очутился
На полных грудях.

И вишню румяну
В соку раздавил,
И соком багряным
Траву окропил.

2. В стихотворении «Моя родословная», на стр. 20-й:

Его пример будь нам наукой:

Не всяк князь Яков Долгорукой
Счастлив покорный мещанин.

3. На страницах 40-й, 41-й и 42-й:

«На выздоровление Лукулла»*

4. В стихотворении «Когда великое свершилось торжество»,
на стр. 43:

Или распятие казенная поклажа,
И вы боитесь воров или мышей?—

И далее, там же:

Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род Адамов искушила,
И, чтоб не потеснить гуляющих господ,
Пускать не велено сюда простой народ?

5. В стихотворении «Из VI Пиндемонта», на стр. 44-й, сло-
ва: «для власти, для ливреи».

6. Эпиграмма и примечание к ней на стр. 101 и 102:

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях,
Мицкевич лях;
Пожалуй, будь себе татарин,
И в том не вижу я стыда.
Будь жид, и это не беда;
Но то беда, что ты...¹⁹

Примечание. Эпиграмма эта была помещена в журнале
«Сын отечества» 1830 г., № 17, стр. 303, изд. гт. Греча

* Далее выписано все стихотворение, которое мы не приводим, и
следующее к нему примечание Анненкова: «Стихотворение появилось в
«Московском наблюдателе» 1835 года, том IV, кн. 2, с. 191—193. «Со-
временники поэта предполагали в основе этой пьесы эпиграммическую
мысль, что и было причиной исключения стихов из издания «Сочинений
Пушкина» 1837—1841 годов и из последнего издания 1895 г.

и Булгарина. Ей предшествовало там объяснение редакции и заключалась она примечанием наборщика. Выписываем первое: «В Москве ходит по рукам и пришла сюда, для раздачи любопытствующим, эпиграмма одного известного поэта. Желая угодить нашим противникам и читателям и сберечь сие драгоценное произведение от искажения при перепечатке, печатаем его».

Примечание наборщика к последнему стиху эпиграммы тоже выписываем: «Правда, беда — но кому. Не литературным ли трутням, Цапхалкиным, Задушатиным и т. п. Примечание наборщика». Вообще далеко не все эпиграммы Пушкина собраны в нашем отделе. Мы приняли только те из них, которые, как видим, считались естественным обменом литературных нападок и не оскорбляли лиц, к которым относились; эпиграммы другого рода нами отстранены. Так исключили мы и стихи «На смерть А. Л. П.»²⁰, хотя они и были напечатаны в журнале «Современник» 1854 г. № 9, стр. 18, отд. 3. Кстати, скажем для завершения отдела и для сообщения ему возможной полноты, что в журнале «Москвитянин» 1849, № 4, стр. 85, «смесь» напечатан следующий экспромт Пушкина:

Француз дитя:
О так, шутя,
Разрушит трон
И даст закон,
И быстр, как взор,
И пуст, как вздор,
И удивит
И насмешит.

Сообщающий этот экспромт поэта прибавляет: «Пушкин сказал тогда несколько стихов и об англичанах, к сожалению, припомнить их трудно». Действительно, длинные строфы в этом роде об англичанах и немцах, которые теперь приписываются Пушкину, носят на себе признаки искажения и вряд ли могут ему принадлежать. Выписка подписана за директора П. Новосильским и скреплена секретарем Л. Добровольским. Об отношении Гончарова к памяти Пушкина можно судить по следующему строкам в его письме к М. А. Языкову, от 15/17 декабря 1853 года: «И Павлу Васильевичу [Анненкову] кланяйтесь: так он издает Пушкина! Как я рад, я, жаркий и неизменный поклонник Александра Сергеевича. Он с детства был моим идолом и только один он. Я было навязывался на подарок экземпляра, да Павел Васильич, уклончивый вообще, в этом случае уклонился с особенным старанием»*.

* Модзалевский Б. Л. Из переписки Гончарова. — Временник Пушкинского Дома. Пг., 1914, вып. II, с. 100²¹.

Сборник избранных работ П. Е. Щеголева характеризует его исторические и литературные взгляды, общественную позицию. В подобном составе работы исследователя публикуются впервые. Составитель стремился представить особенность творческого метода Щеголева, как синтез литературного и исторического поисков, становление в его творчестве исследовательской проблемы — «Русская литература и освободительное движение». Весь материал представлен по двум разделам: в первом разделе помещены статьи, посвященные «первому революционеру» А. Н. Радищеву, «первому декабристу» В. Ф. Раевскому, А. С. Грибоедову и его роли в движении декабристов, А. А. Дельвигу, и воспоминания о Л. Н. Толстом. Во втором разделе — статьи, посвященные А. С. Пушкину и его роли в освободительном движении. Следует сразу же оговориться, что этот состав статей отнюдь не исчерпывает всего творческого наследия П. Е. Щеголева по данным вопросам. В этот сборник не вошли работы исследователя, посвященные Н. В. Гоголю, В. Г. Белинскому, И. С. Тургеневу и т. д. При включении в книгу статьи «Возвращение декабриста» удалось воспользоваться лишь публикацией из нее «Воспоминаний В. Ф. Раевского», бывших в распоряжении П. Е. Щеголева, и местонахождение которых сейчас не установлено.

Все статьи печатаются по тексту последних прижизненных публикаций исследователя (за исключением статей «Зеленая лампа» и «К истории пушкинской масонской ложи») и основными источниками являются сочинения П. Е. Щеголева («Исторические этюды». Спб., 1913; «Декабристы». М.—Л., 1926; «Из жизни и творчества Пушкина». 3-е изд., испр. и доп. М.—Л., 1931). С целью приближения библиографического описания к современным издательским требованиям и в то же время стараясь сохранить авторскую манеру подачи материала, решено было, в ряде случаев, вводить редакторские и авторские уточнения, заключая их при этом в квад-

ратные скобки. Во всех остальных случаях современное библиографическое описание дано в тексте комментариев. При публикации без оговорок исправлены явные опiski, опечатки. Слова и заголовки, дополняющие текст, заключены в угловые скобки.

Орфография и пунктуация приведены в соответствии с современными нормами; исключения составляют тексты публикуемых документов. Купюры, сделанные в свое время П. Е. Щеголевым, чаще всего по цензурным и редакторским соображениям, восстановлены в угловых скобках.

Все цитаты из сочинений и писем Пушкина приводятся по изданию: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений (Академия наук СССР). Т. I—XVI, 1937—1949, и т. XVII (справочный), 1959; т. II, III, VIII, IX — каждый в двух книгах — 1, 2; при отсылках в тексте даются том (римская цифра) и страница (арабская).

Впервые сделан перевод иноязычных текстов; при переводе пушкинских текстов было использовано академическое издание сочинений поэта.

К «Комментариям» приложен «Указатель имен», содержащий краткие библиографические сведения только о лицах, упоминаемых в тексте работ П. Е. Щеголева; фамилии текста вступительной статьи не учитываются. Имена комментариев и библиографических сносок текста выделены курсивом.

ИЗ ИСТОРИИ ЖУРНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. Н. Радищева (1789 г.)

Впервые — «Минувшие годы», 1908, № 12, с. 191—209; *перепеч.*: Щеголев П. Е. Исторические этюды. Спб., 1913, с. 3—30.

¹ «Почта духов», ежемесячное издание, или ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами». Издатель и автор — И. А. Крылов. Журнал выходил в Петербурге в 1789 году (ч. I, январь — апрель), (ч. 2, май — август); всего — 8 номеров в типографии И. Г. Рахманинова; в 1802 г. журнал был переиздан. Предполагалось возобновить журнал в конце мая — начале июня 1790 года. Но в условиях ведущегося следствия по делу А. Н. Радищева журнал был, по видимому, или окончательно запрещен цензурой, или прекращен самим издателем. Имеются сведения, что И. Г. Рахманинов в 1793 г. без ведома цензуры переиздал журнал у себя в типографии в деревне Казинке Козловского у. Тамбовской губ. Тем не менее весь тираж (600—650 экз.) 17 января 1794 года был опечатан и сгорел во время пожара 27 апреля 1797 года. Об этом см.: Сводный каталог русской книги XVIII века. 1725—1800. Ч. IV. М., 1966, с. 168.

² В составе журнала 48 писем, объединенных общим сюжетом. Автором писем является И. А. Крылов. Тем не менее исследователями так-

же назывались имена и А. Н. Радищева, И. Г. Рахманинова, Н. Ф. Эмина.

³ П. Е. Щеголев ошибочно указал в сноске на «Адскую почту». «Адская почта, или Переписка хромого беса с кривым». Ежемесячное издание 1769 года. Журнал выходил в Петербурге с июля по декабрь, всего шесть книжек. Издатель и автор — Ф. А. Эмин. Журнал не поднимал больших социальных тем, всецело отдаваясь литературной борьбе. Сатирические публикации журнала изобилуют намеками на конкретные лица высшего круга и нападки на литературных противников Эмина — А. П. Сумарокова, М. М. Хераскова и др. Выступление против журнала «Всякая всячина», вышедшего под наблюдением императрицы, привело к конфискации августовской книжки журнала и его прекращению.

Переиздания: 1789 г. — «Курьер из ада с письмами» и «Адская почта, или Курьер из ада с письмами», оба с существенными купюрами.

⁴ Массон (Masson) Шарль (Карл), француз на русской службе, преподаватель артиллерийско-инженерного кадетского корпуса, затем секретарь президента Военной коллегии Н. И. Салтыкова и губернатор его сыновей; с 1795 года секретарь вел. кн. Александра Павловича, мемуарист; автор книги: *Maison C. F. Ph. Mémoires secrets sur la Russie et particulièrement sur la fin du règne de Catherine II et le commencement de celui de Paul I.* Paris, An VIII [1800]. («Секретные мемуары России и в частности конца правления Екатерины II и начала правления Павла I»).

⁵ Работа В. А. Бильбасова была задумана в 12-ти томах; т. 1—2, 1890—1891; т. 3—11 не выходили; т. 12 вышел в двух частях.

⁶ Первая жена Радищева — Рубановская Анна Васильевна (ум. 1783).

⁷ Рубановская Елизавета Васильевна (1764—1797), свояченица А. Н. Радищева, его вторая жена.

⁸ У А. Н. Радищева от первого брака было четверо детей: сыновья — Василий, Николай, Павел и дочь Екатерина и от второго — дочери — Фекла, Анна и сын Афанасий.

⁹ «Беседующий гражданин». Ежемесячное издание, заключающее в себе рассуждения вольным слогом и на стихах, как на природном русском языке сочиненные, так и заимствованные переводом у самых лучших иностранных писателей, чрез разные роды творений открывающие путь к ясному познанию главнейших обязанностей человека в общности, а наипаче гражданина.

Ч. I. Генварь, февраль, март, апрель. Спб., 1789.

Ч. II. Май, июнь, июль, август. Спб., 1789.

Ч. III. Сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь. Спб., 1789. Во граде Св. Петра (Типография И. Г. Рахманинова).

Журнал «Беседующий гражданин» был органом «Общества друзей словесных наук», возглавляемым М. И. Антоновским; соиздателем был И. Г. Рахманинов. Журнал распространялся по подписке — 201 экз.

¹⁰ «Общество друзей словесных наук» было организовано в Петербурге в 1784 г. М. И. Антоновским, воспитанником Московского университета, близким в те годы к Г. И. Шварцу, профессору философии, последователю Н. И. Новикова. В числе учредителей общества А. Н. Радищев еще не значится, он вступил позднее, начиная с 1785 г. Общество ставило перед собой не столько литературные, сколько общественные, философские и моральные темы. По мнению исследователей, этические принципы, положенные в основу деятельности Общества, являются, в известной мере, прообразом принципов будущих декабристских организаций (см.: Бабкин Д. С. А. Н. Радищев. Литературно-общественная деятельность. М.—Л., 1966, с. 142). Есть основание полагать, что в этом журнале Радищев, кроме разбираемой статьи, поместил также: «Рассуждение о том, в чем состоит разум любомудрия», «Рассуждение о связи естественного права с правом гражданским» и «Рассуждение о человеке и его способностях». (Семенов В. Н. Литературно-общественный круг Радищева. — Сб. ст.: А. Н. Радищев. Материалы и исследования. М.—Л., 1936, с. 228). Ю. М. Лотман, согласный с выводами относительно авторства Радищева последней статьи, считает также, что Радищеву принадлежит и статья «Рассуждение о труде и праздности». (Лотман Ю. М. Из истории литературно-общественной борьбы 80-х годов XVIII в.— Сб. ст.: Радищев. Статьи и материалы. Л., 1950, с. 81—128).

¹¹ Имеется в виду русско-шведская война 1788—1790 годов.

¹² Объявленная П. Е. Щеголевым работа в печати не появлялась. В 1909 году этот замысел и не мог быть реализован по той простой причине, что сам Щеголев был осужден и находился в это время в петербургской тюрьме «Кресты».

¹³ Тучков Алексей Васильевич, генерал, отец С. А. Тучкова.

¹⁴ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М., 1938, т. 1, с. 1—21.

ВЛАДИМИР РАЕВСКИЙ
(Первый декабрист)

Впервые под названием «Владимир Раевский и его время: Биографический очерк. (род. 1795—ум. 1872)» — Вестник Европы, 1903, № 6, с. 509—561. Своеобразным подступом исследователя к теме явилась его статья «Раевский Владимир [в тексте ошибочно — Василий. — *Ред.*] Федосеевич», помещенная в Энцикл. сл. Брокгауз — Ефрон, 1903, т. XXIV (51), с. 103—104. Первые отдельные издания, под заглавием «Первый декабрист Владимир Раевский: Из истории общественных движений в России в первой четверти XIX века» (Спб., 1905; 1907); *перепеч.*: Щеголев П. Е. Исторические этюды. Спб., 1913, с. 152—252; он же. Декабристы. М.—Л., 1926, с. 7—58 (с приложением всеподданнейшего доклада И. И. Дибича. — Там же, с. 59—70).

Тема, поднятая в свое время П. Е. Щеголевым, успешно разрабаты-

вается и в советское время. Об исследованиях и публикациях этих лет см.: В. Ф. Раевский. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1980—1983, т. 1—2. В первом томе названного издания, вышедшего в серии «Полярная звезда. Документы и материалы», приведена библиография работ по данной теме (с. 5—6).

¹ Строки из стихотворения В. Ф. Раевского «Послание дочери Александре» [1848 г.]. — В кн.: В. Ф. Раевский. Материалы о жизни и революционной деятельности [Далее — Материалы...]. Т. 2. Материалы судебного процесса и документы о жизни и деятельности в Сибири. Иркутск, 1983, с. 304; впервые — Русская старина, 1890, № 5, с. 377.

² См.: Выписка из «Записок» В. Ф. Раевского, находившихся в распоряжении П. Е. Щеголева. — В кн.: В. Ф. Раевский. Материалы..., т. 2, с. 377—378.

³ Раевская Наталья Федосеевна, в замужестве Алисова, воспитывалась в Смольном институте благородных девиц.

⁴ Раевская Александра Федосеевна, воспитывалась в Смольном институте благородных девиц, после выпуска из института постоянно жила в родовом имении Хворостянка, завещала свою долю родительского наследства детям брата-декабриста, но сестры (Любовь и Надежда) не выполнили ее волю, и дети Раевского, как и он сам, не получили завещанного.

⁵ Раевская (в замужестве — Горолецкая) Мария Федосеевна.

⁶ Раевский Александр Федосеевич, штабс-капитан лейб-гвардии Уланского полка.

⁷ Раевский Григорий Федосеевич, отставной корнет.

⁸ Раевская (в замужестве — Бердяева) Надежда Федосеевна, в 1831 году у нее, по доносу Василия Раевского, были изъяты письма и другие бумаги брата-декабриста; ее муж — Бердяев Николай Николаевич.

⁹ Раевская (в замужестве — Попова) Вера Федосеевна, училась в Харькове и Москве; ее муж — Попов Иоасаф Александрович (1818—1875), предводитель дворянства г. Новый Оскол Курской губ. Поповы, будучи бездетными, с 1861 года воспитывали младшего сына В. Ф. Раевского — Вадима. С этой семьей Раевский поддерживал теплые родственные отношения. В 1865 г. В. Ф. Попова-Раевская завещала имение племяннику, но после его смерти к ней фактически перешло все литературное наследие, завещанное Вадиму отцом. Судьба этого наследия неизвестна.

¹⁰ Раевская (в замужестве — Веригина) Любовь Федосеевна; ее муж — Веригин Александр Михайлович (1809—1875), помещик Курской губ. С этой семьей В. Ф. Раевский никаких родственных отношений не поддерживал, так как сестра фактически присвоила себе его долю родового имения и не помогала брату, когда он в этом особенно нуждался.

¹¹ Раевский Андрей Федосеевич, штабс-капитан л.-гв. Уланского полка, поэт переводчик, член Вольного общества любителей словесности.

¹² Раевский Петр Федосеевич, отставной корнет; после смерти отца.

других братьев, ареста В. Ф. Раевского, стал единственным распорядителем имения и всех средств семьи, которые тратил на кутежи и привел все хозяйство в состояние упадка. Первым публикатором материалов своего деда-декабриста выступил Раевский Владимир Вадимович, состоявший в переписке с редактором «Исторического вестника» С. Н. Шубинским и П. Е. Щеголевым.

¹³ Раевский В. Ф. Послание дочери Александре.— В кн.: В. Ф. Раевский. Материалы..., т. 2, с. 303. Первая публикация стихотворения — в журнале «Русская старина», 1890, № 5, с. 376.

¹⁴ См.: Письмо В. Ф. Раевского к сестре В. Ф. Поповой от 21 мая 1868 года.— В кн.: В. Ф. Раевский. Материалы..., т. 2, с. 460.

¹⁵ Об участии А. Ф. Раевского в журнале «Вестник Европы» в 1809 г., «Цветнике» (1809—1810) и «Украинском вестнике» (1816—1819) см.: Русская периодическая печать (1702—1794). М., 1959, с. 105, 133, 159. Кроме того, А. Ф. Раевский является также автором книги «Воспоминания о походах 1813 и 1814 годов» (М., 1822, ч. 1—2) и переводчиком с немецкого книги эрцгерцога Карла «Правила стратегии, объясненные описанием похода 1796 года в Германии» (СПб., 1818, ч. 1).

¹⁶ Раевский В. Ф. Мой формуляр.— В кн.: В. Ф. Раевский. Материалы..., т. 2, с. 344.

¹⁷ Академик М. В. Нечкина приводит интересное свидетельство о том, что именно В. Ф. Раевскому и его другу Г. С. Батенькову принадлежал замысел создания тайного общества еще накануне Отечественной войны 1812 года (см.: Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955, т. 1, с. 106—107, 131—132).

¹⁸ Восстание декабристов. Документы. М., 1976, т. XIV, с. 93; ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 11, л. 109—109 об.

¹⁹ Письмо В. Ф. Раевского к сестре В. Ф. Поповой от 21 мая 1868 года.— В кн.: В. Ф. Раевский. Материалы..., т. 2, с. 461.

²⁰ См.: Личные и служебные документы В. Ф. Раевского. № 1. Формулярный список «о службе и достоинстве» майора 32-го Егерского полка В. Ф. Раевского. 1821 г.— В кн.: В. Ф. Раевский. Материалы..., т. 1. Документы о революционной деятельности и судебном процессе. Иркутск, 1980, с. 59, 61.

²¹ Там же, с. 58.

²² См.: В. Ф. Раевский. Материалы..., т. 2, с. 377.

В трактате «Дух законов» («De l'esprit des lois») Ш.-Л. Монтескье выступает против абсолютизма, провозглашает основные принципы демократии: свободу слова, печати, собраний, требует равенства всех граждан перед законом, осуждает рабство. Ж.-Ж. Руссо в своем трактате «Об общественном договоре, или принципы политического права» («Contrat social») выразил идею народного суверенитета и право народа вернуть себе свободу, узурпированную тем или иным деспотом.

²³ См.: Формулярный список...— В. Ф. Раевский. Материалы..., т. 1, с. 60.

²⁴ Там же, с. 60, 61.

²⁵ Декабрист Иван Дмитриевич Якушкин, живший в 1837—1856 годах на поселении в Ялуторовске, после отбытия срока каторги неоднократно встречался в Иркутске с В. Ф. Раевским.

²⁶ Раевский В. Ф. Предсмертная дума.— В кн.: В. Ф. Раевский. Материалы..., т. 2, с. 301.

²⁷ Там же, с. 305.

²⁸ Раевский В. Ф. Послание дочери Александре.— В кн.: В. Ф. Раевский. Материалы..., т. 2, с. 305—306.

²⁹ Раевский приводит имена генералов, отличавшихся наиболее жестоким отношением к нижним чинам. Издевательства командира л.-гв. Семеновского полка, полковника Шварца, привели к возмущению полка в 1820 году. Восстание было подавлено, а Шварц по суду был уволен, вскоре опять был возвращен в армию. В 1850 году генерал-лейтенант Шварц, будучи командиром дивизии, вновь был отстранен от службы «за злоупотребление властью, жестокие наказания и истязания солдат». Не меньшим служебным «рвением» отличался и командир 6-го пехотного корпуса генерал-от-инфантерии Л. О. Рот, имевший в армии прозвище «Рвот».

³⁰ М. М. Сперанский в 1819—1821 годах был генерал-губернатором Сибири.

³¹ Н. С. Мордвинов был в числе тех государственных деятелей, которого декабристы предполагали ввести в состав Временного правительства после переворота (см.: Семенова А. В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982).

³² См.: В. Ф. Раевский. Материалы..., т. 2, с. 303.

³³ Там же, с. 461.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, с. 377.

³⁶ Там же.

³⁷ «Донесение Следственной Комиссии». Печатано по высочайшему повелению в Военной типографии Главного штаба е. и. в. [Спб., 1826], 95 с.

³⁸ Тургенев Николай Иванович, член Союза благоденствия, в начале 20-х годов отошел от активной общественной деятельности и уехал за границу. После восстания 14 декабря 1825 года был заочно приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой, в Россию не вернулся, умер в Париже (см.: Tourguenev N. La Russie et les Russes. Bruxelles, 1847, t. 1—3; Т. 1. Mémoires d'un proscrit; Т. 2. Tableau moral, politique et social de la Russie; Т. 3. De l'avenir de la Russie; первое русское издание: Тургенев Н. Россия и русские [т. 1], ч. 1. М., 1907; т. 2. Очерки политической и социальной истории. М., 1907).

³⁹ См.: Из писем Николая Ивановича Тургенева к его братьям. 1826—1827.— Русский архив, 1895, № 8, с. 465—483; Письмо Н. И. Тургенева к императору Николаю Павловичу (1827).— Там же, № 9, с. 30—32; Письмо Н. И. Тургенева в Париж к брату его Александру Ивановичу

и к Жуковскому (1827).— Там же, № 11, с. 339—345; Фомин А. А. Николай Иванович Тургенев в письмах к своим братьям (Из собрания писем Павла Васильевича Жуковского).— Русская старина, 1901, № 5, с. 235—275; Николай Иванович Тургенев в своем оправдании (Из бумаг Павла Васильевича Жуковского). Сообщ. А. А. Фомин.— Там же, № 8, с. 267—283; № 9, с. 632—641; № 10, с. 207—220; № 11, с. 327—340; № 12, с. 649—680.

⁴⁰ См.: Письмо В. А. Жуковского к императору Николаю Павловичу.— Русский архив, 1895, № 8, с. 519—520; Записка В. А. Жуковского о Н. И. Тургеневе.— Там же, № 9, с. 13—29.

⁴¹ О позиции Н. И. Тургенева (см.: Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955, т. 1, с. 13—14, 17).

⁴² Бурцов Иван Григорьевич, полковник, член Союза благоденствия, сторонник умеренных реформ, противник радикальных взглядов и Пестеля; им был уничтожен список членов тайного общества, изъятый в 1822 году при аресте В. Ф. Раевского, что лишило судей главной улики против декабристов. Погиб на Кавказе в 1829 году. Комаров Николай Иванович, полковник, член Союза благоденствия, после 1821 года отошел от активной деятельности в обществе, во время следствия вызывался для дачи показаний в Петербург, их «чистосердечие» и «подробность» лишили его уважения бывших товарищей, узнавших о его предательстве, застрелился в 1853 году.

⁴³ Имеется в виду восстание Черниговского полка 29 декабря 1825—3 января 1826 года, руководимого С. И. Муравьевым-Апостолом.

⁴⁴ Волконский Петр Михайлович, бывший в 1826 году министром императорского двора, приходился дядей декабристу С. Г. Волконскому.

⁴⁵ См.: Щеголев П. Е. «Катехизис» Сергея Муравьева-Апостола: (Из истории агитационной литературы декабристов).— Минувшие годы, 1908, № 11, с. 50—80; *перепеч.*: Щеголев П. Е. Декабристы. М.—Л., 1926, с. 229—259).

⁴⁶ Охотников Константин Алексеевич, член Союза благоденствия, близкий друг В. Ф. Раевского, в 1822 году вышел в отставку в чине майора, последние годы жил в Кишиневе.

⁴⁷ Непенин Андрей Григорьевич, член Союза благоденствия, в 1826 году был привлечен к суду, затем уволен в отставку и выслан в Тульский у. под надзор полиции.

⁴⁸ Юмин Иван Матвеевич, член Союза благоденствия, привлекался к суду, но был освобожден за предательство в деле В. Ф. Раевского.

⁴⁹ Таушев Николай Степанович, член Союза благоденствия, после 1825 года уволен со службы и отдан под надзор полиции.

⁵⁰ Письмо А. С. Пушкина В. А. Жуковскому от 20-х чисел января 1826 года (XIII, 257).

⁵¹ Пушкин А. С. Генералу Пушину. Впервые опубликовано П. О. Морозовым в академическом издании собрания сочинений поэта (Спб., 1912, с. 38, примеч., с. 480). Датируется 1—15 июня 1821 года.

⁵² См.: В. Ф. Раевский. Материалы..., т. 2, с. 317. Здесь идет речь о Липранди Павле Петровиче, брате И. П. Липранди, адъютанте генерала Сабанеева, впоследствии генерале-от-инфантерии.

⁵³ См.: В. Ф. Раевский. Материалы..., т. 2, с. 377—378.

⁵⁴ См.: П ф а ф ф и у с А. Е. Архиепископ Ириней.— Вестник Всемирной истории, 1901, № 7, с. 120—144.

⁵⁵ Речь идет о Муравьеве Александре Николаевиче, инициаторе и одном из организаторов Союза благоденствия. С обществом он порвал еще до событий 1825 года, но тем не менее был арестован и приговорен к ссылке в Сибирь без лишения прав дворянства; был городничим в Верхнеудинске, в 1828 году — в Иркутске, впоследствии — председатель Иркутского губернского правления, губернатор в Тобольске, а в 1856—1861 годах — в Нижнем Новгороде.

⁵⁶ См.: В. Ф. Раевский. Материалы..., т. 2, с. 309.

⁵⁷ См.: Вестник Европы, 1903, № 6, с. 509—561.

⁵⁸ Письмо Н. С. Алексеева к А. С. Пушкину от 30 октября 1826 года.— XIII, 300.

⁵⁹ Ошибка — следует: Русский архив, 1874, кн. 1, стб. 116. Письмо А. С. Пушкина к П. А. Вяземскому от 2 января 1822 года — XIII, 34.

⁶⁰ Ошибка — следует: Русская старина, 1884, № 6, с. 534. Пушкин А. С. <Примечания> к «Цыганам» — XI, 22.

⁶¹ Речь идет о книге французского географа К. Мальтебрюна «Précis de géographie universelle» («Курс всемирной географии». Париж, 1810—1829, т. 1—8).

⁶² Пушкин А. С. Записка В. Ф. Раевскому от 24 января 1822 года — XIII, 36. Подлинник записки был у П. Е. Щеголева, местонахождение его в настоящее время неизвестно. Впервые была опубликована П. А. Ефремовым в четвертом издании сочинений поэта под его редакцией (Спб., 1905, т. VIII, с. 590).

Речь идет о книге С. Сестренцевича, митрополита всех римско-католических церквей России «История Тавриды» («Histoire de la Tauride». Брауншвейг, 1800, т. 1—2).

⁶³ Русский архив, 1866, стб. 1255 (см.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985, т. 1, с. 313).

⁶⁴ Русский архив, 1866, стб. 1256 (см.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1, с. 314).

⁶⁵ Русский архив, 1866, стб. 1407 (см.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1, с. 328).

⁶⁶ См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1, с. 342—343.

⁶⁷ В. Ф. Раевский. Материалы..., т. 2, с. 308—309.

⁶⁸ Уголино делла Герардеска, граф Доноратико, правитель Пизы, глава гвельфов, в 1288 году был свергнут гиббеллинами во главе с архиепископом Руджиери дельи Убальдини (ум. 1295) и заточен в тюрьму вместе со своими сыновьями и внуками, где и был уморен голодом. Эта

история стала одним из сюжетов 32—33 песен «Божественной комедии» А. Данте.

⁶⁹ См.: Пушчин И. И. Записки о Пушкине./Ред., ст. и примеч. С. Я. Штрайха. М., 1937, с. 87—88.

⁷⁰ См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1, с. 351.

⁷¹ Черновое стихотворение «В. Л. Давыдову» было написано Пушкиным около 5 апреля 1821 года (II, 179). *Те* — итальянские карбонарии, возглавившие неаполитанскую революцию в июле 1820 года, которая была подавлена в марте 1821 года австрийскими войсками. *Та* — политическая свобода.

⁷² См.: Эфрос А. Рисунки поэта. Изд. расширенное и перераб. [М.,] Academia, 1933, с. 218—220.

⁷³ См.: Пушкин А. С. <Заметки и афоризмы разных годов>: «Только революционная голова, подобная Мир<або> и Пет.<ру> <?>, может любить Россию — так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке» (XII, 178). В академическом издании сочинений поэта (Л., 1978, т. VII, с. 352) текст печатается без скобок и вопросов: «Мирабо», «Петру».

⁷⁴ См.: <В. Ф. Раевскому>:

«Везде ярем, секира иль венец,
Везде злодей иль малодушный,
Тиран льстец

Иль предрассудков раб послушный» (II, 265—266)

⁷⁵ Пушкин А. С. Чаадаеву («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...») — II, 187; написано в 1821 году.

⁷⁶ Письмо К. Ф. Рылеева к Александру Сергеевичу Пушкину от 5—7 января 1825 года. — XIII, 133; впервые — «Полярная звезда» на 1861 год, кн. 6. Лондон, 1861, с. 33; в России — П. И. Бартевым (Девятнадцатый век. Спб., 1872, кн. 1, с. 377).

⁷⁷ Русский архив, 1866, стб. 1450—1451 (см.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1, с. 342, 343).

⁷⁸ Книга Клий — книга истории; Клий (*миф.*) — муза истории.

⁷⁹ Русская старина, 1887, № 10, с. 134 (см.: Раевский В. Ф. Полное собрание стихотворений. Вступит. ст. А. В. Архиповой и В. Г. Базанова. Подготовка текста и примеч. В. Г. Базанова. 2-е изд. М.—Л., 1967, с. 157—158. Библиотека поэта. Большая серия).

⁸⁰ Речь идет об опубликованных в «Русской старине» (1871, № 1, с. 73) набросках думы «Вадим» (см.: Рылеев К. Ф. Полное собрание стихотворений, 2-е изд. Л., 1971, с. 328—330. Библиотека поэта. Большая серия).

⁸¹ До ареста В. Ф. Раевский сумел опубликовать лишь девять стихотворений в период с 1816 по 1825 год в журналах: «Дух журналов» (1816), «Украинский вестник» (1817, 1818), а после его закрытия — в «Ук-

раинском журнале» (1824, 1825). Последние публикации говорят о том, что Раевским были отосланы в редакцию стихотворения накануне ареста в 1822 году.

⁸² См.: Одоевский А. И. Полное собрание стихотворений. 2-е изд. Л., 1958. Библиотека поэта. Большая серия.

⁸³ Назначение генерал-майора С. А. Дурасова председателем Комиссии военного суда объясняется расположением и доверием к нему вел. кн. Михаила Павловича (см. о нем: История лейб-гвардии Литовского полка. Варшава, 1887, с. 25, 123).

⁸⁴ Об этом см. подробнее: В. Ф. Раевский. Материалы..., т. 2.

⁸⁵ См.: Определение I Департамента Правительствующего Сената по делу В. Ф. Раевского, Петербург, 2 ноября 1827 года.— В кн.: В. Ф. Раевский. Материалы..., т. 2, с. 284.

⁸⁶ В. Ф. Раевский. Материалы..., т. 2, с. 304.

⁸⁷ См.: Доклад И. И. Дибича Николаю I. Петербург, 15 октября 1827 года.— В кн.: В. Ф. Раевский. Материалы..., т. 2, с. 277. Об обстоятельствах дела корнета Г. Ф. Раевского (см.: Доклад вел. кн. Константина Павловича Николаю I. Варшава, 14 апреля 1827 года.— Там же, с. 246—247).

⁸⁸ См.: Определение I Департамента Правительствующего Сената по делу В. Ф. Раевского. Петербург, 2 ноября 1827 года.— В кн.: В. Ф. Раевский. Материалы..., т. 2, с. 284.

⁸⁹ Заметка В. Ф. Раевского к тексту приговора по его делу <1842 г.> — Там же, с. 293.

⁹⁰ Там же, с. 284. Подписано Николаем I 15 октября 1827 года.

⁹¹ Письмо В. Ф. Раевского сестре В. Ф. Поповой от 21 мая 1868 года.— В кн.: В. Ф. Раевский. Материалы..., т. 2, с. 462.

⁹² Имеется в виду Раевский Вадим Владимирович.

⁹³ В заметке «Поступок господ Поджио» (газ. «Будущность», 1861, № 15, 4 авг., с. 119) говорилось о том, что племянники декабристов А. В. И. В. Поджио присвоили себе их имя и тем самым будут осуждены общественным мнением, так же как «...имена госпожи Бердяевой и госпожи Веригиной, которые, соединясь обе вместе, обокрали родного брата своего Владимира Федосеевича Раевского» (см.: В. Ф. Раевский. Материалы..., т. 2, с. 516).

⁹⁴ Жена В. Ф. Раевского — Раевская Евдокия (Авдотья) Моисеевна, урожд. Середкина.

«Но грудь моя была как камень...

.
Беспечная, зачем ты встретила со мной?

Зачем ты старика узнала?

Вся жизнь его загадка для тебя,

Ты с тайн его не снимешь покрывала.

Не встретишь с ним ты радостного дня!

• • • • •
Ты к сердцу не прижмешь дрожащею рукою
Венчального кольца!

• • • • •
Она сказала мне отрадное живи!

И раны сердца залечила!

Упал с души моей свинец,

Ты мне дала ключи земного рая —

Возьми кольцо, надень венец,

Пойдем вперед, спутница младая». 1 августа 1829 года.

Впервые — Русская старина, 1890, № 5, с. 369 (с пометой с. Олонки).
Посвящено Е. М. Середкиной, на которой он женился в конце 1829 года.
О ней см.: Струве Б. В. Воспоминания о Сибири. Спб., 1889, с. 26—27.

⁹⁶ Раевский Михаил Владимирович, сын В. Ф. Раевского, в 1857 году юнкер артиллерийской бригады в Чите, затем — войсковой старшина, с 1861 года переведен в Варшаву в корнеты Смоленского уланского полка. В 1863 году за храбрость произведен в поручики и награжден саблей на «анненской ленте»; в 1864 году вернулся в Олонки, где скончался в 1882 году и похоронен рядом с родителями.

⁹⁷ См.: В. Ф. Раевский. Материалы..., т. 2, с. 464—465.

⁹⁸ См. там же, с. 466.

⁹⁹ У В. Ф. Раевского было три дочери: 1) Раевская Александра Владимировна; в 1848 году вышла замуж за горного исправника, затем смотрителя Александровского винокуренного завода волынского дворянина Бернатовича Карла Осиповича. В начале 60-х годов уехала с мужем на Волынь. Овдовев, вторично (в 1865 году) вышла замуж за красноярского окружного врача Г. А. Богоявленского; 2) Раевская Вера Владимировна, с 1850 года была замужем за Федором Владимировичем Ефимовым (1823—1882). В 1859 году он служил в Чите исполняющим должность областного прокурора Забайкальской обл., в 60-е годы был председателем и прокурором Иркутского окружного суда; в 1867 году — председателем Енисейского губернского суда. В 1903 году Вера Владимировна жила в Томске; 3) Раевская Софья Владимировна, в 1866 году окончила Иркутский девичий институт, пианистка. Ее муж — Прокопий Яковлевич Дьяченко, в 1879—1889 годах начальник III Отделения общего губернского управления Енисейской губ. Софья Владимировна с семьей жила в Красноярске, где и скончалась. Там же, до своей смерти (1978 г.) жил ее внук, Борис Николаевич Дорман, правнук декабриста.

¹⁰⁰ Сыновья В. Ф. Раевского: 1) Раевский Александр Владимирович, в 1860 году чиновник Главного управления Восточной Сибири; 2) Раевский Вадим Владимирович, с 1861 года воспитывался в семье бездетной сестры декабриста В. Ф. Поповой, учился в Харькове и Москве. Умер в

г. Морквино Новооскольского у. Курской губ. Его сын, Владимир Вадимович, был первым публикатором писем своего деда-декабриста; 3) Раевский Валерьян Владимирович, служил писарем сельской управы в Олонках, заседателем в Усть-Балейской волости; в 1865 году служил в суде в Иркутске, в 1870 году — в окружном полицейском управлении в Красноярске. Похоронен на церковном кладбище в с. Куда; 4) Раевский Константин Владимирович, умерший младенцем; 5) Раевский Михаил Владимирович; 6) Раевский Юлиан Владимирович, с 1854 года вольноопределяющийся Забайкальского казачьего войска, участник Амурской экспедиции, с 1855 года офицер Иркутского казачьего конного полка, заведующий Кутулакским участком переселенных казаков; с 1858 года адъютант военного губернатора Забайкальской обл. М. С. Корсакова; с 1860 года адъютант П. П. Липранди в Варшаве; в 1864 году произведен в ротмистры и, уйдя в отставку, вернулся к родителям Олонки.

¹⁰¹ Раевский В. Ф. Послание дочери Александре [1848 г.]. — В кн.: В. Ф. Раевский. Материалы..., т. 2, с. 303.

¹⁰² Там же, с. 305.

¹⁰³ Там же, с. 306—307.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЕКАБРИСТА

В. Ф. Раевский в 1858 году

Впервые — Современник, 1912, кн. 12, с. 287—300; *перепеч.*: Щеголев в П. Е. Декабристы. М. — Л., 1926, с. 71—83.

Данные воспоминания В. Ф. Раевского были им написаны в 1864 году, что устанавливается по содержанию: Г. А. Гизетти, названный Раевским сенатором, был назначен в Сенат указом от 13 июля 1863 года. Если принять во внимание факты личной жизни самого Раевского в это время — нападение на него в 1863 году разбойников, затем он обгорел и два месяца, по его собственным словам, «лежал недвижимо» (см. его письмо родной сестре В. Ф. Поповой от 21 мая 1868 года) — исключают возможность работы над воспоминаниями. Скорее всего, эти воспоминания написаны им по выздоровлении, то есть в конце зимы или ранней весной 1864 года (см.: В. Ф. Раевский. Материалы..., т. 2, с. 493—494). П. Е. Щеголев, при публикации данного фрагмента, не сообщил о местонахождении оригинала, судьба которого до сих пор остается невыясненной.

¹ О сестрах В. Ф. Раевского см. авторские примечания на с. 411 наст. изд., сн. 3—5, 8—10.

² Ошибка — следует читать — Эрн Н. К.

³ Политковский Влад. Г. был дружен с А. С. Пушкиным и В. Ф. Раевским во время своей службы на юге в 20-х годах.

⁴ Аникита Дмитриевич Езерский, брат томского губернатора А. Д. Езерского, дружил с ссыльными декабристами.

⁵ Сперанский М. М., будучи в 1819—1821 годах генерал-губернатором Сибири, производил ревизию края.

⁶ См. с. 415, сн. 55 наст. изд.

⁷ Дейхман О. А., служивший в Забайкалье, был известен своим сочувствием к декабристам и другим политическим ссыльным.

⁸ Дорохова М. А., двоюродная сестра декабристов Ф. Ф. Вадковского и З. Г. Чернышева, в 1854 году, после смерти своего второго мужа, декабриста П. А. Муханова, уехала из Иркутска в Москву, а затем и в Нижний Новгород. По пути она, вместе с четой Дейхман, посетила в Ялуторовске декабристов И. И. Пущина, М. И. Муравьева-Апостола и других.

⁹ Муравьева Е. Ф., мать декабристов Александра и Никиты Муравьевых.

¹⁰ Тургеневу Николаю Ивановичу, приехавшему 11 мая 1857 года, был разрешен въезд в Россию указом от 15 мая 1857 года. 8 июля того же года ему разрешен был выезд из страны. На родину он приезжал еще дважды — в 1859 и 1864 годах. Замечание С. Г. Волконского относится скорее всего к 1864 году, что является также дополнительным аргументом к установлению даты написания воспоминаний Раевского.

¹¹ Польское восстание, вспыхнувшее 29 сентября 1830 года, было подавлено в октябре 1831 года. Шестого сентября 1831 года Паскевич взял Варшаву, а в ночь с 7 на 8 сентября была подписана капитуляция, а в начале октября остатки повстанческой армии перешли границы Австрии и Пруссии.

¹² Появление В. Ф. Раевского в Павловске вызвало оживленную переписку полицейских властей. Полученное разрешение на временное проживание в Петербурге сопровождалось секретным предписанием установить за бывшим «политическим преступником» негласное наблюдение» (см.: В. Ф. Раевский. Материалы..., т. 2, с. 497—498).

¹³ Прощение В. Ф. Раевского на имя В. А. Долгорукова от 19 июля 1858 года (см.: В. Ф. Раевский. Материалы..., т. 2, с. 425—426).

А. С. ГРИБОЕДОВ И ДЕКАБРИСТЫ (По архивным материалам)

Впервые: Щеголев П. Е. А. С. Грибоедов в 1826 году: Из истории литературных и общественных отношений двадцатых годов XIX века.— Литературный вестник, 1904, т. VII, кн. 2, с. 1—40; *перепеч.*: он же. А. С. Грибоедов и декабристы: Из истории обществен-

ных и литературных отношений двадцатых годов XIX века. Спб., 1904; он же. А. С. Грибоедов и декабристы: (По архивным материалам). С приложением факсимиле дела о Грибоедове, хранящегося в Государственном архиве. Спб., 1905; *перепеч.*: он же. Исторические этюды. Спб., 1913, с. 253—316; он же. Декабристы. М.—Л., 1926, с. 85—125.

¹ В настоящее время дело хранится в ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 174. На его обложке значится: «Грибоедов. Коллежский ассесор, служащий по дипломатической части при Главноуправляющем в Грузии. На 24 листах». *Перепеч.*: А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980, с. 272—287; комм.: 409—411. (Далее — А. С. Грибоедов...) О публикации П. Е. Щеголевым «Дела» Грибоедова, особенностях, неточностях (см. подробнее: Нечкина М. В. Следственное дело А. С. Грибоедова. М., Мысль, 1982, с. 4—10).

² После этого в «Деле» следуют три строчки текста, тщательно зачеркнутые, завершенные знаком вопроса и заключенные в скобки (см.: А. С. Грибоедов..., с. 409).

³ См.: Восстание декабристов. Материалы. М.—Л., 1925, т. I, с. 21. По сути дела, показания С. П. Трубецкого и дали Следственному комитету основание вынести 26 декабря 1825 года решение о взятии под арест А. С. Грибоедова. На следующий же день это решение было утверждено Николаем I и второго января 1826 года был подписан приказ об аресте.

⁴ Грибоедова Настасья Федоровна, мать А. С. Грибоедова.

⁵ Мария Федоровна, жена Павла I, мать Николая I.

⁶ Фельдъегерь Уклонский, прибывший в крепость Грозную 22 января 1826 года, доставил арестованного Грибоедова в столицу 11 февраля (см.: Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. Изд. 3-е, М., 1977, с. 553—555, 567—568). Решение Грибоедова написать на следующий же день по прибытии письмо лично Николаю I было продиктовано тем обстоятельством, что обычно арестованных по делу декабристов в первый же день допрашивал сам царь, о чем Грибоедов несомненно и был осведомлен.

⁷ Как показал дальнейший ход следствия, комитет интересовал больше всего именно этот вопрос. Бесспорно, благоприятные ответы допрашиваемых декабристов сыграли определяющую роль в благоприятном для Грибоедова окончании его дела.

⁸ Вопросы следователей, связанные с положением дел в корпусе генерала Ермолова, говорили о том, что лично Николай I не верил в непричастность Ермолова к событиям 1825 года.

⁹ В данном случае показание К. Ф. Рылеева намеренно дезориентировало следствие в том, что о принадлежности Грибоедова к тайному обществу говорят свидетельства и Трубецкого, и Оболенского, а им об этом мог сообщить только один Рылеев. Дело все в том, что Рылеев, являясь членом Коренной управы Северного общества, имел право са-

мостоятельно принимать в него лиц, но был обязан сообщать об этом другим членам Думы, каковыми были и Оболенский, и Трубецкой.

¹⁰ Имеется в виду Бестужев Александр Александрович.

¹¹ Грибоедов провел на Востоке время с 21 октября 1818 года по начало марта 1823 года, то есть четыре года и четыре месяца. Указанный период представляет собою чередование пребываний в Грузии и Персии.

¹² Допрос А. С. Грибоедова был произведен 11 февраля 1826 года, его показания были записаны лично В. В. Левашовым. Им же были сделаны и карандашные пометки. Дата «24 февраля» — день допроса Грибоедова в Следственном комитете.

¹³ В документе № 8, над вопросными пунктами, помета: «Читано 20 февраля», в данном документе — «Читано 25 февраля».

¹⁴ Последняя цифра может быть прочитана и как «6», то есть «1796». В послужных списках Грибоедова годом его рождения, наряду с 1795-м, назывался и 1794-й, и 1790-й. Об этом см.: Ревякин А. И. Новое об А. С. Грибоедове. — Уч. зап. Моск. пед. ин-та им. В. П. Потемкина, т. 43, вып. 4, 1954, с. 113; Кожин В. В. Легенды и факты. — Русская литература, 1975, № 2, с. 145—148; Краснов П. С. Еще раз о дате рождения А. С. Грибоедова. — Русская литература, 1975, № 4, с. 152—154.

¹⁵ В данном случае Грибоедов намеренно не упоминает о своем участии в дуэли 1817 года между В. В. Шереметевым и графом А. П. Завадовским, со стороны последнего он выступал секундантом. Грибоедов не сознавался на следствии в этом и не был выдан товарищами. Об этой дуэли, к которой была причастна известная танцовщица А. И. Истомина, воспетая А. С. Пушкиным, см.: А. С. Грибоедов..., с. 212—214; Нечкина М. В. Указ. соч., с. 182—183, 655, 663.

¹⁶ Грибоедов, совершенно не занимавшийся математикой, тем не менее совершенно не упоминает о занятиях в университете «словесными науками». Сохранилось лишь одно свидетельство в воспоминаниях декабриста Д. И. Завалишина, относящееся к периоду их совместного заключения в Главном штабе: «Что касается до курса математики «Франкера», о присылке которого просил Грибоедов во время заключения его в штабе, то это потому, что, сознавшись мне, что он не очень силен в математике, и зная, что я был преподавателем высшей математики и астрономии в Морском корпусе, Грибоедов просил меня, чтоб я «от скуки» занялся с ним математикой» (см.: А. С. Грибоедов..., с. 143). Это свидетельство подтверждается и письмом Грибоедова к Булгарину от 19 марта 1826 г., в котором он просил купить ему «Calcul différentiel de François» по-французски или по-русски (Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. Пг., 1917, т. 3, с. 192). Эта книга была переведена и на русский язык: «Дифференциальное исчисление, соч. Франкера с переменами и прибавлениями», изд. в переводе Д. Первозицова. М., 1824. Эти занятия вскоре были прерваны, так как уже 4 апреля 1826 года Гри-

боедов был переведен из Главного штаба в Петропавловскую крепость.

¹⁷ Объединив ответы на пять поставленных выше вопросов, Грибоедов тем самым преднамеренно избегает изложения нежелательных «подробностей».

¹⁸ А. С. Грибоедов был избран действительным членом Вольного общества любителей российской словесности 15 декабря 1824 года, то есть за пять месяцев до отъезда из Петербурга. «Соревнователь просвещения и благотворения». Труды утвержденного Вольного общества любителей российской словесности — журнал выходил в С.-Петербурге в 1818—1825 гг. ежемесячно, всего 32 части.

¹⁹ Сухачев Василий Иванович был арестован по подозрению в принадлежности к тайному обществу; его показания см.: Щеголев П. Е. Декабристы. М.—Л., 1926, с. 119—123.

²⁰ Данный текст заключения по делу Грибоедова был подготовлен Следственным комитетом 25 февраля 1826 года, то есть после первого же допроса. Тогда же Николай I повелел Грибоедова «оставить пока у дежурного генерала» (Нечкина М. В. Указ. соч., с. 571), что объяснялось не только намерением выяснить возможные связи Грибоедова с Южным обществом, но и ожиданием известия от князя А. С. Меншикова, посланного на Кавказ для выяснения настроения в Кавказском корпусе генерала А. П. Ермолова. Донесение Меншикова было благоприятным для Ермолова, о Грибоедове вообще не было ни слова.

²¹ Вопреки этому утверждению, Грибоедова «членом тайного общества почитали», кроме упомянутых Трубецкого и Оболенского, Н. Н. Оржицкий и А. Ф. Бригген (см.: Нечкина М. В. Указ. соч., с. 471—473).

²² Военным министром в 1824—1827 годах был А. И. Татищев.

²³ По справедливому замечанию академика М. В. Нечкиной, «начало формулировки породило легенду о привлечении Грибоедова к следствию по оговору Бестужевых» (Нечкина М. В. Указ. соч., с. 553). На самом деле список лиц, представленных к аресту, включал в себя имена С. Г. Краснокутского, Г. С. Батенькова, М. М. Нарышкина, А. В. Капниста, А. В. Ентальцева, И. Н. Хотяинцева (или Хотяинцова), Ф. Г. Кальма, «Грибоедова, служащего у генерала Ермолова» и Д. И. Завалишина. Этот список был сводным, составленным из показаний четырех лиц: Рылеева, Н. и А. Бестужевых и Трубецкого. Анализ ответов, данных следствию 26 декабря 1825 года, свидетельствует, что эти лица называли не одни и те же имена: Рылеев назвал Батенькова, Нарышкина, Грибоедова (отрицательно) и Завалишина; А. Бестужев — только Краснокутского и Завалишина; Н. Бестужев — Краснокутского, а Трубецкой — Капниста, Ентальцева, Хотяинцева, Кальма и Грибоедова. Таким образом, имя Грибоедова ни одним из Бестужевых не называлось; он был арестован не только по показанию Трубецкого, но и по недоверию Комитета к показаниям Рылеева.

²⁴ См.: Восстание декабристов. Материалы, т. I, с. 21.

²⁵ Там же, с. 163.

²⁶ См.: Оболенский Петр Николаевич.

²⁷ См.: Восстание декабристов. Материалы, т. I, с. 241.

²⁸ См.: Муравьева Вера Алексеевна.

²⁹ Восстание декабристов. Материалы. М., 1954, т. XI, с. 104, 111.

³⁰ Академик М. В. Нечкина, исходя из сохранившихся за этот период писем самого Грибоедова, произведя необходимую реконструкцию, полагает, что были уничтожены письма А. И. и В. Ф. Одзевских, А. Бестужева, С. Бегичева, А. Жандра (Нечкина М. В. Указ. соч., с. 560—563).

³¹ См. также: А. С. Грибоедов..., с. 152.

³² Там же, с. 119—120.

³³ Абулгази Баядур, хорезмский хан, историк (См.: *Abulhasi Bahadur Chani. Historia Monholorum et Tartarorum* ed. de Roumanzof. Casan, 1825).

³⁴ Добровский (или Дубровский) Йосеф, чешский филолог, славист, автор труда: *Dobrovsky J. Institutiones linguae slavicae dialecti veteris*. Wien, 1822.

³⁵ Зендавеста — священная книга древних иранцев; сохранился небольшой отрывок, уцелевший от объемного собрания канонических книг. В 1776—1778 годах в Риге вышел первый немецкий (с французского) перевод текста, который и находился в библиотеке Грибоедова.

³⁶ См.: «Таврида — или мой летний день в Таврическом Херсонесе» Боброва, 1798 и 1804 годов (Херсонида) — описание Крыма в стихах. Грибоедов, находясь под следствием в Главном штабе, просил Ф. В. Булгарина прислать ему сочинения Абулгази и Боброва (см.: Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. Спб., 1889, т. 1, с. 219, 221).

³⁷ А. С. Грибоедов прибыл в Москву 7 или 8 февраля 1826 года.

³⁸ Об этом см. воспоминания декабриста Д. И. Завалишина в кн.: А. С. Грибоедов..., с. 134—136. М. П. Жуковский был адъютантом генерала А. Н. Потапова.

³⁹ В сохранившемся «Списке лиц, содержащихся под арестом в доме Главного штаба на 14 марта 1826 года» значатся также еще: граф Ходкевич, полковник Граббе, майор Юмин, поручик Тучков, рядовой Теленков и дворовой человек Кудинов (см.: ЛН, т. 60, кн. 1, с. 479).

⁴⁰ Об этом см.: А. С. Грибоедов..., с. 134—135. Академик М. В. Нечкина полагает, что к свидетельствам Д. И. Завалишина следует относиться с осторожностью, ибо «чрезвычайно ценные и достоверные сведения у него нередко смешиваются со спорными и неточными данными» (см.: Нечкина М. В. Указ. соч., с. 573).

⁴¹ Н. К. Пиксанов, по несохранившейся копии (ИРЛИ), выправил предыдущий текст публикации (см.: А. С. Грибоедов..., с. 208—209).

⁴² Опись бумагам, отобраным у Грибоедова при аресте, не была составлена; был обнаружен лишь список книг, находившихся у него в Грозной и во Владикавказе (см.: Вейденбаум Е. Г. Кавказские этюды. Тифлис, 1901, с. 264—265).

⁴³ См.: Записка А. С. Грибоедова Ф. В. Булгарину от 17 февраля 1826 года. О взаимоотношениях поэта с Булгариным см.: А. С. Грибоедов..., с. 394—398.

⁴⁴ Об этом см.: А. С. Грибоедов..., с. 221.

⁴⁵ Там же, с. 222. Речь идет об А. А. Ивановском, чиновнике Следственного комитета по делу декабристов, роль которого в деле Грибоедова сильно преувеличена Д. А. Смирновым. Об этом см.: Нечкина М. В. Указ. соч., с. 572, 585—586.

⁴⁶ См.: А. С. Грибоедов..., с. 138.

⁴⁷ Об отношении к свидетельствам Д. И. Завалишина и Д. А. Смирнова см.: Нечкина М. В. Указ. соч., с. 573; она же. Следственное дело А. С. Грибоедова, с. 13—14.

⁴⁸ Генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич был женат на двоюродной сестре А. С. Грибоедова, Елизавете Алексеевне Грибоедовой. О возможной роли Паскевича в благополучном исходе следствия для Грибоедова (см.: Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы, с. 587—588; она же. Следственное дело А. С. Грибоедова, с. 89—90).

⁴⁹ Грибоедов А. С. Полн. собр. соч., т. 3, с. 190.

⁵⁰ Там же, т. 1, с. 215, 216.

⁵¹ См.: А. С. Грибоедов..., с. 141.

⁵² См.: Беседы в Обществе любителей российской словесности. М., 1868, вып. 2, с. 24.

⁵³ Бесспорно, данный тезис у Грибоедова служил одной идее — сближения с народом, формирования национальной общности людей. С этим согласуется и признание Рылеева о необходимости выйти на Сенатскую площадь в русском кафтане, «чтобы сроднить солдата с поселянином в первом действии их взаимной свободы» (см.: Бестужев Н. Воспоминание о Рылееве. — В кн.: Воспоминания Бестужевых. М. — Л., 1951, с. 36). Таким образом, утверждение некоторых исследователей о том, что данный тезис говорит о славянофильстве Грибоедова, является явно несостоятельным. Не точен и Щеголев в данном случае, говоривший об «архаическом своеобразии мирозерцания» Грибоедова. Данное положение поэта отражает позицию, свойственную декабристскому мировоззрению.

⁵⁴ Грибоедов был избран в члены Общества любителей российской словесности 15 декабря 1824 года, то есть ровно за пять месяцев до своего отъезда в Грузию. Его ответ был явно рассчитан на дезориентацию членов Следственного комитета.

⁵⁵ Записка А. С. Грибоедова Н. И. Гречу от 20 октября 1824 года. — Вестник всемирной истории, 1900, № 6, с. 88.

⁵⁶ А. С. Грибоедов прибыл в Киев 1—2 июня 1825 года. Первое, дошедшее до нас его письмо из Киева датировано 4 июня, из которого мы узнаем, что он уже успел осмотреть город и отправить письма с первыми впечатлениями (см.: Грибоедов А. С. Полн. собр. соч., т. 3, с. 172, 175; Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы, с. 158).

⁵⁷ Письмо А. С. Грибоедова А. И. Одоевскому из Киева в С.-Петербург от 10 июня 1825 года (см.: Грибоедов А. С. Полн. собр. соч., т. 1, с. 203).

⁵⁸ Вывод П. Е. Щеголева подкрепляется тем, что около Грибоедова в это время собирается довольно внушительный актив Васильковской управы Южного общества (М. П. Бестужев-Рюмин, С. и М. Муравьевы-Апостолы, А. З. Муравьев, С. П. Трубецкой) и его встречи с ними не были случайными перед возвращением в Кавказский корпус генерала Ермолова (см.: Нечкина М. В. Следственное дело А. С. Грибоедова, с. 75—76).

⁵⁹ См. также: Щеголев П. Е. Декабристы. М.—Л., 1926, с. 119—123.

⁶⁰ Сам текст записки говорит о том, что Грибоедов уже был освобожден. Об этом говорит и свидетельство П. А. Вяземского, который в письме к жене от 3 июня сообщал, что «сейчас видел выпущенного из тюрьмы Грибоедова» (Остафьевский архив князей Вяземских, т. 5, с. 15). Письмо датировано днем открытия заседаний Верховного уголовного суда над декабристами.

⁶¹ Ошибка. Грибоедов получил очистительный аттестат 9 июня, и в тот же день было составлено отношение «господину командиру Казанского отдельного корпуса», то есть А. П. Ермолову, подписанное военным министром Татищевым (ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 37, л. 19).

⁶² Академик М. В. Нечкина полагает, что ускорение с конца мая движения дела было связано по времени с подготовкой правительственного указа о готовящемся персональном составе Верховного уголовного суда, членом которого предполагался и И. Ф. Паскевич. Складывалась довольно-таки щекотливая ситуация, когда у будущего члена суда близкий родственник имел все основания из подследственных перейти в разряд подсудимых. Об этом предположении говорит и сопоставление данных об утверждении Паскевича членом суда (см.: Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы, с. 589). В итоге, 1 июня 1826 года, Николай I подписал указ Правительствующему Сенату о персональном составе Верховного уголовного суда, в составе которого был и Паскевич, а 2 июня последовал приказ об освобождении Грибоедова из-под ареста.

⁶³ Текст записки, подписанной В. Ф. Адлербергом, в то время флигель-адъютантом царя, гласил: «Коллежский ассессор Грибоедов не принадлежал к обществу и о существовании оного не знал. Показание о нем сделано князем Евгением Оболенским 1-м со слов Рылеева; Рылеев же ответил, что имел намерение принять Грибоедова, но, не видя его наклонным ко вступлению в общество, оставил свое намерение. Все прочие его членом не почитают». Как видим, это тот же текст, который был подан Николаю I 25 февраля. Но если в феврале царь наложил резолюцию «содержать пока у дежурного генерала», то на этот раз: «Выпустить с очистительным аттестатом» (ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 37, л. 9).

⁶⁴ Шильдер Н. К. Император Николай I, с. 670. Точной датой предписания является 2 июня 1826 г. (ЦГАОР СССР, д. 48, оп. 1, ед. хр. 37, л. 16).

⁶⁵ Очистительный аттестат Грибоедов получил 9 июня (ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 289, л. 156), а накануне, 8 июня, был произведен в надворные советники (см.: Нечкина М. В. Указ. соч., с. 593). Как видим, формулировка очистительного аттестата о невиновности более скромная, нежели в записке Адлерберга. Первоначальная формулировка: «Не принадлежал к обществу и о существовании оно не знал» — заменена другой — «членом того общества не был».

⁶⁶ Ошибка, обнаруженная академиком М. В. Нечкиной (см.: Нечкина М. В. Указ. соч., с. 591—592). Дело в том, что 3 июня дежурный генерал Главного штаба подал военному министру рапорт: «Вследствие приказа г-на начальника Главного штаба его величества прошу покорнейше ваше превосходительство доставить ко мне список всем освобожденным на сих днях из-под ареста чиновникам по делу о злоумышленном обществе. Список сей нужен для представления их в будущее воскресенье государю императору» (ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 32, л. 129). Ближайшее «будущее воскресенье» после 3 июня приходилось на 6 июня. В этот день, 6 июня, в воскресенье, Грибоедов и представлялся царю в составе группы только что освобожденных по тому же делу. Чиновник Карасевский, посылавший военному министру требуемый список лиц, составил черновой ответ в тот же день, то есть 3 июня (эта дата и проставлена на черновике), но «он начал свой черновик с упоминания *завтрашнего* числа, очевидно рассчитывая перебелить и отослать список завтра» (Нечкина М. В. Указ. соч., с. 592). Этот документ и ввел в заблуждение Щеголева, который «узаконил» 4 июня как дату освобождения Грибоедова. В действительности, Грибоедов был освобожден 2 июня (в среду), а 6 июня (в воскресенье) был принят царем (ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 32, л. 129, 130).

⁶⁷ На следующий день, 10 июня, после получения очистительного аттестата и отношения военного министра Татищева, Грибоедов подал прошение в канцелярию военного министра о выдаче подорожной в Грузию и прогонных денег (ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 289, л. 156). 11 июня входящий журнал Следственной комиссии за № 1200 внесен рапорт Грибоедова о выдаче ему подорожной и прогонных денег из расчета: «прогонные деньги до города Тифлиса на три лошади за 2662 версты пятьсот двадцать шесть рублей сорок семь копеек, да на путевые издержки, полагая по сту рублей на 1000 верст, двести шестьдесят шесть рублей двадцать копеек, записав оные в расход по данной вам книге с распискою его, Грибоедова...» (Нечкина М. В. Указ. соч., с. 594—595).

Впервые, под заглавием «Письмо А. А. Дельвига к А. С. Пушкину» — Былое, 1906, № 5, с. 139—140; *перепеч.*: Щеголев П. Е. Пушкин. Исследования, статьи и материалы. Т. 2. Из жизни и творчества Пушкина. М.—Л., 1931, с. 297—299.

¹ В 1903—1904 годах П. Е. Щеголев был заместителем С. Н. Шубинского, бывшего с 1880 года редактором журнала «Исторический вестник».

² Рукопись «Цыган» была представлена Дельвигом в Главный цензурный комитет 7 декабря 1826 года. В сопроводительном «прошении» он указывал, что право на издание поэмы было ему поручено А. С. Пушкиным. 10 декабря комитет разрешил поэму к публикации (см.: Оксман Ю. Г. Новое о Пушкине.— Изв. Одесского губисполкома, лит.-худ. прилож. к № 1084 от 15 июля 1923 г., с. 3).

³ Рукопись «Цыган», вместе со стихами «19 октября», «К***» <А. П. Керн> и отрывками из 3-й песни «Онегина» для альманаха А. А. Дельвига «Северные цветы» (на 1828 год) были переданы последним Бенкендорфу лишь 23 февраля 1827 года. Таким образом, утверждение Дельвига в письме от 7 декабря 1826 года, что эти произведения «будут печататься», явно предвосхищает события. Письмо было написано в начале января 1827 года, когда в столице были и Арина Родионовна (XIII, 318), и Л. С. Пушкин, упоминавшиеся в письме. 4 марта Бенкендорф извещал аналогичными письмами и Пушкина, и Дельвига о разрешении публиковать названные произведения, оговорив предложением снять в «19 октября» инициалы Пущина и Кюхельбекера (Дела III Отделения..., с. 43—44).

⁴ Эти письма не сохранились.

⁵ Брат Пушкина, Лев Сергеевич, поступил на службу в Нижегородский драгунский полк и 31 января 1826 г. заходил проститься с Дельвигом (см.: Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929, с. 203; Дельвиг А. И. Полвека русской жизни. М.—Л., 1930, т. 1, с. 74).

⁶ Намеки на это увлечение есть и в записках самой А. П. Керн и, в частности, посвященном ей мадригале Л. С. Пушкина (см.: Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1974, с. 41).

⁷ По-видимому, до Дельвига дошел слух о сватовстве Пушкина к своей дальней родственнице Пушкиной Софье Федоровне (1806—1862).

⁸ Посылая Бенкендорфу произведения Пушкина 23 февраля 1827 года, Дельвиг в сопроводительном письме извиняется болезнью, помешавшей ему лично доставить пакет шефу жандармов. Дело в том, что Дельвиг был болен с середины декабря, и улучшение, наступившее в первых числах января, в середине месяца сменилось вновь обострившейся болезнью, а в конце января ему было совсем плохо. (Модзалевский Б. Л. Пушкин, с. 202—205). Вероятно, письмо и было написано в период временного улучшения здоровья, когда Дельвиг смог выходить из дома. В

это время в столице были и Арина Родионовна, и Л. С. Пушкин, упоминавшиеся в письме.

⁹ Данное письмо датируется началом февраля 1826 года (XIII, 260).

¹⁰ Плетнев был издателем «Эды» Баратынского, о чем Дельвиг и сообщил весной 1826 года автору, информируя его о своих, Жуковского и Плетнева цензурных хлопотах о поэме. 3 декабря он писал Баратынскому, что книжка его стихотворений в цензуре и в феврале 1827 года должна выйти в свет. 8 февраля он уже сообщил автору, что «Эда» выходит в ближайшие дни. 25 ноября 1827 года Баратынский просил Плетнева выслать 600 экз. книги Дельвигу, с которым у него «особые счета и отношения» (см.: Дельвиг А. А. Соч. СПб., 1893, с. 157—158; Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. М., 1951, с. 488).

¹¹ Дельвиг не сразу смог выплатить деньги Н. М. Рылеевой, ибо она в это время уехала в деревню к своей матери, поэтому деньги и были переданы ближайшему помощнику издателей «Звездочки», поэту и журналисту Сомову Оресту Михайловичу. Сомов, уплатив 300 руб. П. М. Бестужевой, матери А. А. Бестужева, вступил в переписку с вдовой Рылеевой, Н. М. Рылеевой, несмотря на свое тяжелое материальное положение, отказалась от этих денег в пользу побочной сестры своего мужа — Рылеевой Анны Федоровны.

О «РУССКИХ ЖЕНЩИНАХ» НЕКРАСОВА

В связи с вопросом о юридических правах жен декабристов

Впервые опубликована — сб. «К свету». Научно-литературный сборник. СПб., 1904, с. 489—529. Правовой стороне, вернее, бесправной, положения жен декабристов и их детей Щеголев посвятил и последующий ряд своих работ, как, например, «Меры правительства, направленные к удержанию жен декабристов на родине и юридическое их положение в Сибири» в кн.: «Жены декабристов». Сборник историко-бытовых статей/Сост. В. И. Покровский. М., 1906, с. 7—17. В этом же сборнике им были опубликованы биографические очерки о Е. И. Трубецкой, К. П. Ивашевой, А. Г. Муравьевой и Е. П. Нарышкиной за подписью «Щеглятьев» (указание на авторство П. Е. Щеголева см.: Восстание декабристов. Библиография. Сост. Н. М. Ченцов, редакция Н. К. Пиксанова. М.—Л., 1929, с. 180). Этим вопросам посвящены и другие его публикации: Мелочи быта (Неизданное). Милость для светлого праздника (газ. «День», 1914, № 94, 6 апреля) и Из истории декабристов (Отклики, 1914, № 27 — беспл. прилож. к газ. «День», 1914, № 62, 17 июня).

Благородный поступок жен декабристов, последовавших за своими мужьями в ссылку, всегда был в центре внимания исследователя. Накануне первой русской революции 1905 года Щеголев публикует статью, посвященную М. Н. Волконской-Раевской (Подвиг русской женщины.— Исторический вестник, 1904, № 5, с. 530—550). Эта статья стала этапной в творчестве историка, дала ему возможность позже осуществить издание

воспоминаний этой героической женщины (см.: Записки княгини Марии Николаевны Волконской. Автор биографического очерка и примечаний П. Е. Щеголев/Пер. с франц. оригинала А. Н. Кудрявцевой. Спб., 1914; то же, 2-е изд., доп., с иллюстрациями и указателем собственных имен. Спб., 1914 и 3-е изд. — Мария Волконская. С.-Петербург: Парфенон, 1922).

С именем М. Н. Волконской связано и обоснованное утверждение Щеголева о том, что она является адресатом «Посвящения» к поэме А. С. Пушкина «Полтава», а также «утаенной любовью» поэта. Основываясь на данных текстологического изыскания, Щеголев пришел к выводу, что читаемая в черновом варианте строка «Сибири хладная пустыня» (строка «Твоя далекая пустыня») может быть адресована только М. Н. Волконской. Расшифровка в черновом же варианте строки «Как утаенная любовь» (в окончательном тексте «Как некогда его любовь») также дала возможность Щеголеву поставить и решить проблему «утаенной любви» Пушкина, связав ее опять же с именем М. Н. Волконской. Об этом см.: Щеголев П. Е. Из разысканий в области биографии и текста Пушкина. — В кн.: Пушкин и его современники. Спб., 1911, вып. XIV, с. 53—193; *перепеч.*: Щеголев П. Е. Пушкин. Исследования, статьи и материалы. Т. 2. Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд., испр. и доп. М.—Л., 1931, с. 150—254.

Дочери С. Г. и М. Н. Волконских историк посвятил биографический очерк «Дочь декабриста (памяти Е. С. Рахмановой)» — газ. «День», 1917, № 1, 1 января.

Щеголевым были опубликованы также воспоминания и П. Е. Анненковой (см.: Записки жены декабриста П. Е. Анненковой. С портретами, иллюстрациями и приложениями. Пгт., [1915]. Трагическим перипетиям любви и жизни француженки Полины Гебль и декабриста И. А. Анненкова П. Е. Щеголев посвятил и свой сценарий фильма «Декабристы», который вышел на экраны в 1927 году. В 1926 году П. Е. Щеголев и А. Н. Толстой на эту тему написали поэму «Полина Гебль (Декабристы)» (см.: Новая Россия, 1926, № 1, январь, стб. 35—58; *перепеч.*: Толстой А. Н. Полн. собр. соч. М., 1949, т. 11, с. 505—542). Эта поэма послужила первым вариантом либретто оперы Ю. А. Шапорина «Декабристы».

¹ Поэма Н. А. Некрасова «Русские женщины. Княгиня Трубецкая. Княгиня М. Н. Волконская» впервые опубликована — Отечественные записки, 1872, № 4, с. 577—600; 1873, № 1, с. 213—250; Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Л., 1982. Т. 4. Поэмы. 1857—1877 гг., с. 123—186; комм.: 568—590.

² Стихотворение «Кн <ягине> М. Н. Волконской» написано А. И. Одоевским 25 декабря 1829 года в Чите. Опубликовано впервые — Библиографические записки, 1861, № 5, с. 132 по списку М. И. Муравьева-Апостола (в той же редакции и в «Записках» М. Н. Волконской). Написано по случаю дня ее рождения. Сама Волконская свидетельствовала, что стихотворение написано «в воспоминание того, как мы, дамы <жены декабристов>, приходили в Чите к ограде и приносили заключенным пись-

ма и известия» (Волконская М. Н. Записки. Л., 1924, с. 58). Декабрист А. П. Беляев писал, что «наш милый поэт Ал. Ив. Одоевский воспел их <жен декабристов> чуднозвучными и полными чувства стихами» (Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. СПб., 1882, с. 231). Сохранилось и свидетельство Н. В. Басаргина (Басаргин Н. В. Записки. Пгт., 1917, с. 120). Об этом см. также: Одоевский А. И. Полное собрание стихотворений, 2-е изд. Л., 1958, с. 87, 216. Библиотека поэта. Большая серия.

³ На этот сюжет П. Е. Щеголевым был опубликован биографический очерк «Судьба М. К. Юшневской: Из истории жен декабристов» (Отклики, беспл. прилож. к газ. «День», 1914, № 171, 26 июня, с. 4—6).

⁴ См.: Веневитинов М. Роман декабриста.— Русская мысль, 1885, № 10, с. 121—122. Письмо г-жи Ле-Дантю к г-же де-Санси от 30 марта 1830 года.

⁵ См.: Император Николай I и семейство декабриста Ивана Александровича Анненкова.— Русская старина, 1901, № 3, с. 673—674. Прощение П. Е. Анненковой от 16 мая 1827 года.

⁶ См.: Розен А. Е. Записки декабриста. /Под ред. П. Е. Щеголева. С портретом и приложениями. СПб., 1907, с. 153.

⁷ См.: Шенрок В. И. Одна из жен декабристов.— Русское богатство, 1894, № 11, с. 103.

⁸ Там же, с. 104—105.

⁹ См.: Русское богатство, 1894, № 11, с. 102—103.

¹⁰ См.: Записки княгини Марии Николаевны Волконской. С предисл. и прилож. издателя князя М. С. Волконского. Mémoires de la Princesse Marie Volkonsky. Préface et appendices par l'édic ateur prince M. Volkonsky. СПб., 1904.

¹¹ См.: Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1903, т. 1, с. 343.

¹² Там же, с. 458.

¹³ Имеется в виду мать Е. П. Нарышкиной, Коновницына Анна Петровна.

¹⁴ См.: Шильдер Н. К. Указ. соч., с. 779—780.

¹⁵ Елена Александровна Бестужева, старшая сестра братьев-декабристов, в 1845 году, после смерти матери, ликвидировала имущество и вместе с сестрами, Ольгой и Марией, приехала в Селенгинск, где и пробыла до 1858 года, умерла в Москве.

¹⁶ В 1821—1835 годах иркутским губернатором был Цейдлер И. Б.

¹⁷ См.: Некрасов Н. А. Полное собрание стихотворений и писем, т. 4, с. 137—139, 144, 145, 147.

¹⁸ См. там же, с. 137, 147.

¹⁹ См.: Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи, с. 33.

²⁰ См.: Апужины Д. А. и М. П.

²¹ С 1820 года московским генерал-губернатором был князь Д. В. Голицын.

²² Речь идет о сыне С. Г. и М. Н. Волконских — Николае Сергеевиче, родившемся в январе 1826 года и умершем 17 января 1828 года. Мария Николаевна Волконская узнала о смерти сына, которого ей не разрешили взять с собой в Сибирь, лишь в начале 1829 года. Ребенок был похоронен на кладбище Александро-Невской лавры. В феврале 1829 года по просьбе деда, генерала Н. Н. Раевского, А. С. Пушкин написал надгробную эпитафию:

Эпитафия младенцу.

В сиянье, в радостном покое,
У трона вечного творца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца. (III, 95)

В письме к отцу от 11 мая 1829 года М. Н. Волконская писала: «Я читала и перечитывала, дорогой папа, эпитафию на моего дорогого ангела, написанную для меня. Она прекрасна, сжата, но полна мыслей, за которыми слышится так много. Как же я должна быть благодарна автору!..» (См.: Волконская М. Н. Записки. Л., 1924, с. 54).

²³ С 1845 года тобольским гражданским губернатором был К. Ф. Энгельке.

²⁴ В данном издании эти портреты не воспроизводятся.

ВСТРЕЧИ С ТОЛСТЫМ

Впервые — Новый мир, 1928, № 9, с. 207—213. П. Е. Щеголев, всегда интересовавшийся творчеством и личностью великого русского писателя, посвятил ему, кроме данных воспоминаний, еще две статьи: «Популярность Толстого» (Вестник и Библиотека самообразования, 1904, № 4) и «Блондинка» в Ясной Поляне в 1910 году» (Былое, 1917, № 3 (25)), перепечатанную затем в его книге «Охранники и авантюристы» (М., 1930).

¹ Русанов Гавриил Андреевич, с 1863 года близкий знакомый Л. Н. Толстого, его корреспондент и адресат, автор воспоминаний о писателе; его жена, Антонина Алексеевна, также корреспондентка Толстого.

² О визите Л. Н. Толстого к Русановым 1 апреля 1894 года см.: Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. Ч. 2. 1891—1910. М., 1960, с. 129 (далее — Гусев Н. Н. Летопись...).

³ В «Исповеди», впервые опубликованной в журнале «Русская мысль» (1882, № 5), писатель стремился рассказать о себе, о напряженных поисках смысла жизни, перелома в мировоззрении, об отношении к вере. По распоряжению Московского цензурного комитета, запретившего печатать «Исповедь», была уничтожена корректура, но текст ее разошелся по стране в многочисленных гектографированных или литографированных перепечатках. Впервые «Исповедь» была полностью опубликована в Женеве в журнале «Общее дело» (1883—1884); в России — впервые лишь в 1908 г. (Всемирный вестник, № 1). Резонанс произведения Л. Н. Толстого, его воздействия на русскую и мировую общественность — огромны. Об этом см.: отзывы И. С. Тургенева (Тургенев И. С. Полн. собр.

соч. Л., 1968, т. 13, кн. 2, с. 133—134), В. Фрея (Гусев Н. Н. Материалы..., с. 491), С. М. Степняка-Кравчинского (ЛН, т. 75, кн. 1, с. 546), А. Стринберга (там же, с. 123) и многих других.

«Исповедь» (см.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90-та т., т. 23).

Основанием для написания статьи «Так что же нам делать?» явились итоги московской переписи 1882 года. В 1884 году Толстой решил опубликовать эту работу в журнале «Русская мысль», но дальнейшее печатание было приостановлено. Первые 20 глав этой книги, под названием «Какова моя жизнь», были опубликованы в Женеве в 1886 году, полный текст опубликован там же в 1889 году; в России — лишь в 1906 году. Но только в 1937 году, в т. 25 юбилейного издания, текст был впервые дан в окончательной авторской редакции.

Социально-исторические корни критики Толстым частной собственности вскрыты В. И. Лениным в 1910 году в статье «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение». Ссылаясь на книгу «Так что же нам делать?» (но не называя ее), В. И. Ленин писал: «Критика Толстого потому отличается такой силой чувства, такой страстностью, убедительностью, свежестью, искренностью, бесстрашием в стремлении «дойти до корня», найти настоящую причину бедствий масс, что критика действительно отражает перелом во взглядах миллионов крестьян, которые только что вышли на свободу из крепостного права и увидели, что эта свобода означает новые ужасы разорения, голодной смерти, бездомной жизни среди городских «хитровцев» и т. д.» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 40).

Написание работы «Церковь и государство» относится к концу 1879 года. Первое литографированное издание вышло в 1886 году (см.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 64, с. 406). В России — впервые в издании «Обновление», № 8. Спб., 1906; в юбилейном издании см. т. 23, с. 475—486.

В работе «В чем моя вера» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 23, с. 304—468) писатель изложил свое понимание христианства, в частности учение о «непротивлении злу», свое отношение к церкви, государству, революционной борьбе и пр. Работа была написана в 1883 году и вышла отдельным изданием тиражом в 50 экз. Но духовная цензура запретила к распространению это издание и приказала его уничтожить. Полностью была опубликована в Женеве в изд. М. Элпидина, без указания года. В 1888 году — там же, вторым изданием, с соответствующим указанием. В России — впервые лишь в 1906 году (Всемирный вестник, 1906, № 2).

Под названием «Тулон и Кронштадт» имела распространение в 90-е годы работа Л. Н. Толстого «Христианство и патриотизм» (т. 39, с. 27—80), написанная в 1894 году. Поводом к ее написанию послужила та шумиха, которая была поднята в печати по случаю прибытия в 1893 г. в Тулон русской эскадры в связи с заключением франко-русского союза.

Статья впервые была опубликована на франц. яз. (Париж, 1894) и на англ. яз. в «Daily Chronicle» в этом же году. В 1895 году в Женеве М. К. Эллидиным была осуществлена первая публикация на русском языке. В России отдельной брошюрой работа Л. Н. Толстого была опубликована лишь в 1906 году.

⁴ У Русановых было четыре сына: 1) Алексей Гаврилович; 2) Андрей Гаврилович, врач, автор «Воспоминаний о Льве Николаевиче Толстом. 1885—1901» (Воронеж, 1937); 3) Борис Гаврилович, инженер путей сообщения и 4) Николай Гаврилович, ученик П. Е. Щеголева, участник русско-японской войны.

⁵ Геннекен (Hennequin) Эмиль, франц. критик, положивший основание научной критике в новом духе, строящей свои оценки на социологическом анализе; придавал большое значение влиянию писателей на окружающую среду, интересовался вопросом об отношении читателя того или иного автора к определенному кругу и чем это может быть объяснено.

⁶ Об этом см.: Гусев Н. Н. Летопись..., ч. 2, с. 130.

⁷ В московских библиотеках нами не обнаружен сборник с подобным названием. Скорее всего, Щеголев имел в виду вышедший в 1895 году сборник А. Н. Емельянова-Коханского «Обнаженные нервы. Сборник стихотворений (Посвящается мне и египетской царице Клеопатре)» (М., 1895).

⁸ В нараставшую революционную борьбу конца XIX века все активнее втягивалась и студенческая молодежь. Ярким примером этого явились события в столичном университете. 8 февраля 1899 года студенты С.-Петербургского университета, оскорбленные заявлением ректора В. И. Сергеевича, известного историка русского права, грозившего студентам, в случае нарушения порядка во время университетского акта, различными репрессиями, в знак протеста сорвали со стены это заявление и освистали ректора. Расходившихся с пением студентов у Румянцевского сквера атаковали конные отряды полиции и устроили над безоружными студентами дикую расправу. С 12 февраля студенческим протестом было охвачено свыше 30 высших учебных заведений. Студенческое движение, начавшееся в академических рамках, вскоре приобрело общеполитический характер. Царское правительство, в соответствии с «временными правилами» от 29 июля 1899 года, стало отдавать бастовавших студентов в солдаты. Об этом см. статью В. И. Ленина от января 1901 года «Отдача в солдаты 183-х студентов», в которой он призывал рабочих поддержать студенческие протесты (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 393—396). Л. Н. Толстой сочувственно относился к студенческому движению и резко протестовал против правительственных карательных мер. Об этом см. его статью «Студенческое движение» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 31) и переписку с В. Г. Чертковым (там же, т. 88).

События 1899 года, о которых свидетельствует мемуарист, активным участником которых он был, выходили за рамки обычных академических

требований. Щеголев вспоминал позднее, что примененная студентами «форма протеста — впрямь до получения гарантий известной неприкосновенности личности была явным сколком с форм рабочего движения» (ИМЛИ, ф. 28, оп. 1, д. 2, л. 3). Эти новые тенденции и «заставили» власти с особой «серьезностью» отнестись к университетским событиям. За организацию и участие в забастовке Щеголев, в частности, был исключен из университета и 13 марта 1899 г. арестован. Отбыв двухмесячное заключение, он был «освобожден и оставлен в Петербурге впрямь до разрешения студенческого дела в административном порядке (там же)». Об участии и роли П. Е. Щеголева в этой забастовке см. воспоминания также одного из ее участников, будущего выдающегося советского экономиста, академика С. Г. Струмилина, «Из пережитого» (в кн.: Пролетарский пролог. Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1893—1904 гг. Л., 1983, с. 231. Серия: Библиотека революционных мемуаров «Из искры возгорится пламя...»).

⁹ Салтыков Сергей Николаевич, будучи активным участником студенческой забастовки 1899 года, был делегирован в Москву, где и рассказал о событиях в Петербургском университете другу Л. Н. Толстому — И. И. Горбунову-Посадову. Толстой выразил желание услышать рассказ Салтыкова лично и дважды, вероятно, 13 и 14 февраля 1899 года, состоялись эти встречи. По возвращении в столицу Салтыков был арестован и выслан. Впоследствии, по процессу социал-демократической фракции II Государственной думы, депутатом которой он был в 1907 году, был осужден на пять, а не на шесть, как у П. Е. Щеголева, лет каторги. По отбытии срока заключения занимался книгоиздательством, редактировал журнал «Русский экономист».

¹⁰ В черновом письме к А. С. Суворину от 8 марта 1899 года Н. М. Ежов сообщал: «Толстой решительно стоит «за студентов». Стачку учащейся молодежи он считает чем-то очень хорошим и даже разумным. Он говорит, что вступить за обиженных — подвиг. «Я же, — говорил Толстой, — по правде сказать, всегда твержу: уходите из современного университета, потому что он неудовлетворителен. О студенческой же стачке опять и опять скажу: это прекрасное дело. Самая стачка совершалась без насилия, что опять главное». (Гусев Н. Н. Летопись..., ч. 2, с. 315).

¹¹ 20 февраля 1899 года Л. Н. Толстой получил письмо от С. Н. Салтыкова с просьбой «дать публичный свой отзыв» о студенческом движении. 21 февраля Толстой записал в дневнике по этому поводу следующее: «Студенческая стачка. Они все меня втягивают. Я советую им держаться пассивно, но писать письма им не имею охоты» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 53, с. 509).

¹² Ванновский Петр Семенович (1822—1904), генерал-адъютант, в 1881—1901 годах военный министр, в 1902—1904 годах министр народного просвещения; 8—14 марта 1899 года возглавил правительственную комиссию по расследованию причин студенческого движения.

¹³ Визит датируется серединой марта, до 18 марта 1899 года (см.:

Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого, ч. 2, с. 315).

¹⁴ Подробнее об отношении Л. Н. Толстого к студенческим забастовкам (см.: Шохор-Троцкий К. Толстой и студенческое движение 1899 г.— ЛН, т. 37—38, с. 651—655).

¹⁵ По свидетельству современников, Л. Н. Толстой не любил рассказов о его работе. В описываемое время он работал над романом «Воскресение».

¹⁶ Речь идет о визите С. А. Толстой весной 1891 года в Петербург с целью добиться аудиенции у Александра III и получить разрешение на издание «Крейцеровой сонаты». Она была принята царем, и получено разрешение на публикацию повести только в собрании сочинений, а не отдельным изданием. По ее возвращении и рассказа о приеме Толстой записывает в дневнике: «Было неприятно ее заискиванья у гос[ударя] и рассказ ему о том, ч[то] у меня похищают рукописи.— И я б[ыло] не удержался, неприязненно говорил, но потом обошлось» (т. 52, с. 27; см. также: Гусев Н. Н. Летопись..., ч. 2, с. 26, 28).

¹⁷ См.: Щеголев П. Е. А. С. Грибоедов и декабристы (По архивным материалам). С приложением факсимиле дела Грибоедова, хранящегося в Государственном архиве. СПб., 1905, 46 с.+ факсимиле дела. В Яснополянской библиотеке, кроме этой книги Щеголева, имеются также два издания его исследования, посвященного В. Ф. Раевскому (Первый декабрист Владимир Раевский: Из истории общественных движений в России в первой четверти XIX века. СПб., 1905; 1906). Толстой положительно отзывался об этой работе молодого историка, «хвалил ее» («У Толстого». Яснополянские записки Д. П. Маковицкого. М., 1979, кн. 2, с. 86). С большим интересом отнесся Толстой и к исследованию П. Е. Щеголева, посвященному декабристу П. Г. Каховскому, опубликованному в только что основанном журнале «Былое» (1906, № 1, 2). Маковицкий сохранил для нас два свидетельства на этот счет. Первая запись от 11 февраля 1909 года: «До какой степени интересно в «Былом» описание декабриста Каховского. Все это для славы людской. И Рылеев, и Пестель, о которых нельзя без уважения говорить: они ведь были казнены» (там же, кн. 3, с. 327) и от 14 февраля 1909 года: «Л. Н. читал в «Былом» про декабриста Каховского: интересно, хороши подробности. Он, который мнил себя Брутом, постепенно ослаб; пробыв в заключении больше года, оговорил товарищей. Л. Н. растроганно рассказывал с сочувствием и сожалением к Каховскому о нем и опять сказал: «Tout comprendre — tout pardonner» («Все понять — значит, все простить») — франц. пословица.— Там же, с. 330). На столе у Толстого лежали номера «Былого», публикации которого вызывали его горячие одобрение и поддержку.

¹⁸ О работе Л. Н. Толстого над романом, посвященном декабристам (см.: Цявловский М. А. Декабристы. История писания и печатания романа.— Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 17, с. 469—528).

¹⁹ Явная ошибка со стороны Л. Н. Толстого. Щеголев сообщал ему

о подготовленном им издании «Русской Правды» П. И. Пестеля (см.: Пестель П. И. Русская Правда. Наказ Временному Верховному Правлению. /Ред. и предисл. П. Е. Щеголева. Спб., 1906). Экземпляр этой книги хранится в Яснополянской библиотеке.

²⁰ Письмо Л. Н. Толстого П. Е. Щеголеву от 8 июня 1908 года (см.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 78, с. 163, 176).

«ЗЕЛЕНАЯ ЛАМПА»

Впервые — Пушкин и его современники, вып. VII. Спб., 1908, с. 19—50; *перепеч.*: Щеголев П. Е. Пушкин. Очерки. Спб., 1912; он же. 2-е изд. Спб., 1913; он же. Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд., испр. и доп. М.—Л., 1931, с. 39—68.

¹ См.: Модзалевский Б. Л. Яков Николаевич Толстой (Биографический очерк).— Русская старина, 1899, № 9, с. 587—614; № 10, с. 175—199.

² Письмо А. С. Пушкина Я. Н. Толстому от 26 сентября 1822 года из Кишинева.— XIII, 47.

³ Письмо А. С. Пушкина П. Б. Мансурову от 27 октября 1819 года — XIII, 11.

⁴ «Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу, произведенному высочайше утвержденною 17 декабря 1825 года Следственной Комиссиею. Составлен 1827 года» (см.: Восстание декабристов. Материалы. Т. VIII. Алфавит декабристов. /Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Л., 1925, с. 19—218).

⁵ См.: Восстание декабристов. Материалы. М.—Л., 1925, т. I, с. 53—54.

⁶ Всеволожский Александр Всеволодович, брат Н. В. Всеволожского, член общества «Зеленая лампа».

⁷ Книга А. Улыбышева о Моцарте вышла в 1843 г. на франц. яз. («Nouvelle biographie de Mozart (t. 1—3. Moscou); на русск. яз.: «Новая биография Моцарта» (М., 1890—1892, т. I—III) в переводе М. И. Чайковского и с предисл. Г. А. Лароша).

⁸ См. также: Фонвизин М. А. Обзорение проявлений политической жизни в России. Примечания к книге «Histoire philosophique et politique de Russie» par M. M. Esneaux et Chennechet. Vol. 1—5. Paris, 1835.— В кн.: М. А. Фонвизин. Сочинения и письма. Сочинения. Иркутск, 1982, т. 2, с. 186—187. Конец цитаты «...в которой большинство братьев состояло из членов Союза благоденствия».

К ИСТОРИИ ПУШКИНСКОЙ МАСОНСКОЙ ЛОЖИ

Впервые — Минувшие годы, 1908, № 8, с. 98—100; *перепеч.*: Щеголев П. Е. Пушкин. Очерки. Спб., 1912; он же. 2-е изд. Спб., 1913;

он же. Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд., испр. и доп. М.—Л., 1931, с. 281—285.

¹ Письмо А. С. Пушкина В. А. Жуковскому от 20-х чисел января 1826 года из с. Михайловское.— XIII, 257.

² Соколовская Т. О. Из материалов по истории масонства (Секретное отношение министра внутренних дел к начальнику Главного штаба, 9 января 1826 г., № 13).— Русская старина, 1907, № 2, с. 344—346; она же. К биографии декабриста кн. С. Г. Волконского.— Там же, № 6, с. 480—481; она же. Из истории масонской ложи Палестины.— Там же, № 10, с. 83—94.

³ См.: О масонской ложе «Соединенных славян». 1818—1822 гг. Записка. Сообщ. Д. Л. Мордовцев.— Русская старина, 1878, № 1, с. 187—189.

⁴ Кульман Н. К. К истории масонства в России. Кишиневская ложа.— ЖМНП, 1907, № 10, с. 343—373; то же, отд. изд. Спб., 1907.

⁵ Семевский В. И. Декабристы-масоны.— Минувшие годы, 1908, № 2, с. 1—50; № 3, с. 127—170; № 5—6, с. 379—433.

ИЗ СЕМЕЙНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ О КИШИНЕВСКОЙ ЖИЗНИ ПУШКИНА

Впервые — под заглавием «Из семейных воспоминаний об А. С. Пушкине» в журнале «Минувшие годы», 1908, № 7, с. 1—7; *перепеч.*: Щеголев П. Е. Пушкин. Исследования, статьи и материалы. Т. 2. Из жизни и творчества Пушкина. Изд. 3-е, испр. и доп. М.—Л., 1931, с. 286—292.

¹ О кишиневском периоде жизни Пушкина и его близости семейству Ралли см. также воспоминания Ф. Н. Лугинина, И. П. Липранди, В. П. Горчакова и др.— В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985, т. 1.

² См.: Стамо Апостол Константинович, советник бессарабского гражданского суда.

³ По свидетельству Липранди, Пушкин занимал первый этаж дома, который занимал и генерал Инзов, но он не принадлежал ему. Этот дом «принадлежал бессарабскому помещику Доницу и всегда нанимался под помещение главноуправляющего областью лица» (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1, с. 319).

⁴ По свидетельству И. П. Липранди, К. З. Ралли «был очень порядочный молодой человек» (там же, с. 304).

⁵ 2 июля 1823 года А. С. Пушкин был переведен на службу в канцелярию графа М. С. Воронцова, недавно назначенного генерал-губернатором Новороссийского края (см.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951, т. 1, с. 390).

⁶ См. Ралли Захар (Земфир) Эммануилович.

⁷ 6 августа Пушкин получил это несохранившееся письмо К. З. Рал-

ли о трагической судьбе цыганки Земфиры (см.: Цявловский М. А. Летопись..., с. 400).

⁸ Поэма «Цыганы», начатая на юге в январе 1824 г., была закончена в Михайловском 10 октября того же года. Отдельные фрагменты были опубликованы в 1825 году в «Московском телеграфе» и «Полярной звезде на 1825 год». Полностью поэма была опубликована в 1827 г. отдельной книжкой.

⁹ Ралли (Арборе) З. К. привлекался по делу нечаевцев, бакунист, с 1872 года эмигрант, с 1878 г. жил в Румынии под фамилией Арборе. «Работник» — газета для русских рабочих. № 1—15. Женева, Славянская типография, 1875—1876. В редакцию газеты входили: З. К. Ралли, А. Л. Эльсниц, В. А. Гольштейн и Н. И. Жуковский. Издание было принято по инициативе «чайковцев», выехавших в Швейцарию после разгрома кружка. Этой же редакцией было предпринято и издание журнала «Община», основанного зимой 1877—1878 годов и выходившего до 1879 года (фактически около июня 1879 года вышел последний, восьмой и девятый номер «Общины», помеченный ноябрем — декабрем 1878 года). В редакцию входили Д. А. Клеменц, П. Б. Аксельрод, З. К. Ралли-Арборе, Н. И. Жуковский. В числе ближайших сотрудников были: С. М. Степняк-Кравчинский, Л. Г. Дейч, Я. В. Стефанович, Э. Реклю, М. П. Драгоманов и др.

¹⁰ Кроме этих воспоминаний, в «Былом» (1906, № 7, с. 136—146) З. К. Ралли опубликованы также воспоминания о С. Г. Нечаеве.

¹¹ См.: Ралли З. Михаил Александрович Бакунин. Из моих воспоминаний.— Минувшие годы, 1908, № 10, с. 143—144.

¹² См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1. с. 53.

¹³ См.: Францева Е. А. С. Пушкин в Бессарабии.— Русское обозрение, 1897, № 3, с. 5—32 (с изложением эпизода в цыганском таборе, давшего сюжет поэмы); Мацеевич Л. С. Кишиневские предания о Пушкине.— Исторический вестник, 1883, № 1, с. 381—397; он же. Из Кишинева о Пушкине.— Правда, 1880, № 133, 134, 137.

¹⁴ Публикацию этого стихотворения (Пушкин в Южной России: Материалы для его биографии, собираемые П. Бартевым. 1820—1823.— Русский архив, 1866, стб. 1158—1159) Бартев сопровождал следующей оговоркой: «...Пушкину приписывают разные стихи, и в том числе следующие, которые мы приводим, потому что, хотя они вероятно и не его, но отчасти изображают тамошнее общество» (стб. 1159).

А. С. ПУШКИН И ГРАФ М. С. ВОРОНЦОВ

Впервые — Красный архив, 1930, т. 1 (38), с. 173—185.

¹ Раевский Александр Николаевич, сын генерала Н. Н. Раевского, соперник А. С. Пушкина в романе с Е. К. Воронцовой, которой он приходился троюродным племянником.

² Ф. Ф. Вигель в своих воспоминаниях писал, что «как все люди с практическим умом, граф весьма невысоко ценил поэзию; гениальность

самого Байрона ему казалась ничтожной, а русской стихотворец в глазах его стоял едва ли выше лапландского. А этот водворился в гостиную его жены и всегда встречал его сухими поклонами, на которые, впрочем, он никогда не отвечал. Негодование возрастало, да и Пушкин, видя явное к себе презрение начальника, жестоко тем обижался и, подстрекаемый Раевским, в уединенной с ним беседе часто позволял себе эпиграммы». Данный отрывок воспоминаний впервые опубликован Т. Г. Цявловской по рукописи (автографу) «Записок» Вигеля (см.: Цявловская Т. Г. Храни меня, мой талисман... — В кн.: Прометей. М., 1974, кн. 10, с. 22, 79).

Дело все в том, что Воронцов в своих отношениях к Пушкину никогда не забывал о том, что он представитель официальной власти, и требовал, чтобы об этом помнил и Пушкин. Поэт же признавал над собой лишь власть человеческого разума. Позднее, в «Путешествии из Москвы в Петербург», он писал: «Что значит аристократия породы и богатства в сравнении с аристократией пишущих талантов? Никакое богатство не может перекупить влияние обнародованной мысли» (VI, 356). По замечанию П. А. Вяземского, «Пушкин не мог быть ничьим слугой» (см.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. 2, с. 149).

³ Об этом см.: Цявловская Т. Г. Указ. соч.

⁴ По-видимому, Пушкин выехал из Одессы 12 марта (см.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951, т. 1, с. 447). Вернулся, по всей вероятности, 1 апреля (Цявловская Т. Г. Указ соч., с. 79). Пушкин был послан к Инзову с письмом И. Каподистрии.

⁵ Воронцовы уехали в Александрию, к матери Е. К. Воронцовой, под Белой Церковью, в 20-х числах марта; вернулись 18—19 апреля (см.: Цявловская Т. Г. Указ соч., с. 22, 79).

⁶ С 1823 года начальником I отдела канцелярии М. С. Воронцова служил Лонгинов Никанор Михайлович, брат упомянутого сенатора.

⁷ При публикации данного письма Н. О. Лернером было сделано примечание следующего содержания: «Впервые напечатано в газ. «Речь», 18 октября 1910 г., № 286; здесь воспроизводится с небольшими изменениями».

⁸ 22 апреля 1824 года Воронцов сообщал из Одессы Н. М. Лонгинову, сенатору: «Маленькая наша очень крепко было заболела дней 6 тому назад в нашем отсутствии» (цит. по указ. соч. Т. Г. Цявловской, с. 79). Речь идет о дочери Воронцовых, Александрии (1821—1830).

⁹ Письмо А. С. Пушкина А. И. Казначееву от 22 мая 1824 г. (вторая черновая редакция) — XIII, 93.

¹⁰ См.: Сербский Г. П. Дело «О саранче» (Из разысканий в области одесского периода биографии Пушкина). — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.—Л., 1936, т. 2, с. 275—289.

¹¹ Получив 23 мая 400 руб. ассигнациями «на прогоны», Пушкин отправился в командировку (см.: Цявловский М. А. Летопись..., с. 469). Из трех означенных в предписании уездов (Херсонский, Алек-

сандрийский и Елизаветградский) поэт посетил только Херсон (там же, с. 470). О дальнейшем маршруте точных данных не имеется. Вернулся Пушкин в Одессу 28 мая.

¹² Жена П. А. Вяземского, Вера Федоровна, в письме от 19 июля 1824 года писала мужу: «Почему ты так темно говоришь о деле Пушкина? Отсутствие графа Воронцова служит причиной, что мы ничего не знаем. Как могло это дело плохо обернуться? Он виноват только в ребячестве («enfantillages») и в том, что не без основания обиделся на то, что его послали лишь ловить саранчу, и то он не ослушался. Он съездил туда, а вернувшись, подал в отставку, потому что его самолюбие было затрунуто» (Цявловский М. А. Летопись..., с. 494).

¹³ В приложении к «Journal de O'dessa» (№ 59 от 2 июня 1824 г.) сообщается о приезде между 29 мая и 1 июня «коллежского секретаря Пушкина».

¹⁴ Ошибка. Письмо М. Ф. Орлова жене было отправлено 29 мая 1824 года из Одессы в Киев, а не наоборот (см.: Цявловский М. А. Летопись..., с. 471—473).

¹⁵ Сохранилось свидетельство П. И. Бартенева, систематизировавшего архив Воронцовых: «Это письмо графа Воронцова к императору Александру Павловичу, писанного еще в мае 1824 года, про оскорблявшего его А. С. Пушкина, мы доселе не имеем в печати, и в архиве Воронцовском его не сохранилось» (Архив Воронцовых, с. 13).

¹⁶ Письмо А. С. Пушкина П. А. Вяземскому от 24—25 июня 1824 г.— XIII, 98. По свидетельству Вигеля (Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1892, с. 172), Пушкин, по совету А. Н. Раевского, подал Воронцову «донесение об исполнении порученного. Но в то же время под диктовку того же друга написал к Воронцову французское письмо, в котором, между прочим говорил, что дотеле видел он в себе ссыльного, что скудное содержание, им получаемое, почитал он более пайком арестанта; что во время пребывания его в Новороссийском крае он ничего не сделал столь предосудительного, за что бы мог осужден на каторжную работу (aux travaux forcés), но что, впрочем, после сделанного из него употребления он, кажется, может вступить в права обыкновенных чиновников и, пользуясь ими, просит об увольнении от службы. Ему велено отвечать, что как он состоит в ведомстве министерства иностранных дел, то просьба его передана будет прямому его начальнику графу Нессельроде». Вот эту-то переписку, и именно с Воронцовым, Пушкин и назвал «полемиической». И следующее. Согласно преданию (Зеленецкий К. Заметки о Пушкине.— Библиографические записки, 1858, № 5, с. 137) Пушкин написал язвительный отчет в известных стихах:

Саранча
Летела, летела
И села;
Сидела, сидела,

Все съела,
И вновь улетела.

Это был, по-видимому, остроумный экспромт Пушкина, высказанный им в разговоре, но отнюдь не в официальном отчете. Эта маловероятность и не дала возможности внести данные строки в академическое издание полного собрания сочинения поэта (в прежнее время они включались во все собрания сочинений Пушкина).

Тиверий — Тиберий Клавдий Нерон (42 до н. э.— 37 н. э.), в 14—37 н. э. римский император, первый из династии Юлиев-Клавдиев. В данном случае Пушкин под его именем подразумевал императора Александра I.

Сеян — Сеян Луций Эмий (ум. 31 н. э.), временщик при имп. Тиберии, префект претории, гвардии; под его именем Пушкин имеет в виду графа М. С. Воронцова.

¹⁷ Письмо А. С. Пушкина А. И. Тургеневу от 14 июля 1824 г.— XIII, 102—103. *Хам* — в словоупотреблении Н. И. Тургенева обозначало ретрограда, человека отсталых взглядов, убежденного противника либерализма. 8 сентября 1819 года А. И. Тургенев сообщал брату Сергею, что *хам* — «техническое слово, введенное во всеобщее употребление братом Николаем» (Пушкин. Письма. 1815—1833. М.— Л., 1926, т. 1, с. 341).

¹⁸ Письмо А. С. Пушкина А. И. Казначееву от (после 2 июня) 1824 г. (на франц. яз.) — XIII, 95—96; пер., с. 528.

¹⁹ «Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,

Что будет полным наконец» (II, ч. 1, 317).

²⁰ 14 июня 1824 года Воронцовы с гостями, человек более тридцати, отплыли морем на яхте на дачу в Гурзуф. Е. К. Воронцова вернулась 24 июля, оставив гостей с мужем.

²¹ В это время Пушкин работал над поэмой «Цыганы».

²² Речь идет об Уильяме Хатчинсоне (1793—1850), докторе медицины, в 1823—1824 годах домашнем враче Воронцовых. Об этом сообщает и П. В. Анненков: «В самом доме наместника Пушкин часто встречался, например, с доктором-англичанином, по всем вероятностям страстным поклонником Шелли, который учил поэта нашего философии атеизма и сделался невольным орудием его катастрофы» (Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. 1799—1826. Спб., 1874, с. 260).

²³ Письмо А. С. Пушкина П. А. Вяземскому от апреля — первой половины мая (?) 1824 г.— XIII, 92. Высылка Пушкина из Одессы в Михайловское была вызвана не только обострившимися отношениями поэта с Воронцовым. Немаловажную роль сыграло и данное письмо к Вяземскому об атеизме, перлюстрированное на почте.

²⁴ 24 июля Воронцов отправляет из Симферополя градоначальнику

Одессы графу Гурьеву предписание: объявить Пушкину о высочайшем повелении исключить его из списков чиновников коллегии иностранных дел и отправить немедленно на жительство в Псковскую губ. «Если Пушкин даст подписку, что отправится прямо к своему назначению, не останавливаясь нигде по пути к Пскову, то дозволить ему ехать одному. В противном случае отправить его с надежным чиновником» (Цявловский М. А. Летопись..., с. 495—496).

²⁵ См.: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. (Подг. к печати и комм. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский и Т. Г. Зенгер. М.—Л., 1935, с. 837—838). В тот же день Гурьев рапортовал Воронцову, что об отъезде Пушкина одновременно извещен и псковский гражданский губернатор (Цявловский М. А. Летопись..., с. 499). К рапорту Гурьева было сделано примечание: «Маршрут сей до Киева не касается», т. е. место сосредоточения лиц, находящихся под надзором, не лежало на пути поднадзорного же Пушкина.

АМАЛИЯ РИЗНИЧ В ПОЭЗИИ ПУШКИНА

Впервые — Вестник Европы, 1904, № 1, с. 305—327; *перепеч.*: Щеголев П. Е. Пушкин. Очерки. Спб., 1912; то же.— Спб., 1913; он же. Пушкин. Исследования, статьи и материалы. Т. 2. Из жизни и творчества Пушкина. М.—Л., 1931, с. 255—275.

¹ См.: Шляпкин И. А. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. Спб., 1903. На эту книгу П. Е. Щеголев откликнулся двумя рецензиями, в которых остановился не только на ошибках и неточностях рецензируемой работы (Изв. Отд. рус. яз. и словесности имп. Академии наук. 1903, т. VIII, № 4, с. 375—383), но и поставил вопрос о ненаписанных стихотворениях А. С. Пушкина (Исторический вестник, 1904, № 1, с. 263—274). Первые четыре строки стихотворения, публикуемого впервые полностью Шляпкиным, были впервые опубликованы П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина».— Сочинения Пушкина. Изд. Анненкова. М., 1885, с. 346.

² Сочинения А. С. Пушкина. Изд. 8-е, испр. и доп., /под ред. П. А. Ефремова. М., 1882, т. 2, с. 398. Данный фрагмент П. А. Ефремов поместил после стихотворения «Под небом голубым» [На смерть г-жи Ризнич] и публикацию сопроводил примечанием, что «этот отрывок вызван воспоминаниями о той же особе», тем самым указывая на один и тот же предмет вдохновения двух стихотворений Пушкина.

³ Этим сюжетам П. Е. Щеголев посвятил специальное исследование «Из разысканий в области биографии и текста Пушкина» (Пушкин и его современники. Спб., 1911, вып. XIV, с. 53—193). При перепечатке (Пушкин. Очерки. Спб., 1913) опубликовано под заглавием «Утаенная любовь». В этом исследовании П. Е. Щеголеву удалось доказать, что адресатом ряда стихотворений поэта, и прежде всего «Посвящения» к поэме «Полтава», является Мария Николаевна Волконская-Раевская.

⁴ Письмо А. С. Пушкина к А. П. Керн от 13 и 14 августа 1825 г. из с. Михайловское (XIII, 207—208, 544—545).

⁵ См.: Зеленецкий К. Заметка о Пушкине. Одесса, января 31 дня, 1857.— В кн.: Библиографические записки. Периодическое издание 1858 года. Т. 1, вып. 5, с. 137—139; *перепеч.*: Русский вестник, 1856, № 3, с. 203—209.

⁶ См.: Халанский М. Е. Пушкин и г-жа Ризнич.— В кн.: Харьковский университетский сборник в память А. С. Пушкина (1799—1899). Харьков, 1900, с. 423—426.

⁷ П. Е. Сречкович учился в Киевской духовной академии и университете, был принят в доме И. С. Ризнича, от которого и получил сведения об Амалии Ризнич и А. С. Пушкине.

⁸ В приложении к «Journal d'Odessa» (1824, № 59 от 2 сент.) сообщается о приезде между 29 мая и 1 июня «коллежского секретаря Пушкина».

⁹ Речь идет о двоюродной сестре В. И. Туманского, Софье Григорьевне Туманской.

¹⁰ См.: Туманский В. И. Стихотворения и письма./Ред., биограф. очерк и примеч. С. Н. Браиловского. Спб., 1912, с. 256 (письмо к С. Г. Туманской).

¹¹ Филипп, слуга в доме И. С. Ризнича.

¹² В мае 1824 года Амалии Ризнич было выдано свидетельство на выезд вместе с сыном Александром (или Стефаном) (см.: де Рибас А. Еще о Пушкине и Ризнич.— Изв. Одесского Библиографического общества при Новороссийском университете. Одесса, 1915, т. 4, с. 1—2).

¹³ В черновых заметках П. В. Анненкова для биографии поэта, записанных со слов О. С. Павлицевой-Пушкиной, сообщается, что «Пушкин на руке носил перстень из корналина с восточными буквами, называя его талисманом, и что точно таким же перстнем запечатаны были письма, которые он получал из Одессы,— и которые читал с торжественностью, запершись в кабинете. Одно из таких писем он и сжег» (см.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х т. М., 1985, т. 1, с. 39).

Текст, прочитанный лишь в начале XX века, оказался еврейской надписью о принадлежности перстня какому-то раввину: «Симха, сын почтенного рабби Иосифа, да будет благословенная его память» (см.: А. С. Пушкин./Под ред. С. А. Венгерова. Спб., 1900, т. IV, с. XXIV—XXV; комм. Н. О. Лернера).

¹⁴ Письмо С. Г. Волконского А. С. Пушкину от 18 октября 1824 года из Петербурга.— См.: XIII, 112. Конец фразы: «...будущая моя жена была вам известна».

¹⁵ Письмо А. С. Пушкина к А. А. Бестужеву от 8 февраля 1824 года.— XIII, 87—88.

¹⁶ Письмо А. С. Пушкина к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 года из Одессы.— XIII, 78—80.

¹⁷ Обстоятельства взаимоотношений А. С. Пушкина и Е. К. Воронцовой исследованы в статье Т. Г. Цявловской «Храни меня, мой талисман...» (Прометей. М., 1974, вып. 10, с. 12—84).

¹⁸ См.: Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. 1799—1826 гг. Спб., 1874, с. 245.

¹⁹ См.: Гершензон М. О. Пушкин и гр. Е. К. Воронцова (1824).— Вестник Европы, 1909, № 2, с. 530—547.

²⁰ А. С. Пушкин./Под ред. С. А. Венгерова. Спб., 1910, т. IV.

²¹ Письмо А. Н. Раевского к А. С. Пушкину от 21 августа 1824 г.— XIII, 105—107;/рус. пер.: «Ризнич вновь принял бразды правления в театре; актрисы слушаются только его».

²² В 1816—1826 гг. псковским гражданским губернатором был Борис Антонович Адеркас.

²³ «Северная лира на 1827 год». Посвящается любительницам и любителям отечественной словесности Раичем и Ознобишиным. М., 1827. Цель издания — популяризация принципов шеллингианской философии. В альманахе печатались произведения и переводы московского кружка литераторов, преимущественно членов кружка Любомудров.

²⁴ Письмо А. С. Пушкина В. И. Туманскому от 13 августа 1825 г. (XIII, 206).

²⁵ Ошибка: письмо А. С. Пушкина [около 9 декабря] 1824 года адресовано не Княжевичу, а Дмитрию Максимовичу Шварцу, чиновнику канцелярии графа М. С. Воронцова (XIII, 129). Текст: «Об Одессе ни слуху, ни духу. Сердце вести просит — долго не смел затеять переписку с оставленными товарищами — долго крепился, но не утерпел».

²⁶ См.: Туманский В. И. Стихотворения и письма, с. 150.

²⁷ См. также: Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч./Ред., вступит. ст. и комм. А. Г. Цейтлина. Л., Academia, 1933, с. 472—473.

²⁸ Следует пропущенный абзац:

Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,
Бледна, хладна, как зимний день,
Искажена последней мукой.

Приди, как дальняя звезда,
Как легкой звук иль дуновенье,
Иль как ужасное виденье,
Мне все равно, сюда! сюда!..

(III, 1, 2).

²⁹ Данный абзац следует читать:

Зову тебя не для того,
Чтоб укорять людей, чья злоба
Убила друга моего,
.
Иль чтоб изведать тайны гроба,
Не для того, что иногда
Сомнением мучусь... но тоскуя,
Хочу сказать, что все люблю я,
Что я все твой: сюда! сюда!

(III, 1, 246).

³⁰ И далее: Сюда, сюда!

(III, 1, 246).

³¹ Текст следует читать:

А с <ними> поцалуй свиданья...

(III, 1, 257).

³² См.: Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина. Сочинения Пушкина с приложением материалов для его биографии./Издание П. В. Анненкова. Спб., 1855, т. I—II; т. I, с. 347.

ПОЭМА «МОНАХ»

Впервые опубликовано П. Е. Щеголевым в 1928 году. См.: Поэма А. С. Пушкина «Монах». — Красный архив, 1928, т. 6 (31), с. 160—201; 1929, т. 1 (32), с. 182—190; *перепеч.*: Щеголев П. Е. Пушкин. Исследования, статьи и материалы. Т. 2. Из жизни и творчества Пушкина, изд. 3-е, испр. и доп. М.—Л., 1931, с. 18—38. См. также другие его публикации: Щеголев П. Е. «Монах» — неизданная поэма Пушкина. — Огонек, 1929, № 7 (307), с. 8—10; он же. «Монах» — неизданная поэма Пушкина. — Красная газета, веч. выпуск, 1929, 16 февраля; он же. Поэма «Монах» и молодой Пушкин. Очерк. — Экран, 1929, № 19, 12 мая, с. 7. [Подп.: В. А. Павлов.— *Ред.*]; Щеголев П. Е., Косулин П. Н., Вернер Н. Н. Пушкинисты, пушкиноведы и пушкинианцы о впервые опубликованном отрывке из поэмы А. С. Пушкина «Монах». — Огонек, 1928, № 51, с. 12.

¹ Стихотворения В. Л. Пушкина, дяди А. С. Пушкина, издавались в 1822, 1835 и 1893 годах (последнее под ред. В. И. Саитова), за исключением «Опасного соседа». Это произведение было впервые опубликовано в 1855 году в Лейпциге. Написание «Опасного соседа» относится к 1811 году. Это остроумная, хотя грубоватая и неудобная для печати сатира.

² С именем А. М. Горчакова связаны послания А. С. Пушкина: «Пускай, не знаясь с Аполлоном...» (1814), «Встречаюсь я с осмнадцатой весной...» (1817), «Питомец мод, большого света друг...» (1819), строфы из «Пирующих студентов» (1814) и «19 октября» (1825). Последняя встреча лицейстов, Пушкина и Горчакова, относится к августу 1825 года, у Пещуровых, родственников Горчакова, в дер. Лямино, в 60 верстах от с. Михайловское, где поэт читал отрывки из «Бориса Годунова». Эта встреча оставила у Пушкина неприятное впечатление. Со слов Горчакова записаны его позднейшие воспоминания, в которых он причисляет себя к кругу друзей Пушкина (см.: Красный архив, 1937, т. 1, с. 75—206).

³ Торжественное открытие памятника А. С. Пушкину, работы скульптора А. М. Опекушина, состоялось в Москве 6 июня 1880 года.

⁴ Русско-турецкая война 1877—1878 годов завершилась подписанием в феврале 1878 года Сан-Стефанского договора, усилившего позиции России на Балканах. Против этого выступили Англия и Австро-Венгрия, по настоянию которых и был созван Берлинский конгресс (1 июня — 1 июля 1878 года), имевший целью пересмотреть условия Сан-Стефанского договора. Россия, ослабленная только что закончившейся войной и не поддерживаемая Германией, была вынуждена уступить на конгрессе колоссальному натиску великих держав.

⁵ Стурдза А. С., официальный публицист, идеолог реакции, выступил в 1818 году с трактатом о политическом положении Германии, в котором восставал против университетов, как рассадников революционного духа. См. эпиграмму А. С. Пушкина:

Вкруг я Стурдзы хожу,
Вкруг библического;
Я на Стурдзу гляжу
Монархического (I, 600).

Впервые опубликована П. И. Бартеневым (Русский архив, 1874, № 1); датируется: июль — сентябрь 1819 года. Начало эпиграммы не дошло. Куплеты пародируют народную песню «Я вкруг печки хожу, вкруг муравленныя».

⁶ «К Батюшкову» («Философ резвый и пиит...») — I, 46—48. Датируется сентябрем — октябрем 1814 года.

⁷ «Послание к «Наталье» — I, 3—6; датируется 1813 годом. Наталья, крепостная актриса домашнего театра В. В. Толстого в Царском Селе, предмет раннего увлечения А. С. Пушкина.

⁸ Талья (Талия), в древнегреческой мифологии одна из девяти муз, покровительница комедии.

⁹ Купидон — в римской мифологии божество любви, то же, что и Амур или греч. Эрот.

¹⁰ Сочинения Пушкина. С прилож. материалов для его биографии,

портрета, снимков с его почерка и с его рисунков и проч. Изд. П. В. Анненкова. Спб., 1855, т. 1, с. 26.

¹¹ Целадон, Селадон — герой романа французского писателя Юрфе «Астрея», платонический, сентиментальный воздыхатель.

¹² Киприда, в древнегреческой мифологии первоначальная местная богиня о-ва Кипр, позднее отождествлялась с Афродитой.

¹³ Стихотворение представляет собою первую часть записи в дневнике под 29 ноября 1815 года (I, 113). Бакунина Екатерина Павловна, сестра лицейского товарища А. С. Пушкина, предмет его юношеской любви.

¹⁴ Сатирическая поэма «Орлеанская девственница» («La Pucelle») была написана Вольтером в 1735 году.

¹⁵ Хариты (*греч.*), Грации (*римск.*) в мифологии богини, с именем которых связано все прекрасное и радостное в природе и человеческой жизни.

¹⁶ «Амур нашел ее в Цитере...» — строки из стихотворения А. С. Пушкина «Когда сожмешь ты снова руку...» (I, 232); датируется 2 марта 1818 года. Венера, Цитера — в древнеримск. мифологии богиня любви и красоты.

¹⁷ «Бова» («Часто, часто я беседовал...») — неоконченная поэма А. С. Пушкина (I, 75—85); датируется концом 1814 — январем 1815 года.

В 1750—1753 годах Вольтер, по приглашению прусского короля Фридриха II, жил в Пруссии.

¹⁸ Ферне — замок на границе Франции и Женевской территории, где с 1758 года поселился Вольтер.

¹⁹ Парнас, горный массив в Греции, в древнегреч. мифологии место пребывания муз и Аполлона.

²⁰ Пегас — в древнегреч. мифологии крылатый конь, от удара копыт которого на горе Геликон возник источник Ипокрена, из которого поэты черпали вдохновение.

²¹ Жан Шаплен, автор эпической поэмы «Орлеанская девственница, или Освобожденная Франция» (1656) в двадцати четырех песнях.

²² Аполлон, Феб, в древнегреч. мифологии сын Зевса, бог целитель и прорицатель, покровитель искусств.

²³ Строки из начала первой песни «Девственницы» («Я не рожден святыню славословить...») — I, 450; датируется предположительно 1825 годом.

²⁴ А. С. Пушкин был знаком с поэзией французского поэта Франсуа Вийона, о чем свидетельствуют его высказывания: «У французов Вильон воспевал в площадных куплетах кабаки и виселицу и почитался первым народным поэтом» (XI, 269), а также, с. 306, 510, 511, 515.

²⁵ Строки из стихотворения «Городок» («Прости мне, милый друг...») — I, 54; датируется ноябрем — декабрем 1814 года.

²⁶ См.: Вольтер. Орлеанская девственница. Поэма в двадцати одной песни. М.—Л., 1924, т. 1—2. Серия: Всемирная литература.

²⁷ Кантемир, в данном контексте условное имя.

²⁸ Гебея, в древнегреч. мифологии дочь Зевса, богиня молодости, олицетворение вечной юности.

²⁹ «Вкруг тонкого Гебеи стана...» — строки из стихотворения А. С. Пушкина «К живописцу» («Дитя харит и вображенья...») — I, 139; датируется 1815 годом. Под «живописцем» подразумевается А. Д. Илличевский, ответивший Пушкину стихотворением «От живописца».

³⁰ «Они пришли твои младые годы...» — строки из стихотворения А. С. Пушкина «Князю А. М. Горчакову» («Встречаюсь я с восемнадцатой весной...») — I, 212; датируется апрелем — первыми числами июня 1817 года, хотя с «осемнадцатой весной» Пушкин «встретился» в 1816 году. В поэтике того времени восемнадцать лет было символом юности.

³¹ Строки из стихотворения А. С. Пушкина «Князю А. М. Горчакову» («Пускай, не знаясь с Аполлоном...») — I, 38—39; датируется 1814 годом и написано ко дню именин А. М. Горчакова 30 августа. Харон, в древнегреч. мифологии перевозчик душ в подземном царстве. Ершова Евдокия Семеновна, жена генерал-майора И. З. Ершова, посещавшая лицей в июне — июле 1814 года.

³² Строки из стихотворения А. С. Пушкина «19 Октября» («Роняет лес багряный свой убор...») — I, 435—439.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I И ПУШКИН В 1826 ГОДУ

Впервые — журнал «Русская мысль», 1910, № 6, с. 1—27; *перепеч.*: Щеголев П. Е. Пушкин. Очерки. Спб., 1912; то же, 2-е изд. Спб., 1913; он же. Пушкин. Исследования, статьи и материалы. Т. 2. Из жизни и творчества Пушкина, 3-е изд., испр. и доп. М.—Л., 1931, с. 69—95.

¹ Письмо А. С. Пушкина В. А. Жуковскому от 20-х чисел января 1826 г. из с. Михайловское. — XIII, 259—260.

² Письмо А. С. Пушкина П. А. Плетневу от 3 марта 1826 г. из с. Михайловское. — XIII, 265.

³ Дмитрий Николаевич Блудов в 1826 году был делопроизводителем Следственной комиссии по делу декабристов, был автором заключительного доклада. В этом же году был назначен товарищем министра народного просвещения и главноуправляющим делами иностранных исповеданий.

⁴ Письмо В. А. Жуковского А. С. Пушкину от 12 апреля 1826 г. из Петербурга. — XIII, 271.

⁵ Письмо А. С. Пушкина П. А. Вяземскому от 10 июля 1826 г. из с. Михайловское. — XIII, 286.

⁶ Бестужев Петр Александрович, мичман, член Северного общества,

после суда был разжалован в солдаты (см.: Восстание декабристов. Материалы. М., 1976, т. XIV, с. 326).

⁷ См.: Восстание декабристов. Материалы. М., 1976, т. XIV, с. 307. При публикации этой статьи П. Е. Щеголевым в 1910 г. цензура запретила публиковать показания В. А. Дивова.

⁸ См.: Восстание декабристов. Материалы. М.—Л., 1926, т. V, с. 277. Показания В. А. Бечаснова были также не пропущены цензурой в 1910 г.

⁹ См.: Восстание декабристов. Материалы. М., 1950, т. IX, с. 49.

¹⁰ См.: Штейнгель В. И. Записка Николаю I. Генваря 11 дня 1826 года.— В кн.: В. И. Штейнгель. Сочинения и письма. Т. I. Записки и письма. Иркутск, 1985, с. 223. Серия: Полярная звезда. Документы и материалы.

¹¹ См.: Движение декабристов. Материалы. М., 1950, т. IX, с. 108.

¹² К следствию было привлечено трое Жуковых. Скорее всего, имеется в виду Жуков Иван Петрович, штабс-ротмистр Белорусского гусарского полка; после суда, летом 1826 года, был переведен в Архангелогородский гарнизонный полк под надзор с ежемесячным донесением о его поведении. Впоследствии служил на Кавказе и в 1833 году был уволен в отставку в том же чине, с обязательством проживания в с. Сергиевском Лаишевского у. Казанской губ. (ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 88).

¹³ См.: Движение декабристов. Материалы. М., 1950, т. IX, с. 118—119.

¹⁴ Там же, с. 126.

¹⁵ См.: Восстание декабристов. Материалы. М., 1954, т. XI, с. 74.

Песня «Ах, тошно мне и в родной стороне», принадлежащая перу К. Ф. Рыльева и А. А. Бестужева (Об этом см.: Восстание декабристов. М.—Л., 1925, т. I, с. 169, 176, 267, 456—458; М.—Л., 1927, т. IV, с. 289; М., 1950, т. IX, с. 282), является одним из наиболее замечательных произведений нелегальной агитационной литературы. Не случайно вопрос об ее авторстве и распространителях был особо выделен в Следственной комиссии в 1825—1826 годах. Впервые, с сокращениями и в очень неисправной редакции, напечатана в «Полярной звезде» (1859, кн. 5, с. 11); в России, с ошибками (см.: Бороздин А. К. Из писем и показаний декабристов. Спб., 1906, с. 195—196). Копия с автографа К. Ф. Рыльева опубликована впервые в 1934 году (см.: Рылеев К. Ф. Полное собрание стихотворений/Ред., предисл. и примеч. Ю. Г. Оксмана. Л., 1934, с. 311—312). Позже Ю. Г. Оксманом была предложена реконструированная, полная редакция песни (см.: Литературное наследство, т. 59, с. 97—99).

Песня «Боже! царя храни!..» написана А. С. Пушкиным в 1816 г.— I, 312.

¹⁶ См.: Восстание декабристов. Материалы. М., 1950, т. IX, с. 257.

¹⁷ Голицын Александр Николаевич, обер-прокурор св. синода и министр народного просвещения, был членом Следственной комиссии по де-

лу декабристов и Верховного уголовного суда. Эпиграмма А. С. Пушкина «На кн. А. Н. Голицына» («Вот Хвостовой покровитель...») — II, 127. Имя Голицына подразумевается и в следующих строках стихотворения «Второе послание цензору» (II, 368):

...когда святой отец,
Омара де Гали приняв за образец,
В угодность господу, себе во утешение,
Усердно задушить старался просвещенье».

¹⁸ В конце марта 1826 года была начата секретная переписка по поводу связей литератора П. А. Плетнева с поэтом А. С. Пушкиным и, несмотря на то что у властей полностью отсутствовали какие-либо сведения, которые бы с политической точки зрения могли компрометировать Плетнева, он тем не менее был вызван для дачи объяснений к петербургскому генерал-губенатору П. В. Голенищеву-Кутузову. Последним был сделан выговор Плетневу за то, что переписывается «с находящимся под гневом властей сочинителем» (Русский архив, 1869, № 12 стб. 2069). 29 мая этого же года Голенищев-Кутузов был вынужден констатировать в своем докладе, что Плетнев занимался делами Пушкина по просьбе поэта В. А. Жуковского, но к настоящему времени от этого отказался и «совершенно прекратил... всякую переписку». Действительно, последнее письмо Плетнева к Пушкину относится к 14 апреля 1826 года, и затем их переписка возобновляется лишь в январе 1827 года. Этот инцидент нашел свое отражение и в шуточных вопросах Пушкина к Плетневу в письмах от 7 января («Уж не запретил ли тебе ген<ерал>-губ<ернатор> иметь со мною переписку?») и 26 марта 1831 года («Вот уже месяц как от тебя ни строчки не вижу. Уж не воспоследовало ли вновь тебе от ген<ерал>-губ<ернатора> милостивое запрещение со мною переписываться») (XIV, 141, 158).

¹⁹ В письме А. С. Пушкина Плетневу от 7 (?) марта 1826 года содержится первое свидетельство поэта о намерении печатать «Цыган»: «Знаешь ли? уж если печатать что, так возьмемся за «Цыганов» (XIII, 266). 4 апреля того же года дежурный генерал Главного штаба А. Н. Потапов, отвечая на запрос начальника штаба И. И. Дибича, докладывал, что поэма куплена И. В. Слениным и рукопись отправлена автору для перемени; текст, по сведениям властей, был продиктован Л. С. Пушкиным и записан (Грот Я. К. Пушкин... Спб., 1899, с. 255).

²⁰ В письме П. А. Плетневу от 3 марта 1826 года Пушкин писал: «Не будет вам «Бориса» прежде чем не выпишите меня в П.<етер> Б.<ург> — что это в самом деле?» (XIII, 264—265).

²¹ Письмо В. А. Жуковского А. С. Пушкину от 12 апреля 1826 г. — III, 271.

²² Есть все основания полагать, что В. А. Жуковский и Н. М. Карамзин хлопотали перед Николаем I за опального Пушкина. Подробнее об этом см.: Нечкина М. В. О Пушкине, декабристах и их общих друзьях

ях.— Каторга и ссылка, 1930, кн. 4, с. 7—40; Пугачев В. В. Новые данные о Пушкине и декабристах (Из недавних публикаций дел Следственной комиссии).— Временник Пушкинской комиссии, 1975. Л., 1979, с. 121—125; Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы. М., 1979, с. 355—378.

²³ Записки А. О. Смирновой, опубликованные в 1893 году в журнале «Северный вестник», а затем вышедшие отдельным изданием (ч. I—II. Спб., 1895—1897), представляют собою сочинение ее дочери О. Н. Смирновой, лишь отчасти основанные на рассказах ее матери (см.: Смирнова А. О. Записки, дневник, воспоминания, письма. Со статьями и примеч. Л. В. Крестовой./Под ред. М. А. Цявловского. М., 1929).

²⁴ Письмо П. В. Вяземского А. С. Пушкину от 12 июля 1826 года.— XIII, 285.

²⁵ Письмо А. С. Пушкина к Николаю I (11 мая—1-я пол. июня) 1826 года.— XIII, 283—284. К этому прошению Пушкин приложил на отдельном листке следующую подписку: «Я, нижеподписавшийся, обязуюсь впредь ни к каким тайным обществам, под каким бы они именем ни существовали, не принадлежать; свидетельствую при сем, что я ни к какому тайному обществу таковому не принадлежал и не принадлежу и никогда не знал о них. 10-го класса Александр Пушкин. 11 мая 1826».— XIII, 184.

²⁶ См. Адеркас Б. А.

²⁷ См.: Леопольдов А. Черты из жизни Михаила, митрополита Новгородского.— Москвитянин, 1820, март. Позднее, Леопольдов поместил отзывы о статистическом описании Саратовского губ. за 1839 год в «Библиотеке для чтения» (1839, т. 35), «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду» (1839, № 15), «Отечественных записках» (1839, т. 3), «Современнике» (1839, т. 15), «Сыне отечества» (1839, т. 10). Кроме того, под его редакцией в 1842—1848 годах выходили «Саратовские губернские ведомости»; сам же редактор в это время находился под надзором полиции.

²⁸ Имеется в виду, прежде всего, московский университетский кружок братьев Критских (1826—1827) и общество Н. П. Сунгурова (1830—1831). Кружок Критских считал себя продолжателем дела декабристов и планировал создание большой тайной политической организации с целью введения в стране конституции; участники кружка обсуждали возможность царевубийства и обращения к народу с прокламацией, пытались вести пропаганду среди чиновников, солдат, студентов университета. Об этом см. подробнее: Насонкина Л. И. Московский университет после восстания декабристов. М., 1972.

²⁹ Оренбургское общество, возникнув в 1813 году (а может быть, и раньше), было ликвидировано властями в 1827 году. Будучи по своему составу, программе и духу частью движения декабристов и не выходя в основном из рамок дворянской революционности, оно отличалось боль-

шей активностью, чем другие декабристские организации, в стремлении привлечь на свою сторону солдат и народные массы (здесь следует отметить работу членов общества среди уральских казаков, башкир и казахов). В 1826 году члены общества поддержали идеи декабристов, излагавшиеся приехавшим в Оренбург провокатором И. И. Завалипиным, братом декабриста Д. И. Завалишина. Об этом см.: Федосов И. А. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. (революционные организации и кружки). М., 1958, с. 57.

³⁰ Поэт Полежаев Александр Иванович в июле 1826 года был отдан в пехотный полк унтер-офицером за поэму «Сашка». Поэма, написанная в 1825 году, впервые была опубликована лишь в 1861 году. В поэме содержится обличение самодержавного строя и дворянских нравов. В 1827 году он, за побег из полка, был разжалован в солдаты и умер в военном госпитале от чахотки, замученный солдатчиной и жестоким телесным наказанием.

³¹ Ошибка: данное письмо А. С. Пушкина П. А. Вяземскому датируется 13 июля 1826 годом.— XIII, 188.

³² Шуто-трагедия «Поддипа, или Трумф», злая сатира на царствование Павла I, была написана И. А. Крыловым в Казацком, поместье рижского военного генерал-губернатора С. Ф. Голицына в 1800 году и там же разыграна с автором в роли Трумфа. По цензурным соображениям пьеса при жизни Крылова не могла быть опубликована и появилась в печати лишь в 1871 году (Русская старина, 1871, № 2).

³³ Речь идет о Павлищевой Ольге Сергеевне, сестре А. С. Пушкина.

³⁴ См.: Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Спб., 1903, т. 2, с. 15. Посланец псковского губернатора фон Адеркаса прибыл в ночь на 4 сентября в Михайловское с запиской самого Адеркаса: «Милостивый государь мой, Александр Сергеевич!.. прошу вас поспешить приехать сюда и прибыть ко мне» и секретным предписанием начальника Главного штаба И. И. Дибича: «Господину псковскому гражданскому губернатору. По высочайшему государя императора повелению, последовавшему по всеподданнейшей просьбе, прошу покорнейше ваше превосходительство: находящемуся во вверенной вам губернии 10-го класса Александру Пушкину позволить отправиться сюда при посылаемом вместе с ним нарочным фельдъегерем. Г-н Пушкин может ехать в своем экипаже свободно, не в виде арестанта, но в сопровождении только фельдъегера; по прибытии же в Москву имеет явиться прямо к дежурному генералу Главного штаба его величества».— XIII, 293.

³⁵ О свидании А. С. Пушкина с Николаем I восьмого сентября 1826 года и дальнейшем развитии событий см. также: Эйдельман Н. Я. Секретная аудиенция.— Новый мир, 1985, № 12, с. 190—217.

³⁶ О настроении, царившем в самом Михайловском по получении предписания, сохранилось красноречивое свидетельство михайловского кучера Петра: «...все у нас перепугались. Да как же? Приехал вдруг ночью жандармский офицер из городу, велел сейчас в дорогу собираться, а зачем — неизвестно. Арина Родионовна растужилась, навзрыд плачет. Александр Сергеевич ее утешать: «Не плачь, мама, говорит, сыты будем, царь хоть куды не пошлет, а все хлеба даст» (Русская старина, 1899, № 5, с. 273—274).

³⁷ Булгакова Наталья Васильевна (урожд. княгиня Хованская), жена Булгакова А. Я., московского почтового директора.

А. С. ПУШКИН В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ 1826—1828 ГГ.
(Из архивных разысканий)

Впервые — в кн.: Пушкин и его современники. Спб., 1909, вып. XI, с. 1—51; *перепеч.*: Щеголев П. Е. Пушкин. Очерки. Спб., 1912; то же, 2-е изд.— Спб., 1913; он же. Пушкин. Исследования, статьи и материалы. Изд. 3-е, испр. и доп. Т. 2. Из жизни и творчества Пушкина. М.—Л., 1931, с. 95—126.

¹ Пушкин А. С. Андре Шенье. Посвящено Н. Н. Раевскому. Элегия написана в январе 1826 года.— II, 397—403; впервые опубликована: Стихотворения А. С. Пушкина. Спб., 1826, с. 29—35 и 190—191 (примеч.) с купюрами.

² Письмо К. Ф. Рылеева Н. М. Рылеевой от 13 июля 1826 года (см.: Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч./Ред., вступит. ст. и комм. А. Г. Цейтлина. М.—Л., Academia, 1934, с. 518—519).

³ См.: Слезский А. Преступный отрывок элегии «Андрей Шенье» (Из судебного процесса А. С. Пушкина, А. Леопольдова, Коноплева и др.).— Русская старина, 1899, № 8, с. 313—326.

⁴ Эта статья была передана декабристом Петром Александровичем Мухановым, без сообщения имени ее автора.

⁵ Речь идет о статье П. Е. Щеголева «Император Николай I и Пушкин в 1826 году», опубликованной в журнале «Русская мысль», 1910, № 6.

⁶ Московским обер-полицмейстером в 1825—1830 годах был генерал-майор Шульгин Дмитрий Иванович.

⁷ Саратовским гражданским губернатором в 1808—1826 годах был Панчулидзев Алексей Давыдович.

⁸ Псковским гражданским губернатором в 1816—1826 годах был фон Адеркас Борис Антонович.

НИКОЛАЙ I В ДНЕВНИКЕ ПУШКИНА
(Из комментариев к дневнику Пушкина)

Впервые — Щеголев П. Е. Из комментариев к дневнику Пушкина. Пушкин о Николае I.— В кн.: Дневник Пушкина. 1833—1835./Под ред. и с объяснит. примеч. и со ст. П. Е. Щеголева. М.—Пг., 1923, с. XIII—XXVI; *перепеч.*: он же. Пушкин. Исследования, статьи и материалы. ИУзд. 3-е, испр. и доп. Т. 2. Из жизни и творчества Пушкин. М.—Л., 1931, с. 126—140.

¹ Известно, что через 45 минут после смерти А. С. Пушкина его бумаги были опечатаны Л. В. Дубельтом. По замечанию П. О. Морозова, известного исследователя творчества поэта, при этом были взяты две тетради дневника Пушкина, но «такая же тетрадь, за № 1, взятая... в III Отделение собственной его императорского величества канцелярии, не была возвращена наследникам поэта, до сих пор не разыскана и, может быть, уже не существует» и далее: «Покойный академик Сухомлинов, имевший доступ во все архивы, говорил нам, что он всюду тщетно искал эту рукопись и ничего не мог узнать о ее судьбе» (см.: Сочинения и письма А. С. Пушкина, /под ред. П. О. Морозова. Спб., 1909, т. VI, с. 697). О поисках тетради № 1 дневника А. С. Пушкина, о ее возможном нахождении и даже существовании см.: Фейнберг И. Читая тетради Пушкина. М., 1976, с. 196—204 (статья «Пропавший дневник»).

² См.: Сакулин П. Н. Пушкин и Радищев. Новое решение старого вопроса. М., 1920.

³ Об этом см.: Эйдельман Н. Я. Секретная аудиенция.— Новый мир, 1985, № 12, с. 190—217.

⁴ В. А. Жуковский был воспитателем цесаревича Александра Николаевича, будущего императора Александра II.

⁵ Во мне почтил он вдохновенье,
Освободил он мысль мою,
И я ль, в сердечном умиленьи,
Ему хвалы не воспою?

Он бодро, честно правит нами,
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами...

См.: Пушкин А. С. Друзьям («Нет, я не льстец, когда царю...»), (III, 89. Датируется ноябрем 1826 — февралем 1827 года. По-видимому, в феврале 1827 года поэт послал это стихотворение Бенкендорфу на цензуре к Николаю I. Уже 5 марта Бенкендорф ответил, что государь «совершенно доволен» стихотворением, но не желает его публикации. На копии, сохранившейся в деле III Отделения, имеется помета, по-видимому воспроизводящая резолюцию Николая I: «cela peut courir, mais pas être imprimé» [(«это не может быть напечатано»; III, 2, 1154)].

6

И новый царь, суровый и могучий,
на рубеже Европы бодро встал...

См.: Пушкин А. С. «Была пора, наш праздник молодой...» (III, 1, 433). Датируется серединой (не позднее 19 октября) 1836 года.

7

Вл.<аститель> слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами ц<арство>вал тогда. См.: Евгений Онегин.
Глава X (VI, 520).

«Народов друг, спаситель их свободы...» См.: «Была
пора, наш праздник молодой...» (III, 1, 431—432).
Датируется серединой (не позднее) 19 декабря 1836 г.

⁸ В этой связи интересно будет обратить внимание на следующий факт: параллельно с замыслом «Медного всадника» оформляется и замысел «Капитанской дочки». Б. С. Мейлах справедливо указывает на родственность этих произведений «по своей внутренней логике развития философско-исторического мышления Пушкина и его поисков путей воплощения образа героической личности, ее роли в движении истории» (см.: Мейлах Б. С. Творчество Пушкина. Развитие художественной системы. М., 1984, с. 97).

⁹ См.: Пушкин А. С. Александр Радищев.— XII, 32. «Мелкий чиновник, человек без всякой власти, без всякой опоры, дерзает вооружиться противу общего порядка, противу самодержавия...»

¹⁰ Речь идет о статье, опубликованной в «Северной пчеле» (№ 206 от 13 сентября 1834 г.), в которой описывался приезд Николая I в Москву.— Дневник А. С. Пушкина. 1833—1835 гг. (Далее — Дневник). М.— Пг., 1923, с. 65, 507.

¹¹ Дневник, 4; XII, 317.

¹² Дневник, 10; XII, 322. Запись от 29 апреля 1834 г.

¹³ Дневник, 1—2; XII, 315.

¹⁴ Курляндский дворянин фон дер Бринкен Р. Е., поручик л.-гв. Семеновского полка, был замечен в систематическом обкрадывании магазинов, за что был судим и разжалован в рядовые (см.: Дневник, 2, 17, 51—53; XII, 315, 328, а также: Сочинения А. С. Пушкина, /под ред. П. А. Ефремова. Спб., 1903, т. 4, с. 632).

¹⁵ Манифестом Петра III от 18 февраля 1762 года (так называемая жалованная грамота «о даровании вольности и свободы всему Российскому дворянству») объявлялось следующее: «Кто пожелает отъехать в другие Европейские государства — таким давать из Иностранной коллегии паспорта беспрепятственно; но как нужда потребует и по надлежащем обнародовании, все дворяне, находящиеся вне Государства Нашего, обязаны возвратиться под страхом секвестра имения» (п. 4) (см.: Яблочков М. История дворянского сословия в России. Спб., 1876, с. 509). Указом 17 апреля 1834 года было нарушено право свободного пребы-

НИКОЛАЙ I В ДНЕВНИКЕ ПУШКИНА
(Из комментариев к дневнику Пушкина)

Впервые — Щеголев П. Е. Из комментариев к дневнику Пушкина. Пушкин о Николае I.— В кн.: Дневник Пушкина. 1833—1835./Под ред. и с объяснит. примеч. и со ст. П. Е. Щеголева. М.—Пг., 1923, с. XIII—XXVI; *перепеч.*: он же. Пушкин. Исследования, статьи и материалы. ИУзд. 3-е, испр. и доп. Т. 2. Из жизни и творчества Пушкин. М.—Л., 1931, с. 126—140.

¹ Известно, что через 45 минут после смерти А. С. Пушкина его бумаги были опечатаны Л. В. Дубельтом. По замечанию П. О. Морозова, известного исследователя творчества поэта, при этом были взяты две тетради дневника Пушкина, но «такая же тетрадь, за № 1, взятая... в III Отделение собственной его императорского величества канцелярии, не была возвращена наследникам поэта, до сих пор не разыскана и, может быть, уже не существует» и далее: «Покойный академик Сухомлинов, имевший доступ во все архивы, говорил нам, что он всюду тщетно искал эту рукопись и ничего не мог узнать о ее судьбе» (см.: Сочинения и письма А. С. Пушкина, /под ред. П. О. Морозова. Спб., 1909, т. VI, с. 697). О поисках тетради № 1 дневника А. С. Пушкина, о ее возможном нахождении и даже существовании см.: Фейнберг И. Читая тетради Пушкина. М., 1976, с. 196—204 (статья «Пропавший дневник»).

² См.: Сакулин П. Н. Пушкин и Радищев. Новое решение старого вопроса. М., 1920.

³ Об этом см.: Эйдельман Н. Я. Секретная аудиенция.— Новый мир, 1985, № 12, с. 190—217.

⁴ В. А. Жуковский был воспитателем цесаревича Александра Николаевича, будущего императора Александра II.

⁵ Во мне почтил он вдохновенье,
Освободил он мысль мою,
И я ль, в сердечном умиленьи,
Ему хвалы не воспою?

Он бодро, честно правит нами,
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами...

См.: Пушкин А. С. Друзьям («Нет, я не льстец, когда царю...»), (III, 89. Датируется ноябрем 1826 — февралем 1827 года. По-видимому, в феврале 1827 года поэт послал это стихотворение Бенкендорфу на цензуре к Николаю I. Уже 5 марта Бенкендорф ответил, что государь «совершенно доволен» стихотворением, но не желает его публикации. На копии, сохранившейся в деле III Отделения, имеется помета, по-видимому воспроизводящая резолюцию Николая I: «cela peut courir, mais pas être imprimé» [(«это не может быть напечатано»; III, 2, 1154)].

6

И новый царь, суровый и могучий,
на рубеже Европы бодро встал...

См.: Пушкин А. С. «Была пора, наш праздник молодой...» (III, 1, 433). Датируется серединой (не позднее 19 октября) 1836 года.

7

Вл.<аститель> слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами ц<арство>вал тогда. См.: Евгений Онегин.
Глава X (VI, 520).

«Народов друг, спаситель их свободы...» См.: «Была
пора, наш праздник молодой...» (III, 1, 431—432).
Датируется серединой (не позднее) 19 декабря 1836 г.

⁸ В этой связи интересно будет обратить внимание на следующий факт: параллельно с замыслом «Медного всадника» оформляется и замысел «Капитанской дочки». Б. С. Мейлах справедливо указывает на родственность этих произведений «по своей внутренней логике развития философско-исторического мышления Пушкина и его поисков путей воплощения образа героической личности, ее роли в движении истории» (см.: Мейлах Б. С. Творчество Пушкина. Развитие художественной системы. М., 1984, с. 97).

⁹ См.: Пушкин А. С. Александр Радищев.— XII, 32. «Мелкий чиновник, человек без всякой власти, без всякой опоры, дерзает вооружиться противу общего порядка, противу самодержавия...»

¹⁰ Речь идет о статье, опубликованной в «Северной пчеле» (№ 206 от 13 сентября 1834 г.), в которой описывался приезд Николая I в Москву.— Дневник А. С. Пушкина. 1833—1835 гг. (Далее — Дневник). М.— Пг., 1923, с. 65, 507.

¹¹ Дневник, 4; XII, 317.

¹² Дневник, 10; XII, 322. Запись от 29 апреля 1834 г.

¹³ Дневник, 1—2; XII, 315.

¹⁴ Курляндский дворянин фон дер Бринкен Р. Е., поручик л.-гв. Семеновского полка, был замечен в систематическом обкрадывании магазинов, за что был судим и разжалован в рядовые (см.: Дневник, 2, 17, 51—53; XII, 315, 328, а также: Сочинения А. С. Пушкина, /под ред. П. А. Ефремова. Спб., 1903, т. 4, с. 632).

¹⁵ Манифестом Петра III от 18 февраля 1762 года (так называемая жалованная грамота «о даровании вольности и свободы всему Российскому дворянству») объявлялось следующее: «Кто пожелает отъехать в другие Европейские государства — таким давать из Иностранной коллегии паспорта беспрепятственно; но как нужда потребует и по надлежащем обнародовании, все дворяне, находящиеся вне Государства Нашего, обязаны возвратиться под страхом секвестра имения» (п. 4) (см.: Яблочков М. История дворянского сословия в России. Спб., 1876, с. 509). Указом 17 апреля 1834 года было нарушено право свободного пребы-

вания за границей: для дворян срок ограничивался пятью годами, а для прочих — тремя (см.: Полное собрание законов, № 5994).

¹⁶ Звание потомственного почетного гражданина было учреждено в 1832 г. для особенно заслуженных лиц купеческого и других сословий с целью открывать образованным людям выход в почетное сословие, свободное от телесных наказаний, рекрутчины, подушной подати. В это звание возводились представители крупного купечества и торгово-промышленные деятели, все купцы 1-й и 2-й гильдий (напр., Воткины, Якунчиковы и др.). См.: Дневник, 23—24; XII, 334—335.

¹⁷ Дневник, 65—66, 503—504.

¹⁸ Романовы, династия русских царей в 1613—1917 гг.

¹⁹ Дневник, 19—20. Весь текст эпиграммы:

Под камнем сим лежит граф Виктор Кочубей.
Что в жизни доброго он сделал для людей,
Не знаю, чорт меня убей (XIII, 331).

²⁰ М. Д. Деларю, чиновник министерства внутренних дел и военного министерства, в декабре 1834 года за перевод из В. Гюго «Красавице» был отрешен от должности в военном министерстве. Об этом см.: Дневник, 5; XII, 318.

Об обстоятельствах ареста и 8-дневной отсидки на гауптвахте (см.: Никитенко А. В. Дневник. 1826—1857. М., 1955, т. 1, с. 160—163, 492—493. См. также: Исторический вестник, 1908, № 3, с. 802).

В. Гюго. Красавице

Когда б я был царем всему земному миру,
Волшебница! Тогда б поверг я пред тобой
Все, все, что власть дает народному кумиру:
Державу, скипетр, трон, корону и порфиру,
За взор, за взгляд единый твой!
И если б богом был — селеньями святыми
Клянусь — я отдал бы прохладу райских струй
И сонмы ангелов с их песнями живыми,
Гармонию миров и власть мою над ними
За твой единый поцелуй!

²¹ Дневник, 5; XII, 318.

²² См.: Александра Федоровна, имп., жена имп. Николая I.

²³ Дневник, 8; XII, 320. Речь идет в данном случае, о Суворовой-Рымникской Л. В. (урожд. Ярцова), жены А. А. Суворова-Рымникского.

²⁴ Дневник, 22; XII, 333.

²⁵ Дневник, 23; XII, 334.

²⁶ Дневник, 7; XII, 320.

²⁷ Дневник, 7; XII, 320.

²⁸ 6 декабря 1833 года А. С. Пушкин передал царю через Бенкендорфа рукопись «Медного всадника», так называемый цензурный автограф. При встрече с Пушкиным 12 декабря шеф жандармов вернул рукопись с «высочайшей правкой», факт, отмеченный поэтом в дневнике от

14 декабря: «Мне возвращен «Медный всадник» с замечаниями государя. Слово кумир не пропущено высочайшею цензурою; стихи

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва.
Как перед новою царицей
Порфиросная вдова —

вымараны. На многих местах поставлен (?),— все это делает мне большую разницу» (Дневник, 4; XII, 317). О характере цензурной правки Николая I подробнее см.: Измайлов Н. В. «Медный всадник» А. С. Пушкина. История замысла и создания, публикации и изучение.— В кн.: Пушкин А. С. Медный всадник. Изд. подготовил Н. В. Измайлов. Л., 1978, с. 216—221. Серия: Литературные памятники. Этой проблеме посвящена и специальная работа самого Щеголева (см.: Щеголев П. Е. Текст «Медного всадника». — В кн.: Медный всадник. Петербургская повесть А. С. Пушкина. /Илл. А. Бенуа. Ред. текста и статьи П. Е. Щеголев. Спб., 1923).

²⁹ Дневник, 4; XII, 317.

³⁰ Дневник, 5; XII, 318.

³¹ Дневник, 5; XII, 318.

³² Дневник, 5; XII, 318.

³³ Дневник, 6; XII, 319.

³⁴ Дневник, 6; XII, 319.

«J'espère que Pouchkine a prts en bonne part sa nomination. Jusqu'a present il m'a tenu parole, et j'ai été cotent de lui» etc. etc. Пер.: «Надеюсь, что Пушкин принял в хорошем смысле свое назначение. До сих пор он сдержал данное мне слово, и я им доволен» и т. д. и т. д. (*франц.*)

³⁵ Дневник, 6; XII, 319. Бобринский Алексей Алексеевич, граф, церемониймейстер имп. двора, великосветский приятель А. С. Пушкина.

³⁶ Дневник, 4; XII, 317. Торжественное открытие Александровской колонны состоялось 30 августа 1834 года.

³⁷ Дневник, 21; XII, 333.

³⁸ Дневник, 22; XII, 333. Арендт (в т-те Арнт) Николай Федорович, лейб-медик Николая I.

³⁹ Письмо А. С. Пушкина жене от 20—22 апреля 1834 г. (XV, 130). Начало цитируемой фразы: «Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий...» (и далее цитируемый текст).

⁴⁰ Письмо А. С. Пушкина к Н. Н. Пушкиной от 20—22 апреля 1834 года было вскрыто на почте и переслано А. Я. Булгаковым Бенкендорфу, а последний передал царю. Пушкин был возмущен и высказал это в дневниковой записи от 10 мая того же года. После этого Пушкин написал жене письмо (не сохранилось), в котором, по словам Ф. М. Деларю, просил ее быть осторожной в своих письмах, так как «негодяй Булгаков» не считает грехом распечатывать чужие письма. Деларю в мае

1834 года оказал Пушкину услугу — утаил от Бенкендорфа письмо поэта к жене, отправленное в III Отделение А. Я. Булгаковым. Пушкин благодарил Деларю и показал ему написанное второе письмо к жене, в случае его вскрытия специально рассчитанное на дискредитацию московского почтового директора А. Я. Булгакова.

⁴¹ А. С. Пушкин, тяготившийся своим положением при дворе, пытался покончить с удушающей атмосферой придворной жизни подачей прошения 5 июня 1834 года Бенкендорфу об отставке: «Граф! Поскольку семейные дела требуют моего присутствия то в Москве, то в провинции, я вижу себя вынужденным оставить службу и покорнейше прошу Ваше сиятельство исходатайствовать мне соответствующее разрешение.

В качестве последней милости я просил бы, чтобы дозволение посещать архивы, которое соизволил мне даровать его величество, не было взято обратно» (XV, 165; пер., с. 328).

30 июня Пушкин получил ответ на свое прошение, в котором удовлетворялась его просьба об отставке. Что касается вопроса о посещении архивов, то ответ был более чем оскорбительным: поэт будет лишен права посещения архивов, ибо подобной привилегией могут обладать лишь те лица, которые пользуются «особенною доверенностью начальства» (Дневник, 205; XV, 171). В дело срочно вмешался В. А. Жуковский, и Пушкин 3 июля обращается с письмом к Бенкендорфу «не давать дальнейшего хода... просьбе», о том же написал и Жуковскому (XV, 173). Жуковский передал это письмо Пушкина Бенкендорфу, а тот, в свою очередь, передал это письмо и ранее к нему лично направленное от 5 июня Николаю I, присовокупив от себя следующее замечание: «Так как он сознается в том, что сделал просто глупость, и предпочитает казаться лучше непоследовательным, нежели неблагодарным... я предполагаю, что вашему величеству благоугодно будет смотреть на его первое письмо, как будто его вовсе не было. Перед нами мерило человека; лучше, чтобы он был на службе, нежели представлен самому себе» (Дневник, 205; Старина и новизна, кн. 6, с. 10—11). Николай I в ответе писал, что Пушкина он прощает, но «пригласите его, чтобы еще раз объяснить ему всю бессмысленность его поведения и чем все это может кончиться; и что то, что могло бы быть простительно двадцатилетнему безумцу, не может быть извинительно человеку тридцати пяти лет, мужу и отцу семейства» (Старина и новизна, кн. 6, с. 10—11).

Сам поэт через несколько дней в письме к Н. Н. Пушкиной следующим образом оценивает ситуацию: «На днях я чуть было беды не сделал; с тем чуть не поборанился — и трухнул-то я, да и грустно стало. С этим поссорюсь — другого не наживу». (XV, 178).

⁴² Дневник, 20; XII, 331.

⁴³ А. С. Пушкин. Стансы. Стихотворение написано 22 декабря 1826 г.

Семейным сходством будь же горд!
Во всем будь пращурю подобен;

Как он неумолим и тверд,
И памятью, как он, незлобен
(III, 40).

ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ В 1836 ГОДУ
(Новое о дуэли)

¹ Речь идет о Нарышкине Кирилле Александровиче, дяде В. А. Соллогуба.

² Дантес Жорж Шарль, барон Геккерн, уроженец Эльзаса, франц. подданный; в 1833 году прибыл в Россию, имея при себе рекомендательное письмо прусского наследного принца Вильгельма. В феврале 1834 года был зачислен корнетом в кавалергардский полк, а в январе 1836 года произведен в поручики. В мае 1836 года был официально усыновлен нидерландским посланником Л. Геккерном и стал именоваться бароном Георгом Геккерном.

³ О ноябрьских событиях 1836 года, связанных с пасквильным дипломом и несостоявшейся дуэлью (см.: Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году. Предыстория последней дуэли). Л., 1984, с. 67—140).

⁴ Гончарова Екатерина Николаевна, старшая сестра Н. Н. Пушкиной, с 1834 года жила в доме Пушкиных; 10 января 1837 года вышла замуж за Ж. Дантеса-Геккерна и в апреле 1837 года уехала за границу.

⁵ А. С. Пушкин был должен казне 45 тыс. руб. и, несмотря на то что долг, с разрешения царя, погашался в счет годового жалованья, очень этим тяготился. В письме к министру финансов Е. Ф. Канкрину от 6 ноября 1836 года Пушкин просил разрешения погасить свой долг за счет передачи в казну с. Болдина (см.: XVI, 182—183). 11 ноября он получил отказ в своей просьбе (XVI, 192—193).

⁶ См.: Соллогуб В. А. Из «воспоминаний». — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985, т. 2, с. 345.

⁷ Письмо А. С. Пушкина А. Х. Бенкендорфу от 21 ноября 1836 года (XVI, 191—192; пер., с. 397—398) на самом деле до адресата не дошло: на обнаруженном недавно оригинале письма имеется пометка секретаря Бенкендорфа П. И. Миллера: «Найдено в бумагах Пушкина и доставлено графу Бенкендорфу 11 февраля 1837 года» (см.: Эйдельман Н. Я. Десять автографов Пушкина из архива П. И. Миллера. — Зап. отд. рукописей Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина, вып. 35, 1972, с. 304—320). Таким образом, П. Е. Щеголев, разыскивавший безрезультатно автограф данного письма, справедливо констатировал, что в «секретном досье III Отделения такого письма к Бенкендорфу не оказалось» (Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. М.—Л., 1928, с. 456). В бумагах самого поэта находились лишь фрагменты письма (XVI, 265—266).

⁸ Находка писем Миллера укрепляет позицию о неотосланном письме. Сам П. И. Миллер писал: «Письмо к гр. Бенкендорфу он не послал, а оно найдено было в его бумагах после его смерти, переписанное и вло-

женное в конверт для отсылки» (Цит. по соч.: Эйдельман Н. Я. Из последних пушкинских открытий.— Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1975. М., 1976, с. 82).

⁹ Работы на данную тему П. Е. Щеголев не успел осуществить.

¹⁰ См.: ЦГИА, ф. 516, оп. 1 (120/2322), ед. хр. 123, л. 75 об.

¹¹ Строки из письма В. А. Жуковского А. С. Пушкину от 14—15 ноября 1836 г. (XVI, 186; пер., с. 395). Начало письма: «Вот что приблизительно ты сказал княгине третьего дня, уже имея в руках мое письмо...» и далее текст.

¹² В свете вновь найденных в последнее время материалов вывод П. Е. Щеголева о причинах визита и приема поэта царем 23 ноября 1836 года должен быть пересмотрен. По-видимому, царь взял с Пушкина обещание не драться на дуэли, но в случае возобновления конфликта обратиться к нему. Николай I дал тем самым понять поэту, что он лично вмешивается в его дело. Подтверждение подобному объяснению мы найдем и в письме Е. А. Карамзиной к своему сыну от 2 февраля 1837 г. (см.: Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 гг. М.—Л., 1960, с. 170). Осведомленность Карамзиных идет от В. А. Жуковского, который был в центре ноябрьских событий. Его обращение к Николаю I с просьбой вмешаться и послужило поводом к данной аудиенции.

¹³ Письмо В. А. Жуковского отцу поэта, С. Л. Пушкину от <15 февраля 1837 г.>.— В кн.: А. С. Пушкин и его современники, т. 2, с. 398. Приводимая фраза подтверждает вывод о том, что 23 ноября 1836 года Пушкин дал слово Николаю I не драться с Дантесом на дуэли ни под каким-либо предлогом.

¹⁴ Письмо А. С. Пушкина барону Л. Геккерну от 26 января 1837 г. (XVI, 221—222; пер.: 407—408). Текст: «Барон! Позвольте мне подвести итог тому, что произошло недавно. Поведение вашего сына было мне известно уже давно и не могло быть для меня безразличным. Я довольствовался ролью наблюдателя, готовый вмешаться, когда сочту это своевременным. Случай, который во всякое другое время был бы мне крайне неприятен, весьма кстати вывел меня из затруднения: я получил анонимные письма. Я увидел, что время пришло, и воспользовался этим. Остальное вы знаете: я заставил вашего сына играть роль столь жалкую, что моя жена, удивленная такой трусостью и пошлостью, не могла удержаться от смеха, и то чувство, которое, быть может, и вызывала в ней эта великая и возвышенная страсть, угасло в презрении самом спокойном и отвращении вполне заслуженном.

Я вынужден признать, барон, что ваша собственная роль была не совсем прилична. Вы, представитель коронованной особы, вы отечески сводничали вашему сыну. По-видимому, всем его поведением (впрочем, в достаточной степени неловким) руководили вы. Это вы, вероятно, диктовали ему пошлости, которые он отпускаял, и нелепости, которые он осмеливался писать. Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорож-

денного или так называемого сына; а когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть дома, вы говорили, что он умирает от любви к ней; вы бормотали ей: верните моего сына.

Вы хорошо понимаете, барон, что после всего этого я не могу терпеть, чтобы моя семья имела какие-то бы ни было сношения с вашей. Только на этом условии согласился я не давать хода этому грязному делу и не обесчестить вас в глазах дворов нашего и вашего, к чему я имел и возможность и намерение. Я не желаю, чтобы моя жена выслушивала впредь ваши отеческие увещания. Я не могу позволить, чтобы ваш сын, после своего мерзкого поведения, смел разговаривать с моей женой, и еще того менее — чтобы он отпускал ей казарменные каламбуры и разыгрывал преданность и несчастную любовь, тогда как он просто плут и подлец. Итак, я вынужден обратиться к вам, чтобы просить вас положить конец всем этим проискам, если вы хотите избежать нового скандала, перед которым, конечно, я не остановлюсь.

Имею честь быть, барон, ваш нижайший и покорнейший слуга. Александр Пушкин».

Реконструированный конец письма дает возможность говорить о намерении поэта оставить копию данного послания, давая тем самым понять, что письмо будет распространено в списках и тем самым репутации Геккернов будет нанесен удар в общественном мнении. Таким образом, письмо и его концовка исключали какую-либо возможность мирного разрешения конфликта (см.: Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969).

¹⁵ Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа.— Русская старина, 1899, № 6.

И. А. ГОНЧАРОВ — ЦЕНЗОР ПУШКИНА

Впервые — газ. «Голос земли», 1912, № 20, 29 янв.; перепеч.: Щеголеву П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. М.— Л., 1931, с. 361—368.

¹ И. А. Гончаров с 1856 года служил цензором, затем — член Главного управления по делам печати, в 1862 году был редактором официальной «Северной почты».

² «Вишня» (Лицейское стихотворение) (1815).— Сочинения Пушкина, с. 7; I, 326—328, где составителями внесено в разряд Dubia.

³ «Послание кн. Г<орчакову>».— Сочинения Пушкина, с. 22—24 II, 114—115. См.: Не слышу я бывало-острых слов,

Политики смешного лепетанья,
Не вижу я изношенных глупцов,
Святых невежд, почетных подлецов
И мистики придворного кривлянья!..

(II, 115).

⁴ «Моя родословная» (1830).— Сочинения Пушкина, с. 39—41; III, 261—263.

⁵ См.: Отечественные записки, 1846, № 4, отд. 6, с. 118—119.

⁶ «Первое послание к Аристарху» (1824).— Сочинения Пушкина, с. 30—35. См.: Послание цензору («Угрюмый сторож Муз, гонитель давний мой...») — (II, 267—270).

«Второе послание к Аристарху» (1824).— Сочинения Пушкина, с. 33—35. См.: Второе послание цензору («На скользком поприще Т<имковско-го> наследник...») — (II, 367—369).

⁷ «Стансы» (1826).— Сочинения Пушкина, с. 37—38. См.: Друзьям («Нет, я не льстец, когда царю...») — (III, 89—90).

⁸ «На выздоровление Лукулла. (Подражание латинскому)» — III, 404—405; впервые — Московский наблюдатель, 1835, сент., кн. 2, с. 191—193; в издание Анненкова не вошло по цензурным условиям. В собр. соч. поэта входит, начиная со 2-го изд. под ред. Г. Н. Геннади (1870).

⁹ «Мирская власть» («Когда великое свершилось торжество...»).— Сочинения Пушкина, с. 49; III, 417.

¹⁰ «Из VI Пиндемонта».— Сочинения Пушкина, с. 50. См.: (Подражание италиянскому) — III, 420.

¹¹ Пропущенная сцена из «Бориса Годунова», следующая тотчас за сценой между летописцем Пименом и Григорием.— Сочинения Пушкина, с. 76—77; VII, 263—264. Раздел: Другие редакции, планы, варианты.

¹² Эпиграмма на Каченовского («Там, где древний Кочерговский...») — Сочинения Пушкина, с. 102—103; III, 156.

Эпиграмма на Булгарина («Поверьте мне — Фиглярин моралист...»).— Сочинения Пушкина, с. 107, и здесь же «Не то беда, Авдей Флюгарин...» (III, 245).

¹³ Материалы для первой главы истории Петра Великого.— Сочинения Пушкина, с. 7—28; X, 9—26.

¹⁴ Камчатские дела (от 1694 до 1740 года).— Сочинения Пушкина, с. 29—49; X, 350—366.

¹⁵ Александр Радищев.— Сочинения Пушкина, с. 50—58; XII, 30—36.

¹⁶ Торжество любви или оправданный Александр Анфимович Орлов.— Сочинения Пушкина, с. 87—94; XI, 204—210. Феофилакт Косичкин — псевдоним А. С. Пушкина.

¹⁷ Несколько слов о мизинце г. Б<улгарина> и о прочем.— Сочинения Пушкина, с. 95—99; XI, 211—215.

¹⁸ Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной. (Читано им 18 января 1836 г. в имп. Российской Академии).— Сочинения Пушкина, с. 101—110; XII, 67—74.

¹⁹ См.:
Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин,—
И тут не вижу я стыда;

Будь жид — и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин. (Ш, 215).

²⁰ «На смерть А. Л. П.» — См.: Элегия на смерть Анны Львовны («Ох, тетинька! ох, Анна Львовна...») — I, 482. Речь идет о тетке поэта Пушкиной Анне Львовне.

²¹ См.: Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8-ми т. М., 1955, т. 8, с. 262—263.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абаленский* — см. *Оболенский Е. П.*
Абдулгази Баядур хан (1603—1663) — хорезмский хан, историк 144, 423
Адамов — полковник 91
Адеркас Борис Антонович фон (ум. 1831) — в 1816—1826 гг. псковский гражданский губернатор 259, 273, 321, 332, 335—357, 442, 444, 451—453
Адлерберг Владимир Федорович (1791—1884) — граф, ген.-ад., министр императорского двора и уделов 163, 425, 426
Адуевский — см. *Одоевский А. И.*
Александр Македонский (356—323 до н. э.) 52
Александр I (1777—1825) 60, 61, 66, 72, 76, 84, 86, 95, 99, 161, 175, 221, 244, 247, 250—252, 254—260, 317, 330, 347, 377, 381, 389, 408, 440, 441, 444, 455, 457
Александр II (1818—1881) 79, 109, 199, 376, 380, 454
Александра Федоровна (Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина, 1798—1860) — императрица, жена Николая I, 382, 456
Алексеев Александр Ильич (1800—1833) — штабс-капитан л.-гв. конно-егерского полка 328, 329, 334—336, 341, 342, 344—357, 360—368
Алексеев Илья Иванович (1773—1830) — генерал-лейтенант, отец А. И. Алексеева 328, 335, 344, 347, 350, 363
Алексеев Илья Ильич — брат А. И. Алексеева 334
Алексеев Николай Степанович (1789—1854) — кишиневский приятель и сослуживец А. С. Пушкина 78, 88, 241, 414
Алексеева (урожд. Вигель) *Наталья Филипповна* (1775—?) — мать А. И. Алексеева 328, 335, 350
Альбани Франческо (1578—1660) — итал. художник 304, 305
Андреевский (Андриевский) *Владимир Тимофеевич* (1792—1860) —

* Список сокращений: австр. — австрийский; вел. — великий, великая; ген.-ад. — генерал-адъютант; итал. — итальянский; л.-гв. — лейб-гвардии; миф. — мифический; нем. — немецкий; проф. — профессор; ун-т — университет; франц. — французский; чешск. — чешский.

Курсивом выделены имена и страницы комментария и библиографического подстрочника основного текста; имена вступительной статьи в указателе не расписаны.

подпоручик квартирмейстерской части 2-й армии, впоследствии генерал-майор 119

Аничков И. К. — библиотекарь Общества любителей российской словесности 153

Анненков Иван Александрович (1802—1878) — поручик Кавалергардского полка, декабрист, член Южного общества 172, 174, 199, 429, 430

Анненков Павел Васильевич (1813—1887) — критик и публицист, издатель, мемуарист 61, 208—211, 217, 218, 221, 263, 266, 268, 269, 272, 276, 282, 283, 285, 292, 317, 321, 398, 399, 404—405, 441—445, 447, 462

Анненкова (в замужестве Иванова) *Ольга Ивановна* (1830—1891) — дочь И. А. и П. Е. Анненковых 172

Анненкова (урожд. Гебль) *Полина* (Прасковья) *Егоровна* (1800—1876) — жена И. А. Анненкова 171, 172, 174, 190, 429, 430

Антоновский Михаил Иванович (1759—1816) — писатель, издатель 56, 57, 408, 409

Аполлон (Феб), миф. 287, 296, 298, 311, 447, 448

Апсеитов — таганрогский полицмейстер 162

Апухтин Дмитрий Акимович (ум. 1838) — костромской предводитель дворянства, отец Н. Д. Фонвизиной 184, 430

Апухтина Мария Павловна (1779—1842) — мать Н. Д. Фонвизиной 184, 430

Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834) — граф, генерал от артиллерии, временщик при Павле I и Александре I 65, 68, 69

Арендт (Арнт) *Николай Федорович* (1785—1859) — лейб-медик Николая I 386, 387, 396, 454

Арсстов (Арисстов) *Михаил Константинович* (1803—?) — чиновник канцелярии Грузинской Исполнительной комиссии 160—162

д'Аржансон Марк Рене, маркиз (1652—1721) — в 1697—1720 гг. генеральный лейтенант полиции Франции 43

д'Аржансон Марк Пьер (1696—1764) — граф, с 1720 г. генеральный лейтенант полиции Франции, с 1742 г. военный министр 43

Аристотель (384—322 до н. э.) — древнегреческий философ, воспитатель Александра Македонского 52

Арцимович Виктор Антонович (1820—1893) — юрист, тобольский, а затем калужский губернатор, активный участник подготовки и проведения реформы 1861 г. 115

д' Аршиак (D'Archiak) *Огюст* (1811 — после 1840-х гг.) — виконт, атташе франц. посольства в Петербурге, родственник Ж. Дантеса, его секундант на дуэли с А. С. Пушкиным 393

Афанасьев Александр Николаевич (1826—1871) — историк, фольклорист 302

Афродита, Венера, Цитера, миф. 295, 447

Базилевский Виктор Федорович (1801—1859) — московский домовладелец 119

Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788—1824) 99, 236, 246, 439

Бакунин Михаил Александрович (1814—1876) — революционер, основоположник анархизма 239, 240, 438

Бакунина Екатерина Павловна (1795—1869) — фрейлина, предмет юношеской любви А. С. Пушкина 294, 447

Балашов Александр Дмитриевич (1770—1837) — в 1810—1819 гг. министр полиции 323, 369, 371

Балашов И. 341

Баратаев (Бараташвили) *Михаил Петрович* (1784—1856) — князь, от-

ставной штабс-ротмистр, симбирский губернский предводитель дворянства 146

Баратынский Евгений Абрамович (1800—1844) — поэт 167, 339, 428

Баратынский Петр Андреевич (ум. 1845) — сенатор, дядя поэта 369

Барков Дмитрий Николаевич (1796 — после 1855) — писатель, масон, член общества «Зеленая лампа» 212, 214, 217—219

Барков Иван Семенович (по др. данным — Степанович; 1731/1732—1768) — поэт и переводчик 285, 286, 295—300, 310, 312

Барнатович Карл Осипович — муж А. В. Раевской 114

Баргнев Петр Иванович (1829—1912) — историк, основатель и издатель журнала «Русский архив» 61, 87, 208—210, 217, 221, 271, 286, 393, 415, 438, 440, 446

Барышников А. И. — брат А. И. Бегичевой 144

Барятинский Александр Петрович (1798—1844) — князь, штабс-ротмистр, адъютант командующего 2-й армией, декабрист, член Южного общества 72, 73, 129, 130

Басаргин Николай Васильевич (1799—1861) — поручик, декабрист, член Южного общества 61, 87, 430

Батеньков Гавриил Степанович (1793—1863) — подполковник, декабрист, член Северного общества 64, 411, 422

Багюшков Константин Николаевич (1787—1855) — поэт 290, 446

Вашуцкий Павел Яковлевич (1771—1836) — генерал от инфантерии, петербургский комендант, сенатор 146

Бегичев Дмитрий Никитич (1786—1855) — писатель, брат С. Н. Бегичева 144, 145

Бегичев Степан Никитич (1785, по др. данным — 1790 — 1859) — друг А. С. Грибоедова, входил в Союз благоденствия, не привлекался к следствию, как «отоспешший от тайных обществ», с 1823 г. в отставке 142, 144, 147, 149, 153, 155, 423

Бегичева (урожд. Барышникова) *Анна Ивановна* — жена С. Н. Бегичева 144

Безобразов Петр Романович (1797—1856) — ротмистр 382

Безобразова Маргарита Васильевна (1810—1889) — дочь В. Л. Пушкина от гражданского брака с А. Н. Ворожейкиной, жена П. Р. Безобразова 382

Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) 203, 406

Белоголовый Николай Андреевич (1834—1895) — врач, общественный деятель 61, 110, 169—171, 174, 180, 430

Бенардаки Дмитрий Егорович (ок. 1802—1870) — откупщик 122

Бенкендорф Александр Христофорович (1783—1844) — граф, с 1826 г. шеф жандармов и начальник III Отделения 86, 138, 154, 166, 177, 189—191, 195, 221, 308, 309, 316, 321—324, 330—332, 334—336, 339, 341, 343, 352, 371, 383, 387, 392—395, 397, 427, 454, 456—459

Беннигсен Леонтий Леонтьевич (1745—1826) — граф, генерал от кавалерии, командующий 2-й армией 69

Бердяев Николай Николаевич — муж Н. Ф. Раевской 62, 410

Бердяева (урожд. Раевская) *Надежда Федосеевна* (1800 — после 1858) — сестра В. Ф. Раевского 62, 107, 113, 410, 412, 418

Бестужев Александр Александрович (1797—1837) — литературный псевдоним — Марлинский, писатель, издатель, декабрист, член Северного общества 131—134, 136, 137, 140, 148, 150—152, 154, 168, 178, 271, 311, 312, 421—424, 428, 430, 443, 449

Бестужев Михаил Александрович (1800—1871) — штабс-капитан л.-гв. Московского полка, декабрист, член Северного общества 139, 178, 430

Бестужев Николай Александрович (1791—1855) — капитан-лейтенант

8-го флотского экипажа, декабрист, член Северного общества, художник-любитель 139, 153, 178, 311, 422, 424, 430

Бестужев Петр Александрович (1808—1840) — мичман, декабрист, член Северного общества 178, 311, 430, 448, 449

Бестужева Елена Александровна (1792—1874) — старшая сестра братьев Бестужевых 178, 430

Бестужева Прасковья Михайловна (1775—1846) — мать Бестужевых 168, 428

Бестужев-Рюмин Михаил Павлович (1803—1826) — подпоручик Полтавского пехотного полка, декабрист, член Южного общества 89, 124, 127—129, 135, 136, 141, 142, 276, 312—315, 327, 330, 425

Бечаснов Владимир Александрович (1802—1859) — прапорщик 8-й артиллерийской бригады, декабрист, член Общества соединенных славян 312, 449

Бибиков Александр Илларионович (1826—1899) — племянник декабристов Муравьевых-Апостолов, чиновник для особых поручений Главного управления Восточной Сибири 118

Бибиков Илларион Михайлович (1792—1861) — генерал-майор, муж Е. И. Муравьевой-Апостол 118

Бибиков Михаил Илларионович (1818—1881) — племянник Муравьевых-Апостолов, женат на дочери Н. М. и А. М. Муравьевых 118, 119

Бибикова (урожд. Муравьева-Апостол) *Екатерина Ивановна* (1795—1861) — жена И. М. Бибикова, сестра декабристов 118

Бибикова (урожд. Муравьева) *Софья Никитична* (1829—1892) — дочь Н. М. и А. М. Муравьевых, жена М. И. Бибикова 118, 119

Бильбасов Василий Алексеевич (1838—1904) — историк, 42, 408

Блудов Дмитрий Николаевич (1785—1864) — в 1832—1838 гг. министр внутренних дел 310, 320, 448

Бобринский Алексей Алексеевич (1800—1868) — граф, внук Екатерины II, церемониймейстер имп. двора 385, 457

Бобров Семен Сергеевич (род. в конце 60-х гг. XVIII в.— 1810) — поэт и переводчик 298, 304

Богданович Модест Иванович (1805—1882) — генерал-лейтенант, военный историк 61, 72

Боде Александр (Адольф) *Карлович* (1790—1861) — барон, сын франц. эмигранта, автор воспоминаний об А. С. Пушкине 254

Борис Федорович Годунов (1552—1605) 319, 400, 446, 450, 462

Борх Иосиф Михайлович (1807—?) — переводчик департамента внешних сношений Министерства иностранных дел 389—391

Борх (урожд. Гольнская) *Любовь* (Эмма) *Викентьевна* (1808—1866) — жена И. Борха 390, 391

Бочковский — товарищ Ю. В. Раевского 120

Бошняк (Босняк) *Александр Карлович* (1786—1831) — полицейский агент 318

Бояти — житель Одессы 167

Бригген фон дер Александр Федорович (1792—1859) — полковник, декабрист, член Союза благоденствия и масонской ложи «Петра к истине» 154, 225, 422

Бринкен Рихард Егорович (Роман Григорьевич) *фон дер* — подпоручик л.-гв. Семеновского полка 380, 455

Брокер Адам Фомич (ок. 1762—1848) — московский, а затем петербургский полицмейстер 335

Брут Марк Юний (85—42 до н. э.) — политический деятель Древнего Рима 47, 84, 99, 435

Брызгалов — дворовый человек А. Ф. Лепольдова 371

- Брюсов Валерий Яковлевич* (1873—1924) — поэт 268, 336
- Булгаков Александр Яковлевич* (1781—1863) — московский почтовый директор 335, 336, 344, 453, 457, 458
- Булгаков Петр Яковлевич* (1782—1836) — петербургский почтовый директор и управляющий почтовым ведомством 188
- Булгакова* (урожд. княгиня Хованская) *Наталья Васильевна* (1785—1841) — жена А. Я. Булгакова 335, 453
- Булгарин Фаддей Венедиктович* (1789—1859) — писатель, журналист, издатель 146, 147, 149, 150, 155, 279, 399, 402, 405, 421, 423, 424, 462, 463
- Буле* (Буль) *Иоганн Теофил* (1763—1821) — проф. естественного права и теории изящных искусств Московского ун-та 134
- Бурнашев Тимофей Степанович* — начальник Нерчинских заводов 173
- Бурцов* (Бурцев) *Иван Григорьевич* (1794—1829) — полковник, член Союза Благоденствия, с 1826 г. на службе 73, 74, 84, 212—214, 413
- Бутков Владимир Петрович* (1820—1881) — государственный секретарь, член Государственного совета и Комитета министров 121, 122
- Бутков Петр Григорьевич* (1775—1857) — историк, академик, сенатор 121
- Буткова Варвара Ивановна* — жена П. Г. Буткова 121, 122
- Бутурлин Дмитрий Петрович* (1790—1849) — генерал-майор, сенатор, член Государственного совета, директор Публичной библиотеки 313
- Бутурлина* (урожд. Комбурлей) *Елизавета Михайловна* (1805—1859) — жена Д. П. Бутурлина 390
- Быстрицкий Андрей Андреевич* (1799—1872) — подпоручик Черниговского полка 344
- Быстров Иван Павлович* (1797—1850) — историк и публицист, 41, 42
- Вадим* (уб. 873) — полупоэтический предводитель восстания новгородцев против Рюрика 97—100, 415
- Вадковская* (урожд. Елагина) *Елизавета Петровна* (ум. 1835) — жена генерал-майора Я. И. Вадковского 354, 355, 366
- Вакх* (Бахус), миф. 210, 283, 339, 359
- Ванновский Петр Семенович* (1822—1904) — в 1881—1898 гг. военный министр, в 1902—1904 гг. министр просвещения 205, 434
- Варфоломей Егор Кириллович* (1764—1842) — генеральный откупщик в Бессарабской губернии 241
- Варфоломей Пульхерия Егоровна* (в замужестве *Мано*) (1802—1868) — дочь Е. К. Варфоломея 241, 242
- Василий* — дворовый человек Е. П. Вадковской 354, 355
- Васильев Иван Иванович* (?—1901) — историк 341, 357
- Васильчиков Илларион Васильевич* (1777—1847) — князь, генерал, в 1817—1823 гг. командир отдельного гвардейского корпуса 76
- Вахтен О. И.* — генерал-майор, начальник 6-го корпуса 86, 94, 102
- Вевель* — генеральный секретарь ложи Астреи 233
- Вейденбаум Е. Г.* 143, 424
- Вельтман Александр Фомич* (1800—1870) — писатель, историк, помощник директора, а затем директор Оружейной палаты 61, 88, 96, 119, 120
- Вельяминов Иван Александрович* (1771—1837) — генерал от инфантерии, с 1827 г. командир Отдельного Сибирского корпуса и генерал-губернатор Западной Сибири, член Военного совета 193, 194
- Венгеров Семен Афанасьевич* (1855—1920) — историк литературы и библиограф, в 1917 г. организатор и первый директор Книжной палаты 209, 273, 285, 288, 297, 298, 443, 444
- Веневитинов Михаил Алексеевич* (1844—1901) — писатель, археограф 174, 430

- Венера* — см. *Афродита*
- Вересаев* (наст. фамилия — Смидович) *Викентий Викентьевич* (1867—1945) — писатель 276
- Верне* — семья франц. живописцев XVIII—XIX вв.: *В. Клод Жозеф* (1714—1789) — автор морских пейзажей; *В. Карл* (1758—1856) — карикатурист и баталист; *В. Орас* (1789—1863) — парадный исторический живописец 304, 305
- Веригин Александр Михайлович* (1809—1875) — муж Л. Ф. Веригиной-Раевской 62, 410
- Веригина* (урожд. Раевская) *Любовь Федосеевна* (1808—1881) — сестра В. Ф. Раевского 62, 107, 111, 410, 416, 418
- Веселовский Алексей Николаевич* (1843—1918) — историк литературы 209
- Вигель Филипп Филиппович* (1786—1856) — крупный чиновник, мемуарист 328, 334, 438—440
- Вийон* (Вильон) *Франсуа* (ок. 1431 — после 1463) — франц. поэт 296, 447
- Витгенштейн Петр Христианович* (1768—1842) — князь, фельдмаршал, с 1818 г. командующий 2-й армией 69, 234
- Витт Иван Осипович* (1781—1840) — граф, генерал-лейтенант, начальник военных поселений в Новороссии, организатор тайного сыска за декабристами и А. С. Пушкиным 277, 318
- Вишницер Марк Львович* — историк 219
- Владимир Святославич* (ум. 1015) — с 980 г. вел. князь киевский 97
- Военский Константин Адамович* (1860—?) — историк, архивист 46
- Волконская* (урожд. княгиня Репнина) *Александра Николаевна* (1756—1834) — статс-дама имп. двора, мать С. Г. Волконского 186—190, 198
- Волконская* (в первом браке Молчанова, во втором Кочубей, в третьем Рахманова) *Елена Сергеевна* (Нелли) (1835—1916) — дочь С. Г. и М. Н. Волконских 119, 429
- Волконская* (урожд. Раевская) *Мария Николаевна* (1805—1863) — жена декабриста С. Г. Волконского 110, 119, 169, 170, 174, 176, 179, 183, 184, 186—190, 197, 199, 269, 429—431, 442, 443
- Волконский Михаил Сергеевич* (1832—1909) — князь сын С. Г. и М. Н. Волконских, впоследствии сенатор, член Государственного совета 119, 183, 430
- Волконский Никита Григорьевич* (ум. 1840) — брат декабриста, егермейстер имп. двора 187, 188
- Волконский Николай Сергеевич* (1826—1829) — сын С. Г. и М. Н. Волконских 187, 189, 430, 431
- Волконский Петр Михайлович* (1776—1852) — князь, генерал-фельдмаршал, в 1813—1814 гг. начальник главного штаба, с 1826 г. министр имп. двора и делов 76, 162, 394, 413
- Волконский Сергей Григорьевич* (1788—1865) — князь, генерал-майор, декабрист, член Южного общества 61, 71, 74, 77—79, 83, 110, 118, 119, 129, 139, 156, 157, 173, 174, 183, 186—190, 192, 199, 269, 413, 419, 429, 430, 437, 443
- Волконский* (Репнин-Волконский) *Николай Григорьевич* (1778—1845) — князь, брат С. Г. Волконского, малороссийский генерал-губернатор, член Государственного совета 187, 188
- Вольский Федор Васильевич* (?—1829) — полковник, командир 1-го морского полка, впоследствии командир 15-го егерского полка 139
- Вольгер* (наст. имя — Аруз Франсуа Мари) (1694—1778) 236, 294—297, 300, 312, 359, 447, 448
- Воронцов Михаил Семенович* (1782—1856) — граф, с 1823 г. новороссийский генерал-губернатор и полномочный наместник Бессарабской обл.,

впоследствии главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом и наместник Кавказа, генерал-фельдмаршал, светл. князь 160, 162, 244—259, 272, 437—442, 444

Воронцова (Дашкова) *Александра Кирилловна* (1818—1856), во втором браке баронесса де Пойли 390

Воронцова Александрина Михайловна (1821—1830) — дочь М. С. и Е. К. Воронцовых 249, 439

Воронцова (урожд. Браницкая) *Елизавета Ксавьерьевна* (1792—1880) — княгиня, жена М. С. Воронцова 245, 248, 249, 254, 255, 257, 264, 272, 273, 438, 439, 441, 444

Врангель Александр Егорович (1800—1881) — барон, генерал от инфантерии 306

Вревская (урожд. Вульф) *Евпраксия Николаевна* (1809—1883) — дочь П. А. Осиповой, знакомая А. С. Пушкина 263

Всеволожский Александр Всеволодович (1793—1864) — член общества «Зеленая лампа», петербургский приятель А. С. Пушкина 218, 436

Всеволожский (Всеволжский) *Никита Всеволодович* (Аристин Всеволодович) (1799—1862) — гофмейстер, член мануфактур-совета 208, 210—212, 214—218, 223, 436

Вуич Александр Лазаревич — поручик л.-гв. конно-егерского полка, 346, 353

Вульф Алексей Николаевич (1805—1881) — отставной штабс-капитан, близкий приятель А. С. Пушкина 262, 263, 346

Вульф Анна Николаевна (1799—1857) — сестра Е. Н. Вревской 263

Вульф Петр Иванович (1768—1832) — прапорщик л.-гв. конно-егерского полка, знакомый А. С. Пушкина 346

Вяземская (урожд. княжна Гагарина) *Вера Федоровна* (1790—1888) — жена П. А. Вяземского 250, 251, 255—257, 273, 384, 393, 395, 425, 440, 460

Вяземские 250, 251, 255—257, 259, 288, 289, 393, 425

Вяземский Петр Андреевич (1792—1872) — князь, поэт, член литературного общества «Арзамас», друг А. С. Пушкина, впоследствии товарищ министра народного просвещения 88, 167, 250, 251, 253, 255—257, 259, 279, 288, 289, 306, 310, 314, 320, 321, 327, 393, 396, 414, 425, 439—441, 448, 451, 452

Гаврилов Владимир — слуга В. Ф. Леопольдова 355

Гаевский Виктор Павлович (1826—1888) — писатель, литературовед 285—287, 290—292, 294, 298, 299

Гастфренд Н. 290

Гасфорт Густав Христофорович (Христианович) (1790—1874) — генерал от инфантерии, генерал-губернатор Западной Сибири, член Государственного совета 115

Гебель, миф. 305, 448

Гебль (Geable) *Георг* (уб. 1809) — полковник франц. армии, погиб в Испании, отец П. Е. Анненковой-Гебль 172

Гейне Генрих (1797—1856) 257

Геккери де Беверваард Борхард (Heeckeren de Beverwaard) (1791—1884) — барон, в 1823—1837 гг. нидерландский посланник в Петербурге, приемный отец Ж. Дантеса 391—393, 395, 396, 459—461

Геннади Григорий Николаевич (1826—1880) — библиограф 299, 462

Геннекен (Neppequin) *Эмиль* (1859—1888) — франц. критик. 203, 433

Герцен Александр Иванович (1812—1870) 78

Гершензон Михаил Осипович (1869—1925) — историк 78, 250, 273, 444

Гете Иоганн Вольфганг (1749—1832) 256

Гизетти Герман Антонович (1805—1881) — сенатор 122, 418

- Гименей*, миф. 275
- Глинка Владимир Андреевич* (1790—1862) — главный начальник горных заводов Урала, затем екатеринбургский губернатор, сенатор 115
- Глинка Федор Николаевич* (1786—1880) — декабрист, поэт 153, 215, 216, 218—220, 224, 225
- Гнедич Николай Иванович* (1784—1833) — поэт и переводчик 218
- Гоголь Николай Васильевич* (1809—1852) 204, 406
- Годениус Жорж* (Hodenus G.) *Егор Иванович* — чиновник Министерства иностранных дел, член ложи Астрии 233, 234
- Голенищев-Кутузов Павел Васильевич* (1772—1843) — граф, член следственной комиссии по делу декабристов, петербургский военный губернатор, руководил казнью декабристов 187, 317—319, 372, 450
- Голицын Александр Николаевич* (1773—1844) — князь, обер-прокурор св. Синода и министр просвещения, член следственной комиссии по делу декабристов и Верховного уголовного суда 138, 176, 317, 323, 372, 449, 450
- Голицын Дмитрий Владимирович* (1771—1844) — князь, московский военный генерал-губернатор 184, 185, 189, 195, 430
- Голицына* (урожд. Баранова) *Елизавета* (Луиза) *Трофимовна* — подруга А. О. Смирновой по Екатерининскому институту, сестра М. Т. Пашковой-Барановой 390
- Голицына* (урожд. графиня Суворова) *Мария Аркадьевна* (1802—1870) — княгиня, внучка А. В. Суворова, фрейлина 262
- Голынская Мария Михайловна*, (урожд. княжна Шаховская) — сестра жены декабриста А. Н. Муравьева 118
- Голынская Прасковья Михайловна* (1822—1892) — дочь М. М. Голынской, племянница П. М. Муравевой 118
- Гончаров Иван Александрович* (1812—1891) 398, 399, 403, 405, 461, 463
- Гончарова Екатерина Николаевна* (1808—1843) — старшая сестра Н. Н. Пушкиной, жена Ж. Дантеса 391, 393, 459
- Гончарова Н. Н.* — см. *Пушкина Н. Н.*
- Горбачевский Иван Иванович* (1800—1869) — подпоручик 8-й артиллерийской бригады, декабрист, член Южного общества и Общества соединенных славян 344
- Горлецкая Мария Федосеевна* (1806—?) — сестра В. Ф. Раевского 62, 410
- Горчаков Александр Михайлович* (1798—1883) — светл. князь, канцлер, министр иностранных дел 285—290, 295, 306, 307, 399, 447, 448, 461
- Горчаков Владимир Петрович* (1800—1867) — подпоручик квартирмейской части при штабе 16-й пехотной дивизии, участник военно-топографической съемки Бессарабии 88, 119, 120, 437
- Горчаков Дмитрий Петрович* (1758—1824) — князь, писатель, член Российской академии и Беседы любителей российской словесности 304, 312
- Горчаковы* 289
- Горяинов И. Д.* — казначей Общества любителей российской словесности 153
- Горяинов Сергей Михайлович* (1849—1918) — историк, публицист 207
- Гравовская* — кишиневская домовладелица 236
- Гравовский Стефан Фомич* (ум. 1847) — граф, в 1825—1831 гг. статс-секретарь Царства Польского, член Государственного совета 394
- Греч Николай Иванович* (1787—1867) — журналист, писатель, издатель 42, 85, 174, 402, 405, 424
- Грибоедов Александр Сергеевич* (1795—1829) 123—155, 158, 163—165, 207, 312 406, 419—426, 435
- Грибоедова Настасья Федоровна* (1768—1839) — мать А. С. Грибоедова 125, 145, 148, 149, 420

- Грове Леонид* — историк 174
Громницкий Петр Федорович (1798—1851) — поручик Пензенского пехотного полка, декабрист, член Общества соединенных славян 313, 314
Грот Яков Карлович (1812—1893) — филолог, историк, академик, проф. Петербургского и Гельсингфорского ун-тов 41, 219, 285—287, 290, 291, 318, 450
Гурьев Александр Дмитриевич (1786—1865) — граф, в 1822—1855 гг. одесский градоначальник 245, 259, 442
Гушеваров Степан — унтер-офицер л.-гв. егерского полка 76
Гюго Виктор Мари (1802—1885) 382, 456
- Давыдов Василий Львович* (1792—1855) — отставной полковник, декабрист, член Южного общества 94, 95, 130, 186, 415
Давыдов Денис Васильевич (1784—1839) — герой Отечественной войны 1812 г., поэт 143, 314
Давыдов Петр Львович (1782—1842) — генерал-майор, с 1818 г. в отставке с чином тайного советника 186
Давыдова (урожд. Потапова) *Александра Ивановна* (1802—1895) — жена В. Л. Давыдова 171, 186, 189, 196, 200
Данзас Константин Карлович (1800—1870) — секундант А. С. Пушкина, генерал-майор 119, 120
Данте Алигьери (1265—1321) 93, 415
Дантес Жорж Шарль (Карл), барон Геккерн (1812—1895) — франц. подданный, уроженец Эльзаса, с 1833 г. на русской службе, поручик Кавалергардского полка, убийца А. С. Пушкина 389, 391—393, 459, 460
Дашков Дмитрий Васильевич (1788—1839) — с 1829 г. министр юстиции, член литературного общества «Арзамас» 189—191, 195, 199
Дегай Павел Иванович (1792—1849) — писатель, директор Департамента юстиции, сенатор 195
Дейхман Оскар Александрович (1818—1891) — горный инженер, писатель 117, 418
Дейхман Екатерина Николаевна — жена О. А. Дейхмана 117, 418
Деларю Михаил Данилович (1811—1868) — чиновник Министерства иностранных дел, переводчик 382, 456
Дельвиг Антон Антонович (1798—1831) — барон, поэт, издатель, лицейский товарищ А. С. Пушкина 166—168, 212, 214, 217, 218, 277, 313, 314, 339, 406, 427, 428
Дельвиг (урожд. Салтыкова) *Софья Михайловна* (1806—1888) — жена А. А. Дельвига 166, 427
Депану — житель Одессы 161
Депрерадович Николай Иванович (1767—1843) — ген.-ад., командир I-го резервного кавалерийского корпуса 364, 366, 367
Державин Гавриил Романович (1743—1816) 144
Дибич-Забалканский Иван Иванович (Иоганн Карл Фридрих Антон) (1785—1831) — граф, фельдмаршал, начальник Генерального штаба 102, 106, 125, 138, 144, 154, 156, 177, 179, 317, 318, 328, 332, 334—336, 344, 351, 352, 409, 416, 426, 450, 452
Дивов Василий Абрамович (ок. 1806—1842) — мичман Гвардейского экипажа, декабрист, член Северного общества 311, 449
Диккенс Чарльз (1812—1870) 203
Дмитриев Михаил Александрович (1796—1866) — поэт, критик, 153
Дмитриев-Мамонов Александр Ипполитович (1847—?) — историк, публицист 174, 199
Добровольский Лаврентий Львович — секретарь цензурного комитета

Добровский (Дубровский) Иосеф (1753—1829) — чешск. просветитель, славист, почетный член Российской академии 144, 423

Довнар-Запольский Мигрофан Викторович (1863—1934) — историк 315
Долгоруков (Долгорукий) Алексей Алексеевич (1767—1834) — князь, в 1827—1829 гг. министр юстиции, член Государственного совета 185, 186, 191, 196, 197, 341, 372,

Долгоруков Василий Андреевич (1804—1868) — князь, полковник л.-гв. Конного полка, впоследствии военный министр и начальник III Отделения и шеф жандармов 121, 419

Долгоруков Яков Федорович (1639—1720) — князь, сенатор, дипломат, сподвижник Петра I 404

Долгорукова (урожд. графиня Апраксина) Мария Александровна (1816—1892) — княгиня, кавалерственная дама ордена св. Екатерины 2-й степени 390

Дорохова Мария Александровна (1811—1887) — двукордная сестра декабристов Ф. Ф. Вадковского и З. Г. Чернышева, впоследствии начальница Иркутского девичьего института и Нижегородского института благородных девиц 117, 118, 419

Достоевский Федор Михайлович (1821—1881) 204

Дубровин Николай Федорович (1837—1904) — военный историк, академик 231

Дунаев, таганрогский градоначальник 158

Дурасов Андрей Зиновьевич (1755—1837) — генерал-майор, председатель военно-судной комиссии по делу В. Ф. Раевского в Замостье 102, 105
Дурасов Егор (в тексте ошибочно — Николай) Александрович (ум. 1855) — сенатор 369

Дурасов Сергей Александрович (?—?) — с 1820 г. генерал-майор и командир 2-й бригады 25-й пехотной дивизии 102, 416

Дурново Николай Николаевич (1876—?) — историк 301, 303

Дюамель Александр Осипович (1801—1880) — генерал от инфантерии, в 1861—1866 гг. генерал-губернатор Западной Сибири, сенатор 115

Евдокимов Е. — издатель 339

Езерский (Озерский) Александр Дмитриевич (?—?) — с 1858 г. томский губернатор 115, 419

Екатерина II Алексеевна (София Фредерика Августа, принцесса Ангальт-Цербтская) (1729—1796) 42—44, 47, 48, 62, 99, 361, 401, 402, 408
Елагина 355

Елизавета Алексеевна (Луиза Августа Мария, принцесса Баденская) (1779—1826) — императрица, жена Александра I 247

Емельянов (псевд. Емельянов-Коханский) Александр Николаевич (1871—?) — поэт-символист 204, 433

Ентальцев Андрей Васильевич (1788—1845) — подполковник, декабрист, член Южного общества 193, 199, 422

Ентальцева (урожд. Лисовская) Александра Васильевна (1790—1858) — жена А. В. Ентальцева 171, 193, 199, 200

Ермолов Алексей Петрович (1777—1861) — генерал, в 1816—1827 гг. главноуправляющий в Грузии, командующий Отдельным Кавказским корпусом 124—128, 139, 140, 142—144, 147, 155—158, 163, 420, 422, 425

Ершова Евдокия Семеновна — жена генерал-майора И. З. Ершова, посещавшая Царскосельский лицей летом 1814 г. 306, 307, 448

Ефремов Петр Александрович (1830—1907) — библиограф, публицист 200, 209, 215, 217, 262, 263, 283, 299, 340, 341, 368, 369, 414, 442, 455

Жадовский Анастасий Евстафьевич (1803—1871) — в 1835—1838 гг. петербургский вице-губернатор 219

Жадовский Иван Евстафьевич (ум. не ранее 1863) — полковник Гренадерского полка, с 1819 г. в отставке, член общества «Зеленая лампа» 216, 218, 219, 224

Жандр Андрей Андреевич (1789—1873) — драматург, близкий друг А. С. Грибоедова 155, 423

Жанна д'Арк (ок. 1412—1431) 295

Желтухин Сергей Федорович (1779—1833) — генерал-лейтенант, командир 17-й пехотной дивизии, отличался особой жестокостью 68

Жуков Иван Петрович — штаб-ротмистр Белорусского гусарского полка, декабрист, член Южного общества 314, 449

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) 71, 80, 90, 99, 100, 231, 257, 310, 311, 318—320, 333, 376, 377, 386, 396, 413, 428, 437, 448, 450, 451, 454, 458, 460

Жуковский Михаил Петрович — капитан, адъютант А. Н. Потапова 146, 147

Заблочкий-Десятовский Андрей Парфенович (1807—1881) — историк 81, 82, 86

Завалишин Дмитрий Принарович (1804—1892) — лейтенант 8-го флотского экипажа, декабрист, член Северного общества 139, 140, 146—150, 421—424, 452

Завалишин Ипполит Принарович (1809—1869) — брат Д. И. Завалишина, провокатор 140, 326, 452

Зайцев Варфоломей Александрович (1842—1882) — критик и публицист, участник революционного движения 60-х гг. XIX в. 240

Закревский Арсений Андреевич (1783—1865) — дежурный генерал Главного штаба, впоследствии министр внутренних дел и московский генерал-губернатор 81, 86, 323

Замотин Иван Иванович (1873—?) — историк литературы 99

Занадворов Фавст Петрович («Занадворин») — губернский секретарь, отставной горный отводчик 119

Занд Карл Людвиг (1795—1820) — нем. студент, казненный за убийство тайного агента русского правительства писателя А. Коцебу 95

Зеленецкий Константин Петрович (1812—1858) — историк литературы, проф. Ришельевского лицея 263, 265, 273, 277, 278, 280, 440, 443

Земфира — цыганка 237, 238, 438

Зилотти — см. *Стамо М. А.*

Знаменский Степан Яковлевич (1806—1877) — протоиерей Воскресенского собора в Омске 174

Зубков Василий Петрович (1799—1862) — привлекался по делу декабристов, впоследствии сенатор 212, 214

Иванов — обер-аудитор 9-го класса 346, 363

Иванов Илья Иванович (1800—1838) — провинциальный чиновник 10-го класса, член Общества соединенных славян и его секретарь 313

Ивановский Андрей Андреевич (1791—1848) — чиновник Следственного комитета по делу декабристов, литератор 125, 133, 138, 154, 155, 317, 424

Ивашев Василий Петрович (1794—1840) — ротмистр Кавалергардского полка, декабрист, член Южного общества 171

Ивашева (урожд. Ле-Дантю) *Камилла Петровна* (1808—1839) — жена В. П. Ивашева 171, 172, 174, 199, 200, 428

Измайлов Николай Васильевич (1893—1981) — советский литературовед 168, 457

Изяслав Мстиславич (г. рожд. неизв. — ум. 1154) — с 1146 г. вел. князь киевский, внук Владимира Мономаха 97

Илличевский Алексей Демьянович (1798—1837) — лицейский товарищ А. С. Пушкина, служил в министерствах финансов и государственных имуществ 285, 291, 292, 448

Излов Иван Никитич (1768—1845) — генерал от инфантерии, в 1820—1823 гг. временно исполняющий обязанности наместника Бессарабии, одновременно, с 1818 по 1828 гг., главный попечитель и председатель Комитета о колонистах южного края России 86, 92, 231, 232, 234, 236, 245, 246, 251, 252, 259, 437, 439

Иоанн (ум. 1417) — с 1389 г. архиепископ новгородский и псковский, противник Московского государства 301—304

Иринеи (Нестерович Иван Гаврилович) (1783—1864) — архимандрит, ректор Кишиневской духовной семинарии, в 1830 г. архиепископ иркутский 85, 414

Каверин Петр Павлович (1794—1855) — офицер л.-гв. Гусарского полка, член Союза благоденствия, с 1819 г. в отставке 210, 218, 219

Казначеев Александр Иванович (1783—1880) — правитель канцелярии М. С. Воронцова, впоследствии градоначальник в Феодосии и таврический губернатор и градоначальник в Одессе 245, 248, 249, 251, 253, 439, 441

Калиостро Алессандро Бальзамо (1743—1795) — итал. авантюрист, осужденный в Риме на пожизненное заключение как франкмасон 79

Каллаш Владимир Владимирович (1866—1918) — историк литературы 41, 42, 45

Кальм Федор Григорьевич (1788—1839) — генерал-майор, член Союза благоденствия 146, 422

Кантемир — неустановленное лицо 305, 448

Капнист Семен Васильевич (1791—1843) — привлекался по делу декабристов 224, 422

Каподистрия Иоанн (Иван Антонович) (1776—1832) — граф, в 1816—1822 гг. возглавлял (совм. с К. В. Нессельроде) Коллегию иностранных дел, в 1822 г. покинул Россию, с 1827 г. первый президент освобожденной Греции 246, 439

Карамзин Владимир Николаевич (1819—1869) — сын Н. М. Карамзина, юрист, служил в Министерстве юстиции и Сенате, с 1861 г. мировой посредник, сенатор 118

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — писатель, историк 118, 217, 320, 333, 451

Карсеевский Александр Иванович — директор духовного учебного правления при св. Синоде 164, 426

Картамышев Вонифатий Иванович — одесский купец 161

Кассий Лонгин Гай (ум. 42 до н. э.) — военный и политический деятель Древнего Рима 84

Катакази Константин Антонович (1775—?) — в 1818—1826 гг. бессарабский гражданский губернатор 241

Катенин Павел Александрович (1792—1853) — прапорщик, поэт, критик, переводчик, член Союза спасения 224

Катле — одесский купец 160

Каховский Петр Григорьевич (1797—1826) — декабрист, член Северного общества 89, 276, 327, 330, 435

Каченовский (в тексте Коченовский) *Михаил Трофимович* (1775—1842) — историк, проф. Московского ун-та 400, 401, 462

Кашкин Сергей Николаевич (1799—1868) — привлекался по делу декабристов 216

Кирога (Кирога; Quiroga) (1784—1841) — полковник, вождь испанской революции 1820 г., с 1823 г. в эмиграции 80

Кеневич Владислав Феофилактович (1831—1879) — историк 41, 42

Керн (урожд. Полторацкая; во втором браке Маркова-Виноградская) *Анна Петровна* (1800—1879) — знакомая А. С. Пушкина и его семьи 166, 262, 263, 427, 443

Киприда, миф. 277, 283, 293, 305, 447

Киселев Павел Дмитриевич (1788—1872) — граф, с 1819 г. начальник штаба 2-й армии, впоследствии министр государственных имуществ и посол в Париже 78, 81, 82, 84, 86, 234, 244, 245, 247, 264, 274, 394

Киселева Софья Станиславовна (1801—1875) — жена П. Д. Киселева 265

Ключевский Василий Осипович (1841—1911) — историк, академик 301
Княжевич Александр Максимович (1792—1872) — писатель, переводчик 153

Княжевич Владислав Максимович (1798—1873) — писатель, журнал-лист 153, 274, 444

Княжевич Дмитрий Максимович (1788—1844) — писатель, историк 153, 274

Княжевич Николай Максимович — журналист 153

Княжнин Яков Борисович (1742 [1740?] — 1791) — поэт и драматург 58.
99

Кобеко Дмитрий Фомич (1837—1918) — историк 61

Ковалевский А. М. — военный историк 341

Козлов Иван Иванович (1779—1840) — поэт 153

Кокорев Василий Александрович (1817—1889) — откупщик 119

Кокошкин Сергей Александрович (1785—1861) — генерал-майор, петербургский полицмейстер, сенатор 394

Колесников — новочеркасский казак 159

Комаров Николай Иванович (?—1853) — подполковник Главного штаба 2-й армии в Тульчине, декабрист, член Союза благоденствия 73, 413

Кондилляк (Condillac) Этьенн Бонно де (1715—1780) — франц. философ-просветитель 236

Коновницына Анна Ивановна (1769—1843) — мать Е. П. Нарышкиной 176, 177, 430

Коноплев — чиновник 14-го класса, агент III Отделения 325, 329, 331, 332, 334, 339, 343, 354, 362, 367, 368, 372, 453

Константин Павлович (1779—1831) — вел. князь, сын Павла I 61, 105, 416

Корнилович Александр Осипович (1800—1884) — штабс-капитан Гвардейского генерального штаба, декабрист, член Северного общества 136, 137

Корреджо (наст. фам.— Аллегри) *Антонио* (ок. 1489—1534) 304

Корсаков Михаил Семенович (1826—1871) — генерал-майор, забайкальский военный губернатор 113, 116, 418

Корф Модест Андреевич (1800—1876) — граф, историк 340, 396, 461

Корф Федор Христианович — капитан л.-гв. конно-егерского полка 346

Косичкин Феофилакт — псевдоним А. С. Пушкина

Костомаров Николай Иванович (1817—1885) — историк, писатель 302

Костюшко Тадеуш (1746—1817) — польск. политический и военный деятель 404, 462

Котов — чиновник департамента внешней торговли 159

Коцебу Август (1761—1819) — нем. писатель, тайный агент русского правительства 159

Кочубей Виктор Павлович (1768—1834) — князь в 1802—1807 и 1819—1823 гг. министр внутренних дел, с 1827 г. председатель Государственного совета и Комитета министров 372, 373, 380, 382, 456

Кранц Фердинанд Фердинандович (ум. 1885) — сенатор 121

Кривцов Николай Иванович (1791—1843) — брат декабриста С. И. Кривцова, петербургский знакомый А. С. Пушкина 295

- Кронек Адам Адамович фон* — прапорщик л.-гв. конно-егерского полка 346
- Крылов Иван Андреевич* (1769—1844) 41, 42, 57—59, 147, 327, 407, 452
- Крюденер* (Крюднер) *Амалия Максимилиановна* (1808—1881) — дочь баварского посланника в Петербурге, знакомая А. С. Пушкина 390
- Крюков А. Е.* — предводитель дворянства Нижегородской губернии 118
- Кубасов Иван Андреевич* (1875—1937) — историк литературы 323
- Кульман Николай Карлович* (1871—?) — историк масонства 231, 232, 235, 437
- Кульский* — чиновник канцелярии кавказского наместника 161
- Купидон, Амур, Эрот*, миф. 292, 295, 306, 404, 446
- Куракин Алексей Борисович* (1759—1829) — князь, член Государственного совета, генерал-губернатор Малороссии 372
- Кутузова* (Голенищева-Кутузова Смоленская) *Екатерина Ильинична* (1754—1824) — светл. княгиня, статс-дама, жена М. И. Кутузова 161
- Кюхельбекер Вильгельм Карлович* (1797—1846) — поэт, издатель, декабрист, член Северного общества 131—133, 135, 427
- Лабзин Александр Федорович* (1766—1852) — писатель-мистик, вице-президент Петербургской академии художеств 215
- Лавинский Александр Степанович* (1776—1844) — в 1822—1833 гг. генерал-губернатор Вост. Сибири 179, 180, 183—185, 188, 189, 191, 195
- Ламот* (Lamoignon) *Антуан Годар* (1672—1731) — франц. поэт 296
- Ланжерон Александр Федорович* (1763—1831) — генерал-от-инфантерии, с 1822 г. новороссийский генерал-губернатор, член Верховного уголовного суда по делу декабристов 104
- Ларин Илья Иванович* — отставной унтер-цейхвахтер 91
- Ларош Герман Августович* (1845—1904) — музыкальный критик и педагог 219, 436
- Ла-Ферронаэ* (La Ferronnays) *Пьер Луи Август* (1777—1842) — граф, в 1817—1828 гг. франц. посол в Петербурге 175
- Левашев Василий Васильевич* (1783—1848) — граф, ген.-ад., член Следственной комиссии по делу декабристов 102, 105, 124, 131, 138, 140, 147, 148, 150, 213, 315, 317, 421
- Ле-Дантю* — мать К. П. Ивашевой 171, 430
- Леила*, миф. 282
- Лейбниц Готфрид Вильгельм* (1646—1716) — нем. философ-идеалист, математик, физик 58
- Лемке Михаил Константинович* (1878—1923) — историк 78, 221, 340
- Ленуар Жан Шарль Пьер* (1732—1807) — в 1774—1785 гг. генеральный лейтенант полиции Франции 43
- Леонтьев Михаил Николаевич* — чиновник канцелярии новороссийского генерал-губернатора 160, 162
- Леопольдов Андрей Филиппович* (1800—1875) — писатель, саратовский губернский чиновник 325, 326, 329, 331, 334, 337, 342, 343, 348, 349, 351—355, 358, 361—373, 451, 453
- Лепарский Станислав Романович* (1759—1838) — комендант Нерчинских рудников и Читинского острога 173, 192—195
- Лернер Николай Осипович* (1877—1934) — литературовед 248, 250, 260, 273, 288, 289, 299, 439, 443
- Липранди Иван Петрович* (1790—1880) — чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел, агент тайной полиции 61, 78, 79, 82, 86, 88—90, 92—94, 96, 97, 121, 122, 241, 242, 414, 437
- Липранди Павел Петрович* (1796—1864) — майор, адъютант генерала

И. В. Сабанеева, впоследствии генерал от инфантерии 83, 118—121, 414, 418

Лисовский Николай Федорович (1799—1844) — поручик Пензенского пехотного полка, декабрист, член Общества соединенных славян 313, 314
Лобанов Михаил Евстафьевич (1787—1846) — писатель, драматург, член Российской академии 402, 462

Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович (1758—1838) — князь, генерал от инфантерии, в 1817—1827 гг. министр юстиции 372

Лонгинов Михаил Николаевич (1823—1875) — историк литературы 218

Лонгинов Никанор Михайлович (ум. не ранее 1839) — начальник I отделения канцелярии М. С. Воронцова, впоследствии таврический вице-губернатор и гражданский губернатор Екатеринославской губернии 247, 248, 439

Лонгинов Николай Михайлович (1775—1853) — статский советник по учреждениям императрицы Марии, член Государственного совета, сенатор 394, 439

Лоредо — петербургский кондитер 147

Лохвицкий — таганрогский пристав 162

Лукулл Люций Лициний (ок. 110—56 до н. э.) — древнеримский полководец 400, 404, 462

Любимов Роман Васильевич — полковник, командир Тарутинского полка, член Союза благоденствия, был арестован, а затем уволен из армии с установлением полицейского надзора 146, 148

Лященко Аркадий Исакович (1871—1931) — историк литературы 45

Мазон (Мазон) Андре (1881—1967) — франц. филолог-славист, с. 1928 г. иностранный член-корреспондент АН СССР 398

Майков Вал. В. 339

Майков Леонид Николаевич (1839—1900) — историк литературы, академик 45, 61, 67, 93, 340

Майкова Александра Алексеевна — жена Л. Н. Майкова 281

Макарий (1481/1482—1563) — с 1542 г. московский митрополит, писатель 302

Максимов Сергей Васильевич (1831—1901) — историк и писатель 61, 108

Малаксианов — заседатель таганрогского присутствия 162

Мальборо (Мальбрук) Джон Черчилль (1650—1722) — герцог, англ. полководец и государственный деятель 91

Мальтебрюн Конрад (1775—1826) — франц. географ, публицист 91, 414

Мандрыкин Алексей — казак 159

Мансуров Павел Александрович (1756—1834) — сенатор 369

Мансуров Павел Борисович (1795—1880) — офицер, друг А. С. Пушкина 211, 218, 436

Мария Федоровна (София Доротея Августа Луиза, принцесса Вюртемберг-Штутгартская) (1759—1828) — императрица, жена Павла I 125, 420

Мартос Иван Романович (1760—1831) — писатель, масон 78

Маргинов Павел Петрович (1782—1838) — генерал-адъютант Николая I 394

Марфа Борецкая (Посадница) — глава боярской новгородской группировки, выступавшей против вхождения Новгорода в состав Московского государства в XV в. 97, 98

Марченко Василий Романович (1782—1841) — государственный секретарь, мемуарист 372

Массон Шарль (Карл) (1762—1807) — мемуарист 42—45, 57, 408

Мацевич Лев Степанович (1843—1915) — историк и библиограф 241, 438

- Мергенс Василий* (в тексте Виллим) *Федорович* (1762—1839) — сенатор 369
- Миклашевский Александр Михайлович* (1796—1831) — подполковник, привлечен по делу декабристов 224, 227, 230
- Милорадович Михаил Андреевич* (1771—1825) — граф, петербургский генерал-губернатор 118
- Мирабо Гоноре Габриель Рикетти* (1749—1791) — граф, деятель Великой Французской революции 359, 415
- Митьков Михаил Фотиевич* (1791—1849) — полковник л.-гв. Финляндского полка, декабрист, член Северного общества 225, 315
- Михаил Павлович* (1798—1849) — вел. князь, сын Павла I, командующий гвардейским корпусом, начальник военно-учебных заведений 102, 105, 106, 120, 138, 309, 317, 337, 344, 345, 350—352, 355, 364, 365, 367, 379—381, 384, 416
- Мицкевич Адам* (1798—1855) 378, 404, 462
- Модзалевский Борис Львович* (1874—1928) — литературовед, один из основателей Пушкинского Дома 209, 212, 218, 219, 222, 248, 250, 273, 289, 313, 318, 321, 322, 374, 375, 405, 427, 436
- Модзалевский Лев Борисович* (1902—1948) — историк литературы 273, 442
- Мозалевский Александр Евтихевич* (1803—1851) — прапорщик Черниговского полка 344
- Мокульский Стефан Стефанович* (1896—1960) — театровед, литературовед, критик 300
- Молчанов Дмитрий Александрович* (1801—?) — юнкер л.-гв. Семёновского полка 329
- Молчанов Дмитрий Васильевич* (ум. 1857) — чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири, муж Е. С. Волконской 119
- Молчанов Лев Александрович* (?—?) — прапорщик л.-гв. конно-пионерного батальона, затем прапорщик Нижегородского драгунского полка 328, 329, 334, 335, 343—345, 347—355, 361—364, 366, 367, 370
- Мольер* (наст. фамилия — Поклен) *Жан Батист* (1622—1673) 287
- Монтескье Шарль Луи, барон де Ла Бред де Секонда* (1689—1755) — франц. просветитель 65, 411
- Мордвинов Николай Семенович* (1754—1845) — граф, сенатор, член Верховного уголовного суда по делу декабристов 68, 323, 369, 371, 412
- Морозов Петр Осипович* (1854—1920) — историк русской литературы, член-корреспондент Академии Наук 209, 269, 278, 281, 288, 413, 454
- Моцарт Вольфганг Амадей* (1756—1791) 219, 436
- Мошинский Петр Игнатъевич* — граф, Волынский губернский маршал, член Польского тайного общества 146
- Муравьев Александр Николаевич* (1792—1863) — отставной полковник, декабрист, член Союза благоденствия, впоследствии нижегородский губернатор 86, 116—118, 414
- Муравьев Артамон Захарович* (1794—1846) — полковник, декабрист, член Южного общества 124, 127—129, 136, 137, 141, 142, 154, 314, 425
- Муравьев Михаил Никитич* (1757—1807) — писатель, сенатор, отец декабристов 99
- Муравьев Никита Михайлович* (1796—1843) — капитан Гвардейского генерального штаба, один из руководителей Северного общества, автор Конституции 74, 118, 154, 157, 176, 193, 419
- Муравьев Николай Назарович* (1775—1845) — археолог, статс-секретарь Николая I 369
- Муравьева* (урожд. Чернышева) *Александра Григорьевна* (1804—1832) — жена Никиты М. Муравьева 118, 176, 193, 199, 428

Муравьева (урожд. Горяинова) *Вера Алексеевна* (1790—1867) — жена А. З. Муравьева 137, 142, 154, 423

Муравьева Екатерина Федоровна (1771—1848) — мать декабристов Александра и Никиты Муравьевых 118, 419

Муравьева (урожд. Шаховская) *Прасковья Михайловна* (1790—1835) — жена Александра Николаевича Муравьева 117

Муравьев-Амурский Николай Николаевич (1809—1881) — граф, в 1847—1861 гг. генерал-губернатор Восточной Сибири 108

Муравьев-Апостол Матвей Иванович (1793—1886) — отставной подполковник, декабрист, член Южного общества 75, 118, 128, 133, 135, 136, 315, 419, 425, 429

Муравьев-Апостол Сергей Иванович (1796—1826) — подполковник Черниговского полка, декабрист, член Союза спасения, Союза благоденствия и Северного общества, руководитель восстания Черниговского полка 75, 77, 89, 118, 124, 128, 129, 133, 135, 136, 142, 276, 314, 315, 327, 330, 413, 425

Муэн Ромэн (Mouin Romain) — член ложи Астреи 233, 234

Мякотин Венедикт Александрович (1867—1937) — историк 61, 95

Наполеон I Бонапарт (1769—1821) 95

Нарышкин Дмитрий Львович (1758—1838) — обер-егермейстер двора, петербургский знакомый А. С. Пушкина 389

Нарышкин Кирилл Александрович (1786—1838) — обер-гофмаршал, дядя В. А. Соллогуба 390, 459

Нарышкин Михаил Михайлович (1798—1863) — полковник Тарутинского пехотного полка, декабрист, член Северного общества 176, 199, 422

Нарышкина (урожд. Коновницына) *Елизавета Петровна* (1801—1867) — жена М. М. Нарышкина 171, 174, 176, 199, 200, 428, 430

Нарышкина (урожд. княжна Святополк-Мирская) *Мария Антоновна* (1779—1854) — жена Д. Л. Нарышкина, фаворитка Александра I 304, 389

Наталья — крепостная актриса домашнего театра графа В. В. Толстого, предмет юношеского увлечения А. С. Пушкина 291—294, 305, 306, 446

Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877) 169, 179—181, 428—430

Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1752—1829) — поэт 312

Непенин Андрей Григорьевич (1787—1845) — полковник, командир 16-й пехотной дивизии, член Союза благоденствия, один из членов Кишиневской управы 79, 413

Нессельроде Карл Васильевич (1780—1862) — граф, вице-канцлер, член Государственного совета, министр иностранных дел при Николае I 245—248, 250, 252, 254—260, 321, 331, 380, 393, 395, 440

Никитенко Александр Васильевич (1804—1877) — критик и журналист, цензор петербургского цензурного комитета 63, 382, 456

Никитин Андрей Афанасьевич (1790—1859) — писатель, один из основателей Вольного общества любителей российской словесности 153

Николай I (1796—1855) — 71, 73, 79, 106, 110, 120, 124, 138, 140—142, 144, 150, 152, 154—156, 158, 163, 164, 172, 174—179, 182—184, 186—191, 193, 195, 197—199, 211, 215, 223, 225, 226, 228, 308—310, 313, 316—318, 320—322, 326, 327, 330—337, 339, 343, 345, 346, 352, 364, 365, 368, 369, 374—377, 379—397, 400, 412, 413, 416, 420, 422, 425, 426, 430, 448, 449, 451—458, 460

Новосильский Павел Михайлович (ум. 1862) — член Главного правления училищ и управляющий хозяйственным управлением при св. Синоде, писатель, цензор 405

Оболенский Евгений Петрович (1796—1865) — князь, поручик л.-гв. Финляндского полка, декабрист, член Союза благоденствия и Северного общества 124, 131—133, 135, 136, 138, 140, 141, 148—150, 152—154, 157, 216, 220—222, 224, 225, 312, 420—422, 425

- Оболенский Петр Николаевич* — отец декабриста 141, 423
Овидий Публий Назон (43 до н. э.—17 н. э.) — римский поэт 91
Овсянко-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853—1920) — историк литературы 154
Огарев Илья Иванович (1780—1854) — с 1839 г. пермский губернатор 116
Огарев Константин Ильич (1819—1877) — генерал-лейтенант, в 1854—1861 гг. пермский военный губернатор 116
Одоевский Александр Иванович (1802—1839) — князь, корнет л.-гв. Конного полка, декабрист, член Северного общества 101, 125, 131, 132, 139, 152, 154, 155, 170, 416, 423, 425, 429, 430
Ознобишин Дмитрий Петрович (1804—1877) — поэт, издатель 274, 444
Оксман Юлиан Григорьевич (1894—1970) — советский литературовед 343, 427, 449
Олег (ум. 912) — князь киевский 97
Оленин Алексей Николаевич (1763—1843) — историк, археолог, художник, член Государственного совета 188, 314, 369—372
Опперман Карл Иванович (1765—1831) — граф, инженер-генерал, управляющий морским строительным департаментом и артиллерийским училищем 372
Орлов Александр Анфимович (1790—1840) — писатель и поэт 402, 462
Орлов Алексей Федорович (1786—1861) — граф, ген.-ад., с. 1844 г. шеф жандармов и начальник III Отделения 345, 351
Орлов Михаил Федорович (1788—1842) — генерал-майор, с 1820 г. начальник 16-й пехотной дивизии, член Союза благоденствия и глава Кишиневского отделения Союза 64, 78, 80—84, 86, 89, 96, 102, 120, 213, 250, 313, 440
Орлова (урожд. Раевская) *Екатерина Николаевна* (1797—1885) — жена М. Ф. Орлова 250, 440
Осипова (урожд. Вындомская; по первому браку Вульф, по второму Осипова) *Прасковья Александровна* (1781—1859) — помещица с. Тригорское, соседка А. С. Пушкина 166
Отреьев Григорий (Лжедмитрий I; уб. 1606) 401, 462
Охотников Константин Алексеевич (1789—1824) — в 1820—1822 гг. капитан 32-го егерского полка и старший адъютант командира 16-й дивизии, член Союза благоденствия 78, 83, 85, 89, 96, 413
- Павел I* (1754—1801) 42, 48, 99, 175, 408, 420, 452, 457
Павлицев Лев Николаевич (1834—1915) — сын Н. И. и О. С. Павлицевых, племянник А. С. Пушкина 328
Павлицев Николай Иванович (1802—1879) — историк, литератор, муж сестры А. С. Пушкина 328, 346
Павлицев Павел Иванович (1795—1863) — в 1817—1820 гг. штабс-капитан л.-гв. конно-егерского полка, с 1833 г. командир Каргопольского драгунского полка 328, 346
Павлицева Ольга Сергеевна (1797—1868) — сестра А. С. Пушкина, жена Н. И. Павлицева 268, 328, 346, 443, 452
Павлов-Сильванский Николай Павлович (1869—1908) — историк, проф. Петербургского ун-та 45, 213
Падалка Василий Кириллович (?—?) — енисейский гражданский губернатор 114
Пален Матвей Иванович (1779—1863) — граф, генерал-лейтенант, начальник 2-й конно-егерской дивизии, впоследствии прибалтийский генерал-губернатор, член Государственного совета 363
Палцын Авраамий (? — ум. 1626) — келарь Троице-Сергиева монастыря, писатель 298

- Палкин* — владелец гостиницы 121
- Панина* (урожд. Пушкина) *Софья Федоровна* (1806—1862) — дальняя родственница А. С. Пушкина 166, 427
- Панов Максим Максимович* — в 1853 г. нижегородский вице-губернатор 117, 118
- Панчулидзеv Алексей Давыдович* (ум. 1832) — в 1808—1826 гг. саратовский гражданский губернатор 349, 453
- Панчулидзеv Сергей Алексеевич* — писатель, историк 217
- Паскевич Иван Федорович* (1782—1856) — светл. князь, генерал-фельдмаршал, с 1827 г. главнокомандующий на Кавказе 149, 155, 309, 419, 424, 425
- Паскевич Михаил* — штаб-ротмистр гусарского принца Оранского полка (Белорусского полка), после следствия переведен в Иркутский гусарский полк 314
- Паулуччи Филипп Осипович* (1779—1849) — ген.-ад., маркиз, в 1807 г. перешел на русскую службу, ливляндский и курляндский генерал-губернатор, в 1829 г. вернулся в Пьемонт 255, 259, 260, 317, 321, 331
- Пашков Вукул Артемьевич* — одесский купец 161
- Пашкова* (урожд. Баранова) *Мария Трофимовна* (1807—1887) — фрейлина, жена М. В. Пашкова, командующего эскадроном л.-гв. Гусарского полка 390
- Первошиков Дмитрий Матвеевич* (1788—1880) — математик и астроном, проф. Московского ун-та, член Московского цензурного комитета 153, 421
- Перовский Лев Алексеевич* (1792—1856) — в 1841—1851 гг. министр внутренних дел 79
- Пестель Павел Иванович* (1793—1826) — полковник, член Военного общества Союза спасения и Союза благоденствия, член и директор Южного общества, автор «Русской Правды» 73, 74, 78, 86, 89, 130, 136, 137, 212, 213, 276, 314, 327, 330, 413, 435, 436
- Петр I* (1672—1725) 97, 381, 382, 388, 401, 415, 462
- Петр III* (Петр-Ульрих) (1728—1762) 380, 455
- Петров Андрей Николаевич* — историк, литературовед 325
- Пиксанов Николай Кириакович* (1878—1969) — литературовед 154, 423, 428
- Пиндемонте Ипполито* (1753—1828) — итал. поэт и драматург 400, 404, 462
- Пирожков* — бурятский тайша 121
- Пирожков* — сын бурятского тайши 121
- Пирон Алексис* (1689—1773) — франц. поэт и драматург 299, 300
- Плетнев Петр Александрович* (1792—1865) — критик, поэт, издатель, один из близких друзей А. С. Пушкина 153, 167, 168, 310, 318, 319, 428, 448, 450
- Плутарх* (ок. 45 — ок. 127) — древнегреческий писатель и историк 169, 170
- Победоносцев Константин Петрович* (1827—1907) — в 1880—1905 гг. обер-прокурор св. Синода 207
- Поджио Александр Викторович* (1798—1873) — отставной полковник, декабрист, член Южного общества 315, 318
- Полежаев Александр Иванович* (1804—1838) — поэт 326, 452
- Политковский Василий Гаврилович* (?—?) — в 1856—1857 гг. председатель казенной палаты в Красноярске 114
- Политковский Владимир Гаврилович* (1807—1867) — генерал-лейтенант, приятель А. С. Пушкина и В. Ф. Раевского 114, 121, 122, 419
- Пономарев* — иркутский откупщик 108

Попов Иоасаф Александрович (1818—1875) — муж сестры В. Ф. Раевского 62, 410

Попов Михаил Максимович (1801—1871) — учитель русской словесности Пензенской гимназии, впоследствии чиновник штаба корпуса жандармов и III Отделения 340

Попова (урожд. Раевского) *Вера Федосеевна* (1807—1891) — жена И. А. Попова 61, 62, 69, 107, 108, 410, 411, 416, 418

Поталов Алексей Николаевич (1772—1847) — ген.-ад., член Следственного комитета по делу декабристов 138, 146, 193, 317, 318, 328, 336, 344, 351, 364, 365, 423, 426, 450

Прадт де Доминик Дюфур (1759—1837) — аббат, франц. дипломат, писатель 312

Преве де Люмиан Август (Prévôt de Lumian A.) — член ложи Астрей 233, 234

Привалов А. А. — сотрудник Государственного архива 207

Протасов Александр — одесский купец 159

Прядин — чиновник одесского карантинного 161

Пугачев Емельян Иванович (ок. 1742—1775) 383, 385

Пуссен Никола (1594—1665) — франц. живописец 304, 305

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) 60, 61, 66, 67, 78—80, 82, 86—97, 99—101, 119, 166—168, 173, 204, 208—211, 215, 217—221, 223, 231, 232, 235—242, 244—321, 325—343, 348, 349, 351—353, 355—360, 362, 365, 367—389, 391—399, 401—407, 413—415, 419, 421, 427, 429, 431, 436—463

Пушкин Алексей Михайлович (1771—1825) — писатель, переводчик, дальний родственник А. С. Пушкина 328

Пушкин Василий Львович (1766—1830) — дядя А. С. Пушкина, с 1797 г. отставной л.-гв. поручик, член литературного общества «Арзамас» 255, 286, 445

Пушкин Лев Сергеевич (1805—1852) — брат А. С. Пушкина 166, 218, 241, 427, 428, 450

Пушкин Сергей Львович (1770—1848) — отец А. С. Пушкина 256

Пушкина Анна Львовна (1769—1824) — тетка А. С. Пушкина 403, 463

Пушкина (урожд. Ганнибал) *Надежда Осиповна* (1775—1836) — мать А. С. Пушкина 256

Пушкина (урожд. Гончарова; во втором браке — Ланская) *Наталья Николаевна* (1812—1863) — жена А. С. Пушкина 281, 384, 386, 389, 391—393, 395, 396, 398, 457—461

Пушкина С. Ф. — см. *Панина С. Ф.*

Пуцин В. М. 61

Пуцин Иван Иванович (1798—1859) — друг А. С. Пушкина, декабрист, член Союза благоденствия и Северного общества 61, 66, 93, 157, 173, 415, 419, 427

Пуцин Павел Сергеевич (1785—1865) — генерал-майор, член Союза благоденствия, основатель масонской ложи «Овидий» 80, 231, 232, 234, 413

Пфаффиус А. Е. — историк 85, 414

Пыпин Александр Николаевич (1833—1904) — литературовед, академик 40—42, 44, 45, 59, 61

Пыхачев Матвей Иванович (1791—?) — капитан конно-артиллерийской № 5 роты, освобожден от следствия, впоследствии помощник командира Ижевского оружейного завода, с 1836 г. в отставке 313, 314, 318

Радич Я. И. — подполковник, адъютант генерала И. В. Сабанеева 83

Радищев Александр Николаевич (1749—1802) 40—48, 56—59, 295, 375, 378, 401, 402, 406—409, 454, 455, 462

- Радищев Афанасий Александрович* (1796—?) — сын А. Н. Радищева
44, 408
- Радищев Василий Александрович* (1777—?) — сын А. Н. Радищева
44, 408
- Радищев Николай Александрович* (1778—1829) — сын А. Н. Радищева
44, 408
- Радищев Павел Александрович* (1783—1866) — сын А. Н. Радищева
44, 408
- Радищева Анна Александровна* (1782—?) — дочь А. Н. Радищева
44, 408
- Радищева* (урожд. Рубановская) *Анна Васильевна* (?—1783) — первая жена А. Н. Радищева 44, 408
- Радищева* (урожд. Рубановская) *Елизавета Васильевна* (1764—1797) — свояченица А. Н. Радищева, его вторая жена 44, 408
- Радищева Екатерина Александровна* (1782—?) — дочь А. Н. Радищева
44, 408
- Радищева Фекла Александровна* (1795—?) — дочь А. Н. Радищева
44, 408
- Радулов Григорий Степанович* — чиновник при кавказском наместничестве 160—162
- Раевская* (урожд. Фенина) *Александра Андреевна* — мать декабриста В. Ф. Раевского 62
- Раевская* (в замужестве — Бернатович) *Александра Владимировна* (1830—?) — дочь В. Ф. Раевского 63, 67, 103, 110, 112, 113, 117, 410—412, 417, 418
- Раевская Александра Федосеевна* (1798 — до 1855) — сестра В. Ф. Раевского 62, 63, 107, 410, 418
- Раевская В. Ф.* — см. *Попова В. Ф.*
- Раевская Вера Владимировна* (1834—1904) — дочь В. Ф. Раевского
110, 113, 417
- Раевская* (урожд. Середкина) *Евдокия* (Авдотья) (1811—1875) — жена В. Ф. Раевского 107, 109, 110, 113, 416, 417
- Раевская Е. Н.* см. *Орлова Е. Н.*
- Раевская* (в замужестве — Алисова) *Наталья Федосеевна* (1796—1826) — сестра В. Ф. Раевского 62, 63, 410, 418
- Раевская* (в замужестве — Дьяченко) *Софья Владимировна* (1851 ?— до 1902) — дочь В. Ф. Раевского 108, 110, 113, 417
- Раевские* — семья генерала Н. Н. Раевского 355
- Раевский Александр Владимирович* (1840—?) — сын В. Ф. Раевского
110, 113, 418
- Раевский Александр Николаевич* (1795—1868) — сын генерала Н. Н. Раевского, полковник 146, 244, 273, 438—440, 444
- Раевский Александр Федосеевич* (до 1794—1819) — брат В. Ф. Раевского 62, 63, 410, 411
- Раевский Андрей Федосеевич* (1794—1822) — старший брат В. Ф. Раевского 62, 63, 410, 411
- Раевский Вадим Владимирович* (1848—1882) — сын В. Ф. Раевского
107, 110, 113, 410, 416, 418
- Раевский Валерьян Владимирович* (1846—1902) — сын В. Ф. Раевского
110, 113, 418
- Раевский Владимир Вадимович* — внук В. Ф. Раевского 62, 411, 418
- Раевский Владимир Федосеевич* (1795—1872) 60—69, 71, 77—80, 82—122, 406, 409—419, 435
- Раевский Григорий Федосеевич* (1803—1831 ?) — брат В. Ф. Раевского
62, 104, 410, 411, 416

- Раевский Константин Владимирович* (1829—1830) — сын В. Ф. Раевского 110, 418
- Раевский Михаил Владимирович* (1844—1882) — сын В. Ф. Раевского 107, 110, 113, 417, 418
- Раевский Николай Николаевич* (1771—1829) — генерал от кавалерии, герой Отечественной войны 1812 г. 78, 119, 187, 188, 245, 262, 355, 431, 438
- Раевский Николай Николаевич* (1801—1843) — сын Н. Н. Раевского, полковник Сумского гусарского полка, в 1826—1829 гг. командир Нижегородского драгунского полка 146, 453
- Раевский Петр Федосеевич* (1801—1831) — брат В. Ф. Раевского 62, 410, 411
- Раевский Феодосий (Федосей) Михайлович* (? — до 1827) — отставной майор, отец В. Ф. Раевского 62, 63, 65, 104, 107, 410
- Раевский Юлий Владимирович* (1836—?) — сын В. Ф. Раевского 110, 113—121, 418
- Раич* (наст. фамилия — Амфитеатров) *Семен Егорович* (1792—1855) — поэт, переводчик, издатель 274, 444
- Ралли* (урожд. Полторацкая) *Анна Павловна* — двоюродная сестра М. А. Бакунина, жена И. З. Ралли 239
- Ралли Георгий Захарович* (1797—1835) — сын З. Э. Ралли 242
- Ралли Захар* (Замфир) *Эммануилович* (1767—1831) — «Земфираки», бессарабский помещик, член областного Верховного суда 237, 242, 437
- Ралли* (Арборе) *Замфир* (Земфирий) *Константинович* (1848—1933) — русский революционер, молдавский писатель 236, 239, 240, 242, 243, 438
- Ралли Иван Захарович* (1799—1858) — муж А. П. Полторацкой-Бакуниной 239, 242
- Ралли Константин Захарович* (1811—1856) — отец З. К. Ралли-Арборе 236—240, 242, 437
- Ралли* (в замужестве — Метлеркампф) *Мария* (Мариола) *Захарьевна* (Замфировна), (1801/1802—1830) — дочь З. Э. Ралли 242
- Ралли Михаил Захарович* (1807—1861) — сын З. Э. Ралли 242
- Ралли Федор Захарович* — сын З. Э. Ралли 242
- Ралли Е. З.* — см. *Стамо Е. З.*
- Рафаэль Санти* (1483—1520) 304
- Рахманинов Иван Герасимович* (ум. 1807) — издатель 41, 42, 57, 407—409
- Ренне Егор Карлович* — барон, полковник л.-гв. конно-егерского полка, затем генерал-майор, в 1833—1840 гг. командир полка 346
- Ренненкампф Антон Александрович* — поручик л.-гв. конно-егерского полка, в 1845 г. командир Уланского принца Александра Гессенского полка 353
- Ризнич Александр* (Стефан) *Иванович* (1824—1825) — сын И. и А. Ризнич 264, 265, 443
- Ризнич* (урожд. Рипп) *Амалия* (1803—1825) — жена И. С. Ризнича, одесская знакомая А. С. Пушкина 261—269, 272—284, 442, 443
- Ризнич Иван Степанович* (1792 — не ранее 1853) — негодичант, один из директоров Одесского театра и коммерческого банка 264—266, 273, 274, 277, 278, 443, 444
- Ризнич* (урожд. графиня Ржевуская) *Паулина Адамовна* — жена И. С. Ризнича, сестра К. Собаньской и Эвелины Ганьской 277
- Рипп* — венский банкир 264
- Риттер Шарль* (Ritter Ch.) — член ложи Астреи 233, 234
- Робеспьер Максимилиан Мари Изидор* (1758—1794) — деятель Великой Французской революции 327, 360

Родзянко Аркадий Гаврилович (1793—1850) — поэт, член общества «Зеленая лампа» 212, 214, 218

Розен Андрей Евгеньевич (1800—1884) — поручик л.-гв. Финляндского полка, декабрист, член Северного общества 173, 199, 430

Розен (урожд. Малиновская) *Анна Васильевна* (1797—1883) — жена А. Е. Розена 171, 174, 177, 199, 200

Романовы 381

Рославлев Александр Петрович (ум. 1855) — корнет гусарского принца Оранского (Белорусского) полка, освобожден от следствия, с 1850 г. полковник Новомиргородского уланского полка 314

Ростопчина (урожд. Сушкова) *Евдокия Петровна* (1811—1859) — графиня, писательница 390

Рот Логгин Осипович (1780—1851) — генерал от инфантерии, с 1829 г. командир 6-го пехотного корпуса 68, 412

Рубенс Питер Пауэл (1577—1640) 304

Рукавишников — сибирский откупщик 119

Руперт Вильгельм Яковлевич (1787—1849) — в 1837—1847 гг. генерал-губернатор Восточной Сибири 114

Русанов Алексей Гаврилович (1879—?) — сын Г. А. Русанова 202, 433

Русанов Андрей Гаврилович (1874—1949) — сын Г. А. Русанова 202, 433

Русанов Борис Гаврилович (1876—?) — сын Г. А. Русанова 202, 433

Русанов Гавриил Андреевич (1846—1907) — близкий знакомый Л. Н. Толстого, корреспондент и адресат писателя 201, 202, 431

Русанов Николай Гаврилович (1877—1929) — сын Г. А. Русанова 201, 202

Русанова Антонина Алексеевна (1855—1905) — жена Г. А. Русанова 201, 202, 431

Русановы — семья Г. А. и А. А. Русановых 201, 202, 431, 433

Руссо Жан Жак (1712—1778) 65, 162, 236, 240, 359, 411

Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826) — поэт, декабрист, один из руководителей Северного общества 89, 96, 99, 101, 124, 126, 127, 131, 132, 134, 136—139, 148, 150, 152, 154, 157, 158, 167, 168, 207, 276, 281, 312, 315, 320, 325, 327, 329, 330, 339, 343, 345, 347, 353, 362, 366, 370, 415, 420, 422, 424, 425, 427, 428, 435, 444, 449, 453

Рылеев Никита Иванович (конец 40-х гг. XVIII в.—1808) — в 1784—1793 гг. петербургский полицмейстер и губернатор 43

Рылеева Анна Федоровна (ум. 1853) — побочная сестра К. Ф. Рылеева 168, 428

Рылеева (урожд. Тявешева) *Наталья Михайловна* (1800—1853) — жена К. Ф. Рылеева 166—168, 176, 339, 343, 353, 362, 427, 428, 453

Рюрик (уб. 879) — полупоэтический предводитель варяжской дружины 99

Рязановский Федор Александрович — историк 303

Сабанеев Иван Васильевич (ок. 1772—1829) — генерал от инфантерии, командир 6-го пехотного корпуса 2-й армии 83, 84, 86, 92—94, 102, 120, 414

Сад де Донатъен Альфонс Франсуа (1740—1814) — маркиз, франц. писатель 298

Садиков Петр Александрович (1890—1942) — историк 301

Саитов Владимир Иванович (1849—1938) — историк литературы 288, 415

Сакулин Павел Никитич (1868—1930) — историк литературы, проф. Московского ун-та, академик 375, 454

- Салтыков Николай Иванович* (1736—1816) — князь, генерал-фельдмаршал, президент Военной коллегии 42, 408
- Салтыков Сергей Николаевич* — участник студенческой забастовки 1899 г., в 1907 г. депутат II Государственной думы, социал-демократ, редактор журнала «Русский экономист» 204, 434
- Санси Шарль*, жених К. П. Ивашевой-Ле-Дантю 172.
- Сапожников Дмитрий Иванович* (1857—1900) — историк, литературовед 276
- Саргин Антуан де* (1729—1801) — граф, в 1759—1774 гг. генеральный лейтенант полиции Франции 43
- Северин Дмитрий Петрович* (1792—1865) — чиновник коллегии иностранных дел, дипломат 255, 256
- Семевский Василий Иванович* (1848—1916) — историк 60, 77, 231—233, 235, 312, 437
- Семевский Михаил Иванович* (1837—1892) — историк и публицист, основатель и издатель журнала «Русская старина» 217, 262, 286, 287, 334
- Семенов Степан Михайлович* (1789—1852) — декабрист, член Союза благоденствия 216, 220, 222, 224, 225, 227—229
- Сенявин Николай Дмитриевич* (179?—1833) — капитан Финляндского полка, привлекался по делу декабристов 146
- Середонин Сергей Михайлович* (1860—1914) — историк, проф. С.-Петербургского ун-та 187
- Сеян Луций Эмий* (ум. 31 н. э.) — временщик при римск. имп. Тибериусе, префект претории 251, 441
- Сиверс Александр Александрович* (1866—1954) — историк 245, 264, 274, 313, 436
- Сиповский Василий Васильевич* (1872—1930) — литературовед 209
- Сипягин Николай Мартемьянович* (1785—1828) — ген.-ад., начальник штаба гвардии, писатель 62
- Скина Иван* — фанариот, греческий эмигрант 241
- Скина* (урожд. княжна Суццо) *Севастица* (1763—1836) — молд. княгиня, жена И. Скины 241
- Скобелев Иван Никитич* (1778—1849) — генерал, с 1839 г. комендант Петропавловской крепости 323—325, 329—332, 334, 339, 341, 343
- Слатвинский Петр Иванович* (1783—1846) — в 1826—1832 гг. командир л.-гв. конно-егерского полка, с 1835 г. в отставке в чине генерал-лейтенанта 363—366
- Слезкинский Александр Григорьевич* (1857—1909) — историк и журналист 340, 341, 344, 453
- Смирдин Александр Филиппович* (1795—1857) — петербургский книгопродавец и книгоиздатель 382, 383
- Смирнов Дмитрий Александрович* (1819—1866) — дальний родственник А. С. Грибоедова 142, 144, 146—150, 424
- Смирнова* (урожд. Россет) *Александра Осиповна* (1809—1882) — фрейлина, мемуаристка 320, 390, 450, 451
- Собаньская* (урожд. графиня Ржевуская) *Каролина Адамовна*, (ок. 1794—1885) — знакомая А. С. Пушкина 277
- Собаньский Александр* (Исидор) — член Одесской городской думы, знакомый А. С. Пушкина 265, 268, 276—279
- Соколовская Тира Оттовна* — историк масонства 231, 437
- Соллогуб Владимир Александрович* (1813—1882) — граф, писатель, мемуарист 392, 393, 395, 459
- Соловьев Веньямин Николаевич* (1798—1871) — барон, штабс-капитан Черниговского полка, декабрист, член Общества соединенных славян 344

Сомов Орест Михайлович (1783—1833) — поэт, журналист 154, 168, 428

Софья Алексеевна (1657—1704) — в 1682—1689 гг. правительница России 400

Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839) — граф, государственный деятель 68, 115, 372, 412, 419

Спиридов Михаил Матвеевич (1796—1854) — майор Пензенского пехотного полка, декабрист, член Общества соединенных славян 313, 314

Срезневский Всеволод Измайлович (1867—1934) — историк литературы 281

Сречкович П. С. — проф. Великой школы в Белграде 264, 274, 443

Стамо Апостол Константинович (1770 — не позднее 1831; по др. данным: 1755—1830) — советник областного бессарабского гражданского суда 236, 241, 242, 437

Стамо (урожд. Ралли) *Екатерина Захарьевна* (Замфировна) (1798—1869) — жена А. К. Стамо, тетка З. К. Ралли-Арборе 236—242

Стамо (в замужестве Зилотти) *Мария Апостоловна* — двоюродная сестра З. К. Ралли-Арборе 240, 242

Станевич Евстафий Иванович (1775—1835) — писатель, поэт 342, 343

Стремоухов Александр Васильевич — штабс-капитан л.-гв. конноегерского полка, с 1837 г. командир Елизаветградского гусарского полка 346

Строганов Григорий Александрович (1770—1857) — граф член Государственного совета, двоюродный брат матери Н. Н. Пушкиной 372

Стройниковы 186, 189

Стурдза Александр Скарлатович (1791—1854) — сын бывшего правителя Молдавии, чиновник Министерства иностранных дел, публицист 288, 446

Суворин Александр Сергеевич (1834—1912) — журналист, издатель газеты «Новое время» и журнала «Исторический вестник» 207, 299, 340, 368, 369, 434

Суворова-Рымникская (урожд. Ярцова) *Любовь Васильевна* (1811—1867) — фрейлина императрицы Александры Федоровны 382, 390, 456

Сукин Александр Яковлевич (1764—1837) — генерал, комендант Петропавловской крепости, член Государственного совета 372

Сухачев Василий Иванович (1798—?) — арестован по подозрению в связях с членами тайного общества 137, 158—162, 422

Сухачев Иван — новомосковский купец 159

Сухачев Матвей Иванович — брат В. И. Сухачева 159

Сухачева Ирина — мать В. И. Сухачева 159

Сухинов Иван Иванович (1795—1828) — поручик Александрийского гусарского полка, декабрист, член Общества соединенных славян 77, 344

Сухозанетт Иван Онуфриевич (1788—1861) — генерал, начальник гвардейского артиллерийского корпуса, член Военного совета 380

Сухонин Сергей Сергеевич — писатель и переводчик 331, 341

Талья, Талия, миф. 292, 293, 305, 446

Татищев Александр Иванович (1762—1833) — генерал от инфантерии, в 1824—1827 гг. военный министр, член Следственной комиссии по делу декабристов 138, 142, 144, 146, 163, 164, 191, 193, 195, 317, 422, 425, 426

Таушев Николай Степанович (1800—?) — подпоручик 31-го егерского полка, член Союза благоденствия, уволен от службы 79, 85, 97, 413

Телль Вильгельм, герой швейц. народной легенды, возглавивший борьбу против Габсбургов в XIII в. 47

Тиберий (в тексте Тиверий) *Клавдий Нерон* (42 до н. э.— 37 н. э.) — в 14—37 н. э. римский император, первый из династии Юлиев-Клавдиев 251, 441

- Тимашев Александр Егорович* (1818—1893) — ген.-ад., в 1856—1860 гг. управляющий III Отделением 121
- Тихонравов Николай Саввич* (1832—1893) — литературовед, академик 303
- Тициан* (Тициано Вечеллио) (ок. 1476/1477 — или 1489—1576) 304, 305
- Токарев Александр Андреевич* (ум. 1821) — член Союза благоденствия, орловский губернский прокурор 216, 218—220, 224
- Толстая* (урожд. Берс) *Софья Андреевна* (1844—1919) — жена Л. Н. Толстого 206, 207, 435
- Толстой Варфоломей Васильевич* (ум. 1838) — граф, владелец крепостного театра в Царском Селе 291, 292, 446
- Толстой Лев Николаевич* (1828—1910) 201—207, 406, 431—436
- Толстой Петр Александрович* (1761—1844) — генерал от инфантерии, управляющий Главным штабом, член Государственного совета и Комитета министров 364, 372, 373
- Толстой Федор Андреевич* (1753—1849) — граф, сенатор 369
- Толстой Яков Николаевич* (1791—1867) — член Союза благоденствия, впоследствии агент III Отделения за границей 209, 210, 212, 214—220, 223—230, 436
- Томашевский Борис Викторович* (1890—1957) — советский литературовед 295, 300
- Торсон Константин Петрович* (ок. 1790—1851) — капитан-лейтенант флота, декабрист, член Северного общества 153
- Троцкий Дмитрий Прокофьевич* (1754—1829) — сенатор, член Государственного совета, министр уделов и юстиции 68
- Трубецкая* (урожд. Лаваль) *Екатерина Ивановна* (1800—1854) — княгиня, жена С. П. Трубецкого 110, 169, 171, 176, 178—180, 199, 200, 423, 429
- Трубецкой Сергей Петрович* (1790—1860) — князь, полковник, декабрист, член Северного общества 110, 119, 124, 126—128, 131, 132, 134, 137—139, 157, 158, 176, 178, 212—214, 216, 218, 219, 225, 420—422, 425
- Туманская Софья Григорьевна* (1805—1890) — двоюродная сестра В. И. Туманского 264, 443
- Туманский Василий Иванович* (1800—1860) — поэт, дипломат, приятель А. С. Пушкина 248, 264, 265, 275, 277, 281, 443, 444
- Тургенев Александр Иванович* (1784—1845) — литератор, общественный деятель, друг А. С. Пушкина 71, 222, 226—230, 251, 255, 256, 259, 271, 288, 289, 412, 413, 441, 444
- Тургенев Иван Сергеевич* (1818—1883) 204, 406, 431
- Тургенев Николай Иванович* (1789—1871) — член Союза благоденствия, в нач. 20-х гг. отошел от активной деятельности и уехал за границу 71, 73, 119, 222, 224—230, 412, 413, 419, 441
- Тургенев Сергей Иванович* (1790—1827) — дипломат 71, 412, 441
- Туркуль Игнатий Лаврентьевич* (1797—1856) — член Государственного совета и Комитета министров, статс-секретарь по делам Царства Польского 394
- Тучков Алексей Иванович* (ум. 1799) — инженер-генерал, сенатор 46, 47, 409
- Тучков Сергей Алексеевич* (1766—1839) — генерал-лейтенант, член «Общества друзей словесных наук» 46—48, 56, 409
- Тютчев Алексей Иванович* (1800—1856) — капитан Пензенского пехотного полка, декабрист, член Общества соединенных славян 313, 314
- Уваров Сергей Семенович* (1786—1855) — граф, президент Академии художеств, в 1833—1849 гг. министр народного просвещения 369

Уголино дела Герардеска, граф Доноратико (ум. 1295) — правитель Пизы, глава гвельфов 93, 414

Уклонский — фельдъегер, сопровождавший А. С. Грибоедова 142, 144, 145, 420

Улыбышев Александр Дмитриевич (1794—1858) — крупный чиновник, музыкальный критик 212, 214, 218, 219, 436

Урусов Александр Иванович (1843—1900) — князь юрист, участвовал в процессе С. Г. Нечаева 286

Фаленберг Петр Иванович (1791—1873) — подполковник квартирмейстерской части, декабрист, член Южного общества 72, 73

Федоров Павел Иванович (1791—1855) — с 1834 г. бессарабский гражданский губернатор, в 1836—1854 гг. военный 239

Филипп — слуга в доме И. С. Ризнича 265, 443

Фок Максим Яковлевич фон (1777—1831) — управляющий канцелярией III Отделения 152

Фонвизин Денис Иванович (1744—1792) 313

Фонвизин Михаил Александрович (1788—1854) — генерал-майор, декабрист, член Северного общества 173, 174, 199, 220, 221, 312, 436

Фонвизина (урожд. Апухтина; во втором браке Пущина) *Наталья Дмитриевна* (1805—1869) — жена М. А. Фонвизина 173, 174, 184, 199, 200

Францева Мария Дмитриевна (ок. 1835 — ок. 1917) — мемуаристка 174, 241, 438

Фрейганг Карл Матвеевич — чиновник III Отделения 323

Фусс Павел Николаевич (1798—1855) — непрременный секретарь Академии наук, проф. математики 285, 291

Халанский Михаил Георгиевич (1857—?) — проф. русского языка и словесности Харьковского ун-та 264, 443

Хариты, миф. 295, 447

Харон, миф. 306, 448

Хатчинсон Уильям (1793—1850) — домашний врач М. С. Воронцова 256, 441

Хеостов Дмитрий Иванович (1756—1835) — граф, поэт 298

Херасков Михаил Матвеевич (1733—1807) — писатель, поэт, драматург 99, 408

Хин М. М. — историк 174

Хованский Иван Андреевич (ум. 1682) — князь, боярин, руководитель Стрелецкого приказа 401

Хованский Николай Федорович (1855—1912) — краевед и историк 342

Ховен Христофор Христофорович (1794/1795—1890) — барон, генерал от инфантерии, служил геодезистом в Бессарабии, сенатор 120

Цезарь Гейстербахский (ок. 1180 — ок. 1240) — монах, автор сочинения «Беседы о чудесах» 304

Цейдлер Иван Богданович (1777—1853) — в 1821—1835 гг. иркутский гражданский губернатор 179, 180, 184, 191, 197, 430

Цитера — см. *Венера*

Цявловский Мстислав Александрович (1883—1947) — советский литературовед 299, 435, 437—440, 442, 451

Чаадаев Петр Яковлевич (1794—1856) — философ, был близок к Союзу благоденствия, друг А. С. Пушкина 96, 415

Чайковский Модест Ильич (1850—1918) — брат П. И. Чайковского, либретист 219, 436

Чернышев Александр Иванович (1785—1857) — светл. князь, член Следственной комиссии по делу декабристов, в 1832—1852 гг. военный министр, в 1848—1856 гг. председатель Государственного совета 138, 191, 192, 194, 195, 317, 372, 394

Чеславский Н. Г. — член Общества любителей российской словесности 153

Чечулин Николай Дмитриевич (1863—1927) — историк 289, 290

Чичерин Борис Николаевич (1826—1904) — юрист, историк, общественный деятель, дядя советского дипломата Г. В. Чичерина 206

Чичерин Петр Александрович (1778—1848) — ген.-ад., начальник дивизии 364, 366

Шакловитый (Щегловитов) Федор Леонтьевич (?—1689) — с 1682 г. глава Стрелецкого приказа, фаворит царевны Софьи 401

Шаликов Петр Иванович (1767/1768—1852) — князь, поэт 298

Шаплен (Chapelain) Жан (1595—1674) — франц. поэт 296, 297, 447

Шаплет Самойло Самойлович (ум. 1834) — инженер-подполковник, переводчик 153

Шатобриан Франсуа Рене де (1768—1848) — франц. писатель 160

Шаховские — см. Гольнская М. М.

Шаховской Александр Александрович (1777—1846) — князь, драматург, поэт 304

Шаховской Федор Петрович (1796—1829) — князь, отставной майор Семеновского полка, декабрист 146

Шварц Григорий Ефимович (?—?) — полковник, командир л.-гв. Семеновского полка, впоследствии генерал-лейтенант, отличался жестоким обращением с солдатами 68, 412

Шварц Дмитрий Максимович (1797—1839) — чиновник канцелярии М. С. Воронцова 274, 444

Шекспир Уильям (1564—1616) 256, 257

Шенрок Владимир Иванович (1857—1910) — историк литературы 174, 430

Шенье Андре (1762—1794) — франц. поэт, публицист 325—327, 329, 331, 338—340, 342, 343, 359, 360, 367, 368, 453

Шешковский Степан Иванович (1727—1793) — начальник тайной экспедиции 40, 47

Шилов Алексей Алексеевич (1886—1942) — историк, библиограф 317

Шильдер Николай Карлович (1843—1902) — историк 76, 156, 175, 182, 215, 317, 320—322, 426, 430, 452

Шиман Теодор (Schiemann Th.) — нем. историк 73, 330

Шимановский Николай Викторович (1800—1875) — адъютант А. П. Ермолова 143

Шихматов (Ширинский-Шихматов) Сергей Александрович (1783—1837) — князь, драматург 298

Шкляревич Егор — профессор Рижельевского лицея 161

Шляпкин Илья Александрович (1858—1918) — историк литературы, проф. Петербургского ун-та 147, 152, 261, 263, 341, 442

Штейнгель Владимир Иванович (1783—1862) — барон, отставной полковник, декабрист, член Северного общества 221, 312, 449

Шубинский Сергей Николаевич (1834—1913) — журналист, историк, редактор журналов «Древняя и новая Россия» и «Исторического вестника» 166, 411, 427

Шульгин Дмитрий Иванович (1784—1854) — генерал-майор, в 1820—1830 гг. московский обер-полицмейстер, впоследствии петербургский военный генерал-губернатор, генерал от инфантерии 348, 349, 355—358, 453

- Щегловитов* — см. *Шакловитый Ф. Л.*
- Щеголев П. Е.* 63, 65, 85, 99, 113, 120, 138, 166, 182, 189, 194, 196, 198, 203, 207, 239, 250, 261, 262, 269, 270, 275, 278, 286, 308, 312, 314, 315, 328, 333, 336, 337, 339, 343, 344, 356, 367, 369. 372, 387, 389, 390, 398, 406—411, 413, 414, 418—420, 422, 424—431, 433—437, 442, 445, 448, 449, 453, 454, 457, 459, 460, 461
- Щербинин Михаил Андреевич* (1798—1841) — в 1820 г. штабс-капитан л.-гв. Московского полка 211, 218
- Щукин Петр Иванович* (1857—1912) — коллекционер 61
- Энгель Федор Иванович* (1776—1837) — сенатор, член Государственного совета 372
- Энгельгардт Василий Васильевич* (1785—1837) — друг юности А. С. Пушкина 210, 218
- Энгельке Карл Федорович* — с 1845 г. тобольский гражданский губернатор 193, 431
- Эпиктет* (рабская кличка, буквально — «прикупленный»; ок. 50 — ок. 138 н. э.) греч. философ — стоик 220
- Эри* (в тексте ошибочно — Эрл) — *Николай Касперович* (?—?) — председатель Енисейского губернского суда 114, 419
- Эссен Петр Кириллович* (1772—1844) — граф, генерал от инфантерии, петербургский военный генерал-губернатор, член Государственного совета 394
- Эфрос Абрам Маркович* (1888—1954) — искусствовед, литературный критик, театровед, 305, 415
- Юдин Михаил Львович* — историк 342
- Юмин Иван Матвеевич* (?—?) — майор 35-го егерского полка, член Союза благоденствия 79, 413, 423
- Юрьев Федор Филиппович* (1796—1860) — адъютант легкой кавалерийской дивизии л.-гв. Уланского полка, член общества «Зеленая лампа» 211, 218
- Юсупова* (урожд. Нарышкина) *Зинаида Михайловна* (1809—1893) — княгиня 390
- Юшневская* (урожд. Круликовская) *Мария Казимировна* (1790—1863) — жена А. П. Юшневского 171, 174, 199, 200, 430
- Юшневский Алексей Петрович* (1786—1844) — генерал-интендант 2-й армии, декабрист, член Южного общества 199
- Яблоновский* — одесский знакомый А. С. Пушкина 265
- Ядринцев Николай Михайлович* (1842—1894) — публицист, путешественник 174
- Языков Михаил Александрович* (1799—1874) — помещик Симбирской губ. 405
- Языков Николай Михайлович* (1803—1846) — поэт 153
- Яковлев Владимир Алексеевич* (1840—1896) — проф. русского языка и словесности Новороссийского ун-та 263
- Яковлев Михаил Лукьянович* (1798—1868) — лицейский товарищ А. С. Пушкина, директор II Отделения е. и. в. типографии 285
- Якубович Александр Иванович* (1792—1845) — декабрист, но организационно не входил, принял непосредственное участие в событиях 14 декабря 1825 г. 156—158, 218
- Якушкин Вячеслав Евгеньевич* (1856—1912) — историк, публицист, литературовед, внук декабриста И. Д. Якушкина 95, 99, 273, 288
- Якушкин Евгений Иванович* (1826—1905) — сын И. Д. и А. В. Якушкиных, публицист 178, 200
- Якушкин Иван Дмитриевич* (1793—1857) — отставной капитан, де-

кабрист, член Северного общества 61, 66, 72, 73, 79, 83, 84, 177, 178, 412
Якушкина (урожд. Шереметева) *Анастасия Васильевна* (1807—1846) —
жена И. Д. Якушкина 177, 178
Ясвижский (?) 312
Chapelain G. — см. *Шаплен Ж.*
Hodenius G. — см. *Годениус Ж.*
Georges — см. *Николай I* (?)
Lamotte-Haudart A. — см. *Ламот А.*
Marat — см. *Марат Ж.-П.*
Mouin R. — см. *Муэн Р.*
Prévôt de Lutain A. — см. *Преве де Люмиан А.*
Ritter Ch. — см. *Риттер Ш.*
Sand K. — см. *Занд К.*
Schiemann Th. — см. *Шиман Т.*
Sersey — неустановленное лицо 390

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Н. Емельянов, П. Е. Щеголев — историк и литературовед	5
--	---

I

Из истории журнальной деятельности А. Н. Радищева (1789 г.)	40
Владимир Раевский (Первый декабрист)	60
Возвращение декабриста, В. Ф. Раевский в 1858 году	113
А. С. Грибоедов и декабристы. (По архивным материалам)	123
Пушкин и Н. М. Рыльева. (Письмо бар<она> А. А. Дельвига к А. С. Пушкину)	166
О «Русских женщинах» Некрасова. В связи с вопросом о юридических правах жен декабристов	169
Встречи с Толстым	201

II

«Зеленая лампа»	208
К истории пушкинской масонской ложи	231
Из семейных воспоминаний о кишиневской жизни Пушкина	236
А. С. Пушкин и гр<аф> М. С. Воронцов	244
Амалия Ризнич в поэзии А. С. Пушкина	261
Поэма «Монах»	285
Император Николай I и Пушкин в 1826 году	308
А. С. Пушкин в политическом процессе 1826—1828 гг. (Из архивных разысканий)	338
Николай I в дневнике Пушкина. (Из комментариев к дневнику Пушкина)	374
Последнее свидание в 1836 году (Новое о дуэли)	389
И. А. Гончаров — цензор Пушкина	398
Комментарии (сост. Ю. Н. Емельянов)	406
Указатель имен (сост. Ю. Н. Емельянов)	464

Павел Елисеевич Щеголев
ПЕРВЕНЦЫ РУССКОЙ СВОБОДЫ

Редактор А. Литовченко
Художник С. Соколов
Художественный редактор А. Никулин
Технический редактор В. Соколова
Корректоры Т. Воротникова, Г. Селецкая

ИБ № 4730.

Сдано в набор 07.08.86. Подписано к печати 24.04.87.
А07574. Формат 60×84/16. Гарнитура школьн. Печать вы-
сокая. Бумага кн. журн. № 2. Усл. печ. л. 28,83. Усл.
нр.-отт. 28,83. Уч.-изд. л. 31,67. Тираж 30 000 экз.
Заказ 1300. Цена 2 р. 20 к.

Издательство «Современник» Государственного комитета
РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли и Союза писателей РСФСР. 123007, Москва,
Хорошевское шоссе, 62

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома Государст-
венного комитета РСФСР по делам издательств, полигра-
фии и книжной торговли, 144003, г. Электросталь Москов-
ской области, ул. им. Тевосяна, 25